

Исхак Машбаш

Собрание сочинений в шестнадцати томах

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТНАДЦАТИ ТОМАХ

ООО «Полиграф-Юг»
Майкоп
2015

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТНАДЦАТИ ТОМАХ
ТОМ III

ООО «Полиграф-Юг»
Майкоп
2015

УДК
ББК
М 00

Машбаш И. Ш.

М 00 Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том
третий. Рэдэд. Исторический роман. – Майкоп: ООО
«Полиграф-Юг», 2015. – 640 с.

В собрание сочинений вошли стихотворения,
поэмы, романы, публицистика Исхака Машбаша,
народного писателя Адыгеи, Кабардино-Балкарии,
Карачаево-Черкесии, лауреата Государственных пре-
мий СССР, России, Адыгеи, Российской литературной
премии А. М. Шолохова.

РЭДЭД

Исторический роман

Перевод с адыгейского Евг. Картова

ISBN 000-0-0000

© ООО «Полиграф-Юг», 2015

Черкес благородно представляет на Кавказе последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы Средних веков. Храбрость, ум, замечательная красота: природа им дала все, и чем я в особенности восхищался в их характере – это холодное благородное достоинство, которое никогда не опровергалось и которое у них сочеталось с чувствами наиболее рыцарскими и с горячей любовью национальной свободы.

Оммар де Гель

ПРОЛОГ

История человечества неповторима и многослойна, как и судьба каждого народа, живущего на этой земле...

Много лет минуло с того времени. В Казахстане проходили Дни советской литературы. Остались позади многочисленные встречи, и вот мы, писатели, возвратились в Алма-Ату для участия в заключительных торжествах. Вечером почетных гостей из пятнадцати республик собрали за праздничным столом, разместив каждого по значимости в союзном государстве и литературе. В их числе у края стола скромно примостился и я, вполне сознавая, что представляю лишь горстку сохранившихся на исторической родине адыгов¹, некогда многочисленного народа.

Руководитель Казахстана Динмухамед Кунаев, он же распорядитель праздничного стола, предоставлял слово каждому из гостей, не забывая о том, какое место он занимает в духовной культуре народов страны. Стол, за которым сидело не меньше сотни человек, ломился от яств. Я молчаливо слушал тосты своих коллег. Никто не обращал на меня внимания. Никого не трогали мои раздумья...

Вечер подходил к концу. Уже произнесли тосты почти все писатели. Предоставили слово последнему. Не мне, а другому... И я подумал: беден тот народ, кто не велик числом.

И вот Кунаев поднимается снова, окидывает взглядом гостей. Наверное, решил я, произнесет заключительное слово. Но то, что он сказал, заставило меня вскинуть голову.

– Я хочу дать слово еще одному из наших гостей, – Кунаев берет записку, которую положили перед ним, мягко улыбаясь, снова оглядывает сидящих за столом. – Правда,

¹ А д ы г и – самоназвание адыгейцев, кабардинцев, черкесов. Издревле их называют черкесами. Касоги, зихи и меоты – их предки.

сам он не просил, товарищи просят за него. Хочу дать слово представителю одного из малых народов великой страны Исхаку Машбашу. Если не ошибаюсь, он из Адыгейской автономной области, что в Краснодарском крае.

– Всех кавказцев прошу встать! – вдруг раздался громкий голос армянского писателя Серо Ханзадяна. Не успел я, что называется, опомниться, как со своих мест встали известные писатели Грузии, Азербайджана и Армении. – Я скажу, почему поднял земляков кавказцев, – пояснил Ханзадян. – Вы сейчас услышите голос героической истории Кавказа. Представитель так называемого малого народа Исхак Машбаш – черкес, сын отнюдь не малого, а некогда великого, одного из самых древних народов мира, потомки которого, благодаря их свободолюбию, мужеству, стойкости, являют лицо Кавказа, они – его вечные рыцари. Поэтому я и попросил своих земляков подняться, отдать дань уважения народу, о котором идет речь.

Верно говорят адыги: из-за одного коня пьют воду и сто других. Не скрою, было очень приятно, что мне, а значит, и моим соотечественникам, оказана такая честь... Уже не помню точно, о чем говорил, произносил тост. Все мысли, как и потом, в дороге, когда возвращался домой, были обращены к давно ушедшему времени, трагической судьбе моего многострадального народа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Раннее утро далекого 999 года...

Гористо-равнинная Северо-Кавказская земля, широко раскинувшаяся между двух морей – Азовским и Каспийским, дремотнообеспечно взирала на мир, словно только проснулась от глубокого вековечного сна. Но был обманчивым этот покой. То и дело его нарушали кровавые войны и схватки между народами и племенами за новые места обитания. Сильные покоряли слабых, захватывали имущество, жен и детей.

Безмятежную тишину горной долины неожиданно встревожил зловеще нарастающий топот конских копыт. Вздыхая серовато-бурую пыль и пожелтевшие осенние листья, многосотенная лавина всадников неслась на кавказские селения.

Рэдэд рывком выломал из плетня увесистый кол и кинулся было со двора, но голос матери Рампэс, выбежавшей из дома, остановил его.

– Сынок, ты куда, что случилось?

Не успел Рэдэд ответить матери, как за воротами раздался громкий голос верхового глашатая:

– Хазары напали на соседние селения! Скорее уходите в горы, в леса!..

– Рэдэд, сын мой, ты куда? – с тревогой вновь прокричала Рампэс княжичу, не по годам крупному, широкоплечему, бежавшему к воротам с колом в руках. – погоди, стой, говорю!

– Разве ты не слышишь, что на нас идут враги? Каждый раз, дрожа от страха, мы убегаем в горы, а они разоряют наши жилища, сжигают поля. Я стану рядом с теми, у кого хватает мужества дать отпор нашествникам!

– Ураган обходят стороной, а не подставляют ему грудь. Разве у твоего отца и его друзей было меньше мужества, чем у тебя? Но и они не смогли противостоять этим жестоким дикарям, – не унималась Рампэс. – Я не пушу тебя к ним. Только горы сейчас могут нас защитить!

– Чего вы ждете? – послышался тревожный голос старика-соседа Колэса. – Бежим скорее!

Рэдэд в сердцах отбросил кол, кинулся в избу. Вскоре он появился, неся на плече полмешка очищенного проса, под мышкой, увесистую ляжку вяленого мяса и круг копченого сыра. На боку у него висел меч, из голенища сапога выглядывала рукоять ножа.

– Дай мне мясо и сыр, Рэдэд! – попросила, догоняя сына, Рампэс, но тот, словно великан, отмерял широкие шаги и делал вид, что не слышит ее. Но вскоре оглянулся, беспокоясь, не отстает ли она.

Лишь когда, поднявшись по взгорью, достигли лесных зарослей, Рэдэд спросил:

– Ты идешь, мать?

– Иду, сынок, иду... Наверное, надо забраться повыше?

– Не стоит, место здесь безопасное, – тяжело дыша, присел на поваленное дерево Колэс. – Вон за той скалой мы прятались прошлой весной. Присаживайтесь, отдохните, сил больше нет бежать. Если наши боги смилостивятся над нами, то бог леса защитит... Слышал я, будто эти хазары разоряют соседние селения. Однако что-то тут не так... – Старик из-за скалы внимательно стал вглядываться вниз. – Чует мое сердце, тут что-то не так. Они почему-то нас миновали, как ошалелые, все время оглядываются, не иначе перепуганы.

– Верно ты говоришь, Колэс, вспомни, с какой наглостью они нагрянули весной, а сейчас и вправду чем-то встревожены, – поддержала соседа Рампэс, в мыслях моля богов, чтобы сохранились и дом, и двор, и скотина. «Если вдруг подожгут – как дальше жить, уже осень, зима не за горами. Разграбят домашний скарб – еще полбеды, а вот без жилища и живности не перезимуешь... Хорошо, что сына подальше от них увела», – подумала успокоенно мать.

– Э-э, я, кажется, понимаю, почему они бегут, – оживился старый Колэс. – Должно быть, то правда, что русичи разгромили хазар у Саркела и Тмутаракани. Помнишь, Рэдэд, что поведал греческий проповедник, заходивший летом к нам в Мазиб? Мы ему не очень верили, однако, он, кажется, не врал...

– Должно быть, не врал, – согласился, помолчав, Рэдэд. – Правду как ни прячь, все равно выплывет – так говорил мой отец.

Довольная тем, что он по-доброму вспоминал отца, Рампэс улыбнулась чуть-чуть, украдкой взглянув на Рэдэда. Тот хотя и заметил ее взгляд, но не подал вида, продолжая начатый разговор:

– Но ведь хазары, почтенный Колэс, как говорят, большой народ. У них многочисленное и сильное войско.

– Что большой – истинно, только у них, как и у нас, нет между собой прочного согласия. Они захватили слишком много земель, теперь не в силах держать в повиновении множество народов и племен, которых обложили данью. Вот и начинаются междоусобицы, от которых одни беды. Может быть, поэтому русичи и смогли одержать над ними победу у Тмутаракани?

– Если русичи захватили Тмутаракань, – встревожилась Рампэс, – что тогда будет с моим младшим братом Канса-

вом, попавшим в плен к хазарам... Доходили слухи, будто он в услужении у тмутараканского князя-повелителя. Кроме меня, у него нет никого... – Рампэс коснулась глаз кончиком платка. Ей стало неловко перед мужчинами за свою слабость, и она отвернула лицо.

– Не надо, мать, не позорь меня перед почтенным Колэсом, – Рэдэду тоже было неловко – ничем он не мог помочь беде, и тоже отвел в сторону взгляд. – Я тебе говорил: если Кансав жив, то непременно верну его домой.

– Когда же это будет?..

– Не стоит, Рампэс, так отчаиваться и падать духом, – успокоил княгиню Колэс. – Можно смело надеяться на такого княжича, как твой Рэдэд. Взгляни – чем не богатырь, хотя и молод, а молодец! Ведь правду говорят: каков отец, таков и сын, а князь Лаурстэн был достойным мужчиной. И не только в нашем селении – во всей округе. Не похвалялся тем, что князь, но и неуважения к себе не терпел. Мы спокойно жили под его присмотром и защитой. Если у нас поискать парня, из которого получится достойный мужчина, то это, уверен, прежде всего Рэдэд. Хотел бы дожить и сам убедиться. Но если и не придется – помните мои слова. Когда я был в его возрасте, отец брал меня с собой в Тмутаракань, в походы на халиджев, саркелов, итылей, семендеров, даже печенегов. Мы напали на них, они – на нас, стычки были кровавыми, случалось, еле ноги уносили, хуже того – попадали даже в плен. А сколько раз, как и сегодня, выгоняли нас из Мазиба! Все это пережил. И выжил. Теперь сию перед вами, как старое трухлявое дерево...

– Ты еще крепкий, Колэс, рано тебе жаловаться, – перебил старика внимательно слушавший Рэдэд.

– Погоди, погоди, не встревай, когда старшие говорят, – строго взглянул на него Колэс. – Понимаю, ты – княжич, но я пожил дольше и повидал побольше, а кто не уважает старших – тот и себя не сможет уважать. Жизнь не так проста, как может показаться с первого взгляда. Тут без опыта старших, без их мудрости можно много дров наломать... Ты что-то хотела сказать, уважаемая Рампэс? Нет? В таком случае я скажу, в чем не права ты по отношению к сыну.

– Прости, почтенный Колэс, что касается моего сына, по отношению к нему, возможно, я во многом не права.

– Да нет, Рампэс, – только в одном случае, только в одном, – хитровато улыбнулся сквозь седые усы старый Колэс. – В остальном – не знаю, в остальном вы с сыном сами разберетесь... Я считаю неправильным, что слишком ты его опекаешь, чуть ли не за ручку водишь, как маленького. Да, да, сестра моя, хоть обижайся, хоть нет, но это так. Если доверишь мне, и сам Рэдэд пожелает, могу оказать помощь. Еще прошлой весной, когда Лаурстэн был жив, мы с ним по этому поводу говорили. Жаль, внезапная гибель его помешала выполнить то, что мы с ним задумали. Не спорю, не такой уж мастак я красиво говорить, но никто в Мазибе не скажет, что моя гостиная пустует, что со мною не интересно и не о чем побеседовать или поспорить. Пусть я не самый лучший охотник, но с пустыми руками домой с гор не возвращаюсь. Хотя я и не известный силач и стар уже, однако не многие могут похвалиться, что меня одолели... Если согласна и доверишь мне, могу научить Рэдэда и метким словам, и тому, как надо охотиться, умению бороться, драться с врагом, как соизмерять способность и силы со своим разумом. Ведь в поединке побеждает чаще не тот, кто сильнее, а более умелый, сметливый, мудрый. Словом, готов воспитывать Рэдэда, как своего внука Чечана.

– Спасибо, Колэс, – почтительно произнесла Рампэс. – И при жизни отца Рэдэда ты был добр и внимателен к нам. Уверена, мой сын будет исправно выполнять твои советы, иного ему не позволю. Согласна, Колэс, воспитывать мужчину – не женское дело. С сегодняшнего дня Рэдэд в твоих добрых и сильных руках. Думаю, сын мой достоин такой чести.

Посветлел лицом старый Колэс, со сдержанной благодарностью улыбнулся женщине. Помолчал, как бы отделившись от уже ушедшего разговора, потом неторопливо заговорил:

– Правду говорят – не бывает худа без добра. Сегодня утром зло погнало нас в горы, а вот сейчас мы договорились о добром деле. И вон хазары пронесли вихрем и где-то скрылись за тучей пыли. А люди наши, слава богам, остались живы-здоровы. Подумал сначала – хазар гонят аланы, потому ничего не сказал вам... Но волей богов никто за ними не последовал. Пойдемте, люди, домой! Идем, Рэдэд,

идем, сын мой, в родные жилища. – Старик простер руки к небу и, обращаясь к сияющему в зените солнцу, громко произнес: – Слава тебе, наш великий бог, наше милостивое Светило! Славим и тебя, наш всеумудрый покровитель леса! Вы защитили нас, уберегли от беды. Поклонитесь, люди, нашему богу, поблагодарите его за милость! – Колэс повернулся, низко поклонился деревьям: – Бог леса тоже защитил нас, оборонил от смертельной опасности.

II

Рампэс вспомнила слова Колэса, сказанные в горах и, глядя на Рэдэда, грустно улыбнулась: вон какой он великан. Телом – угловатый, походкой – даже пол под ним прогибается, глазами – задумчивый и строгий. А для нее он все еще оставался мальчиком, сыночком. Однако после того, что сказал о нем Колэс, мать стала впервые присматриваться к нему по-другому и вместо ребенка увидела мужчину. Может быть, еще и потому увидела, что с той весны одевалась в траурные одежды, ведь женщине, носящей траур по мужу, весь мир видится иным.

Рэдэд сидел на дубовой скамейке около жарко пылавшего очага.

– Сынок, почему ты такой печальный, тебя что-то тревожит? – спустя несколько дней после того, как мимо Мазиба ураганом пронеслась хазарская конница, обеспокоенно поинтересовалась Рампэс. – Что же ты молчишь, сын мой?

– А что ты хочешь от меня услышать? – вопросом на вопрос, не оборачиваясь, ответил Рэдэд, недовольный тем, что его отвлекли от дум. Решив подбросить в огонь дров, он потянулся рукой к поленьям и задел за дымарь. Шапка из волчьего меха слетела с головы. Поднимая ее, он с досадой пробубнил: – Голову себе побрить, что ли, вон Чечан и Даур уже побрили.

– А если холодная зима будет? – возразила Рампэс.

– Разве не видишь, мать, что шапка стала мне мала, чуть заденешь – слетает с головы.

– Если она тебе мала, дай ее сюда, не каждый день удается добыть лису или волка, чтобы сшить новую шапку. Я ее переделаю, раз уж сам ты не можешь.

– Ну, коли ты можешь, возьми, переделай, – он бросил матери шапку.

– Сколько раз тебе говорила – нельзя так играть с шапкой, – вспыхнула было Рампэс, но тут же, поостыв, мягко укорила сына: – Не забывай, из какого ты рода. Я не помню, чтобы твой отец позволял себе подобное, он всегда говорил, что надо дорожить шапкой, ведь голова без шапки – пустая голова.

Услышав про отца, Рэдэд тяжело вздохнул. Он живо вспомнил, как шайка вооруженных хазарских всадников жестоко расправилась с его отцом, как мать бросилась перед убийцами на колени, отдала им двух скакунов, большую часть скотины, серебряный пояс бабушки...

– Верно, мать, я тоже не помню, чтобы отец перед кем-нибудь снимал свою шапку, склонял голову.

– Из-за этого ведь он и погиб, оставил меня вдовой, а тебя – сиротой...

– Мне кажется, ты осуждаешь его за такой поступок? А вот мой сверстники, да и все жители Мазоба считают это мужеством. И вчера вечером Колэс по-доброму вспоминал о нем. Защищать собственную голову или отстаивать свою честь – не одно и то же. И не всегда надо падать перед врагом на колени.

Последние слова больно кольнули Рампэс. Глядя на широкую спину сына и поглаживая ладонью шапку, доставшуюся Рэдэду от отца, она с обидой проговорила:

– Если ты имеешь в виду, что я опустилась на колени перед хазарским князем, то большой вины моей в этом нет. Даже зверь при опасности заслоняет своего детеныша. Жизнь наша так устроена, что мать – самое важное в ней. С того самого дня, как человек, вдохнув первый глоток воздуха и впервые подав голос, становится под защиту матери, ей одной доверяясь всем существом, она – слабая в сравнении с мужчиной – становится его главным защитником и больше всех на свете отвечает за его благополучие и, значит, за благополучие всей жизни на земле.

Княгиня отвернулась к окну, чтобы сын не видел, как ее глаза затуманились слезой, и, глядя на горы, небо над ними, долго молчала.

Рэдэд повернулся к очагу, кочережкой взбодрил огонь.

– Если бы ты был уже не княжичем, а князем, мужчиной, полным силы и мудрости, как князь Лаурстэн, я

обязательно поступила бы иначе, но ведь ты еще совсем юный, и на мне лежит материнский ответ за тебя, каким бы ни был этот ответ, чего бы он ни стоил мне!

Они долго молчали, мать смотрела на тихое голубое небо, на по-детски наивные и чистые облака, а он – на бушующее пламя.

– Все, мать, с сегодняшнего дня больше не считай меня недоросшим.

– Почему именно – с сегодняшнего дня? – спросила Рампэс, улыбнувшись. – Хотя и Колэс за это не раз упрекал, но для меня ты всегда останешься ребенком... Хочу сделать тебе замечание: когда с кем-либо разговариваешь, особенно со старшим, не сиди к нему спиной. Собеседнику следует смотреть в глаза: по ним всегда узнаешь, какое у него настроение. Часто человек глазами больше говорит, чем словами. Повернись ко мне и посмотри, как я для твоей головы растягиваю отцовскую шапку. На колене это сделать нетрудно. Отцовская шапка, сын мой, – больше чем просто шапка. Ведь она хранит в себе запахи пороха и крови, и пыль, и пот, и доброту, и мудрость, и тепло его сердца.

Замечание матери смутило Рэдэда, он повернулся, опустив большие руки на колени, мягко улыбнулся:

– Прости, не подумал об этом. А мои слова о преклонении перед врагом не к тебе относятся. Они касаются меня, всех мужчин, словом, тех, на чьих головах шапки.

– Спасибо, сын мой, хотя и не все женщины лишены мужества. Хочу сказать еще: если опускаешься на колени и тем самым сохраняешь себе жизнь, чтобы потом достойно отомстить врагу – это не самый трусливый поступок. Лучше бы, конечно, не испытывать этого, но если другого выхода нет... Смотри, как разминаю твою шапку, надо вот так, на колене.

– А еще можно намочить и надеть на голову...

Рампэс была высокой, сухощавой женщиной, но в ее руках таилась крепкая сила. Рэдэд заметил это еще в детстве, когда она легко подхватывала его, сажала к себе на колени. Сам он пошел в отца, широкого костяка, крупного, сильного мужчину. Порою не мог взять в толк, как могла родить такого крепыша, как он, слабая на вид женщина. Глядя, как быстра в движениях мать, как легко она управ-

ляется с шапкой, он невольно любовался. Иметь бы такую ловкость и быстроту во время состязания с друзьями... Одной грубой силой, пожалуй, не одержишь победу, нужны ловкость и быстрота. Прав мудрый старец Колэс: сила в борьбе не самое главное, здесь еще важны ум, смелость и хитрость. Грубая сила – это мешок, набитый землей. Поднять его нелегко, а повалить – проще простого. Вот и Чечан, подумал Рэдэд, хотя и неширок в плечах, но быстр и ловок, одолеть его не всегда удастся.

Мужчина в тридцать-сорок лет – это человек, уже познавший цену дружбы и измены, крушения своих горячих устремлений, цену побед, горячих волнений и душевного спокойствия, а юноша в неполных двадцать – еще весь в полете, он верит в возвышенность отношений между людьми, в их святую искренность, в неизбежность скорой победы справедливости, и первое столкновение, первое, даже незначительное поражение иногда ему кажется чуть ли не катастрофой. Отец для Рэдэда был и высшим судьей, и воплощением высшей справедливости. Всякие противоречия всегда разрешались, разъяснялись отцом, парню не надо было ломать голову. Торькие неудачи, а то и поражения ложились, конечно, на плечи отца. А теперь... И то, что ему с матерью и Колэсом пришлось, как он сказал, позорно бежать и прятаться от хазар в горах, ему казалось страшной и непоправимой бедой, поэтому и был он в эти дни нелюдимым, как отмечала про себя княгиня, чернее тучи.

– Возьми свою шапку, сынок, теперь она тебе будет в пору, – мать провела ладонью по волчьему меху, протянула шапку сыну. – А мочить ее не следует – и вид потеряет, и сядет после того, как высохнет.

Довольная примирением, княгиня Рампэс ласково взглянула на сына:

– Не пойму, почему мы сидим голодные?

– Не знаю, – улыбнулся Рэдэд. – Разве в кладовке уже ничего не осталось от кабана?

– Есть там и вяленое мясо, и копченое сало, и сыр, да только надоело уже всухомятку. Пойди, забей поросенка, я приготовлю из свинины жаркое.

Рэдэд вышел во двор, вскоре оттуда донесся пронзительный поросчий визг. Выглянув в окно, Рампэс заспешила из избы:

– Когда животное лишаешь жизни, – обратилась она к сыну, – поверни его голову в сторону нашего светила – Солнца – или священного дуба, как делал твой отец!

– Пока наше светило – Солнце – прячется за тучами, я не стану принуждать эту крикливую тварь визжать на всю округу. – Рэдэд поднял меч, одним взмахом снес поросенку голову, остановился, наблюдая, как судорожно задергалось животное, разбрызгивая кровь.

– Разве можно так жестоко поступать с живым существом? – с укором наставляла мать Рэдэда.

– Что – с животным, вон и с людьми поступают не лучше. Разве забыла, как обошлись хазары с моим отцом? – в сердцах ответил Рэдэд. – Пусть эти звери еще раз сунутся к нам, я посажу на кол убийцу отца Аспаруха, заставлю наконец тебя снять траурное платье.

III

На востоке от Черного моря обитали адыги – касоги, меоты, зихи, южнее их – ясо-аланские племена, отделившиеся от скифов и сарматов. На Верхней Волге располагались буртасы и болгары, по нижнему ее течению – халеджи и саркелы, байдо, итыли, ближе к Дагестану – беленджеры и семендеры. На западе, на Таманском полуострове – Тмутаракань, а на севере – мордва, черемисы, вятичи, поляне, северяне, радимичи. Все это жило под неусыпным оком могучего Хазарского каганата.

С древних времен самый короткий путь из Азии и Ближнего Востока по Северному Кавказу в Европу проходил через адыгские земли. Кто следовал по нему и с какой целью – мирные ли торговцы или разбойники, – адыги не слишком интересовались. В то же время они не упускали из виду эту дорогу – бдительно следили за путниками, как бы передавая друг другу на всем протяжении пути до самого Керченского пролива. С одной стороны, она могла принести им опасность, с другой же – служила источником вестей. Путников, следовавших с добрыми намерениями, приглашали в гости, тех, кто угрожал разбоем, встречали с оружием. Когда они видели, что коварные пришельцы намного превосходят их силой – спешно покидали жилища, подавляя гордость, бежали в леса и горы.

Страшная картина встречала их, когда возвращались к родным очагам. Печально бродили они по пепелищам, выкапывали из-под золы жалкие остатки скарба. И снова начинали жить, невероятным трудом возрождая порушенное и разграбленное. Но как бы жестоко с ними ни поступали, какую бы обиду им ни нанесли, адыги не поддавались жажде кровавой мести, не испытывали желания ответить войной и разбоем, отвоевать чужие земли, не жаждали чужого неба и солнца. И столь же свято они поклонялись своим богам и святыням, чтя добрые традиции и обычаи отцов.

Адыги знали высокую цену своей родины, а потому ценили свободу других народов. Они были доблестными воинами, и эта доблесть – только во имя родной земли. Находясь как бы на стыке древних культур Азии и Европы, они создали свой, неповторимый образ жизни.

Конечно, хорошо жить в великой державе. Но у великой державы и тревоги, и заботы, и невзгоды – тоже великие. А касоги, меоты, зихи довольствовались малым – дарами солнца и леса, их радостью, красотой, добротой и тишиной. Они селились по берегам Черного и Азовского морей, чтобы видеть голубые просторы, слышать неумолчный говор вечности. Селились они и в щедрых горных лесах, близ просторных полей и лугов, а еще любили просторы плодородных прикубанских и донских степей.

Мазиб – одно из сотен касожских, меотских и зихских селений, разбросанных по Черноморскому побережью, по лесистым горным склонам и далее, к северу, по выжженным солнцем приазовским степям. Мягкий осенний день ласкает землю, истомленную летней жарой. Горная речка Пшада, беснуясь, грозно шумит, словно злится на камни, преградившие ей путь. Этот шум, поднимаясь, постепенно слабеет, зажатый меж высоких отвесных берегов. Деревья в ближнем лесу, еще недавно зеленые, покрылись осенней позолотой, о чем-то шепчут между собой, тихо качаясь на ветру. Высоко в небе величаво плывут облака, то разъединяясь, то вдруг сливаясь, и кто скажет, царит ли между ними мир и согласие.

«Удивительно устроен мир, – прогуливаясь по берегу реки, размышлял старый Колэс. – Из всего живого на земле, пожалуй, нет существа более сильного и доброго и

в то же время – более слабого и мелочного, чем человек. Долгие столетия проводил он в изнурительной борьбе, добывая хлеб насущный, за продолжение своего рода. Но ведь и звери тоже с утра до ночи в поисках пищи. У них тоже рождаются детеныши, и они взращивают, по-своему лелеют их... И все же человек – существо особенное, не сравнимое ни с каким другим: ему свыше дан разум. Один только он может задуматься, что же есть жизнь, зачем она дана ему. Только человек способен размышлять, почему небо голубое, а облака белые, отчего дуют ураганные ветры и вечно бьются о берег морские волны... Сколько горя, сколько обид и несправедливости испытывает человек на земле, но жизнь ему не кажется постылой, она прекрасна в его глазах, он жаждет продлить ее мгновения, боится покинуть этот мир».

Колэс, как и многие пожилые люди, любил уединение, причем не просто уединение, а наедине с речкой, наедине с горами, небом и тишиной. Любил поразмышлять и давно заметил, что всю свою довольно долгую жизнь размышлял почти об одном и том же, хотя об одном и том же в разное время думал по-разному, поэтому его размышления никогда не бывали одинаковыми и скучными – каждый раз новыми, каждый раз интересными.

С самого детства и до глубокой старости человеку достается немало горьких бед, столько слез он прольет, столько раз все ему опостылеет, что жизнь порою кажется бессмысленной и страшной. И все же ему не хочется расставаться с этим ужасным миром, больше того – до последнего вздоха он борется за жизнь, стараясь отдалить смерть. Как страшно – не видеть солнца и неба, добрых друзей и родственников, забыть самого себя, когда тебя зароят в холодную землю! Каждый раз человек думает и надеется, что самое плохое позади, что новый день будет для него счастливым. Так происходит и в самой ранней молодости, и в самой глубокой старости.

С посохом в руках брел Колэс вдоль речки, перебирая кружево мыслей. На узкой тропе вдруг увидел камень. «Не споткнулся бы кто-нибудь ненароком», – подумал он и ногой отодвинул его на край тропы. Серый мохнатый волкодав, когда хозяин задержал свой шаг, тоже насторожился. Но понял пес – нет никакой тревоги. Радостно

взвизгнув, побежал вперед, если возникнет опасность – он защитит его. Волкодавы до самой смерти остаются верными хозяевам, не то что иные люди.

А еще Колэс, будучи наедине с самим собою, так живо, так явственно умел видеть свое прошлое, будто заново переживал его. Получалось, у него было несколько жизней, и он мог видеть их, сколько хотел. Вот и сегодня уже побывал в молодые свои годы в Анапе, в Тмутаракани, добрался до шумного и суетливого портового города Феодосии, что значит погречески «данная богами». Это уже – Крым. Корабли, корабли! И откуда их только не было! Константинополь, Афины, Рим, Генуя – всюду побывал Колэс, прикованный цепью к борту галеры. Каждый город, каждая страна – это рубцы на его спине от ударов надсмотрщика плетью.

Два года он был в этой тяжелой неволе и, когда вернулся домой вольным человеком, когда вдохнул воздух родной земли, родного очага, – почувствовал себя счастливым. День освобождения, первый день свободы – это такая радость, какую не испытал бы, если б не было двух лет неволи. Вот ведь как странно все устроено в этом мире. И теперь, вспоминая те дальние земли, дивные города, он не помнил жгучих плетей, кровоточащих рубцов на спине, унижения – не хотел помнить.

«Что и говорить, не бывает доброй неволи, но и не бывает худа без добра, – рассуждал про себя Колэс, – вместе с неволей галерных цепей у меня была воля моего сердца, моих мыслей, все возраставшая любовь к моему маленькому, самому дорогому мне Мазибу, к каждому из моих земляков, к мохнатому псу. Жалко мне бедную Рампэс. Во цвете женской красоты лишилась мужа, младший брат ее Кансав – в неволе, сын остался сиротой. И все эти хазары. Если правда, что русичи крепко их побили у Тмутаракани, нам будет облегчение. Был со мной в неволе один русич. У-у, какой гордый человек. Не покорился хазарам, не хотел работать на них. Они били его плетями, жгли каленым железом, морили голодом. Умер, а не покорился. А меня спасли мои боги, слава им, слава!» – Колэс приложил левую руку к груди, а правую ко лбу.

Сидевший у большого муравейника Рэдэд впервые видел, когда так, попеременно прикладывая руки то ко лбу, то к груди, молились богу.

– Это ты, сосед? – улыбнулся Колэс поднявшемуся навстречу парню. – Я так был занят своими мыслями, что чуть не прошел мимо тебя... А чего в такую жару сидишь на солнцепеке у муравейника? И один почему-то, без друзей?

– Чечан и Даур поехали в лес за дровами, мать непустила меня с ними, вот я и сижу тут, скучаю.

– Скучаешь у муравейника? – удивился Колэс.

– А что интересного может быть? Они ведь бестолковые – муравьишки. Весь день – туда-сюда, туда-сюда.

– Не скажи, Рэдэд. Муравьи очень интересны, все очень мудро у них устроено, ты просто не присмотрелся к ним хорошенько. – Старик присел на пенек. – Послушай, что я тебе расскажу. Однажды путник встретил муравья и заговорил с ним – он знал языки всего живого на земле. «Почему у тебя такая большая голова?» – спросил путник. «Потому что у меня ума – палата», – ответил муравей. «А зачем такой громадный зад?» – допытывался путник. «В нем моя сила. Я очень сильный», – с достоинством ответил муравей. «Интересно, сколько же ты можешь поднять?» – любопытствовал путник. «А столько, сколько весит кусок свинца с меня величиной». Путник озадаченно пожал плечами: «Сколько же тебе тогда нужно еды?» Муравей ответил: «Одного пшеничного зерна хватает на год». «Хорошо, посмотрим», – сказал путник, взял муравья, посадил в газырь, бросил туда пшеничное зерно и пошел. Занимаясь своими делами, он вспомнил о муравье через два года, думал, что, конечно, того уже нет в живых. Заглянул в газырь – оказалось, муравей жив-живехонек, выглядит бодрым, а съел только половинку зерна. «Ты же говорил, чтобы прожить год, тебе нужно пшеничное зерно, но за два года съел всего лишь половину, как же это?» «Очень просто, – с достоинством ответил муравей, – своим умом я понял: ты забудешь обо мне, потому и жил очень экономно».

– Вот видишь, – закончил свой рассказ Колэс, – а ты говоришь – бестолковые муравьишки.

Задумался Рэдэд:

– Спасибо тебе, Колэс, за мудрость твою. Правильно говорят: не все, у кого есть крылья, летают, не все большие – умные и сильные, а маленькие – глупые и слабые. У

тебя в гостиной, должно быть, много интересного можно услышать от наших стариков: ведь они немало видели, все знают.

– О, это слишком громко сказано – все знают. Есть такое, чего никто не знает.

– Чего, например?

– Ну... На небе, где живут такие красивые облака, вдруг вспыхивает страшный огонь, гром начинает грохотать – откуда это берется и почему? А ветер? Откуда он берется и почему бывает таким сильным, что ломает деревья? Или... смерть. Как это: был человек – и нет его. Вот он, лежит, и... его уже нет, – не без робости сказал Колэс и настороженно умолк.

Рэдэд тоже притих, потом, застеснявшись того, что он, молодой, сильный, а, оказывается, такой беспомощный, уверенно заговорил:

– Я узнал, как начинается ветер... Открыв дверь, вошел к себе в комнату, а кто-то сильно захлопнул окно. Я открыл его, выглянул во двор – там никого не было и совсем тихо, ни ветерка. Оставил окно открытым, отворил дверь, и опять окно захлопнулось, я почувствовал, как по комнате пробежал ветерок. Так, наверное, начинается ветер и где-нибудь в горах, ну а гром, молния, – смелее заговорил Рэдэд, – наш бог неба гневается на нас за что-то нехорошее, гневается и грозитя.

«Могучий детина Рэдэд, – думал Колэс, – будто вырублен из крепкого дуба, правда, еще неотделанный, но посмотри на него, посмотри – задумывается, учится по-умному рассуждать».

– Садись, сын мой, садись на камень, не стой надо мною своей громадой. Хороший разговор у нас получается. Думаю, Лаурстэн, услышав нашу с тобой беседу, остался бы доволен. Я так рассуждаю: весь наш мир – это большой дом со многими дверями, окнами, в нем гуляют сквозняки, как ты у себя в доме подсмотрел. Молодец, хорошо увидел. Сквозняками гуляют ветры между людей – то балуют приятной прохладой, то затевают холодные зимние бури, а то и вовсе сбивают людей с ног, болезни, беды разные разносят. А что такое война? Это – злые ветры, страшные сквозняки.

– А почему это бывает, Колэс? Разве русичи, аланы, хазары не хотят жить в тишине и радости?

– Да-да, это тоже вопрос, на который мы, старики, ищем ответ. Ищем, ищем и не всегда находим.

– Ты говоришь, русичи – сильные люди, мужественные воины, как думаешь, избавят они нас от хазарских набегов?

– Да, русичи – сильные люди, стойкие воины, но ведь каганат, как я сказал, очень велик. Землям его конца-края нет, а воинов видимо-невидимо, так что их поражение у Тмутаракани, может быть, еще только начало конца. Хазарское царство очень сильное, хотя, как говорят, даже самый крепкий камень можно на куски раздробить, а железо, скажем, само ржавеет, со временем в труху превращается. Уж если ты такие вопросы мне задаешь, хочу ответить задачкой. Одна шуба сшита из множества кусков меха, а другая из трех кусков. Скажи, какая прочнее?

– Еще прочнее будет, если сшить ее из одного куска. Я все понял: каганат весь из кусков, да таких разных, что шуба получается нескладная, совсем непрочная. Тмутаракань – лишь небольшой лоскут, отпавший от каганата. Это, как ты сказал, только начало его конца. Неминуемого конца. Рассыплется, распадется эта громадина, скроенная из множества разных лоскутов, как рассыпается от времени ржавеющее железо.

– Молодец, прямо на лету схватываешь, а вот у Чечана не получается.

– Прости, пожалуйста, но я не совсем с тобой согласен, – осторожно возразил старику Рэдэд, – он славный парень, в нем чувствуется твоя выучка.

– Спасибо, Рэдэд, за добрые слова о Чечане, – благодарно улыбнулся Колэс, – наверно, есть в нем и доброе, недаром он – мой внук. Мы говорили с тобой о хазарском каганате: рано или поздно он обязательно развалится, а теперь поговорим о нас. Ты знаешь – касоги, зихи, меоты – родные братья, наши мужчины хорошо владеют оружием, мужественные, и если бы жили мы единой семьей, то были бы большой силой, могли бы не хуже русичей противостоять хазарам. Однако живем-то мы хотя и на одной земле, под одним солнцем, но каждый сам по себе. Вот и получается, что адыги тоже состоят из кусков, никак не сшитых в одну шубу. Чего ты улыбаешься, Рэдэд?

– Просто так.

– Неправда, сын мой, ты что-то хотел сказать. Не робей, говори.

– Вспомнил, как мы с тобой, храбрые, сильные... не сердись – удирали от хазар, не посмели обнажить...

– Ты еще не забыл, – перебил Рэдэда Колэс, – тебе все еще стыдно и больно?

– Да!

«О, будет это настоящий князь. Похоже, у него отцовский характер и воля отцовская, его нельзя согнуть и сломать не просто», – подумал Колэс и сказал:

– Ум – хорошо, а сердце – лучше. Ум может слукавить, а сердце – никогда, поэтому я верю ему больше. Спасибо твоему сердцу, а на то, что мы с тобою удирали от хазар, не посмели поднять на них оружие, отвечу так: если бы на свете все получалось, как нам хочется, наверно, слишком легкой, неинтересной, даже скучной была бы жизнь. Я верю, настанет время, когда хазарам придется удирать от нас.

– А пока оно придет, мы должны сидеть со сложенными руками, смотреть, как нас грабят и убивают? – с упреком проговорил Рэдэд и, почувствовав неловкость в своем возражении старшему, смущенно умолк.

– Нетерпение и горячность не украшают мужчину, сын мой! – спокойно укорил Рэдэда Колэс и, помолчав, продолжил: – Орел долго, терпеливо парит в вышине, выслеживая жертву, и уж если бросится, сложив крылья, то не промахнется, не выпустит из когтей свою добычу. Правда, мы ни на кого не нападаем, нам не надо чужого.

– Ты прав, Колэс, не надо чужого, но защищать свое – не значит сидеть сложа руки. Мудрые люди говорят: лучший и самый верный способ обороны – нападение на врага! – опять не сдержался Рэдэд, непозволительно возразил старшему и ждал от него ответного удара, но его не было: Колэс грустно улыбнулся, покачав седой головой:

– Ты прав. Каждый народ, если он дорожит своей честью и достоинством, обязан защитить свои очаги, своих женщин и детей и, конечно, правы мудрые люди, утверждая, что лучшей обороной – предупредительное нападение на врага, но тут, я повторюсь, нельзя, а главное, бессмысленно бить врага рукой с растопыренными пальцами – их надо сжать в крепкий кулак, а как это сделать, сын мой?!

Может быть, у вас, у молодых, острее ум, расторопней и решительней, чем у стариков? Соберутся наши мудрецы и так складно, так сладко говорят, что кажется, будто все уже совершилось, будто сошлись мы воедино, в одну бурку оделись, один кинжал обнажили, и теперь никто и ничто не устоит перед нами. Но вот они по-братски обнялись на прощанье, и зихи, как говорится, потянули ту бурку на себя, меоты и касоги – на себя, и в клочья растащили ее, а кинжал их вроде бы уже вовсе не кинжал...

«Что случилось со стариком, ведь он всегда так осторожен в своих высказываниях, больше слушает и никогда не повышает голос, одним лишь покашливанием умеет остановить спорщиков, а тут вон как разошелся. Белые брови хмурятся, глаза – недобрые и колючие. Может, я своими глупостями обидел его?»

– Чего же ты молчишь? Думаю, одна надежда на вас, молодых, на ваш быстрый ум, решительность, тем более – ты княжич, завтрашний князь, предводитель. Не молчи.

– Если ты, почтенный Колэс, достаиваешь меня такой чести, попробую поразмышлять вслух... Всем известно, в твоей гостинице бывают только уважаемые, почтенные люди, почему же ты так нехорошо говоришь о них, почему себя укоряешь?

С хитрецей улыбнулся Колэс, потеревил свою негустую белую бороду:

– Мудрость говорит: хваленого хвалить – только портить, а горькое слово, справедливое горькое слово кровь разогревает, не дает человеку дремать на ходу. Только глупый на такое слово обидится, а мудрый спасибо скажет.

– Но ведь это справедливо, что мать моя и другие уважаемые люди считают тебя мудрейшим во всей Касогии.

– Спасибо Рампэс, всем спасибо, но хватит, нехорошо это, – засмутился старик. – Сказано же: хваленого хвалить, только портить.

– Правильно говоришь, а сам... – осекся Рэдэд.

– Ну? Чего же ты опять замолчал?

Рэдэд сокрушенно покачал лобастой головой, в отчаянии махнул рукой:

– Мне легче стопудовые камни ворочать, чем слова говорить... Я вот все думаю, – ушел он от ответа, – почему

все встают, когда входит гость. Все встают, даже старейшины, князья встают. Почему? Спрашивал мать, но она не смогла объяснить.

– У адыгов издревле говорится: гость в доме – счастье в доме, поэтому стар и млад поднимаются ему навстречу. Каждому, кто приходит к нам с добром, с миром, мы уважительно и сердечно говорим: добро пожаловать!

Волкодав, дремавший у ног Колэса, вдруг вскочил, зарычал и опрометью кинулся к лесу, откуда донесся звон мечей и храп лошадей.

– Там беда, Рэдэд! Скорее, похоже, опять мыстхаковцы напали на наших дровосеков! – Он поднялся, опираясь на посох, и стариковской трусцой направился к лесу. Обогнав его, с обнаженным мечом кинулся туда и Рэдэд.

На опушке, у доверху нагруженной дровами арбы, запряженной быками, Даур и Чечан кольями отбивались от двух всадников.

– Остановитесь! – потребовал Колэс, однако мыстхаковец занес над ним меч и тут же свалился с коня, сшибленный дубиной Чечана.

Из соседнего леса на поддержку своим скакали мыстхаковцы, а им навстречу неслись всадники из Мазиба.

Произошла кровавая стычка. Жестокая, потому что дрались братья – одинаково стойкие, одинаково хорошо владеющие оружием. Мыстхаковцы потеряли одного убитым и одного пленным. У мазибцев тоже один был убит и один ранен.

На окровавленной траве неподвижно лежали двое. Опершись подбородком на посох, смотрел на них Колэс, и до того у него от случившегося болело сердце, что, казалось, оно не выдержит этой боли и разорвется. И еще – он не знал, как ему быть, как отнестись к солнцу и лесу, которые допустили страшную беду. Почему же всемогущие боги не только допустили эту кровь, это страдание, но и спокойно взирали на несчастных. «Почему, почему?!» – мысленно повторял Колэс.

– Чего же мы стоим? Надо что-то делать, – промолвил Чечан.

– Надо прикончить этого пленника, – сверкая горящими ненавистью глазами, сказал Машук, – и сбросить обоих со скалы, пусть их сожрут шакалы!

Поднял скорбный взгляд Колэс:

– Позор падет на наши головы, если мы уьем безоружного.

– Согласен! – не унимался Машук. – Тогда дайте ему оружие, пусть он сразится со мною, я хочу отомстить мыстхаковцам за моего брата, которого они подло лишили жизни!

– Нет! – возвысил голос Колэс, бросив гневный взгляд на Машука. – Кровной мстостью мы оскорбим память наших отцов и дедов, которые осуждали мстость и нам это завещали. Мы должны понять, наконец, что убивая касога или зиха – убиваем адыга, этим самым помогаем нашим врагам. Если мое слово и других старейшин для нас что-нибудь значит, то советую пленника и тело убитого доставить в Мыстхако, думаю, это послужит добрым шагом к нашему примирению.

– Ты прав, Колэс, – поддержал старика Рэдэд, – я согласен отправиться в Мыстхако.

Вызвались ехать с Рэдэдом Чечан и Машук.

Вечером этого же дня на околице Мазиба появились три всадника. В седлах сидели привязанными задом наперед Рэдэд, Машук и Чечан, у каждого во рту кляп. Их шапки были надеты на головы коней.

Узнав об этом, Колэс очень расстроился и вновь подумал о богах: почему они допустили страшную несправедливость, неужели не накажут за это мыстхаковцев?

IV

К воротам подворья Колэса прискакал Чечан и, не слезая с коня, позвал:

– Дедушка, Дауру совсем плохо. Жар у него, раненая рука сильно распухла.

– Плохую весть, дорогой внук, ты принес мне с самого утра. Беги к своему другу Рэдэду, скажи, пусть тоже седлает коня и вместе – к Дауру.

– Рэдэд уже сидит у его постели, он и прислал меня к тебе.

Навстречу появившемуся Колэсу поднялись Рэдэд и Машук, Даур тоже попытался подняться, но не смог и, сдерживая стон, лишь улыбнулся старику.

– Ну, что, как вы тут, богатыри? Чего это сникли, словно прошлогодний снег? Ой, смотрите, а то, как мой дед говаривал, как бы куры вас не загребли. А ты, уважаемый Даур, чего разлежся, покажи мне свою боевую царапину. Так, так... Обыкновенное дело, немного загноилась рана, сейчас мы все поправим. А еще мой дед говорил: с каждым будет то, во что он сам верит. Если веришь, что одолеешь врага – значит, одолеешь, поверишь в свою силу – будешь сильным, поверишь в храбрость – станешь храбрым, а страху поддашься – так и воробей тебя заклюет. Пока то да се, надо послать гонца в Мыстхако к костоправу, к рыжему Нахлешу. Да-да, к нему! И не хмурьтесь! Лучшего костоправа во всей Касогии не найти, а у Даура задета кость – надо, чтобы она правильно срослась. Рэдэд, возьми нож и хорошо прокали на огне, а вы, – он обратился к сестре Даура и ее подружке, – идите на кухню, приготовьте в серебряной посудине теплую воду. Все хорошо, все будет хорошо, Даур, теперь я сделаю тебе немножечко больно. Самую малость. Для мужчины это все равно, что комариный укус.

Подстелив под локоть полотенце, Колэс рассек изжелта-синий нарыв, выдавил гной. Даур со стоном облегчения выдохнул:

– Спасибо, Колэс, мне сразу стало легче.

– Ты верил, что станет легче – вот и стало. Давайте серебряную воду и тазик. Ты – сестра Даура? Как тебя зовут, красавица?

– Айнар, дедушка, – ответила та, украдкой взглянув на Рэдэда и на подругу Анисат. Этот взгляд ревниво перехватил Чечан.

– Красивое, хорошее имя, думаю – счастливое. А теперь своими нежными ручками хорошенько промой рану брату и перевяжи ее чистой тряпичкой. Поняла?

– Да, дедушка, – опять украдкой взглянула Айнар на Рэдэда и залилась краской стыдливости, а Чечан – ревности.

Поднялся старик и от того, что облегчил страдание Дауру, что принес покой в этот дом, стал как бы выше ростом, а главное, он почувствовал свою значительность еще и от того, что собирался сделать:

– Если ты убрал с дороги камень, который мешал тебе и людям, то сделал хоть и небольшое, но доброе дело. Если

же убрал громадный валун, то и радости у тебя больше. Я думаю, сумею простить обиду, особенно если она нанесена кровью, это все равно, что убрать, скажем, с нашей братской дороги громадный валун. Рэдэд и Чечан, сейчас поедem в Мыстхако к рыжему Нахлешу. Покажем, что мы – истинные адыги, храним завет наших предков, умеем прощать обиды. А еще сделаем добро Дауру – у него повреждена кость, ее надо поправить, чтобы не остался он калекой.

– Мало вас, – сказал Машук, – возьмите меня четвертым.

– А зачем много? Мы же не драться едем, – возразил Колэс.

– Если вы из-за меня, – сказал Даур, – не надо рисковать. Рыжий Нахлеш скандальный и своенравный, он кичится своей дурацкой силой...

– Знаю, – остановил Даура Колэс, – он много вытворит глупостей, и если теперь не сделает то, что обязан сделать каждый лекарь, все увидят, что это прощельга, а не лекарь и, конечно, не мужчина, не адыг.

– Я годами постарше Рэдэда и Чечана, поэтому позволь, старейший, сказать несколько слов, – попросил Машук. – Это рыжий Нахлеш подстрекал мыстхаковцев против нас.

– Чему быть, тому не миновать, – сказал Колэс, направляясь к выходу, у двери он остановился и добавил: – Машук, мне не нравится твое настроение. Иной оскорбленный все равно, что ослепленный – ничего не видит и ничего не слышит. Не вздумай подбивать мазибцев к новой ссоре.

– Нет, я просто сказал то, что знал.

Перед тем как сесть на коней, путники помолились солнцу, небу и ветру, попросили у них милости, удачи в дороге. Выдалась хорошая погода – с солнышком, с веселым небом, а потом, как иногда бывает в горах, с севера долинами набежал ветер, пригнал рваные серые облака, закружил по дорогам опавшие листья, разбушевался в лесу, пригиная к земле деревья и кустарники.

Путники, склонившись к гривам коней и придерживая шапки, торопились правым берегом Пшады.

– Как ты думаешь, дедушка, чем не угодили мы богам, что они насладили такую непогоду? – спросил Чечан. – Чего ты все хмуришься и молчишь?

– А что ты хотел услышать от меня? – ответил внуку вопросом Колэс.

– Не знаю.

– Ну вот, даже не знаешь, что хочешь услышать, откуда же мне знать, что тебе надо сказать, – усмехнулся Колэс и обратился к Рэдэду: – Как ты себя чувствуешь, княжич, чем обеспокоен? Почему-то молчишь и молчишь.

– По правде говоря, – отозвался Рэдэд, – и я не пойму, чем мы не угодили богам, за что они на нас обрушили эту непогоду.

– Видишь ли, дорогой княжич, – напрягая голос, чтобы пересилить шум леса и ветра, заговорил Колэс, – мы едем с добром, поэтому не за что на нас гневаться богам. Но мы ведь у них не одни. Кому нужно солнце, а кому – дождь, чтобы полить луга. Ветер тоже неспроста дует, он морским людям наполняет паруса. Тут нет, я думаю, особых загадок, а с человеком – много непонятного. Горы, море, звезды – вечные, а человек не успеет, как говорится, крылья свои хорошенько расправить, как уже подходит старость. Почему он своим разумом делает больше зла, чем добра, почему его сердце так часто плачет, тоскует? Это сложно понять, ведь все складывается из наших маленьких дел и забот, из того, что живет с нами с утра и до утра – даже ночью, во сне не оставляет нас. Скажем, чего не хватает мыстхаковцам и мазибцам, почему они со своим разумом и добрыми сердцами грызутся хуже зверей? Леса мало нам, лугов, солнца? Получается, они плохие, а мы с тобой хорошие? Скажи, Чечан, кому не понравилось, что вы рубили дрова в лесу?

– Рыжему Нахлешу, кому же еще.

– Как это – Нахлешу? – удивился Колэс. – Я не видел его среди напавших. И вообще, как и зачем мыстхаковцы оказались в нашем лесу, что им все же не понравилось?

– Не знаю. Они стали придираются: мол, помешали им охотиться, распугали косуль. Мы не стали с ними связываться и поехали прочь, однако рыжий Нахлеш натравил своих, и они погнались за нами, вот и завязалась драка...

Вспомнил Колэс, как несколько лет тому назад в селении Шисхарис, в гостинной, Нахлеш, что называется, прицепился к нему. Если бы князь Лаурстэн не вмешался, кончилось бы кровопролитием. «Конечно, – усмехнулся Колэс, – тот молодой верзила наверняка прибил бы меня,

гнили бы теперь мои косточки в земле». И хотя все обошлось миром, Нахлеш считал себя обиженным и всячески поносил его, вызывая на ссору. Правда, со временем он примирился, даже бывал в доме Колэса. «А теперь вон как обошелся с Чечаном. Не узнал его или решил отомстить мне через внука?»

– Слушай, Чечан, и ты, Рэдэд. Я старик по своим годам, могу звать Нахлеша рыжим, а вот вам не следует, нехорошо это.

– Но почему? – поморщился Чечан.

– Потому что с миром едем к нему, с добром, а еще потому, что надо чтить наши обычаи – каждого человека уважать. Народ крепок прежде всего духом своих предков. Вот и ты, Рэдэд, как княжич нарушил обычай: почему в середине, на почетном княжеском месте, еду я, а не ты?

– Да, Колэс, ты не княжеского рода, но для меня, по душе моей – ты князь, наставник. Этому учил меня покойный отец. Мы все не хотим больше допускать, чтобы нами помыкали, грабили нас, мы должны и станем сильными, но я еще молод, мне нужен такой наставник, как ты, чтобы Чечан, Даур, Машук, Тураб и другие видели во мне князя, достойного предводителя, вот почему ты сегодня едешь на княжеском месте.

– Спасибо, в тебе, я вижу, пробуждается воля твоего отца, надежда касогов, а может быть, и всех адыгов. А как отнесутся к этому твои сверстники, все, кого ты призовешь под свое крыло?

– Спроси у них, пусть сами скажут, – ответил Рэдэд, – Чечан поддерживает меня, правда, не во всем.

Колэс слегка попридержал коня, пытливо глянул на внука:

– Интересно, в чем ты, дорогой мой внук, расходишься со своим предводителем?

– Я не расхожусь, я думаю и размышляю: мы не просто должны охранять границы нашей земли, но и вернуть то, что у нас отняли недруги, должны объединить в одну большую семью касогов, зихов, меотов, если даже они не захотят объединиться добровольно.

– Вон как! Значит, не мирно жить, а воевать?! – удивленно воскликнул Колэс, в упор глядя на внука.

– А что делать, ты же сам говоришь – в таком мире живем. Разве хазары, аланы не нападают на нас?

– Нападают, грабят, вот поэтому я и хочу создать свое войско, чтобы защищаться, но ни на кого не нападать! – подал голос Рэдэд.

«Появляется уже, появляется у него княжеский, предводительский голос, – подумал Колэс и остался доволен этим. – Нам нужен сильный предводитель, и он уже перед нами. Как я буду рад, если мне удастся помочь ему, вложить в его ум и сердце дух и мудрость наших предков».

– Хорошо, допустим, ты создал войско, тысячи две конных и пеших, а чем будешь кормить, как вооружишь его?

– Не я, а все должны содержать свое войско – все селения, каждый, кто живет на нашей земле.

– Должен, должен! – вмешался Чечан. – Есть поговорка такая: должен – не спорю, но отдам не скоро. Войско само должно содержать себя, своею силой. Хазары, аланы, те же русичи, буртасы, беленджеры поступают именно так, а потому...

– Всякие разбойники мне не пример! – оборвал его Рэдэд.

Конечно, эти мальчишки нарушили все, что только можно нарушить: едут как попало, говорят и говорят, не обращая внимания на старейшего, однако Колэс не сердился, ему даже нравилось, что молодые парни с такой горячностью говорят не о своей личной выгоде, а о судьбе народа.

– Ты скажи, Рэдэд, – не унимался Чечан, – что это за войско, которое сидит сложа руки, не пропадет ли оно, как ржавеет и тупится меч, если его долго не вынимают из ножен?

– Очень хорошо вы разговариваете, но тут я хочу заметить, – придержал коня Колэс. – Считаю: лучше пусть меч заржавеет, чем обнажать его на несправедные дела. Кажется, Рэдэд, ты тоже так считаешь?

– Да, почтенный Колэс. Я, Чечан, Машук и все другие мои друзья считают: нам нужно именно такое войско, и если ты поддержишь нас, мы будем этому рады.

– Говорят, корова не забодает своего теленка, – так что и я, и все наши старейшины – не только заодно с вами будем, а очень рады, что вы обеспокоены этим, однако... Ох, и не простое это дело, и мы, пусть и на склоне своих

лет, были бы счастливы увидеть такое войско. Мы будем молиться, чтобы наши боги помогли вам, – сказал Колэс и перевел коня на крупную рысь.

За разговорами всадники не заметили, как поутих ветер, стало очищаться от серых туч небо, засияло солнце, поливая мягким осенним светом избы села, раскинувшегося по обеим берегам речки. И только Колэс решил шепотом помолиться, поблагодарить богов за счастливую дорогу, как из лесной чащи выскочили всадники в островерхих железных шлемах, в кольчугах, с мечами и пиками наперевес.

– Это меоты. Без паники, спокойно! – скомандовал Колэс и обратился к всадникам: – Вы не хазары и не аланы, вы меоты, но почему-то окружили нас, братьев по крови, и, кажется, не собираетесь встречать, как встречают в дороге добрых путников.

– Перестань болтать! – оборвал Колэса сутулый, с едконасмешливыми маленькими глазками, похоже, разбойничий предводитель. – Если хотите еще немножко подышать на этом свете, быстро бросайте оружие, слезайте с коней и – на край обрыва!

Касоги ответили молчанием. Рэдэд пригнул плечи, лихорадочно рассчитывая первый удар. Конечно же, надо кинуться на предводителя, ударом меча сбить его с коня.

– Вы что, оглохли, кривоногие касоги! – злобно заорал косоглазый разбойник, возвышавшийся рядом с предводителем и горячивший своего скакуна, готовясь к броску.

В это время на поляну выехал Нахлеш, громовым голосом изрек:

– Кто это тут в нашем лесу такой шум поднял?! Э! Колэс, тебя-то как, старого, угораздило попасть в грязный меотский капкан?

– Как видишь, – с усмешкой ответил Колэс.

– А-а, мордатый, и тебе захотелось вместе с кривоногими касогами грохнуть с обрыва? Бросай оружие, – скомандовал предводитель, – слезай с коня и – на обрыв. Там хороший свежий воздух, а внизу – веселая речка. Ну!

– Это еще посмотрим, кому больше обрыв подходит! – ответил Нахлеш и, подняв коня на дыбы, бросился на предводителя, ударом меча опрокинул его. – Колэс, бейте тех, что позади вас, а с этими двумя я сам расправлюсь. –

Он спрыгнул на землю и пустил своего коня против двух разбойников. Конь призывно заржал, поднялся на дыбы... Метким броском кинжала Нахлеш поразил одного разбойника, другой пустился наутек.

Мазибцы убили двух меотов, одного взяли в плен, четвертый бросился бежать. Рэдэд хотел кинуться вдогонку, однако Нахлеш остановил его:

– Не надо, он далеко не уйдет, где-нибудь такой же разбойник, как он сам, прикончит его. Ну а этот!.. – ненавистью вспыхнули глаза Нахлеша. – Снимай свою кольчугу! И поторапливайся! Теперь посмотрим на твою храбрость!

– Что ты хочешь с ним делать? – обеспокоенно спросил Колэс.

– А то, что они хотели с нами сделать: с обрыва на камни, чтобы башка его на куски раскололась.

– Если ты не возражаешь, – попросил Колэс, – не надо так, оставь ему жизнь.

– А зачем этой паскуде жить на белом свете, он только поганит его! – со злостью произнес Нахлеш.

– Не для него, а для всех нас. Мудрые люди говорят: зло порождает только зло, а добро – добро. Вернувшись к своим соплеменникам, он расскажет о нашей доброте и этим их кое-чему научит. Да и сам он после этого не будет творить зло. Так я говорю? – спросил у пленника Колэс.

Молодой, почти совсем еще мальчишка, с большими натруженными руками, тот стоял, опустив лохматую голову. Вздрагивали его плечи.

– Чего же ты молчишь? Или опять в разбойники пойдешь? – переспросил Нахлеш.

– Не пойду, – срывающимся на рыдание голосом ответил пленник.

– Ладно, рубаху можешь не снимать, коня оставь...

– Думаю, если мы дарим ему жизнь, то надо подарить и коня, если ты, конечно, не возражаешь, – улыбнувшись, попросил Колэс.

– Не возражаю, дарим, – великодушно согласился Нахлеш, его широкоскулое лицо расплылось в улыбке. – А еще попомни, парень, – обратился он к пленнику, – перед тобою княжич Рэдэд, сын покойного князя Лаурстэна, которого уважали все адыги. В память о нем мы и дарим тебе жизнь. Скачи быстрее ветра домой, всем Расскажи о сегодняшнем, самом счастливом твоём дне.

Ускакал меот.

– Вот и пришла пора нам прощаться, Колэс, – почему-то грустно сказал Нахлеш. – На прощанье мне хочется сказать: недавняя стычка и то, что потом было с Рэдэдом и его товарищами – просто мерзость, но что делать, если так плохо устроен мир, если он такой жестокий.

– Он разный, Нахлеш, – мягко возразил Колэс, – очень разный. Вот и здесь за такое короткое время произошло столько всего... Такого, что не сразу и разберешься.

– Должно быть, правда – не разберешься. Я очень уважал князя Лаурстэна, а так получилось, что в драке мог убить его сына. Ты видишь, Рэдэд, мои плечи, видел мою силу в схватке, думаю, если бы мне довелось помериться силой с твоим отцом, побороться, я не уступил бы ему, а теперь, вижу, ты пошел в отца – настоящий богатырь будешь. Помериться бы мне с тобой силой, но когда это будет, может, и не доживу до того дня, когда ты возмужаешь, – с тоской сказал Нахлеш.

– О чем ты говоришь, – возразил ему Колэс, – ты еще в самом расцвете.

– В наш век мужчина редко доживает до старости... А теперь, если у вас терпит время, милости прошу ко мне – буду рад попотчевать княжича, тебя, Колэс, и вас, молодые воины, – славно вы себя показали в схватке. – Наклонившись к Колэсу, Нахлеш негромко спросил: – Кто этот славный парень, он, кажется, был у нас в Мыстхако?

– Был, привозил пленника и тело погибшего. Это мой внук Чечан.

– Твой внук?! – воскликнул Нахлеш. – Тот самый Чечан, о котором у нас говорят, будто он здорово борется, редко кому уступает?! Но передо мной, наверно, не устоит, – и рыжий Нахлеш, похваляясь, подвигал плечами.

– Я борюсь, счастливый тхамада, только со своими сверстниками, зачем же вызывать на поединок того, кого заранее знаешь, не сможешь осилить, – вроде бы незаметно, но польстил Нахлешу Чечан.

– Конечно, конечно! – довольно воскликнул тот. – Значит, едем в Мыстхако, а еще я скажу вам: когда старейшины узнали о наших проделках в лесу, крепко всем нам всыпали!

– Спасибо вашим старейшинам, – сказал Колэс, – а что касается твоего приглашения, Нахлеш, считай, что мы твои гости, однако надо сказать, мы ведь к тебе и ехали.

– Ко мне? – очень удивился Нахлеш. – Зачем, если не секрет?

– У нашего парня, раненного в лесу, кость повыше кисти левой руки повреждена, если срастется неправильно – останется он калекой, вот и мы приехали за твоей помощью.

Нахмурил свои широкие, смоляные брови Нахлеш:

– Какие мастера мы, адыги, делать глупости! Покалечили парня – теперь сами же и лечите, наделали сраму с княжичем и его друзьями, привязав их на лошадях задом наперед – теперь езжайте к ним в село, краснейте за всех. Получается, почтенный Колэс, мы сами себя высекли. У меня щеки от стыда горят. Ну ладно, поехали!

V

Мазиб примостился у подножия горы, в стороне от больших дорог, никому не стоял он поперек – живи в тишине и покое, однако случалось – нападали и на него то хазары, то меоты, то свой брат из Мыстхако. Казалось, следовало бы жить здесь единой дружной семьей, но не было в Мазибе такой дружбы, не было единства, он жил, разделяемый разными неурядицами на недружелюбных нижних и верхних.

Вот и сегодня мазибцы собрались у дома раненого Даура. По одной причине собрались, но и верхние, и нижние были сами по себе, даже мальчишки стайками, будто воробьи, сидели порознь на плетнях и деревьях. Женщины, девчонки – у сарая, у кухни, у веранды. И уж, конечно, мужчины с чувством собственного достоинства стояли группками порознь.

Во дворе в сопровождении Шаниба и Натая появился вожак нижних – Хакара. Он носил такую большую каракулевую шапку, такой большой кинжал на наборном серебряном поясе, что верхние мазибцы острили: «Шапка при кинжале идет!»

– Ну-ка, посторонитесь, дайте дорогу почтенному Хакаре! – командовал Шаниб.

– Эй, Хакара, а ты чего же не зазвонил, не постучал молотом по наковальне?! – насмешливо закричал мальчишка из верхних, сидевший на крупе лошади.

– Натай, заткни его слюнявый рот! – рассердился Шаниб.

– Знайте, люди, почтенный Хакара не якшается с проклятыми богами джиннами! – угрожающе помахал плеткой над головой Натай.

Распрявился Хакара, глянул из-под папахи туда, где сидели мальчишки:

– Всыпьте этому сопляку, чтобы в другой раз не посмел так обращаться к старшему. А все это – верхние, чтоб им неладно было!

– Обязательно всыпем!

– А за что? – возмутился Адшес, синеглазый парнишка в длинной отцовской рубахе, сидевший рядом с приятелем на крупе коня. – Мы только вспомнили старинный обычай.

– Заткнись, поганец! Так-то вы, верхние, уважаете старших – ни совести у вас, ни стыда, – погрозились мальчишке Шаниб и подумал: «А все это выживший из ума Колэс, это он сбивает их с толку и учит всяким глупостям. Не успеет кто-нибудь из гостей появиться в селе, его тут же ведут в дом Колэса, будто и нет у нас наимудрейшего Хакары. А теперь еще носятся и с Рэдэдом: наш княжич, наш князь. Надо еще кое-кого из них подкараулить в лесу и ладненько намять бока, чтоб знали порядок и нашу силу, поганцы!» Подумал так Шаниб и с усмешкой глянул на парня с кривой шеей, на корточках сидевшего у сапетки. Это он, Шаниб, в драке угостил его дубиной, на всю жизнь оставив отметину.

Хакара прошел в дом.

Адшес засмеялся:

– А вас не пустили в дом, рылом не вышли?

«Дать бы тебе по рылу, чтоб пополам расколосось, да нельзя шуметь, в доме больной», – грозно глянул на Адшеса Натай и, подойдя с Шанибом к мужчинам у старого дуба, сдержанно сказал:

– Когда понадобится почтенному Хакаре, тогда и войдем. Мы уважаем волю старших, чтим древние обычаи, и всем вам желаем доброго здоровья и всяческого благополучия.

– Если нижние с таким пожеланием обращаются к нам, то и мы желаем им того же, – сказал Адшес и рассмеялся.

– Чего ты ржешь, как сивый мерин? – нахмурился Шаниб.

Вспомнилось, как в прошлом году рыжий Нахлеш снял вас с коней и отправил домой пешком.

Теперь расхохотался Натай:

– А мне вспомнился ваш Рэдэд с двумя друзьями, привязанными Нахлешем на конях задом наперед, а теперь вы унизились перед ним, теперь он ваш почетный гость!

Верхние и нижние поняли, чем грозит закончиться этот разговор, и предпочли разойтись по сторонам.

В комнате Даур лежал на кровати, а его больная рука была привязана к топчану. Рядом стояли Колэс, Рэдэд и Машук.

Хакара вошел, негромко покашлял, но его будто не слышали, не пригласили пройти, и он стоял у двери, чувствуя себя униженным: «Какая чума занесла меня сюда, зачем?! Не хватало еще любоваться, как этот верзила Нахлеш будет ломать несчастному руку».

– Даур, младший брат, – с дружеской улыбкой заговорил Нахлеш, – я считаю твою беду не достойной мужского внимания. Рана как рана, немножко смещена кость, но это пустяки, сейчас поправим, или мы не мужчины, не адыги? Так я говорю, достопочтенный Колэс?

– Конечно, – тоже ободряюще улыбнулся Колэс, – рука для мужчины, для воина – это сам воин, сам мужчина, верно я говорю, Рэдэд?

– Это так, почтенный Колэс. А вот что думает Даур об этом?

Даур все понимал. Он, как ему казалось, слышал запах раскаленного железа, знал, что сделают через минуту-другую с его больной рукой, и ему показалось, что она настолько занемела, будто ее и вовсе нет. Пока нет, чтобы потом стать здоровой, сильной. А еще – Нахлеш, уу, какой он могучий и... какой добрый...

Они улыбнулись друг другу.

Принесли раскаленный докрасна железный прут, горшочек с растопленным, настоящим на целебных травах маслом.

Поднялся Нахлеш, неторопливо, с достоинством человека, возвысившегося над всем суетным, мелочным: он – лекарь, целитель, человеку будет помогать, творить ему добро, а это очень непросто, намного труднее, чем сделать зло. Подошел Нахлеш к постели больного:

– Вы двое – держите ноги Даура, а ты, сын Лаурстэна, хорошенько держи его за плечи.

– Зачем? – бледно улыбнулся Даур. – Не беспокойся, Нахлеш, все будет хорошо.

Нахлеш в удивлении вскинул широкие брови:

– Оказывается, не я, а ты меня успокаиваешь?! Вот это мужчина! Но смотри, парень, не хорохорься, покрепче тебя богатыри, случалось, теряли сознание.

Побледнел Даур, но не перестал улыбаться:

– Ничего, все будет хорошо, я знаю, верю тебе.

Нахлеш раскаленное железо окунул в горшочек. Вспенилось, закипело масло, вроде как угрожающе заурчало. И лекарь неторопливо, размеренно, но быстро погрузил железо в разверстую, загноившуюся рану. К запаху горелого масла прибавился резкий запах прижаренного мяса и еще чего-то дурманящего.

Кажется, в комнате никто не дышал – воцарилась напряженная, глубокая тишина.

Нахлеш залил рану маслом, вытер ладонью пот со лба Даура и так тяжело вздохнул, будто это ему прижгли открытую рану, и теперь все осталось позади:

– Ты – настоящий мужчина, Даур, истый адыг, но зря ты не кричал – крик облегчает страдания.

– А молчание, старший брат, облегчает еще больше. Спасибо тебе.

– Наверное, ты прав, – согласился Нахлеш. – Помучил, помучил я тебя, но что поделаешь – так устроили боги нашу жизнь. И в жизни этой надо уметь твердо стоять на ногах, а иначе повалят и втопчут в грязь. О, сколько раз пытались меня положить на лопатки, да, похоже, еще нет такого во всей Касогии, а может, и за ее пределами, кто одолел бы меня. Верно я говорю, Хакара? – с насмешкой бросил через плечо Нахлеш.

– Что правда, то правда, – глухо ответил тот, по-прежнему стоя у двери. – Такого верзилу, как ты, и с места сдвинуть не просто, а чтоб одолеть... Вот разве княжича

Рэдэда напустить, кость у него, гляжу, покрупнее твоей будет и плечи пошире.

В зеленоватых глазах Нахлеша блеснул мстительный огонек. Свысока взглянул Рыжий на сидевшего Рэдэда, хототнул надтреснутым басом:

– Верно ты сказал и про плечи, и про широкую кость Рэдэда, я бы еще добавил – увертливый он, ловкий. Если захочешь за хвост его ухватить – он ни за что не дастся, зубы острые подставит. Рэдэд сполна показал себя меотам, задал им перцу, но чтобы со мною померяться силой, слишком молод еще... Почтенный Колэс, ты знаешь, Даур пострадал в схватке с моими парнями, и я хочу подарить ему в знак нашего примирения кольчугу, шлем и меч, отбитые мною у меотов. Что ты скажешь на это?

– Скажу, мудро ты решил, а от себя добавлю, если не будешь возражать – пусть тот меч никогда не поднимется над головою адыга.

– О, почтенный Колэс, я, конечно, возражать не буду, а как сам Даур? Это ведь очень трудно, ведь разбойные меоты тоже нашей братской крови.

– Я буду стараться, попрошу наших богов помочь мне выполнить добрую волю мудрого Колэса, – негромко, но твердо сказал Даур.

– Чечан, пошли кого-нибудь, пусть принесут меч и доспехи, они приторочены к седлу моего коня, – сказал Нахлеш и подумал:

«Я сделал все, что мог, но поздно, наверное, зараза уже в его крови, только боги в силах помочь парню, а если не помогут, придется удалить кисть руки, тогда зачем ему меч?» – Лекарю всегда тяжело, когда он чувствует себя бессильным, не может помочь больному. Тяжело было Нахлешу, и чтобы хоть как-то отвлечься, он сказал:

– Чего тут сидеть, думаю, в доме есть цэльдао¹, я хочу сразиться с Хакарой.

Утром следующего дня рыжий Нахлеш сказал Колэсу:

– Пора мне ехать домой... Ты должен знать, почтенный: хотя ночью мы устроили хороший чапш-вечеринку

¹ Цэльдао – круглый пирог с дыркой посередине, через которую продевается веревка. Подвешивается он к потолку, и соперники, заложив руки за спину, пытаются поймать его зубами и откусить. Делается это на потеху публике.

у постели больного, и Даур выглядел молодцом, но дело его плохо. Если через три дня не перестанет сочиться гноем рана... – и замолчал Нахлеш.

– Я это понял по твоему виду, хотя ты бодрился и шутил, – горько покачал седою головой Колэс. – Но ничего, думаю, Даур справится со своей бедой. Однорукий бывает иногда и мужественнее, и добрее двурукого.

– Я иным нашим братьям по крови обе руки отсек бы, чтобы междоусобной грызней не поганили нашу землю, не позорили перед богами!

– В твоих словах, Нахлеш, много правды, но еще больше слез.

Не собиравшись Нахлеш наведываться в Мазиб, но не выдержал, на четвертый день все же приехал. И увидев, в каком бедственном положении Даур, сделал неотложное, такое горькое дело – спасая парня, ударом меча отсек ему кисть левой руки.

VI

Еще стояла осень, однако ночью ветер как бы тайком пригнал с северной стороны из-за гор тяжелые тучи и обрушил их снегом на Мазиб.

Большой деревянной лопатой Рэдэд прокладывал в сугробе дорожку к коровнику. Набросив на плечи теплую шерстяную накидку, вышла на крыльцо Рампэс:

– С добрым утром, сын мой, с первым снегом тебя, с неожиданной гостьей-зимой!

– Думаю, мать, это еще не зима. Снег какой-то вроде как теплый, он к обеду водой и грязью обернется, – сказал Рэдэд, продолжая работать с радостью, словно забавляясь и снегом, и свежим воздухом, и тишиной. Разогрелся, сбросил с плеч полушубок из волчьего меха.

– Хорошо-то как, бело, чистенько. А все же зря ты полушубок скинул – вон как разогрелся, вспотел. Не простудиться бы, сынок.

– В работе не простудишься, мать!

– Ты хоть шапку не снимай, не надо. Что же касается зимы, думаю, ты не прав. Погляди, дым из трубы столбом стоит – это, как старики говорят, к морозу. Долго не задер-

живайся – дорожку пробьешь – и ладно, а дров рубить не надо, там уже много наготовлено. Пойду затоплю очаг, приготовлю тебе что-нибудь вкусненькое.

Глянул Рэдэд на очажную трубу дома Колэса, на трубу Даура, Машука, и ему показалось – все дымы разные. И не только потому, что один очаг топится дубовыми дровами, другой – березовыми или соломою, но и потому, что каждый хозяин дома – сам по себе, ни с кем его не спутаешь. «Вон и над домом горбатого Тураба дым какой-то особенный, будто горбатый. А этот? Здесь живет Айнар, а здесь? – Анисат. У-у, какой курчавый, веселый дымок над домом Айнар, и у Анисат тоже красивый. Шаловливые, немного лукавые эти девчонки, и дымы у них такие, игривые. Не сразу поймешь, кто им нравится, кому они улыбаются. Все выбирают, выбирают, свысока на парней поглядывают. Вот тут и разберись – в платках они, в юбках, а хотят возвышаться над ребятами. Ничего не поделаешь, так устроено – улыбайся им, ухаживай, и в этом деле твоя мужская папаха плохой помощник». Воткнул Рэдэд лопату в сугроб, наморщил лоб в раздумье. Нравится ему Айнар, надо бы ей как-то сказать, но как, какими словами, не спрашивать же у матери. У Чечана спросить, но он сам на нее поглядывает, да тоже не знает, как поступить. Ничего не говорил он об этом Рэдэду, но зачем говорить, если без слов все понятно. А тут еще горбатый Тураб под ногами путается. Говорят, он уже тропинку протоптал к домам Айнар и Анисат. Так подумал Рэдэд и немного устыдился – нехорошо о несчастном человеке злословить. Да и Тураб парень тихий, вежливый, добрый. Интересно, кто ж ему из девчонок больше нравится – они обе просто по-дружески к нему относятся, а у него-то, у него глазки горят...

– Ты славно поработал, Рэдэд, хорошую дорожку прокопал в сугробах, – появился Тураб, закрывая за собой калитку. – Еще осень как следует не распрошталась, а уже снегу вон сколько навалило.

– А ты чего в такую рань поднялся?

– Надо было, – важно ответил Тураб. – Отец с матерью меня оберегают, думают, если я горбатый, то со мной надо нянчиться. А мне это надоело. Стыдно от людей, как они со мною носятся, вот я и ушел из дому, чтобы помочь

бедному Дауру со скотиной управиться, дорожки от снега очистить. И знаешь, кого я еще видел?! Айнар! – воскликнул Тураб и кисло добавил: – Потом пришел Чечан и все показывал, какой он ловкий. Перед Айнар старался.

– Вы – понятно, работали, а девчонка, что она делала, не отморозила свой нос?

– Да-да! Посмотрел бы ты, как она ловко орудовала лопатой, как резвилась, прямо метель из снега устраивала. Чечан тоже вроде тебя: «Ты устала, бедненькая Айнар, хватит, отдохни». А я возразил: молодая, сильная, пусть работает! Нельзя женщинам потакать. Сегодня разреши ей положить на себя палец, а завтра она сядет тебе на шею!

Глядя на рассерженного горбуна, Рэдэд подумал: «Вот тебе и тихий, вот тебе и добрый Тураб, должно быть, в горбу у него накопилось зло. Недаром он носит лисью шапку. И нос у него лисий, и глаза хитроватые. Как я раньше не рассмотрел».

– Не нравится мне, Тураб, что ты нехорошо... так нехорошо говоришь о женщинах. Нельзя злиться на тех, кто родил нас с тобою на белый свет.

– Ну и что! – перебил Тураб. – Какая тут их заслуга? Родили, потому что они женщины. Я ведь никого не оскорбляю, а что касается девчонок, будущих жен, их надо держать в узде, – и вдруг рассмеялся Тураб, затрясся его горб, зашлепали большие губы. – Ладно, не будем больше об этом, ты мне лучше скажи, сосед, какая девушка нашего селения самая красивая?

– По-моему, все девушки красивы, на то они и девушки, а самая красивая та, которая тебе нравится.

– Чечан считает Айнар самой красивой не только в Мазибэ – во всей Касогии... Он с нее глаз не сводит, кажется, Чечан собирается... только Айнар не обращает на него внимания. Я больше ей нравлюсь, только она робеет, как всякая девушка. Если бы ты помог, я умыкнул бы ее, сделал счастливой...

«Вот это да! Я вроде бы получше его выгляжу, и то не смею позволить себе такое, а он! Мы все относились к нему с сочувствием, жалели бедняжку, старались не замечать его уродства. Девушки также относятся к нему с добром, и вот теперь это добро может стать причиной зла, самим злом может обернуться. Тураб рассорится с Чечаном, умыкнет и сделает несчастной Айнар, себя сделает несчаст-

ным, но как тут быть, если он полюбил ее, и при чем тут горб и все остальное. Бедняга Тураб...»

– Что же ты молчишь, Рэдэд?

– Тебе обязательно хочется тягаться с Чечаном? Ани-сат ведь тоже очень красива.

– Ты прав, очень красива, а по душе мне все-таки Айнар.

– Надо все хорошенько обдумать. – «Вот беда, вот несчастье...», – горестно подумал Рэдэд, а потом дружески положил руку на плечо Турабу, а получилось – на горб положил и как бы обжегся.

– Конечно, Рэдэд, – не стоит горячиться.

Не зима еще, но уже и не осень – неразбериха какая-то. Выглянет солнышко, и на него тут же набрасываются мохнатые серые тучи, однако на них тоже находится управа – из-за черной горы выскочит, будто исподтишка, ветер и погонит их к морю, чтобы утопить. И опять солнце, и опять тучи, а то вдруг брызнет дождик, развеет слякоть.

Что-то похожее в эти дни происходило и на душе у Рэдэда. Радовался, что очень красивыми, с узорами получились у него две деревянные ложки – обязательно подарит их кому-нибудь. Радовался, что умело подогнал кольчугу – она ловко сидела на его плечах. А то вдруг – будто взвояет ветер, и задохнется очаг, охнет клубом дыма в комнату... Рэдэд опустит руки, задумается: боги всемогущи, почему они не делают так, чтобы все было ладно, по-доброму. Почему Тураб – горбатый, почему Даур остался калеккой? Почему красивая, такая добрая девушка Айнар может своей красотой принести в Мазиб беду? Ведь и Рэдэд мечтает, чтобы она стала его женой, и Чечан, а горбатый Тураб решил опередить их обоих, умыкнуть Айнар. Рэдэд знает – против его силы, пожалуй, никто из молодых не устоит, но разве можно силой добывать любовь?! Конечно – нет и нет, но такое ведь может случиться, обязательно может...

Затачивая на камне наконечник стрелы, он тронул пальцем острие и вздрогнул, представив, даже почувствовав, как оно будет входить в тело человека, как прольется горячая кровь...

Загудел, засвистел в голых ветвях старой ивы ветер, громыхнул чем-то во дворе, вместе с дымом ворвался в комнату.

Закашлялась Рампэс. Неподалеку от очага, раскинув на полотне, она обрабатывала руно, готовясь сделать из него ровницу, потом тонкую пряжу, а из грубых отходов – войлок.

– Фу-у, я совсем задыхаюсь, дым уже глаза выел.

– Ничего не поделаешь, мать, пока не стихнет шальной ветер.

– Может, ты и прав, но и дрова наши дубовые сырые очень, вот и дымят. Подложи-ка, сын, пихтовых поленьев – их огонь почти бездымный и веселый... Счастлива женщина, у которой есть дочери, добрые помощницы матери, особенно когда надо заняться шерстью.

– Я думаю, мать, моя папаха не помешает мне – давай-ка помогу, а то ты совсем измаялась.

– В детстве ты справлялся с домашними делами не хуже иной девочки, а теперь – мужчина, и я не смею...

– О чем ты говоришь? – Рэдэд опустил на пол рядом с матерью у разостланного полотна.

Рампэс, повернувшись лицом к окну, сквозь которое виднелось посветлевшее небо, обратилась к богам с молитвою:

– Великие боги, помогите нам управиться с шерстью, которую по вашей милости принесли овцы. Уже началась зима, нам нужна теплая одежда, мужчинам – бурки, всадникам – чепраки. Только с вашей помощью, с вашей добротой мы управимся с этой работой и потом поблагодарим вас. Теперь за дело, сын мой. Чтобы шерсть хорошо свалить, не следует торопиться, надо все делать обстоятельно.

Только они приступили к делу, как на крыльце послышались шаги. Рэдэд мигом поднялся и сел к столу – не хватало оказаться перед чьим-то взглядом за женской работой. Вошла Айнар. В лисьем полушубке, укутанная шерстяным вязаным платком. Щеки – алые, глаза – яркие и по-девичьи застенчивые. Украдкой они переглянулись с Рэдэдом, как бы нечаянно встретились их взгляды.

– Что за беда, дочка, в такую непогоду заставила тебя прийти к нам?

– Никакой беды, просто нана захотела сделать вам приятное и прислала лепешки. Вот... еще горяченькие.

– Спасибо твоей матери, доченька. Гошнаг всегда к нам добра. Присаживайся, Рэдэд, поешь свеженьких. Какие они душистые!

– Сейчас мне некогда, мать, – отказался Рэдэд, в самом же деле он просто стеснялся есть при Айнар. – Как себя чувствует Даур? Что-то давненько не заглядывал он к нам.

– Поехал с ребятами мириться с Хакарой... – пояснила Айнар и спохватилась: не следовало бы ей этого говорить. – Да ты поешь лепешек, Рэдэд, уважь мою нану, она так старалась.

Глянул он на девушку, застенчиво опустившую голову, потянулся к лепешкам.

– Передай матери, что я никогда вкуснее не пробовал, – улыбнулся Рэдэд и как бы невзначай промолвил: – Никак не пойму, из-за чего им надо мириться с Хакарой?

– Выходит, ты не знаешь, что произошло вчера на свадебном игрище?

– Что-нибудь такое, из-за чего надо мириться? – насторожился Рэдэд.

– Не знаю, это мужские дела, – смутилась Айнар. – Слышала, будто Шаниб обвинил беднягу Тураба в том, что он не хлопал в ладоши в честь Хакары, и ударил его плеткой.

– Как Шанибу не стыдно поднимать руку на несчастного калеку! – возмутилась Рампэс. – Недаром говорят: в доме, где нет кошки, бесчинствуют мыши.

Рэдэд понял: Рампэс хотела сказать этим, что после смерти мужа Мазиб остался без хозяина.

– Это не совсем так, мать, – возразил Рэдэд. – Только вот странно, почему Даур не взял меня с собой...

С шумом раскрылась дверь. Появившийся Тураб замер от неожиданности, увидев Айнар:

– Ты-то зачем здесь?! Да вы сидите, сидите, – повернулся он к Рампэс и Рэдэду. – Я по срочному делу. Даур послал меня за тобою, Рэдэд! Все уже собрались в кунацкой!

– Ну чего горячишься? – поднялся Рэдэд. – Расскажи толком, что там у вас стряслось.

– Пустомеля и хвастун Хакара решил занять в Мазиб место покойного князя Лаурстэна, а его прихвостень Шаниб обиделся, что я без особого старания хлопал в

ладоши, не проявил должного восторга по этому поводу. Вот и ударил меня плеткой. Ну а наши парни всыпали ему... Да так, что он позабудет, как и плетку в руки берут. Пойдем скорее, Рэдэд, там ждут тебя, там узнаешь все подробнее. Отец мой доброго кабанчика подвалил в честь гостей, теперь зажаривают его.

– Раз уж такое дело, тебе надо пойти, сын мой. Но зачем берешь меч, оставь его, надо с миром идти.

– Правильно решил Рэдэд, все наши парни при оружии, – поправив на боку меч, с достоинством произнес Тураб. – Ведь не известно, что надумает этот Хакара со своими прихвостнями. А ты, Рампэс, не беспокойся, – заверил Тураб, – мы воду не носом пьем. И ты, Айнар, не волнуйся, все будет хорошо.

– Да-да, Тураб, мы с Айнар помолимся богам, пусть они помогут вам утихомирить ваших обидчиков. Будете мимо идти, скажите Гошнаг, что я оставила Айнар помогать мне шерсть валять. Если есть время и у нее, пусть тоже придет – повидаемся, поговорим. Отправляйся, сын, постарайся быть достойным своего отца. Прежде чем войти в дом, внимательно посмотри, что и как там, а уж потом переступай порог. Ты, Тураб, конечно, понимаешь, о какой двери я говорю...

– Конечно, княгиня из княгинь, мудрая среди мудрых. Можешь быть спокойной за сына, наши парни не дадут в обиду своего князя.

Рампэс грустным взглядом проводила Тураба и потом сказала:

– Родители его порядочные и добрые люди, но, похоже, было у них что-то в роду такое, за что боги наказали, сделав несчастным их сына.

– Пусть бы боги покарали тех, кто виноват, а зачем наказывать безвинного парня, – усомнилась Айнар.

– Может, он сам чем-нибудь провинился? Но какой страшный грех мог совершить мальчик? Впрочем, это тайна самих богов, которую нам не дано знать. А ведь о Турабе можно сказать только хорошее.

– Моя нану и Анисат тоже о нем хорошо отзываются. Рампэс улыбнулась:

– Может быть... в него можно и влюбиться.

– Да, парень он дельный, своего не упустит, наверное, хозяином хорошим будет.

– Часом, ты не влюбила в него? – заулыбалась Рампэс.

– Что ты, княгиня, скажешь такое! – покраснела Айнар, поднимаясь, чтобы уйти.

– Нет-нет, дочка, я просто пошутила, не сердись.

Гошнаг и Айнар помогли Рампэс привести в порядок шерсть. Это большая, трудная работа, если же ее делать дружно, всем вместе, тогда и нет никакой тяжести, есть только радость да благодарность каждого каждому.

Женщины простились у калитки.

– Спасибо тебе, Гошнаг, и твоей дочери, из Айнар получится настоящая хозяйка. И сердцем она добрая, и руками умелая, и лицом красивая. Счастливым будет тот, чьей женой она станет. Спасибо вам – с вашей помощью теперь будет нашим мужчинам добрая одежда.

– Даур, Чечан и Машук хорошо одеты, а вот у бедного Тураба совсем поистрепалась одежка, – заметила Айнар.

– Да-да, – улыбнулась Рампэс, глядя на девушку: мол, понимаю тебя, – не обойду и его.

– Да что это вы с Анисат – все Тураб да Тураб, словно в Мазибе и нет других мужчин, – рассердилась Гошнаг. – Он носит свой горб, как великое достоинство. Вот и плетью огрели, сам напросился, а теперь праздник по этому поводу устроили, даже поросенка зажарили! О, легок на помине, опять шум какой-то у его двора!

Они вышли на улицу.

– Да там, кажется, драка! – воскликнула Рампэс. – Не наших ли сыновей бьют?

Рампэс с палкой в руках, Гошнаг с деревянной лопатой заторопились в сторону, где завязалась ссора.

У двора Тураба дрались верхние с нижними. После кулачных стычек мужчины обнажили ножи и мечи. Уже лилась кровь, стонали раненые, были даже убитые...

Навзрыд плакали, склоняясь над убитыми и ранеными, женщины. Белый снег, цвет чистоты и спокойствия, обогрился кровью. Посреди этого безумия, на пригорке, стоял в наброшенной на плечи накидке старый Колэс с вздетыми к небу руками.

– Люди, касоги, опомнитесь, уймите свою гордыню! Убивая своих братьев, вы убиваете самих себя, совершаете страшный грех. Боги не простят вам этого, сурово накажут!.. Рампэс, сестра моя, все женщины, родившие этих

мужчин, давшие свет их глазам, только вы можете остановить это безумие!

И женщины, обнажив свои головы, бросив платки между дерущимися, остановили их, погасили страшное кровопролитие.

Вместо свадебных игрищ в тринадцати домах верхнего и нижнего Мазиба раздавались похоронные рыдания, а в двадцать одном доме устроили чапши-вечеринки...

VII

После долгих колебаний Рэдэд все же решил пойти к старому Колэсу.

Старик чинил истрепающуюся плетку, встретил Рэдэда прохладно – лишь слегка приподнявшись, скупно промолвил:

– Чего стоишь? Садись, коль пришел.

«Сильно обиделся на меня старик, вон как косится, наверное, выпроводить готов, и выпроводил бы, если б позволял обычай...» Конечно, случившееся в Мазибе, – постыдное, даже преступное, но ведь затеял его Хакара со своими друзьями. Чечан пробовал Колэсу объяснить, но тот даже слушать его не захотел. Отругал Машука, Даура прогнал, сердито бросив ему вслед: «Слишком скоро ты забыл недавнюю беду, когда руки лишился, видно, так ничего и не понял». Виной всему, что произошло в Мазибе, конечно, бедняга Тураб, потерявший в этой стычке отца. Понятное дело, Колэс участвовал в похоронах, как полагается, выразил свое соболезнование Турабу и его родственникам, но после похорон и видеть не желает горбуна, сердито называет его злосчастным. Наверно, прав мудрый старик, но я-то здесь при чем? Не я же ходил с угрозами к Хакаре, не я обидел Натая... К матери моей старик по-прежнему относится с уважением, а на меня смотрит косо, считает виновным».

Колэс все молчал, и Рэдэд не знал, как ему быть:

– Редкостная у тебя плетка, – желая начать разговор, сказал он первое, что пришло в голову.

Старик похлестал себя плеткой по голенищу, продолжая молчать. Рэдэд тоже умолк, глядя куда-то в сторону.

«Ты же мудрый человек, Колэс, но почему не хочешь понять, что я не мог поступить иначе. Когда началась

драка, разве вправе я был бросить своих товарищей, как бы я жил потом, как смотрел бы им в глаза? Но и это еще не главное. Называться князем каждый может – пожалуйста, называйся, а вот быть князем... Я должен был доказать и друзьям, и противникам, чего стою. Хакаре вот доказал, он узнал силу моего удара, волю мою. Даже перестарался, как бы теперь у него не начал на спине горб расти. Мы иногда обижаемся на рыжего Нахлеша, а по-моему, он правильно поступает с наглецами: они понимают лишь силу, на другое у них ума не хватает...»

– Тебе нравится моя плетка, Рэдэд?

– Ты умеешь делать красивые вещи, Колэс.

– По нашим обычаям, раз ты похвалил плетку, я должен ее подарить тебе, и подарил бы, но хочу сначала отстегать как следует Чечана и отстегать хорошей плеткой.

– На самом деле?.. – крайне удивился Рэдэд.

– Да-да, на самом деле. Меня никто еще так не позорил на старости лет, как он. Чечан понял это, потому своих глаз не кажет целую неделю!

По ярости, с какой говорил старик, Рэдэд понял, что Колэс действительно готов проучить своего внука.

– Вчера он был у нас...

– У тебя, – усмехнулся Колэс, – это все равно что птица на верхушке дерева, попробуй достать ее... Все ты знаешь, по глазам вижу, ведь не умеешь хитрить. Говори прямо, с какой целью дружки твои послали ко мне. Не затем же, чтобы я этой плеткой отхлестал тебя.

– Воля твоя – можешь и отхлестать, противиться не стану. А пришел я узнать, как ты себя чувствуешь, не слишком ли сердце твое разболелось?

Опять усмехнулся Колэс, едко теперь усмехнулся:

– Сначала, можно сказать, принародно выстегали меня, опозорили, а теперь, видите ли, пожалели. А прийти и узнать о моем сердце вам следовало раньше, до драки. Помолчи, княжич, раз уж затронул за самое больное. Отец твой, князь Лаурстэн, и мать, княгиня Рампэс, просили меня быть тебе советчиком, наставником твоим, вот и послушай простолоюдина... Князь – это глава большой семьи. Его первейшая забота – чтобы семья была такой, как этот кулак – единой, крепкой, лишь тогда она – семья, а не случайное скопище людей. Вы же кинулись друг на

друга и как – под предводительством князя! Слышишь, Рэдэд – под предводительством князя! Сколько людей погибло, сколько калеками остались, сколько крови пролито! И чьей? Все той же – мазибской...

– Это так, Колэс, но Хакара со своими дружками растаскивает нашу семью по углам, разделили Мазиб на «нижний» и «верхний». Как быть с ними, ведь они ничего не хотят слышать, слышат только самих себя. И как быть мне, если я – князь?!

– Воюют касоги с меотами, меоты с зихами, воюют мыстхаковцы с мазибцами. На всех твоего меча не хватит. Мудрые люди говорят: прежде чем обнажить меч, подумай и прикинь, что к чему, кто с тобой, а кто против. А то ведь взмахнешь мечом – а он развалится на куски, и ты сам останешься без головы... Где они, от имени которых ты пришел?.. И ты сам вроде бы не передо мною сидишь, а где-то далеко.

– Ты прав, почтенный Колэс, извини. Если они нужны, позову их сейчас же.

– Не надо сюда звать. Оседлайте коней.

– Можно узнать, куда?

– Если мужчину позвали в дорогу, он не должен спрашивать, куда и зачем.

– Я хотел лишь узнать, брать с собой оружие или нет, – покраснел Рэдэд.

– Зачем оружие, поедем к «нижним», проведем раненых.

– Что?! – почти вскричал Рэдэд. – Будем извиняться перед Хакарой?!

– Не Хакару, а мазибцев надо проводить. Если не желаешь – не надо, поеду один.

Рэдэд потоптался на месте, подвигал бровями и, как бы продолжая размышлять, произнес:

– А... Тураба? Как быть с ним, тоже брать с собой?

– Если согласен – возьмите, так даже лучше, мне думается, поучительней.

Однако Тураб отказался:

– Не хочу я проводить раненых, нижних мазибцев, видеть их поганые рожи.

– А ты думаешь, мне хочется их видеть, особенно Хакару? – с укором глянул Рэдэд на горбуна. – Но мы

должны унять свою гордость ради мира в Мазибе, ради мира на земле касогов, а может быть, и всей земли адыгов.

– Если так, – шмыгнул носом Тураб, – если сам почтенный Колэс пожелал, так и быть – поеду.

– Да, так пожелал Колэс, человек настоящей мужской мудрости. Ты же видел, как он упрашивал женщин снять свои платки и встать перед нами, перед всем Мазибом простоволосыми!

– Да-да! – согласно закивал головой Тураб, – если бы почтенный Колэс не призвал наших матерей и сестер, мы бы поубивали друг друга, и что после этого было бы с Мазибом...

Некоторое время они ехали молча. И вдруг Тураб со злостью заговорил:

– Рэдэд, если сказать по правде, мне все это ни к чему. Женщины, женщины... Ну и что – женщины, если моего бедного отца нет в живых? Если бы не ты, если бы не Колэс, я на части изрубил бы Хакару и всех женщин! И рубил бы их всюду, где и когда бы ни встретил, даже ночью в постели!

Рэдэд натянул поводья, резко остановил коня, угрожаяще приподнялся на стременах:

– Замолчи, несчастный, или я... Не смей так говорить о женщинах, тем более о наших матерях!

Съежился горбун, гнусаво пролепетал:

– Хорошо, хорошо, не буду больше. Просто не так я высказал свои мысли.

Снова ехали молча. Затуманились глаза Тураба, затянулись слезой.

– Если бы мать родила тебя горбатым, – начал он вздрагивающим голосом, – а с сердцем горячим, умом острым... не знаю, как бы ты относился к ней, ко всем женщинам, которые видят спервоначалу твой горб, чтобы выразить сочувствие, а ты... – и он умолк, не в силах проглотить подкативший к горлу ком.

И опять они ехали молча.

– Ты, Тураб, думаешь, быть сильным – это счастье? – нарушил молчание Рэдэд.

– Еще бы! Да будь я хоть малость похожим на тебя...

Рэдэд предостерегающе поднял руку:

– Замолчи!.. Почтенный Колэс сказал: кому много дано, с того много и спрашивают. С тебя спрашивают за

твое, с Чечана, Даура, Машука – только за их и ничьи другие дела, главным же виновником за беду в Мазибе Колэс называет меня, и все будут винить только меня, как предводителя.

Теперь Тураб остановил коня и тоже поднял руку:

– Правда твоя, Рэдэд, но поразмысли: ты стоишь – и я рядом, у тебя горячее сердце – и у меня, ты был бы счастлив, полюби тебя красавица из красавиц, и я – тоже. Стоим мы с тобою рядом. Кого же выберет Айнар? Неужели горбуна?..

– Тише, – прервал его Рэдэд, – вот и наши, ждут нас...

Всадники неторопливо, как-то весело двигались по Мазибу. Впереди – Колэс, позади на установленном расстоянии попарно четверо парней. Выглядывавшие из калиток мазибцы удивленно переговаривались:

– Интересно, куда это Колэс ведет их, может, на похороны к «нижним»?

– Нет, на похороны не так едут. Наверно, «верхние» после драки решили помириться с «нижними». Хорошо, если бы примирились. Мир – как теплое солнышко на небе, всем от него тепло.

– Если Хакара с переломленной спиной помирится с ними, дураком последним будет.

– Он и есть дурак – на что напросился, то и получил.

– А сын Лаурстэна, вчерашний мальчишка Рэдэд, вы поглядите – настоящий князь! Осанкой, плечами, достоинством – весь в отца, пусть хранят его боги.

Кто-то с издевкой хихикнул:

– А горбун-то куда?

– Заткнись! – прикрикнул на него сосед. – Грешно смеяться над убогим.

– А что такое – убогий? Хазарский предводитель Аспарух – одноглазый, но попробуй, померяйся с ним, он тебя в землю втопчет. Сам князь Лаурстэн от его руки погиб.

За поворотом показалась изба Хакары под высокой камышовой крышей. Ни у ворот, ни у коновязи никого не было. «Хорошо, чем меньше зевак, тем спокойней, болтовни меньше будет», – подумал Колэс и придержал коня:

– Парни, мой дед говорил: терпение – это вторая мудрость, второе мужество. По-всякому нас могут встре-

тить люди, с которыми вчера сходились с мечами и ножами в руках. Однако не затем мы едем, чтобы дознаваться, кто прав, а кто виноват. Не судить едем, а за братским миром.

– Почтенный Колэс, но они убили моего отца! – не сдержался Тураб. – Они...

Колэс остановил его поднятой рукой, грозно возвысил голос:

– Выходит, не за миром едем, а сводить счеты?

– Понимаю тебя, почтенный, только люди мало чем отличаются от хищных зверей, а со зверями надо поступать, как они того заслуживают. Вот я и хочу, чтобы ты, мудрейший из мудрых, объяснил мне...

– Тураб! – ехавший рядом Машук толкнул его плеткой в бок.

– Что?! Я делаю что-то не так?

– Ты слишком много разговариваешь! – угрожающе произнес Чечан.

– Чего они на меня нападают? – повернулся Тураб к Рэдэду и Колэсу. Рэдэд сделал вид, будто не слышал его, а Колэс, недовольно поморщившись, неторопливо объяснил:

– Они не нападают, а хотят, чтобы ты понял: не на свадьбу едем, тем более не мстить, даже, сказал бы, не по воле своей едем – нас позвала беда, так велят заветы наших предков.

Изба, в которую зашел Колэс со своими спутниками, была под стать своему хозяину – рослому, широкоплечему Хакаре, лежавшему на широкой кровати с резными деревянными спинками под покрывалом из волчьего меха.

Навстречу им привстал Натай, слегка поклонился и переглянулся с большим: мол, что это все значит, как мне себя вести. Хакара и сам был крайне озадачен, он не знал, как ему быть, только и сказал Натаю:

– Посади почтенного Колэса, прибывшего с верхнего Мазиба, на положенное гостю место.

Не торопясь, прошел Колэс и сел:

– Верхние, нижние мазибцы – мы едины, мы братья по крови, одного древнего корня адыгов, и пришли, как велит закон наших предков, проведать тебя и пожелать скорейшего выздоровления.

– Если так, спасибо, – взволнованно проговорил Хакара и отвернулся лицом к стене. – Хотя не знаешь, как и быть, когда к тебе приходят те, от кого пострадал.

– Ты прав, Хакара, как тут понять, что делать, когда приходят твои враги, – поддержал его Натай.

– Не враги, а те, кто утихомирил... – вмешался Тураб.

– Тураб и ты, Натай, уймись, что вы, как петухи! – потребовал Колэс. – И ты, Чечан, тоже. Тут есть и постарше вас.

Хакара, тяжело вздохнув, повернулся к гостям, с дрожью в голосе заговорил:

– Сын Лаурстэна, мало того, что ты искалечил меня, так пришел еще полюбоваться своей работой?

Рэдэд побагровел, с горькой усмешкой глянул на Колэса.

Насторожились Чечан, Машук и Тураб, напряглись их плечи. Натай пригнул голову, словно ожидал удара. Колэс предостерегающе выпрямился, глядя в глаза Хакаре, сказал:

– Когда я позвал этих парней пойти к тебе, чтобы примириться с тобой, с твоими людьми, они мне ответили, что ты не поймешь нас, не захочешь понять. Я возражал им, но, как вижу, они оказались умнее меня...

Глаза Хакары стали колючими, губы жесткими:

– Спасибо вам за добрые пожелания. Надеюсь, придет время, и вы еще пожалеете. Нахлеш обещал поправить меня за два-три месяца. Если встану на ноги – жить не захочу, не отомстив сыну Лаурстэна и этому злосчастному горбуну. А теперь мне надо отдохнуть. Натай, проводи незваных гостей.

– погоди! – поднялся Колэс и умолк, как бы собираясь с мыслями. – Есть такая мудрая поговорка, – произнес он с расстановкой, – в мертвого кабана всаживать нож не нужно. – Хотел добавить Колэс: разве не видите, что перед нами мертвый кабан, да не стал – все было и так понятно.

VIII

Два всадника встретились на узкой горной тропе.

– Эй, кто там поперек моей дороги?! – весело воскликнул рыжий Нахлеш.

– Я мог бы то же спросить и у тебя, только не смею, ведь ты старше меня, Нахлеш.

– А-а, это ты, сын Лаурстэна? Тот самый, о котором много приходится слышать и кого редко увидишь? Рад встрече, откуда и куда держишь путь?

– С добычей, с охоты еду домой.

– Один?!

– Как видишь.

– А зря. Говорят, Хакара за тобой охотится, а ты в лесу, и один. Выходит – настоящий мужчина.

– Если только этим определять достоинство, тогда грош ему цена... Я подстрелил косулю, хочу подарить тебе – доброе будет жаркое. Если хочешь – и волчью шкуру возьми – редкий попался волчище, погляди, какой мех у него!

– Спасибо, Рэдэд, только некогда мне сейчас возиться с твоими подарками.

– Тогда заглянул бы в гости к нам, уважил бы нас с матерью.

– Это другое дело, охотно загляну, тем более, что еду в Мазиб, есть у меня там дело. Ты знаешь, – продолжал Нахлеш, – как-то скучно мне стало жить, вот и отправился пораньше с надеждой, что встречу кого-нибудь, поразомну свои косточки. Да вот не повезло, тебя встретил, а не меота или хазара. Ты, видимо, знаешь – я Хакару лечу. Неладно у тебя получилось. Если уж бил его, то следовало наповал, чтобы никогда не встал. Теперь же... Тебе ли пояснять, каким страшным становится медведь после того, как охотник поранил его. Скоро уже сниму повязку со спины Хакары, и тогда он начнет охотиться за тобой. Так что остерегайся, ненависть делает человека коварным и бесстрашным.

– Бесстрашный – понятно, но после такой раны неужели он по-прежнему будет сильным, как медведь, и ловким, как дьявол?

Ухмыльнулся Нахлеш:

– Не совсем. Видишь ли, у него... Впрочем, извини, нельзя мне об этом рассказывать. Если выдам тебе его слабости, которые знаю как лекарь, боги не простят такого предательства, лишат лечебной силы.

– Да я и не прошу тебя рассказывать, наоборот, запрещаю: твое предательство делает меня подлецом, я просто перестану быть мужчиной, сыном князя Лаурстэна.

Остановил коня Нахлеш, удивленно глянул на Рэдэда пронзительными зеленоватыми глазами:

– О нет, ты не только сын князя, ты сам – князь, Рэдэд. Истинный князь, не только силой своей, но и, есть такое слово, от умных людей слышал – благородством.

«Этот рыжий Нахлеш, этот костоправ совсем не глупый человек, но ему этого мало, хочет выглядеть слишком умным, хитрым и проницательным. Я-то вижу и все понимаю. Он мне в глаза говорит, какой, мол, ты умный и не княжич, а князь уже, даже великий князь, мол, вся Касогия должна знать об этом. О том же помалкивает, что я стою поперек его дороги. Должно быть, он спит и во сне видит себя великим князем. И лечит Хакару лишь для того, чтобы тот прикончил меня, а затем прикончит самого Хакару: лекарю, наверно, это не трудно сделать, устроить в его теле, как он говорит, уязвимое место. погоди, еще посмотрим, рыжая бестия».

На вершине карагача встревоженно прострекотала сорока. Рэдэд, занятый своими мыслями, не обратил на нее внимания, а Нахлеш благодарно улыбнулся этой сторожкой птице.

«Молодец она, молодец, только так надо жить, не упуская даже малейшего шороха, потому как за ним может скрываться опасность. Вот и этот юнец, – Нахлеш взглянул на Рэдэда, – не такой простой, каким хочет казаться постороннему глазу, норовит своей простотой прикрыть себя, свои помыслы. Но я все вижу – переломал хребет Хакаре, глупому медведю, и думает: больше нет ему равных во всей Касогии. Со мною говорит вроде бы уважительно, а посматривает свысока. Вот на этом его, зазнайку, и подловлю, наброшу смертельную удавку».

– Однако, сын Лаурстэна, чего ты в стороне от меня держишься, а не рядом?

– Не в стороне держусь, а на положенном расстоянии от старшего.

– Молодец, молодец! – похвалил Нахлеш и неожиданно расхохотался, довольный своей мыслью: «Не клади в рот палец этому мальчишке – он по локоть всю руку оттяпает!»

Легкой рысью они выехали на берег Пшады, остановились на пригорке, у края распахнутой настееж долины в голубовато-белых, как подумал Рэдэд, царских нарядах.

– Посмотри, Рэдэд, разве может другая земля быть красивее этой, земли касогов?! Она нам дарована богом солнца, одним лишь нам.

– Я думаю, – мягко возразил Рэдэд, – солнце не только нам дарит свою радость.

Нахлеш недовольно поморщился: как этот еще мальчишка осмелился возражать ему, старшему.

– Если бы ты попросил у меня, младший брат, совета, я сказал бы – нехорошо, когда младший начинает спорить со старшим, нарушать наши обычаи. – Помолчал Нахлеш, многозначительно наморщив узкий бугристый лоб, окинул взглядом долину, быструю, звонкую Пшаду и неторопливо, как подобает мудрым людям, пояснил: – Всему хозяин – верховный бог Солнца, один он знает, кого сделать князем, а кого простолюдином. Не верь рассказам Чечана, Машука, горбатого Тураба, придурка Хакары, а особенно – выжившего из ума Колэса. Конечно, нельзя возражать старшим, спорить с ними. Один знающий человек мне советовал: слушай всех, но не слушайся никого. Пусть говорят умники, пусть болтают старикашки – выслушивай их, но делай по-своему, потому как ты избран самим богом.

Погладил Рэдэд, дружески похлопал по шее своего коня, негромко, чтобы, как он подумал, не нарушать тишины долины, голубой высоты неба, ответил Нахлешу:

– Ты мудрый человек, Нахлеш, можешь о наших молодых парнях что угодно высказывать, однако очень прошу тебя – не оскорбляй почтенного Колэса!

Вскинулся Нахлеш, даже конь под ним вздрогнул, заиграли ноздри его большого с горбинкой носа. Он так сжал кулаки, что хрустнули пальцы. Негромко, но угрожающе сказал:

– Слушай, сын Лаурстэна, что это вы, мазибцы, носитеесь со своим Колэсом, будто с богом каким!

– Почему с богом? – как бы не замечая его гнева, мягко возразил Рэдэд. – В Мазибе, и не только здесь – во всей округе чтят мудрость, доброту, справедливость Колэса. Думаю, нам просто повезло, что в нашем селе, вместе с нами живет такой человек, к которому каждый может

пойти за советом, с горем своим, и каждому он найдет слово успокоения... А разве мазибцы к тебе, лекарю, человеку доброй души и богатырской силы, плохо относятся? Ведь в каждом доме тебя рады видеть и благодарить... Может быть, старший брат, я сказал что-нибудь не так, тогда прости. По молодости моей, по глупости сказал.

«Мальчишка, а ведет себя, будто старая лиса...»

– Послушай, сын Лаурстэна! – возвысил голос Нахлеш, но тут же притушил его, зло ухмыльнулся, отвернувшись от Рэдэда, чтобы тот не заметил, и уже спокойно продолжил: – Не сердись, младший брат, я немного попытал тебя, твое сердце, и увидел: ты по-настоящему любишь старика Колэса. Говорят, он знает много хитростей, разных коварных приемов в борьбе и обучает тебя. Очень мне любопытно узнать, чему он тебя научил. Может, сойдемся, попробуем?

– Ты же сам говорил, что я не созрел еще для тебя, для твоей силы.

Нахлеш довольно рассмеялся:

– Что правда, то правда, ты еще слишком молод, чтобы тягаться со мной... Посмотри, если хочешь, я сейчас подам свой голос, и вздрогнут эти дубы, с них осыплется снег. Хочешь?!

– Не надо, – добродушно улыбнулся Рэдэд, – зачем разрушать такую красоту, созданную богами. Я и без этого знаю, как ты могуч. «Хвастун, хвастун ты, какого свет не видел, но придет время, поставит тебя кто-нибудь на свое место, как говорит Тураб, а то ведь, чего доброго, самим богом себя возомнишь», – подумал он.

– Спасибо, сын Лаурстэна, что веришь в меня, а я подожду, подожду, пока созреешь, в настоящую мужскую силу войдешь. На самом деле, не состязаться же мне с юнцами, – сказал Нахлеш, а сам подумал: «Подожду, пока встанет на ноги Хакара и, если не открыто, то исподтишка заколет тебя, как поросенка, потом и сам ляжет в землянку, я позабочусь об этом. Хватит, надоело мне с моим умом и моей силой гнуть перед вами спину, мечом своим защищать вас от меотов, зихов, хазар, шапку ломать да улыбаться перед вами. Наулыбался, наподхваливался – хватит! Как говорят, мы сами с усами, придет время – и поднимусь над всей Касогией...». – А кто это там скачет? Никак горбун – удивился, прервав размышления, Нахлеш. – Так и есть, –

он, нелегкая его несет. Когда встречаешь горбатого, как бы самому потом не сгорбатиться, – криво усмехнулся он.

– Что случилось, Тураб? – спросил Рэдэд.

– Ничего. Просто мой конь узнал твоего ... С приездом, Нахлеш! Почему ты сегодня без спутника, один?

– А разве я когда-нибудь брал тебя в спутники?

Тураб сделал вид, будто не слышал оскорбительных слов Нахлеша, повернулся к нему спиной, словно его и вовсе тут не было:

– Поздравляю тебя с удачной охотой, Рэдэд! Какой матерый волчище, да, видимо, глуп оказался, как иногда бывают глупы сильные телом, вот и попался.

Нахлеш тоже пропустил мимо ушей оскорбительный намек Тураба, сказал:

– Очень хорошо, что вы встретились, мне пора к бедняге Хакаре.

– Нехорошо гостю менять хозяина. Отобедай у нас с матерью, окажи честь, потом проводим тебя к Хакаре.

– Не могу: для лекаря важнее всего больной, проводите меня к нему.

– Моя нога никогда не переступит его порог, – не сдержался Тураб.

Нахлеш раскатисто захохотал.

– Это почему же? Боишься, что придется вернуть должок? Тут и кончается мужество, Рэдэд, твоего горбатого дружка...

– Нахлеш! – приподнялся на стременах Рэдэд. – Где же твое милосердие лекаря? Смотри, как бы не наказали тебя за это боги. Что касается долга – передай тому, к кому ты спешишь, что мы приезжали к нему с добром, приезжали, чтобы всем нам вместе, всем касогамам возвыситься над своей гордыней, быть достойными своих предков, а он не смог даже самую малость приподняться над своей мстительностью. Передай – второй раз мы к нему не приедем, а насчет долгов – еще разобраться надо, кто кому и сколько должен... Мы ждем тебя, Нахлеш, заходи в любое время.

После завтрака Рэдэд собрался в дорогу и уже у порога вдруг остановился:

– Мать, что с тобой? Я сердцем чувствую твою тревогу.

– Ничего особенного, просто ты уходишь, я и... немного беспокоюсь.

– Неправда. Ты и вчера весь день была озабоченная. Вижу, хочешь поговорить со мною, но почему-то не решаешься. Я не смогу уйти, пока не скажешь, что тебя так беспокоит.

– Сын мой, жизнь такая, что каждая мать живет в постоянной тревоге за своих детей.

– Не скрывай, скажи мне, что тебя тревожит?

– Ничего особенного, вернешься – тогда и поговорим спокойно. Нельзя возвращаться, когда ты уже у порога. Езжай, сын мой.

Рэдэд нерешительно переступал с ноги на ногу:

– Мы собрались в Мыстхако ненадолго навеститься. Не беспокойся, задерживаться не станем.

– С кем же ты едешь? – спросила Рампэс.

– С Дауром и Машуком.

– А Чечан?

– У него конь захромал.

«Конь, говоришь?» – хотела переспросить Рампэс, но сдержалась, подумав: между Рэдэдом и Чечаном будто черная кошка пробежала. Не Айнар ли тому причиной?

– А Тураб?

– Зачем убогого тревожить, – уклончиво ответил Рэдэд.

– Отец твой никогда не называл его убогим, не хотел этим словом обижать. Даже старался возвысить перед другими, называл умным парнем.

– Все верно, он хороший парень, только в последнее время стал совать нос не в свои дела.

– Ты, пожалуй, прав, Тураб становится болтливым...

А в Мыстхако какое у вас дело, сын? Там ведь... этот Нахлеш, я заметила – он почему-то косится на тебя, язвительными словами тебе отвечает. Не возражай, я давно это заметила, только не хотела говорить. Этот рыжий Нахлеш всегда боялся твоего отца, не любил его, скрытно враждовал с ним, а теперь вот и ты ему не по нраву. Я вижу и все понимаю. Будь осторожен с ним.

Подошел Рэдэд к матери:

– Спасибо, моя добрая, мудрая мать. Не хотел, да теперь уж скажу: охранника отцова, Темрюка, сдал в плен хазарам рыжий Нахлеш. В Мыстхако мы и едем, чтобы повидаться с Темрюком – он вырвался из плена. С его помощью, надеюсь, удастся найти след дяди Кансава.

Наполнились слезами глаза Рампэс:

– Благодарю тебя, сын, будем надеяться на помощь наших богов... Так, говоришь, у Чечана конь захромал? Ну-ну... Говорят, отец его пал от руки Темрюка. Почтенный Колэс, наверно, тоже не захочет встречаться с убийцей своего зятя... Ладно, не будем об этом. Поезжай, а я помолюсь богам, чтобы хранили тебя в дороге.

IX

С горы Мыстхако виден, как на ладони. Селение приютилось внизу, у края могучей дубравы, как бы под защитой могучих великанов. Если бы добираться по-птичьему, напрямик, то совсем тут рядом. Тропинкой же путь недалек. Словно забавляясь, она то взлетает вверх, то срывается крутизной вниз, а то просто петляет и петляет.

Лишь только всадники обогнули скалу и начали спускаться по откосу, сзади послышался топот копыт.

Приостановились путники.

– Не к добру это! – встревожился Машук, а Рэдэд сказал:

– Конечно, Тураб это, кому же еще быть, хоть в землю заройся, он и там тебя найдет.

– Доброго пути вам! – осадив коня, весело поприветствовал Тураб. Всадникам следовало ответить ему: «Раздели с нами наш путь», но они молчали. Тураб сделал вид, будто не заметил их молчания, невесело продолжал: – Вы забыли мне сказать о поездке, спасибо, Айнар выручила! Но... почему вы молчите?

– Мы искали тебя, – улыбнулся Рэдэд, – но не нашли, а ты молодец, догнал нас.

– Спасибо, я так и знал, – продолжал Тураб, будто поверил словам Рэдэда. – Ваша дорога – моя дорога, ваше оружие – мое оружие.

– Скажу честно, – признался Даур, – мы не стали тебя беспокоить, потому что в Мыстхако, как ты знаешь, живет рыжий Нахлеш, друг Хакары, а Хакара – твой... Впрочем, раз ты здесь – это хорошо, в пути лишнего всадника не бывает.

«Ты посмотри, что он говорит. Выходит, Хакара только мой враг, а им друг? А Нахлеш?! Ого, ведь сколько все они натерпелись от лекаря-костоправа. А меня-то чего чураются, я что, прокаженный?.. Надо бы Дауру как сле-

дует ответить, но в дороге, как говорят, все обиды положи в карман», – размышлял Тураб, а в слух произнес:

– Если в Мыстхако живет мерзкий Нахлеш, а в других селениях у нас тоже есть недруги, значит, нам так и сидеть в своем Мазибе, никуда не высываясь, потому что у кого-то убили отца, у кого-то сестру украли, у кого-то родственника в плен увели? Нет, мы ездили и будем ездить по всей нашей земле, и куда бы ни направились, всюду и всем должны приносить мир и доброту нашу. Ты смотришь на меня так, Рэдэд, будто не согласен с тем, что я говорю.

– Земля, созданная богами, очень велика, в каждом уголке ее люди нуждаются в покое и доброте, но, Тураб, с хазарами я буду разговаривать языком меча и пики до тех пор, пока они не перестанут на нас нападать.

– Конечно, Рэдэд, прежде всего мы должны заботиться о своих полушубках и шапках, чтобы они были добротными и чистыми, а не о вражеских.

– Думаю, Тураб, ты говоришь не только о том полушубке, что на твоих плечах, а и о полушубках касогов?

– Да! – воскликнул Тураб. – Конечно!

– Было время, когда касоги кочевали, не имея ни своих полей, ни лугов, ни селений – они их то и дело меняли, а значит, не знали, что такое родная земля. Теперь живут оседло, но еще толком не понимают, сердцем не чувствуют, что каждый должен не убегать со своей семьей в горы, не прятаться трусливо в дуплах деревьев от хазар, а подниматься навстречу врагу плечом к плечу. Подниматься всем селением, всей Касогией.

– Конечно, можно всем селением стать плечом к плечу, – вступил в разговор Даур, – но что такое Мазиб против конной лавины хазар? Только пыль от него и останется.

– Верно, Даур, но верно и другое, – продолжил Рэдэд. – Лучше с честью погибнуть, защищая родную землю от хазар, чем в позорной драке от руки единокровного брата. Думаю, придет пора, когда мы, защищаясь, будем плечом к плечу вставать не только всеми нашими селениями, а и всеми адыгскими племенами. Если это произойдет, наши внуки и правнуки будут гордиться своими предками. И как бы ни сложилась наша судьба, но мы останемся жить

именами наших рек, гор, долин и ущелий. С теми именами, которыми мы их нарекли.

– Верно, Рэдэд, очень верно! – восторженно поддержал Тураб. – Вон там высится Оштэн-гора, дальше – гора доброты, счастья Ошхамахо...

– Заговорил, запел наш соловей, – усмехнулся Машук. – «Вот так распоемся перед девчонками, они и рты разинут от удивления. Наш Тураб, наш Тураб, что-то давно его не видно, как мы скучаем без него!»

– Получается, Тураб, Хакара убил твоего отца, а ты идешь к убийце, готов братски обниматься с ним, – горячился Даур. – Меня оставили без кисти руки мыстхаковцы, теперь этих братьев по крови мне даже обнять нечем, только целоваться, выходит, осталось с ними?

Разговор так же быстро угас, как и разгорелся, дальше всадники ехали молча. Постукивали копыта о каменистую дорогу, высоко в небе гортанно прокаркал, похоже, старый ворон, перекликались сойки, встревоженно пробежал по верхушкам нагих деревьев ветер. Путники невольно ловили голоса природы, словно хотели услышать ответы на свои непростые вопросы.

– Видишь ли, Даур, – каким-то усталым голосом заговорил Тураб, – кровь убитого тобой соплеменника, братская кровь, совсем другая, чем кровь врага. Мне кажется, у нее даже цвет другой – тревожный, пугающий и... как бы это сказать... рано или поздно если не на тебя, то на твоих потомков она падет страшным наказанием.

– Что-то запутанное и непонятное плетет этот говорун, – сказал Машук и подумал: «Сам горбатый и мысли какие-то горбатые».

– Ты все-таки будешь обниматься с Хакарой, убийцей отца? – сердито спросил Даур.

– Понимаешь, мой добрый друг, теперь уже не вернешь ни моего отца, ни других, убитых мазибцев, ни кисти твоей руки, но над нашими жилищами будет гореть пламя братской крови, будет грозить всем нам, касогам, самоубийством, если мы его не погасим.

«О великий бог, Тураб повторяет мои мысли, которые не дают мне покоя ни днем, ни ночью, иногда мне кажется, что он чуть ли не мой двойник. Я прячусь от него, а он все равно находит, как и сегодня: мы отправились ведь тайком

от него, ехали потайными тропами, а он все равно нашел нас, догнал! Боже, кто он, этот убогий человек?» – Рэдэд рванул коня, бросил в намет, и только засвистел в ушах ветер, вздрогнула тропинка. За ним пустились галопом Машук с Дауром и Тураб. Закричали испуганно птицы, качнулись ветви деревьев, роняя снег на землю.

– Осторожнее, князь! Дорога скользкая, осторожнее! – встревоженно предупредил Тураб и подумал: «Что с ним? Обиделся, что ли? Нельзя же так горячиться. Моего отца убил Хакара, я хочу с ним помириться, хочу потушить огонь братской крови, что же тут плохого для тебя, для твоего Мазиба, князь! Пусть те двое, что тоже скачут за нами вслед, недовольны мною, сердятся, косятся, но тут уж ничего не поделаешь, если им боги не дали ума. Они меня называют убогим, думают, если у них нет горба, значит, они умные, сильные. Ничего, пройдет время, и парни эти будут дорожить каждым моим словом, каждым советом. Это – недоумки, но ты почему сорвался в намет, неужели не понимаешь, что ускакать от меня не сможешь, как от самого себя».

Догнал Тураб Рэдэда и, как полагается, держась на полкорпуса коня позади, сказал:

– Осади своего скакуна, осади. Ты князь мой, и я не смею поучать тебя, а все же скажу – неправильно ты сейчас поступил, нехорошо.

Рэдэд натянул поводья, придерживая коня, обернулся к Турабу, дружески улыбнулся:

– Скажи, что дурного я сделал? Просто захотелось глотнуть свежего ветра, дать волю скакуну и себе, я ж не старик еще, кровь во мне молодая, горячая. Так что же нехорошего я сделал, чем обидел тебя?

Тураб на хитрость Рэдэда решил ответить своей хитростью:

– Машук, ты старше всех нас, тебе и слово. Ехали мы по-братски тихо и мирно среди этой красоты и тишины, созданных нашими богами, и вдруг ни с того, ни с сего Рэдэд поднял своего коня на дыбы, бросил его в намет, поднял грохот, разрушил тишину, красоту разрушил. Как это понять?

Машук, ухмыльнувшись, пожал плечами и ничего не сказал.

– Говорят, мышь горы не боится, – весело засмеялся Рэдэд, – вот и ты – такой юркий, что не ухватишь тебя, не поймешь твой лукавый разум.

– Да ведь и гору – не обоймешь, не ухватишь, как понять ее?

«Вот тебе и убогий, вот тебе и горбун, – подумал Машук, – вроде он всего только и есть, что болтун, а погляди ты, погляди, как плетет свои мысли, как оплетает ими всех нас, будто паутиной, из которой невозможно вырваться, вот так и большая сильная муха, попавшая в нее, бьется-бьется и ничего сделать не может, а потом затихает от непонятной ей самой безысходности. С другой же стороны – Тураб подхалим: Рэдэд-то, можно сказать, еще совсем молодой, а горбун уже все талдонит ему: князь да князь, и самое интересное, вслед за ним почти все стали называть Рэдэда князем.

Рэдэд придержал коня, поравнялся с Турабом:

– Говорят, ты не только хитрый, но и умный, а простого понять не можешь. Или не хочешь. Мышь – она и есть мышь, попробуй ухватить ее, а вот большое... – Не договорив, Рэдэд привстал во весь свой рост на стременах, раздвинул плечи, воздев руки к небу, так громогласно издал боевой клич победителя, что заржали испуганно, дернулись лошади, посыпался снег с веток деревьев, закричал филин в лесной чаще, где-то застрекотала сорока. И покатился, покатился трубный клич горным лесным склоном к самой вершине.

– Ну что?! – торжествующе спросил он. – Понял разницу между мышью и горой?

Тураб, конечно, понял его намек и тут же нашелся:

– Очень здорово это у тебя получилось, но я тоже могу так крикнуть, что не только лошади испугаются, но и медведи в берлогах проснутся!

– А если медведь кинется за тобой, ты же до смерти перепугаешься, – ехидно заметил Машук.

Чуть прищурившись, Тураб кольнул его взглядом:

– Может быть, старший брат, ты скажешь, когда и где я прятался за твою или другую чужую спину, может, прямо скажешь, что я трус?

«Эх, горбун, неужели забыл, как ты прятался за плетнем, когда убивали твоего отца, когда меня таскали за

пустой рукав», – горестно подумал Даур, но чтобы притушить затевавшуюся ссору, миролюбиво сказал:

– Ладно тебе, Машук, мы ведь знаем – Тураб не из робкого десятка.

– Спасибо, Даур, – благодарно улыбнулся Тураб. – Разве я не был с теми, кто отбивал своих от мыстхаковцев с Нахлешем? И в схватке с нижними я был со всеми, и когда к Хакаре ездили мириться, не отстал от вас, но почему этого не хотят замечать, а все только подначивают да подзуживают. Я говорю – Хакара уже поднялся с постели, говорю – надо еще раз пойти к нему ради мира в Мазибе...

– Кто тебе сказал, что Хакара уже поднялся с постели? – удивленно спросил Рэдэд.

– Сегодня, когда я поскакал за вами, видел его с приятелями у плетня, он угрожающе помахал мне палкой.

– Что же ты всякое болтал, а главного не сказал? – рассердился Машук.

– Да у вас только и дел, чтобы убежать от меня или заткнуть мне рот, – ухмыльнулся Тураб.

– Ты говоришь, сосед, – обратился Рэдэд, – Хакара уже выздоровел, даже грозил тебе палкой, и все-таки хочешь ехать к нему мириться?

– Но это же не я, а Колэс сказал, – опять вильнул Тураб. – Чем лежать мне, горбату, в постели, решил я, лучше погибнуть в бою, как мой родитель! Жизнь она и есть жизнь, а покой – это смерть, князь, как говорят мудрые люди. И кто мог подумать, что после такого удара проклятый верзила Хакара выкарабкается. Да еще и грозит, и я думаю, не мне одному.

Помолчали всадники, каждый размышляя о своем.

– Не сам выкарабкался Хакара, а поднял его рыжий Нахлеш. Не просто так он его поднял, а как свое оружие, но против кого оно направлено?

– Это ж яснее ясного, Рэдэд; ему надо стравить тебя с Хакаром, чтобы самому возвыситься на вашей крови, – неторопливо заговорил Машук, – а Хакаре тоже очень хочется возвыситься, и тоже, получается, на крови. Они оба очень торопятся, потому что их силы идут на убыль, а твои возвышаются. Ты добрый, как и всякий большой и сильный...

– По этому поводу я хочу сказать...

Машук резко остановил коня:

– Замолчи, Тураб! Что ты все время поперек становишься. Помолчи, когда говорят старшие!

Рэдэд примиряюще поднял руку:

– Ты, конечно, прав, Машук, я еще молод, если сравнивать с Нахлешем и Хакарой, но сказать уверенно, кто из нас сегодня одержит верх, если сойдемся в схватке, не так-то просто. Пусть они попробуют, только тогда и будет все ясно, а насчет того, что я добрый... Делать добро, говорил мой покойный отец, труднее, чем зло, хотя бы потому, что, скажем, Хакара по-своему его понимает, Нахлеш – по-своему... Однако посмотрите – в Мыстхако, кажется, происходит что-то недоброе...

Х

У окраины Мыстхако, на лугу с тремя высокими дубами, толпилось множество пеших и конных. Издалека было видно – происходило там что-то неладное.

– Они собрались у дома Темрюка! – взволновался Машук. – Как нам быть?

– Поспешить надо, может, понадобится наша помощь, – решительно произнес Рэдэд и пришпорил коня.

– Мы – гости, князь, без надобности не надо вмешиваться в чужие дела, – предостерегающе посоветовал Тураб.

– Замолчи ты, наконец! – оборвал его Рэдэд и, пришпорив коня, догнал старика в полушубке, истертой шапке и остроносых чувяках, с деревянными вилами на плече. Уступая дорогу всадникам, тот опасливо поглядел на них.

– Что там у вас случилось, отец, чего народ собрался? – спросил его Рэдэд.

Старик нерешительно потоптался, поправил лисью шапку, сбившуюся набок, раздумывая, сказал:

– Ну, должно быть, в каждом селении, кроме умных и добрых людей, есть безобразники, можно сказать, поганцы. Есть они и у нас, ими верховодит рыжий Нахлеш.

– Лекарь? – спросил Тураб.

Старик тоненько засмеялся:

– Лекарь, говоришь? Он сначала сломает тебе хребет, а уж потом станет лечить. Упаси бог встретиться с ним в лесу, хуже свирепого медведя. Вы не из Мазиба, парни?

– осмелев, спросил старик. – А ты – не сын ли покойного князя Лаурстэна? Отец твой был среди всех князей князь. Нам теперь такого больше не видать. Пал бедняга от рук разбойников-хазар. Если сказать правду, этот рыжий балда, что безобразничает у дома Темрюка, такой же нахал, как и хазары.

– А скажи, почтенный, чем не угодил Нахлешу Темрюк? – спросил Машук.

– Рыжий ведь не может по-людски жить – ему за что-нибудь бы да зацепиться, показать свою власть. К Темрюку привязался – зачем тот привез в Мыстхако своего приятеля, человека не нашей веры. Вот и куролесит теперь... Вы не смущайтесь, гости дорогие, милости прошу пожаловать ко мне – от души угощу. Мы вчера с Джебагом доброго кабана подвалили, так что свежатиная ждет вас.

Рэдэд и его спутники чуть приподнялись в стременах, приветствуя старика:

– Спасибо, отец, за добрые слова о князе Лаурстэне, за приглашение в дом. Я и мои байколы¹ (он впервые громогласно назвал их так) Машук, Даур и Тураб направляемся к Темрюку.

– Спасибо и тебе, сын Лаурстэна. Вижу – славные парни твои байколы. Я, как и ваш мудрый Колэс, еще не называю себя стариком и сочту за честь сопровождать тебя, быть тоже твоим байколом. А зовут меня именем, которого я не достоин: Пшимаф. Слышите: Пшимаф – счастливый князь.

– Прекрасное имя, и мы видим – ты достоин его.

– Спасибо на добром слове, а Рыжий все пристаёт: не смей носить княжеское имя, смени его. Но ведь не я, а родители меня так называли, и я не могу нарушить их волю. Рыжий считает себя князем, потому и злится на меня, на мое имя.

– Очень интересно! – насмешливо воскликнул Тураб. – Кто и когда этого самозванца венчал на княжество?

– Не знаю, – ответил Пшимаф, – не пристало мне сплетнями заниматься, не мужское это дело, однако не могу не сказать... – старик помолчал в нерешительности, а потом все-таки сказал: – Нахлеш собирается одолеть в схватке Рэдэда, унижить его, лишит княжеского достоинства...

¹ Б а й к о л – дружинник князя.

Рэдэд только развел руками и весело рассмеялся: мол, чем бы дурак ни тешился, от этого умнее не станет.

– Знаем мы все его проделки, – сказал Даур и помахал пустым рукавом полушубка, – видишь, уважаемый Пшимаф, и это его работа, а теперь он натравливает на князя Рэдэда такого же мерзавца, как и он сам, Хакару.

«Конечно, смешно, что Нахлеш хочет быть касожским князем, но если уж говорят и говорят об этом, – подумал Рэдэд, – то и в самом деле – не бывает дыма без огня. Выходит, он и вправду будет искать повод, чтобы сразиться со мною и, пользуясь тем, что у меня еще нет такого опыта, как у него, может одолеть меня. Но это еще посмотрим!»

– Мы поедem, почтенный Пшимаф. Желаем тебе всего доброго. Пусть у тебя и дома будет все хорошо, и на охоте сопутствует удача.

– Конечно, поезжайте. Пеший конному не товарищ. Если бы я знал, что встречу таких молодцов, обязательно оседлал бы своего пегого скакуна. Поезжайте и знайте: если понадобится, то всегда буду на вашей стороне со своим другом Джебагом, вон он с пикой идет, а еще... Не обессудьте старика, хочу вам посоветовать: если в пути вам встретится пожилой мужчина или женщина, не поленитесь спешиться перед ними. Этим вы не только окажете им уважение, но и свою честь возвысите, уважение к себе призовете. Нет-нет, сейчас не надо спешиваться, это я вам на будущее.

Мыстхаковцы с большим любопытством встретили мазибцев, которые сразу встали на сторону защитников Темрюка. С прибытием Рэдэда и его дружинников их стало гораздо больше, чем сторонников Нахлеша. А вскоре появились и Пшимаф с мечом, и Джебаг с пикой, которые стали рядом с мазибцами.

– Люди, поглядите, кого на поддержку Темрюку прислали из Мазиба – один безрукий, а другой горбун! – визгливо прокричал кто-то из-за спины Нахлеша в черной мерлушковой папахе и захихикал.

Зашумела, загалдела толпа, но рыжий Нахлеш поднял руку, и все смолкло. Он стоял, подбоченясь, в полушубке нараспашку и мохнатой волчьей шапке, напротив избы, из раскрытой двери которой настороженно выглядывал хозяин.

– Темрюк, я считал тебя мужчиной, а ты, оказывается, трус! Дрожишь, как конский щавель на ветру – подмогу себе вызвал из Мазиба. Трус ты, трус и есть! Плевал я на эту подмогу, как и на твоего длинноносого грека-проповедника, руки не стану об него марать, пусть убирается вон! Клянусь именами наших богов, если он осмелится опять приехать к нам, то посажу его на кол!

Рэдэд выехал на середину:

– Нахлеш, ты ведь адыг, почему же нарушаешь один из самых святых наших обычаев?! Ведь сказано, гость в доме – все равно что в неприступной крепости.

– Истинно так! – встали рядом с Рэдэдом старый Пшимаф и Джебаг. – Пока гость находится в твоём доме, ты своей честью, своей головой отвечаешь за него.

– Это ты, сын Лаурстэна, решил поучать меня?! – взъярился Нахлеш. – А я думаю, кто это мне свет застилает... Сказать тебе – добро пожаловать, как велит обычаем, я не могу, потому что ты не в гости приехал, не с добром.

– Мы приехали к Темрюку поздравить его с возвращением из неволи, – Рэдэд и его спутники спешились, отдав лошадей молодым парням, направились во двор.

– Сын Лаурстэна! – угрожающе окликнул Нахлеш. – Ты знаешь, по нашим обычаям в дом не должно приходить сразу такое множество гостей, это может не понравиться хозяину!

– Пусть это тебя не беспокоит! – бросил через плечо Рэдэд и решительно открыл калитку.

Темрюк немало удивился тому, что его греческий гость и Рэдэд поздоровались и потом заговорили так, будто были давным-давно знакомы.

– Откуда ты знаешь моего гостя? – спросил он.

– Весною, когда ты и дядя Кансав попали в неволю, он жил почти месяц в доме почтенного Колэса.

Смуглолицый грек с шапкой вьющихся волос на голове, успокоившись, смущенно заулыбался. Он был рад встрече, с трудом подбирая адыгские слова, старался объяснить это Рэдэду, извинялся, что очень плохо знает язык. Потом, перекрестившись, начал что-то говорить на своем языке.

– Что он делает? – удивился Тураб. – Зачем это он прикладывает руку то ко лбу, то к плечам, то опять ко лбу?

– Греки, живущие за морем, так молятся своему богу, а Думитрий – проповедник, рассказывает всем о своей

вере, – объяснил Рэдэд и вопрошающе посмотрел на Темрюка: мол, поясни, чего же ты молчишь?

– Разве так молятся?.. – воскликнул Даур, но Рэдэд взглядом остановил его.

– Я понимаю тебя, Рэдэд, понимаю твой взгляд... Садитесь, уважаемые гости.

– Жив ли мой дядя? – не вытерпел Рэдэд, с трудом сдерживая волнение.

– Осенью я видел его, а теперь... как знать?

– Почему вы с ним расстались? – спросил Машук.

– Ты у себя дома живешь, и то не всегда можешь делать то, что тебе хочется, а если в неволе... – Темрюк тяжело вздохнул, помолчав, негромко продолжил: – Когда русичи разгромили хазар у Саркела, я сбежал, добрался домой, а Кансав остался, ушел с ними в Тмутаракань, я не знаю... не понял его.

– Может быть, вы не поладили? – обеспокоенно спросил Рэдэд.

– Нет, младший брат, мы были с ним очень дружны, – постарался развеять его тревогу Темрюк. – Как я ни старался уговаривать, он все-таки поступил по-своему, остался у русичей. Может быть, захотел отомстить хазарам – вместе с русичами легче это сделать. Возможно, так он решил...

– Правильно он решил, вместе с русичами сумеет отомстить как следует хазарам! – с одобрением проговорил Тураб.

– А разве касоги – слабаки, не такие храбрые, как русичи? – возразил Рэдэд.

– Ты разве не видел сегодня, что получается с нашей храбростью, где ее проявляют верхние и нижние мазибцы? – горько заметил Даур.

– Видел, Даур, видел, не слепой! – с таким гневом сказал это Рэдэд, будто во всех бедах адыгов был виноват сам Даур. А еще и он, сын князя Лаурстэна. Притушив свой гнев, он печально улыбнулся: – Если мерить честь и достоинство адыгов по Нахлешу, то лучше умереть нам всем... Ладно, пора ехать домой. Я рад нашей встрече, Думитрий, – обратился он к греку. – Едем к нам в гости, наш почтенный Колэс тоже будет тебе рад.

– Спасибо, брат, – перекрестившись, поклонился проповедник, – поблагодари от моего имени почтенного

Колэса, к сожалению, не могу вас навестить, мой путь теперь лежит в Туапсе.

– Зачем ты позволяешь ему креститься? – прошипел, наклонившись к уху Рэдэда, Тураб. – Он наколдует на нас.

– Перестань, не твое дело рассуждать о богах, без твоего ума тут разберутся.

Грек догадался, о чем говорил Тураб, но обижаться и возражать не стал – не положено это гостю, лишь по-доброму улыбнулся на прощанье.

XI

Возвращаться домой лучше бы прямой дорогой. Все плохое, казалось, уже позади. Но это только казалось, и кто знает, что на уме у Нахлеша и его пристяжных, поэтому Рэдэд решил ехать тайными тропами.

Недаром, как говорил мудрый Колэс, береженого и бог бережет. Хотя – на бога надейся, но и сам не плошай, держи ухо востро. А еще этот Тураб: «Я скорее паршивому псу поверю, чем рыжему Нахлешу». Так размышлял Рэдэд, слезая с коня. И от себя добавил: «Счастлив тот, у кого есть мудрый верный друг, вдвойне он счастлив, если два таких друга, но еще счастливей, когда есть у тебя и третий друг – твой собственный ум-разум».

– Что хорошего скажешь матери, сын мой, какие новости привез? – встретила его вопросом Рампэс.

Рэдэд ответил коротко:

– Мой дядя жив.

– Почему о такой вести ты говоришь безрадостно? – насторожилась мать.

– Я бы очень радовался, если бы дядя вернулся домой, как это сделал Темрюк.

– Что же ты замолчал, договаривай, – совсем растрожилась Рампэс. – Что с ним?

– Он подался к русичам.

Рампэс едва не уронила кувшин с молоком, опустив его на землю:

– О боги! Почему он ушел к ним, а не домой, что за люди эти русичи?

– А мне откуда знать! – вспылил Рэдэд, но тут же сдержал себя. – Разное рассказывают. Побывать бы у них,

пожить вместе, тогда бы и сказал, какие они – добрые или злые. Колэс встречался с русичем в неволе, очень хвалил его. Говорят, они сильные, храбрые воины, большими землями владеют и все расширяют свои владения.

– Если они завоевывают чужие земли, значит, такие же, как и хазары – жестокие?

– Не знаю, мать, только вряд ли есть люди более жестокие, чем хазары.

– Мне кажется, – раздумчиво сказала Рампэс, – не случайно ушел к ним Кансав, он не мог уйти к злым и подлым людям.

– Говорят, будто он с помощью русичей хочет отомстить хазарам за то, что они его сестру сделали вдовой, за всех обиженных касогов отомстить.

– Я знаю своего брата, он – такой, не смирится с обидой, – не без гордости сказала Рампэс.

– Да-да, он гордый, мужественный, только зачем же обидел всех нас? – горестно заметил Рэдэд.

– Говоришь, обидел? – очень удивилась Рампэс. – Чем он обидел всех и тебя, сын мой?!

– Дядя Кансав решил, что отомстить хазарам сможет только с русичами, будто среди касогов нет достойных воинов, тех, на кого бы он мог опереться своим плечом.

– Зачем ты так о дяде, сын мой? Просто мы с тобой не знаем, что заставило его так поступить, податься к чужим людям.

– Не знаю, мать, меня ничто не заставило бы отступить от своих...

– Не надо, сын мой, прошу тебя. Да что ж мы тут стоим посередине двора. Отведи коня и заходи в дом, он так соскучился по тебе, и не давай волю своему горячему сердцу... Чечан приходил, хотел пригласить тебя – у Колэса в доме почетный гость, тебя ждут там.

– Что за гость, откуда?

– Кажется, араб. И еще одна интересная новость, – улыбнулась мать, – Хакара приглашает тебя на вечернее застолье по случаю своего выздоровления. Двух верховых присылал за тобой.

Рэдэд в удивлении поднял брови.

– Он меня считает своим приятелем? Да в своем ли он уме? Или что-то недоброе затеял? Ведь знает – ноги

моей в его доме не будет. Тураб ему приятель, желает с ним помириться, пусть и катит к его угощению.

Не спалось Рэдэду. Он лежал на спине, заложив руки под голову, напротив окна.

Всего лишь от восхода до захода солнца пролегал день, всего лишь один день, а сколько было всего! Мать сказала: не давай воли своему горячему сердцу, но попробуй остановить его перед выходками рыжего Нахлеша, попробуй остаться спокойным, слушая рассказ Темрюка о русичах и дяде Кансаве. А этот грек – он молился своему богу, крестился, шептал молитвы... Чуждые они Рэдэду, но почему-то волновали. А наглость Хакары? Как можно перед нею сдерживать свое сердце? И этот араб, мусульманин с горящими глазами... Да еще Тураб! Вот уж вездесущий: его никто не приглашал к Колэсу, а пришел туда первым. Как клещ, если вцепится – не оторвешь.

«Странное дело, – продолжал размышлять Рэдэд, – в любой компании, даже среди пожилых людей, ведет себя почти на равных со старшими, и они почему-то ему прощают. Наверно, потому, что он убогий. Конечно, как не пожалеть несчастного. И девушки благоволят к нему из-за его беды, и парни прощают разные глупости, даже кичливость. Похоже, сами боги сочувствуют Турабу, вместе с горбом дали ему острый ум. Хвастается, что они с ним даже разговаривают. Как от него ни прячься, а он тут как тут. Вот и сегодня: казалось, тайком от него улизнули, а он все равно догнал...»

Рэдэд посмотрел на окно, за которым, казалось ему, притаилась неизвестность, подумал: может быть, это вход в таинственное царство богов? Таинственное, для простого человека недостижимое...

И тут же неотвязно вспомнился Тураб, его слова, сказанные сегодня по дороге домой: «Я не только умом и сердцем, но и горбом чувствую и даже думаю, знаю то, чего другие не знают. Вот увидите, я чувствую – сегодня в Мазибе будет беда».

Поежился Рэдэд: «Великий бог наш, упаси нас от беды, упаси от гнева своего. Может быть, ты недоволен тем, что к нам пришли гости со своими богами? Но мы ни при чем, мы верим только тебе, Великому богу солнца и другим, только нашим богам».

Помолившись и успокоившись, он забылся легким сном... И тут же услышал грохот, от которого затряслась под ним кровать, вспыхнуло окно.

Вскочил Рэдэд с постели и увидел в дверях Рампэс с горящей свечой в руках:

– Не волнуйся, сын мой, это бог грома и молнии посетил наш бедный Мазиб.

– Не помню я что-то, мать, чтобы зимой гремел гром и сверкали молнии. – «Опять этот Тураб! Опять его слова. Может, и вправду он разговаривает с богами?» – подумал Рэдэд, торопливо одеваясь, и вдруг вспыхнула яркая до боли в глазах молния, раздался такой оглушительный грохот, что заложило в ушах. Лишь какое-то время спустя, когда отлегло, он услышал, как шумит за окном ливень. Выбежав во двор, Рэдэд замер от удивления: старый ясень – это в него ударила молния – пылал огромной свечой. Первое, что пришло ему в голову – надо тушить. Он кинулся под навес, подхватил наполненные водой деревянные ведра, но на пути к пылающему дереву неожиданно появился Колэс:

– Остановись, не надо! Большой грех тушить огонь, зажженный богом!

Рэдэд увидел у калитки Тураба, а рядом Чечана и Машука, говоривших о чем-то, перебивая друг друга.

– Да перестаньте вы спорить, – прикрикнул на них Тураб, – не злите богов. Разве не видите, что они разгневались на нас, не простили нам того, что пригласили иноверцев! Теперь надо молиться, просить у них прощения, – Тураб воздел руки, произнося молитву.

Утром, выгоняя на водопой скотину, Рэдэд увидел у обгоревшего ясеня Тураба, спросил его:

– Как считаешь, правильно я сделал, что обнес изгородью дерево, подожженное богом грома и молнии?

– Ты сделал доброе и нужное дело, князь. Наверное, услышал волю Великого Светила. Это священное место, теперь мы здесь будем молиться.

Рэдэд с удивлением и душевным страхом глянул в лицо горбуну.

– Да-да, князь, наши боги не хотят, чтобы к нам ходили иноверцы и молились своим богам, прославляли их в

наших домах, под нашим небом. Не смущайся, Рэдэд, тебя благословляют боги, ты – единственный наш князь. Это должны знать все мазибцы и выполнять волю наших богов. Пойдем, я помогу тебе напоить скотину. Нехорошо, очень нехорошо, что наш князь сам должен ее поить, это тоже должны понимать мазибцы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Зима первого года XI столетия подходила к концу.

Старики по многим приметам, доставшимся им от предков, не обещали скорого тепла. Говорили, что зима еще вдоволь покуражится, так просто свой норов не усмирят. Однако наперекор всем приметам подул с востока своевольный ветер – такой сильный, что скрипели и охали могучие деревья, пронзительно свистели кусты терновника, жалобно завывало в трубах очагов. Прилетел он из дальних теплых краев и растопил, будто слизал своим языком сугробы, оголил бугорки и взгорки. Бушевал, но все тише и тише, наконец, утомленный, прилег на горных склонах, в долинах, на лугах и полях.

Оглянуться не успели, как одаренная ласковым солнцем расцвела на еще голых ветвях алыча, на пригревках заголубели фиалки, тронулись в рост, зазеленели травы. Небо оживилось трелями жаворонков, перезвоном синиц, поднялись в поднебесье гордые орлы, чтобы охотиться за юркими, уже проснувшимися полевыми мышами. В скотных базах мычали коровы, блеяли овцы, требуя свободы. Горланили петухи, квохтали куры. Дремали у ворот собаки, лениво перебрехиваясь. И конечно, вершина всему – мальчишки и девчонки, их радость, их смех и веселые задорные игры.

Это в Мазибе, в тихом уголке большой земли. Если же податься в горы или, минуя топкие болота, поросшие камышом и кугой, переправиться через быстрые речки, пойти на восток и на север, то попадешь в другие земли,

хотя над тобою будет все то же солнце. Другая, незнакомая земля, и ты не знаешь, как она тебя встретит, что окажется за тем вон кустом терновника или ивняка, кто сделает тесной твою тропу или вовсе перегорит ее. А кто притаился вон за тем дуплистым, в пять обхватов осокорем? Уже заводят свои хороводы горластые лягушки. Смеется и хохочет старый филин, будто пророчит тебе беду. А это кто? Тоскливо ухаёт, будто стонет удод: «Худо тут, худо тут».

Рэдэд и Чечан лежали у куста ивы на бурках, подложив под головы седла.

– Что с тобой, мой друг, о чем кручинишься? – спросил Рэдэд.

– Да вроде бы и нет никакой причины, а нехорошо, тревожно как-то на душе. Птица эта тоску нагоняет, что-то зловещее в ее крике.

– Да что с тобой, Чечан? Весна, все кругом радуется!

– Нет у меня на душе радости, – мрачно ответил Чечан.

– Может, тебя кто-то обидел? Скажи, не таись.

Чечан негромко, как бы укоризненно засмеялся. Помолчал, а потом заговорил:

– У тебя, Рэдэд, тоже нехорошо на душе. Тревожишься, только сказать не хочешь, а у меня... Кто и как может обидеть в такой хороший день? Слушаю и думаю: о чем тоскует удод, чем недоволен дергач, когда в небе такое ласковое солнышко, так хорошо и тихо кругом.

Засмеялся и Рэдэд:

– Если тебя только эти птицы тревожат, Чечан, тогда ты счастливый человек... Говоришь, тревожусь я чем-то, что-то таю от тебя?

Они снова помолчали.

А удод продолжал твердить: «Худо тут, худо тут», все злился на него дергач, скрипуче выражал свое негодование.

– Конечно, если даже у птиц свои заботы и тревоги, то куда от них человеку деться? Есть они и у меня, но ты не прав, будто я таюсь от тебя. Мы друзья, у нас не должно быть тайн друг от друга, иначе это не дружба.

– Хорошо ты сказал, Рэдэд. Если у тебя нет друга, это все равно, что нет правой руки. Если в дружбе нет чистоты, тогда и дружбы нет никакой, одни пустые слова, мусор. Твое слово – мое слово, твое дело – мое дело, твоя тайна

– моя тайна, потому что в дружбе два сердца бьются, как одно – так считает мой мудрый дед. – Говорил Чечан эти слова, а ему виделись ясные, такие красивые глаза Айнар, стройная фигурка Анисат и рядом с нею – довольный Тураб, тут же и Рэдэд, а он, Чечан, в сторонке. Эти видения пронеслись в его разгоряченной голове. «Наша мужская дружба, Рэдэд, конечно, превыше всего, мы молчим о своих чувствах к Айнар и Анисат, и не потому, что скрываем их друг от друга. Наверно, здесь такие тонкие струны, что их нельзя трогать походя, грубо, только боюсь, как бы мы с тобой оба не остались, как говорится, с носом, ох уж этот Тураб!» – Ты правильно сказал, Рэдэд, мужская дружба – это целое богатство, которое ни за какие деньги не купишь, ее добудешь только чистым сердцем.

– Да, Чечан, мужская дружба – это близость двух чистых сердец, это верность, – согласился Рэдэд и с едва заметной усмешкой подумал, что Тураб и Чечан считают, будто только они добиваются руки Айнар, а может – Анисат, и они обязательно добьются. Однако Рэдэд был почти уверен: Айнар отдает ему предпочтение своими робкими, по-девичьи застенчивыми глазами. – Верность, которую не может поколебать даже женщина, – вслух закончил мысль Рэдэд, – будь она даже самой первой красавицей.

– Да что там – женщина! Я что угодно готов отдать за мужскую дружбу, за верность! – воскликнул Чечан и подумал: «Ты посмотри, он будто услышал мою мысль».

– Спасибо, Чечан, спасибо, друг мой. Ты, понятное дело, сейчас больше всего занят Айнар, не думай, будто и я увлечен только ею, совсем нет... Хакара – вот кем сейчас я занят и обеспокоен.

– Как – Хакара?! – удивился Чечан. – Но ведь он со своей больной спиной, говорят, уже успокоился, смирился... Он что, присылал к тебе гонцов? Наверное, хочет, чтобы ты его еще раз хорошенько отделал!

– Дело, мой друг, не только в Хакаре. За его, как говоришь, перебитой спиной стоит Нахлеш, который и поджигает его, огонь мести разжигает.

– Но зачем это Рыжему понадобилось?

– Все очень просто – чтобы на чужой крови самому Нахлешу возвыситься. Вчера гонца присылал, мол, если я мужчина, почему не держу своего слова по отношению к Хакаре.

– И что ты ответил? – насторожился Чечан.
– Назначил срок. Сказал, пусть трава на лугу подрастет, чтоб спине Хакары было не так больно, когда я грохну его на лопатки, – озорно рассмеялся Рэдэд. – Только матери моей не говори, не надо ее тревожить. Машуку и Дауру я сам скажу.
– А горбуну Турабу, тем более, нельзя об этом говорить, он тут же раззвонит по всей Касогии...
«Ну погляди, до чего он ревнив, имени несчастного Тураба не может спокойно слышать. С чего бы это! Сам-то Чечан парень хоть куда, а соперник его – несчастный горбун. Да и ты туда же, третьим навязываешься, будто других девушек мало, – с горькой досадой подумал Рэдэд, – хотя бы та же Анисат – она ничуть не хуже Айнар».
– А главное, – разгорячась, продолжал Чечан, – Тураб помирился с Хакарой, можно сказать, предал нас.
– Напрасно ты так, Чечан. Тураб просто хочет, чтобы все мы, касоги, жили мирно, объединились в одну семью. Уж если быть справедливым, Тураба на это подтолкнул твой дед Колэс. Надо иметь большое мужество, доброе сердце, чтобы простить врага своего, смирить себя для такого дела.
– Это Тураб мужественный?! – возмущенно воскликнул Чечан. – А я думаю иначе...
Встал Рэдэд, потянулся, разминая плечи, поправил меч на поясе:
– Твой дедушка, мудрейший наш Колэс, да будет его каждый день ста днями, многому учит нас, каждый совет его мы должны принять к сердцу, следовать его мудрости.
Встал и Чечан:
– Правильно говоришь, Рэдэд. Мой дедушка советует – к каждому делу надо хорошо подготовиться, а к такому, какое тебе предстоит, особенно. Поэтому сними меч, приготовься к поединку со мной.
– Ты хочешь побороться?
– Хочу, чтобы ты набирал силу и ловкость, – пояснил, раздеваясь до пояса, Чечан. – Видишь, я обозначил круг, из которого нельзя выходить. Если выйдешь – проиграл... Конечно, ты намного сильнее меня, ты просто великан, значит, победить тебя я могу только хитростью и ловкостью. Ну давай, нападай на меня, покажи свою силу,

только знай – по-дружески тебя предупреждаю – у меня есть такой приемчик, после которого вмиг очутишься на земле. Нападай! – Чечан легкими прыжками начал передвигаться по кругу, подзадоривая Рэдэда.
– Э-э, чего ты скачешь, как коза, – раздвинув плечи, приготовился Рэдэд. – Ну, бери меня, бери!
– Нет! – отскакивал Чечан. – Разве я могу свалить такого буйвола со своей силенкой?
– Зачем же тогда вызвался? – возмущался Рэдэд.
– А затем, чтобы уложить тебя на лопатки.
– Как ты это сделаешь, несчастный? – рассмеялся Рэдэд.
– Не только я, но и ты обязательно хочешь стукнуть меня об землю. Ну, ближе, ближе, и я покажу тебе!
– Что ты мне покажешь? – начинал сердиться Рэдэд.
– А вот давай, давай схватимся. Я тебе говорил – знаю один приемчик. Никто, кроме меня, его не знает, – похвастался Чечан.
– Резкий удар носком по лодыжке?
– А ты откуда знаешь?! – оторопело воскликнул Чечан.
– Оттуда, откуда и ты, – улыбнулся Рэдэд.
– Дед показал?! – возмутился Чечан. – Вы видите, боги, видите? Получается – Рэдэд ему дороже родного внука!
– Не Рэдэд ему дороже, а Касогия, ее предводитель. Внука же своего он очень и очень любит, так что успокойся. Прием этот, или, как ты говоришь, подножку, знают только два настоящих друга – ты да я. Однако взгляни, что это за странный всадник у чагарника, он что-то везет. Скорей – по коням!
Увидев преследователей, всадник бросил в кусты свой груз, надеясь убежать налегке. Но Рэдэд, пустив скакуна в галоп, быстро догнал его, выхватил из седла, прижал могучей рукой. Когда он вернулся к Чечану, тот развязывал перепутанного мальчишку, скрученного по ногам и рукам толстой веревкой.
– Не бросай ее, – попросил Рэдэд, – свяжи крепче непрошеного гостя. Кажется, это хазар?
– Хазар, хазар! – в отчаянии закричал мальчишка и, дрожа от ненависти и обиды, кинулся на разбойника.
Рэдэд придержал его:

– Не торопись, младший брат, успокойся, успеешь рассчитаться с ним, теперь никуда не уйдет.

Мальчишке было лет двенадцать – худенький, щуплый. Припав к груди Рэдэда, он зарыдал:

– Этот разбойник убил отца и мать, опоганил сестру и потом утопил в речке. Дай, дай мне прикончить его как бешеную собаку!

– Хватит! – строго сказал Рэдэд. – Ты же не платок носишь, ты мужчина, возьми себя в руки и скажи лучше, как тебя зовут, откуда ты.

– Зовут меня Шупаш, – отстранился мальчишка от Рэдэда, смахнув рукавом слезы, нахмурился: – Наше селение Барыб у самого Меотского моря... Старший брат, дай мне свой меч, позволь отомстить за кровь моих родных!

– Он понимает наш язык? – спросил Чечан.

– Немного. Он – настоящий зверь, он пьет кровь лошади, делает прокол на ее шее и высасывает...

– А ты, что ты ел в эти дни? – спросил Рэдэд.

Шупаш надрывно, как-то по-взрослому зарыдал и вновь припал к груди Рэдэда, дрожа всем телом:

– Я тоже... шил, чтобы не умереть с голоду... Дайте мне его убить, умру, если не отомщу!

– Что будем делать, Чечан? Ведь Шупаш и в самом деле не сможет жить, не отомстив.

– Я согласен, но... управится ли он с мечом?

– А мы поможем ему.

– Не убивайте! – со стоном взмолился разбойник. – У меня дети! Совсем маленькие...

– Замолчи! – прикрикнул Рэдэд. – Как можешь ты, убийца, молить о пощаде... Не знаю, младший брат, может быть, ты еще слишком мал, чтобы убить человека?

– Нет! – вскрикнул Шупаш. – Мои глаза видели смерть родителей и сестры, мои уши слышали их страдания, я не только повзрослел, я даже состарился!

– Чечан, дай ему меч...

Когда с хазаром было покончено, всадники отправились домой. Нехорошо было на душе у Рэдэда. Когда ты сразил противника в бою, где и он мог сразить тебя, – это на равных, по-честному. А прикончить поверженного у твоих ног, беззачетного – это убийство. Да еще позволить сделать это, можно сказать, ребенку... Нехорошо, ведь боги могут и наказать за это.

А тут еще Чечан. Он говорил Шупашу:

– Вот и отомстил ты, младший брат, за родителей и сестру. Только вот убитого хазара не предали земле, бросили на съедение волкам...

Шупаш брезгливо поморщился, передернул детскими плечиками:

– Собаке – собачья смерть.

Рэдэд едва удержался, чтобы не простонать от сердечной боли: «Какой тяжкий, какой страшный грех мы взяли на душу, позволив ребенку обагрить руки человеческой кровью, позволив ему ожесточиться, испробовать сладкий яд мстительности. Прости нас, грешных», – и он поднял взор к солнцу.

Рампэс встретила всадников у ворот, и когда они спешили, спросила Рэдэда:

– Сын мой, откуда взялся этот шустрый мальчик, чей он будет?

– Его зовут Шупаш, мать. Теперь это мой младший брат. Он сирота.

– Вот как! – приветливо улыбнулась она Шупашу, по-матерински прижав к своей груди. – Боги услышали нас, подарили тебе братишку, о котором ты так мечтал.

– Мать, мой братишка очень голоден.

– Ничего, я потерплю, – благодарно улыбнулся Шупаш и крикнул Рэдэду: – Когда будешь расседлывать и разнуздывать коня, старший брат, будь осторожен – у него на шее ранка, из которой хазар высасывал кровь.

– Какой еще хазар, какую кровь?! – испуганно произнесла Рампэс. – Что же ты молчишь, Рэдэд, что все это значит, объясни, пожалуйста!

– Успокойся, мать. Потом мы тебе все расскажем и объясним.

II

Приятно сообщать людям добрую весть, и очень тяжело говорить о худом или прискорбном.

Знал это, понимал Хакара, а потому сдерживался, таил при себе свою беду...

Доброе солнце, теплые дождики гнали в рост травы на лугу, веселились горы, радовались леса весенней радо-

стью. А Хакару эта радость угнетала, ведь приближался срок поединка, назначенного Рэдэдом. Правда, на людях он по-прежнему держался достойно, даже похваляясь своей статью и силой, а когда оставался один на один с собою, худо ему становилось – в спине появлялась боль. Удивительно, что начинала ныть спина не тогда, когда он колол дрова или брался за другую тяжелую работу, или скакал лихо на коне, а когда смотрел на буйно подраставшую, веселую траву с цветами, когда вспоминал о поединке с Рэдэдом.

Вот и сегодня – веселый солнечный день, глянул Хакара в ту сторону, где возвышается дом Рэдэда, и опять заболела, заныла его спина. Рэдэд, конечно, был крепкий, плечистый парень, но в эту минуту он почему-то увиделся Хакаре чуть ли не великаном. «Да что это со мною творится в последнее время, ты что, Хакара, испугался этого мальчишку? Ты, под которым побывал на земле не один силач Касогии! Ну-ка, возьми себя в руки! Да где же это Натай шляется?! Ни жены, ни детей у него, как говорят, ни кола, ни двора, значит, и дел никаких. Или забыл, что должен сопроводить меня в такой важный день?» – Прислушался Хакара и услышал весенний перезвон наковальни Емзеша. – «Должно, собрались у кузницы мужчины, ведут разговор о весенней страде. Наверно, и Натай там уши развесил. А может, он нарочито опаздывает, чтобы досадить мне из-за бывшей своей жены? Дуралей ты набитый, если не имеешь мужской силы – не обижайся, когда она к другому голову приклонит. А Дахапса – женщина что надо, за такой грех не приударить! Поговаривают, будто к ней захаживают и с верхнего Мазиба ухажеры».

Хакара сердито хлестнул плеткой по голенищу, спустился с крыльца, подойдя к коню, дружески похлопал его по могучей шее, погладил: «Ну, ну, дружок, давай посмотрим, на что мы еще способны». С этими словами он подлез под него, изловчился и вмиг приподнял. Конь знал эту привычку хозяина, одобрительно заржал, будто заверил: «Есть, есть у тебя еще сила, хозяин, не робей!».

К воротам подъехал Натай. Спрыгнув с седла, удивленно спросил:

– Что с твоим конем, что ты делаешь с ним?

– У нас с ним все в порядке, а вот у тебя, мне кажется, плохо, – ухмыльнулся Хакара, выбравшись из-под коня.

– Что же у меня плохо? – насторожился Натай.

– Если мужчина не умеет держать слово, ему надо шапку сменить на платок.

– Зачем говоришь такое, я задержался у кузницы совсем немного...

– Ладно! – оборвал его Хакара. – В эту весеннюю пору проводят время за беседами только болтуны. Шаниб, наверное, тоже у кузницы? Едем туда, поглядим.

Успокоился Натай, покачиваясь в седле, довольно щурился на веселое солнце. Оно уже поднялось над горой, осветило быстрые воды Пшады, его лучи устремились к морю, к его голубому разливу, тоже по-весеннему яркому.

Держался Натай слева от Хакары, чуть поотстав, соблюдая обычай старшинства. Конечно, если сложить даже двух таких, как Натай, то все равно не получится одного Хакары. Натай был счастлив тем, что ехал рядом с этим важным и сильным человеком. Недаром говорят: каким бы ты ни был, но если идешь плечом к плечу с силачом, сам становишься сильнее...

Мрачные зимней порою горы зазеленели. Их весенняя зелень спокойная и легкая, как ясное небо, к которому подняли они свои вершины. А сады – в буйном цветении. Высокая ветвистая яблоня – будто небесное облако, спустившееся во двор. А рядом другое облачко – румяное, как утренняя заря, дальше – кипень алычи, абрикосов, черешен. Всю эту радость славили звонкие синицы, голосистые дрозды, а над обрывистым берегом реки заливался соловей.

Всем этим чудом природы наслаждался Натай, а Хакаре было не до радости: перед ним все маячил Рэдэд. Хакара называл его то молокососом, то паршивым выскочкой, от мыслей о нем даже ныла спина. Не болела, как после ранения, а тоскливо ныла. Вдруг вспомнился Нахлеш. Поговаривали – он не просто лекарь, а еще и колдун, способен на то, что другим не дано. Хакара надеялся: Рыжий поможет ему, не только вылечит спину, но и нашет порчу на Рэдэда. Однако получалось что-то другое. Пожалуй, было бы лучше помириться с Рэдэдом, но как это сделать, чтобы не опозориться? Не придет же к нему сам этот заносчивый паршивец, уже возмнивший себя наследным князем. Мог бы уладить все старый хитрец Колэс, только и к нему теперь запросто не подступишься. А ведь

старик сам приходил с миром, но Хакара выпроводил его. Колэс сказал ему тогда: «Не бросай камень на дорогу, сам же потом и споткнешься о него». Получается – и в самом деле споткнулся.

«Вот бы найти надежного человека, – размышлял Хакара, – только где его взять? Конечно, в Мыстхако есть достойные мужчины, но как подступиться к ним? Вот хотя бы Темрюк – бывалый, мудрый человек. Только не решится он, не захочет тягаться с Нахлешем. В Шисхарисе живет Табад, могучий, настоящий богатырь. Но он связан с хазарами, пьет, как и они, кровь, ест конину!..»

Хакара в гневе рванул поводья, поднял коня на дыбы.

– Что случилось, почтенный? – удивился Натай.

– Отвяжись. А что это за толпа собралась?

– На шихаф¹ идут, хотят вдовам и старикам на огородах помочь. Весенний день, говорят мудрые люди, год кормит.

– Конечно, помогать вдовам и старикам – святое дело. А вот скажи, Натай, почему, как я просил, ты меня не называешь князем, как верхние называют сына Лаурстэна? Может быть, у меня неподходящее имя?

– Да нет, имя твое даже очень подходящее – подобострастно заверил Натай.

– Не говори глупостей, мое имя по-нашему – хафица, черная собака. Может, этим именем и называться – Хафица?

– Нет, князь, нет! – замахал руками Натай. – Хакара – красивое имя: черная собака, могучий волкодав! Не какой-то Рэдэд. Пустое слово, ничего оно не значит.

«Болтун ты, Натай, пустомеля. Знаю я вас: говорите одно, а думаете другое. Пока был здоров, при силе, со мною чуть не до земли раскланивались, моей руке сильной кланялись. У постели юлили, все выжидали, каким поднимусь, а теперь хотите моей схватки с Рэдэдом. Одолею его – будете снова юлить, а возьмет он верх – вы перед ним начнете шапки ломать, обо мне позабудете, будто меня и вовсе никогда не знали. А этот рыжий Нахлеш? По его поганой морде вижу, как ему хочется, чтобы я растоптал Рэдэда, потом он, зная мои болячки, меня сомнет. Недаром говорится: борются двое, а побеждает третий...»

¹ Шихаф – безвозмездный коллективный труд.

Но ничего, мы еще посмотрим!» – размышлял Хакара, сжимая в гневе кулаки.

– Глянь-ка, Натай, что там у кузни за верблюды и какие-то всадники?

– Не знаю, князь. Их не было, когда я к тебе уехал.

Присмотрелся Хакара:

– Это не хазары и не ясы, кажется, арабы? Следуй за мной, только смотри, как полагается – на полконя сзади и – князь-зиусхан я, не забывай! – он дал коню под бока, с места взял крупной рысью. Левое плечо – вперед, и грудь – шире, голову в папaxe – выше. Встретил его с поклоном, как полагается встречать князя, Шаниб, взял коня под уздцы, помог спешиться.

Окинул пристальным хозяйским взглядом арабов Хакара, приветливо, в то же время строго спросил:

– Что за люди, чего хотят здесь эти вооруженные всадники?

– Мы из Аравии, – с легким поклоном, улыбаясь, заговорил на хорошем адыгском языке пожилой круглолицый мужчина в чалме, – держим путь в Тмутаракань, а вооруженные всадники – наша охрана, без которой в наше трудное время, да простит мне Аллах, нельзя.

– Ты, кажется, адыг? – все так же по-хозяйски спросил Хакара.

– Во славу Великого и Всемогущего Аллаха, я – мусульманин, адыг я. Зовут меня Ислам-Хаджи. С детства живу с арабами, служу Всевеликому Аллаху, верой и правдой служу.

– Послушай, как там тебя зовут, говоришь, всю жизнь прожил на чужбине и своего родного языка не забыл? А наши касоги, чуть только к хазарам попадут, тут же забывают язык своих отцов и дедов.

– Я думаю, если человек потерял язык, на котором говорят его мать с отцом, то он потерял самого себя. По великой милости Аллаха, жена моя и дети тоже говорят по-адыгски. Мы помним и соблюдаем обычаи своих предков, – Ислам-Хаджи огладил бороду, воздел руки к небу и стал молиться по-арабски. Воины тоже предались молитве.

Натай наклонился к Хакаре, возмущенно произнес:

– Они подняли руки к Великому богу Солнца и что-то шепчут на своем темном языке. Может, оскорбляют нашего бога?

– Замолчи! Не суйся не в свое дело, – сердито ответил Хакара.

Ислам-Хаджи слышал слова Натая и, спокойно домолившись, уважительно, благожелательно заговорил:

– О Великом и Всемогущем Аллахе нельзя отзывать так непочтительно. Я хочу, чтобы вы, уважаемые адыги, знали: нет Бога, кроме Аллаха, и когда мы после земной смерти предстанем перед Ним в потустороннем мире, он поможет Нам пройти через узкий, уже, чем волос на голове, мост Синтары...

– Хватит! – прервал его Хакара. – Нам некогда разбираться в твоей вере, да еще на непонятном языке.

– Чего доброго, мы разгневаем наших богов, – встревожился Шаниб. – Что тогда будет с нами?

Из кузницы вышел Емзеш с мечом в руках, который только что калился в огне, затем был погружен в воду и теперь, закаленный, исходил паром и устрашающей силой. Кузнец сделал несколько боевых взмахов – так мать учит своего сына делать первые шаги. Потом высоко поднял его над головой, залюбовался своей работой, делом рук своих и как бы между прочим спросил:

– Чем тебе не нравятся наши гости, Хакара?

– А чем они могут мне нравиться, Емзеш? – недовольный вопросом кузнеца, спросил Хакара. – Ты разве не слышал, как они на нашей земле молились своему богу?

– Слышал, – ответил кузнец, вытер до блеска меч шерстяной безрукавкой, опять победно вскинул его над собой, продолжая любоваться.

Не нравилось Хакаре, как разговаривал с ним кузнец, как вроде бы похвалялся своим мечом, значит – своей силой:

– Ну и чего же ты молчишь, Емзеш? Скажи свое слово.

– Обязательно скажу, вот только меч еще раз протру хорошенько, еще раз взмахну, как того требует дело, и скажу... Да не скажу, а спрошу: тебе, Хакара, нравится чалма Ислам-Хаджи и его спутников?

– Конечно, нет! – раздражаясь, ответил Хакара. – Накручено, наверчено там, и не понятно, зачем.

– Мне тоже не нравится, но я им не говорю – снимите свою чалму, как и они не говорят о моей шапке. Я не понимаю их бога и не хочу понимать, потому что у меня есть свой. А верблюды? Смешно на них даже смотреть, не то, чтобы ездить. Еще говорят – на каких-то слонах там ездят, должно быть, они смешнее даже этих верблюдов. Ну и что?! Мало ли кто нравится нам или не нравится...

– Кузнец Емзеш! – не сдержался Натая. – Что ты хочешь этим сказать нашему князю?!

– Не я, – улыбнулся Емзеш, – а наши предки говорят: уважай и чти гостей своих, какими бы они ни были.

Совсем было вышел из себя Хакара, да ничего не подделаешь: ведь не станешь возражать предкам, тем более – они тебя не услышат. Скрипнув зубами, он криво улыбнулся:

– Конечно, конечно. Мой отец говаривал: каждый по-своему седлает коня, однако... Однако они, кажется, не собираются платить за проезд по нашей земле?

– Что вы, что вы! Обязательно заплатим, – довольный кузнецом, обрадованно заверил Ислам-Хаджи. – А если вы позволите переночевать, мы хорошо заплатим и за это.

Хакара хотел что-то сказать, но кузнец опередил его:

– Об этом надо спросить у сына князя Лаурстэна, Рэдэда. Да вот он и сам едет.

Рассвирепел Хакара, но, сдерживаясь, с достоинством произнес:

– Совсем не важно, кто скажет – Рэдэд, кузнец Емзеш или Хакара. Главное, чтобы от этого было хорошо нашему Мазибу.

Двое парней, как полагается встречать князя, пошли навстречу Рэдэду, приняли его коня, помогли спешиться. Он поприветствовал пришельцев княжеским поклоном:

– Добро пожаловать, дорогие гости, милости просим в наш Мазиб.

«Ты посмотри, – багровея от гнева, подумал Хакара, – этот недоросль держится так, будто он всему здесь голова. Но подожди, мы еще посмотрим, как все обернется... А это кто? Шупаш, которого Рэдэд отбил у хазарского разбойника? Да-да, знаем мы эти грязные делишки – сам, наверно, разорил бедняцкую семью... Да и мальчишка будто звереныш, вон как блестят его глазенки! Не иначе вместе с тем

разбойником пил лошадиную кровь, а то и человеческую», – лихорадочно размышлял Хакара, морщась в улыбке. Казалось, еще немного, и он кинется на Рэдэда, но верх взяла хитрость бывалого волка.

– Князь, эти... гости, – обратился он к Рэдэду, – хотят переночевать в Мазибе и обещают за это добрую плату. Ты как смотришь на это?

– Благодарю гостей, что не проехали мимо Мазиба, от всех нас говорю им – милости просим в наш дом.

– Спасибо, князь, за доброту твою, за то, что свято соблюдаешь старинные адыгские обычаи – с низким поклоном сказал Ислам-Хаджи. – Я знал твоего покойного отца, достославного князя Лаурстэна. Мы в позапрошлом году дружески провели с ним время в городе Семендере, что у Абескунского моря. Я в дороге узнал, что Лаурстэн пал от руки хазар, вот и решил заехать, чтобы почтить память достойнейшего из достойных адыгов. Думаю, князь, мы сегодня вечером и почтим его светлую память, если будет на то твоя воля.

– Благодарю тебя, Ислам-Хаджи, и приглашаю в наш княжеский дом.

Поклонился Ислам-Хаджи:

– Помню, князь Лаурстэн много хорошего говорил о своем почтенном друге Колэсе. Если он жив, буду рад и ему поклониться.

– Благодаря нашим богам жив-здоров досточтимый Колэс и, думаю, тоже будет рад видеть тебя. А рядом со мною – его внук Чечан... Сейчас в доме у Колэса гостит греческий проповедник. Вот какой счастливый у нас сегодня день.

– Говоришь, грек, из самой Греции? – приятно удивился Ислам-Хаджи, – рад, рад буду повстречаться и с ним.

Турабу очень не нравилась, как он сказал, возня с иноверцами – то с греком, а теперь вот с мусульманами, но ничего не поделаешь, надо смириться, а главное, он уже не мог больше молчать, находиться в тени, и почти торжественно возвестил:

– Да-да, из самой Греции, христианской называется его вера!

«Вон как! – встревоженно подумал Ислам-Хаджи. – До чего же хитры и оборотисты греки! Мало того, что

отдали свою дочь в жены Великому Киевскому князю и, можно сказать, прибрали к рукам русичей, так теперь еще зарятся и на эту благодатную страну. Адыги – язычники, они, как малые дети, верят во множество разных богов. Надо опередить греков, как говорит пророк Мухаммед – восстать против иноверцев – и привести адыгов к мусульманству, да поможет мне Всемогущий Аллах!» – Так подумал Ислам-Хаджи и спросил:

– Чем расплатиться с вами, князь? Золотом, шелком или шерстью?

– Бери золото, князь, золото! – почти приказал Тураб и осекся, втянув голову в плечи.

Хакара зло покосился на него, обернулся к Рэдэду:

– Возьми лучше штуку шелка и штуку шерсти – многих бедных приоденем.

– На всех голодранцев не напасешься, а золото оно и есть золото! – возразил Шаниб.

– Ни золотом, ни шелком от врага не отобьешься, – степенно заметил Емзеш, – вот если имеется дамасская сталь, это большая помощь будет от вас.

– У меня есть меч настоящей дамасской стали, мастер, – обратился Ислам-Хаджи к кузнецу с легким поклоном уважения, – если хочешь, поменяю его на тот, что у тебя в руках, и буду с гордостью носить его.

– О, уважаемый гость, ты сразу две чести оказал мне. Разве не честь носить твой меч работы знаменитых дамасских мастеров, и разве малая честь, когда мою работу увидят и оценят в дальних странах. Но, дорогой гость, я выковал этот меч для младшего брата князя Рэдэда...

– Меняйся, Емзеш, меняйся! – восторженно воскликнул Шупаш.

– Но, младший брат, мастер Емзеш может обидеться, – мягко возразил Ислам-Хаджи.

– О нет, уважаемый гость! Если Шупаш рад такому обмену, то я буду дважды счастлив.

Ислам-Хаджи с достоинством и благодарностью поклонился кузнецу и потом Шупашу:

– Я адыг и буду верен нашим обычаям: носить этот меч – для меня большая честь. Никогда, ни на что я его не променяю. Его можно будет отнять только вместе с моей жизнью.

– А разве ты не предал своих предков, разве не променял их веру на чужую! – язвительно изрек Тураб.

– Вот именно! – поддакнул ему Натая.

Выпрямился Ислам-Хаджи, осуждающе и строго взглянул через плечо на Тураба и Натая, твердо сказал:

– То, что выбирает чистое сердце, не выгода и не измена, а любовь к истине. – С этими словами он протянул меч, игравший на солнце тонкими узорами золотой чеканки и вязью арабской надписи. Хотел прочитать эту надпись Ислам-Хаджи, но перед восторженно шумевшей толпой не рискнул. – Возьми, сын мой. Этот удивительный меч побывал в великих городах, в Мекке и Медине, он сделан искуснейшим мастером с молитвой Аллаху. Меч, изготовленный Емзешем, тоже останется у тебя, пусть они будут твоими двумя руками, пусть будет у тебя два счастья – перед твоим народом и перед Аллахом... А все-таки плату какую возьмешь с нас, князь?

– Деньгами, – ответил Рэдэд.

– У нас есть разные деньги – арабские, персидские, монгольские, русские. Какими возьмешь?

– Все едино, гость, лишь бы золото или серебро.

– Так – золото или серебро?

– Золото! – опять выпалил Тураб.

Ислам-Хаджи посоветовался со своими спутниками и сказал:

– Даем три больших золотых монеты – это больше, чем платят другие.

– А за ночлег?! – выкрикнул Даур.

– Мы так довольны встречей с вами, вашим радушием, что после полуденного намаза спокойно отправимся в путь, чтобы, минуя Мыстхако, к вечеру добраться в Шисхарис. Да будет наш Всевеликий и Вседобрый Аллах милостив к нам в дороге, пусть будет легким и приятным наш путь... Мы поговорили между собой и решили для благополучия вашего Мазиба добавить к плате еще один золотой, да хранит вас Аллах!

– Машук! – позвал Рэдэд. – Возьми у гостя четыре золотых и прибавь к тем тринадцати, что мы собираем для конных охранников Мазиба.

– А чем мы хуже охранников, сын Лаурстэна? – вызывающе взглянул Хакара на Рэдэда.

– Не хуже, но охранники будут оберегать нас от хазар и других разбойников, – глядя тоже вызывающе в глаза Хакары, ответил Рэдэд и продолжил: – Спасибо, что ты поминаешь имя моего покойного отца князя Лаурстэна, но ведь у меня есть и свое, княжеское имя.

– Я думаю, нам с тобой еще предстоит обсудить это серьезно, по-мужски.

– Я готов, но... нехорошо гостей вмешивать в наши домашние дела. Если арабские купцы решили продолжать свой путь, пожелаем им всего доброго, удачи в их деле. – Рэдэд, как всегда, легко и изящно поднялся в седло и, понизив голос, сказал Хакаре: – Прошу тебя, посмотри, чтобы никто не обидел гостей в дороге.

– Если просишь, князь, я прослежу. Все будет хорошо, – сквозь зубы процедил Хакара. – Но если Нахлеш узнает об этих богатых купцах, тут ничего не поделаешь.

Водой из притороченных к верблюдам бурдюков гости омыли ноги, лицо и руки, разостлали молитвенные коврики, встали на них лицом к югу. Ислам-Хаджи возгласил на четыре стороны света:

– Аллаху акбар! Аллаху акбар! Аллаху акбар! Аллаху акбар!

Мазибцы из любопытства приостановились. Тураб сердито прикрикнул:

– Ну чего стали, чего рты разинули?! Пришпорьте коней! Или хотите рассердить наших богов из-за этих!.. Заткните уши и скорее уезжайте от беды. Зачем пустили их сюда, осквернили наш несчастный Мазиб! Да еще их меч взяли – быть беде, ой, быть большой беде!

– Пускать их в селение нельзя, брать дорогой меч нельзя, а золото брать можно, Тураб? – ехидно заметил Чечан.

– Золото?! – испугался Тураб.

– Ну да, то самое, что ты и хотел.

– Ладно вам, перестаньте! – строго сказал Рэдэд и улыбнулся: – Золото – оно и есть золото, не себе в карман его положим, а на доброе дело пустим.

Тураб облегченно вздохнул:

– Верно сказал князь, очень верно! Если оно для доброго дела, для всех, значит, беды от него не будет. И все-таки не оглядывайтесь, а то боги наши разгневаются

и могут ослепить. – Тураб дал коню под бока, бросил его в галоп.

На следующий день к воротам Рэдэда подъехали Хакара, Натай и Шаниб. Увидела их Рампэс в окно, рассердилась: «Чего эти бездельники крутятся возле наших ворот». Вышла из дома, крикнула в сторону конюшни:

– Рэдэд, Шупаш, у наших ворот трое всадников!

По их виду Рэдэд понял – не с добром приехали.

– С худой вестью мы к тебе, князь, – удрученно произнес Хакара и, помолчав, добавил: – Половина наших вчерашних гостей... погибла. Убиты они.

– Как – убиты, кто посмел?! – возмутился Рэдэд.

– Близ Мыстхако нашли их.

– А тот, что удостоил меня мечом, тоже погиб? – спросил Шупаш.

– Среди убитых его нет, – скупо ответил Хакара.

Нехорошая мысль мелькнула у Рэдэда, но он не хотел ей верить и спросил:

– Кто вам сказал о случившемся?

– Никто. В стороне Мыстхако кружилась стая воронья, поехали мы туда и... Там увидели мыстхаковцев с Нахлешем. Они были в растерянности, ведь какая беда рядом с их домом. Позор для всех нас. Не смотри на меня так, – глядя в глаза Рэдэду, сказал Хакара, – мы тоже всякое думали, однако, не пойман – не вор.

– Тут даже не воры, не разбойники, а мерзость, подлые шакалы! – возвысил голос Рэдэд, но тут же остановил себя. – Ладно. Мы найдем их, все тайное со временем становится явным.

– Верные слова ты сказал, князь, мы согласны с тобою, с этими мыслями и приезжали к тебе.

Уехал Хакара со своими спутниками. За поворотом улицы Шаниб резко остановил коня:

– Мы в обиде на тебя, Хакара!

– Чем я провинился перед вами?!

– Почему ты спешился перед Рэдэдом, из-за чего пришлось и нам спешиться? Почему ты все время называл его князем? – выговаривал Натай.

Хакара от души рассмеялся, чему очень удивились Натай с Шанибом.

– Думал, вы догадливей, а сами-то, сами чего сползли с коней, чего гнули спины перед ним? Ну?! Чего же молчите, храбрецы! Выходит, умны задним умом, – насмешливо глянул на них Хакара и добавил: – Ничего, мы воду не носом пьем. Поехали.

III

Спрыгнув с крыльца, Шупаш кинулся к Рэдэду:

– Взгляни, взгляни на этот мусульманский меч!

– Чудак ты, разве я его не видел, – улыбнулся Рэдэд и тут же нахмурился: – Что ж ты такой непонятливый, младший брат, мать ведь говорила тебе – нельзя подавать острым концом меч или что другое. Помнишь, Колэс тоже выговорил тебе, когда ты ему протянул вилы и чуть не поранил... Не сердись. Так что там такое с мечом?

– Это золотое начертание видишь? Странное какое-то, непонятно, что оно означает.

– Ну-ка, покажи... Да здесь какие-то знаки...

– Ой, как страшно! – воскликнул Шупаш. – А этот меч не заколдует нас? Давай покажем Колэсу.

– Обязательно покажем, он все нам объяснит. А Турабу не надо показывать, даже говорить не следует.

– А он и так говорил, что меч этот зловредный, заколдованный, наши боги могут нас за него наказать.

– Ты веришь Турабу?

– Не знаю, но иногда сбывается то, о чем он говорит, а Анисат и Айнар называют его провидцем.

Рэдэд слушал Шупаша и никак не мог справиться с сумятицей в голове: гибель арабских купцов, вездесущий, все знающий Тураб и все заслонявший Хакара, похожий то на воду, которая проскальзывает у тебя между пальцами, то на змею, которую как ни хватай за хвост, она все равно подставит тебе зубы с ядом, то на мед – приторный и вязкий. Ну и – Нахлеш с его разбойниками. Где была истина, раскрывающая гибель купцов, исчезновение Ислам-Хаджи? Одно было ясно Рэдэду – она в мутном, кровавом омуте.

– Никак не могу понять тебя, младший брат. Ты говоришь и говоришь, будто плетешь что-то. То мусульманский меч, которого ты очень боишься, то будто бы наш несчастный Тураб – провидец и колдун, и тут же Айнар с Анисат, –

размышлял Рэдэд и потом настороженно спросил: – Что у этого убогого может быть с красавицами?

Улыбнулся Шупаш, задержав взгляд на Рэдэде. Он видел не раз, как у Тураба маслились глаза, когда он разговаривал с девушками, как он весь возгорался, глядя их плечи. А еще – Тураб гадал им. Брал руку и весь дрожал, говоря, будто это боги в него вселяются и предсказывают судьбы. Рассказал Шупаш об этом Рампэс, и она велела ему не вмешиваться в эти дела: «К добру это не приведет, ты лишь окажешься сплетником».

– Вот и я говорю: что у него, у такого... может быть с красивыми девушками? Просто он болтает всякие небылицы да глупости про разное таинственное, будто с богами разговаривает, и не видит, что девушки просто потешаются над ним, жалеют убогого.

– Правда? Потешаются? – удивился и обрадовался Рэдэд. – А то ведь ходят слухи...

– Болтают, – перебил Шупаш Рэдэда, и тот не только не обиделся, что мальчишка прервал его, но даже повеселел.

– Выходит, младший брат, все трое просто обманывают друг друга?

– Конечно! – обрадовался и Шупаш, что угодил старшему брату.

– Зачем мы говорим об этом! Оставим пустое. Я все думаю о мече, который нам подсунул Ислам-Хаджи. Пойдем-ка к нашему мудрому Колэсу, послушаем, что он нам скажет.

Шупаш нес меч на вытянутых руках, будто огромную, страшную змею.

– Стань-ка на свое место, слева, а то люди увидят – засмеют нас с тобою, – попросил его Рэдэд.

Шупаш стал слева и недовольно, с обидой сказал:

– Никак не могу понять, зачем эта выдумка? Вот теперь я слева, ну и что изменилось?

– Разве у вас, у меотов, не существует такой обычай?

Шупаш пожал плечами.

– Видишь ли, мы с тобой пришли в этот мир и уйдем – коротка жизнь человека, но сколько наших дедов и прадедов жило до нас, и сколько наших с тобой потомков будет жить после нас! Ты еще, можно сказать, ребенок, а уже много горького повидал, жестокости. Вот добрые,

мудрые люди и создали обычаи, законы, которые передаются из поколения в поколение, чтобы унимать жестокость, возвышать добро и справедливость. Если бы мы строго не придерживались законов гостеприимства, старшинства, уважения к женщинам и защиты слабых, законов взаимопомощи и взаимовыручки, люди превратились бы в зверей. Что же до нас с тобой, то любой встречный, даже из какого-нибудь далекого села, сразу увидел бы, кто из нас старший, к кому следует обратиться за делом, кому первому отдать свое почтение и уважение.

– Спасибо, старший брат, я понял.

– Погоди-ка, вложи меч в ножны. Вон Тураб идет с Натаем – интересно, что их свело вместе?

– Добрый день, князь! И тебе доброго здоровья, Шупаш, – поздоровался Тураб и с хитрецей улыбнулся: – Я думаю, обоюдоострый меч – это два неразлучных брата, вот и вы, Рэдэд с Шупашем, словно меч обоюдоострый. Куда же вы путь держите, если не секрет?

– А вы куда? – тоже с хитрецей улыбнувшись, спросил Рэдэд.

– Мы – недалеко, – буркнул Натай. – К Колэсу идем.

Рэдэд был недоволен, что Натай без должного почтения говорит о старике. Нахмутив широкие черные брови, назидательно сказал:

– Повидаться, поговорить с мудрейшим всей Касогии каждый рад, хотя и не каждый достоин... Однако почему ты из нижнего Мазиба идешь пешком, а не на коне, что было бы приличней?

– Отвечу, князь, – с чувством достоинства, распрямив плечи, заговорил Натай. – Сегодня в нижнем Мазибе я остался вместо почтенного Хакары, вот и решил пройтись, поглядеть, как и что у нас, а на берегу Пшады встретил божьего человека Тураба, ну и решили вместе навестить почтенного Колэса, побеседовать с ним, посоветоваться. Говорят, ты чем-то разгневал бога грома и молнии, нашего великого Тха-Шибле?

– Вот именно, Натай! – вмешался Тураб, с опаской поглядывая на меч Шупаша. – Едва мазибцы не остались без своего князя-повелителя. А все это из-за иноверца грека Думитрия, которого принимал досточтимый Колэс. А теперь еще и этот мусульманский меч, что сбоку торчит у твоего младшего брата...

– Тураб!..– повысил голос Рэдэд, но тут же смягчился:
– Значит, вы идете учить нашего почтенного Колэса уму-разуму, хотите укорить его за то, что он, чтя обычай, не прогнал своего гостя?

Натай, солидно откашлявшись, опять приосанился, неторопливо пояснил:

– Конечно, не так... резко, но все-таки скажем, что думаем, чем болит наше сердце... Мы не можем, князь, поменять наших богов на каких-то чужих. Колэс принимал у себя то христианина, то мусульманина. Не хотим этого терпеть, не позволим Колэсу...

Гневно вспыхнули глаза Рэдэда, он взялся за рукоять меча:

– Если на то пошло, нечестивцы, вы и шага не сделаете в сторону дома досточтимого Колэса!

Взялся за рукоять меча и Шупаш.

– Успокойся, князь,– примирительно произнес Тураб,– если не позволяешь, мы не только шага, но и полшага не сделаем. У нас нет дурных намерений, но я своим горбом слышу, до боли чувствую, как нашему великому богу Светила не по нраву, что вы с Шупашем схватились за мечи. Светило подает мне знаки... Тише, помолчите все.– Тураб воздел руки к небу, прикрыл глаза, прислушался, устремив ввысь горящий взор.– Да-да, о Великий, я слышу тебя... Говори, я слышу...

Натай стоял с раскрытым от страха ртом.

Притих и Шупаш, с любопытством, но без испуга глядя на Тураба.

У Рэдэда было такое ощущение, будто он смотрел на все издалека, как бы находился где-то над Турабом.

– Успокойтесь, о боги касогов! У нас все уже хорошо – Шупаш, наш добрый мальчик, уже не держится за мусульманский меч. Да, да, истинно – виноват тот, кто вложил ему этот меч в руки...

Натай, вконец перепуганный, взмолился:

– Хватит, Тураб, хватит, скажи великому богу, что мы молимся ему, до земли кланяемся. И хватит, хватит, я пойду домой.

– Мы тоже пойдем, младший брат,– сказал Рэдэд, с презрением посмотрев на Тураба.

Тураб остался посередине улицы один, он был очень доволен собой: «Только так и надо с ними разговаривать,–

едко смеялся он в душе.– Все они – трусы, лицемеры. За глаза называют меня горбуном, убогим, а в глаза не смеют – боятся. Даже сам Рэдэд побаивается, хотя очень не любит меня. Не любит, а все ж побаивается, а с меня и этого хватит. Сейчас он оглянется, обязательно оглянется...»

И в самом деле, оглянулся Рэдэд, но взгляд его был таким, что Тураб вздрогнул и отвернулся.

– Ну и как тебе Тураб? – с усмешкой спросил у Шупаша Рэдэд.

– Болтун.

– Но ты же говорил, что он колдун, провидец?

– Это другие говорят.

– Эти другие, взрослые, верят, что он колдун, а ты не веришь. Почему? – спросил Рэдэд, а сам подумал: «Как знать, может быть, мальчик, еще чистый сердцем и умом своим незамутненным, прав».

Шупаш молчал. Он засомневался: «Рэдэд тоже, наверно, верит в Тураба. Сам Рэдэд?»

– А почему ты не веришь, что Тураб разговаривает с богами?

– Потому что он слишком много говорит, болтает без конца. А когда гадают Айнар и Анисат на фасоли, я думаю, обманывает их. Но почему ты веришь ему, Рэдэд?

– В самом деле, Тураб слишком много говорит, хвастун он, однако случается, что-то умное изрекает, главное же – вперед заглядывает, видит дальше, чем мы. Послушай, Шупаш, дай мне мусульманский меч. Думаю, не следует его заносить в дом, тем более – к почтенному Колэсу: ведь у него гостит христианин. Спрячем где-нибудь в сарае, а ты носи меч, подаренный Емзешем – он ковал его с молитвами нашим богам. И еще, младший брат, я говорил тебе – мы должны беречь обычаи и законы предков, жить по ним, в этом сила нашего народа. А коли так, то и поклоняться мы должны богам, завещанным предками. Об этом-то и говорил Тураб, недовольный тем, что принимаем то христианина, то мусульманина. Этим мы можем сильно ругнать наших богов.

– Но ведь обычай предков велит нам уважать всякого гостя...

– Да, да, просто подумать страшно, какие мы после того, что произошло с арабскими купцами. Не только нам, но и нашим богам, должно быть, страшно за нас, ведь боги

– это свет добра, покоя, радости. Вот я и думаю – надо создать отряд вооруженных всадников, чтобы следить за порядком, не позволять мерзавцам творить преступления на нашей земле, позорить весь народ.

– Мне кажется, старший брат, напрасно ты послал гонцов в Шисхарис под командой Хакары, что-то не нравится мне он.

– Видишь ли, Шупаш, судить о человеке только потому, нравится он тебе или нет, ошибочно. Главное – что и как он делает, и не только для себя, но и для других, для земли своей, самое важное, живут ли в его сердце честь и доброта. Хакара – человек скрытный, вот я и решил проверить его своим доверием. Поехавшие с ним Машук, Даур и Чечан не дадут ему солгать. Кстати, почему Хакара не взял своего дружка Натая, как ты думаешь?

– Не взял? – удивился Шупаш. – А Колэс говорил: они как две руки одного человека.

– Бывает, правая рука повредит левую, а собственный меч поранит тебя самого...

Вроде бы ничего нового Шупаш не сказал о Турабе и девушках, а Рэдэд весь день тревожился сердцем, даже сердился на себя: «Ну, морочит Тураб девчонкам головы своими гаданиями да предсказаниями, но какой соперник мне горбун? Да и не посмеет он перейти мне дорогу. Вот разве Чечан, этот красавчик? Но ему нравится Анисат, кажется, у них уже что-то налаживается. А если честно сказать, ты сам во всем виноват, Рэдэд! Видишь и знаешь, что Айнар посматривает, даже как бы зовет тебя, а ты все ждешь чего-то. Получается, ты застенчивее девушки, тогда какой же из тебя мужчина!» Очень рассердился на себя Рэдэд, загорелось у него внутри, в сердце загорелось, и он решил было охладить этот жар, промчатся на коне, остудить свою боль ветром, но вышел во двор, увидел крышу дома Айнар, выглядывавшую из-за векового дуба, и как-то неожиданно для себя направил туда свои стопы.

Уже отцвели черешня и алыча, гроздьями зеленела молодая завязь. А яблоны еще были в цвету – и ярко-белые, и розовые, и с оттенком небесной синевы.

Не мычали коровы, не блеяли овцы – стада паслись на сочном лугу. Квочки водили во дворах выводки цыплят, по-матерински заботливо и строго, опасаясь коршунов,

паривших в высоком небе. Выбравшись из конюшен, носились по улице жеребята, будто мальчишки-непоседы, играли в догонялки.

Улеглось на сердце у Рэдэда, успокоилось: сейчас он увидит до удивления красивые, застенчивые глаза Айнар, услышит ее тихий певучий голос и все скажет, как и полагается мужчине... Но что это за крик в ее доме?! Неужели Айнар? Он вихрем кинулся ко двору, мигом перемахнул через плетень...

То, что он увидел, ошеломило его. Побледневшая, с ножом в руках, забившись в угол, Айнар кричала:

– Не подходи, заколю! Не подходи!

Напротив нее стоял Тураб. Рэдэду показалось, что это не человек, а лишь громадный, уродливый горб. Он схватил Тураба в охапку, со всей силы швырнул во двор.

Айнар с рыданием кинулась к Рэдэду. Ее горячие слезы жгли его грудь. Он слышал, как гулко билось ее сердце. Два сердца бились, как одно. Да при чем тут Тураб, при чем Чечан или еще кто-то! Он даже не подозревал, что такое может быть, но теперь точно знал, даже не знал – просто чувствовал: когда сливаются двое, становятся одним, единственным на всем белом свете, – это и есть любовь...

С черного неба сквозь окно на Рэдэда смотрела большая и такая яркая звезда, что он решил – это бог любви его и Айнар. Есть же бог Солнца, бог леса, и конечно же, решил Рэдэд, есть и бог любви. Правда, он не такой большой и могучий, как бог Солнца, но у него есть своя сила, без которой не было бы жизни под небом.

В окно постучали.

Накинув на плечи лисий полушубок, Рэдэд вышел на крыльцо:

– Кому это я понадобился среди ночи?

– Это я, Тураб.

– Что случилось?

– Поговорить надо... не сердись, пожалуйста.

– Проходи.

Неярко, как-то печально, горела свеча над очагом. Взрагивали тени на стене.

– Ну?! – нетерпеливо бросил Рэдэд.

– Я не могу спать, ничего не могу делать после того, что случилось в доме Айнар. Мне надо бы подняться на скалу и броситься вниз головой, чтобы она разбилась о камень, но боги пощадили меня. Ты большой и сильный, Рэдэд, пощади и ты – не говори никому о моем позорном поступке, именем твоего покойного отца князя Лаурстэна прошу тебя...

– Не трожь имени моего отца!

– Не могу понять свой поступок, – продолжил Тураб, – это было какое-то наваждение...

– Что еще за наваждение!

– Когда во мне закипает дурная мужская кровь, я забываюсь, теряю рассудок, на любую женщину готов кинуться. Горе, горе мне...

– Да ты и в самом деле сходишь с ума! Тебя следует оскопить!

– Нет, князь, боги не простят этого ни мне, ни тебе, – слезами заблестели глаза Тураба, он вдруг опустил голову, обмяк. – Припадок накатывает на меня, когда я слышу голос богов. Это их воля, а не моя и не твоя.

Они сели на скамейку у очага, в котором угасал огонь.

Рэдэду стало жалко Тураба:

– Послушай, почему бы тебе не жениться, тогда кончатся все твои мучения.

– Кто пойдет за меня? – с горечью промолвил Тураб. – Они только болтать могут со мной, забавляться моими гаданиями, разве я не вижу...

– Да оставь ты этих красавиц, тебе нужна просто добрая женщина. Почему бы не жениться на бывшей жене Натая?

– Нет! – решительно возразил Тураб. – Я об этой... Дахапсе и слышать не хочу.

– Тогда не знаю, чем помочь тебе, бедолаге, – сказал Рэдэд и испытующе глянул на Тураба, на лице которого отражались блики светильника. От этих бликов лицо Тураба показалось Рэдэду таким же уродливым, как и горб, вместе с тем на нем лежала печать непонятного, загадочного, даже таинственного. – Послушай, может, для мужских надобностей взять... – сказал Рэдэд и как бы споткнулся.

Тураб тихонько засмеялся, тихонько и горько:

– Я знал, князь, что ты добрый, что не только простишь меня, но и поможешь своим добрым сердцем.

Ушел Тураб, и тут же появился Шупаш:

– Чего это горбун шляется по ночам?

– Ты что, подслушивал?

– Нет, я был настороже: от него ведь всего можно ожидать.

– Спасибо, брат, за заботу, – улыбнулся Рэдэд, – иди спи. Он просто приходил просить у меня прощение за Айнар.

– А что с ним? – удивился Шупаш.

– Он несчастен и не только тем, что горбат, у него... Успокойся и иди спать, как-нибудь потом расскажу об этом.

Из Шисхариса князю Рэдэду принесли недобрую весть: иноземных купцов ограбил и убил рыжий Нахлеш со своими дружками.

– Вам не кажется, – спросил Рэдэд, провожая взглядом удалявшихся всадников, – что навел Нахлеша и помог ему Хакара?

– Он хитер, как змей, – сказал Машук, – но, как говорят мудрые люди, сколько ни вытирай меч, несправедная кровь все равно на нем останется.

– Придет час и Хакары, и все тайное станет явным, – добавил Даур.

IV

Ошибается тот, кто думает, что в темноте ничего не видно, а в лесу – не слышно.

По Мазибу из конца в конец словно ветром гоняло слухи о Нахлеше и Хакаре. Рыжий Нахлеш хитрил, скрывая свои намерения, но потом не выдержал и пошел, что называется, в лобовую: гордо восседаая на жеребце, прискакал со своими байколами к подворью Хакары и, не слезая с коня, презрительно спросил:

– Это верно, что ты струсил, испугался сопляка, сына Лаурстэна?

– Добро пожаловать, дорогие гости, в дом! – с чуть заметным поклоном пригласил Хакара. Нахлеш будто и не слышал, продолжал, подбоченясь, сидеть на коне. – Спустишься на землю, не позорь меня перед всем миром, – сдерживаясь, попросил его Хакара.

– Ответь на мой вопрос, а потом посмотрим, стоит ли нам спешиваться у твоего дома.

– Ты ведь знаешь, Нахлеш, почему я не иду на поединок с Рэдэдом. Ты знаешь, я предан тебе, не только делом – даже словом ни разу не изменил, всегда на твоей стороне...

Угрожающе взмахнул плеткой Нахлеш, боясь, как бы Хакара при людях не вспомнил ему грабеж арабских купцов, и так гаркнул, что конь испуганно запрядал ушами:

– Хватит болтать! Не скажу, что ты трус, – сбавил он голос, – но мне обидно знать, что покалечивший тебя сын Лаурстэна может остаться неотмщенным. Если ты позволишь – при всех об этом говорю – я до пояса вобью его в землю, отомщу за тебя. Коль согласен – седлай коня, поедем к сыну Лаурстэна и сегодня же назначим день нашего с ним поединка...

Старики во главе с Колэсом, сидя на завалинке и щурясь на солнышко, вспоминали давно минувшие времена, говорили о грядущем, когда уже без них будут сиять утренние и вечерние зори, цвести на лугу цветы, петь свои песни в лесах птицы.

– Что это там за всадники? – взглянув вдаль из-под руки, спросил Колэс и сам же ответил: – Сказать, гости – так многовато их, а если войско – то слишком мало. Шупаш, у тебя глаза молодые, посмотри, кто там скачет?

– Впереди рыжий Нахлеш, рядом с ним Хакара, а зади еще какие-то всадники.

– Вы посмотрите, люди добрые, посмотрите на них! – поднялся, опираясь на посох, белобородый старец Татух. – Каждый – хоть в телегу запрягай, хоть землю пахать, а они мотаются без дела. Бездельник весной страшнее врага, потому как своим бездельем семью свою на голод обрекает. Ну ладно, я, пожалуй, отправлюсь домой.

– Куда же ты? – остановил его угрюмый, с мохнатыми бровями, в вытертом лисьем полушубке старик Гучипс.

– Пойду поросят кормить, а вы оставайтесь со свиньями, глаза бы их мои не видели.

Встал и Колэс:

– Вон как гарцуют под ними кони, вон как! Не с добром, видно, они едут, не с добром. Похоже, к Рэдэду. Пойдемте и мы туда. Шупаш, быстренько принеси мой меч.

Поднялся, побряхтывая, Гучипс. Когда старики приблизились к подворью Рэдэда, их догнал Татух с деревянными вилами на плече.

– Уж слишком быстро ты управился с поросятами, – с усмешкой заметил Гучипс.

Татух тоже улыбнулся:

– Решил – потерпят они. Тут, я вижу, почтенный, кое-что поважнее...

У ворот в окружении байколов друг против друга стояли Нахлеш и Рэдэд. Колэс пробрался, встал между ними.

– Раз уж вы не соизволили сойти с коней, – решительно произнес он, обращаясь к Нахлешу, – скажите прямо, без лишних слов – зачем пожаловали?

Тот, глядя с высоты своего седла, сдержанно сказал:

– Почтенный, да будет каждый твой день равен ста дням! Мы приехали не ссориться или воевать с вами, не спешились же только потому, что дело наше займет меньше времени, чем слезать с коня, а потом подниматься на него. – После этих слов Нахлеш обернулся к Хакаре: – Скажи, уважаемый, при всем честном народе, что недуг твой не позволяет тебе отстоять свою честь в поединке с князем Рэдэдом.

– Да, Нахлеш, я уже говорил тебе это и теперь повторю при всех, – почему-то с гордостью, распрямив плечи, сказал Хакара и потом вдруг поник, склонив тяжелую голову чуть ли не до гривы коня: – По болезни своей не могу постоять за себя, не одолеть мне князя Рэдэда.

Хотя Хакара, конечно, был ему врагом, Рэдэд, глядя на него с сожалением и даже с болью, подумал: «До чего же ты дожил, что позволяешь унижать себя при всем народе». Подумал и тут же спохватился: ему показалось – Хакара не от стыда опустил голову, а чтобы спрятать какой-то недобрый замысел.

– Подожди, не уезжай, Хакара! Чего ты пригнулся, будто тебя уже на лопатки положили!.. Мыстхаковцы, мазибцы! – привстал на стременах рыжий Нахлеш. – Вы все видели и слышали, теперь послушайте, что я скажу тому, у чьих ворот мы стоим. Сын Лаурстэна Рэдэд, я хочу защитить поруганную тобой честь Хакары и вызываю тебя на поединок! Слушаю тебя – назначай любой, удобный для тебя день.

«Ах ты, старая лиса, – подумал Рэдэд, – вон что надумал! Выходит, вместо себя подставляешь этого рыжего олуха? Ловко, очень ловко». Рэдэд с откровенной насмешкой глянул в лицо Нахлеша:

– Даю тебе неделю, Рыжий. Если не передумаешь...

Рыжий Нахлеш так возмутился, что чуть не выпрыгнул из седла, грозно размахнув плеткой, он вскричал:

– Это я передумаю?! Да знаешь ли ты, сын Лаурстэна, что в мои сорок лет, которые я прожил по воле наших богов, ты первым назвал меня рыжим? Здесь, в твоём родном Мазибе, на виду всех людей я задушу тебя, как поганого щенка! Это будет в любую погоду, – бросил он зло, подняв коня на дыбы, – хоть в дождь, хоть в снег, хоть в самую страшную бурю!

Тяжело опираясь на кизилковый посох, к воротам Рэдэда приковылял старый Гучипс и, глядя вслед удалявшимся непрошеным гостям, сердито произнес:

– Ну и чего вы оставились в спины тем бездельникам во главе с рыжим обалдуюем? Будь проклята моя немощь – всюду опаздываю. Расскажи, Татух, что тут было, что случилось?

– Ничего страшного, Гучипс, – ответил Татух, – просто парни хотят померяться силами.

– Борются собираются?! – тусклые глаза Гучипса вдруг засветились, заискрились, но надолго не хватило в них силы. Опираясь на посох, качнулся старик, горестно потряхнул седою головой, чуть усмехнулся: – Ох, был ветер, да улетел, был свет в очах, да потух, была сила, да извелась. – Помолчал, глянул из-под мохнатых бровей: – Ну а ты что думаешь, Колэс, по этому поводу?

Потеребил в задумчивости редешую бороду Колэс:

– Да, да, почтенный Гучипс, были когда-то мы скакунами, и под нами вздрагивала земля, и нам ветер уступал дорогу.

Опять в глубине глаз Гучипса вспыхнули искорки, медленно опустил он подбородок на сцепленные на посохе большие узловатые руки:

– А не припомнишь ли, Колэс, кто был первым силачом в Мазибе, кого не могли побороть во всей Касогии?

– Зачем спрашиваешь? Все знают. Горы знают, трава луговая знает, внуки о почтенном, досточтимом Гучипсе рассказывают.

Старик распрямил сухонькую грудь, потряхнув бородой, пристукнул посохом о каменистую землю:

– Ты слышал, Татух? Не зря, знать, не зря мы ходили боевыми тропами...

Стоявший рядом с Рэдэдом Тураб не без ехидства спросил:

– Неужели, Гучипс, во всем Мазибе не было силача, способного тебя одолеть?

– Зря ты пытаешься дать мне подножку, – снисходительно, с легким упреком ответил старик, – за свой немалый век повидал я всяких хитрецов и скажу в назидание тебе и другим любителям подковырнуть: не одним силачом, пусть будет он богатырем из богатырей, народ наш крепкий, а многими, и чтоб все они воедино за землю свою были, а не сидели каждый в своей берлоге да друг перед другом дурную силу показывали. Если же говорить о моем времени – да, был у нас один не в пример мне силач, не только грудью, но и умом-разумом, добротой силач – князь Лаурстэн. Статный, красивый мужчина, вот как сын его Рэдэд, не в пример рыжему увальню Нахлешу. Славился в то время еще один – это Колэс. Телом был не очень крупный, но ловкий, как барс, такие хитрости, такие приемы в борьбе знал, что самых могучих силачей на землю укладывал. Чего ты зарделся, Колэс, не надо стесняться правды... Так что, Рэдэд, дурная сила – не самое главное, верзила Нахлеш – всего лишь верзила и робеть перед ним не следует. А мы с Колэсом еще кое-чему тебя подучим.

– Однако, почтенный Гучипс, у Рэдэда очень мало времени, чтобы хорошенько подготовиться, – заметил Машук.

– Неделя – не так уж мало, если по-настоящему заняться, – возразил Колэс. – Конечно, одолеть Нахлеша будет не так просто, он непременно учтет ошибки, которые допустил Хакара, но ведь и мы с почтенным Гучипсом не носом воду пьем, – заулыбался в усы старик.

Рэдэд слушал эти разговоры и как бы не слышал, в его сознании продолжали звучать слова Гучипса о том, что князь Лаурстэн был силен не только силой рук, но, прежде всего, умом и добротой, что не в своих «берлогах» должны сидеть сильные люди, а слиться воедино на благо своей родной земли. Продолжали звучать в сознании Рэдэда эти слова, их смысл жег его сердце, недавний слу-

чай с Хакарой и Нахлешем ему казался теперь мелочным, почти ничтожным, и все же... поединку быть.

Между тем, приставая к старикам, Тураб донимал их своими измышлениями:

– Боги говорят – вы не слышите их, а я слышу, – вам не надо особенно беспокоиться, потому что они защищают справедливость, а она – на стороне князя Рэдэда. Давайте же возблагодарим нашего великого бога Солнца, давайте помолимся.

Тураб, а за ним и все остальные, воздев руки к небу, произносили слова молитв, завещанных им дедами.

– Теперь нам не страшно, – заключил Тураб, – пусть рыжий Нахлеш приезжает, боги на твоей стороне, князь. Погода будет хорошая, ты его шмякнешь о сухую землю, это я, Тураб, от имени богов говорю.

– Спасибо тебе, великое Светило, за доброту твою к нам, – продолжал молиться старый Гучипс. – Ты даешь нам свет и тепло, даешь силу нашим полям и лугам, чтобы они кормили нас, но... я почему-то не слышал, как ты разговаривал с Турабом, может, туговат стал на ухо, потому и не слышал?

Тураб будто не заметил насмешливой улыбки старика, закатив глаза, он заговорил солидно и важно:

– О почтеннейший Гучипс, чтобы слышать наших богов, разговаривать с ними, надо родиться таким, как Тураб.

– Вон как! – удивленно воскликнул Гучипс. Продолжая снисходительно улыбаться, он подумал: «Если бы мне сказали, что вернут мою молодость, даже научат разговаривать с богами, все равно отказался бы родиться горбатым».

Колэс, лишь краем уха слушая этот разговор, был занят своими мыслями: «Нахлеш лечит людей – делает им добро, значит, он добрый? Но ведь такого коварного и злобного человека, как он, не сыщешь во всей Касогии. А Тураб – что он носит в своем горбу, как совмещается в нем почти детская простота и хитрость, улыбка добрая и улыбка насмешливая? Он иногда предвидит будущее, неужели и это у него в горбу? Гучипс посмеивается над ним, не верит ему, а зря. Есть, есть у горбуна что-то таинственное».

Шупаш, когда говорил Рэдэду, что не подслушивал его разговор с Турабом, сказал неправду – слышал он тот

ночной разговор, после которого горбун стал ему неприятным, даже противным. Не видать Рэдэду от него добра, ох, не видать, но как уберечь старшего брата?! Вон как мелет своим языком горбун, и все его слушают, даже мудрые старики.

– Люди, посмотрите, непрошенные гости почему-то возвращаются, что еще им надо?! – удивленно спросил Даур.

Подъехавшие рысью Хакара, Шаниб и Натай спешились. С почтительным поклоном Хакара обратился к Колэсу:

– Мы нехорошо себя здесь вели, вот и вернулись, чтобы сказать вам об этом, покаяться и поприветствовать, как учит наш старинный обычай, завещанный дедами и прадедами.

Засуетился Тураб, задвигал горбом, уже было рот разинул, но Гучипс строго одернул его:

– Помолчи, есть тут и постарше, помудрее тебя. Думаю, ты, почтенный Колэс, скажешь им от всех нас свое слово?

Помедлил Колэс в раздумье, с чувством произнес:

– Хорошо, что вы поняли это и теперь уважительно склонили перед нами свои головы. Да будут милостивы к вам боги и благословят ваш завтрашний день. Но... мне сдается, Хакара, ты хочешь нам еще что-то сказать?

Как-то обеспокоенно и нетерпеливо всхрапнул конь Хакары, ударил копытом, будто слышал своего хозяина, понимал его тревогу и заботу.

– Мы, уважаемый, и верхние, и нижние мазибцы, все касоги, живем на одной земле, под одним небом, нам светит одно солнце, хлеба и травы поливает один дождь, сердце мое болит так же, как и твое... Видят боги, я не хотел ехать к вам, рыжий Нахлеш силком привел сюда.

Вы видели, как он унижал меня перед вами. Я немог, не в силах противостоять ему... Мне хотелось бы, если позволите, поговорить с глазу на глаз с князем Рэдэдом.

– У меня нет секретов от моих людей, говори будто с глазу на глаз со мной.

– Нахлеш велел сказать тебе...

– Ну что ты умолк, говори же! – с досадой произнес Рэдэд.

– Он трижды поклялся на обнаженном мече, вознеся его к небу: если я тебе не скажу этого сегодня, то завтра он убьет меня...

– Да не тяни ты! – начал сердиться Рэдэд. – Говори, а то ведь и в самом деле убьет!

– Велел передать тебе, князь, чтобы ты перед борьбой не ел ничего такого, от чего можно вспотеть или вдруг с животом что случится.

– Пусть бешеная собака искушает рыжего поганца! – с презрением произнес Колэс. – А ты ему тоже передай: если не хочет опозориться перед мазибцами, пусть перед борьбой не ест тыквенной каши.

Шупаш осторожно хихикнул, вслед за ним все дружно захохотали.

– Прямо сейчас же все в точности передам ему! – весело ответил Хакара и рысью пустил коня.

Рампэс встретила сыновей со слезами:

– За что же мне такое наказание, чем я прогневила богов? Думала, с Хакарой все уладилось, что в дом наш покой пришел, и вот – новая напасть. Все этот паршивец Нахлеш!..

– Какая разница, мать, этот или другой. Успокойся, мы с Шупашем очень проголодались, – сказал ей Рэдэд.

– Вот как? А ну-ка садитесь к столу, накормлю вас свежей телятинкой.

– А ты чего, братишка, губы надул, – приобняв Шупаша за плечи, спросил Рэдэд, – чем ты обижен?

– Совсем не обижен, просто так...

– Просто так губы не надувают, не смотрят исподлобья. Может, ты обеспокоен, что я буду бороться с Нахлешем, или Хакара тебе не понравился? Нехорошо, нехорошо играть в кошки-мышки со старшим братом, прятать свои мысли от него.

– Потом скажу, – коротко бросил Шупаш, увидев Рампэс, вошедшую с блюдом в руках. Мать заметила его взгляд:

– Шупаш, наверное, не решается сказать при мне что-то неприятное? Не бойся, сынок, я привыкла к самым разным вестям. – Она поставила блюдо с мясом на стол, обратила свой взгляд к Рэдэду. – Ты – князь, – спокойно заговорила она, – сын достойного князя, и главное – не

терять этого достоинства. Даже если окажешься побежденным, постарайся выйти из круга с гордо поднятой головой.

– Спасибо, мать. Не беспокойся, даже побежденным, если так будет угодно богам, не уроню княжеской чести. Благодарно улыбнувшись сыну, Рампэс ушла.

– Ну ладно, младший брат, можешь таиться от меня, только ничего хорошего из этого не получится.

– Я совсем не таюсь, – чуть вспыхнул Шупаш. – И Хакара, и Нахлеш тут ни при чем. Я только хочу, чтобы ты не верил этому поганому Турабу!

– Узнал что-то плохое о нем? – встревожился Рэдэд.

– Да он не только плохой, он зловредный! Колэс говорит: Тураб все выдумывает, обманывает мазибцев, будто с ним разговаривают боги. Если им нравятся хитрые горбатые вруны, тогда сами боги...

– Не смей, Шупаш! – оборвал его Рэдэд.

– Нет-нет! Я не о богах, о горбуне.

– Смотри же! Богам надо только молиться, их можно только просить о чем-нибудь и благодарить. Ты же знаешь, как боги в гневе сожгли дерево, они могут и весь Мазиб сжечь, если мы будем непочтительно к ним относиться.

– Тураб сказал, что в день вашего поединка будет тихая, солнечная погода, а если он соврал?!.

– Я верю, что погода будет хорошей, верю, что уложу на лопатки Нахлеша. Как говорят мудрые люди, во что веришь, то и сбудется, если веришь крепко, всем сердцем, если надеешься на богов, заранее благодаришь их.

Накануне поединка, по-праздничному одетая, тихонько в избу вошла Айнар. Это было так неожиданно и удивительно, что Рэдэд и Шупаш вскочили в растерянности.

– Заходи, Айнар, – улыбаясь, Рэдэд подвинул девушке стул. – Садись. Мы так рады. Да садись ты, садись!

– Спасибо, я постою, – она прислонилась к спинке кровати возле двери.

– Зачем же стоять, если можно посидеть, – расплылся в улыбке Шупаш. – Поговорите с Рэдэдом, а мне пора... дело у меня срочное.

– Подожди, Шупаш! – смутился Рэдэд, не зная, куда деть свои огромные, казавшиеся совершенно лишними руки. – Лошадей поить еще рано, потом вместе напоим... Как вы поживаете, Айнар, все ли у вас ладно? Да садись же ты наконец.

Айнар тоже вдруг засмузилась, зарделись румянцем ее щеки. Она не решалась сесть на пододвинутый стул, не мог позволить себе сесть и Рэдэд. Они разговаривали стоя.

– У нас дома все хорошо, только и разговоров что о твоём поединке. Мы с Анисат очень беспокоимся. Потом пришла к нам и Рампэс, поэтому я...

– А что говорит по этому поводу твой брат Даур? – стараясь как-то поддержать беседу, спросил Рэдэд.

– А он... он говорит – завтра все увидим...

– Значит, не верит в мою победу? – грустно произнес Рэдэд.

– Да нет, он верит, верит! – заторопилась Айнар.

– И правильно делает, – солидно поддержал Шупаш, – если боги за нас, то нечего сомневаться.

– Ну, если боги за нас, все будет хорошо, Рэдэд! – обрадованно воскликнула Айнар. – А все же... рыжий Нахлеш такой громадный...

– Ничего, как говорит Колэс, громадный – еще не значит, что самый сильный и ловкий.

– Вот и хорошо! Я побегу: надо нане помочь масло сбивать.

V

Рэдэд долго ворочался в постели, шумно вздыхал, даже что-то невнятное бормотал, а потом затих, стал дышать ровно, успокоенно.

«Конечно, – думал Шупаш, – будешь тут и вздыхать, и ворочаться, если тебе завтра предстоит схватка с человеком, похожим на медведя, с человеком, о котором в Мазибе, во всей Касогии, только и говорят плохое. Тураб всюду вещает, что он гордится своей дружбой с князем Рэдэдом, но почему он тогда не уговорит богов дать Рэдэду победу над рыжим Нахлешем, почему тоже беспокоится за исход завтрашней схватки? Нечестно здесь что-то, неясно. Как говорит наша мать, горбун, должно быть, и правда дурит людям головы своей болтовней, но...»

Осторожно, чтобы не скрипнула деревянная кровать, Шупаш поднялся, на цыпочках подошел к окну. Небо было чистое, звездное, луна такая яркая, блестящая, будто ее только что вымыли, вычистили. «Получается – завтра будет хорошая погода, как и сказал Тураб, выходит, не

такой уж он трепач. А что если горбун и в самом деле разговаривает с богами и если слышит, как я плохо думаю о нем?»

Страшиновато стало Шупашу, даже холодно как-то, и он зябко поежился. Снова лег в постель, укрылся с головой, словно прячась от Тураба: «Не сердись на меня, я ведь без злобы, просто так... Поговори с богами, попроси их от меня, от всего Мазиба – пусть помогут Рэдэду уложить на землю Нахлеша, хорошо попроси, а я... посплю немного». И сладко уснул. Вдруг ему показалось, будто его кто-то легонько толкнул в бок. «Должно быть, Тураб услышал, сказать мне что-нибудь хочет?» Нет, тихо вокруг. Он поднялся, опять подошел к окну – уже гасли на востоке звезды, сонной стала, опустившись, луна, прокричал где-то хриплым спросонья голосом петух, над речкой ухал сыч.

– Ты чего не спишь, братишка? – окликнул Рэдэд.

Шупаш от неожиданности вздрогнул:

– Смотрю, какая погода.

– Ну и какая?

– Хорошая, как и говорил Тураб.

– Теперь ты веришь, что он разговаривает с богами?

– Ну... как сказать. Если разговаривает, почему не попросил их помочь тебе победить Нахлеша?

– Ты думаешь, он не просил? А еще я хочу тебе сказать, мой брат, боги помогают, но не так, чтобы ты сидел сложа руки, получая готовое. Они создали землю, все, что на ней, однако и человек тоже должен трудом своим создавать, идти все дальше и дальше. Главное же, боги на стороне тех, кто творит добро. Скоро в поединке и выявится, кто из нас прав, я или Нахлеш. И о Турабе – не следует говорить о нем плохо, его ведь тоже сотворили боги... Если ты не можешь уснуть, ложись со мной рядом, на зорьке обычно сладко спится.

Очень хотелось Шупашу, как бывало раньше, лечь под теплый бочок брата, пригреться и сладко уснуть. Но то было раньше, теперь же Шупаш считал себя взрослым:

– Когда моя покойная нана укладывала меня в постель, она приговаривала: спи с богом в сердце. Спи с богом в сердце и ты, старший брат. Я тоже постараюсь уснуть.

Успокоенный, Шупаш погрузился в сон, а Рэдэду не спалось, хотя он любил сладко поспать на утренней зорьке.

Мать как-то сказала ему: «Двадцать с лишним лет – это уже не юношеские, это годы мужчины, пора тебе и о семье подумать». Вспомнив ее слова, Рэдэд размышлял: «Права она, пришла уже пора заводить семью, пора, когда надо не только слушать, как поют птицы, любоваться земной красотой, но и думать – зачем они поют, зачем красота на земле, почему рядом с добром ходит зло?»

Был он мальчиком, княжичем, теперь стал князем, возвысился над людьми, а значит – на его плечи легли заботы о них, осталась ему княжеская власть по наследству от отца, как сама жизнь, и вот теперь к этой власти рвется Нахлеш. Рассказывают, он собирался побороться еще с князем Лаурстэном, одолеть его и силой возвыситься над ним. Правда, лишь разговоры вел о поединке, открыто вызвать князя на поединок не решался. Сейчас же лукавит Рыжий, утверждая, что, мол, намерен вступить за несчастного Хакару. «Боги видят насквозь его гаденькую хитрость и, конечно, решат по справедливости, по силе добра. А потом и свадьба, веселиться будем... Вот только надо уладить с дружиной, собрать хорошо вооруженных всадников». Рэдэду вдруг увиделось ласковое лицо Айнар. С мыслью о ней он и забылся предутренним сном.

Умолк над речкой сыч, а петухи в курятниках загорланили во всю мощь. Лучик солнца заглянул в окно, заиграл на щеках Шупаша, разбудил его, коснувшись глаз.

Тихонько, чтобы не потревожить Рэдэда, вышел он из дому, воздел руки навстречу солнцу, уже победно поднимавшемуся над горами к высокому веселому небу:

– Я всегда рад тебе, наш великий бог, а сегодня особенно: помоги моему брату князю Рэдэду, всем нам помоги одолеть рыжего Нахлеша!

– Вы уже поднялись, сынок? – Рампэс подоила корову и шла с деревянной бадейкой, полной молока.

– Потише, нана, Рэдэд еще спит.

– Да, конечно, всю ночь, наверное, волновался, бедненький, ведь сегодня у него такой день...

– Нет, нана, он спокойно спал, у него крепкие нервы.

– Это хорошо, – успокоилась Рампэс, – его отец тоже был крепкий человек и бесстрашный. Все-таки пора Рэдэда будить. Пойди, сынок, тихонько тронь его за мизинец правой ноги...

– Спасибо, мать, но я уже сам проснулся, – появился на крыльце Рэдэд, потягиваясь и весело жмурясь.

– Вот и ладно, а то мы с Шупашем немного о тебе заволновались.

– Правильно, что волновались. Помнишь, отец говорил: настоящее сердце всегда перед началом важного дела стучит громче обычного, раз стучит громче и тверже – значит, и рука будет сильнее, крепче, и ум – острее.

– Помню, сын, помню, а теперь помолись нашему великому богу Солнца, посмотри, как оно встречает тебя. И мы с Шупашем тоже тихонько помолимся.

Сошел Рэдэд с крыльца, чтобы лучше почувствовать под ногами землю, воздел руки к солнцу и стал про себя, но горячо молиться: «О великий боже, благодарю, что ты не лишаешь меня своей милости, а сегодня она особенно нужна мне, потому и прошу тебя – будь со мной, будь во мне. Ты знаешь лучше других, о великий бог, я никому не хотел и не хочу делать зла. Хакара напал на убогого, на твоего посланца Тураба, и ты велел мне защитить его, я был честен в схватке и победил по твоей воле. Ты знаешь, боже, что Нахлеш убил купцов, гостей наших, преступил закон предков. Он солгал, будто сделал это черное дело по твоей воле. Не я, а гордец Нахлеш хочет этой схватки. Он сильнее меня, опытнее в борьбе, но я надеюсь на тебя, на твой праведный суд во имя победы добра над злом».

Все трое помолились и застыли в благоговейном молчании. Наконец, Рэдэд произнес:

– Мне хочется как следует размяться. Пойдем к колодцу, наполним бочку водой, и я хорошо вымоюсь. В круг всегда надо входить чистым душой и телом, как говорит почтенный Колэс.

– У меня завтрак уже готов, поторапливайтесь, – успокоенная хорошим настроением мужчин, сказала им вслед Рампэс.

После завтрака Шупаш оседлал коней.

– Солнышко над горами поднялось, уже время орлиной охоты, а рыжего Нахлеша что-то не видно, – сказал Шупаш, – может, он... испугался и передумал?

Рэдэд засмеялся:

– Рыжий вроде бы не из пугливых, но как знать...

Из-за угла показалось четверо всадников: Даур с Коданом и двое парней, похоже, от Нахлеша. Легкой рысью

они подъехали к воротам. Чечан с Дауром спешили, а те двое остались на конях. Старший из них не без гонора возвестил:

– Если ты готов, сын Лаурстэна, пора ехать. Наш старшой беспокоится – почему тебя нет у круга?

– Вы хотите сказать, настало время орлиной охоты, значит, пришла и наша пора? – усмехнулся Рэдэд. – Передайте своему старшому – сейчас напоим коней и приедем.

– Мы подождем! – недовольно ответил посланец Нахлеша.

– Зачем вам ждать? – подал голос подъехавший вместе с Гучипсом на своем стареньком вороном Колэс. – Сын Лаурстэна, князь Рэдэд, сам найдет дорогу, а вы делайте, что вам велят – езжайте! – прикрикнул Колэс и, когда всадники скрылись за поворотом, с улыбкой добавил: – А теперь и мы тронемся не спеша.

Рампэс, провожая всадников, стояла на крыльце, как и полагается княгине, была строга и спокойна.

– Даур, вы были с Чечаном у круга, что там? – спросил Колэс.

– Мнения людей разделились: одни считают, что победит Нахлеш, а другие – что Рэдэд. Спорят, сомневаются, только Рыжий ведет себя так, будто уже победил князя.

– Слышишь, Рэдэд, сын князя Лаурстэна, – спросил Колэс, – что ты думаешь по этому поводу?

– Разве не ты говорил, почтенный: кто не уверен в себе – обязательно проигрывает?

– А еще я говорил: какой бы путаной и перепутанной ни была жизнь, в конце концов верх одерживает правда. Или я не прав, Гучипс?

– Думаю – прав... Правда, как говорил мой дед, – это могучий столб, крепкий, всем и со всех концов видный, а ложь – что-то непонятно кривое, скользкое, часто бывает сладким, отчего ею многие соблазняются. А правда – горькая, потому и трудная, глаза многим колет. Сегодня я сам поднялся в седло, слышишь, князь Рэдэд, сам! Ох, с каким большим трудом, но сам, ради твоего покойного отца, ради тебя, ради того, чтобы увидеть свет правды. Не подведи меня, Рэдэд!

Между Мыстхако и Мазибом на просторном лугу Курай, весело и ярко поросшем цветами, собралось много народу – старые и молодые, мужчины и женщины – тоже, как и луг, пестреющие яркими нарядами. «А что, – подумал Колэс, – может, это и есть настоящий праздник – праздник правды?»

Навстречу мазибцам вышли Тураб и Машук. Тураб взял под уздцы коня Рэдэда и повел к кругу:

– Бог дал нам хорошую погоду, князь, это знак того, что он на нашей, на твоей стороне.

– Опаздываешь, сын Лаурстэна, нет у тебя крепкого мужского слова, посмотрим, чего тебе еще не хватает! – нарочито громко, с насмешливостью произнес Нахлеш, картинно восседая на коне. Окружавшие его мыстхаковцы одобрителем загудели.

Рэдэд сделал вид, что не заметил ехидства:

– Посмотри на небо. Оно пустынно, еще ни один орел не поднялся в поисках добычи.

– Ну и что?! Я и без орлов готов начать охоту! – Нахлеш пружинно спрыгнул с коня, сбросил полушубок волчьего меха, оголился до пояса и стал играть мышцами своей могучей, густо поросшей шерстью груди. По толпе пронесся гул восхищения.

– Не торопись, Нахлеш, – вышел в круг Колэс, – поспешность нужна при ловле блох, а не в мужских делах. Я буду поручителем князя Рэдэда, сына Лаурстэна, а ты выставляй своего. Такой порядок.

– Мой поручитель – известный мастер борьбы Кодан. Что еще, почтенный Колэс?

– Теперь надо назначить по пять человек с той и другой стороны крепких мужчин, чтобы следили за порядком, не допускали разных перепалок или чего похуже.

– Мне кое-что не нравится у сына Лаурстэна, могу по своему горячему характеру не сдержаться, тогда пятеро меня не удержат – надо назначить по десять!

– О люди! – возгласил Колэс. – По желанию Нахлеша назначьте по десять надежных мужчин, а теперь, Кодан, станюсь со мною рядом – поклянемся перед великим Светилом. Я буду говорить слова клятвы, а ты, Кодан, и все двадцать выделенных для порядка повторяйте за мной...

– Да не тяни ты, Колэс! – занервничал Нахлеш.

Колэс произнес слова клятвы, все повторили за ним.

– А теперь, – продолжал он, – ты, Нахлеш, и ты, князь Рэдэд, войдите в круг и четко отвечайте на мои вопросы... Не суетись, успокойся, Нахлеш, иначе мы всем обществом можем запретить борьбу!.. Сын Лаурстэна, князь Рэдэд – есть ли при тебе какое-нибудь оружие, которым ты можешь недозволенно воспользоваться против соперника?

– У меня нет ничего такого, чем бы я мог недозволенно воспользоваться в борьбе с Нахлешем.

– Теперь ты отвечай, Нахлеш.

– У меня тоже нет никакого оружия.

– Поклянитесь перед лицом великого бога, что будете бороться честно. Можете это сделать каждый про себя – бог все и всех слышит. Теперь станьте друг против друга. Из круга не выходить, победителем объявляется тот, кто положит соперника на лопатки, прижмет его к земле. Время борьбы – до победы.

Только теперь, как велел ему Колэс, Рэдэд снял лисий полшубок, бросил его Шупашу. Тело его хотя и не было, как у соперника, угрожающе внушительным, по-медвежьи заросшим шерстью, однако все подивились его красоте, стройности и легкости, стремительной, как стрела, пущенная из лука.

Нахлеш подумал: «Да он еще совсем сосунок, я согну его пополам и заброшу вон за ту гору!» Но почему-то зябко вздрогнул при этой мысли.

«Чего ради зовут его рыжим, ведь он зарос черной шерстью? Могуч, конечно, но ничего, главное – не попасться в его лапы, взять эту тяжелую тушу измором, а потом хлестким, быстрым приемом свалить с ног», – думал Рэдэд, легко двигаясь по кругу и заставляя тем самым беспрерывно двигаться Нахлеша. Тяжело переступая, тот натужно сопел, угрожающе глядя исподлобья, начиная понимать, что Рэдэд, легко порхающий по кругу, может его измотать и потом сбить с ног. Это бесило Нахлеша: «Дай мне только ухватить – и я согну тебя в бараний рог».

– Что ты, сын Лаурстэна, не борешься, а прыгаешь, как козел? Если боишься меня – выйди из круга!

Сторонники Рыжего дружно загалдели.

– А ты не языком – руками работай, попробуй ухватить меня! – подзадоривал Рэдэд.

Будто разъяренный кабан бросился на него Нахлеш, но Рэдэд ловко увернулся, и Рыжий всей своей тушей,

чтобы удержаться в круге, грохнулся на колени. Рэдэд обхватил его сзади. Нахлеш поднялся с колен, держа соперника на своей спине.

Все затаили дыхание.

– Давай, давай! – хором закричали мыстхаковцы.

Глаза Нахлеша налились кровью от гнева, он сквозь зубы прошипел:

– Сейчас я тебя так швырну, что костей своих не соберешь!

Но это ему только казалось – Рэдэд крепко держался за его шею, цепко обхватив ногами тушу.

– Швыряй его, швыряй! – орали мыстхаковцы.

– Держись, Рэдэд, держись! – подбадривали мазибцы.

– Мы с тобой, старший брат, мы с тобой! – выделялся из общего хора звонкий голос Шупаша.

Нахлеш, дрожа всем телом, неистово закружился, но сбросить соперника ему не удавалось.

– Ты задушишь меня, сломаешь ребра... – слышался его хрип.

– А ты думал, погладить тебя собрался?

Неистово взревел Нахлеш и снова закружился, судорожно задергался, как обезумевший в ярости зверь. Наконец ему удалось освободиться от Рэдэда, и тот снова начал пружинисто передвигаться по кругу. Силы Нахлеша были уже изрядно измотаны, он понимал, что с каждой минутой будет ему все труднее расправиться с ненавистным противником. Только бы ухватиться, только бы ухватиться... И тогда он как железными клещами сожмет этого мальчишку, согнет его пополам... Собравшись, Нахлеш яростно метнулся на противника. Что случилось затем, он был не в силах понять. Каким-то неуловимым движением Рэдэд нанес ему молниеносный удар под колено; не успел Нахлеш даже перевести дыхание, как Рэдэд крепко прижал его лопатками к земле.

– Не позорь меня, князь... Ты молод, у тебя еще все впереди... – взмолился Нахлеш.

– Не я, а ты хотел опозорить и моего отца, и меня.

Кодан и Колэс подняли руки, объявляя победу князя Рэдэда и поражение Нахлеша. Мазибцы торжествовали: одни благодарили богов, другие, обнявшись, пустились в пляску, третьи от радости смеялись.

Нахлеш повернулся к мыстхаковцам, поднял руку, требуя тишины.

– Князь Рэдэд, сын Лаурстэна, – возвестил он изменившимся голосом, – настоящий мужчина, он наделен большой силой. Думаю, придет время, и он станет великим князем Касогии.

Зашумели, загалдели каждый на свой лад мыстхаковцы и мазибцы. Рыжий Нахлеш тяжелой походкой подошел к Рэдэду:

– Запомни, – прошептал он злобно, – с сегодняшнего дня я твой непримиримый враг...

– А что говорил тебе потом этот рыжий наглец? – спросил Гучипс, до самой околицы ехавший молча.

– А то, что все слышали, почтенный.

– Слышали – он похвалил тебя, а потом негромко еще что-то сказал.

Рэдэд пожал плечами, почему-то смутился, несколько помедлив, ответил Гучипсу:

– «Ты перехитрил меня», – сказал Нахлеш.

Шупаш удивился: зачем старшему брату понадобилось говорить неправду? Он хотел тут же спросить Рэдэда, но его позвал Колэс:

– Дай волю коню, Шупаш, привези княгине Рампэс добрую весть и получи от нее хороший подарок... Ну! Чего же ты медлишь, парень? Такая честь!

– Конечно, я могу, я должен выполнить твою волю, почтенный Колэс, но, думаю, эта добрая весть достойна, чтобы ее привезли мы вместе, под твоим началом, – громко, чтобы слышали все, проговорил Шупаш и остался доволен собою.

– Этот парень, кажется, становится настоящим мужчиной! – похвалил его Колэс. – Как ты думаешь, Татух?

– Люди говорят – мужчина издалека виден уже по тому, как он сидит на коне.

Рэдэд не слышал этого разговора. Он мысленно представлял, какие ласковые и добрые слова, встречая его, произнесет Айнар, видел ее счастливые глаза... и вдруг ощутил, как гулко забило сердце...

VI

– Что там за всадники шляются по нашему Мыстхако? – сердито спросил Нахлеш вместо того, чтобы сказать входившему во двор Кодану «добро пожаловать».

Кодан, конечно, обиделся и на вопрос нехотя ответил вопросом:

– Ты о мазибцах, что ли?

– А то о ком же еще?! Что им тут надо?

– Байколов набирают, – пояснил Кодан, глядя куда-то в сторону.

– Сын Лаурстэна с ними?

– Не видел.

– Должно быть, его нет. У великого князя Касогии хватает холуев, – сквозь зубы процедил Нахлеш, вспомнив с душевной болью, как ныли его могучие лопатки, будто вдавленные в землю Рэдэдом, как этот сопляк принародно сидел на нем верхом, словно на старом, упавшем от усталости коне. И еще зачем-то униженно просил сосунка не позорить его... «Ошибся, ох, как страшно я ошибся, легкомысленно посчитав его молокососом. Но ничего, ты, гаденыш, еще не раз пожалеешь об этом!»

– Так что с ними делать, с этими... гостями? – нетерпеливо спросил Кодан.

Нахлеш посмотрел на него исподлобья, сдерживая гнев, промолвил:

– Ты или бестолковый, или чересчур хитрый: неужели до сих пор не понял, что я позорно отдал сыну Лаурстэна касожское княжество?! Собственными руками! Спрашиваешь, будто в насмешку – что делать с посланцами великого князя. Неужели так глуп и не знаешь, как поступают с теми, у кого власть?

– Не знаю... – растерянно ответил Кодан и запнулся.

– Все ты знаешь! Власть есть власть, встречай этих гостей, поклонись пониже!

– Все я понял, – с обидой ответил Кодан. – Еще там, у круга на Курайском лугу, когда ты поднялся с земли и стал превозносить, расхваливать сына Лаурстэна как достойного князя всей Касогии, – сказал, не скрывая не только своей обиды, но и неприязни к Нахлешу Кодан и подумал: «Вон как его распирает! Правду говорят: побежденного до самой смерти будет жечь жажда мести».

– В чем-то ты, может быть, прав, но это вовсе не значит, что мы должны стелиться перед сыном Лаурстэна! – угрожающе произнес Нахлеш, глядя в сторону, где находились всадники из Мазиба. – Если Рэдэд не будет прислушиваться к нашим советам, не поймет, что не от слабости нашей, а от доброты поддерживаем его, то мы не посмотрим на его княжеское достоинство. Даже у могучих хазар, да и у русичей властители меняются, если этого требует сама жизнь. А ты сколько времени находился у хазар? – неожиданно переменял разговор Нахлеш.

– Долго...

– Правильно поступил, что вернулся домой, а не пошел к русичам, как дядя Рэдэда. Ты – настоящий мужчина... Так где эти... посланцы, кого они осчастливили и... сколько их?

– У Темрюка сейчас, их шестеро – Машук, Даур, Чечан, Адшес, Шупаш...

– А кто этот Адшес?

– Из молодых, друг Шупаша.

– А за старшего кто?

– Ты, наверно, удивишься – Натай!

– Натай?! Я, пожалуй, не удивился бы, если б среди них оказался и Хакара. Натай! Суется в большие дела, а в своем доме не может навести порядок, укротить свою жену-шлюху Дахапсу.

– Бывшую жену, – ухмыльнулся Кодан.

– Говорят, к ней не ходят только ленивые. Не заглянуть ли и нам! – расхохотался Нахлеш и, прищурившись, с ехидством добавил: – Может, и великий князь Рэдэд заглядывает ей под юбку?

– Чего нет, того нет. Если бы такое было, уже по всей Касогии полоскали бы его имя. Разве ты не слыхал – Рэдэд собирается жениться.

– Конечно, великий князь должен иметь семью, наследника. Ну... а что ты думаешь о Турабе?

Кодан пожал плечами:

– Не хватало мне еще о горбуне думать.

– Может быть, ты его боишься?

– Я?! Чего бы мне бояться убогого!

– Ой, смотри, Кодан, говорят, он – посланец богов, даром предсказания обладает. – Помолчал Нахлеш, испытующе глядя на Кодана, скривился в усмешке: – А еще

говорят, будто горбун вымолил у богов победу надо мной Рэдэду... Ну, чего же ты молчишь, скажи свое слово, ведь ты был на лугу, все видел, все слышал.

Кодан в ответ только пожал плечами: «Что он надумал, куда клонит?»

– Как же – Тураб вымолил, если я сам поддался Рэдэду. Ты же ведь слышал, как я сказал ему: не торопись, покрепче прижми меня к земле, чтобы все видели. Ну? Помнишь? – почти угрожающе спросил Нахлеш.

– Да, помню, ты что-то говорил...

– Конечно, ты же слышал, ты знаешь! Мне вспомнился князь Лаурстэн, я и решил пощадить память об этом... хорошем человеке.

– Да, да, – понял Кодан, куда клонит Нахлеш, но возражать не стал – зачем наживать врага, а потому, утвердительно кивнув, он заговорил о другом: – И все-таки я удивляюсь, почему среди посланцев Рэдэда нет Тураба?

– Просто опостылел он всем. Однако на ком все же собирается жениться сын Лаурстэна?

– Одни говорят – на сестре безрукого Даура Айнар, а другие – на младшей сестре Машука Анисат, но ты правильно сказал – великому князю нужен достойный наследник, так что он может выбрать и третью.

– Верно, третья может отбить его у тех двух. Женщины – они такие, одна другую не пожалеет, чтобы самой лучше устроиться. Не все такие добрые, как я, подаривший ему княжество, – слукавил Нахлеш, а сам подумал: «До осени еще далеко, может так статься, что он не увидит ни ту, ни другую». – А что это мы тут рассиживаемся, надо же гостям честь оказать, повидаться с ними – поговорить, советом помочь. Говоришь, они у Темрюка? Ну ничего, мы уже с ним помирились. Седлай коня.

С гор скатывался порывистый ветер, гнал по улицам тучи пыли, свистел в плетнях и в печных трубах, трепал гривы и хвосты скакунов, гнал по небу рваные серые облака. Прохладная весна нехотя уступала дорогу лету.

– Я не хотел бы встречаться с Пшимафом, с этим старым пустобрехом, – сердито заговорил Нахлеш. – Только ничего не подлаешь, раз уж он появился, не станешь ведь убежать от него. И спешиться надо обязательно, а то потом ославит на всю Касогию.

– Добрый день, почтенный Пшимаф! – стараясь быть вежливым, поздоровался Нахлеш. Поклонился старику и Кодан.

– Доброго вам пути, уважаемые! – поздоровался Пшимаф, снимая с плеч деревянные вилы. – Если бы знал, что повстречаюсь с вами, тоже сел бы на своего коня, чтобы не заставлять вас спешиваться. А если по правде, я рад, что вы оказали мне честь, спустившись на землю. Так поступают настоящие мужчины, соблюдая обычай предков. Да вы поднимитесь в седла, держите свой путь дальше, по важным, должно быть, делам едете. Если не ошибаюсь, к Темрюку направились, а я только что оттуда...

– Что там хорошего, какие новости, почтенный? – спросил Нахлеш.

– Никаких особых новостей, я ходил проситься в байколы князя Рэдэда, только не хотят меня брать, говорят, слишком стар уже.

– Это ты-то стар? – желая польстить старику, удивился Кодан.

– Конечно, если сравнить меня с тобою, то далеко не молод, не такой сильный, как ты, но... – Пшимаф тряхнул плечами, приосанился. – Сам я не считаю себя стариком, да и мои сверстники то же самое говорят. А ты как думаешь, Нахлеш?

«Ну, старый болтун», – подумал Нахлеш, но, притворно улыбнувшись, сказал:

– Это, почтенный, как твое сердце тебе велит.

– Сердце мое, скажу тебе честно, можно считать молодым. Не веришь, посмеиваешься надо мной? А хочешь – давай посостязаемся на конях, я тебя, будь здоров, из седла выбью!

– Ты видишь, Кодан, какой человек стоит перед нами? Он прямо герой, пусть его каждый день будет ста счастливыми днями!

Пшимаф пристукнул вилами по земле:

– А я не шучу! На кругу в борьбе, может, и не одолею, а уж из седла обязательно стащу!

– О, добрый Пшимаф, о счастливый тхамата, – широко раскинув могучие руки, добродушно рассмеялся Нахлеш. – Думаю, состязаться мне с таким почтенным, как ты, неловко, не принято у нас, если же ты настаиваешь, не думай, что я уступлю, как уступил князю Рэдэду, сыну

Лаурстэна. Можно сказать, подарил ему княжество... Ну, не передумал состязаться?

– Не передумал! – расправил плечи Пшимаф.

– Кодан, уступи ему коня.

– Нет! – воскликнул старик. – Мой скакун ждет меня во дворе. Сила моего коня – моя сила... Кодан, скачи ко мне во двор, приведи моего пегого. Думаю, Нахлеш, если ты не передумал, спустимся к грушевой поляне и там померяемся силой и ловкостью.

Привел коня Кодан.

– Помоги мне подняться в седло, – попросил его Пшимаф, – разве ты забыл наш обычай?

«О боги, старый даже на коня сам не может взобраться, а еще хочет состязаться со мной», – сочувственно глядя на Пшимафа, усмехнулся Нахлеш.

– Вот и поднялись, вот и хорошо. Становитесь, как полагается, по бокам и поехали. Мы с твоим покойным отцом, Кодан, были большими друзьями, его считали одним из достойнейших мужчин. Проклятые хазары, чтоб им беды не миновать – такого человека загубили... Вот и приехали. Хороший нынче урожай груш будет, – сказал Пшимаф, – посмотри, какая завязь! И дожди добрые упали, люблю я эту поляну – просторная, певчие птицы сюда прилетают! И голосистые соловьи, и дрозды, и тихие пеночки...

Пока ехали, Кодан, слушая старика, размышлял: «Вовсе Пшимаф не болтун, а мудрый человек, просто любит поговорить, сказать молодым нужное слово... Нахлеша я все меньше стал понимать: ровесник его отца пошутил, а этот верзила принял всерьез. Наверно, из-за своего самолюбия, которое становится больше его самого. Понятно, если он вытащит на скаку из седла старика, возьмет его под мышку и потом спокойно поставит на землю – куда ни шло, а если... уронит..?»

– Никак, никак нельзя нам забывать законы, данные предками, иначе мы, весь наш народ сгинет, как вода в сухом песке, уйдет, смешается с другими народами, язык отцов своих забудет. Вот ты, Кодан, много лет прожил с хазарами, а родной язык не забыл.

– Да, почтенный Пшимаф, я только тем и жил на чужбине, что вспоминал старинные истории нашего народа, сказки и сказания. Чтоб не забыть родного языка, разго-

варивал сам с собой, когда спать ложился, когда утром просыпался и смотрел на бога Солнца.

– А по-хазарски умеешь?

– Умею. И с русичами могу поговорить.

«Не глупый ведь, хотя и болтун, – подумал Нахлеш, – но поди ж ты, решил тягаться со мною! Не в своем уме, что ли. Надо его как-то отговорить, а то ведь потом позора не оберешься, скажут – старика обидел».

– Я думаю, досточтимый Пшимаф, пошутили мы немножко и хватит, добром закончим наш спор, – высказал вслух свои мысли Нахлеш.

– Э-э! – привстав на стременах, воскликнул Пшимаф, – как это – пошутили, как это – закончим?! Должно быть, ты испугался?

– Я?! Тебя испугался? – Нахлеш не то что покраснел от злости, а как-то даже позеленел. – Нет, почтенный, ты просто того... А ты чего молчишь, Кодан? Скажи... объясни уважаемому Пшимафу, что я, что он...

Кодан, стараясь быть серьезным, сказал:

– Слышал, почтенный Пшимаф, что Нахлеш говорит? Вы... вы слишком разные... по весу.

Усмехнулся, пряча улыбку, Пшимаф:

– Ты хочешь сказать, Нахлеш, что нельзя вешать на коромысло две бадьи, слишком разные по весу? Нуу, это опять же, что еще за ведра... да ты, никак, уважаемый, пошел на попятную?

Нахлеш привстал на стременах, уничтожающе глянул на старика:

– Если я тебя вытащу из седла, то не сомневайся – тихонько опущу на землю. А если ты... Хватит ли у тебя силы, чтобы не уронить меня?

– И меня это беспокоит, – откровенно рассмеялся Пшимаф, – постараюсь не уронить!

– Хватит, не позорь меня, почтенный Пшимаф!.. Мы как – вместе поскачем или ты как старший раньше тронешься, а я за тобой?

– В таком деле нет ни старшего, ни младшего. Знаешь закон меча? Кто первый выхватил его, тот и победил. Перед этим законом все равны. Однако хочу добавить, раз уж про вес заговорили. Ты, Нахлеш, должен тронуться первым, потому что и ты, и твой конь потяжелее будете.

Пшимаф отпустил Нахлеша вперед, потом кинулся за ним и скоро догнал. Зашел с левой стороны, чтобы под правую руку. Несколько раз соперники сходились, хватая друг друга, пытаясь стащить с седла. И опять расходились, и опять сходились. Пшимаф, показалось Нахлешу, был каким-то скользким, его невозможно было удержать – выскальзывал, выкручивался и неуловимо отскакивал. Рассвирепевший Нахлеш решил положить конец его уверткам и, поравнявшись с Пшимафом в очередной раз, сделал резкий выпад... И тут старик, изловчившись, выхватил его из седла. Понятно, удержать такую тушу сил у него не хватило, и рыжий Нахлеш со всего маху грохнулся на землю.

Остановив коня, Пшимаф спустился с седла, подошел к нему:

– Ты почему не встаешь? Уж не ушибся ли? Дай-ка я тебе помогу.

– Нет! – обиженно вскрикнул Нахлеш. – Просто мизинец на левой ноге очень болит. – Натужно улыбнувшись, приподнялся на локоть. – Оказывается, почтенный, ты только с виду выглядишь слабеньким, а силу таишь в себе – дай бог каждому.

Старик присел на корточки:

– Видишь ли, Нахлеш, в этом деле, если ты ловкий и цепкий, а противник твой не привязан веревкой к седлу – его не трудно стащить. Главное тут – не торопиться. Не надо вырываться вперед. Поотстань немножко, присмотришь, как держится в седле твой противник, с какой стороны его лучше взять. Вот и лови момент, когда его конь начнет подаваться в твою сторону, он как бы помогает тебе, тут и рвани седока на себя, он обязательно окажется у тебя в руках. Вот как с тобой все было. К тому же ты потянулся за мной, сам ко мне в руки подался... Давай-ка снимем чувяк, посмотрим, что там с твоим мизинцем... Ага, вывихнул ты его, вот и болит, но это дело поправимое. Кодан, покрепче придержи ногу, вот в этом месте. – Пшимаф резко дернул мизинец, с легким хрустом он встал на свое место.

Нахлеш тяжело поднялся, со злым упреком взглянув на своего коня, отряхнул штаны, пригладил взьерошенные волосы, потоптался в нерешительности:

– Досточтимый Пшимаф, у меня к тебе, и к тебе, Кодан, просьба... Я хотел бы, чтоб это... ну, случившееся здесь, которое началось с шутки, осталось только между нами...

– О чем ты говоришь, Нахлеш! – воскликнул Пшимаф, легко поднявшись на коня. – Разве мы не мужчины. Небо свидетель, что все останется только между нами. Не сердись, пожалуйста, на меня. По правде, даже не думал, что так легко смогу выдернуть тебя из седла, что ты не знаешь хитростей верховой борьбы. Не обижайся...

– Ну что ты, почтенный Пшимаф, считаю, у нас с тобою все кончилось хорошо. Мы все знаем о твоём мужестве, о твоей доброте... Хочу с тобой, мудрым человеком, поделиться своим секретом. То, о чем буду говорить, может подтвердить Кодан – он был свидетелем. Когда я шел на Курайскую поляну, то понимал, что Рэдэд, сын покойного князя Лаурстэна, которого уважали во всей Касогии, по прямому наследству должен быть нашим великим князем. Однако наследство наследством, а дело делом, вот я и решил принародно сделать Рэдэда победителем, поддался ему в круге... Нет-нет, досточтимый Пшимаф, тебя сейчас я хотел победить, но ты оказался мудрее меня и победил честно.

Пшимаф с упреком посмотрел на молчавшего Кодана и, даже мельком не взглянув на Нахлеша, тронул своего пегого коня, не спеша поехал в селение.

Вскоре отправились следом и Кодан с Нахлешем. Сошелся с ним Кодан после возвращения из хазарской неволи. «Странный какой-то, – под топот копыт размышлял он о Нахлеше, – старше меня на шесть лет, уже давно пора бы ему обзавестись семьей, как и всякому мужчине, тем более такому силачу. Однако живет один, без женской хозяйской заботы. А в доме, когда ни заглянешь, чистота и порядок. Наверное, потому что лекарь. И одет всегда опрятно, все чистое на нем. Поистине – странный...»

– Что с тобой, Кодан? Почему-то все отстаешь, и видом как не в себе вроде.

– Нет, все хорошо, это так, все нормально...

– Ну ладно. Ты знаешь, что я помирился с нашим Темрюком?

– А разве вы враждовали? – удивился Кодан.

– Нуу, всякое бывало. Видишь ли, он связался с греками, с этими христианами, и мне, как повелели наши

боги, пришлось его немного проучить, отвадить греков. Правда, они до сих пор иногда заглядывают к нам, но мы не обращаем на них внимания, не поднимаем шума. Ты же знаешь, по нашим обычаям, мы должны, как говорит этот старый болтун, радоваться каждому гостю, кто бы он ни был.

– Однако ты, Нахлеш, – заметил Кодан, – со старым болтуном, как называешь его, еще недавно вел себя весьма почтительно. Он мудрый, достойный старик, такими дорожить надо.

Кисло улыбнулся Нахлеш:

– Конечно, старики достойны почтения, однако у Пшимафа, как бы это сказать, свое дело, а у нас – свое. Арабы тащат к нам исламскую веру, греки и русичи – свою, а мы, как опять же учат нас старики, должны уважать, сохранять, а коли придется, то и оружием защищать веру наших предков, веру в наших богов... А чего мы с тобой вдруг забеспокоились об этом, пусть сын Лаурстэна, новый наш князь, теперь заботится, порядок в Касогии наводит, на то он и великий князь. У нас с тобой, Кодан, врагов нет, но кто начнет враждовать с князем Рэдэдом, станет и нашим врагом. Давай заедем к Темрюку, поприветствуем посланцев Рэдэда.

«Ничего не скажешь, Кодан – ладный мужчина. Но, кажется, я поторопился, приблизив его к себе. Вроде бы он слушает меня уважительно, однако, мне кажется, говорит одно, а на душе у него другое. И, случается, незаметно, исподволь склоняет меня на свою сторону, пытается втиснуть в мою голову свое. Хорошо, что я не взял его, когда мы порешили арабов, а то ведь пришлось бы убрать как лишнего свидетеля, вместе с теми тремя обалдуями, которых считают погибшими за правое дело от рук арабов. Ничего не поделаешь, такова жизнь, Кодан, приходится и таким путем защищать нашу веру, заветы предков. Если и ты, Кодан, не перестанешь коситься на меня, слишком умничать – расстанусь и с тобой по воле наших богов».

В доме Темрюка рыжий Нахлеш в приветствии широко развел руки:

– С приездом, наши дорогие гости!

В ответ на приветствие мазибцы встали, ответили легкими поклонами.

– Мы рады вас видеть, – продолжал Нахлеш, – а Темрюку скажу несколько слов, хотя они будут ему не очень приятны: мы с Коданом в обиде, что не предупредил нас о приезде таких уважаемых гостей, которых мы тоже хотели бы встретить достойно. Вот и пришли сюда незваными, а незванный, как говорят, хуже злого хазара...

Машук поднял руку, останавливая Нахлеша, с мягкостью в голосе сказал:

– Ты, Нахлеш, напрасно обижаешься на досточтимого Темрюка: как только мы приехали, он сразу послал к тебе гонца с приглашением, так что ты и твой друг Кодан – званные.

– Вот как! – расплылся в улыбке Нахлеш. – Все по-доброму и уладилось. А нас с Коданом не было дома, отлучались по делу... Какие у вас в Мазибе новости, здоров ли наш касожский князь, все ли хорошо у него дома? Мы здесь считаем, что он поступает мудро, создавая боевые дружины, чтобы всех нас объединить, возвысить Касогию и крепко противостоять врагам. Там, на лугу, я говорил, что из Рэдэда выйдет настоящий князь, достойный предводитель касогов, тем более, если за его спиной будут стоять такие мудрые и уважаемые люди, как Колэс.

– Этим сейчас и озабочен князь Рэдэд, – пояснил Машук. – Из Мыстхако согласились войти в дружины шестьдесят семь человек.

– Неужели не набралось больше?! – картинно удивился Нахлеш.

– Мы не всем предлагали, некоторые обижаются, что не берем их – это пожилые люди. Думаем, у нас в Касогии молодых достаточно.

– А среди тех шестидесяти семи воинов нет ли меня и Кодана? – лукаво прищурившись, спросил Нахлеш.

– Кодан первым из мыстхаковцев заявил о своем желании.

С большим трудом Нахлеш подавил гнев. «Осторожней надо с этим молодцом, – подумал он, – не друг он тебе, нет». А вслух промолвил:

– Кодан забыл мне сообщить, прошу вас, дорогие гости, включите и меня в свою дружину. Передайте князю Рэдэду: я буду старшим над мыстхаковцами, мы готовы верно служить ему, а значит, и единству Касогии.

«Ну погоди, сын Лаурстэна, я тебя так отблагодарю, так возвеличу, что белый свет тьмою тебе покажется!» – пронеслась в его сознании злобная мысль.

VII

В жаркое летнее время грозы в горах Касогии поражают грандиозностью и величием. Раскаты грома то набегают издалека, сотрясая все сущее вокруг, то удаляются, пропадая где-то в бездне, то вдруг обрушиваются теплой живительной лавиной, утоляя жажду истосковавшейся по влаге земли. А ночью, когда ослепительные вспышки молнии выхватывают из кромешной тьмы вершины гор, неподвижные кроны дубов и кленов, окружающий мир наполнен пугающей волшебной красотой.

Однако Тураб не любовался грозой. Сидя у окна, он с досадой смотрел на срывающиеся с вышины стремительные потоки, освещаемые вспышками молний. И надо же было нагрязнеть этой грозе! В сегодняшней вечер его пригласила в свой дом Дахапса. Одевшись понаряднее, он собрался уже выходить. И вдруг все испортила непогода. Тоскливо вздохнув, он зашагал по комнате. В который раз уже ему начинало казаться, что шум за окном утихает. Открыв дверь, прислушался. И в самом деле, напор дождя поулег, раскаты грома становились глуше, убегая куда-то в горы.

Раньше Дахапса при встрече с ним насмешливо кривила губы, заносчиво поднимая красивые брови, а когда недавно поздним вечером он постучался к ней, она не пустила его, даже не стала разговаривать. Что же теперь случилось, зачем она позвала его? Для какого-нибудь дела? Но какое дело – поздним вечером? Дня что ли мало? Ох, эти женщины! Не понять, не разгадать их коварство и хитрость. И плевать бы на них, но боги так создали мужчин, что они не могут обходиться без женщин. И вот они должны уламывать их, уговаривать, будто те сами могут жить без мужчин, рожать детей. Трудно разобраться в этой непонятности, но что поделаешь – такова воля богов.

Конечно, плевать бы Турабу на просьбу Дахапсы, если бы самому не хотелось побыть у нее, пообниматься с нею.

У него даже голова начинала кружиться, когда он представлял ее полные груди, миловидное лицо с нежными губами. При этой мысли в нем жарко начинала пульсировать кровь, учащенно стучало сердце.

Надев шапку, пригладив негустую бороду и усы, Тураб решительно вышел из дома. Обогнув сарай, в котором держал свою ослицу, бойко зашагал к дому Дахапсы, не обращая внимания на продолжавшийся дождь.

В окнах многих домов тускло светились огоньки, а в доме Дахапсы света не было. «Что это значит?» – забеспокоился Тураб, но тут же обрадовался своей мысли: «Она не хочет зажигать свечу до моего прихода, чтоб не пришел на огонек кто-нибудь другой».

Он заспешил, обходя лужи, чтобы не промочить чувяки. «О, засветила огонек, мне путь указывает. Иду, иду, милая!..»

И вдруг Тураб сквозь сумрак увидел, как из калитки Дахапсы вышел Хакара. Увидел и притаился у куста жасмина, поджидая, пока тот уйдет подальше.

«Вот как! Она не пустила его, она ждет меня! Иду, иду!» Тураб проскользнул в калитку, тихонько постучал в окошко.

– Кто там?

– Я, Тураб.

Она открыла дверь, и на Тураба пахнуло женским теплом, он даже пошатнулся в волнении.

– Ой, какая страшная гроза была, я думала, ты не придешь. Проходи же, проходи. Наверно, ты просил богов, чтобы напоили землю.

– Просил и, как видишь, они помогли.

– Я сидела в темноте, думала, что не придешь, а когда дождь начал стихать, зажгла свечу, знак тебе подала. Да садись ты, садись.

– Я видел его, – буркнул Тураб, – чуть не столкнулись у калитки. Хорошо, что успел притаиться, не хотел, чтобы он меня заметил.

– Ты о Хакаре? Ну и пусть бы заметил – не велика беда. А ты что, боишься его?

– Бояться не боюсь, но знаешь, мой отец пал от его руки, а потом... Рэдэд сломал ему хребет, сделал калекой, вступившись за меня, так что лучше мне с ним, с этим Хакарой, не встречаться.

– Какой он калека, – усмехнулась Дахапса. – Был бы мой Натай таким калекой, теперь бы я не маялась со своей бабулей бедой.

– Но он сам сказал князю Рэдэду, что не может из-за своей болезни бороться с ним, этим опозорил себя.

– Дурит он вас всех. Разве знает Хакара, что такое стыд и позор? – разгорячилась Дахапса, зажглись румянцем ее полные щеки, вспыхнул огонек в спелосливовых глазах. – Этот нечестивец ухлестывал за мной, всякие красивые слова говорил, а потом... сбыл Натаю, обрек меня на несчастье.

– А сейчас зачем он приходил?

– Будто не знаешь, зачем кобели по бабам шастают! – зло отрезала Дахапса. Увидев, как смутился Тураб, добавила: – Ты к себе это не относи, у нас с тобой все чисто, а этот сегодня так распалился, что силой хотел взять, да я его в шею вытолкала.

– Правильно сделала, с сегодняшнего вечера можешь на меня положиться.

– Да-да, Тураб, надеюсь очень на тебя, верю, потому и позвала.

«Э-э, вон куда она клонит. Надеется, рассчитывает на меня. Может, хочет, чтобы я женился на ней? Ого! Сколько, как она сама сказала, кобелей повидала, а теперь я ей понадобился, будто крыша над ее домом. А я-то весь день ждал этого вечера, думал... – по всему его телу пробежала дрожь вожделения. – Шлюха ведь, хотя красивая, ух, какая соблазнительная, не зря Хакара хотел взять ее силой. Еу-о-уей, Натай, за что тебя жестоко наказали боги, послав такую красавицу и лишив мужской силы?» – подумал Тураб и еле сдержал себя, чтобы не простонать от душевной боли.

– По какому бы делу ты меня ни позвала, Дахапса, я готов все выполнить. У нас в Мазибе вдовушки с оравой своих детей не дают мне прохода: мол, что ты бродишь одинокий, неприкаянный, молодой мужчина, вот и зовут к себе. Я не виню их, у каждого своя судьба, только не нужны они мне.

– А я? – лукаво взглянула Дахапса.

– О, ты... Как я могу тебя сравнить с другими! Знай, какую бы ношу ты на меня ни взвалила, я понесу ее, только

скажи слово! – воодушевлялся Тураб, глядя на довольную от похвалы Дахапсу.

– Скажу обязательно. – Голос ее дрогнул. «Гляди-ка, у него горб больше, чем он сам, а и он туда же. Вон как глазенки забегали, аж дрожит весь, бедняга... Хотя – чем он не мужчина! Если дать волю его мужской силе, то вполне может оказаться покрепче многих этих... кобелей. Горб горбом, а посмотри, какие у него соколиные брови, а губы, ух, какие! Он, должно быть, еще ни разу не тронутый, словом, цветочек еще. Если бы не этот проклятый горб, за ним бы первые красавицы бегали. – Она усмехнулась. – И я бы не устояла...»

В окно постучали.

Испугался Тураб, пригнулся к столу. Дахапса приложила палец к губам – замри, мол.

– Кто там еще?! – спросила будто спросонья.

– Я, Натай.

– Чего тебе?

– Да... Обеспокоился, не напугала ли тебя гроза?

– А чего бояться ее, сидя у себя дома?

– Еще я думал... Ну, посидели бы с тобой вдвоем, поговорили.

– Хватит, за три года наговорились. Приходи утром пораньше, зарежешь барашка, я приготовлю свежатинки. А теперь уходи, доброй ночи тебе, Натай.

Он помолчал немного, потом с робостью в голосе спросил:

– Хакара у тебя сегодня был?

– Провалились бы вы оба в черную тьму и не морочили мою бедную голову! Шею я сегодня ему намьлила! – горько сказала она и смахнула платком набежавшую слезу.

– Правильно сделала! – обрадованно воскликнул Натай. – Теперь я спокойно пойду домой, доброй ночи тебе, Дахапса.

– И тебе тоже, – прошептала она, и на ее глаза, ставшие еще красивее в скорби, снова набежала слеза... Ей было по-матерински жаль Натая, но ведь это он испортил ее жизнь, сделал распутной. Полгода она была мужней женой, оставаясь девушкой, а потом... потом Натай стал водить к ней Хакару, который говорил всякие красивые слова, обещал уйти от своей жены и жениться на ней. Наконец Дахапса поняла, что он обманывает ее. Она поняла, что

Хакаре нужно от нее лишь одно... И решила ему отомстить. Наточила поострее нож. Однако сначала решила обратиться за помощью к Турабу, о котором говорили, будто он знает ся с богами.

– Ты сказал, Тураб, что все сделаешь для меня. Так вот – пусть боги накажут Хакару, пусть обратят его в немощного мужика, а заодно с ним и рыжего Нахлеша. Пусть лишат их... чтобы они оба не носили мужских принадлежностей, чтоб не похвалялись своей срамотою! И о бедном Натаяе прошу: пусть боги наградят его мужскою силой, чтобы он познал ее радость... ведь Натая так любит меня.

«О боги земли и неба, до чего же красива эта несчастная женщина! Помогите ей воспылать ко мне, помогите!» Задыхаясь от волнения, Тураб потянулся через стол, дрожащими пальцами взял руку Дахапсы:

– Ты можешь не сомневаться, боги всегда выполняют мои просьбы, обязательно выполняют и эту. Какие красивые, какие горячие твои руки.

– О боги, лучше бы они были холодными, чтобы не маяться мне этим жаром... А сейчас, Тураб, не будем заходить слишком далеко. Вот когда выполнишь мою просьбу, три дня и три ночи я буду твоей.

– Почему лишь три дня и три ночи, почему надо ждать?.. Разве не слышишь: боги говорят нам с тобою – откройте друг другу сердца, сойдите в счастливых объятьях...

– Я ничего не слышу, Тураб, – нахмутив брови, сказала Дахапса и резко убрала руки.

– Иди сюда, сядь рядом со мною, вместе послушаем богов. – Он поднялся, подошел к ней, обнял за плечи, прижал ее к груди. Вздогнула Дахапса и, не помня себя, обняла его, прижалась к его горячей щеке.

– Не надо, Тураб, не сегодня, прошу тебя...

Опять в окно постучали. Дахапса с испугом оттолкнула Тураба.

– Кто там?! – в сердцах крикнула она.

– Я, Шаниб!

– Чего ради принесла тебя нелегкая?

– Не болтай лишнего, открывай! – сердито потребовал он.

– Если не хочешь нарваться на беду, уматывай, да побыстрей!

– Ты что, не одна?
– Не твое дело, уматывай!
– Так бы сразу и сказала, – обиженно проворчал Шаниб.
– Остолоп несчастный, я, кажется, уже начала что-то слышать, а он...

Тураб сел на кровать:

– Иди скорей сюда, сейчас все услышим...

Дахапса выпрямилась, строго взглянула на него:

– Нет, сегодня у нас ничего не получится, уходи, пожалуйста.

Он подался было к ней с объятиями, но Дахапса резко отстранила его:

– Я же сказала – когда исполнишь мою просьбу, тогда три дня и три ночи будешь со мной, а теперь уходи!

Он остановился у двери:

– Обними меня, успокой хоть немного.

Она открыла дверь, выпроваживая Тураба, нечаянно прикоснулась к горбу и с неприязнью вздрогнула:

– Сказано же – уходи! – и с силой толкнула его, Тураб едва не упал на скользком от дождя крыльце.

Весь какой-то отяжелевший, он с трудом переставлял ноги, шлепая по лужам, черпая чувяками холодную воду. За все свои двадцать шесть лет Тураб впервые был так близок к женщине, ощущал ее горячее дыхание, слышал дрожь ее тела. С Айнар было совсем другое, он почему-то не смел даже притронуться к ней.

Ноги не слушались его. Он остановился, прильнул лбом к мокрому корявому дубу. «Откуда взялся проклятый Шаниб, какая нечистая сила его принесла?» – вздыхая и чуть не плача, пробормотал Тураб. Немного постояв, побрел дальше...

Он должен помочь Дахапсе, а кто ему поможет? Боги? Но почему они не помогают ему, как говорят в Мазибе, посланцу богов? «Может быть, я чем-то разгневал их, теперь они наказывают меня? И горб – наказание, и муки с Айнар – наказание, и вот с Дахапсой... О, как вы жестоки!» – Тураб в испуге остановился, холодный пот катился по его спине. Ведь он с богами разговаривает не только словами – они слышат его мысли, что же будет теперь?! От обиды обрушат еще больший гнев? И вдруг Тураб скрипуче рассмеялся: уж не придумал ли он сам про свою связь с богами?.. И смеха своего он тоже испугался.

VIII

Первый летний месяц выдался погожим, и касожский князь Рэдэд, создавая байкольские дружины, успел побывать во всех селениях, за исключением тех, что находятся за Гойтхским перевалом.

Конечно, всем нравилось, что в Касогии будет сильное войско, которое никому не позволит разбойничать – ни хазарам, ни аланам, ни меотам, ни зихам. Но как только заходил разговор, что наряду с тем должна быть и единая власть во главе с великим князем, что ей во всем необходимо подчиняться, многие, что называется, вставали на дыбы. И тут Рэдэду с его помощниками приходилось прибегать к силе, обнажать меч.

Завтра на Курайском лугу состоится Всекасожское хасэ с участием посланцев всех конных отрядов. Направляли гонцов к меотам и зихам – пусть и они примут участие в большом народном собрании, однако до сих пор никто не появился. За Гойтхский перевал к хакучинцам послали всадников во главе с Машуком и Дауром. Они должны были вернуться еще позавчера, но пока не вернулись. Узнать, что же с ними приключилось, за перевал отправили Чечана и Кодана, но их тоже пока нет.

Об этом размышляли мазибцы, сидя под старым орехом.

– Если до обеда не появятся, значит, случилось что-то неладное, – предположил Рэдэд.

– Не волнуйся, еще есть время и есть надежда, а она – лучший лекарь от всех бед, – успокаивал его Колэс. – Скажи, Темрюк, там, в неволе, что выручало тебя в трудные моменты, что придавало силы? – обратился он к Темрюку, к которому относился несколько настороженно, подозревая, не он ли виновен в смерти отца Чечана, его зятя.

– Ты верно сказал, счастливый тхамата, надежда – лучший душевный лекарь и помощник в бедах.

– Да-да, Темрюк, – согласно кивнул седой головой Колэс, – и меня из неволи вызволила надежда. Под конец моих мытарств она порадовала тем, что я увидел единение касогов, их дружин. Думаю, надежда с помощью богов принесет нам и другие радости.

– Обязательно принесет. И не только нам – нашим детям и внукам, – по-своему поняв Колэса, говорил Татух сидевшему рядом на скамейке Гучипсу. – Как ты думаешь, почтенный?

– Я о многом думаю, Татух, – с тоской ответил Гучипс. Он сидел, опершись подбородком на руки, скрещенные на посохе, глядя вдаль, где кончался луг и начинался лес, над которым нависло густою синью небо. Вроде бы и не Татух это спросил, а он сам у себя, и не Татуху, а себе стал отвечать, даже не отвечать, а просто размышлять. – Конечно, дети, внуки, правнуки... Как бежит, как проносится время. Эх, вернуть бы свою молодость, свою необузданную удачу! Жили мы сами по себе, один перед другим показывали себя. Показывали, показывали, а разобраться если, то были одинокими. Нам и в голову почему-то не приходило, что все можем быть вместе, поддерживать друг друга, а плечо к плечу – это уже стенка, которую никакому врагу не одолеть. Рэдэд – он сын, а то даже внук мой, если по годам, а по уму, оказывается, – мудрее меня, глаза его лучше, дальше видят.

– Спасибо тебе, Гучипс, только думаю я: моя мудрость – это ваша мудрость, моего отца, князя Лаурстэна мудрость, – сказал Рэдэд, и его обожгла горячая мысль: «Почему, почему Кансав не возвратился домой, как Темрюк, почему?! О, как нужен он теперь здесь, на родной земле!»

Колэс увидел, понял, какими мыслями озабочился Рэдэд и, чтобы избавить его от этих раздумий, спросил:

– Князь, ты не забыл пригласить на хасэ Пшимафа и Джебага из Мыстхако?

– Да, почтенный Колэс, – вместо Рэдэда ответил Темрюк, – я сам приглашал их, они обещали быть вместе с Нахлешем. Благодаря богам они уже помирились.

– Вот и хорошо, сколько же враждовать нам, людям одного народа, одной земли, – сказал Колэс, намекая Темрюку о его неладах с Нахлешем. – Мне хочется после Всекасожского хасэ собрать стариков и по-свойски, по-стариковски поговорить.

Поднял тяжелую седую голову в волчьей шапке Гучипс, с улыбкой спросил:

– О чем же мы, немощные старики, будем говорить?

– Мало ли о чем, Гучипс. Правильно ты сказал – немощные мы, без посоха уже и ходить не можем, на коня с

трудом поднимаемся, но позади у нас большая жизнь. Мы – как глубокий колодец, который хранит в тишине прохладную, чистую воду. Мы храним заветы старины, вот и поговорим, как их получше передать нашим детям и внукам.

– Хорошо сказал, Колэс, очень хорошо, это главное, чтобы нас понимали дети и внуки, если не поймут, то окажется – впустую прожили. – Гучипс опять положил подбородок на посох, опять взглядом и мыслями ушел туда, где кончался луг, начинался лес, поднимаясь в синеву неба.

В нижнем Мазибе взвихрилась свадебная песня:

«Будто солнце, красную, будто день, светлолицую, сердцем своим чистую, речью своей мягкую, везем...»

– Это кто же вместо того, чтобы молиться богам, в полдень решил жениться? – недовольно проворчал Татух.

– Чем ворчать, лучше сам помолись богам, чтобы они послали счастья молодым, а значит, и нам с тобою, – посоветовал Гучипс. Помолчав, он с грустью промолвил: – Эх, вернуть бы свою молодость, те заветные годики-годочки, я бы сейчас на счастье молодым вихрем носился в пляске, пел самые веселые песни!.. Чья же это свадьба, в чей дом пришло счастье в нижнем Мазибе?

– Должно быть, Хакара женит старшего сына Гуата, – ответил Гучипсу Рэдэд. – Собирались ехать за невестой вечером, но почему-то привезли ее в полдень.

– Каждый сам в ответе перед богами за свои дела, а наше дело – пожелать им добра, счастливой жизни до старости, – улыбнулся Колэс и посмотрел в сторону, откуда слышалась песня, как бы посылая молодым доброе пожелание. – Интересно, с кем Хакара породнился?

– Если не ошибаюсь, почтенный Колэс, – ответил Темрюк, – это племянница Нахлеша, дочь его сестры. Об этом всю неделю говорили в Мыстхако.

– Уоуии, что я слышу! – с удивлением воскликнул Татух.

– Ничего удивительного, – ухмыльнулся Гучипс, – дело житейское, так что вы, верхнемазибцы, поздравьте нижнемазибцев...

– Досточтимый Гучипс, – вежливо прервал его Рэдэд, – мы же договаривались – не следует разделяться, ведь дружины у нас едины, мы – одна семья.

– Да, Рэдэд, – поддержал князя Колэс, – теперь вот свадьба соединит семьи Мыстхако и Мазибя и когда – в день Всекасожского хасэ! Значит, это наш общий праздник, посланцы всей Касогии поздравят молодых, повеселятся вместе с ними.

Пришло время открывать хасэ, а посланцы все еще не вернулись из-за Гойтхского перевала. На поляне, где собрались вооруженные всадники, к Рэдэду, возвышаясь в седле, подсказал Нахлеш и, надменно улыбаясь, спросил:

– Мы все еще кого-то ждем, князь? – спросил и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Совсем обнаглели хакучинцы, не понимают разумного слова. Надо мечом их заставить подчиняться нашей воле. Если повелишь, после хасэ поеду и наведу там порядок. А еще лучше, если поедем с тобой.

Рэдэд, сдерживая резвого коня, негромко ответил:

– Ладно, Нахлеш, не будем портить праздничный день. Потом во всем разберемся, а сейчас езжай и встань во главе своих мыстхаковцев.

– Позволь мне стоять у тебя по правую руку, князь?

– Нет, лучше тебе быть во главе своей дружины – пусть видят байколы предводителя.

Злоба вскипела в сердце Нахлеша, но он смирил ее, заставив себя улыбнуться, сказал:

– Пожалуй, ты прав, князь.

Просторен Курайский луг, высоки и красивы его цветущие, сочные травы. Впервые за многие годы стройными рядами, едиными дружинами стояли здесь воины Касогии. Казалось, их вид радовал не только людей, но и небо, и горы, и лес. А на душе у великого князя было тревожно: что там за перевалом, у хакучинцев, почему не прислали своих воинов зихи и меоты? Да и здесь не все ладно: Хакара и Нахлеш хотя и подчинились его воле, но у каждого из них на душе, не сомневался Рэдэд, что-то недоброе. Даже Тураб и тот с недовольством выглядывал из-за спин почетных старейшин. Он надеялся, что ему как посланцу богов разрешат открыть хасэ. «Все норовят быть первыми!» – с горечью подумал Рэдэд, выезжая на середину луга.

– Досточтимые касожские воины, с благословения нашего великого бога Солнца и других наших богов, с вашего согласия я открываю первое Всекасожское хасэ!

Гул одобрения прокатился по поляне, поднялся ввысь, к солнцу.

– Я княжеским поклоном кланяюсь всем, кто услышал меня и вступил в наши дружины, чтобы защищать свою многострадальную землю от набегов грабителей, хранить покой в наших селениях и семьях. Пятьсот воинов – это очень мало, чтобы противостоять разбойным хазарам, но мы надеемся, что в наши дружины пришлют своих воинов зихи, меоты, хакучинцы, думаю, они тоже захотят быть с нами в единстве, сообща противостоять всем недругам. Чтобы хорошо вооружить и содержать воинов с их боевыми конями, нужны большие затраты. Княжеского золота и серебра надолго не хватит. Как вы знаете, по нашим землям пролегли дороги, по которым идут купеческие караваны к нашим морям и дальше, в ближние и дальние страны. Мы – хозяева этих дорог, чем спокойнее, безопаснее будет путь торговых караванов, тем больше будет наш доход, а значит – лучше будем содержать свои дружины. Помните, между Мыстхако и Мазибом были ограблены и убиты арабские купцы. Мы обязательно найдем этих мерзавцев-грабителей и строго накажем...

Поняв опасность этого разговора, Нахлеш перебил Рэдэда:

– Почему так долго не возвращаются наши посланцы от хакучинцев? Если они вовсе не вернутся, что станем делать?

Рэдэд сделал вид, будто не слышит Нахлеша, и продолжал свою речь:

– В дружине каждого селения будет свой предводитель и его помощник, обязанность которых – заботиться о содержании воинов и боевых коней, отвечать за порядок и спокойствие на дорогах, взимать с купцов налоги за проезд. Каждая касожская семья должна помогать содержанию дружин зерном, скотом – чем может. Предводители селений будут подчиняться предводителю всех касожских дружин, которого сегодня и назовет наше хасэ. В случае гибели воина в боевых действиях, княжество обязуется содержать его детей, пока они не подрастут. Если у кого есть вопросы, выходите на круг и спрашивайте.

– Князь, ты не ответил на мой вопрос, – не выходя на круг, подал голос Нахлеш. – Я говорил о твоих посланцах,

которые не вернулись от хакучинцев. Может, над ними там учинили расправу?

– Подождем еще немного, а потом решим, что нам делать.

– Я обращаюсь ко Всекасожскому хасэ, князь, – привстал на стременах Нахлеш, – хочу сказать, что готов повести дружину и проучить строптивых хакучинцев.

– Твое желание похвально, – покровительственно заявил Рэдэд, – но командует всеми дружинами предводитель. Не думай, Нахлеш, что я не слышал твоего вопроса, но ты должен знать – нельзя перебивать великого князя, тем более им командовать.

– Правильно, князь! – одобрительно воскликнул Гучипс.

– У князя должна быть твердая рука, иначе какой он князь! – поддержал старика Татух.

– У меня такой вопрос, – выехал в круг Шаниб, – у меотов и зихов будут отдельные княжества, как и у нас, касогов?

– Это как они сами решат, дело ведь добровольное. К сожалению, среди нас нет их посланцев, а без них обсуждать такое серьезное дело мы не можем. Я думаю, уважаемый хасэ, если даже они не присоединятся к нам, то в случае необходимости нам следует помогать своим соплеменникам.

Гул одобрения прокатился над поляной. Рэдэд продолжил:

– Что же касается хакучинцев, так они ведь в Касогии, тут все понятно. Кто еще хочет говорить?

– Если позволишь, князь, – в круг выехал всадник из Шисхариса, крепыш лет тридцати, в войлочной шапке, лихо сидевшей на затылке. – Мы из Шисхариса, зовут меня Агбан. Хочу спросить: как живет великий князь Касогии, как его семья? Он – наш предводитель, один на всех, и заботиться о нем мы должны больше, чем каждый о себе. Хасэ желает знать, великий князь, как ты живешь?

– Спасибо, Агбан. Я, мой младший брат Шупаш, мать наша княгиня Рампэс – хорошо живем, дружно, в достатке. Трудом своим кормимся, трудом радуемся, богам молимся.

– Мы знаем: трудом и с честью жил твой покойный отец, князь Лаурстэн, знаем, какая труженица твоя мать. О чем я думаю, многоуважаемый хасэ! Мне не надо вам

пояснять, как много забот у великого князя Касогии, как трудно ему приходится. Говорю к тому, что мы все должны заботиться о нем. Разве годится ему тратить свое время и силы в коровнике или в поле? Считаю, за счет княжеской казны следует держать во дворе и в доме князя работников. Нам надо также оберегать его, а это значит – должна быть княжеская охрана...

Взволновал, растрогал Рэдэда этот человек, засмутился он даже:

– Погоди, об этом мы еще поговорим. Как я считаю – князь должен уметь достойно защищаться сам, а также содержать свою семью.

– Хорошо сказано, князь, но ты посмотри на горы и поясни, какая из них самая заметная, самая видная? Конечно, которая выше других. А в какого зверя легче попасть стрелой? В самого крупного. Вот и все, что хотел я сказать и что хотел спросить.

– Если больше нет вопросов, приступим к выборам предводителя Всекасожских дружин. Слово просит почтенный Колэс.

– Досточтимые участники первого Всекасожского хасэ! – поднялся Колэс со скамейки старейшин. – Мое слово будет коротким. По поводу выборов предводителя всех дружин мы вели речь на встрече старейшин всех селений Касогии – участвовал сто тридцать один человек. Сначала назвали четырех – Нахлеша и Кодана из Мыстхако, Машука и Чечана из Мазибя. После обсуждения оставили Нахлеша и Машука. Теперь из этих двух надо выбрать одного. Как бы по воле богов, многое в нашей жизни мы решаем с помощью жребия. Пусть выйдут к нам в круг пятеро ваших доверенных для наблюдения за жеребьевкой... Так, хорошо. Теперь из пятерых выберите одного. Агбану доверили? Досточтимый хасэ – вот у меня две палочки – одна из них короче другой. Я их зажму в руке, как обычно мы делаем. Если Агбан вытащит длинную палочку – быть предводителем Нахлешу, а если короткую – Машуку.

Замерло, затихло Всекасожское хасэ. Кажется, будто и дышать перестали.

Агбана бросило в жар от волнения: у него дрожали руки, ведь он больше всего боялся вытащить длинную

палочку, сделать предводителем ненавистного ему рыжего Нахлеша.

– Ты что, Агбан, разволновался так? Успокойся, ты просто выполнишь волю богов, – подбадривал Колэс, хотя и сам волновался, пожалуй, не меньше. – Ну, тащи палочку!

– Машук! – закричал Агбан, подняв над головой короткую палочку, показывая ее старейшинам.

– Все видели? – спросил старейшин Колэс. – Утверждаете Машука в должности предводителя Всекасожских дружин? Вот и хорошо. А ты, Агбан, покажи палочку и назови имя предводителя князю Рэдэду. – Старик хотел ему сказать: успокой великого князя.

Рэдэд был достоин своего отца, княжеского звания – все это время он спокойно стоял, гордо приподняв голову, ни один мускул не дрогнул на его лице. Не мог, не имел права он показать волнение, а значит – и слабость.

– О досточтимый хасэ, – обратился Рэдэд, – по воле богов, по повелению почтенных старейшин предводителем всекасожских дружин провозглашается Машук! Прошу всех спешиться! Попросим Тураба воздать славу нашим богам!

Тураб не ожидал, что ему будет оказана такая честь, он вдруг посерьезнел, даже выше, казалось, стал ростом.

– О люди! – начал он чуть дрожащим голосом. – Да будет каждый ваш день равен ста дням! Возденьте руки, возвысьтесь духом перед лицом нашего великого бога Солнца и других наших богов, помолимся, чтобы они даровали нашему княжеству и всем нам, великому князю Рэдэду и предводителю нашего войска Машуку, всем воинам мирную счастливую жизнь!

Когда молебен подходил к концу, Хакара выехал на середину круга:

– Дорогие гости, я приглашаю всех на свадьбу моего старшего сына...

Не успел он договорить, как на взмыленном коне прискакал Чечан:

– С плохими вестями мы вернулись, князь, – обратился он с ходу к Рэдэду. – Хакучинцы напали на наших посланцев. Тела Даура и двух убитых привезли в Мазиб.

Во второй половине дня из трех домов в Мазибе доносился плач.

– Чечан, – позвал внука Колэс, явившийся на похороны Даура, – сходи с Шупашем к Хакаре, попроси его приостановить свадебное веселье на время похорон.

– Но у нас нет такого обычая... – робко заметил Чечан.

– Нету – так будет. Люди сами создают свои обычаи, – внушительно произнес Колэс.

– Боюсь, он не послушается меня.

– А ты не бойся, скажи ему, мол, старейшины просят, а великий князь всей Касогии – велит!

Послушался Хакара – стихло свадебное веселье, теперь над всем Мазибом только и слышались рыдания.

– Хакара согласился сразу, – сообщил, вернувшись, Чечан, – а рыжий Нахлеш ворчать начал, недовольство выражать.

– Доворчится он до своего часа, – беззлобно промолвил Колэс. Помолчав, он обратился к Рэдэду: – Думаю, князь, так всегда должно быть: если ты не понимаешь чужого горя, не склоняешь головы перед ним, то придет время, когда твое веселье обернется двойным горем.

Рэдэд, казалось, слушал Колэса, и в то же время не слышал его. В мыслях была Айнар, потерявшая брата. Не знал он, как унять ее горе, как утешить. Думал и о Машуке. Вспомнились слова, когда-то сказанные князем Лаурстэном: «Если ты остался на коне, знай – в гибели твоего друга есть и твоя вина. Предводитель касожских дружин должен знать это, должен вечно хранить в душе своей».

Угрожающе расправил могучие плечи великий князь Рэдэд, подумав о хакучинцах, об их вероломстве: «Они еще пожалеют о своем мерзком поступке, еще не раз пожалеют!»

IX

Не обманись в своем доверии, встречая добрый взгляд того, в чьем сердце затаилась злоба.

Эта истина была известна князю Рэдэду, и все же ему не хотелось верить, что примирившийся с ним Нахлеш затаил в своем сердце смертельный яд. Да и не в самой вере тут дело: ведь если у князя нет великодушия – он не князь, а раб. Знал Нахлеш эту особенность в характере Рэдэда, именно на ней и решил сыграть свою нечистую игру.

Возвращаясь из Мазиба, Нахлеш размышлял: хватит сидеть сложа руки – надо действовать, но действовать осторожно, доверяясь самым верным людям. Присмотревшись к Кодану, он понял: с ним не по пути. Однако и отталкивать его не следует. Скрытность и хитрость бывают сильнее самого острого меча. А еще – деньги, золото... У-у, какая это грозная сила! Правда, в умных руках. Ограбив арабских купцов, Нахлеш прихватил столько золота и серебра, что ему на всю жизнь, пожалуй, хватит.

«Вот еще на мою голову навязался родственничек – тупица и бездельник Хакара. Он так же глуп, как по-дурному громаден. Да и Шаниб не лучше. В своей тупости они превосходят один другого: нахватили тюков шелковой и шерстяной материи и теперь не знают, что с ними делать. А у меня золотишко, теперь главное, чтобы оно заработало, пора уже рассчитаться с князьком-сосунком, пока он не надел тесную узду на глупых доверчивых касогов. Опять же – сами виноваты, мы сами возвысили его над собою. Обалдуи меоты и зихи оказались умнее нас, а хакучинцы – мужественнее. Хватит! Надо кончать с этим!»

Нахлеш поддал под бока коню, пустил его в намет. Дружина последовала за ним. Их путь лежал на взгорье Мишеж, которое, может быть, возвысится над всей Касогией, куда поднимется Нахлеш и откуда ввергнется в пропасть Рэдэд.

Конечно, Хакара глуп, но теперь он – родственник Нахлеша, который излечил его, поднял с постели; разве может он предать своего благодетеля, а если предаст – его врагами станет весь род невестки. Ну а Шаниб вроде бы тоже верный человек, в его колчане стрела с ядом, предназначенная Рэдэду.

– Кодан, чего ты плетешься сзади, будь, мой боевой байкол, слева, рядом со мной. Это Рэдэд не хочет, чтобы ты стоял с ним рядом, а мы с тобой – свои люди, боевые дружинники... Я не понимаю хакучинцев – живут отшельниками в горах, с нашими посланцами, единокровными братьями, поступили, как дикари. Убить Даура, отличного парня, ни в чем перед ними не виноватого... Разумно поступил наш великий князь, отправившись с оружием в руках за перевал. Мы заставим хакучинцев умыться их собственной кровью!.. Почему ты молчишь, Кодан?

– Думаю над твоими словами.

– Конечно, ты правдолюб, – усмехнулся Нахлеш. – Если не секрет, что за великие мысли поселились в твоей голове?

– Не знаю, как сказать, может быть, и невпопад, но раз уж спрашиваешь, отвечу. Старый Пшимаф как-то сказал: если вы не доверяете друг другу в вашем общем деле, ничего доброго у вас не получится.

– К чему это? – скрывая раздражение, спросил Нахлеш и вспомнил тот день, когда они убили арабских купцов. Ислам-Хаджи сумел убежать, Нахлеш велел Шанибу догнать его и прикончить, Шаниб погнался, но что-то подозрительно быстро возвратился назад и сказал, что убил араба. – К чему бы, спрашиваю, у тебя возникла такая мысль?

– Да все о хакучинцах. Ведь мы с ними одного корня, а враждуем, будто с хазарами.

– На днях один старик из Нибежа говорил мне: если муж и жена любят друг друга и впредь хотят любить, им надо время от времени ссориться. После каждой ссоры ух какая сладкая любовь! Ночи напролет! – Нахлеш расхохотался так громко, что кони испуганно запрядали ушами. – Вот мы и едем к хакучинцам: пустим их кровушку, заставим пролить слезы, ух какая любовь потом у нас с ними будет. – И опять захохотал Нахлеш, а в мыслях промелькнуло: «Хорошо, что я не женат, не надо перед женой изображать любовь, просто заскочил к тепленькой бабенке на ночку – и ладно. Старики говорят, мол, князю Рэдэду пора жениться, семьей обзавестись. Ничего у него не выйдет, моя отравленная стрела не позволит ему обнять свою красавицу Айнар».

«Если людям нужна любовь со скандалами и мордобоями, то земля скоро опустеет, – подумал Кодан, украдкой глянув на Нахлеша. – С детства я знаю его, с детства он был каким-то странным, как и теперь. Посмеиваются люди над ним, мол, Нахлеш калечит людей, чтобы потом лечить их. Странно: в нем сочетается жестокость силача с милосердием лекаря. Возможно, это и не милосердие, а жажда показать себя. Напоказ он ни в чем не противоречит князю, но в душе ненавидит его. Спит и во сне видит себя великим князем Касогии. Интересно, чем это закончится?»

На взгорье Мишеж уже собралась вся большая дружина во главе с великим князем Рэдэдом и с нетерпением ждала начала горячего дела.

Ярко светило солнце, весело зеленела просторная хакучинская долина, между лесом ютились небольшие селеньица, в ясном высоком небе кружило несколько орлов. Кодан подумал: тревожно они кружат, будто предчувствуют горячую кровь.

– Кого мы ждем? – недовольно поморщившись, спросил Хакара у Нахлеша. Тот в усмешке скривил губы:

– Чего ты у меня спрашиваешь, у князя спроси.

– Ждем Нибежскую дружину, вон и она из лесу показалась, – ответил Шаниб.

Оглянулся по сторонам рыжий Нахлеш, нет ли кого постороннего:

– Возьми этот наконечник, надень на стрелу и смотри не спутай ее с другими. – Еще раз предусмотрительно оглянувшись, он перешел на шепот: – На Рэдэде шлем и кольчуга, значит, надо бить ниже пояса. Если не промахнешься – будешь помощником предводителя Всекасожского войска, а промахнешься – кучей дерьма.

Забегали кошачьи-зеленые глаза Шаниба:

– Послушай, Нахлеш, зачем ждать – я сейчас спрячусь вон за тем кустом и...

– Я же сказал, – прошипел Нахлеш, – в бою.

В сопровождении предводителя дружины Машука подъехал князь Рэдэд. Машук, привстав на стременах, поднял руку, требуя тишины:

– Байколам Касожского княжества – спешиться! Великий князь Рэдэд желает сказать слово.

Спешился Машук, спешились байколы и замерли в почтительном ожидании.

Рэдэд неторопливо проехал по кругу перед дружинниками, оказывая им княжескую честь, потом вернулся на середину:

– Байколы Касожского княжества, видят боги, я не собирался начинать свое княжение войной, однако хакучинцы убили наших посланцев, которые пришли к ним с добром и миром. Наш мудрый Колэс говорит: если в какой-либо стороне княжества нет благополучия, нет мира, значит, его нет во всей Касогии. И я пришел сюда с войной, привел вас, чтобы силой унять бунтовщиков, чтобы мир был во всей Касогии, чтобы мы и наши дети не знали горя братского кровопролития и жили радостями, дарованными нам щедрыми богами.

Кодан стоял, показалось Нахлешу, слишком близко к князю и слишком льстиво улыбался ему, с большим трудом Рыжий сдержал свой гнев.

– Видят боги, я хочу мира, – продолжал Рэдэд. – Вы знаете – обнажить меч легко, вложить его обратно в ножны труднее, поэтому еще раз в поисках мира я послал к хакучинцам трех гонцов. Каждый из нас понимает: нет большей боли, чем боль, когда проливаешь кровь своих братьев...

Внимательно слушал князя Хакара и горестно размышлял: «Хотя еще совсем молод он, а очень неглуп, впрочем, почему же не быть умником, когда твой наставник – большой, даже великий мудрец Колэс. – Будто от зубной боли поморщился Хакара, – а я, выходит, дурак набитый, старик сам приходил ко мне, искал дружбы со мной, но не хватило у меня ума, поддался обману Натая. Оказывается, он просто мстил мне за свое мужское бессилие, за свою бабенку, которую сам же и положил под меня. Теперь он, рожа поганая, гордится, что стал у князя конюшим, но сегодня Шаниб – настоящий он мужчина – делает князька покойником, и Натая опять прибежит ко мне, будет ластиться поганой собачонкой».

Рыжий Нахлеш негромко обратился к Кодану:

– Хотя и тяжкая жизнь тебе досталась, но зато столько повидал всего, можно сказать, за троих тебе одному досталось. Я в неволе не был, но тоже кое-что повидал в своей жизни, – уже громко, чтоб и другие слышали, продолжил: – Очень многое понял. Как ты думаешь, Кодан, мы не ошиблись, поставив над собой, над всей Касогией сына Лаурстэна? – спросил и тут же с тревогой подумал: «Уберем мы его сегодня, а что будет дальше, сумею ли я заставить эту толпу принять меня вместо Рэдэда, назвать великим князем Касогии?» – вздрогнул Нахлеш, холодок пробежал по его спине, подступил к сердцу.

– Ты угадал мою мысль, – улыбнувшись, ответил Кодан, – я тоже об этом думал, Нахлеш... В сыне Лаурстэна, Рэдэде, живут одновременно и крутое отцовское мужество, и мягкое материнское милосердие...

Кодан продолжал говорить, но Нахлеш уже не слушал его, негодуя от ярости: «И этот болван – о выдуманном умниками милосердии. Они не понимают или не хотят понимать, что весь мир – сплошная жестокость. Стоит только внимательно посмотреть на горы, на леса, на воо-

руженных людей – и сразу видно: правит не милосердие, а сила. Над всем Кавказом хозяйка – самая высокая гора, в лесу – самый могучий дуб. Так и у зверей: хозяин волчьей стаи – самый сильный, самый смелый. А у людей? Кто сильнее, чей острее меч, тот и правит. Даже самая большая неправда в устах сильнейшего – правда. Вон стоит Агбан из Шисхариса, он мне по пояс. Кому в голову придет поставить его вместо меня?! Вроде бы и верно сказал Кодан: Рэдэда мы поставили над собою, потому что у него мужество отца и милосердие матери. Глупость! Поставили, потому что он положил меня на лопатки. А если бы я его положил? Придет время, покажу всем, какой нужен князь Касогии. Хочешь, чтобы тебя уважали, считались с тобою – пусть твое сердце будет твердым, как камень, ум – холодным, как вечный снег в горах, который не боится самого жаркого солнца. Пусть твой колчан всегда бывает полным самых острых стрел, а глаз такой же быстрый и верный, как у орла...»

– Едут! – закричал сидевший на дереве воин.

Из леса выехали десятка два всадников и на рысях направились к взгорью. Впереди – княжеские посланцы во главе с Агбаном, за ними – хакучинцы, на двух конях всадники были почему-то связаны.

«Что это означает?!» – с тревогой спрашивал себя каждый дружинник.

Нахлеш вздрогнул всем могучим телом в недобром предчувствии.

Спешили посланцы, выступил вперед Агбан, четко, с достоинством доложил:

– Великий князь Касогии досточтимый Рэдэд! Да будет твой каждый день равен ста счастливым дням! Хакучинцы признали твою княжескую власть. Их старейшины с почтением прислали своих доверенных, они передадут тебе их волю!

– Я слушаю вас, хакучинцы, – Рэдэд пригласил посланцев приблизиться к нему.

Старший из них сделал несколько шагов:

– Досточтимый князь! Мы, хакучинцы, дурно поступили в ответ на твою добрую княжескую волю, о чем горько сожалеем. – Не оборачиваясь, он громко повелел своим товарищам: – Снимите с коней тех двух и поставьте на колени перед великим князем Рэдэдом. Это они виноваты

во всем, убили твоих посланцев. От всех хакучинцев говорю: ты можешь поступить с ними по своему усмотрению, мы же считаем – смерть им! Все хакучинцы с сегодняшнего дня – твои верные люди!

– Развяжите убийц, пусть поднимутся с колен, – велел Рэдэд. – Скажите, почему вы лишили жизни моих посланцев, которые приехали к вам с миром?

Тот, что постарше, вскинул кудлатую голову:

– Мы, хакучинцы, испокон веков жили сами по себе, безо всяких князей. Мы – свободные люди!

– Стало быть, ты не раскаиваешься, что убил своих братьев по крови?

– Нет.

– А ты? – спросил Рэдэд у второго.

Тот умоляюще посмотрел в глаза Рэдэда, его колени подрагивали:

– Я... ошибся, я собирался стать заместителем предводителя хакучинцев, но...

Взмахом руки Рэдэд остановил его и, указав на нераскаившегося, повелел:

– Смерть ему, сбросьте в пропасть!

Двое дружинников собрались взять под руки приговоренного, но он оттолкнул их:

– Я сам! – и, решительно подойдя к краю пропасти, шагнул навстречу своей смерти.

«Он умер, как мужчина. Сильный и смелый, но, к сожалению, слепой умом», – подумал Рэдэд.

– Прости меня, князь! – слезно молил, упав на колени, другой хакучинец.

– Ты будешь жить, трус! – брезгливо сказал Рэдэд. – Мы отдадим тебя твоим собратьям, но при условии, что будешь до самой смерти носить шапку предателя – пынэ!

Натай тут же обеими руками надел ему на голову пеструю шапку позора.

«Ты посмотри, какой он храбрец, этот Натай! Хотя ему самому впору эту шапку надеть! – зло усмехнулся рыжий Нахлеш, а потом подумал о стоявшем на коленях: – Если обойтись с ним по-хорошему, вернее человека себе не сыщешь. А почему бы и не приласкать несчастного?»

– Возвращайтесь домой, – обратился Рэдэд к посланцам хакучинцев, – скажите всем, что мы приняли вас в свою большую семью. Помолитесь под своим Священным

дубом, поблагодарите богов, что они вас вразумили, а мы к полудню приедем к вам в гости!

Рыжему Нахлешу было приятно, что князь берет его в свою полусотню, которая отправится к хакучинцам, только вот Шаниб с отравленной стрелой и Хакара остаются на взгорье. «Похоже, проклятый горбун на самом деле своим колдовством охраняет сына Лаурстэна, но это мы еще посмотрим, кто из нас сильнее!» – и Нахлеш бросил рысака в галоп.

Х

Нынешнее лето, как говорили земледельцы, выдалось на славу. Тяжелые кисти проса клонились к земле, хлеба стояли высокие, с крупными колосьями, радовали глаз. Отяжелевшие яблони и груши с трудом держали ветви с краснобокими плодами. На верандах у хозяек уже красовались венки лука, чеснока, яркого красного перца. В огородах золотились редкостной величины тыквы. Хорошая уродилась фасоль. Наливались соком гроздья винограда, обещающая людям веселье.

Тяжелые золотистые волны созревшего проса перекатывались под первым вздохом осеннего ветра. Рампэс, глядя на поле, с грустью любовалась сыном – он, как и его отец, князь Лаурстэн, работал косою широко, размашисто, был и в работе по-мужски красив. А еще умилялась великая княгиня, глядя на Шупаша: и плечами, и статью был он еще юн, а уже старался быть похожим на Рэдэда – и решительным, твердым шагом, и взмахом косы, но все это у него еще не очень получалось.

Из Мазиба прискакало десятка полтора всадников с косами. Впереди – Колэс, за ним Татух, Хакара, Шаниб, а позади – молодежь.

«Что это могло бы означать?» – удивился Рэдэд.

– Да помогут вам наши щедрые, добрые боги убирать просо! – поприветствовал Колэс Рэдэда и женщин, работавших с князем. поприветствовал и, увидев удивление в глазах князя, сказал: – Татух, прежде чем мы спешимся и примемся за дело, объясни добрым людям, зачем и почему мы здесь оказались.

Приосанился Татух, солидно откашлялся:

– Если ты достаиваешь меня такой чести, Колэс, я благодарю тебя и все как следует расскажу... Наш старейший Гучипс сказал: боги даруют нам хлеб, мясо, виноград, дарят свою заботу и нам велят быть добрыми, заботливыми. У нас в Мазибе есть немощные старики, вдовы женщины с детишками, вот и надо позаботиться о них так же, как о нас заботятся наши добрые боги. Мы собрались всем миром на шихаф и решили убрать поля вдов и стариков, несчастного Тураба, поле покойного Даура. Отныне так должно быть всегда, сказал досточтимый Гучипс. Рампэс, Гошнаг, все женщины, идите по домам, занимайтесь своими женскими делами, приготовьте добрую встречу, вкусный ужин тем, кто сегодня в поле!

Спешились всадники, принялись острить косы.

Рэдэд стоял чуть поодаль, как бы со стороны взволнованно смотрел на происходящее и думал: вот, на глазах родилось в Мазибе нечто достойное милости богов, голубого неба, достойное большой радости. «Хорошо, когда каждый сам по себе делает добро, – думал он, – но гораздо лучше, если делают его все вместе, как сказал Гучипс, всем миром. Отныне и всегда так и надо делать. Всем миром». Подумал Рэдэд, сдержанно, по-княжески поклонился:

– Спасибо мудрому Гучипсу, спасибо всем вам! И в добрый час!

Из-за горы показался золотисто-румяный краешек солнца.

– Помолится, возблагодарим великое Светило, – призвал Колэс.

Все стали на молитву.

Косовицу решили начинать с поля покойного Даура. Стали в ряд косари, за ними – сноповязальщики.

«А это еще что за явление?!» – чуть не воскликнул от удивления Рэдэд. Из Мазиба снова появились всадники с Гучипсом во главе. Они гнали бычка и везли большой котел.

– Помогай вам боги, добрые люди, в честном деле! – поприветствовал косарей Гучипс. – Парни, помогите мне сойти на землю. Так, хорошо. – Опершись подбородком на кизилевый посох, старик окинул взглядом золотистое поле, вздохнув, обратился к Колэсу: – Мне думается, почтенный, лет сорок, скажем, назад, мы бы с тобою,

пожалуй, без помощников управились с этим полем. Как ты думаешь?

– Конечно, управились бы, но... великий князь Рэдэд создал дружины, чтобы защищать от врагов нашу землю, детей, женщин и стариков, а ты придумал – всем миром помогать им, чтобы самые слабые, самые бедные и обездоленные чувствовали себя достойными в нашей большой семье касогов.

– Спасибо тебе, Колэс, на добром слове, да будет твой каждый день равен ста счастливым дням.

Натай принес скамейку:

– Садись, досточтимый Гучипс, дай отдохнуть ногам.

– Спасибо, Натай, посох теперь мне больше подходит, чем скамейка... Колэс, и ты, мой сосед Татух, отдайте косы молодым, а сами идите к парням, что свежуют бычка, помогите им добрым советом приготовить шихафский обед. Теперь, пожалуй, можно и на скамейку присесть. Помогите мне, что-то ноги мои стали плохо гнуться... Спасибо, хорошие мои. Косари и сноповязальщицы, я разрешаю вам снять рубахи, не стесняйтесь меня. А тебе, князь, раз уж пришел, почему бы не покосить в свое удовольствие. Однако, как говорил твой покойный отец, у князя и коса должна быть княжеская, всем косам коса! Взмахи всех косарей должны быть в его косе, мысли всех касогов – в княжеской голове, иначе какой же он великий князь, если только и может махать обыкновенной косой, думать только свою думу.

Слушал Рэдэд, стоя перед стариком, и ему казалось – не только Гучипса, но своего отца, деда и прадеда слышал.

Поточили косари свои косы и принялись за дело, каждый старался показать и удаль, и силу.

– Эй, люди! Вы что, немые?! – сердито окликнул их Гучипс. – Или не знаете песен косарей? Машук, у тебя хороший голос – запевай!

Звонким и чистым голосом, как горный ручей, запел Машук, а за ним и все косари песню о добрых богах, о щедрой земле, о тихих хлеборобских дождиках и, конечно, о самом хлеборобе, для которого живет и радуется все на земле.

– Ну вот, теперь видно, что у нас праздник, – проговорил Гучипс, прислушиваясь к песне, довольно щурясь на голубое небо.

– Ты посмотри, Шаниб, – удивился Хакара. – Рэдэд нас с тобою обходит, будто и не великий князь вовсе, а истый хлебороб.

– Был бы я князем, ни за что не стал бы жариться на солнце...

«Не дали боги лягушке хвоста, чтоб травы не мяла», – усмехнулся про себя Хакара. Шаниб снова обратился к нему:

– Погляди, у котла Тураб возится! После этого горбуна я и есть не стану!

– Не накличь беду на себя, Шаниб, ведь горбун – посланец богов.

К полудню косари управились с полями Тураба и Даура, довольные, сели за обеденный стол.

Многолюдные праздничные застолья – обычное дело для мазибцев, но чтобы в поле, в будний день?! Это застолье было первым в новорожденный праздник.

Дымился в деревянных расписных мисках дышащий жаром лилепс, исходил соблазнительными запахами.

– Помолимся, возблагодарим наше великое Светило, – воздев руки к солнцу, начал молитву Гучипс, – за его щедрость, за заботу о наших полях. Помолимся и возблагодарим бога Ахына, который помог нам вырастить этого бычка, благословляет всю живность в наших дворах!.. Теперь сядем и примемся за еду вслед за сыном Лаурстэна, князем Рэдэдом.

– Прости меня, почтенный Гучипс, хочу возразить тебе. Думаю, перед нашим полем мы все равны, а потому нам лучше начать это застолье с благословения того, кто привел нас за этот стол. Первая ложка – твоя.

– Да, да! – поддержал и Колэс и все сидевшие за столом.

Из чагарника подъехал к столу рыжий Нахлеш:

– Доброго обеда вам, да хранят вас боги!

– Спасибо, Нахлеш, на добром слове, садись к столу, будь гостем! – пригласил Колэс.

– Не работал я с вами, не заслужил такой чести, – слукавил по привычке Нахлеш и, подвинув Тураба, сел к столу, напротив Рэдэда. – Спасибо вам, спасибо, только хочу сказать... Нам немного обидно, что мазибцы в таком добром деле обошли стороной своих соседей, мыстхаковцев. И еще подумал я – не княжеское это дело в одном

ряду со всеми махать косою, а великая княгиня Рампэс ответила на мои слова, что гордится сыном, который во всем свято чтит своего отца, князя Лаурстэна, и поступает так же, как поступил бы он. И я согласился с его матерью, великой княгиней...

– Нахлеш, ты поешь, пока не остыл лилепс, и нам разреши поесть горяченького, – не скрывая неудовольствия, прервал его Машук.

Нахлеш, сдержав свой гнев, молча принялся за еду. Он считал, что Рэдэд должен был отчитать Машука – нельзя обрывать на полуслове гостя. «Ничего, князек, ничего, и это я тебе припомню. Я давно бы прикончил тебя, но хазары хотят заполучить великого князя Рэдэда живым, так что нам с тобою еще предстоит веселенькая встреча на охотничьей тропе».

Прошло, отшумело лето красное, наступил первый месяц осени.

Рыжий Нахлеш осторожно пробирался по охотничьей тропе с тремя хазарами, ведя коня в поводу. Он ждал за поляной сигнала.

Проблеяла коза. Ухмыльнулся Нахлеш: «Кажется, дело сделано». Еще раз проблеяла коза, и снова.

– По коням! – воскликнул Нахлеш.

Князь Рэдэд сидел на траве, прислонившись спиной к дереву, правой ногой он угодил в волчий капкан.

– Ну что, касожский князь, попался? – подбоченившись, язвительно спросил Нахлеш.

– Ты перехитрил меня, рыжая bestия.

– Нет, не я, а тот, на кого ты напялил позорный колпак труса. – Нахлеш спрыгнул с коня, похлопал в ладоши, из-за куста вышел хакучинец. Нахлеш взял его за грудки и швырнул с обрыва.

– Да ты просто зверь, а не человек! – горько сказал Рэдэд.

– Неправда, я – мужчина, который умеет держать свое слово, ведь я обещал тебе на Курайском лугу и исполнил обещанное, а этот хакучинец и в самом деле мразь, он лишь поганил землю. Да и зачем свидетель в нашем деле.

– Если ты считаешь себя мужчиной, освободи меня из капкана, дай меч и решим наш спор по-мужски.

– Нет, сын Лаурстэна! Будет так, как я хочу. А я не желаю мериться с тобой силой и руки об тебя марать. Пожалуйста, живи. Вот Аспарух со своими лихими ребятами хазарами дает мне за тебя – живого – золотой пояс. Будь здоров, великий князек! – Нахлеш громко, с надрывом захохотал.

В этот же день рыжего Нахлеша видели в Мазибе. Он сидел у Хакары, пил с ним бузу и рассказывал свояку разные веселые небылицы.

XI

Мазибские байколы, обеспокоенные тем, что долго не возвращается с охоты князь, оседлали коней и кинулись разыскивать его. Впереди всех, конечно, ехал рыжий Нахлеш. То и дело он поднимался в стремянах, внимательно вглядывался вдаль, не переставая беспокоиться:

– Сколько раз я предупреждал князя Рэдэда, – не надо охотиться одному, в горах немало всяких опасностей! – Не было спокойно у него на душе, в голову лезли всякие мысли. Вдруг этот могучий и ловкий парень вырвался из рук хазар? Или Чечан, ускакавший со своими байколами к морю, перехватил их? Что-то долго не возвращается Чечан...

К вечеру в княжеском дворе Нахлеш опять упрекал:

– Не обижайся, Машук, но ты, предводитель Всекасожской дружины, не должен был отпускать князя на охоту одного. А ты, Шупаш, как мог ты отстать от брата? Недаром в народе говорится: братья – это обоюдоострый кинжал. Конечно, Рэдэд – старший, ты не можешь его послушаться, да и не следует, но ты обязан быть его тенью. Понимаешь – неотступной тенью!

– Князь Рэдэд с того дня, как впервые поднялся в седло, всегда охотился один. Ничего с ним не могло случиться, придет время – и он, как всегда, вернется домой с добычей, – отвечал Машук.

– Так и будет, Машук, – поддержал его Тураб, – боги мне говорят: жив князь, с удачей вернется домой. Давайте помолимся великому Солнцу. – Он воздел к небу длинные, с тонкими пальцами руки, закатил глаза и стал шептать молитву.

Все встали на молитву.

Воздел большие, с пудовыми кулаками руки и рыжий Нахлеш: «Ну, дрянь горбатая, надо и тебя сбить хазарам, но зачем ты им нужен, разве что собакам выбросить... А что, если и в самом деле Рэдэд вырвался из рук хазар?! Что-то долго не возвращается Чечан со своими дружинниками. Вдруг он и в самом деле успел к берегу раньше хазар?!.. О великий бог, все на земле делается по твоей воле. Ты нас с Рэдэдом породил на этой земле, свел в борьбе и дал победу сыну Лаурстэна. Ты знаешь, о великий бог, я хотел, я хочу быть великим князем касогов, иначе зачем ты наградил меня силой, хитростью и мудростью, позволил мне убрать Рэдэда. Ты все знаешь, все можешь. Внуши своему посланцу Турабу уважение ко мне, пусть помогает моему возвышению. Я верю, только при моем княжении касоги станут великим народом, заставят и хазар, и алан служить себе... А если ты обиделся за мою корысть, то я и близко не подойду к месту, где зарыл золотой пояс».

– Великий боже, да сбудется все, о чем я молил тебя! Не оставляй нас без князя! – громко, чтобы все слышали, произнес Нахлеш, потом обратился к Турабу: – Ну, что тебе сказал наш великий бог?

– Он озабочен нашей бедой.

– Но ведь все под небом творится по его высокой воле, как же он...

– Нахлеш! – окликнул Тураб, – не гневи великого бога.

– Да-да! – согласно кивнул тяжелой угловатой головой Нахлеш. – О великий, о всемилостивый...

Между тем людей в княжеском дворе собиралось все больше и больше. Подходили пешие – женщины, старики, дети, подъезжали конные – все были озабочены тревожным ожиданием, обменивались разными предположениями.

– Ну что, Машук, так и будем стоять, опустив руки – снова нарочито громко спросил Нахлеш.

– Скажи, посоветуй, Нахлеш.

– Не сидеть, а искать надо князя. А где наши старейшины, почему их не видно?! Где Колэс, где Гучипс?

Со старого дуба мальчишка крикнул:

– На горе – трое всадников. Один, кажется, князь Рэдэд!

Зашумели, заговорили мазибцы, некоторые кинулись на взгорок, конные привстали на стремянах. У рыжего

Нахлеша дрогнули коленки. Он сжал кулаки, почувствовал жар в крови.

Вскоре выяснилось: всадники на горе – хакучинцы.

– С чем приехали? – спросил у старшего Машук, когда гости вошли во двор.

– Человек у нас пропал, который в шапке труса. Уже больше недели его нет.

– Не он ли подкараулил в горах князя Рэдэда и отомстил ему за колпак! Я всем хакучинцам за своего князя поотрубаю их козлиные головы! – гневно закричал Нахлеш и обнажил меч.

– Успокойся, Нахлеш, оставь в покое свой меч, – потребовал Машук.

Из дома вышли Колэс, княгиня Рампэс и Айнар с подругой Анисат.

– Что случилось? – спросил Колэс.

– Они, – Нахлеш указал на хакучинцев, – говорят, что пропал их трус в шапке позора, как и наш князь Рэдэд. Я же считаю – нельзя верить хакучинцам, ждать от них добра.

– Что пропал ваш человек, – обратился к хакучинцам Колэс, – это ваша забота, а наш князь, думаю, скоро возвратится домой с охоты. Не надо горячиться, Нахлеш, чем зря вести разговоры, лучше поехать в горы, побывать на болотах, поискать князя.

– Рэдэд никогда не охотился на болотах! – возразил Шупаш.

– И все же, сын мой, в жизни всякое бывает, посмотреть не лишне, а ты, Шупаш, оставайся дома... Думаю, Чечан со своими людьми должен скоро вернуться. Главное, все делать по уму, не поддаваться панике. – Колэс неторопливо вернулся в дом.

Тронулись в дорогу всадники во главе с Машуком, с ними поехал и Нахлеш. Он почти успокоился: если бы Рэдэду удалось бежать, теперь, конечно, уже был бы дома. «И все-таки, – подумал Нахлеш, – для верности следует кости хазарского великана, обглоданные волками, перетащить на охотничью тропу Рэдэда и сказать Машуку. Вот уж я посмеюсь, когда хазарские косточки примут за княжеские и похоронят со всеми почестями».

– Может, ты разрешишь, Машук, – пряча ухмылку, спросил Нахлеш, – мне и моим ребятам взяться за хакучинцев и пошевелить их хорошенько?

– Нет! – отрезал Машук, – забудь о хакучинцах, у нас своя дорога, вместе и поедем.

Когда Колэс вернулся в дом, Гучипс спросил:

– Чем это так быстро ты успокоил галдеж во дворе и за воротами?

– Немногих байколов я оставил при княжеском дворе, а остальных усрал в горы, на болота и в степь поискать князя. – О хакучинцах Колэс ничего старику не сказал, чтобы не волновать его, не затевать нового разговора.

– А те, что отправились к морю, вернулись?

– Нет, ждем с часу на час.

– Даа, мне, старому, только и осталось ждать, терпеть свою немощь перед удалыми парнями... Мы тут подумали: надо бы Татуха и Пшимафа послать в комнату к бедняжке Рампэс, – пусть поговорят с нею, успокоят.

Минул день, а Машук со своими байколами все не появлялся. Зато рано утром вернулся Чечан, он сообщил: Рэдэд жив, но его увезли за море. Тамошний человек говорил, будто видел, как увозили князя в Константинополь.

«За какие грехи пала немилость богов на нас, на нашего князя Рэдэда?» – тревожился Колэс, вспомнив Константинополь, где провел долгое время в неволе. Из пучины времени поднялись перед Колэсом те годы унижения, страдания, тоской и болью они отозвались в его сердце, нестерпимо сильнее стала боль оттого, что теперь все это придется испытать молодому князю. Хватит ли сил, одолеет ли испытания, не падет ли духом? «Не смогли, не уберегли мы своего князя, в этом наша большая вина. Хорошо еще, что жив он, будем молить богов об их милости к нему».

– Колэс, мне кажется, ты совсем не слышишь нас, – обеспокоился Пшимаф.

– Слышу я, слышу... Вот и наш дорогой князь оказался на той дорожке, по которой я хаживал, и его прикуют к скамье галеры. А ведь он не простолоудин, как мы, он – великий князь Касогии... Целую неделю ты пропал там, Чечан, и ничего толком не сделал для князя, для своего верного друга. В огонь и воду должен был ринуться за

ним. Ну ладно, ладно, чего теперь попусту говорить... Пошли гонцов за Машуком, пусть возвращается со своими байколами, а мы выйдем во двор и будем молить великого бога о милости к нашему князю Рэдэду, значит, и о милости к нам, несчастным. Надо выйти всем Мазибом на Курайский луг, забить бычков в жертву богам.

Нахлеш радовался, что Рэдэда увезли за море, и все-таки... «Жаль, что не прикончил его. Раз он живой, то однажды может и возвратиться в Касогию», – мелькнула в его разгоряченной голове пугающая мысль. Но он отогнал ее, бодро произнес:

– Я же говорил – жив наш князь, и тебе, предводителю Касожской дружины, заявляю: я не успокоюсь, пока не найду его. А теперь поедем на луг для всекасожской молитвы. – И Нахлеш встал по правую руку Машука, не обращая внимания на то, что многие удивились, осуждая его самозванство.

ХII

Много разных бед случалось в Касогии, но такого, чтобы похитили великого князя и увезли за море, никто не помнит, не слышали даже самые древние старики, поэтому пешие и конные, женщины и детишки шли на Курайский луг, хотели получше обо всем разузнать, помолиться богам.

Конечно же, во главе всего сбора – мужчины, работники и воины. Каждый при своем достоинстве, видном издалека по его шапке. Благополучие и значимость хозяина замечались по тому, как она сшита и как сидит на его голове, из какого меха изготовлена. Кто попроще – у того барашковая или заячья, а кто поважнее – волчья или медвежья и даже из благородной куницы.

У женщин на головах – шали и полушалки. У одних домашней работы, у других – заморской, даже из самого Кашмира, купцами привезенные, за золото купленные. У девушек, у невест – шапочки, украшенные золотым и серебряным узором.

Чуть в сторонке от мужчин стояли молодые парни. Стройные, как кипарисы, их гибкие станы перехвачены наборными, черного серебра поясами, на упругой, казалась, звонкой груди – отделанные серебром газыри, и,

конечно же, у каждого – обоюдо-острый меч. Под седлом – гривастый боевой скакун, вместе с ним парень немного похож на своевольный встречный ветер. Как говорил о них старый Колэс, это и радость наша, и надежда.

Шупаш, достойно одетый, как и полагается брату великого князя, стоял рядом с Чечаном и Машуком. Тут же – княгиня Рампэс, Гошнаг, Айнар и Анисат.

Явившиеся на луг одели лучшие наряды, ведь боги, создавая землю, вознаградили ее красотой, значит, и люди во время молитвы должны быть красивы, нарядны.

Отдельно от всех расположились самые достойные, назначенные князем Рэдэдом двадцать три советника, позади них – вооруженные дружинники, охрана.

На все, что происходит, Нахлеш смотрел со злой ухмылкой: «Они будут молиться по Рэдэду! Молитесь на здоровье, но ваш князь уже далеко-далеко, он там, где правят другие боги. А этот сопляк Шупаш так свысока поглядывает, будто он уже князь Касогии. Пришелец несчастный! И старцы, выжившие из ума, нет, не приведут они нас к добру. Сильные, такие, как Машук или я, должны править!» – размышлял Нахлеш, а вслух сказал Кодану:

– Чего эти старики тянут? Уже скоро Светило уйдет на покой, надо забить бычков и начинать молитву.

– Мне сдается, Нахлеш, – ответил Кодан, – собрали нас не только для того, чтобы молиться.

– Да-да! – до шепота понизил голос Нахлеш. – Они что-то скрывают от нас. Ты видишь, каким ряженым петухом выглядит Шупаш? Почему он стоит рядом с Машуком и Чечаном?!

– Думаю, – тоже почти шепотом заговорил Кодан, – старейшины решили: нельзя оставлять княжество без князя-повелителя.

– Конечно, нельзя, но что можно ждать от немощных, скудных умом стариков...

– Перестань, Нахлеш, грешно так говорить о наших старейшинах.

– Что разумно, то не может быть грешным, этому учат боги, и я не позволю!..

Старейшины поднялись, трое из них вышли на середину круга. Колэс поднял руку:

– Прежде, чем я скажу вам о решении совета старейшин, давайте помолимся великому богу Солнца, будем

просить его вернуть домой живым и здоровым нашего князя Рэдэда!

Вскинули руки к небу, стали молиться, но молились как-то нехотя, потому что были обеспокоены земным, и хотя многие уже знали о решении старейшин, все же ждали, когда его огласят.

Помолились и замерли, но тишина была напряженной, словно грозила взрывом. Нарушил ее Колэс, возвысился своей молитвой над всеми:

– Да сбудутся наши праведные молитвы, да смилостивится над нами грешными наш великий бог. – Он еще раз воздел руки к небу, помолчал и потом продолжил: – Теперь о решении старейшин. Машук, проводи на середину младшего брата князя Рэдэда. Теперь возьмите его коня с двух сторон под уздцы, пусть Шупаш совершит круг почета. Старейшины решили: пусть отныне и до возвращения великого князя Рэдэда Шупаш будет предводителем всей Касогии. Будем чтить его и уважать, будем исполнять его волю, как ведется на нашей земле издревле.

Хакара зло толкнул локтем под бок Шаниба:

– Ну! Чего же ты?!

И Шаниб, выпучив глаза, надрывно заорал:

– Нет! Не бывать этому!

– Не бывать, не бывать, – прохрипел Хакара и испытующе глянул на Нахлеша, мол, чего же ты молчишь!

Завозились в толпе, сдержанно загудели – одни поддерживали Шаниба, другие сами не знали, как им быть.

Поднял руку Колэс, требуя тишины, нахмурил густые черные брови:

– Чего вы зашумели, будто на торгах, что вам не нравится? Ну, говорите. Чего же вы, будто языки проглотили?

Вышел начальник княжеской охраны Агбан:

– Досточтимый Колэс, да будет твой каждый день равен ста дням. Я скажу то, чего не осмеливаются сказать несогласные...

Рыжий Нахлеш сделал шаг в сторону Агбана, угрожающе положил руку на эфес меча:

– Я не согласен с решением старейшин и говорю об этом открыто, а ты, начальник княжеской охраны, лучше сообщи, как ты не уберег, как проворонил нашего великого князя!

– Ты оскорбляешь меня, Нахлеш! – Агбан тоже положил руку на эфес меча, однако тут же убрал ее: – Думаю, хасэ – не то место, чтобы здесь выяснять наши с тобой отношения. Найдем время, чтобы по-мужски решить наши обиды.

Снял руку с меча и Нахлеш:

– Обязательно найдем и обязательно разберемся. А теперь, да позволит мне хасэ, я скажу, почему не согласен с решением старейшин... Хотя Шупаш, чье имя назвали старейшины, выглядит взрослым, он все-таки еще слишком молод, чтобы быть князем-правителем Касогии. Подумайте сами – разве может быть князем вчерашний мальчик на побегушках при княжеском дворе. Конечно, решение старейшин не обсуждается, оно незыблемо, так ведется от века, но я не понимаю, как можно отдать в руки нашу Касогию несмышленому парню, приبلудившемуся к нам неизвестно откуда, и кто знает, какого он роду-племени... Я и мои друзья, пусть и с большими сомнениями, но из уважения к старейшинам, к нашим обычаям не будем перечить этому решению, а вот жители других селений могут с ним не согласиться, как быть с ними? Это может привести к междоусобицам. Многоуважаемые старейшины, я прошу – подумайте над сказанным мною.

В гуще толпы какой-то старик поднял посох и надтреснутым голосом торжественно объявил:

– Нахлеш прав!

– На его стороне правда, – поддержал его кто-то из молодых.

– Будем тут пустословить – совсем останемся без князя, без головы останемся, – солидным басом возразил кто-то с другой стороны.

Старичок в заплатанном кафтане молодо и озорно засмеялся:

– У комаров окошел комариный князь, они не стали выбирать другого и очень ладно жили без него.

– Славно жили без головы, – захихикал его сосед. По толпе прокатился гул, было не понять – то ли веселый, то ли горестный.

– Перестаньте зубоскалить! – огрызнулся Нахлеш. – Вы не в своей гостинной, а на хасэ... Я говорю – старейшины решили отдать власть над Касогией, над всеми нами очень молодому человеку, неизвестно какого рода и откуда поя-

вившемуся у нас, мы совсем не знаем, умен Шупаш или глуп, добрый или злой, любит ли он нашу землю, нас с вами. У меня болит душа, поэтому и говорю эти горькие слова. Прошу хасэ – не обессудьте меня за это.

Зашумела опять, загудела толпа, будто грозный ураганный ветер пронесся над всеми.

В круг вышла великая княгиня Рампэс и остановилась перед старейшинами:

– Прошу простить, что я, женщина, решила сказать свое слово. – Поклонившись легким княжеским поклоном, она направилась к Шупашу. Тот хотел спешиться перед нею, но Рампэс остановила его, повернулась к собравшимся. – Шупаша старейшины подняли на коня, – заговорила она, – на высокое княжеское место, пока не вернется князь Рэдэд... Я хочу обратиться к тем, кто недоволен их решением, но если вы считаете, что это не женское дело, простите меня. Хочу сказать как женщина, как мать, как великая княгиня, что никому не позволю оскорблять моего воспитанника, а еще скажу, – тот, кто начинает поучать старейшин, оспаривать их волю, недостойно носить имя мужчины, сына своего народа. Поймите же – с того дня, как Шупаш назвал меня матерью, а князь Рэдэд его – младшим братом, он стал равноправным членом великокняжеской семьи, а не мальчиком на побегушках. Те, кто считает Шупаша слишком молодым, должны помнить, что всегда, при любом князе рядом с ним мудрейшие старейшины. Конечно же, рядом с Шупашем всегда будут друзья моего старшего сына князя Рэдэда... Еще раз прошу всех простить меня, что осмелилась сказать свое материнское слово перед Всекасожским хасэ и почтенными старейшинами.

«Эту неугомонную, несмотря на ее годы, бабу ничем не унять, – с неприязнью подумал Нахлеш, стараясь не взорваться от злости. – Пройдет немного времени, и она самовластно начнет править Касогией, находясь за спиной у этого мальчишки, если, конечно, не случится то, что с комариным князем».

Подождав, пока великая княгиня вернется на свое место, Колэс возвысил свой голос:

– Всекасожское хасэ! Не смейте меня перебивать, я требую тишины, а у кого чешутся от безделья языки, пусть уйдут отсюда!

– Прости меня, почтенный Колэс, это я, Натай, перебил тебя. Если позволишь, задам тебе единственный вопрос.

– Говори, – сухо ответил Колэс.

– Мы ставим Шупаша предводителем Касогии только на время, пока не вернется князь Рэдэд?

– Ты что, не слышал, о чем здесь говорили?! – зло выкрикнул рыжий Нахлеш, а про себя добавил: молчал бы уж, полубаба, полумужик.

– Тоже мне умник нашелся, – огрызнулся Натай.

Веселым ветерком пронесся шум над поляной. Колэс опять поднял руку, требуя внимания и тишины:

– Всекасожское хасэ, помолимся, попросим у богов мудрости и силы Шупашу, которого мы поставили нашим предводителем до возвращения великого князя Рэдэда.

После молебна Колэс обратился к Пшимафу:

– Скажи, почтенный, Всекасожскому хасэ и о другом решении старейшин.

Вышел на середину Пшимаф:

– Достопочтенное Всекасожское хасэ! Старейшины решили также определить для поисков князя Рэдэда трех уважаемых касогов, знающих язык хазар, русичей и греков. Это Колэс, Темрюк и Кодан, старшим из них будет достопочтенный Колэс. Помолимся же нашим богам, пусть они пошлют им силу и мудрость, помогут найти князя Рэдэда.

– Помогут, помогут они, дождетесь, – с ухмылкой шепнул Шанибу рыжий Нахлеш. – Как бы им самим не лишиться своих голов в этих поисках.

С дальней стороны всадник-наблюдатель оповестил:

– К нам скачет какая-то дружина. С пиками наперевес, боевым строем!

По тому, как дружина шествовала строем по четыре, по пикам и флагам Машук определил – это не хазары и не ясо-аланы. Он скомандовал своим байколам:

– По коням! – и выехал с Шупашем из круга. Впереди них встали трое старейшин. Рядом появились Нахлеш и Хакара, готовые защитить их, если это понадобится. Пешие воины окружили кольцом женщин и детей.

Колэс пояснил:

– Это русичи.

– Да, русичи, – согласился с ним Кодан, – но чего им надо?

– С добром ли идут они к нам?! – загорячился Нахлеш, взявшись за меч.

– Спокойней, Нахлеш, спокойней, – остановил его Колэс. – Темрюк и Кодан, идите сюда, будете говорить с русичами. И держитесь спокойно, уверенно перед пришельцами. Спокойствие – тоже оружие, и бывает оно очень сильным.

Русичи приблизились на расстояние полета стрелы. Предводитель знаком руки остановил дружину. Вместе с ним трое дружинников выдвинулись вперед, похоже, о чем-то договаривались.

– Машук, вместе с двумя байколами стань рядом с нами, вот здесь, – велел Колэс и, подождав немного, громко на языке русичей спросил у пришельцев: – Кто вы такие и зачем пришли на нашу землю с оружием?

– Мы – русичи, посланцы великого князя Мстислава. Он разгромил хазар и покорил Тмутаракань. Мы пришли, чтобы передать его волю: теперь вы свободны от хазар, будете данниками княжества русичей!

– О боже, это говорит мой брат Кансав! – воскликнула Рампэс и, побледнев, едва удержалась на ногах.

Стоявшие рядом с нею сделали вид, будто ничего не слышали, ждали, что скажут старшие.

Колэс, конечно, тоже узнал Кансава; вспыхнул гневом и болью, все же сдержал себя и заговорил спокойно:

– Мы, касоги, никогда и никому не платили дани, мы – свободные люди, хозяева на своей земле, а хазары – пришельцы, просто грабители, разбойники.

– Князь Мстислав знает, что вы не платили, но теперь, разбив хазар, избавив вас от их грабежей, требует дани. Если же вы не захотите платить, мы силой оружия заставим вас, хотя князю очень не хочется проливать кровь.

«Ах, мужчина, ах, молодчина этот Кансав! – восхищался про себя рыжий Нахлеш. – Вот у кого воля, вот настоящий предводитель, а не этот прилудный сопляк Шупаш. Помоги, Кансав, мне возвыситься, и ты будешь иметь не только дань от касогов, а и сильных союзников, получишь все, чем мы богаты».

– Послушай, Кансав, – чуть дрогнувшим от волнения голосом сказал Колэс, – мы мирные люди, не хотим кровопролития, но если на нас поднимают меч, мы поднимаем свой, однако лишь для того, чтобы защитить себя, а не

нападать. Ты знаешь это хорошо, и позоришь не только себя и свою родную сестру, но и весь свой род, наших богов. Прежде чем дать тебе ответ, мы должны посоветоваться, ты же знаешь наши порядки. Подожди один день и одну ночь – и получишь ответ.

– Мы заночуем в Мазибе, завтра поедем к хакучинцам, вернемся через неделю, думаю, вам хватит этого времени для размышлений.

– Согласны... Хотя ты и разговариваешь с нами как с врагами, но мы по обычаям наших и твоих предков считаем тебя гостем, правда... очень грустно все это. Неужели так остыло твое сердце, что ты ничего не спрашиваешь о своей старшей сестре Рампэс, о своем племяннике, князе Рэдэде? Я думаю, твой отец, твой дед...

– Хватит! – нервно прервал Колэса Кансав. – Для меня дело превыше всего, тем более государственное, а уж потом все остальное...

Остановились русичи на ночлег на окраине Мазиба.

Не пришел Кансав к сестре ни к полудню, ни после, а лишь поздним вечером. В сопровождении Нахлеша, как-то украдкой, подъехал он к воротам касожского князя.

Никто не поспешил ему навстречу, никто не принял его стремя и не помог спешиться.

– Вы, недоумки, разве так, по нашим обычаям, положено встречать гостя! – сердито выговаривал Нахлеш дворовым, помогая Кансаву спуститься с коня.

Когда Кансав вошел в покои княгини, Рампэс не кинулась ему навстречу, даже не позволила встать Шупашу. Она кивком указала брату на единственный в комнате стул. Рыжий Нахлеш, конечно, понял, что к чему.

– Вы тут посидите в своем семейном кругу, а у меня есть небольшое дело к байколу Агбану. – И ушел Нахлеш, закрыв за собой дверь. В комнате воцарилась напряженная тишина. Ее нарушил Кансав:

– Что так темно в велико-княжеском доме?

– Экономим жир, все экономим, ведь ты решил обложить нас данью, – с холодной насмешкой проговорила княгиня.

– Русичи не нуждаются в вашем жире, – не без ехидства процедил Кансав.

– Так чего же им надо? Золота, серебра? – с трудом сдерживая раздражение, спросила княгиня.

Кансав, брезгливо поморщившись, ответил Рампэс вопросом на вопрос:

– Кто этот парень, что с тобою рядом?

– Младший брат великого князя Касогии Рэдэда, которого похитили разбойники и увезли за море.

– Ты что, после Лаурстэна родила его? – криво усмехнувшись, спросил Кансав.

Княгиня, вспыхнув гневом, резко поднялась. Встал и Шупаш.

– Ты, бесчестный человек, променявший родину и своих богов неизвестно на что, ты, кто привел на землю своих предков и соплеменников их врагов, еще смеешь устраивать мне расспросы?!

Встал и Кансав. Залился краской не то от боли, не то от гнева, не то от стыда.

– Ладно! Вернись от хакучинцев – еще поговорим с тобою.

Закрылась за Кансавом дверь, и Рампэс оставили силы – она упала лицом на стол, громко зарыдала. Кинулся к ней Шупаш, обнял за плечи, горестно повторяя:

– Нана, нана, пожалуйста, успокойся, пожалуйста...

Она по-матерински ласково обняла его:

– Ты прав, сын мой, в это тяжелое время нельзя предаваться слабости, надо уметь себя сдерживать.

Не пришлось мазибцам ждать неделю – на третий день к ним прилетела скорая весть: хакучинцы разбили наголову, уничтожили дружину Кансава.

– Слава нашим богам! – воскликнула Рампэс, – это они наказали бесчестного Кансава, моего злосчастного брата. Хотела бы увидеть разбитой его безмозглую голову. Да-да, не удивляйся, Колэс, иногда приходится на жестокость отвечать жестокостью в этом страшном, греховном мире.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Трое хазар, везших связанного, с кляпом во рту, притороченного к спине коня князя Рэдэда, до изнеможения гнали коней едва проходимыми лесными тропами, глухими горными ущельями – быстрее к морю, только бы никто не увидел их! Везли пленника, а сами скорее походили на затравленных волков, ведь если бы увидели их, догнали – не сносить бы им своих голов. И лишь ночью, когда в непроглядной тьме послышался шум морского прибоя, вздохнули облегченно, будто сняли с себя тяжелый, смертоносный груз.

Остановились под скалою, спешились, еще раз, напрягаясь до звона в ушах, прислушались. Шумело море, а над горами висела густая, мгlistая темень.

Спешились, сели под скалою, успокоились.

Занимался рассвет.

Над лесом поднималась заря. Но она не радовала хазар, своим светом скорее пугала их.

Сняли связанного по рукам и ногам Рэдэда, усадили под скалой, прислонив к камню. Глянули на него и удивились: за эти минувшие сутки они вымотались до изнеможения, а ему, притороченному, будто мешок, к седлу, хоть бы что! Старшему из хазар, Аспаруху, глаза Рэдэда показались беззаботно-веселыми, и он поневоле от этого испытывал страх.

Не понять было разбойникам, что перед ними был князь, – всем своим существом, духом своим. Живое тело легко и просто умертвить, а истинный дух не только убить, даже сломить невозможно. Связав Рэдэда, приторочив на спину коня, разве могли хазары лишить его памяти об отце, мужественном и гордом князе Лаурстэне, разве могли они лишить его любви к Касогии, к матери, к Айнар, к мудрому Колэсу, к удивительному старцу Гучипсу? Конечно же, нет. Все это было и останется всегда с ним.

Глянул Аспарух на пленника и подумал, не тронулся ли он умом: сидит какой-то уж очень непонятный. «А вдруг князь и вправду помешался, кому он будет нужен такой?»

– Вынь у него кляп, а то еще задохнется, околет вдруг!

– Вынуть недолго, а если он заорет во всю глотку?

– А дубина для чего в твоих руках?! – рассердился Аспарух.

– А если я огрею и нечаянно прибью? – засмеялся Батат, показав большие желтые зубы.

– Тогда я выпущу из тебя кишки! – почти рассвирепел Аспарух.

Рэдэд слушал перепалку, не понимая слов, с интересом поглядывая на третьего хазара, кривоногого Ачира – до того кривоногого, что ему трудно было ходить, лишь в седле он чувствовал себя удобно. Вот и сейчас, спустившись с коня, он долго не мог стоять, уселся на землю, скрестив ноги, похожие на клешни рака.

– Ачир, вытащи кляп, – поднялся Батат, держа дубину в руках. – Если ты станешь орать, – обратился он к князю, – я прибью тебя на этом же месте.

Конечно, не стал кричать Рэдэд, и Аспарух улыбнулся ему:

– Я знал, что ты – настоящий мужчина, – заговорил он на языке касогов. – С иными мы ведь не имеем никаких дел, верно, князь?

– Если бы вы подло, по-воровски не поймали меня капканом, я, может быть, считал бы вас мужественными людьми, – спокойно ответил ему Рэдэд. – А поскольку вы втроем боитесь меня одного и держите связанным, то какие же вы мужчины, вам надо носить юбки.

Аспарух надменно усмехнулся в рыжие усы, потерял курчавую бороду:

– Если ты думаешь, что меня так просто можно оскорбить и унижить, то горько ошибаешься. Я хорошо знаю жизнь, знаю, какие можно ожидать подлости.

– Что мелет этот князь, не оскорбляет ли он тебя, Аспарух? – спросил Ачир. – Может, заткнуть ему глотку?

– Князь знает, что мы не можем, не хотим убивать его, а потому и распоясался, болтает разную чепуху.

– Может, все-таки врезать ему для вразумления? – угрожающе помахал дубиной Батат.

– Перестань! – прикрикнул на него Аспарух, а Рэдэду сказал: – Видишь, какая злоба у них на тебя, могут вмиг проучить как следует.

– Вижу, вижу, – с презрением проговорил Рэдэд. – После того, что вы сделали с моим отцом, я уже ничему не удив-

ляюсь. У тебя вон какие пышные, по-настоящему мужские усы, – чуть улыбнулся он, – бородища вон какая. Прикажи развязать, встаньте втроем против меня одного, покажите свое мужество, разве оно не дороже золотого пояса, за который вы купили меня?

Аспарух довольно расхохотался, придерживая руками живот:

– Золотой пояс!.. Рыжий Нахлеш считает себя умным и хитрым, а в самом деле – тупоголовый болван, не способен даже отличить фальшивое золото от настоящего! Настоящее – вот. – Он распахнул кафтан, осияв Рэдэда золотым блеском, и захохотал еще громче. Хохотали и Батат с Ачиром, хотя не понимали, о чем говорил Аспарух на чужом для них языке.

– Берегись, – сказал Рэдэд, – Нахлеш тебе этого не простит, ты познаешь его коварство.

– Только через три месяца осыплется позолота с того пояса, к тому времени ты будешь очень далеко, затеряешься где-нибудь в переулках Константинополя, а может, тебя перекупят и увезут еще дальше, в другую страну. Где я буду к тому времени – ищи ветра в поле, – сощурился Аспарух: – Если сказать честно, князь, то я даже завидую тебе: ты красивый, сильный, какой-нибудь богач сделает из тебя знаменитого борца, будет возить по разным странам и городам, увидишь столько интересного, что забудешь о своем убогом касожском княжестве, где кроме скуки ничего нет. Впрочем, потом я тебе еще много разного расскажу, а сейчас надо нам подкрепиться, вон как ты отощал. Ачир, разожги огонь!

«Последнее ты ничтожество, – подумал Рэдэд об Аспарухе, и такая тоска подступила к его сердцу, что он едва не застонал. Перед его взором открылась Касогиа, маленький уютный Мазиб под покровом могучего леса. Увиделись княгиня-мать, Шупаш, старый Колэс, Айнар. Она предстала в белом полушалке, с несказанной тоской в больших и ярких глазах. – Ты оказался прав, почтенный Колэс, я был слишком беспечен, недооценивал коварство своих врагов. Но ничего, я вернусь, я обязательно встречу с Нахлешем. О, какая это будет встреча!»

У кривонного Ачира ничего не получалось – он никак не мог добыть кресалом огонь. Похоже, трут отсырел, и искра гасла в нем.

– Аспарух, ничего у твоего Ачира не выйдет, вели развязать меня, я быстро разведу огонь, а то мы и в самом деле оголодали.

– Хитер, ох, хитер же ты, князь, но и мы, хоть я из простых хазар, не носом воду пьем, как говорят касоги, – сказал, ухмыльнувшись, Аспарух и сердито пробурчал Ачиру: – Эх ты, разиня, огня не можешь развести. – Он достал свой трут, высек огонь. – Возьми, да побыстрей, проворней шевелись!

Вскоре запылал веселый костер из сухих пихтовых сучьев. На углях разогрели вяленое мясо. Рэдэд надеялся – ему развяжут руки. Он покосился на кривой нож, торчавший в стволе дерева.

– Батат, покорми князя, поухаживай за ним, – распорядился Аспарух.

Тот взял кусок мяса и поднес его ко рту Рэдэда:

– Раскрывай пасть и ешь!

– Я не собака, чтобы меня так кормили. Развяжите руки и дайте нормально поесть. В конце концов будете продавать меня как князя Касогии, за это огребете кучу золота...

– Оказывается, ты до сих пор не понял, что теперь князем только называешься, что сейчас ты – наш обычный товар. Батат может дубиной быстро тебя огреть, так что лучше ешь, как тебе велят! – со злостью посоветовал Аспарух.

Батат начал совать Рэдэду мясо, но тот крепко стиснул зубы и, улучив момент, так боднул его головой, что тот отлетел в сторону, едва не угодив в костер.

– Он не повредил тебе плечо?

– Нет, просто ушиб.

Ачир, выхватив из костра пылавшую головню, кинулся к Рэдэду, но его окриком остановил Аспарух. Поднялся Батат, угрожающе сдвинув плечи, шагнул к обидчику.

– Отойдите от него, не то я вам самим ребра переломлю! – снова крикнул Аспарух. Встал, подошел к Рэдэду и как-то по-змеиному прошипел: – Если о тебе заботятся, князь, о твоём здоровье – надо есть, иначе пожалеешь, что был неблагодарным.

– Я не приму еду из рук тех, кто обращается со мной как со скотиной.

– Видишь ли, твой отец тоже был великим князем, и ты знаешь, что с ним случилось. Смотри, как бы и с тобой такое не случилось.

– Вы можете меня убить, но покориться не заставите. Мне смерть слаще, чем этот кусок мяса.

Выпрямился Аспарух, подбоченился:

– Не надейся, князь, на легкую смерть, не получишь ты ее от меня, особенно после этого разговора. Я не дам тебе умереть, даже если за тебя получу всего лишь какой-нибудь ломаный грош. Живым оставлю, и ты узнаешь, что такое неволя и чужбина, когда об тебя вытирают ноги. Приготовься – для этого нужно большее мужество, чем достойно принять смерть.

Батат и Ачир, не понимая касожских слов, догадывались, о чем говорил их предводитель с пленником.

– Хватит с ним валандаться, – набычился Батат, – давай, Ачир, съедим это душистое мясо, а касогу устроим такое, что он белого света невзвидит. Разреши, Аспарух, нам повеселиться немного.

– Они такие, эти дикари, – ехидно улыбнулся Аспарух, – могут и в самом деле устроить, что невзвидишь белого света.

– С тобой сделают то же самое, а то еще и пострашнее, – не сдержался Рэдэд.

– Если их сравнивать со мной, то у них еще материнское молоко на губах не обсохло. Но хватит об этом! – В желтоватых глазах Аспаруха вспыхнул злобный огонек, какой появляется в глазах волка, когда он изготовился растерзать добычу. – Значит, князь, ты не будешь есть?

– Нет.

– Это твое последнее слово?

– Да.

– Наденьте на него железный шлем и подведите поближе коня.

Рэдэд вспомнил рассказ Шупаша, как хазары пили кровь лошади и заставляли пить его. Ему не было страшно, да и чего, собственно, бояться, если сама смерть не страшна, однако... По всему его телу пробежала дрожь, может быть, предупреждением перед началом неизвестного испытания. Рэдэд слегка побледнел, злясь на это непрощенное чувство, которое овладело им против его воли.

Надели на голову Рэдэда железный шлем, в рот вставили рогатку, чтобы не смог закрыться, подвели лошадь. Ачир ударом ножа вскрыл вену на ее шее.

Вздогнула лошадь, брызнула из вены струя горячей крови, Аспарух прижал к лошадиной шее голову Рэдэда, чтобы кровь попадала ему в рот, и тут же увидел – она потекла изо рта через нос.

– Ну! – закричал он на Ачира. – Ты что, ослеп?! Зажми ему нос!..

И Рэдэд почувствовал, как горячая струя проникает ему внутрь. Ударила, обожгла, а потом... Он закрыл глаза, почувствовал, как закружилась голова, застучало в висках. Прошло и это, и Рэдэд вдруг ощутил, как ширится, наполняясь силой, его грудь, наполняясь чем-то легким, летучим...

– Хватит с него, – сказал Батат, – а то станет слишком буйным.

– Это ему и завтрак, и обед, и ужин, – гнусаво хихикнул Ачир.

– Батат, – позвал Аспарух, – давай его посадим к скале, он сейчас будет спать. Теперь можете попить и вы, подкрепить свои силы.

Скоро лошадь совсем ослабела, подкосились ее ноги, она тяжело упала, а когда бросили ее в пропасть, жалобно заржала, будто просила пощады у людей.

Ачир опустился на корточки перед Рэдэдом:

– Ну что, князь, взбодрила тебя лошадиная кровь, наверно, захмелел даже?

– Не приставай к нему, иди сюда, – пригласил его Батат.

– Он, видно, хочет нам что-то сказать, – продолжал Ачир.

– Говорят тебе – оставь его в покое! – прикрикнул Аспарух. – Сейчас горячая кровь скакуна еще бурлит в нем, вот растечется по жилам, тогда все пойдет своим чередом. Сходи, Ачир, посмотри на тропу, по которой будем спускаться к морю.

– Как ты думаешь, – спросил Батат, – не обманет нас грек?

– Пока не обманывал, – ответил Аспарух, – да и мы с тобой не дураки, не таких греков обдeldывали.

– Уж очень большие деньги обещал за этого князя, а чем их больше, тем они опаснее, тем больше соблазна обмануть.

– Верно, – усмехнувшись, согласился Аспарух, – страшная сила в золоте, и чем его больше, тем эта сила страшнее и... уж очень приятная.

Они помолчали. Почему-то настороженным было это молчание.

Батат судорожно вздохнул:

– Когда сбудем благополучно князя, как ты думаешь, на ком еще сможем заработать большие денги?

– Уж очень хочется мне наказать подлого Нахлеша...

– Ты угадал мою мысль! Мне тоже не терпится посмотреть на его мерзкую рожу, когда попадет в тот же капкан! – сказал Батат, ехидно хихикнув, потом, прислушавшись, приложил палец ко рту. – Кажется, кривоногий идет. Ему не надо об этом говорить.

– Ты ему не доверяешь?

– Полностью доверяю, ведь мы с ним столько лет уже делаем вместе наши дела, только тайну двух никогда не открывай третьему.

– Мудро, мудро, – задумчиво проговорил Аспарух.

Батат между тем продолжал:

– Я думаю, и в этом деле кривоногий – лишний. Я, кажется, правильно понял тебя?

– До чего ты мудр и догадлив! – одобрительно произнес Аспарух. – Мы с тобой, только двое...

– Считаю, я уже вспорол ему брюхо.

– Только не сейчас, он еще может пригодиться.

– Не беспокойся, я знаю, когда надо это сделать.

Они оба, глянув на Рэдэда, насторожились.

– А что, если князь знает хазарский, слышит нас?!

Приподнялся Аспарух:

– Не беспокойся, не знает. Он спит.

Пришел Ачир:

– Там все нормально. Думаю, как только загорится первая вечерняя звезда – появится лодка с дорогими нашими гостями. Звезда нашего счастья... Вам не кажется – пора уже снять с князя железную папаху?

Когда начало смеркаться, хазары пустили стреноженных коней на поляну и повели Рэдэда к морю. Он не сопротивлялся: «Вот так же когда-то вели в неволю Кол-

эса, Кансава и Темрюка с Коданом, должно быть, их тоже поили лошадиной кровью. Тропа наших слез, наших бед...»

– Поторапливайся, князь, – дернул Батат за веревку, на которой вели Рэдэда. – Уже причалила лодка твоего и нашего счастья.

Навстречу им вышли трое греков:

– С благополучным прибытием, – сказал старший из них и протянул Аспаруху сумку. – Вот золото, давайте ваш товар.

– Не спешите, уважаемые, сначала проверим, золото ведь счет любит.

– О да! – воскликнул грек. – Счет дружбы не теряет. К золоту всегда надо относиться с большим уважением.

Греки повели Рэдэда. Оглянувшись, князь с презрением посмотрел на Аспаруха:

– Хочу, чтобы ты знал, при людях говорю: я никогда не прощу тебе, твоим подручным и Нахлешу того, что вы сделали со мною. Учти, я слов на ветер не бросаю. Каждую минуту, до самой смерти помни об этом и будь готов к встрече со мной. Это сказал я, князь Рэдэд!

Аспарух надменно расхохотался и вдруг умолк – вздрогнула его курчавая борода, в желтых глазах промелькнул страх, но он унял его и опять засмеялся:

– Сначала попробуй освободиться от своих кандалов, а еще... Возьми вот это, именно кольцо твоего покойного отца. Как знать, может, в самую трудную минуту твоей будущей нелегкой жизни оно поможет тебе, может, ты еще вспомнишь меня и добрым словом.

Принимая кольцо, Рэдэд коснулся руки Аспаруха – почему-то дрожавшей и горячей. Они расстались, не глядя друг другу в глаза.

Качнулась на волнах лодка, качнулись в вечерних сумерках, будто прощаясь, горы Касогии.

Кто-то прикоснулся к Рэдэду плечом:

– Крепи свое сердце, князь, даже прикованный цепями, крепи его памятью о нашей родине.

Тем временем Батат от избытка радости выплясывал у набегавших на берег волн:

– Взойдет луна, Аспарух, и мы увидим волшебный блеск...

Сильный удар кинжала Ачира не дал ему договорить. От такого же сильного и точного удара Аспаруха упал

рядом с Бататом Ачир. Их накрыла набежавшая волна крепчавшего прибоа...

II

Знал Рэдэд, что на земле есть много разных стран и народов, но что над другими странами, безбрежным морем, над селениями с громадными, будто горы, домами тоже всходит солнце, точно такое же, как и в Касогии, знать он не мог. Это очень удивило его, и он подумал: если небо и солнце одно на всех, значит, все люди – братья, а если братья – то жить должны мирно, по-братски. Почему же касоги и хазары, меоты и аланы, русичи и печенеги, живущие под одним небом и солнцем, воюют друг с другом, убивают один другого?!..

На рассвете судно, на котором отправили Рэдэда, вошло в Константинопольскую бухту. Из-за моря выглянул краешек солнца, и вот золотисто-розовое Светило возвысилось над морем, над всей землей, одарило своей радостью людей, однако навстречу ему поднял руки только Рэдэд с двумя невольниками, а все другие будто и не заметили его. Очень удивился этому Рэдэд и подумал, что Светило может разгневаться на неверующих, наказать их, но солнце, радуя, продолжало мирно сиять, и Рэдэд, еще раз воздев руки, благодарно улыбнулся ему, подумав, как это люди под одним небом, на одной земле могут жить в мире, если у них разные боги. Раньше Рэдэд просто не размышлял об этом, даже когда в Мазиб приходили греки и крестились, молясь своему богу Христу. Наверное, постигшие его испытания и заставляют по-иному, более пристально смотреть на жизнь, делают более зоркими его глаза, а сердце – чувствительней.

Рэдэд с кандалами на ногах сидел в углу пустой комнаты, куда поместил его хозяин, высокорослый грек, похоже, крутой нравом, впрочем, он не кричал на невольников, как его помощники, не размахивал плеткой, говорил мало, и слова его, казалось, были круглыми, тяжелыми. Смотрел на него Рэдэд и горько улыбался: оказывается, теперь у него, у великого князя Касогии, есть хозяин! Смотрел и никак не мог представить, что теперь он сродни лошади или собаке.

Под одним небом, под одним солнцем, на одной земле живут такие разные люди, такое разное творят один над другим, а ведь всех их одинаково рождает в муках мать, они одинаково хотят пить и есть, любить, радоваться, у всех одинаково соленые слезы, все они хотят мира и покоя, но почему-то делают наоборот.

Рэдэд подошел к окну.

Люди, люди, люди... Куда-то спешат по вымощенным камнем и таким чистым, будто в комнатах, улицам, мимо громадных домов с огромными окнами. Торопились пешие, всадники на скакунах, на легких колясках, запряженных парой гривастых лошадей.

Рэдэд с детства знал из рассказов отца, воспоминаний Колэса и других стариков, что кроме гор, лесов и селений с домами и сараями есть города. И вот теперь он смотрел на улицы и дома Константинополя, на пугавший своей красотой и грандиозностью дом, называвшийся Софийским собором, и ему казалось, что все это он уже видел, но почему-то забыл, а сейчас просто вспоминал, испытывая восторги далекого детства.

Увидел арбу, запряженную парой быков, точно таких же, как в Мазиб или Шисхарисе, и брели они точно так же, неторопливо, будто нехотя. Он услышал скрип плохо смазанных колес, как бывает у нерадивого хозяина. И его сердце зашлось болью и гневом, тоской по родному дому, а гневом – к Нахлешу и Аспаруху. В ярости Рэдэд так рванул железную решетку, что задребезжало все окно, и выломал бы ее, но увидел на пальце отцовское кольцо...

«Спасибо, спасибо тебе, бандитская рожа, проклятый Аспарух. Я и в самом деле сейчас благодарен тебе за это кольцо, оно осенит меня отцовской мудростью, поможет обрести силу, чтобы бороться со злом, чтобы найти тебя и Нахлеша с вашими приспешниками и наказать вас, как повелевают наши боги, которым я молюсь и днем и ночью».

И отступила от него ярость, поугасла тоска, ощутил он уверенность, а с нею и покой. Опустившись на постель, лежавшую в углу, он прислонился спиной к стене и благоговейно закрыл глаза.

Скрипнула дверь. Вошел хозяин, грек Панатиди, в сопровождении покупателя и переводчика Костаса.

– Доброе утро.

Рэдэд поднялся навстречу:

– Добро пожаловать.

Панатиди довольно улыбнулся, посчитав, что раб смирился, уважительно поднимаясь навстречу хозяину, и не понимая, что Рэдэд это сделал, следуя обычаю адыгов. Он поднимался и навстречу евноху, приносившему завтрак, в знак уважения к хлебу насущному, дающему жизнь, в знак уважения к самому себе.

– Что сказал мой пленник? – с достоинством хозяина спросил Панатиди переводчика.

– Приветствовал тебя и пригласил войти к нему, – ответил Костас и почему-то в душе ощутил жалость к пленнику.

«Он, должно быть, и в самом деле – князь, вон какой!» – подумал Панатиди. Когда Аспарух сказал, что продает ему князя, воспринял это с недоверием, на свете многие мнят себя князьями или какой другой знатью, а дикий хазар представил его князем лишь для того, чтобы подороже продать. «Мне работники нужны, а не бездельники с титулом. Теперь, чего доброго, за него и своих денег не верну...»

– Чего ты набычился, будто драться собрался со мною? – с неудовольствием взглянул Панатиди.

Рэдэд неторопливо ответил:

– Если бы ты пришел к нам в Касогию с мечом, я обязательно стал бы драться с тобой, а сейчас... Знал ты или нет, но купил великого князя Касогии. Надев кандалы, посадил меня за решетку, считаешь своим рабом. Ты можешь меня продать, поступить со мной, как тебе заблагорассудится, я буду вынужден терпеть и стерплю, но если ты оскорбишь мою честь!..

Как вспыхнул вдруг купец, как вздыбились его плечи, но покупатель приостановил его:

– Подожди, подожди, Панатиди! Не горячись. Ничего дурного не сказал твой пленник.

– Если так считаешь, если он тебе нравится, по-дружески уступлю его за свою цену.

– Сколько же ты за него дал? – насторожился покупатель.

– Четырнадцать золотых, – уверенно ответил Панатиди, почти удвоив цену.

Покупатель, прищурившись, испытующе взглянул на него, словно пытаясь определить, сколько же он приврал:

– Думаю, дорогой друг, тебя обманули.

– Ты думаешь, я такой простак! – вспыхнул Панатиди, но тут же улыбнулся: – Хорошо, если тебе этот могучий парень нравится, по-дружески сброшу один золотой. Только для тебя!

– Спасибо, конечно, – ухмыльнулся покупатель, – но эта цена для меня слишком высока...

Продавец и покупатель, размахивая руками, входили в раж.

«У них нет ни стыда, ни совести, сказал бы Колэс, торгуются, будто продается старая коняга. О боги, разве их можно назвать людьми?» – подумал Рэдэд и сел на табуретку, прогремев кандалами.

– Зря ты такое говоришь! – горячился Панатиди. – Посмотри, какой он красавец – богатырь!

– В том-то и дело, дорогой. Чего стоит его накормить, а обути, одеть? Все равно что троих.

– Ну, ей-богу! – развел руки Панатиди. – Кусок хлеба да кружка воды – вот и вся кормежка рабу. Бросил ему на плечи какую-нибудь хламиду – и вся одежда!

– Потом я тебе скажу: мне работник нужен, а не князь. Да и боюсь его – вон какой громило!

– Ладно! – качнув головой в шапке черных волос, сказал Панатиди. – Только тебе, только другу моему – давай десять золотых и по рукам!

– Нет и нет, – решительно возразил покупатель и направился к двери.

Дней десять один за другим приходили покупатели, но увидев Рэдэда, его свысока насмешливый взгляд – словно не они, а он их выбирает и оценивает – удалялись ни с чем. Многие заглядывали просто так, поглазеть на заморского великана, на князя. Увидев его, они верили, что он действительно князь, такая в нем чувствовалась сила и власть.

У Панатиди появились какие-то новые планы. Он решил вывезти Рэдэда на невольничий рынок. Однако сначала повел разговор с невольником – если он действительно великий князь Касогии, то пусть подданные выкупят его.

– Что это за правитель, великий князь, – сдерживая раздражение, ответил Рэдэд, – которого надо выкупать, у которого нет силы и воли защитить самого себя, что может

такой князь сделать для всего народа? Скорее я умру, чем возвращусь домой с позором. Ты сам должен отвезти меня туда, где взял.

– Что-о?! – изумленно воскликнул Панатиди. – Я, хозяин, должен отвезти своего раба к нему домой? Мыслимо ли такое! Если бы даже согласился я тебя отвезти, то кто мне вернет золото, которое я заплатил за тебя? – Он так размахивал руками, что переводчик на всякий случай подалше отошел от него.

Рэдэд насмешливо посмотрел на грека-хозяина, напоминавшего взлохмаченного петуха:

– Возьми свое золото у того, кому отдал.

Панатиди возмущенно хлопнул себя по бокам:

– Ты разве не видел, как они обошлись друг с другом! Думаешь, Аспарух не кинется с кинжалом на меня, если я потребую у него свое золото?!

– Обязательно кинется. Поэтому и говорю: плюнь на золото, ведь оно причиняет людям столько горя. Сделай хоть одно доброе дело – отвези меня. Добро от добра исходит, а от зла – только зло. Наши боги помогут мне, и тогда я...

– Ты еще угрожаешь мне?! – яростно дернулись сидящие усы грека. – В таком случае я упрячу тебя туда, где ты взвоешь серым волком и забудешь свое имя!

Хлопнув дверью, Панатиди ушел. Оказывается, он был хромым, но умел хромому не показывать, и лишь сильно рассердившись, не сумел ее скрыть. Рэдэд поглядел ему вслед:

«Э-э, да ты только хорохоришься, а в самом деле – уже старик. Хромой, седеют усы и голова. На тебя даже грех обижаться; не ты, так кто-нибудь другой купил бы меня, так уж устроен мир. Бог Солнца светит одинаково всем, а люди – каждый сам по себе. Моему хозяину хочется разбогатеть, побольше хапнуть золота, и наплевать ему на меня, на боль моего сердца, я для него – товар. Он хочет, чтобы меня выкупили, жизнь купили, а вот Гучипс считает – порядочный человек скорее жизнь не пожалеет, чтобы сохранить честь. Трудно понять этого торговца, ему и невдомек, что от блеска золота люди не только слепнут, но и становятся глухими. Не слышат, как утром поют птицы, как радостно лепечет малыш, произнося первые слова, не слышат шума листвы старого дуба».

В красивой легкой коляске, запряженной парой рысаков, Панатиди с двумя помощниками и Рэдэдом долго ехали молча по людным улицам города, а когда проезжали мимо Софийского собора, греки, немного привстав, перекрестились. Кивнув в сторону собора, Панатиди спросил у Рэдэда:

– Ты видишь это?

– Конечно.

– Первый раз видишь это чудо и не восхищаешься? Наверно, правду говорят, что вы живете в своих горах и дремучих лесах, как...

– Дикари?

– Да!

– Странно получается: вы создали это чудо, молитесь в нем Богу, а сами топчете грязными ногами самое дорогое для Бога, чему он отдает всего себя. А вот мы такого не позволяем, потому что боимся своих богов, любим их и почитаем. Кто же из нас дикари?

Панатиди заливался смехом:

– Правду, правду о вас говорят: в лесу живут, пням молятся.

– Согласен, собор ваш – чудо, но разве может он сравниться с Горой счастья – Ошхамахо, с голубым небом, перед которым мы молимся? А степи, а море, а леса? Разве можно сказать, что собор красивее их? Мы не прячемся в громадной каменной норе, мы смотрим богам в глаза...

Покачивалась коляска, постукивали по мостовой копыта лошадей, куда-то торопились по голубому небу белоснежные барашки облаков.

Неведомо почему, но хозяин вдруг разговорился со своим рабом, будто он и не хозяин, а его собеседник – не раб, просто два человека, которые достойны друг друга и хотят разобраться в хитросплетениях этого мира, прекрасного и жестокого одновременно.

– Как же это можно молиться, стоя в горах или в лесу, сразу несколькими богам? Нет молитвенной тишины, душевного уединения. Получается хаос. Наши храмы – не каменные пещеры, они – царство небесное на земле. Там есть и небо, и звезды, там горят божественным огнем лампады и свечи, перед глазами образа Бога Отца, Бога Сына, Богородицы, лики святых. И – молитвенная тишина...

– Рассказывали мне старики – очень красиво в ваших, как вы говорите, храмах, молитвы очень хорошие, будто есть и такая – «Любите врагов ваших». Однако это в храмах, а в жизни... Нас же вы считаете дикарями, но что получается? В нашу Касогию приходит много людей – греки, арабы, огузы и другие. Встретите их и на дорогах, и в наших селениях. И мы по законам предков с почтением встречаем всех гостей. А как у вас? Сегодня ты помолился своему Иисусу Христу и теперь везешь меня, закованного в кандалы, продавать, будто я и вовсе не человек, которого создал Бог.

– Хитер, хитер, шельмец, – захихикал Панатиди и строго сказал Костасу: – Получше переведи ему то, что я сейчас скажу. По-твоему, получается, – повернулся он к Рэдэду, – что это мы – дикари? Но кандалы на тебя надел ведь не я, а твой соплеменник Нахлеш и продал тебя Аспаруху. Что касается торговли рабами – это законное дело, я тут ни при чем. Если бы я знал, что ты на самом деле великий князь, даже бесплатно не взял бы тебя. Теперь же я тоже, можно сказать, в кандалах оказался, истратив на тебя кучу золота.

– Что касается рыжего Нахлеша, – нахмурился Рэдэд, – то, как говорят, в семье не без урода.

Они опять долго ехали молча.

«Вот тебе и дикий касог. Какой человечиче! Нам бы такого императора, таких самоотверженных и чистых душою сановников. А то ведь один глупее другого, только и заняты тем, как бы, втоптав кого-нибудь в грязь, самому возвыситься. Он говорит о моем несчастном золотишке. Чудак, знал бы, как наши богатеи лопатой его гребут, без стыда и совести... Эх, взять бы да всем назло и отпустить этого великого князя на волю. Но как мне тогда свести концы с концами? Да и богатые вволю посмеются надо мною...»

«Он скорее несчастный, чем дурной, этот стареющий, болезненно-толстый человечек, – размышлял тем временем Рэдэд. – Надо бы помочь ему, но как? Не соглашаться же на постыдный выкуп».

Они подъезжали к невольничьему рынку. Панатиди снова вернулся к прежнему разговору:

– Подумай хорошенько, может, согласишься, чтобы тебя выкупили твои соплеменники. Я бы подумал, как это

лучше сделать. Пойми, не могу я иначе, хотя и желал бы тебя отпустить.

Горько стало на душе у Рэдэда. Вдруг увидел он свою мать, Айнар, Колэса, Шупаша, друзей...

– Я уже сказал свое слово – нет.

Панатиди горестно покачал головой:

– Ну подумай, князь, подумай, я сам все сделаю, сам договорюсь с твоими касогами, объясню им...

– Нет! – твердо повторил Рэдэд.

– Я протянул тебе руку, князь Рэдэд, – впервые грек назвал его по имени, – но ты не протянул мне навстречу свою... Ну чего вы стоите истуканами! – не то зло, не то с горечью прикрикнул он на своих помощников. – Забирайте его и убирайтесь! Думаю, сумеете сбыть без меня!

Поднялся Рэдэд на помост. Привязали его к столбу. По толпе покупателей и продавцов, невольников и зевак прокатился гул удивления.

– Ого-го!

– Вот это детина!

– Да на нем пахать можно!

– Хоть в телегу запрягай, камни возить.

– Богатырь настоящий!

Услышал этот гомон Панатиди и не стал уходить, приблизившись к помосту, притаился в ожидании.

Длинноносый и сухопарый мужчина в смешной шляпе солидно сказал своему спутнику, коротышке с застывшими в удивлении глазами:

– Только глупец станет запрягать его в плуг. Я повезу его в Салоники, в Рим, в Геную, он покажет на аренах такое, что зрители ахнут.

– Да! – взвизгнул коротышка. – Обязательно покажет, обязательно ахнут. У-у, какой могучий! И красив, как Аполлон!

Вздрыгнул Панатиди от волнения, от предвкушения чего-то особенного.

– Сколько за него хотят? – пробасил сухопарый.

– Пять золотых, – выпалил Панатиди и мысленно назвал себя скотиной: «Надо было просить десять!»

Сухопарый поднялся на помост, постоял около Рэдэда, оценивая рассматривая его, решительно сказал:

– Я даю за него десять.

Из толпы кто-то выкрикнул:

– Даю пятнадцать!

Длинноносый угрожающе глянул с помоста вниз:

– Шестнадцать!

– Семнадцать! – задыхаясь от волнения, крикнул

Панатида.

Рэдэду рассказывали, что в больших городах есть такие места, где за плату людям показывали разных зверей. Он смотрел на орущих, кривлявшихся людей и думал, что находится сейчас именно в таком месте. Собравшиеся вокруг люди казались Рэдэду очень смешными, жалкими. Он прошептал про себя: «О великие боги, пощадите их, дайте им хоть каплю мудрости».

– Восемнадцать! – покраснел длинноносый.

Панатида тоже поднялся на помост:

– Я даю двадцать золотых!

Взвихрилась толпа удивлением и восторгом. Двадцать золотых! Такого здесь еще не бывало.

– Кто дает больше?

Ответом было молчание.

Рэдэд догадался, что задумал Панатида, но все-таки спросил, когда они вернулись:

– Тебе давали за меня кучу золота, почему ты не продал?

Панатида довольно усмехнулся:

– У того длинноносого, что собирался тебя купить, родилась прекрасная идея, однако или денег у него не хватило, или ума, чтобы провести ее в жизнь. Я повезу тебя в Афины, Салоники, Рим, другие города. Ты будешь выступать на аренах, станешь знаменитым борцом, зарабатываешь столько денег, что их хватит не только мне, но и тебе, чтобы стать свободным и вернуться на свою родину.

III

В Касогии настали дни, когда зима и осень вступают в единоборство, когда морозящие холодные дожди уступают место мокрому снегу.

Солнце, уставшее за лето, все чаще пряталось за серые мохнатые облака и, передохнув, снова появлялось на блеклом небе.

Заблудившиеся в горных ущельях, продрогшие в предзимней стуже ветры врывались в просторные долины,

клонили к земле вершины деревьев, сердито срывали с ветвей последние листья, закручивали к небу столбы дыма над жилищами поселений.

Зябко нахохлившись, сидели стайками на голых деревьях воробьи. Тоскливо разгуливали на опустевших полях вороны. И совсем невысоко кружили над степью одинокие орлы, привыкшие к голубым просторам неба.

Три месяца одиноким и сирым стоял новый княжеский дом. Три месяца с того дня, как не вернулся с охоты Рэдэд, не появлялась в нем Рампэс, оставаясь в старенькой турлучной мазанке. Ее, совсем маленькую, уже скособочившуюся от времени, построили они с Лаурстэном. Беленькая, с высокой камышовой крышей и веселыми окошками, она походила на счастливую молодницу, какой и была тогда сама Рампэс. Она прожила здесь с князем свои лучшие молодые годы. Здесь познала она материнское счастье, когда родился Рэдэд. Все время ей слышится то забавный детский лепет, то прорезавшийся уже басок сына, слышится рассудительный разговор князя Лаурстэна, а иногда даже слышит она себя, своей молодой, звонкий голос. В ручках дверей, в деревянных ложках и мисках, на стульях и столе она ощущает тепло рук мужа и сына. От всего этого ей было и хорошо, будто не одна она была здесь, и вместе с тем прискорбно, оттого что были это лишь невидимые тени сына и мужа.

Теперь Рампэс молилась чаще, прося у богов защиты сыну и помощи совсем молодому Шупашу, на плечи которого легли княжеские заботы. А еще она благодарила богов, что ниспослали ей Шупаша, ведь он остался для нее единственной отрадой. «О боги, о наши великие добрые боги, с того самого дня, как пропал мой сын, вы не позволяли мне сникнуть духом, вселяли и вселяете надежду, что он вернется домой. Все, что вы говорите Турабу, он передает мне и тоже помогает в моем одиночестве. Добрый Колэс на старости лет поехал с Темрюком и Коданом на поиски моего сына Рэдэда. Молю вас, помогите им. И старому Гучипсу, слегшему в постель, облегчите страдания...»

Рампэс вышивала золотом шапочку для Айнар. Услышав конский топот у ворот, вышла на порог. Это приехал Шупаш.

Дворовые помогали ему спешиться, тут же в почти-тельном ожидании стояли Машук, Чечан, Тураб и Агбан. Они проводили Шупаша, как и полагается, до порога дома.

– Что хорошего привез, сын мой? – спросила Рампэс, как только они остались вдвоем.

– Те, с кем мы встречались, уверяют, что Рэдэд жив – его увезли за море.

– Кто говорит?

– Разные, многие говорят.

– Если многие, значит, жив твой брат, жив мой сын.

– Люди утверждают, что содеял это страшное злодейство Аспарух.

Княгиня горестно всплеснула руками:

– Это он виновен в смерти князя Лаурстэна, а теперь добрался и до Рэдэда. – Слезы брызнули из ее скорбных глаз. – Да-да, сын, не надо слез – наша правда, наша воля возьмет верх... А не слышно ли чего о Колэсе?

– Его с Коданом и Темрюком видели на переправе возле Тмутаракани.

– Это куда сбежал мой непутевый брат? Но не надо о нем, не стоит его вспоминать даже плохим словом.

– Да, нана, не стоит. Когда минуешь Тмутаракань, переправишься через пролив, то мимо Пантикапеи попадешь в Феодосию, – Шупаш так обстоятельно все объяснял, чтобы отвлечь великую княгиню от тяжелых мыслей. – А оттуда на хорошей галере рукой подать и до Константинополя.

– Если бы они заехали в Тмутаракань, конечно, Кансав помог бы им, хоть он и в распрях с нами, родная кровь, думаю, заговорила бы в нем...

Шупаш вспомнил, как Кансав в разговоре с Колэсом сказал, что государственные дела превыше всего, и еще не известно, как отнесся бы он к просьбе о помощи. Да и мог ли он ее оказать?

– Ты, кажется, не слушаешь меня, твои мысли о чем-то другом?

– Прости, мне вспомнилось, как дядя Кансав сказал Колэсу, что для него государственные дела превыше всего. Тогда я не обратил на эти слова внимания, а теперь, когда остался вместо Рэдэда, стал задумываться над ними, над его поступком...

– Ох, этот разбойник, этот нечестивец! – воскликнула княгиня. – Хоть мы с ним дети одной матери, однако нет у меня родственных чувств к нему, осталась только боль. Тяжкая боль. И слова те совсем не его... Я рада, что они привлекли твое внимание, важный смысл содержится в этих словах, Кансав же оказался просто болтуном. О каком государстве он говорил, если предал землю своих предков. Хотя чему удивляться. Конь, которого ты не вырастил, не воспитал, не вложил в него свою душу, не будет тебе верным, преданным другом. Кансава ведь воспитали, сделав каким-то предводителем, русичи, ему теперь не до Касогии. Он глуп, мой младший брат, как придорожный камень. Для русичей был и останется касогом, чужаком. Придет время, сам это поймет, да будет поздно.

– В таком случае мы с Агбаном тоже чужаки? – упавшим голосом проговорил Шупаш.

– Что?! – испуганно воскликнула Рампэс, поняв, как обидела сына: – Нет-нет, к тебе это не имеет никакого отношения, ты пришел к нам малышом, тебя воспитали я и Рэдэд, касожская земля, касожское небо. – Умолкнув, Рампэс размышляла: «Недаром мудрость гласит: сначала подумай, а потом скажи, сначала осмотришься, а затем – садись». Потом княгиня будто сама с собой заговорила: – Видишь, как все получается, Кансав рос ведь умным, славным мальчиком, и вдруг такое случилось. Все думаю – а если там, за морем, в страшной неволе, ломают и Рэдэда, как сломали Кансава?..

– Что ты говоришь, мать?! Рэдэда можно убить, но его не сломать, я в этом твердо уверен.

– Спасибо, мой мальчик, спасибо, сын мой, – со слезами благодарности промолвила княгиня. – О боже, помоги вернуть Рэдэда невредимым, достойным великого князя Касогии... Как называется тот город, куда отправились Колэс со своими спутниками?

– Феодосия.

– Но Тураб называл какой-то другой.

– Мало ли что болтает Тураб!

– Шупаш, не говори так о посланце богов. Обижая Тураба, ты обижаешь и их. Ведь Тураб первый сказал, что Рэдэд жив, что его увезли за море. И Рэдэд относился к нему с уважением, во многом доверял ему. К Турабу приходят за советами не только мазибцы, но и из других сел.

Помнишь, сколько людей собралось на похороны его матери. Не только ради покойницы они пришли, но и ради сына. Не могу я в толк взять, за что вы с Агбаном не любите его?

На пороге появился Агбан:

– Тураб тут, надоел уже, порывается войти в дом, не знаю, что с ним делать!

– Что ему надо? – нахмурившись, спросил Шупаш.

– Пусть заходит! – строго повелела княгиня. Тураб вошел, весь сияющий, приветливый и добродушный. Легким кивком поприветствовал великую княгиню и Шупаша:

– От имени всех наших богов во главе с великим Солнцем приветствую вас и желаю доброго, светлого дня. Тебе, великая княгиня, вместе с твоими сыновьями Рэдэдом и Шупашем желаю во имя наших добрейших богов и Касогии многие лета счастливой жизни. Я не оговорился – с Рэдэдом, который обязательно живым и здоровым вернется в отчий дом.

– Спасибо, Тураб. Проходи, садись.

«Посмотрите на него, полюбуйтесь: сама доброта и кротость. Горбатая доброта, горбатая кротость», – стараясь скрыть презрение, чтобы не обидеть мать, думал Шупаш.

– Не к лицу мне садиться рядом с князем, но и не стоять же у дверей. Вот здесь и присяду. – Он устроился так, чтобы видеть лица матери и сына. – Погода поправилась немного, небо прояснилось. Это как бы наши боги улыбаются нам, однако зима будет холодной – и вьюжной, и морозной. Молиться нам надо получше, просить о милости.

Улыбался Тураб, хотя внутри у него все кипело: «Недотепа ведь, а туда же, изображает княжеское достоинство. Забыл, как его, щенка поганого, от смерти да от позора спас Рэдэд. Что плохого я тебе сделал, молокосос, что ты ненавидишь меня? Да-да, ненавидишь. Правду говорят: явилась чужая собака и прогнала хозяйскую. Кому они отдали власть над собой, кому отдали Касогию? Мальчишке без рода и племени. Ты, княгиня, больше других виновата в этом. В свои руки тебе следовало взять власть. Надо бы мне на хасэ набраться храбрости да сказать об этом. Из нынешних мужчин некому сравниться с тобой по разумной властности, решительности, по мудрости. Ничего, это

еще не конец, я тебе покажу, чужак поганый. Боги меня сделали своим посланцем в Касогии, а не тебя...»

– Правильные слова ты сказал, Тураб, надо усерднее молиться богам, почитать их и величать, только тогда они будут нам помогать. Может, они соблаговолят вернуть сына до наступления зимних холодов. Если такое случится, я тогда каждому богу принесу в жертву самого хорошего, упитанного бычка.

Тураб замахал обеими руками:

– Не надо, княгиня, гневить богов, им надо молиться, надо просить, а платить за их доброту не надо. Они не хотят этого. Даже могут обидеться. Ты слышишь их голоса, Шупаш? А я слышу. Посмотрите, как снова нахмурилось небо. Надо помолиться. Возденьте руки и повторяйте за мною. Можно помолиться сидя, но лучше встать, так будет больше благоговения.

Они встали, начали молиться, и получилось, что молились на Тураба, а он, воздев руки и закатив глаза, торжествовал в своей, как сказал бы Шупаш, горбатой душе. Молился неторопливо, как бы раздумчиво, вслух произносил слова молитвы, а про себя в то же самое время твердил другое: «Ну что, щенок, стоишь перед богами и, значит – передо мной стоишь, перед их посланцем. Боишься богов – значит, и меня, их посланца, боишься. Молишься богу – значит и мне, его посланцу, молишься. Подожди, то ли еще будет».

– Теперь закончим молитву, как всеумудрый Колэс: приложите правую руку поочередно сначала ко лбу, потом к сердцу, попросим милости великих богов.

Когда закончили молиться, Тураб спросил:

– Скажи, князь, молитва облегчает тебе душу, радует ли? Ты чувствуешь, что боги услышали тебя?

Шупаш не ожидал такого вопроса, не сразу нашелся с ответом:

– Я не думаю об этом, оно само живет во мне, как воздух, как небо, а когда молю богов помочь моему брату Рэдэду, то прошу, чтобы они услышали меня, мою молитву, и они слышат, кажется, Рэдэд тоже слышит. А у тебя, бывает такое, нана?

– Да, конечно. Это с помощью Тураба боги слышат нас, а благодаря им нас слышит и Рэдэд.

– Истинно так, великая княгиня, рад, что понимаешь меня, посланца богов. С моей помощью мы умилим их могущество и победим врагов наших. А теперь надо благоговейно помолчать – каждый пусть останется наедине с богами.

Шупашу от этой тишины стало приятно на душе, и он подумал: «Неужели лукавый горбун владеет чем-то таким, чем не владеем все мы? Натай и Чечан говорят – есть у него что-то такое, есть какой-то третий глаз. А мать верит Турабу, как самому Богу. Машук ничего определенного не говорит, лишь повторяет: «Не трогайте его». Однако в дорогу с собой Тураба не берет. Нахлеш и Хакара не только не любят – ненавидят Тураба, но побаиваются его, верят, что боги с ним разговаривают, ведь многие из его предсказаний сбываются. Агбан вопреки всем считает Тураба попросту шарлатаном.

– Какой благоговейной была тишина, об этом позаботились наши добрые боги, – заговорил Тураб елеинным голосом, – всем нам стало хорошо, и боги теперь ушли в свои обители... Ты хочешь что-то сказать, Шупаш?

Шупаш, сдержав раздражение, произнес:

– Думаю, ты пришел сюда не только для того, чтобы помолиться с нами.

– Все знают, я попусту не шатаюсь. Моим рукам, моему сердцу всегда есть доброе дело для людей... Конечно, если сравнивать с вашей, то моя беда, можно сказать, совсем пустяшная...

– Да не тяни ты! – оборвал его Шупаш.

– Не торопи, сын мой, того, кто пришел с бедой.

– Ты как всегда права, великая княгиня: не поймет тебя тот, у кого не болели зубы... Я не только в Мазибе родился и вырос, для меня дом князя Лаурстэна и княгини Рампэс всегда был вторым родным домом, теперь же этот безбожник байкол Агбан не пускает меня сюда, будто врага какого.

– Как же это?! – возмутилась княгиня. – Я первый раз слышу, а ты, Шупаш?

– Сегодня же скажу Агбану, чтобы он не смел так обращаться с Турабом, – холодно сказал Шупаш.

– Не только скажи, а строго прикажи, сын мой!

Тураб встал, тряхнув горбом, насмешливо глянул на Шупаша – мол, получил свое – и вежливо поклонился княгине:

– Вся Касогия знает о твоей доброте, о твоей мудрости, истинно ты – великая княгиня. Пойду заниматься своими делами. Скажите байколу Агбану, пусть не сердится, у меня к нему нет ничего, кроме добрых чувств.

Когда Тураб удалился, княгиня по-матерински стала журить Шупаша:

– Если ты знал о поведении байкола Агбана и не сделал ему внушения, то поступил нехорошо. Тураб и вправду был в нашем доме своим человеком, можно сказать, воспитанником нашим. А еще, сын мой, я хочу, чтобы ты не забывал, что Тураб – божий посланник и, унижая его, мы вызовем божий гнев не только на наш дом, но и на несчастного Рэдэда.

Рампэс покинула комнату, явно выражая свое недовольство Шупашем.

IV

Все дни, казалось бы, одинаковы: восход, полдень, заход. В то же время не бывает даже двух дней совершенно похожих, если судить по тому, что происходит в каждом с утра до вечера.

Так и люди. Все трое, Колэс, Темрюк и Кодан – касоги, достойные мужи. С одной целью отправились они – на поиск великого князя Рэдэда. Одна забота объединяла все их мысли и устремления. И вместе с тем как непохожи были они один на другого.

Колэс, выбирая спутников в дальнюю и опасную дорогу, взял Темрюка и Кодана не потому, что в Касогии не нашлось более достойных мужей. С Темрюком он долгие годы враждовал, считая его виновным в смерти зятя. Когда Темрюк попал в плен к хазарам, внук Колэса Чечан даже обрадовался. Не был опечален и Колэс. Когда Темрюк вернулся домой, его встретили хотя и не враждебно, но с явным холодком, без обычной радости. А вскоре выяснилось – невиновен Темрюк. И вот теперь из всех достойных мужей Касогии свой выбор Колэс остановил на нем, посчитав его самым надежным, испытанным человеком. Ехал Темрюк на гнедом скакуне по левую руку от Колэса.

Короткий осенний день уже клонился к вечеру, когда перед путниками открылось мглистое пустынное море.

– Кажется, штормит, – заметил Колэс.

– Похоже, не жалуется нас, – откликнулся Темрюк.

– Говорят, если скачут вместе три всадника, значит, и три мысли скачут вместе с ними, – добавил Колэс и посмотрел на Кодана: – Ну, а ты чего молчишь?

– Нас троих позвала в дорогу одна цель, значит, и мысль у всех троих одна, – улыбнулся Кодан.

– Хороший ответ, – согласно кивнул седой головой Колэс. – Но совсем не по-доброму встречает нас море.

– Что поделаешь, – отозвался Темрюк, – у нас свое дело, а у моря – свое.

– Мудро, мои уважаемые спутники, только гляжу я на эту бушующую стихию и вот о чем думаю. Темрюк за свою жизнь многое повидал, каких только испытаний не выпадало на его долю, а вот в плаванья, как говорят моряки, не хаживал. Кодан, как я знаю, тоже не знаком с морскими путешествиями. И вот теперь предстоит это нам испытать... Впрочем, как любит повторять Тураб, если мы будем днем и ночью с богами, а боги с нами – тогда ничего не страшно. Мне много раз доводилось бывать на море, в такие перемены попадал, такие шторма повидал, иногда казалось, будто я уже на том свете, а видите – вместе с вами, на коне. Думаю, наш князь Рэдэд знает эти заповеди, потому боги не дадут ему пропасть и нам помогут найти его... Э-э, что это я разболтался! Должно быть, старость берет власть надо мною.

Младший из путников Кодан хотел было остановить Колэса, но, взглянув на Темрюка, промолчал, а тот, согласно кивнув, сказал:

– Зачем говоришь о себе такое. Нам с Коданом повезло, что ты с нами. Как говорит почтенный Пшимаф, честь и мудрость стариков – это счастье молодых, верно, Кодан?

– Да, конечно! – довольный тем, что Темрюк вспомнил Пшимафа, Кодан решительно поддержал его. – Нашего мудреца почитают в Мыстхако, его даже Нахлеш побаивается.

– Что Мыстхако – вся Касогия чтит и уважает Пшимафа. – Колэс с хитрецей глянул на Кодана: – А скажи, уважаемый наш спутник, что за тайну про вас с Нахлешем таит мой старый друг Пшимаф?.. Да не смущайся ты,

расскажи, что случилось между ними на Грушевой поляне? Говорят, у рыжего Нахлеша до сих пор болит палец на ноге, он сам мне об этом сказал.

– Раз уж говорил, – обрадовался Кодан, – значит, я теперь свободен от своего слова, а то носился с дурацкой тайной, словно курица с яйцом.

Темрюк весело рассмеялся:

– Курица с яйцом! Ну давай, рассказывай. Очень интересно, что они делали на поляне, не состязались же на конях – верзила Нахлеш и тщедушный старичок.

– То-то и есть, что состязались – кто кого из седла на скаку вытащит...

Кодан рассказал, как они поспорили, как Нахлеш помогал тщедушному Пшимафу подняться в седло и как потом старик ловко выхватил на скаку верзилу, осрамив его.

Все трое весело смеялись:

– Вот и повеселились, отдохнули. Спасибо тебе, Кодан, что умеешь держать слово. Для мужчины это очень важно.

– Спасибо и тебе, почтенный Колэс. Если позволишь, я опять скажу. Немошный телом старикашка на деле оказался сильнее молодого здоровяка, а ты так неуважительно говоришь о своей старости.

– Согласен, Кодан, согласен, спасибо на добром слове. Теперь нам надо решить: останемся ночевать в селении или отправимся дальше.

– Говорят, – заметил Темрюк, – к своей цели скорее приходит тот, кто не сворачивает с дороги.

– Хорошо, по-мужски сказано, – улыбнулся Колэс.

– Настоящий мужчина и в кромешной тьме не собьется с дороги, а слабак при ясной луне заблудится.

– Ты себя кем считаешь, Кодан?

– Прости, почтенный, я, кажется, слишком громко сказал, но... просто к слову пришлось. Обо мне вам судить, а не самому о себе... Я согласен с Темрюком – не надо сворачивать с дороги.

– Значит, так тому и быть, едем прямо.

Легкой рысью они ехали молча. Чем дальше удалялись, тем слабее и слабее становился шум штормовавшего моря, а потом и вовсе пропал.

Погасла заря, закончились короткие южные сумерки, наступила такая темень, будто вокруг ничего не существо-

вало – ни земли, ни неба. Глухую тишину нарушали лишь перестук двенадцати копыт, перезвон удил да бодрящее всхрапывание скакунов. Задувший было пронзительный по-осеннему ветерок утих, когда спустились с горы.

– Когда доберемся до леса, следует подкормить лошадей, дать отдохнуть им. Да и самим не мешает поесть, проголодались ведь. Кодан повеселил нас рассказом о состязании Пшимафа с Нахлешем, может, Темрюк припомнит что-нибудь забавное?

– В такой темноте ничего на ум не приходит, – ответил Темрюк.

– Тогда послушайте меня, – продолжал Колэс, – хотя я и не большой мастер рассказывать. Слышал эту историю в Мазибе еще в детстве. Может, живет она издавна, как сказки, разные байки, присказки. Они ведь словно невянущие цветы. Скажем, яблоко, груша или орех вырастают из цветка. И у сказок есть свои плоды – доброта, мудрость, мужество – все, чем красив человек... Вы, конечно, знаете, есть трава перекасти-поле, называют ее так потому, что осенью, когда она засохнет, ветер срывает и гоняет ее по степи, по полям шарами, иногда громадными, как бочки. Ну ладно, это о траве... Случилось, мужчина полюбил жену своего друга, так полюбил, что не мог без нее жить, и решил убить своего друга. В степи они были, занес он меч над другом, а тот ему и сказал: «Ты убиваешь меня, ни в чем не повинного перед тобою. Смотри, за это жестоко заплатишься». Тот, усмехнувшись, ответил: «Никто никогда не узнает об этом, потому что никто не видит, разве что перекасти-поле». Прошло время, женщина, ничего не зная о том, как погиб ее муж, вышла замуж за его друга, который любил ее. Год и другой жили они в мире и любви, и вот однажды порывом ветра распахнуло дверь, и в комнату вкатился шар перекасти-поля. Муж побледнел, задрожал всем телом. «Что с тобой?» – удивилась жена, и он рассказал, как убил ее мужа. Той же ночью она заколола его кинжалом.

– Подделом ему! – воскликнул Кодан. – Сотворивший зло пусть не расчитывает на добро. Думаю, обязательно постигнет суровая участь и тех, кто сотворил зло Рэдэду.

– А вот моя старуха вдруг рассердилась, когда я рассказал ей эту историю.

– Нам бы только узнать, кто тот злодей, разыскать его, уж мы сумеем расправиться с ним! – погрозился Темрюк.

– А ты не знаешь?.. Не догадываешься, кто тот злодей? – спросил Кодан.

– Ты говоришь так, будто знаешь! – упрекнул его Темрюк.

– Кто же он? – заинтересовался и Колэс.

– Кто, кто! Будто сами не думаете о нем!

– Чего ты сердишься, Кодан? – отечески мягко спросил Колэс.

– Правду говорят: язык мой – враг мой, сболтнул слово, не подумав как следует.

– Не казни ты себя, Кодан, с кем не бывает такое – слово, конечно, не воробей, оно бывает проворнее воробья, – успокаивал Колэс. – Мы все думаем, пытаемся догадаться, кто же тот мерзавец. Подозрение – это, как говорят, непосаженное дерево и поливать его бессмысленно, даже опасно. С такими делами не надо торопиться, ведь обвинить человека легче всего, а вот оправдать невинного – ой, как трудно. Не сомневаюсь, что злодей, похитивший князя Рэдэда, будет обязательно разоблачен. Но почему вы не спросили, чего ради моя старуха очень рассердилась, когда я рассказал ей эту историю?

– Женское дело – темное, почтенный, – ответил Темрюк.

– Может быть, и так, а может, и не так, – уклончиво заговорил Колэс. – Я ничего дурного не могу сказать о своей старухе, с которой прожил ой как много лет. «С нее началось, зачем она вышла замуж за убийцу!» – сердито сказала она. Я возразил ей: мол, не оставаться же вдовой в молодые годы. «Ничего худого с нею бы не случилось, зато верность бы соблюла. Ни у него, ни у нее не было благословенной богами верности, вот и последовала кара». Что касается меня, отвечу коротко: все беды от злополучных женщин...

«Неспроста рассказал Колэс историю с перекасти-поле, неспроста, – мучительно думал Кодан всю оставшуюся дорогу, и потом, в лесу на ночлеге, и в последующие дни. – Уж не Айнар ли имел он в виду?»

Когда исчез Рэдэд, Чечан стал все настойчивее ухаживать за нею. Кодан сказал ему, что он нехорошо ведет

себя по отношению к своему другу, предательски. Но тот ответил: мол, у невесты может быть не один жених. «Но ведь он – твой друг, который к тому же попал в беду!» – возмущенно воскликнул Кодан. Но Чечан ничего не ответил. «Наверно, Колэс знает об этих отношениях Чечана и Айнар и винит не внука, а девушку. Разве он прав? О боги, сделайте так, чтобы об этом не узнала Рампэс, не взваливайте на ее плечи и эту тяжелую ношу».

В Анапской бухте тоже не было ни одного судна, и путники направились в Феодосию с надеждой оттуда уплыть за море.

– Нам ведь придется идти через Тмутаракань, – с тревогой проговорил Темрюк.

– Конечно, – сказал Кодан, – не хотелось бы появляться там, да ничего не поделаешь. Где-то в Тмутаракани Кансав, неужели он не поможет нам?

– Я тоже надеюсь, – согласился Колэс и добавил: – Одному из вас придется возвращаться домой, как и угоривались...

Опустил голову, нахмурился Кодан.

– Что с тобой, сын мой? – участливо спросил Колэс.

– Я – младший, скорее всего, придется возвращаться мне. Как больно сознавать, почтенный, что вы уйдете без меня...

– Дело не только в том, что ты младший. Я с самого начала нашего похода начал думать, как тебя возвратить домой, дать одно поручение... Очень важное для меня, но выполнить его не просто.

– Считай, почтенный, твоя ноша – моя ноша.

– Нелегкая эта ноша, сын мой... Может, заметил – Чечан не пришел проводить меня в такую далекую и опасную дорогу.

– Я, кажется, догадываюсь...

– О чем? – встревоженно спросил старик. – Говори же, Темрюк нам не чужой, сейчас мы все трое, как одно целое.

– Речь, должно быть, о сестре покойного Даура.

– Ну?..

– Я беседовал с Чечаном, думал, уговорю его.

– И что же он? – старик поднял глаза на Кодана.

– Очень рассердился, потом задумался, кажется...

– Что – кажется?

– Кажется, он понял меня, смягчился немного, – шадя Колэса, сказал неправду Кодан.

– Что же ты молчал до сих пор, – облегченно вздохнул старик. Потом, раздумывая, видимо, сомневаясь, негромко заговорил: – Я знаю своего упрямого внука, вижу в нем свой характер... Не думаю, чтобы он так просто отступился от своего. Когда вернешься, еще раз поговори с ним, осторожно объясни: если ему хоть немного дорога честь его деда, пусть смирится. И с девушкой поговори. Моя старуха считает ее виновницей и бесстыдницей, говорит, не в парне все дело, если девушка не захочет, она его на версту к себе не подпустит. Сейчас вся Касогиа по Рэдэду тужит, а эти двое...

– Как там в твоём рассказе о перекати-поле старуха сказала: они оба виноваты, оба предатели, – промолвил Темрюк и спохватился – не следовало ему этого вслух говорить.

Колэс и Темрюк решили в Тмутаракань не заезжать. Встретившийся белобородый русич купил у них коней, заплатив по три золотых за каждого. Золото путникам, отправлявшимся в неведомую даль, было очень кстати. Не задержались они и в Пантикапее.

С тоскою и болью в сердце проводил Кодан друзей и направил своего скакуна в Касогию, но вскоре повернул коня, решил все же наведаться в Тмутаракань.

V

Ни свет ни заря Натай прибежал к Турабу:

– Хватит тебе нежиться в постели!

– Что случилось? – спросонья пробурчал Тураб.

– У меня прошлой ночью плоть пробудилась! Очень хорошо пробудилась! – с горящим взглядом возвестил Натай.

– Да ну! – окончательно проснулся Тураб. – А эти дураки все еще не верят в мою силу. погоди, дай мне встать с постели и одеться. Сходи в сарай, положи моей ослице сенца душистого и напои ее. Сделай богоугодное дело. – И выиграла вдруг кровь у Тураба, обожгла сердце. Что скажет теперь Дахапса, ведь она обещала, если он возбудит в

Натае мужскую силу, то подарит ему целую неделю своей женской прелести.

Когда смотришь спереди на Тураба, с мечом на боку, в высокой шапке, из-под которой свисает жгуче-черный хохол, он выглядит внушительным мужчиной. Теперь же, когда стоял голый и на его спине возвышался горб, а хохол на свежевыбритой бугристой голове свисал сиротливо, ненужно, напоминал он беспомощно раскорячившуюся подбитую птицу. Взгляни сейчас на себя в зеркало, еще неизвестно, захотел бы он жить. Но, к счастью, не было у него зеркала, а потому умылся Тураб, плеснув пару горстей холодной воды в разгоряченное желанием лицо, оделся, прицепил не по росту длинный меч, расчесал усы и бороду, встал у окна, предвкушая встречу с пышнотелой Дахапсой. Смотрел он на утренний Мазиб и думал, что в нем живут в сущности несчастные люди, нуждающиеся в его, божьего посланца, помощи.

Тураб не только обращался к богам с мольбой о помощи Натаю, но еще врачевал его разными травами и кореньями, о которых знал от своей бабушки. «Если у него сегодня ночью проснулась сила, – размышлял Тураб, – пусть теперь же идет к Дахапсе, а вечером и я загляну должок получить, радость свою».

Не дождавшись Натая, Тураб зашел в сарай и увидел его с ведром воды около ослицы.

– Тьфу, проклятая животина, я ставлю ей воду перед мордой, а она почему-то поворачивается ко мне задом.

– Ладно... Я сам напою... Она упрямая, как и все ослы, признает только меня. Пошли. Ты сейчас же должен идти к Дахапсе.

– Почему?! – удивился Натай. – Среди бела дня...

– Это тонкое дело и... шаткое, так что куй железо, пока оно горячо, не давай ему остыть. Да и бедняжку Дахапсу обрадуй.

– И правда, мудрый ты человек, спасибо тебе. Сейчас же отправлюсь к моей ненаглядной, но... я же сегодня съел луковицу.

Тураб вдруг рассмеялся:

– Теперь понял, почему от тебя отворачивается ослица?

Но Дахапса, она же... Она только поднялась с постельки, тепленькая еще, сладенькая...

Он смотрел вслед рослому, стройному Натаю и размышлял: «Вон он какой, как вышагивает! Красоту ему боги дали, а силой мужской обошли. У меня же силы этой на троих хватит, да вот... зачем-то горб в придачу. Только не будь его, наверно, не было бы и способности разговаривать, советоваться с богами. О боги! Одни они знают, что творится под солнцем, под голубым небом».

В сарае надрывно закричала ослица. «У, вражья сила, чуть не выдала меня сегодня, чуть не осрамила перед Натаем, перед всем Мазибом. Замолчи, несчастная, придет время – получишь свое... Молиться-то я молился, но больше о себе, а Натая пользовал только травами да кореньями. Бабушка так лечила, но от каких болезней и какими травами, не знаю, если уж честно, тут я ни при чем, сила Натая как появилась неожиданно, так же может и уйти».

Поднимались курчавые дымки над домами. Мычали коровы, ожидая хозяек с подойниками, визжали поросята, кричали петухи, весело смеялся соседский мальчишка. В каждом дворе, в каждом доме жила семья, занималась своими каждодневными делами – все так обыденно, так просто, что никто этого даже не замечает, тем более не удивляется, как не удивляется тому, что течет речка, шумит лес, дует ветерок. А Тураб, стоя посреди улицы, и замечал, и удивлялся, потому что у него ни семьи, ни связанных с ней хлопот. И сердце его зашлось болью, тоскою одиночества, но всего лишь на какие-то мгновения: заносчиво тряхнув бороденкой, он положил руку на эфес меча: «Сейчас такой огонь разведу в своем очаге, что, увидев его, все скажут: у Тураба какое-то торжество, похоже, он забил доброго бычка и будет жарить мясо, будет пировать! Скажут – хорошо живет божий посланец, не одинок он, с ним всегда боги!»

Но только загорелись дружно сухие дрова, только пошло по дому душистое, пахнущее лесом тепло, как кто-то позвал его, стоя у ворот. Выглянув, он увидел Чечана.

– Я бы с радостью зашел к тебе, посидел бы, поговорил с тобой, да очень тороплюсь. Со дня смерти моего отца минуло десять лет, решили в память о нем забить бычка. Мать очень просила тебя, божий посланец, прийти, помолиться с нами.

– Говоришь, это матушка твоя пожелала? Спасибо ей, боги любят таких, добро им творят, а что ты скажешь?

– Зачем обижаешь меня, Тураб, разве не знаешь, как мне дороги твои мудрые советы?

– Кого вы еще пригласили на поминальный обед?

– Агбана. Он мастер забивать и разделять бычков.

– Агбана?! – удивленно вскинул брови Тураб и так сокрушенно покачал головой, что чуть не упала его высокая шапка. – Я не в обиде на Агбана, он неплохой парень, однако... – Тураб почти до шепота понизил голос, – мне на днях боги намекнули, что недовольны Агбаном.

– Но ты сам сказал – он неплохой парень, чем же недовольны боги?

– О, боги не любят объяснять, они только намекают, чтобы ты сам думал, угадывал их желания. Ты уже позвал его?

Чечан смущенно пожал плечами:

– Он уже пришел, готовится забивать бычка. Если бы я знал твое мнение, я его не позвал бы. Что же теперь делать?

– Не волнуйся, Чечан, я что-нибудь придумаю. Кого ты еще позвал?

– Машука, Татуха, стариков, ровесников моего отца, соседских женщин позвал.

– А Рампэс, Шупаша?

– Я не хотел беспокоить княжескую семью.

– Это у нас они знатные люди, князья, а перед богами все равны. Надо их позвать, еще Хакару и Натая. Отец твой был уважаемым человеком, пусть соберутся люди, поговорят о нем.

– Натая я только что встретил, позвал его, но он вроде как не в себе. Сказал – потом приду.

«Конечно, у него ночью плоть восстала, вот он и очумел, подался к Дахапсе. У тебя, Чечан, тоже плоть бунтует. Чтобы овладеть невестой Рэдэда, болтаешь, будто он погиб, но подожди, вернется твой дед, он пощекочет тебе ребра», – прормелькнуло у него в голове.

– Конечно, Натая не в себе. Мне боги говорили. У каждого есть свои душевные заботы. Есть они и у тебя. Если хочешь, попрошу богов, и они помогут...

– Нет, нет, Тураб, не надо! – взмолился Чечан и пожалел, что послушался мать и пришел сюда. – Я всех, кого ты советовал, позову обязательно, будем ждать и тебя.

– Молебен надо отслужить до полудня, так требует бог Солнца. Как только у вас будет все готово, пришлешь за мной, я приду к вам с богами, – Тураб, закатив глаза, воздел руки, что-то прошептал и посмотрел с насмешкой вслед Чечану: «Я покажу вам, как оскорблять Тураба! А ты, дуреха Дахапса, не думай, будто можешь помыкать мною. Не я, а ты будешь упрашивать меня, будешь звать... Хакара и Шаниб считают, что я, немощный горбун, смирился, простил им смерть моего отца. Ошибаетесь, придет время – и я призову вас к ответу, будете на коленях стоять передо мною, молиться на меня. Рыжего Нахлеша, эту скотину, тоже сумею сделать шелковым!»

Неторопливо и важно шагая, словно он уже верховный правитель всей Касогии, Тураб вошел к себе в дом, сел на скамью и, глядя на огонь в очаге, продолжал ублажать себя мыслями: «Нет, я совсем не злой, я просто устал от вашей двуличности, от вашего хамства, обряженного в шелковые одежды, обвешанного разными золотыми побрякушками. Только знайте, наши боги все видят и знают, они предупреждают вас ослепляющими молниями и могучими громами, насылают ураганные ветры, проливные дожди, морозы и снега, а вы все никак не можете понять этих великих предупреждений, потому и расплачиваетесь разными несчастьями – то хлеб не уродился, то скотина пала, а то вот вашего любимого князя выкрали. Как жалко, что нет сейчас с нами старого мудрого Колэса».

Когда обсуждали, кого направить на поиски Рэдэда, рыжий Нахлеш вызвался поехать со своими друзьями, но Колэс категорически возразил и решил отправиться сам с Коданом и Темрюком.

«Конечно, я далеко не молод, – сказал он, – силы мои тоже не молодые, но кто лучше меня знает чужие края, их запутанные и коварные тропинки. Темрюк тоже хаживал по ним, а еще с нами будут наши всемиловитые боги».

Тураб был на стороне Колэса и теперь жалел, что почтенного старика сейчас не было здесь, как ему думалось, в очень трудную минуту для Чечана и Айнар, для Рэдэда и Рампэс.

«Хочу вам помочь, безумные люди – слушайте меня и страшитесь так, как страшитесь гнева богов... Я совсем не злой, я добрый, а потому буду молиться богам за всех вас... Однако что-то долго не присылают за мной, уж не

случилась ли там беда какая?» – встревожился Тураб, прошелся по тесной комнате, постоял у окна, почувствовав голод, решил съесть вчерашнее мясо. И тут его кликнули у калитки. Облегченно вздохнув, он для солидности сказал:

– Подождите немного, дайте позавтракать. – А когда вышел на порог, чуть не закричал от досады – за ним прислали не уважаемых людей, а мальчишку. «Ну погодите, я вам попомню это!» – угрожающе подумал он, а мальчишке велел: – Скажи обратно и скажи Чечану, чтобы он сам встретил меня, как полагается встречать посланца богов, иначе может приключиться беда. Так и скажи – беда!

Когда шел в конюшню, в сарае возмущенно закричала ослица. Тураб усмехнулся: «И эта с претензиями. Никто не может без меня обойтись...»

Если бы не горб, то по тому, как гордо Тураб возвышался в седле, можно было подумать – скачет важный предводитель.

Встретили его Чечан и Агбан. Старший байкол улыбался так, будто встречал самого дорогого ему человека. Тут же стояли Машук, Нахлеш, Хакара и Шаниб. Айнар и Анисат почему-то стояли среди женщин порознь. Ни Рампэс, ни Шупаша среди собравшихся не было.

Улыбался всем Тураб с высоты скакуна, будто само солнце осияло землю.

– Возьмите повод коня, помогите посланцу богов спешиться! – строго велел Чечан.

Повод принял Натай. «Кажется, любушка твоя встретила тебя хорошо. Я угадал?.. Но почему нет Шупаша и Рампэс? Быть у нас беде, быть. Поэтому, почтенный Колэс, тебе и не следовало уезжать».

Нашептывая слова молитвы, Тураб торжественно проследовал к Священному дубу, рядом с которым находился жертвенный бык – его держали четверо парней. Погладил он быка по лбу, потрогал рога, затем возложил руки на ствол могучего дуба и, воздев их к небу, обратился к собравшимся:

– О люди! Помолитесь нашему великому богу Солнца, пусть и другие наши боги услышат нас! Повторяйте за мною. Мы приносим в жертву этого быка в честь и в память покойного отца Чечана, которого ты, наш великий боже, забрал к себе. Будь милостив к нему, как ты всегда прояв-

ляешь свою милость и к нам, грешным людям. Вложи в наши сердца любовь друг к другу, ниспошли покой на нашу касожскую землю, огради нас от пожаров и мора, от ураганов и неурожаев, пусть будет мир и согласие в наших семьях!..

И надо же – в эту минуту он увидел Дахапсу, смотревшую на него с зазывнолукавой улыбкой. Все у него оборвалось внутри, все зажглось огнем, он с трудом продолжил молитву:

– О боги, вы говорите мне, что наш великий князь Рэдэд жив, я с радостью передаю это всем людям Касогии. Мы просим, о Великий Бог, верни нашего любимого князя живым и здоровым. В память об отце Чечана, с молитвою о князе Рэдэде мы и приносим в жертву тебе быка. А теперь, Агбан, как полагается, иди и заколи его во имя богов.

Старший байкол принялся за дело. Вскоре женщины приготовили мясо и шурпу. Все были довольны угощением.

Когда гости собрались разъезжаться, многие подходили к Турабу, чтобы сказать ему спасибо за хороший молебен, поговорить с ним, пригласить к себе в дом, иные – просто показаться посланцу богов. Подошел и Натай:

– Поздравляю, Тураб, сегодня мазибцы твердо уверились, что ты поистине избранный богами посланец.

– Да-да, боги послали меня сюда на счастье не только мазибцам, но и всем жителям Касогии, если они, конечно, будут относиться ко мне с уважением, почитать меня, как полагается.

– Послушай, Тураб, – восторженно заговорил Натай, – я сегодня внимательно присмотрелся и скажу тебе верное слово: Дахапса самая красивая женщина не только в Мазибе, а и во всей Касогии! Она велела мне зайти к ней сегодня вечером! И все это благодаря тебе, божьему посланцу.

Тураб придержал коня, наклонился к Натаю:

– Знаешь, с этим не надо спешить. Пусть сначала мужская сила окрепнет в тебе. Я приготовил новые травы, недельку попьешь настои, затем и приступай к своему мужскому делу. Как говорят в народе: поспешишь – людей насмешишь.

– Спасибо, спасибо тебе, божий человек, сделаю так, как велишь. Вон сколько терпел, а недельку чего ж не потерпеть, для самого же себя.

Когда стемнело, Тураб направился к дому Дахапсы, к заветному огоньку в ее окошке.

– Кто там? – послышался из-за двери голос.

– Это я, Тураб, Дахапса, открывай поживее!

– Что случилось? Горит, что ли?

– Горит, все внутри загорелось.

Дахапса тихонько засмеялась:

– Ох, эти мужчины, всегда у них что-то горит. Заходи. Я думала, это мой бедняга Натай, какой он радостный прибежал ко мне утром. Прямо светился весь от счастья, обещался сегодня прийти, но...

– Но богам угодно, чтобы к тебе пришел я. С их благословения, Дахапса, так что туши свет, моя хорошая. Ты – самая красивая женщина не только в Мазибе, но и во всей Касогии. Разбери постельку, красавица.

– Что ты говоришь, Тураб! – не то испуганно, не то с восторгом воскликнула Дахапса.

– Это не только я, это и они, боги, говорят, разве ты не слышишь?

Дахапса напряглась, даже глаза прикрыла:

– Не слышу...

– Еще, еще прислушайся!

– Кажется, что-то слышу, но...

– Если так, я ухожу! Мы... уходим!

– Тураб! погоди, – и она задула свечу. – Ну чего же ты ждешь... ну! – позвала она, взволнованно дыша.

У него задрожали ноги, заколотилось сердце...

VI

Обида прибавляет сильным решимости и дерзости.

Когда убили отца, когда попал в неволю дядя Кансав, юный Рэдэд дал себе клятву: «Вырасту, обязательно освобожу из неволи дядю и отомщу за смерть отца. Или я это сделаю, или не буду жить на белом свете».

Вспомнил это Рэдэд, сидя на топчане в комнате с решеткой на окне, вспомнил и улыбнулся тому далекому мальчику: «Что же мне делать, как сдержать свою клятву?»

Убить себя? Нет, я тогда погорячился. Мне не страшно убить себя и не жалко, мне страшно подумать, что мерзостный Аспарух будет безнаказанно ходить по земле, что моя Касогия, моя мать, брат Шупаш и моя Айнар будут жить под властью рыжего Нахлеша».

Встал, гремя тяжелыми кандалами, подошел к окну. Увидел за окном небо – чистое, будто только что умытое вечерней зарей. И первые звезды, тоже словно умытые, яркие в своей радости. Рэдэд давно облюбовал одну голубую звездочку, представив, что это и есть Мазиб, а вместе с россыпью вокруг нее – это вся Касогия. Со своим хозяином Панатиди объездил он много городов. И всюду, во всех местах была видна его звездная Касогия. Если набегали тучи, он тосковал, терпеливо ждал ясного неба.

На аренах в больших городах, где устраивались состязания борцов, выступления Рэдэда, великого князя, человека могучей силы, всегда собирали множество зрителей, Панатиди зарабатывал большие деньги. На днях в Салониках Рэдэд должен встретиться с каким-то знаменитым черным борцом, кажется, африканцем. В случае победы Панатиди обещал ему дать свободу. Впрочем, он уже не один раз обещал, но слово свое так и не сдержал. Уж очень не хотелось лишиться больших денег, которые зарабатывал ему своей силой и ловкостью князь.

Обида прибавляет сильным решимости и дерзости. Иногда Рэдэдом овладевала такая ярость, что, казалось, он может разорвать кандалы и разломать на окне железную решетку. Но это означало бы верную гибель, и каждый раз, когда приливали ярость, он устремлял свой взгляд на звездную Касогию и молился: «Великий боже, прости мне мои прегрешения, прости и помоги освободиться из неволи и вернуться домой. Ты знаешь, если мне и дорога жизнь, то лишь для того, чтобы отдать ее моей родной Касогии, за твое, боже, добро, за твою правду».

Выглянул Рэдэд в окно – люди шли из своей молельни, которую называли храмом. Шли неторопливо, молча, будто все еще продолжали про себя молиться. Панатиди шествовал со своей семьей.

«И все-таки, – думал Рэдэд, – нехорошо это, молиться одному Богу, ведь человек и в море бывает, и в лесу на охоте, и в поле, и на лугу, разве один Бог может уследить за всем? И как он может следить, помогать людям, если

живет хотя и в большом красивом доме, но под тяжелой крышей, за толстыми каменными стенами. То ли дело у нас, – продолжал размышлять он, – утром поднялся над землей бог Солнца, и с высоты все видит, каждому светит, каждого греет: старого и малого человека, и яблочко на ветке, и теленка на лугу, и птичку в небе. Уходит он вечером на покой – луну посылает, чтобы посветить в темноте, помочь человеку. Пошел человек на охоту – бог леса с ним, в море – бог моря с ним, а в горах – бог гор. Боги всегда рядом с нами, поят и кормят нас, учат уму-разуму, наказывают за наши провинности, учат, как отец учит своего малого неразумного сына – и по головке погладит, и отшлепает за провинность. Не сидят наши боги за каменными стенами, под тяжелой крышей... Чем же я провинился перед вами, о боги, что вы надели на меня кандалы, разлучили с Касогией, с матерью моей? Я старался и делал только добро людям, моей стране. Свой меч обнажал только против того, кто нападал на меня, на мою Касогию. С Хакарой и его дружками я примирился, хакучинцев наказал по справедливости за то, что учинили злодеяние против Даура и наших посланцев. А что еще? В смерти арабских купцов я не виноват. Деньги с них взял, но я же не знал, что их коварно убьют. Может быть, я виноват в чем-то таком, чего не разумею своим умом, не чувствую сердцем? Помогите, о боги, поделитесь со мной своей мудростью во имя моего доброго отца, моих предков... Панатиди обещал дать мне много золота, если уложу черного силача, но зачем мне оно? Отец говорил: золото имеет цену лишь когда оно в твоём доме, а на чужбине золото – ничто, даже может оказаться злом».

Сел Рэдэд на топчан, как-то тревожно стало у него на душе. Знал он, что у греков свой Бог, и у арабов Аллах, наверно, у других людей тоже свои боги. Все они, конечно, знают и уважают друг друга, а вот он, Рэдэд, неуважительно подумал о богах христиан и мусульман, должно быть, за это и наказан кандалами. Как же ему теперь быть? Будь рядом Тураб, он поговорил бы с нашими богами, посоветовался, но ведь он в далекой теперь Касогии. Вспомнился Тураб и, конечно, вспомнились Айнар и Анисат, и Чечан, верный с самого раннего детства друг.

А еще вспомнил Рэдэд разговор Колэса с греком-христианином проповедником Думитрием. Грек говорил,

что человек – это его тленное тело и бессмертная душа. Умрет человек, закопают тленное тело, оно станет землей, а душа улетит к Богу.

Тогда Рэдэду было это не совсем понятно, теперь, закованный в кандалы, посаженный на чужбине за железную решетку, он размышлял: все, что делается вокруг, человек может увидеть и услышать и даже пощупать руками. Он слышит, как бьется его сердце, может услышать, прикинув ухом к груди, как бьется оно у других, а вот о чем думают другие – не увидишь и не услышишь. Стоит он сейчас у окна, за железной решеткой, но чуть прикроет глаза – и видит Мазиб, свою мать, Айнар. Даже услышать может... Иногда говорят: душа болит. Нет, она – не сердце, это совсем другое, необъяснимое. Ведь от боли в сердце можно принять травку, и оно успокоится, а от боли души нет такой травки. И странное дело – с этой болью он яснее видит и слышит Касогию, Мазиб.

Растровожилась душа у Рэдэда, а тут еще Панатиди: обычно он, возвратясь из церкви, заходил к нему, а сегодня почему-то не заглянул. Не задумал ли он что-то недоброе?

Размышляя, прошелся Рэдэд по тесной комнатке.

Позванивали в тишине кандалы, а ему казалось, будто свой голос подает тревожное время. Оно почему-то всегда тревожное. Может быть, эта встревоженность и движет всем миром, не дает людям задремать на ходу, забыться в тишине, заплесневеть, как все плесневет от неподвижности?

Зарычали, залаяли, взвизгивая, во дворе собаки. Старый пес одряхлел, Панатиди приобрел молодого, с ним и схватился, так сказать, хозяин, не желая уступать своей власти. У Панатиди азартно горели глаза: кто же возьмет верх?

«Вот так же, с азартом, он будет в Салониках наблюдать и за моим поединком с черным борцом», – подумал Рэдэд.

Зашли Панатиди с Костасом, пытливо глядя в глаза Рэдэда, хозяин спросил:

– Ты приготовился, князь, к схватке, которая решает участь твоей судьбы?

– Мне лучше умереть, чем оказаться побежденным.

– Что ты, что ты! – запричитал Панатиди. – Не смей и помышлять о смерти! Только победа! Или ты не веришь,

что я буду откладывать для тебя золотую монету после каждой твоей победы?

– Откладывать в свой, а не в мой карман, – усмехнулся Рэдэд.

– Не веришь?! Когда победишь черную бестию, сам увидишь, сколько золота высыплю в твои сильные и счастливые руки.

– И отпустишь меня с этим золотом?

Распрямил свои плечи, вскинул седые мохнатые брови Панатиди, солидно откашлялся:

– У нас, у деловых людей, слово чести дороже золота, запомни это, князь.

– Как у нас говорят: твои бы слова да богам в уши. Я сказал – скорее умру, чем останусь жить побежденным. Но я не хочу умирать, меня ждет Касогия живым. Перед отъездом в Салоники хотел бы кое о чем спросить, кое-что попросить...

– Не время сейчас, да уж ладно, говори, – поморщился Панатиди.

– Ты обещал справиться о Думитрии, который приехал к нам в Касогию.

– Разве я тебе не говорил? Позабыл, выходит. Все я узнал. Думитрий Григориади живет в Феодосии. Вот если уложишь черного силача, то сможешь по дороге домой заехать к нему. Что там еще у тебя, не тяни, мне очень некогда.

– Не знаю, как и спросить...

– А так и спрашивай! О чем угодно можешь спросить Панатиди, кроме одного: сколько золота у него.

– Какое мне дело до твоего золота. Считать деньги в чужом кармане – самое глупое занятие. Хотя... почему и не сказать, ведь чем богаче человек, тем он сильнее, а разве зазорно показать свою силу?

Панатиди тоненько хихикнул:

– А почему тебя украли, великий князь, почему князей и царей убивают? Да потому, что ваша власть на виду, вот все и завидуют вам, а где зависть – там и кровь. А власть денег – тайная власть, потому она вечная. Ну ладно об этом. Я трижды ездил в Салоники. Ты спросишь – чего ради старый и больной мотался туда-сюда? Забота не только о себе, но и о тебе не велит мне сидеть сложа руки... Этот черный борец больше пятидесяти раз выступал на

арене и ни разу не проиграл. Я не пожалел золотишка, чтобы узнать, какие приемы позволяют ему побеждать противников.

– Тебе об этом говорили или сам видел?

– И не однажды видел! Ну, пора отправляться, по дороге обо всем расскажу. Насчет твоих кандалов я так объяснил: не потому их надеваю, что ты невольник, а потому, что сила, мол, у тебя сумасшедшая. Побольше страху на черного борца постарался нагнать, – опять хихикнул Панатиди.

VII

Кодан выбрался наконец из чагарника, остались позади плавни. Степь перед Тмутараканью была такой же бесконечно просторной, как море. Виноградники, сады, луга с высокими травами – будто зеленые волны прибоя, а турлучные хаты под крутыми камышовыми крышами – утлые суденышки. Потом открылось и само море, такое яркое, что слепило глаза. Белыми молниями носились над волнами крикливые чайки. Под парусами плыли фелюги, покачивались на рейде галеры.

Тмутаракань дугой расположилась от одного морского берега к другому, отгородившись от всего мира высокой каменной стеной. Попасть в нее с суши можно было только через широкие ворота, похожие на пасть какого-то чудовища. К воротам и от ворот живым потоком двигались всадники, телеги, запряженные волами и верблюдами, груженные разной разностью, мчались в легких колясках с парой вороных лихачи, уныло брели пешие мужики и бабы с заплечными мешками и корзинами.

По обеим сторонам у ворот стояли воины. На тех, кто выходил из города, не обращали внимания, а к входившим присматривались, дотошно выпрашивали, кто такие, к кому, по какому делу направляются, рассматривали поклажу – нет ли чего недозволенного, брали плату за вход.

Кодану, когда он находился в Саркеле пленником, доводилось бывать здесь при хазарах. И в те времена приезжали сюда торговцы, но теперь куда как больше съезжалось сюда народу, не опасаясь грабежей, кровавых стычек, которые раньше случались нередко. Больше стало

приезжать купцов из-за моря, доставлявших всякие диковинные товары.

Вдоль стены купцы ставили полотняные палатки, селились на время торговли. Дымились костры, из котлов исходили соблазнительные запахи жареного и вареного, одобренного заморскими пряностями.

Кодана воины пропустили без всяких расспросов, может быть, потому, что был у него вид уставшего человека, не имевшего никакой поклажи. Поиски Кансава решил он начать с базара, где обычно обо всех и все знают, но когда приехал сюда, раздвигая грудью коня торгующих и покупающих, озабоченных и беззаботных, обманутых и обманщиков, вдруг понял свою ошибку: «До чего же ты глуп, Кодан! Ищешь на этом горластом торжище того, кто командует дружиной, кто состоит при князе. И вообще – зачем он тебе понадобился, что ты ему скажешь? Помоги, мол, найти своего племянника, великого князя Касогии, который не признает вашей власти и не хочет платить дань?! Да и как знать, может, он уже никакой не предводитель – русичи турнули его за то, что не сумел покорить своих касогов. Глуп ты, Кодан, теряешь напрасно время. А если все же он по-прежнему в чести у русичей? Да и как знать, возможно, у него заговорила родная кровь, зажгла его сердце...»

– Пусть богатеет твой род, Кодан! Откуда ты, зачем тут появился? – услышал он неожиданно.

– О, Нахлеш! – воскликнул Кодан удивленно, но без особой радости, хотя встретил на чужбине своего земляка.

– Конечно, я, а кто же другой в моем обличье! – скорее с досадой, чем с радостью ответил Нахлеш. – Что ты тут делаешь один, где твои спутники?

– Мои спутники, говоришь?.. В Анапе не оказалось ни одного судна, поэтому они отправились в Феодосию, чтобы оттуда уплыть за море, – ответил Кодан и подумал: «Не надо было этого говорить Рыжему». Но сказанного, увы, не воротить. «Болтун ты, болтун, Кодан, словно базарная торговка».

– Почему они бросили тебя, чем ты им не понравился? – щуясь, допытывался Нахлеш.

– Почему бросили? Так дело велит.

– Какое? – насторожился Нахлеш. – Ведь у вас с Колэсом и Темрюком одно дело, вас троих отправили на поиски

князя, а они тебя бросили, как же ты будешь один среди этих... поганных.

– Чего ты, Нахлеш, так обеспокоился, или я не мужчина?! Путь за море слишком дорог, на троих не хватило денег, вот меня как младшего и отпустили домой.

– Вон как, – промямлил Нахлеш, – а куда дели коней, не повезли же они их с собою за море?

– Я же сказал – денег не хватило, вот коней и продали русичу.

– Вот как! А я, когда увидел у русича коней Колэса и Темрюка, подумал: какая-нибудь беда у вас случилась. В таком случае надо забрать коней, выкупить.

– Но где взять денег?

Нахлеш самодовольно ответил:

– Или ты не знаешь меня, Кодан? У меня ведь этой... золотой ерунды всегда навалом. Поехали!

– Только надо по-хорошему, без шума.

– О чем говоришь, Кодан! Не волнуйся, когда с тобой Нахлеш, поехали. Эй, посторонись!.. Я, конечно, в обиде на Колэса: почему меня не захотел взять с собою, за что такое недоверие показал перед людьми...

– Зря обижаешься, Нахлеш. Почтенный Колэс хотел оставить тебя, чтобы присматривал за молодыми, – схитрил Кодан.

– Спасибо ему, конечно, – скривился Нахлеш, – но я считаю: найти нашего великого князя – самая важная задача и самая трудная, потому на поиски и должны отправиться такие, как я, Хакара и Шаниб. И тебя, молодого, напрасно вернули.

– Не согласен с тобою, Нахлеш, я не смею осуждать решение старших.

– Конечно, но и мы не совсем уж дураки, кое-что видим из-за плетня, однако будем молить наших богов, чтобы помогли Колэсу и Темрюку в их благородном деле! – наигранно проговорил Нахлеш и, тронув коня, с досадой подумал: «Ваше счастье, что я с ребятами не смог вас перехватить на перевале, сейчас ваших костей никто не смог бы собрать. Ну ничего, еще есть время, еще успеем... Спасибо судьбе, что свела наши дорожки с Коданом. Надо только поиграть с ним в прятки. Может, и правда, как говорит горбун, все под небом делается по воле богов? В

таком случае стоит мне молиться им, задобрить их... А все же зачем приехал сюда Кодан?»

Где-то поблизости призывно заржали кони.

– Погляди, Кодан, что за умницы наши касожские скакуны. Они узнали нас! – обрадованно воскликнул Нахлеш, тут же спешился, подойдя к старому русичу, спросил: – Продаешь?

Русич неопределенно пожал плечами:

– Могу и продать.

– Сколько просишь?

– Мне предлагали по три золотых за каждого, а я хочу по четыре-пять.

– Так по четыре или по пять?

– Ну-у, если ты считаешь, что по пять слишком дорого, давай по четыре с половиной. Кони – хорошие, дорожке стоят, но я тороплюсь. По шесть бы взял, если бы не спешил.

– Ты у него купил коней? – спросил Нахлеш.

– У него, ну так что?

– Кодан, сколько он вам заплатил? – подмигнув, обратился к нему Нахлеш.

Тот сообразил, куда гнет Рыжий, и твердо сказал:

– По два золотых за каждого.

– Так, так, – нахмурился Нахлеш, – а с нас теперь хочешь содрать по пять?

Подумал с испугом старик: «В этой кутерьме пырнут ножом – и концов не найдешь. Дернуло меня связаться с ними, дай бог ноги унести». Он виновато улыбнулся:

– Торговаться никому не запрещено, за сколько хочу, за столько покупаю или продаю. Видит господь, я не разбойник и лишнего не прошу, но сами посудите, надо ж хоть что-то заработать.

– Это другое дело, добрый человек, мы тоже не разбойники, как Аспарух. Может, слышал про такого?

– Не только слышал, но и не единожды видел, – взбодрился старик, – вчера этот мерзавец повстречался мне на глаза в Феодосии на невольничьем рынке.

– Он торговал невольниками?! – вскинулся Нахлеш.

– Эге! – повеселел русич. – Отторговался он, самого продали и куда-то увезли. До чего же у него рожа страшная, чистый сатана!

– Правда твоя, правда! Страшный он человек! – воспылал радостью Нахлеш. – А ты случайно не заметил, милый человек, на чье судно его забрали, генуэзское или константинопольское?

– Как не заметить! Очень даже определенно могу сказать: в Салоники повезли.

– В Грецию?! – как бы не веря своим ушам, своей радости, допытывался рыжий Нахлеш. – Там ему и будет конец, оттуда не вырвется. Спасибо тебе, добрый человек, за хорошую весть, спасибо! По твоей цене забираю коней и еще золотой от себя прибавлю!

Старик запрягал золотые и поскорее затерялся в толпе, дабы не передумал этот чудаковатый касог.

– Чего это ты золотом разбрасываешься, что-нибудь случилось? – удивленно и с подозрительностью спросил Кодан.

– Совершенно правильно – разбрасываюсь! – заулыблялся Нахлеш. – У меня сегодня две радости. Пойдем отсюда поскорее, потом расскажу.

– Но мне надо в городе побывать, дело тут есть...

– Какое может быть дело с русичами? – насторожился Нахлеш.

– С Кансавом хочу повидаться.

– С человеком, который предал касогов? Да его убить мало, а не то, чтобы какие-то дела с ним заводить! Выходит, не случайно оставили тебя старики! Скажи прямо, что вы задумали? – горячился Нахлеш.

– Думаю, не вредно нам с тобой и нашему княжеству побольше узнать о русичах, которые разгромили хазар. С какой целью пришли они на нашу землю – только за данью или еще за чем-то другим? Не следует ли подружиться с ними, ведь их не сравнишь с этими разбойниками хазарами...

«Ты посмотри на него, тихоню этого! Чаще молчит, держится в сторонке от разных дел, будто ничем не интересуется. Похоже, не зря его приблизили Колэс и Темрюк, да и к княгине Рампэс, к Машуку и Чечану он вхож. А Тураб недоволен тем, что якшается с христианами... Похоже, Рампэс послала Кодана к Кансаву, однако зачем?! Что они замышляют? Следует осторожно выведать у этого хитроумного молчуна... Постой-постой! Я обрадовался, что мерзкого Аспаруха судьба наказала за его обман – подсу-

нул мне фальшивое золото. Однако, Нахлеш, не торопись радоваться, подумай, что будет, если Колэс с Темрюком повстречают Аспаруха, и тот все разболтает им о Рэдэде. О великие, о всемилостивые боги, упасите меня от этой беды! Эй, а не пошлют ли они мне наказание за эту нечистую сделку? Надо молиться, принести им в жертву самого большого быка, какой только сыщется в Касогии. А может, каждому богу в отдельности по быку? Горбуна надо заставить, пусть замолвит за меня слово богам. Каждому в отдельности пусть замолвит, а я его отблагодарю, он, видимо, тоже любит золотишко, как и все люди».

– Послушай, Кодан, я не люблю вмешиваться в чужие дела, в чужие тайны. Как говорят, что знают двое, то для третьего уже не тайна, так что поезжай к Кансаву один. Правда твоя, с русичами нам лучше подружиться. И в другом согласен с тобою: хотя Кансав и живет на чужбине, он все-таки касог, кровь в его жилах течет наша. Обязательно надо с ним встретиться, по-родственному поговорить. Еще хочу тебе сказать: если через пару месяцев Колэс и Темрюк не вернутся домой с князем Рэдэдом, тогда я сам займусь поисками, и первый, кого я возьму себе в спутники, будешь ты, мой добрый друг. И будь уверен, не брошу тебя, как это сделали Колэс и Темрюк.

– Спасибо, Нахлеш, – ответил Кодан и подумал: «Кого-кого, а уж тебя, твои волчьи повадки, рыжий Нахлеш, я хорошо знаю».

Проводив Нахлеша, Кодан вернулся к воротам Тмутаракани, назвал охранникам имя Кансава, и конный стражник повел его по каменному мосту, перекинутому через глубокий ров, затем по улицам города мимо каменных построек и невысоких, крытых камышом домиков. Встречались им руины и пожарища – следы недавних боевых схваток. Попался даже пустырь с хазарскими палатками. Чем ближе они подходили к морю, тем яснее ощущался запах свежей и протухшей рыбы.

– Интересно, – обратился Кодан к сопровождавшему его стражнику, – здесь и касоги, и греки, и даже хазары живут?

– Не только. У нас есть аланы и байды, – весело ответил стражник, молодой вихрастый парень, – есть римляне и гетуэццы, со всех земель тут народ. Вот наконец и дом Кансава за этим высоким забором, воеводы русичей.

Погромыхай медным билом у калитки, назови себя, и тебя проведут к воеводе. Будь здоров, касог.

Постучал, погромел Кодан у дубовой калитки, окованной железом, вскоре появились двое молодых вооруженных мужчин.

– Кто такой, зачем пожаловал? – спросил двухсаженного роста, с пронзительным взглядом быстрых серых глаз воин.

– Я – касог...

– Видим, – весело сказал быстроглазый, – свой свояка видит издалека.

– Из Мазиба я, зовут Коданом, мне надо повидаться с воеводой Кансавом.

– Вон как! – будто удивился воин. – Подожди здесь, я доложу воеводе, как он скажет, так и будет.

И вот распахнулись в три человеческих роста тяжелые ворота. Встретили Кодана, как положено встречать желанных гостей: взяли под уздцы его коня, помогли спешиться.

На высокоом крыльце под резным навесом картинно стоял Кансав в высокой меховой шапке, длиннополом, ладно обтягивавшем его стройную фигуру суконном одеянии. Приглашая рукой подняться к нему на крыльцо, он с чувством произнес:

– Добро пожаловать, Кодан! Много слышал добрых слов о тебе, а теперь бог сподобил нам встретиться. Рад, очень рад видеть достославного земляка!

Очень удивил Кодана такой пышный прием, которого он не ожидал. Не без робости он поднимался по ступеням, затем повели его по просторному коридору, по комнатам с большими окнами. После того как дали умыться, пригласили в светлую комнату с высоким и длинным столом, уставленным жареным мясом, осетриной и стерлядями, черной икрой и всякими фруктами.

Сел Кансав, как и полагается, напротив почетного гостя, улыбаясь, сказал:

– Хотя в Мазибе не с добром встретили меня родные касоги, я очень рад видеть тебя, ты мне напомнил мою землю, всех моих земляков.

– Разве в Тмутаракани нет касогов, Кансав, разве они не такие же, как я?

– Есть, конечно, они такие же, как ты и я. Но разве могут они заменить мне то, что принес ты с собою с дале-

ких гор с белыми папахами снегов, с лугов и полей к этому высокому и большому столу, от наших маленьких и милых сердцу анэ, от наших очагов. Я люблю слушать, как поют здешние касоги, как рассказывают разные истории из своей жизни. Однако...

Все есть у Кансава – и деньги, и слава, и власть. Но есть у него и то, что мудрые люди называют тоскою, болью души, которую человек таит при себе, старается скрывать от других, а она просит, требует свободы, желая быть услышанной, понятой... Когда сообщили ему, что приехал Кодан, он вдруг ощутил: пришла наконец та минута, когда сможет излить свою тоску, выпустить ее из тесной клетки, но... Ведь он был адыгом не только по рождению – по всей своей сущности. А какой адыг решится показать свою слабость, допустить мысль, что он хуже других, не первый среди первых... Замогчал в раздумье, в душевном беспокойстве Кансав.

– Слушаю тебя, старший брат.

– Спасибо, дорогой гость. Народная мудрость гласит: для адыга его родина слаще самого сладкого меда, горше тоски по ней ничего во всем белом свете не бывает. Многие это знают, но то, что я пережил и переживаю, наверно, никому не ведомо. Вижу, ты хочешь спросить, почему же тогда не возвращаюсь в Мазиб, в дом моих предков, в свой дом, где не устают ждать меня?

– Да, старший брат, почему?

– Тебе, должно быть, так же трудно это понять, как мне объяснить словами, ведь слова, которые мы произносим, и те, что таятся в душе, слишком отличаются друг от друга, как светлое небо и земля у нас под ногами. И все же попробую объяснить, иначе просто не могу. Как говорят мудрые люди, убежать можно даже от самой быстрой лани, а от судьбы – нельзя, потому что твоя судьба – это ты сам, но разве можно убежать от самого себя? Ты, младший брат, слава нашему богу, не долго пробыл в неволе, но знаешь, что эти годы всю жизнь тяжелым грузом лежат в памяти. Русичи не только освободили меня, но возвысили над собою, сделали воеводой. Мне, адыгу, они сказали: ты лучше нас многих, ты достоин нами командовать, и вот я, предводитель дружины русичей, поехал на свою родину в Мазиб...

– Но почему в родной дом ты явился как враг, не с добром, а с угрозами? – не сдержался Кодан и спохватился – не следовало бы так.

– Твои слова справедливы, ты можешь их не стыдиться. Я больше тебе скажу: русичи вовсе не заставляли меня требовать от вас дани. Да-да, не удивляйся. Это моя адыгская гордыня толкнула на такое.

– Твой племянник Рэдэд – великий князь всей Касогии, но он держит свою, как ты говоришь, адыгскую гордыню в железном сундуке под замком, ключ от которого выбросил в море.

Тихо стало, так тихо, что было слышно, как билась в окне муха, пытаясь вырваться на простор.

Кансав так глубоко вздохнул, будто избавился от чего-то тяжелого, и в груди его стало просторнее:

– Рэдэд пошел в своего отца. Покойный Лаурстэн был человеком необычайной чистоты и скромности, чем удивлял своих противников... Что слышно о Рэдэде?

– Говорят, закованного в цепи увезли за море.

– А от Колэса и Темрюка нет никаких вестей?

– Кто тебе сказал о них? – удивился Кодан. – Они совсем недавно отправились за море.

– Нахлеш был у меня. Все расхваливал Рэдэда, говорил, что сбился с ног, разыскивая его. Знаю, что врет, что ненавидит он Рэдэда, а еще, мерзавец, напрашивался служить у русичей, а когда я одернул его, он заскулил, мол, я не так его понял. Скользкий он, мерзкий человек.

«Да, это верно, говорит одно, делает другое, а думает третье. А не таков ли и ты, если можешь отказать от родины...»

– Ты слушаешь меня, Кодан?

– Да. И слушаю, и думаю.

– Наверное, думаешь, зачем я тебя, касога, пустил к себе, в дом воеводы русичей, которым вы не захотели подчиняться, зачем разговариваю с тобою... Эх, Кодан, даже не я – душа моя разговаривает с тобою, зачем я пустил тебя в свою душу?

Их тревожные взгляды встретились, быстро и остро, как вспышка молнии. Они оба повернулись к окну, где все еще билась и жужжала муха.

– Ты, старший брат, такое в своей жизни повидал, что мне и не снилось, такое испытал и пережил, что каждое

твое слово очень много значит и дорого стоит. Если эти слова произносишь предо мною открыто, видно, иначе не можешь поступить. Я должен внимательно и достойно слушать, должен сказать тебе спасибо за доверие, считать это подарком судьбы.

– Спасибо, и тебе спасибо, младший брат. – Кансав широко перекрестился. – Хотя я живу на стороне, но часто думаю о вас... Если найдете и вернете домой Рэдэда, у касогов будет хорошее войско, а значит, и крепкое государство. И тогда осуществится мечта великого князя Лаурстэна, не побоюсь сказать – вековая мечта адыгов. Вот почему вам надо во что бы то ни стало спасти князя Рэдэда.

– Во имя этого мы сделаем все, что в наших силах, – улыбнулся Кодан. Его глаза повлажнели.

– Заговорил я тебя, а еда остывает, – посетовал Кансав. – Кушай, пожалуйста. Выпей немного. Это приятный хмельной напиток из винограда.

Кодан отодвинул наполненный ковш, негромко, но с укором сказал:

– И тебе не надо бы пить это зелье. Прости меня, старший брат, за дерзость.

– Не за что прощать, ты сказал то, что должен сказать каждый истинный адыг. Когда вернутся домой Рэдэд, Колэс и Темрюк – а я верю в это, пожми от моего имени им руки, расскажи о моей душевной боли. Поклонись от меня сестре, княгине Рампэс, передай, что я обязательно буду помогать Касогии, чем и как смогу... Был бы рад, если б ты погостил у меня, но вижу, торопишься. Не стану задерживать, хотел бы лишь услышать, по какому делу ты заехал ко мне, ведь некоторые считают меня врагом касогов. Может быть, нужна моя помощь?

– Сестра твоя, княгиня Рампэс, просила повидаться с тобой. Когда ты приезжал с дружиной в Мазиб, она неласково отнеслась к тебе, а ведь ты ей родной брат. Вы с нею дети одного отца, одной матери, одной земли и неба, вот великая княгиня и просила навестить тебя, посмотреть, как она сказала, тебе в глаза.

Они помолчали.

Встал Кансав.

Встал Кодан.

– Пусть будут милостивы к тебе и всем вам ваши боги, да поможет вам Спаситель наш Иисус Христос, – Кансав широко перекрестился. Не забывайте меня, помните – я сын земли адыгов.

VIII

Сделает человек что-нибудь худое – все разом заговорят, осуждая его, а сделает добро – не все и не сразу отзовутся с благодарностью.

Весть о том, что Нахлеш выкупил у русичей коней Колэса и Темрюка, вызвала в Касогии много разных толков. Одни говорили, будто породистые скакуны достались ему почти даром, иначе скупердяй Нахлеш не купил бы их. Другие утверждали, что он хвастун, заплатил за коней втридорога, чтобы покрасоваться перед людьми. Третьи размышляли: Нахлеш он и есть Нахлеш, что с него взять! Были и добрые отзывы, но они почему-то не доходили до него, терялись где-то в пути.

Сытно поев, Нахлеш прогулялся по двору, подойдя к плетню и опершись грудью, стал рассуждать: «Не люди, а скоты поганые, любят только себя. Давить их всех надо! И что это я так расхохотался, пусть болтают, пусть носит ветер эти глупости из конца в конец, пока доберусь до своей вершины, до власти...» И споткнулся опять мысленно: «А что если Колэс и Темрюк там, в Греции, встретятся с Аспарухом?! Эта сволочь косорылая непременно заложит меня. Великий боже, подними бурю на море, переверни судно и утопи...»

– Нахлеш, что с тобой? Да на тебе лица нет, чем так растревожился?

– А-а, это ты, Пшимаф... Добро пожаловать. Слезай с коня, заходи, гостем будешь.

– Спасибо за доброту твою, однако седлай своего скакуна, Нахлеш.

– Что случилось, скажи?

– Когда мужчине говорят – седлай коня, а он начинает спрашивать, зачем, почему, да куда, это уже не мужчина, ему вместо шапки на голове больше подходит платок, – сердито отчитал Пшимаф. – Седлай коня и – за мной!

«Что за нечистая сила носит этого старикашку, – со злостью подумал Нахлеш, однако оседлал коня и поехал

за Пшимафом.— До чего же разбаловались старики, не смей им слова сказать, словно невольник ты их. Куда он направился, зачем? Начнет сейчас про свою старуху небылицы рассказывать, про свиней да коров...»

Как-то робко вступала зима в свои права. Выпал первый снежок, лишь слегка припорошил землю, тоненьким блестящим ледком задернулись лужицы. Правда, горы уже сияли волшебной белизной, а по небу разгуливали по-зимнему тяжелые тучи.

— Великий бог Солнца показал свой божественный лик, а ты, Нахлеш, почему-то не поприветствовал его,— нарушил молчание Пшимаф.

— Как это не поприветствовал? Оно лишь только начало подниматься над нами, как я уже дома помолился, но если ты, почтенный, так говоришь, помолюсь еще раз,— с трудом сдерживая раздражение, выдавил из себя Нахлеш. Привязав повод к луке, он воздел руки.— Да будет светлым и счастливым наступивший день, даруй нам, боже, покой и благодать под твоим небом, избавь нас от бед, пусть наша поездка будет удачной, во славу твою!

— О, ты так хорошо помолился, Нахлеш, что великий бог, конечно, услышал тебя и обязательно исполнит твои просьбы, от которых и мне, старому, перепадет немного,— не то улыбнулся, не то ухмыльнулся Пшимаф.— А теперь, мой друг Нахлеш, поприветствуй Грушевую поляну. Или ты не узнал ее?

— Узнал, почтенный, и вспомнил тот день, когда ты одержал надо мною победу, а я повредил себе палец, который уже зажил, поэтому я и приветствую прекрасную поляну, но, думаю, не только для этого ты позвал меня в путь,— уже не сдерживая раздражение, процедил сквозь зубы Нахлеш.

— Нет, конечно, но хочу добавить: не споткнись о брошенный тобою же камень.

— К чему бы это, почтенный?

— Слышащий да услышит, разумеющий да уразумеет.

Нахлеш был гораздо выше Пшимафа, и получалось — смотрел на него сверху. Глянул сейчас и с трудом сдержал смех — так странно был одет старик. Весь пестрый, как гриб-мухомор: шапка и полшубок сшиты из кусков лисьего, волчьего и заячьего меха, поредевшая от немалых годов борода тоже выглядела пегой. «И этот человек

почему-то имеет право командовать мною. Почему я беспрекословно должен слушаться, терпеть его старческие причуды и глупости? А чем лучше Колэс, Темрюк, Гучипс, Джебаг, Татух? Ведь это они по старческому недоумию сделали великим князем Рэдэда, который сгниет где-нибудь в Греции. А Шупаш?! Просто смешно: поставить этого приبلудного недомерка над Касогией! Несчастна та страна, где такие правители... Ничего, старички-мухоморчики, еще один мой прыжок — и вы сами назовете меня великим князем, вот тогда... Не-ет, я не сделаю вам худа, не буду мстить, просто укажу вам ваше место, где вы без суеты, в спокойствии будете доживать свои затянувшиеся годы...»

— Что же ты все молчишь и молчишь, Нахлеш? — будто издалека донесся голос старика.

— Ты же сам сказал: неприлично задавать старшему вопросы, надо терпеливо ждать, когда он сам соберется с силами и заговорит.

— Хорошо, хоть на это хватило твоего великого ума,— тоненько засмеялся Пшимаф и, поддав ногой под брюхо коню, перевел его на крупную рысь.

Поднял на дыбы своего коня Нахлеш, бросил в намет и, догнав Пшимафа, сердито пробасил:

— Послушай, почтенный, ты затем только и позвал меня, чтобы оскорбить?!

Придержал коня Пшимаф, остренькими, насмешливо-веселыми глазками глянул снизу вверх на Нахлеша:

— Адыги говорят, младший брат, что умеющий терпеть обиды — всегда и где угодно, хоть перед князем, хоть перед каким-нибудь царем,— сумеет отстоять свою честь, свое мужское достоинство... Стоило мне гонять твоего и моего коней, чтобы оскорбить тебя. Куда как лучше и достойнее это можно было сделать в твоём доме. Не прав ты, Нахлеш, не прав.

Некоторое время всадники ехали молча. Нахлеш собирался с мыслями — уж очень хотелось ему поставить на свое место старика, но в голове ничего путного не появлялось.

— Старики так много говорят, наверно, потому, что думают, будто их речи для молодых слаще меда.

— Хорошо ты сказал, Нахлеш, есть тут доля правды. Иногда чересчур мудрят старики, забывая, что слишком

хорошо – тоже не хорошо, что молодой человек может обрести и заболеть медовой болезнью, вот как... (хотел добавить Пшимаф, – как тебя, Нахлеш, обкормили, – но сдержался). Можно еще сказать и такое: говорят, пчелиным ядом лечат разные болезни, значит, укусы старика могут быть очень полезными... Вижу я, нехорошее у тебя настроение, уж не завелась ли в тебе скверным червячком душевная болезнь?

– Правду люди говорят, что старый Пшимаф – один из самых мудрых старцев Касогии. Завелась во мне червячком душевная болезнь, верно ты сказал... С тех пор, как умыкнули нашего доброго князя Рэдэда, пошли нелады у нас, гуляют разные сплетни, стали ссориться между собой соседи, бывшие друзья. Взять хотя бы меня. Увидел я в Тмутаракани у русича коней Колэса и Темрюка, и так заболело мое сердце, такую тоской и обидой зашло, что я выкупил их, не пожалел своих денег, думал, радость касогам привезу, а что получилось? У-у, сколько разной гадости поползло по Касогии... Ты сам, должно быть, слышал...

– Слышал, слышал, Нахлеш.

– А еще до чего дошли: меня обвиняют в убийстве и ограблении арабских купцов. Вот приедет Ислам-Хаджи, расскажет истинную правду, оградит мое честное имя. А с Кансавом что было, когда он с дружиной приезжал, чтобы выискать с нас дань русичам? Я ходил с ним к его старшей сестре, а что выдумали? Будто я сам привел русичей в Касогию. И это, счастливый тхамата, еще не вся грязь на мою голову. Я был соперником Рэдэда, когда решалось, кому быть великим князем Касогии, ну и что? Какая мерзость гадюкой поползла! Будто я виноват в том, что выкрали Рэдэда.

– Успокойся, Нахлеш. Горячность никогда и никого не приводила к добру. Береги свои слова, не разбрасывай, а то ветром подхватит их и будет гонять вместе с грязью и пылью между людей... Слышал я все эти пересуды, но, как видишь, не только разговариваю с тобой, а даже в дороге позвал... Почему, ты думаешь, твой дед дал тебе имя Нахлеш?

Попридержали всадники коней, пошли малым шагом.

– Должно быть, хотел, чтобы его внук был таким же большим и сильным, как он сам.

– Ты даже крупнее и сильнее, чем твой дед. И голосом, и походкой, и как сидишь в седле, напоминаешь мне его. Ты еще и дальше пошел – стал костоправом.

– А вот мудрости деда мне не досталось.

Пшимаф приостановил коня, приподнялся в стремени:

– Ты и это сознаешь?

– Да!

– Мудрости, ума...

– Да, его мудрости и ума.

– Ну, тогда все ясно. Очень редко кто может так сказать о себе, тем более, если хочет стать предводителем, – сказал старик и тронул коня.

Нахлеш понял, что попал в ловушку Пшимафа:

– Да, я скромный человек, но пусть меня не считают разбойником, если я и похож на него, то лишь тем, что разбойничаю на стороне, на врагов охочусь, а своих защищаю. Но все же скажи, почтенный, зачем ты меня позвал с собой, зачем спрашивал, давно ли я был в Мазибе?

– Слышал, что старик Гучипс совсем плох, вот и позвал тебя в дорогу.

– Зря ты, уважаемый, беспокоишься, Гучипс проживет еще сто лет, а в постель он ложится, чтобы пришли его проведать, принесли новости. Если бы я знал, куда и зачем ты позвал меня, не поехал бы, у меня есть важное дело у хакучинцев.

– Можешь возвращаться, Нахлеш, я не обижусь.

– Э-э, нет! Не хватало меня еще и этим опозорить.

– Правильно говоришь, значит, едем дальше. Позволь задать тебе вопрос: за что так не любишь стариков?

– Один мой приятель заметил, что мы уж слишком носимся со своими стариками, много сил наших из-за этого уходит в песок.

Пшимаф, помолчав, негромко заговорил:

– Ты знаешь, Нахлеш, состарившегося быка отправляют в стадо телят. А зачем?

– Ну-у... – озадачился Нахлеш.

– Вот и я говорю – ну-у-у... Конечно, ты не можешь не знать, что касоги – наследники древнего народа долгожителей нартов-адыгов... Одному старику прорицатель сказал: ты будешь жить до ста пятидесяти лет. Тот сокрушенно покачал головой: «Тогда незачем мне строить новый

дом». У тех долгожителей считалось – чем дольше жил человек, тем больше он походил своей чистотой, непосредственностью и правдивостью на ребенка. В ту пору за стариками ухаживали, как за малыми детьми: пели им колыбельные песенки, кормили мягкой вкусной едой. А уж когда они совсем усыхали, становились совсем маленькими, им колыбельками были высушенные пустые тыквы. Потом нашлись умники, начавшие говорить, что старики, мол, зря хлеб едят, мешают работе, не дают покоя ближним. Да и сами они мучаются своей старостью, дряхлостью своей, словом, для их же пользы надо укорачивать им дни. Вот и стали стариков сбрасывать в пропасть...

– Разве допустимо такое! – возмутился Нахлеш.

– Не только допустимо, но и необходимо, говорили считавшие себя умными люди, но среди них нашелся один не очень умный и жалостливый. С болью в сердце посадил он своего старого отца в мешок и понес, чтобы сбросить в пропасть. Поднимаясь по узкой тропинке, он споткнулся о камень. Отец, сидевший в мешке, засмеялся. «Ты чего смеешься, отец?» – спросил сын. «Видишь ли, когда я нес сюда своего отца, то тоже споткнулся об этот злосчастный камень». Задумался сын, нехорошо у него стало на душе: «Стало быть и меня ждет такая же участь?» Взял он и спрятал отца в пещере, заботился о нем, приносил еду, воду, молоко. «Чего ты сегодня такой озабоченный, какие новости в селе?» – спросил однажды отец. Сын сказал, что селяне собрались на большой молебен у священного дуба на берегу речки и вдруг увидели на дне золотой кувшин. Все кинулись в воду, ныряли, но кувшина никто не смог достать. Три дня все видят этот кувшин, три дня ныряют, а достать не могут. Посмеялся отец и сказал сыну, что кувшин-то висит на дереве, а в воде только его отражение. На другой день сын пришел и с радостью сообщил, что достал этот кувшин и теперь стал очень богатым. Произошло в том краю еще одно событие, – продолжал рассказывать Пшимаф. – Умер царь, у которого не было наследника. Он завещал тому царский престол, кто первый увидит восход солнца. Но все видят восход одновременно, и тут уж ничего не сделаешь. Отец и говорит сыну: когда все пойдут на поляну, ты взойди на высокий берег реки. Солнце, выглянув из-за горы, сначала отразится в воде, а

уж потом заглянет на поляну. Все так и было. И сын того старенького отца стал царем...

– Но почему сын?! – возмутился Нахлеш. – Это его мудрый отец знал, как добыть кувшин, как первым увидеть солнце, ему и быть царем!

– Не торопись, Нахлеш, опять же, как сказал бы тот мудрый старик, торопливость нужна не всегда. Дело в том, что царь потом обратился к своим подданным, поведал историю о своем отце и велел впредь не только не сбрасывать стариков в пропасть, а, наоборот, беречь и уважать их, как драгоценный источник мудрости.

Понял Нахлеш, в чей огород бросил камень Пшимаф, подумал: «Говори, рассказывай, но имей в виду – для меня все эти истории сами по себе, а я – сам по себе».

– Конечно, счастливый тхамата, мудрость стариков – это наше богатство. Посмотри, нам навстречу скачет Кодан! Он так спешит, будто везет какую-то необыкновенную весть. «Неужели что-нибудь о Рэдэде», – мелькнула в его сознании тревожная мысль.

Подскакал Кодан, резко остановив коня, сообщил:

– Умер старый Гучипс!

– Спустимся на землю, помолчим, подумаем о добром мудреце Гучипсе, – попросил Пшимаф.

Спешились.

«Этот старый башмак был приспешником Рэдэда, туда ему и дорога», – подумал рыжий Нахлеш и притворно скорбным голосом произнес:

– Большая беда нас постигла, а ведь мы только что с тобой, Пшимаф, добром вспоминали досточтимого Гучипса. Большая беда нас постигла, даже не знаю, как ее одолеть, к кому отправиться с нею, не к парнишке же Шупашу. Разве что к великой княгине Рампэс, к этой мудрой женщине?

– Думаю, боги не оставят нас в беде. Помолимся – и они обязательно помогут. Помолимся и о князе Рэдэде, в молитве своей расскажем ему о кончине Гучипса, к которому он относился с большим уважением.

– Да сбудутся твои слова, почтенный, да услышат нас боги.

«И Рэдэд услышит, если он еще может слышать...», – продолжал мысленно свой разговор рыжий Нахлеш.

IX

Белоснежное утро под синим небом было похоже на пушистого ясноглазого котенка. Так показалось Кодану. Снег, лежавший на перилах крыльца, даже казался ему теплым.

Вздымая снежное облако, по улице скакал Кодан. Чечан нахмурился: «И этот начнет намекать об Айнар, о верности в мужской дружбе». Нахмурился Чечан, а когда спешился у ворот Кодан, как того требует обычай, приветливо улыбнулся ему:

– С приездом, Кодан, я ждал тебя и рад видеть. Очень хорошо, что конь моего дедушки вернулся домой... Нахлеш говорил, будто ты был в гостях у врага касогов – Кансава?

– Правду говорят: не думай, что если ты в темноте, то тебя никто не увидит, а если в глухом поле – никто не услышит, – усмехнулся Кодан. – Значит, и про историю с конями он тебе сообщил?

– Да. А еще он сказал – никак не может понять, как это можно ходить в гости к врагу. Я тоже удивился этому.

«Ты посмотри, он, выходит, уже снюхался с рыжим Нахлешем, а о своем друге, о Рэдэде, и не вспоминает! Вся Касогия живет в тревоге, а ему хоть бы что. Юбка его что ли с ума сводит?.. А может, не он, а Айнар виновата? О женщины, они ведь способны на такое, недаром говорят: там, где красивые девичьи глаза, жди беды...»

– А рыжий Нахлеш не говорил, что и он ходил в гости к Кансаву? Конечно, не говорил, ни тебе, ни мне, – глядя в упор на Чечана, сказал Кодан.

– Не знаю, – озадачившись, промолвил Чечан. – Ты одно говоришь, он – другое.

– Ты не доверяешь мне? – продолжая смотреть в глаза Чечану, спросил Кодан. – Ну? Что же молчишь?

– Но и Нахлешу не верить у меня нет...

– Я приехал вовсе не для того, чтобы полюбоваться твоей дружбой с этим... Нахлешем. Прости мою резкость. Даже если бы рыжий Нахлеш и сказал тебе, что он заезжал к Кансаву, то ни за что не сознался бы, о чем его просил. Однако не с этим я приехал к тебе. – Помолчал Кодан, раздумывая, не хотелось ему говорить, но все-таки решился: – Я старше тебя, поэтому смею сказать горькую правду:

мне кажется, что почтенный Колэс уже и не дед тебе, не корень твой...

– Я все знаю о нем, – не без раздражения сказал Чечан. – Да, Нахлеш мне все подробно рассказал о нем, о том, что он с Темрюком отправился из Феодосии за море. Нахлеш говорил...

– Нахлеш, Нахлеш... Этот Рыжий, кажется, затмил для тебя весь белый свет, – с горечью проговорил Кодан.

– Пора бы вам отстать от этого человека! – вспыхнул Чечан. – Дед мой тоже хорош. Почему он взял с собою спутником убийцу моего отца, а не достойного мужчину Нахлеша? Вся Касогия осуждает моего деда... И если уж ты начал такой разговор, послушай и мою горькую правду. Почему вы с дедом возвысили, сделали князем вместо Рэдэда безродного чужака Шупаша? Видите ли, он живет в княжеском доме, его называют сыночком. Почему в мужские дела сует нос женщина... Рампэс?

– Чечан!

– Нет уж, теперь дослушай до конца эту горькую правду, которую ветром разносит по всей Касогии. Когда назначали предводителя войска и касоги требовали, чтобы командовал им Нахлеш, человек мужественный, умелый и храбрый воин, вы отвергли его. Но и я, можно сказать, рядом с вами, рядом с дедом стоял, могли бы об этом подумать. Все говорят: если бы поставили Нахлеша, а не Машука, не случилось бы этой беды с Рэдэдом. Можно прямо сказать – Машук проворонил нашего великого князя, которого, как все знают, уже нет в живых, только одна Рампэс в своем бабьем упрямстве не хочет этому верить. И понятно, она – мать. Не перебивай, Кодан, дай досказать... А что Рампэс сделала с Айнар, как поступила с бедной девушкой?

– Что сделала? – встревожился Кодан.

– Она сказала, что Айнар была невестой Рэдэда и забрала ее в свой дом.

«О Боже, что творится в этом мире! Может быть, у Чечана помутился рассудок, иначе как он мог сдружиться с Нахлешем и его друзьями? Нет, нет, в нем, видно, заговорила гордыня, наверно, когда пропал Рэдэд, он и вовсе видел себя великим князем, вот и подзуживают его Нахлеш, Хакара, Шаниб, Натай... А Рампэс, как она могла забрать в свой дом Айнар? Нельзя же этого делать, нельзя!»

– Правильно говорят: только хозяин за порог дома, как собаки тут же загрызли осла. – Кодан встал, собираясь удалиться.

– Что же ты уходишь, не сказав, зачем приходил?

– Я хотел по-дружески поговорить с тобой, посоветоваться, передать тревогу деда за тебя, сказать – опомнись, Чечан, но вижу – мы с тобой идем в разные стороны, больше того, мне даже почудилось, что не ты, а рыжий Нахлеш говорит твоими устами, а ведь он – страшный человек, придет время, ты сам увидишь, но будет поздно. А самое стыдное – твои слова о великой княгине Рампэс, которую постигло горе, ты ведь мужчина, друг ее сына!..

– Но разве это не бесстыдство, как она поступила с бедной Айнар! – начал терять самообладание Чечан.

– Я не верю, что она могла так поступить. Пока сам не узнаю, не смею ничего худого сказать об этой прекрасной женщине, великой княгине. Да что там Рампэс, если ты руку поднял на своего деда... – Круто повернувшись и не попрощавшись, Кодан ушел.

Рассвирепевший Чечан, глядя в окно, как поднимается он в седло, со злостью подумал: «Ничего, вот вернется от хакучинцев Нахлеш, мы как следует возьмемся за вас, и тогда посмотрю, что ты запоешь».

Кодан рассердился на себя за то, что не сдержался вовремя, дал волю своим нервам. «Это ведь слабость твоя, а не сила, сказал бы Колэс», – подумал он, пришпоривая скакуна.

– С возвращением, Кодан! – ему навстречу ехал Машук. – И чего это ты такой хмурый, что с тобой?

– Да вот... поговорил с Чечаном. Покидая его, даже не попрощался.

– Знаешь, у нас с Чечаном тоже нехорошо как-то получается, особенно с той поры, как уехали вы с Колэсом и Темрюком. У меня такое ощущение, будто между нами торчит рожа Нахлеша и ухмыляется.

– И мне подобное видится!

– А чего так долго ты у него сидел? Я подумал – интересная беседа у вас, должно быть.

– Почтенный Колэс просил меня поговорить с ним, объяснить кое-что, а он вдруг взбеленился, непристойные слова начал говорить о своем деде и о Рампэс.

– Не от ума и не от доброты у него это. Договорится он, вот увидишь – договорится до того, что разгневанные боги не стерпят, накажут так, что забудет, как мать родную зовут... Ладно, поехали. Хотя Нахлеш и рассказывал о ваших делах княгине Рампэс, ей будет приятно видеть тебя, услышать из твоих уст; из первых рук новость – самая верная.

– Конечно, конечно, но послушай, Машук, чего это у нас: о чем бы ни заговорили – все Нахлеш да Нахлеш, будто весь свет на нем клином сошелся.

– Правда твоя, Кодан, но мы сами виноваты – слушаем Рыжего, развесив уши, верим всякой его болтовне.

– А у меня с того дня, как пропал князь Рэдэд, все время тревожно на сердце. Болит и болит, будто предчувствует что-то недоброе, только сказать не может. А теперь еще с Айнар... Не знаю, что и подумать. Правда, что ее забрала к себе княгиня Рампэс?

– Такая же правда, как то, что этот снег – белый.

– Но ведь – нехорошо это?

– Было бы нехорошо, если бы княгиня забрала ее против воли. Айнар сама захотела этого. А Рампэс любит, холит ее, как родную дочь.

– Вот как, а Рыжий раззвонил по всей Касогии, что, мол, княгиня такая-сякая, забрала девушку в прислуги. И еще болтает, что Рэдэда уже нет в живых. Злорадствует даже. Ох, припомнится ему все это, припомнится!

Колэс с Темрюком переправились через Керченский пролив, оставили позади Пантикапей и вскоре подъехали к Феодосии. В этом городе сплетались в узел все торговые пути из Ближнего Востока, Европы и Азии, велась бойкая торговля невольниками.

Не один раз бывал здесь Колэс в молодые годы, годы невольничества. При мысли о них заныло, зашлое его сердце. Чтобы не мучить себя тягостными воспоминаниями, он обошел бы Феодосию самой дальней стороной, но именно отсюда им предстояло отправиться за море. Как назло испортилась погода, сердитый, порывистый ветер тревожно гонял мохнатые тучи на сумрачном небе, хлестал невидимым кнутом кипевшие волны, гнул к земле пирамидальные тополя, гнал по улицам стада пыли.

– Сдается мне, Темрюк, ничего путного у нас с тобою здесь не получится, – с трудом преодолевая свист ветра и шум волн, угрюмо проговорил Колэс.

– С чего ты взял? – не то удивился, не то рассердился Темрюк.

– Не знаю сам, предчувствие какое-то. Не сердись, младший друг. Нужно поспешать, пока не стемнело, найти ночлег.

Они направились вдоль берега. Пенистая, будто оскал зверя, волна набежала на валун и разбилась, окатила путников тучей холодных, колючих брызг.

Колэс призадумался... Когда его, закованного в кандалы, увозили в чужедальнюю неизвестность, он смотрел с борта галеры на Феодосию – она была тогда для него знаком родной земли. И там, на чужбине, он тосковал по ней, надеялся на встречу с нею, как с родиной, а сейчас...

«О боже, зачем ты так странно, так непонятно устроил наш мир. Почему мы, люди твои, часто не понимаем, не знаем, как нам быть, в чем виноваты перед тобой?»

Они остановились на ночлег недалеко от берега в хатенке, вздрагивавшей под ударами ветра и жалобно поскрипывающей.

– Не знаю, сможем ли мы тут уснуть, – сокрушенно покачал головой Темрюк, – лучше бы подальше от берега. Колэс улыбнулся:

– Если бы только эта была у нас с тобою беда. Сколько всякого нам еще предстоит. А сколько было... И ничего, одолели, и пусть шумит разгневанное море, пусть ветер воюет с тучами и дубами, а мне бы чего-нибудь горяченького поесть да попить, а то ведь какой сон голодному? Пойдем, поищем харчевню, перекусим, тогда и спать будет лучше под морской шум.

Поморщился Темрюк, уж очень не хотелось ему выходить из хибарки:

– Может, дорожными припасами поужинаем?

Колэс промолчал, лишь когда вышли на улицу и побрели в полутьме, сказал:

– Не сердись, Темрюк, но... забудь пока про дорожные припасы. Я обычно пользуюсь ими в крайнем случае, когда деваться некуда, в таких крайних случаях, о, как они меня выручали...

– Берегись! – неожиданно закричал Темрюк.

Громадная волна швырнула на берег лодчонку. Темрюк успел отскочить, а Колэса бортом ударило по ноге.

– Где ты, Колэс? – вскинулся Темрюк и замер в испуге, увидев, как тот с трудом поднимается на ноги.

– Малость задело, – промолвил, выпрямляясь, Колэс, – но ничего, могло быть и хуже.

Присмотрелся Темрюк и понял: ногу Колэса задело совсем не малость – он не мог на нее наступить.

– Помоги мне добраться к валуну... вот так... Спасибо. Уже хорошо, – Колэс привалился спиной к камню, сдерживая стон, прикрыл глаза. – Садись со мною рядом. Буря, ты заметил, крепчает. Что ждет нас с тобою...

– Рэдэд ждет! – неожиданно для себя громко проговорил Темрюк и, как бы спохватившись, понизил голос: – Чего же сидеть, давай помогу, пойдем потихоньку. Уо-уи-и, Колэс! – вдруг заголосил он, – гляди, ветер развалил нашу ночлежку, вон по улице несет камышовую крышу!

– Я слышу крик женщины, беда там, беги, Темрюк, надо помочь несчастным.

– Как же я брошу тебя?

– Беги скорее! – потребовал Колэс. – Будешь возвращаться – поищи две дощечки, приладим их к моей ноге.

Услышав про дощечки, Темрюк подумал: «Наверное, сломана у Колэса нога. Что же теперь делать... Дождешься ли ты нас, Рэдэд?!»

– Ты прав, Колэс, надо помочь тому, кто попал в беду. Я обязательно помогу, обязательно принесу дощечки для твоей бедной ноги.

– Почему – бедной? Ее немножко повредило, и мы с тобою поможем ей. Отправляйся же, не теряй время.

Теперь, когда сгустились сумерки, буря казалась еще более зловещей, хотя начала еле заметно стихать. Мимо Колэса прошло несколько человек, но он их не окликнул.

«Чем они мне помогут? Вернется Темрюк, мы сами все сделаем, – подумал Колэс и мысленно спросил себя: – А что, собственно, сделаем? О Рэдэд, прости меня... Говорил же Тураб – надо всем Мазибом помолиться, попросить, чтобы боги моря и ветра не ссорились между собой, пока мы ищем князя Рэдэда. Не прислушались мы к нему, вот и получили за грехи свои. Прости нас, Рэдэд».

Подошли двое мужчин. Колэс положил руку на эфес меча, подумав: «На что я способен с такою ногой! О боги, помогите мне!»

– Это один из тех двух, что мы видели днем, – заговорил по-адыгски худощавый парень, – я печенкой чувствую: у этого хрыча есть золотишко. Надо пристукнуть его без лишнего шума, вывернуть карманы, выпотрошить сумку.

– Я прожил долгую жизнь, но не слышал, чтобы адыг не выручил из беды своего единокровного брата, чтобы он...

– Заткнись, старая развалина! Твоя байка про благородных адыгов – пустой ветер для нас с приятелем, – заговорил худощавый, – если хочешь жить, хочешь, чтобы слушали твои байки внуки, выложи золотишко и будь здоров.

– Твоя печенка тебя не подвела, сын мой, у меня есть золото и сыновья, внуки и правнуки есть, – витиевато начал Колэс, чтобы потянуть время, дожидаться Темрюка, – как и у тебя есть отец и мать, братья и сестры, они говорят на одном со мною языке, молятся...

– Хватит тебе, старый пень! Теперь еще про боженьку станешь рассказывать! – пробасил толстяк в какой-то смешной шапке, похожей на копну соломы. – Живо доставай золото, и мы распрощаемся, пожелав друг другу, по нашим обычаям, доброго пути.

– Я отдам золото, но хочу сказать: оно собрано в Касогии по крупнице у хлеборобов и пастухов для того, чтобы помочь великому князю Рэдэду, попавшему в беду...

– Ну вот, теперь еще про князя будешь петь. Плевать нам на него и на дураков, которые отдали свое золото, – распалился худощавый.

– Вот сумочка с золотом, но... вы так молоды, вам еще жить да жить, попомните мое слово: это не золото, это слезы добрых, честных людей, они вам...

– Еще прокаркаешь одно слово, старый ворон, и я прирежу тебя.

Худощавый выхватил золото из рук Колэса:

– Айда и побыстрей, а то ведь всякое может случиться.

– А разве мы не прикончим его? – спросил толстяк.

– Зачем в мертвого кабана вонзать нож, марать об него руки? Кто-то идет, пошли скорее!

– Кто эти люди, – торопливо подошел Темрюк, – о чем ты с ними разговаривал?

– Меоты. Принудили меня выкупить свою жизнь за золото.

– Ах мерзавцы! – Темрюк кинулся им вслед и вскоре привел худощавого, который чуть ли не вдвое согнулся от страха.

– Это он оскорбил тебя, почтенный? – держа за шиворот разбойника, спросил Темрюк.

– Он самый. С ним был еще один нечестивец.

– Был – и уже нет его на белом свете, почтенный Колэс, а касожское золото – вот оно! – торжествуя произнес Темрюк, подняв сумочку над головой.

– Тебя зовут Колэсом, почтенный?! – воскликнул худощавый и рухнул на колени. – Что же ты не назвался, я так много слышал о тебе, о твоей доброте, о мужестве и чести твоей! К вашему золоту я прибавлю свое, много прибавлю, и если позовете, пойду с вами, буду вашим спутником и воином вашим!

Колэс поднял руку, горестно покачал головой:

– Вот что скажу я. Когда ты поднял разбойную руку на единокровного брата, разве можно после этого тебе верить? И как ты можешь теперь вернуться к адыгам? Горько мне это говорить тебе, еще совсем молодому, но что поделаешь – правда есть правда. Не верю я тебе. Как говорят, пусть лучше загрызет тебя собака доброго человека, чем укусит пес злодея.

– Ты должен поверить мне, почтенный, это я не дал тебя убить, – дрожа от страха, умолял грабитель. – Помилуйте меня, клянусь искупить свою вину...

– Замолчи! – не выдержал Колэс. – Если бы я был здоров, то не побоялся бы сразиться с тобой и твоим напарником, но, к сожалению... А золото твое награбленное пропитано кровью, не то что брать в руки – я на него смотреть не желаю. Убирайся с ним и помни народную мудрость: если сотворил зло, то в ответ получишь три зла. Пошел вон! Я даже имени твоего знать не хочу!

– Но как же так, Колэс! – возмутился Темрюк. – Разве можно эту мразь отпускать безнаказанно?

– Ты, наверно, прав, Темрюк, но давай мы с тобою сегодня посадим зернышко добра, которого так мало на

земле. Посадим с надеждой, что оно прорастет. Помолимся и будем надеяться.

Улыбнулся Темрюк, посмотрел на меота:

– Поклонись в ноги почтенному Колэсу..

– Не надо, пусть лучше помолится богам, пусть положит земные поклоны.

Отвернулся разбойник, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы, потом вскочил и, согнув плечи, удалился в туманные сумерки.

Темрюку было не впервые иметь дело с переломами, быстро и ловко он закрепил дощечки вдоль ноги Колэса, надежно перевязал кусками материи, разорвав нательную рубаху, и, управившись, сел рядом с ним.

– До чего же ты терпелив, почтенный.

– Чему-чему, а уж терпению годы неволи меня хорошо научили... Думаю я, Темрюк, не следовало мне на старости лет отправляться в такую дорогу. И Кодана напрасно мы вернули. Сейчас ты уехал бы с ним, а я здесь дожидался бы вас, теперь же...

– Ничего, успокойся. Первым делом надо подлечить тебя и все будет хорошо.

– Бедная Рампэс, она так надеется на нас с тобой, – поглаживая больную ногу, сокрушался Колэс. – И не только она, все мазибцы, вся Касогия на нас надеются, ожидают добрых вестей...

Х

Нет рубахи, которую нельзя износить, как нет и беды, которую человек не в силах пережить.

Сначала Рэдэд досадовал на неотвязчивость этой поговорки, даже сердился, а потом успокоился. «Все правильно, должно быть, боги дают мне знак, – размышлял он, – чтобы я не отчаивался, не досаждал себе дурными мыслями и сомнениями». И вместо того, чтобы думать о предстоящих трех схватках в Салониках, разминать свое тело, горячить мускулы, он то лежал, то ходил по комнате, позванивая кандалами, и вспоминал о веселых мальчишеских проделках с Чечаном, о любимом скакуне, вспоминал так, будто находился вовсе не на чужбине, будто рядом были отец и мать и, конечно же, Айнар...

У околицы Мазива на пригорке растет пихта, ее голубые ветви похожи на крылья большой многокрылой птицы, как дохнет ветерком – взмахнет пихта своими голубыми ветвями-крыльями, и кажется, что она вот-вот взлетит к белым с голубым отливом облакам. А однажды он увидел рядом с пихтой Айнар. Ее голубое цветастое платье было тоже похоже на крылья. Рэдэду показалось, что они обе сейчас взлетят. Он почувствовал какое-то небывалое, странное волнение и лишь спустя время понял: то его сердце тронула первая искра любви.

Завтра ему предстояли три схватки, которые могут решить его судьбу. Но не о них думал Рэдэд: ему виделась голубая пихта, рядом с нею призывно улыбающаяся Айнар, а чуть подалее стояли и с надеждой смотрели на него мать, Шупаш, Колэс, Чечан, а за ними виделись все мазибцы. Рэдэд всматривался в лица, чувствовал тепло их родных улыбок, слышал голоса. Казалось, стоит протянуть лишь руку – и он притронется к их плечам.

«Нет такой рубахи, Рэдэд, чтобы не изнасилась, нет беды, которую ты не мог бы одолеть». Это, показалось, громко произнес Колэс.

В комнате с Рэдэдом находилось трое стражников. Они лениво и тихо о чем-то переговаривались, похоже, неприятном.

– Что-нибудь нехорошее случилось? – спросил Рэдэд у одного из них. Тот пожал плечами:

– Просто так. Болтают. А Костасу не нравится твое настроение, вот он и волнуется.

– Из-за меня? Почему? – удивился Рэдэд.

– Говорит, с таким настроением идти на ринг опасно, Костас боится, что ты проиграешь.

– А ему-то что?! – еще больше удивился Рэдэд и подумал: «Странно. Что кроется за этим его беспокойством? Неужели он желает мне свободы? Но почему? Должно быть, какая-нибудь хитрость...»

– Послушай, – обратился он к Костасу, – у нас сегодня такой день, а хозяина что-то не видно.

– Соскучился ты по нему, что ли? – по-доброму усмехнулся Костас.

– Понимаешь, вечером мне предстоит такая борьба! Надо как-то подготовиться, поражаться. Пусть кандалы снимут.

– Это может разрешить только Панатиди. Он, наверно, скоро придет.

Старший стражник сказал напарнику что-то резкое, в их разговор вмешался Костас, они угрожающе встали друг перед другом.

– Что они не поделили? – встревожился Рэдэд.

– Тебя делят. Хотят, чтобы ты...

Старший стражник и его напарник двинулись на Костаса. Рэдэд решил предотвратить стычку, тяжело ступая, направился к ним. Те схватились за мечи, и тут вошел Панатиди.

– Что здесь происходит? Уберите мечи!

Костас рассказал ему о случившемся.

– Передай моему борцу: пусть успокоится, я этих холопов накажу как следует, – сказал Панатиди и зло бросил старшему стражнику: – Не твое дело вмешиваться в мои дела. Вы должны ублажать этого гиганта, от него зависит не только мое, но и ваше благополучие. И хватит, успокойтесь, улыбнитесь друг другу, борцу улыбнитесь.

Панатиди дружески похлопал Рэдэда по плечу, приказал снять кандалы.

Рэдэд с хрустом потянулся, чуть не достав до потолка могучими руками. Присел несколько раз, согнулся, касаясь пола, выпрямился, попрыгал так, что задрожал под ним пол...

– Я знаю, – заговорил он, – ты честный человек, и значит, если выиграю все три схватки, буду свободным?

– Да, – ответил Панатиди. – Впрочем, не надо загадывать, это плохая примета. Как говорят: готовься к худшему, тогда не будет скорби, а радость увеличится вдвое... Три схватки, князь, очень трудные, к ним и готовь себя.

– Кроме черного силача, с кем еще буду бороться? Ты обещал узнать.

– Не удалось, – солгал Панатиди, – того, что из жаркой страны, из Африки, видел, а двух других не показали. Их хозяева ко мне приходили, все хотели выпытать, какой ты из себя, даже большую взятку предлагали. Просили разрешить им хоть взглянуть на тебя, но я их выпроводил. Сказал – увидите, когда он выйдет на помост, когда переломает спины вашим борцам. Тебе, конечно, следует взбодрить себя, может быть, займешься для разминки со стражниками?

– Нет, я хочу сам позаниматься. Оставьте меня одного.

Панатиди оторопел – такого еще не бывало, чтобы этот богатырь с железными мускулами и силой пары быков оставался один без кандалов.

Оторопел Панатиди, но тут же усмехнулся, сказав себе: «Что с тобою? Ты был хитрым, изворотливым, был гордым и смелым, ты многое повидал в своей жизни на бесконечных ее дорогах, но не встречал еще такого могучего человека, могучего не только плечами, но и духом, великокняжеским достоинством. Устыдись, Панатиди, покажи самому себе собственное достоинство гражданина великой империи!»

Он окинул беглым взглядом решетки на окне, дверь, окованную железом, еще раз усмехнулся про себя, проговорил:

– Да, конечно, ты остаешься один до самого вечера, соберешься с духом, сосредоточишь всю твою волю, чтобы победить соперников.

– И если уложу их?.. – спросил Рэдэд, глядя в упор на Панатиди, в его искрящиеся лукавством глаза, надеясь уловить в них хоть намек на правду – пусть горькую, страшную, но правду.

– О, конечно! Наш мужской уговор превыше всего! – сказал Панатиди, а сам подумал: «Если останешься живым после встречи с третьим соперником». – Став победителем, ты сойдешь с арены богатым и свободным! Сейчас принесут тебе сытную еду. Поешь как следует и отдыхай. Но имей в виду – охранники остаются здесь, за дверью, а на арену ты выйдешь в кандалах – это для устрашения твоих соперников.

– Пусть будет по-твоему, – равнодушно сказал Рэдэд, поняв, что этот мерзкий Панатиди приготовил для него что-то недоброе.

Ушли стражники, ушел Панатиди, проскрежетал дверной запор.

Солнце стояло на вершине дня, в своей наибольшей силе.

Рэдэду показалось, что он поднялся в небо и увидел оттуда Мазиб, увидел на холме рядом с пихтой любимую Айнар. Он сказал себе: «Ничего удивительного, что я все время думаю о ней, ведь она так же одинока, как пихта, как оставшаяся без меня моя Касогия. Айнар не просто

красивая девушка, она будет матерью моих детей, а наши дети – это и есть наша родина, ее радость и сила».

Воздев руки, с душевной болью и радостью Рэдэд обратился к солнцу:

– Ты слышишь, как бьется мое сердце, ты знаешь, о чем я думаю, все мои грехи всегда пред тобою – прости мне их и помоги, через меня помоги Касогии, которую ты любишь, я не хочу смерти моим соперникам, но если они захотят моей, я буду беспощаден.

Произнеся вслух эти слова, он не пал покорно ниц, а с достоинством и святостью опустился на колени перед величием и добротой бога Солнца.

Поднялся затем и почувствовал во всем теле необыкновенную легкость, услышал, как ровно бьется сердце. И не было никаких опасений, не было страха перед грядущей, грозной неизвестностью.

С этим ощущением и вышел он вечером на арену цирка, освещенного множеством восковых свечей. Он чувствовал и знал, был уверен в том, что все будет так, как надо и должно быть, как уже решено на небесах, лишь только ему не следует размягчаться. И он собрался мысленно в единый комок, словно валун, обточенный ураганами времени. Как бы не Рэдэд возвысился на помосте, а сама Касогия.

Неспешно вышел он на середину арены. Увидев закованного в кандалы гиганта, зрители взорвались такими аплодисментами и криками, что вздрогнули и зашатались каменные стены, задрожало, грозясь потухнуть, пламя сотен свечей.

С противоположной стороны на арену зашагал, как называл его Панатиди, «черномазый богатырь». Он картинно поигрывал мускулистыми плечами, выпячивал грудь, сверкая искристыми глазами.

Пока снимали с Рэдэда кандалы, он внимательно присматривался к своему сопернику. «Как поджарило его солнце, – улыбнулся он мысленно. – А ничего, крепкий мужик, только живот великоват – лишний груз... Не страшно, пусть стреляет глазами, как учил Колэс – хватай руками да об землю, да еще придави коленом».

Вобрав головы в плечи, изготовившись к схватке, борцы закужили по арене. И вдруг африканец рванулся к Рэдэду, но тот отскочил в сторону, и соперник, ударив-

шись грудью о железную заградительную решетку, повалился навзничь.

Рэдэд, конечно, не посмел нападать на лежавшего, а тот вроде бы с трудом поднимаясь, опять неожиданно кинулся на него, однако получил ловкую подножку и упал плашмя. Рэдэд бросился на него, но тот с кошачьей ловкостью вывернулся и оказался наверху. Однако и Рэдэду ловкости не занимать, рванув соперника, он уложил его на лопатки.

Зал взорвался аплодисментами, криками, восторженными воплями.

Отдыхая у края арены на каменной тумбе, Рэдэд снисходительно подумал о своем сопернике: «Что же ты, парень, с виду такой грозный, а в деле – слабак слабаком».

На арене появился второй борец, почему-то вели его силой двое.

«Боже, ведь это Аспарух!» Вскочил Рэдэд и чуть не заорал от радости. Еще бы! Попробуй в людском море его разыскать, а тут вот он, перед тобой! Ну, держись, мерзавец, сейчас ты за все получишь – и за смерть моего отца, и за то, что предательски меня пленил, продал в рабство!

Налетев, словно молния, он обхватил в железные объятия Аспаруха, со всей силы, будто мешок проса, шмякнул на пол, отступив, стал ждать, когда тот поднимется, чтобы кинуться на него снова, но Аспарух, едва поднявшись на колени, жалобно заскулил:

– Прости меня, князь, пощади...

– Вставай, ничтожество, сумей хоть умереть как мужчина!

Сколько горя принес этот негодяй Рэдэду, и еще просит пощады! Ярость вскипела в нем с новой силой. Под неистовый рев публики он поднял Аспаруха высоко над головой, снова грохнул на пол. Тот остался лежать, даже не шевельнувшись. Рэдэд брезгливо поморщился, глядя на бездыханное тело, ему захотелось вымыть руки.

В стене на противоположной стороне арены вдруг открылась дверь и оттуда выскочила черная пантера. На мгновение растерявшись, она припала на пружинистые лапы, изготовившись к прыжку, глядя кроваво-желтыми глазами.

Не испугался Рэдэд и не растерялся, даже не удивился, он предчувствовал: Панатиди непременно подготовит для

него какую-то пакость. Мелькнула у него мысль: «Это испытание за мои грехи». А еще подумал, что испытание только кажется страшным, оно не может испугать удачливого и ловкого охотника. Рэдэд прислонился спиной к решетке и, собрав все свои силы, кинулся на зверя.

Пантера ловко увернулась и вмиг прыгнула на Рэдэда. Однако он, будто сам превратившись в зверя, сумел не только увернуться, но и поймать ее за шею, сжав, словно клещами.

Невыразимой ненавистью горели ее глаза, страшным был оскал звериных зубов. Но вот задергалось в конвульсиях тело пантеры, выкатились из орбит ее глаза, раздался надрывный предсмертный хрип... Тяжелым было ее мертвое тело. На всякий случай Рэдэд с силой ударил пантеру о решетку и потом бросил на пол.

Вздروгнули каменные стены цирка от неистового крика, но Рэдэд, казалось, ничего не слышал. Обессиленный, с окровавленной грудью он сел на каменную тумбу, уронив меж колен тяжелые руки. Перед его взором появилась Касогия. Поля и луга, небо и горы, виделись мать, Айнар, Колэс, Чечан...

Ему виделась Касогия.

У выхода с арены его встретили восторженными криками и оглушительными аплодисментами. Панатиди расплылся в улыбке, хлопая пухленькими ладошками, радовался победе своего раба. Вроде бы радовался. «Посмотрите, как он ведет себя, идет и уже как будто не видит своего хозяина, словно его карманы уже набиты золотом! Но не так все просто, касог...»

Двое охранников подошли с кандалами к Рэдэду. Панатиди с нарочитой громкостью крикнул им:

– Подите прочь! Как вы смеете надевать кандалы на победителя! Слава ему, слава! Дайте дорогу герою! Он весь окровавлен зверем, которого победил!

– Что говорит этот?.. – спросил Рэдэд.

– Льстит тебе, – ответил Костас, – только... не верь ему.

Когда они вернулись в каменный мешок с железными решетками, Панатиди сухо сказал, отводя взгляд в сторону:

– Я доволен тобою, касог, ты хорошо боролся... И не смотри на меня так, я тоже ничего не знал о пантере...

– Что?!

– Видит бог, я говорю правду.

– Ты еще и богохульствуешь? – Рэдэд шагнул к Панатиди, взял за грудки, высоко поднял и, глядя в его заморгавшие в страхе глазенки, негромко и беззлобно сказал: – Врешь, собачье ухо. Говори все, как на духу, если не хочешь отправиться на тот свет к своему другу Аспаруху.

Болтая ножками, Панатиди взмолился:

– Отпусти меня на землю, пожалуйста. И успокойся, успокойся. Пожалуйста. Спасибо... Золота, которое мы с тобой заработали, хватит нам обоим на всю жизнь. Приедем в Константинополь, ты получишь свою долю, и я сам лично, на своем судне отвезу тебя в Касогию, – быстренько проговорив все это, Панатиди направился к двери, но путь ему преградил Костас:

– С сегодняшнего дня я не служу тебе.

– И я – тоже, – сказал молодой стражник.

Старший стражник взялся за меч, но не двинулся с места.

– Что будем делать с этим, – Костас кивнул на Панатиди, – прикончим, как он это делал с другими?

Панатиди упал на колени, выхватил из-за пазухи два кожаных кошелька с золотом:

– Здесь целое богатство, большое богатство, князь, возьми, будь счастлив, только отпусти меня.

– Говоришь, счастлив? – улыбнулся Рэдэд.

– Да! В кошельках не только золото, но и бриллианты! Бриллианты вот в этом кошельке, а золото – в этом.

– И все это твое?

– Да, князь, да!

– Так почему же ты не счастлив с этим несметным богатством, почему стоишь на коленях перед своим рабом?

Панатиди упал лицом на пол и заскулил:

– Будь проклято и это золото, и бриллианты, будь проклят тот день, когда я связался с ними. Забери их, дом мой возьми, последнюю рубашку возьми, только отпусти, чтобы я мог видеть, как утром всходит солнце, слышать, как поют птицы...

– Встань, несчастный раб, – сказал Рэдэд и обратился к Костасу: – Я не хочу убивать этого человека, не возьму золото, чтобы люди не говорили, будто я, великий князь Касогии, ограбил его.

– Нет! – вскочил Панатиди, не расслышав Рэдэда. – Я поеду в Константинополь, в великий Софийский собор и

буду молиться за тебя, за твою Касогию. Возьми золото, но только не убивай!

– Хорошо, – сказал Рэдэд, – мы разделим его на всех нас поровну, ведь это богатство и вы ему добывали...

XI

Чечан не мог понять, что с ним случилось, почему каждая ночь становилась для него мукой. Раньше он спал крепко, если изредка и видел сны, то веселые, красивые, а теперь то бродил над страшными пропастями запутанными тропинками и не мог найти ту, которая вела домой, то вдруг оказывался в мертвой степи и задыхался от горячей пыли, то гнались за ним какие-то всадники. А однажды приснилось, будто попал в водоворот и начал тонуть... Проснулся в холодном поту – его комната все еще казалась ему омутом. А теперь уже третью ночь на него напал волосатый великан, когтистыми руками хватал за шею и душил.

Чечан проснулся с таким ощущением, будто с большим трудом вырвался из лап волосатого чудовища. Ему казалось, что на шее остались следы его когтей.

Он вытер липкий, холодный пот со лба, подвигал плечами, словно освобождаясь от великана.

«Неужели это Рэдэд из могилы мстит мне? Но разве я виноват, что его выкрали злодеи, что он погиб? Я не виноват, не виноват ни в чем!»

Опустив ноги с кровати он крепко сцепил руки на коленях, стараясь успокоиться, но разные мысли, воспоминания и упреки роились в его разгоряченной голове. Ему было обидно, что Рэдэд возвысил, сделал предводителем Всекасоевского войска не его, своего лучшего друга, а Машука, что он вместе с матерью возвысил до княжеского достоинства приبلудного Шупаша, который теперь стал предводителем Касогии.

«Да, я виноват, что по-дружески не говорил об этом Рэдэду, не предостерег от неверного шага, который, наверно, и привел его к большой беде... Когда и почему между нами пробежала черная кошка, сделала нас из друзей хотя и не врагами, но... Может быть, эта черная кошка – Айнар?»

Они росли, словно родные братья, по-мальчишески любили друг друга, у них были свои – только на двоих

– тайны, конечно же, клялись друг другу в верности. К Айнар и Анисат относились, как и принято у мальчишек – дразнили, дергали за косички, посмеивались над ними, они, мужчины в шапках, над девчонками в платках и юбках. С годами юбки и платки уже не вызывали смеха, как раньше. Косички у девчонок стали косами, а взгляд их глаз вдруг начал волновать мальчишеские сердца. Если сердитым он был или насмешливым – тревожил, если добрым, обещающим что-то еще, не совсем понятное, – сердце радовалось, даже таяло.

Мальчишки еще посмеивались друг перед другом над своими чувствами, но уже не к девчонкам, а к девочкам.

Раньше были просто две девочки – Айнар и Анисат, можно сказать, одинаковые, а потом каждая из них стала как бы сама по себе. Из мальчишек выросли парни, которые теперь ревниво отличали Айнар и Анисат.

Как-то весной, когда цвели сады, из леса девчонки принесли душистые ландыши. Чечан вроде бы в шутку, но в шутку только для вида – предложил по жребию разыграть, кому какая из них достанется. Рэдэд возмутился:

– Ты что?! Для тебя девушки все равно как альчики?! Костяшки они, что ли?

Вспомнил это Чечан и подумал: «Если бы мы тогда разыграли их по жребию, то не растеряли бы дружбу, не случилась бы с Айнар эта неразбериха. Но ничего, думаю, скоро все уладится. Все-таки сыграем свадьбу с Айнар и потом поедem с Нахлешем, как он обещал, на поиски дедушки Колэса, а вернувшись, займемcя Шупашем, поставим чужака на свое место».

Прилег он, натянул одеяло на продрогшее тело, прикрыл глаза и снова предался размышлениям:

«Рампэс тоже хороша, все мнит из себя меотскую царицу Тыргатао, мечтавшую в свое время покорить Касогию, на свою бабью голову мужскую папаху натягивает. Ничего, и с нею управимся, наступит мое время. Для верности, во главе войска поставлю Нахлеша – у него крепкая рука, а Машука пошлем коров пасти, там он больше подходит... Думаю, когда Айнар разберется во всем, поймет, что брат ее погиб по вине Рэдэда, не захочет даже имени его слышать. Да и что он значит? Болтун! Хочет, видите ли, собрать в одно государство всех адыгов и командовать ими. Сначала адыгами, потом чуть ли не всем Кавказом.

Безумец. Слава нашим богам, они успокоили его, дали ему на вечные времена кусочек земли. Вот там и командуй...»

Улыбнулся Чечан и только сладко уснул, как задрезало окно: опять появился великан с волосатыми руками.

Вскочил он и, повернувшись спиной к окну, дрожа всем телом не то от холода, не то от страха, стал торопливо одеваться. Хотя боялся глянуть в окно, но не удержался и глянул – в комнату смотрело веселое солнце.

Все это колдовство, подумал он. Вспомнил: Натай как-то говорил ему, что несколько раз видел, как Анисат ходила к Турабу. «Надо идти к горбуну и заставить его все переколдовать. Пусть сделает так, чтобы Анисат отвязалась от меня, пусть покрепче приколдует ко мне Айнар, избавив ее от Рампэс».

Небо было чистое, солнце веселое. Заснеженные крыши домов, скирды сена во дворах, деревья, улицы, переулки, дальние и ближние горы – все дышало зимней радостью!

На весело фыркавшего, резво бившего копытом о звонкую землю коня Чечан взлетел птицей. На душе у него стало светло, как в солнечном небе, но когда увидел княжеский дом, эту темницу Айнар, все вдруг потускнело, испортилось, а тут еще Анисат вывернула из-за угла, хоть возвращаясь домой от такого, подумал Чечан, злодейства, и было пришпорил рысака, но сразу же осадил его: не хватало еще робеть перед женщиной. Подождал, пока подойдет Анисат, не без насмешки глянул на нее свысока:

– Чего тебя носит в такой мороз, не сидится дома в тепле?

– Но... прежде чем разговаривать со мною, ты бы, соблюдая обычай, сначала спешился.

– Я не покидаю седла перед тем, на кого сержусь, – сухо ответил Чечан.

– Я увидела тебя еще издалека и заторопилась, чтобы повидаться... Какая хорошая погода, какое яркое солнышко! А ты...

– Я же тебе сказал – забудь меня.

– Если бы это было в моей воле, Чечан, – ее большие черные глаза стали влажными, казалось, еще чуть-чуть – и хлынут из них слезы. – Как можно забыть вечер у скирды сена, когда нам с тобой было так хорошо...

– Не знаю, не было никакой скирды! – зло выкрикнул он и дал коню под бока. – Слышишь? Не было никакой скирды, и перестань бегать к горбуну, иначе!..

Анисат отшатнулась, с трудом удержавшись на ногах. Горячие слезы хлынули на холодный снег: «Чем я провинилась перед тобой, боже, – она подняла заплаканное лицо к солнцу. – А может, и ты бессилён перед Чечаном или не слышишь Тураба, перед которым я унижаюсь, разрешая горбуну гладить мои плечи, а какой нахальный у него взгляд – провалиться бы мне сквозь землю. О боги, если я противна Чечану, если он не хочет меня видеть – мне остается только подняться на скалу и броситься в пропасть. Но мне жалко Чечана, ведь он всю жизнь потом будет мучиться перед людьми за мою смерть, и вы его за грех накажете. А Айнар он ни капельки не нужен. Лучше накажите ее, боги, это она своими улыбочками да разными словечками вскружила доверчивому Чечану голову, а сама спряталась за спиной княгини, будто в недоступной крепости сидит в княжеском доме. Несчастный Тураб тоже помешался умом от ее коварства. Вы знаете, боги, он даже какие-то капли давал, чтобы я их незаметно подлила в еду Айнар, говорил, что она отстанет от Чечана, но когда давал, руки у него задрожали, и я поняла, что это за капли, и выбросила их. Помогите мне, боги, или заберите меня к себе на небо, я оттуда хоть изредка буду поглядывать на Чечана. Вы помогите хоть ему, если не можете помочь мне».

Чечан тем временем, подъезжая к княжескому дому, решил не отдавать ему положенной чести: «Подумаешь – Шупаш, Агбан, кто они такие, чтобы перед ними шапку ломать!» Он поторопил коня и тут же пожалел: может быть, выглянула бы в окно Айнар?

Подъезжая ко двору Тураба, Чечан услышал крик ослицы и растерянно подумал: «Почему так получается – горбун творит позорное дело с ослицей, а боги почему-то избрали его своим посланцем?» Подумал Чечан и испуганно спохватился: разве его дело рассуждать о богах. «Помилуйте меня, простите мою глупость, о великие, о мудрые!» И все-таки, подъезжая ко двору Тураба, он морщился, поживаясь.

– О Чечан, добро пожаловать! – с веранды приветствовал Тураб всадника и поняв, почему тот морщится,

весело добавил: – Животное приветствует тебя и не замолчит, пока ты не спешишься и не войдешь в мой дом.

– Я слышал о премудростях твоей ослицы, но не знал, что она так радуется гостям, – многозначительно улыбнулся Чечан, привязывая коня. – Я не займу много твоего времени, у меня всего лишь маленькое дельце.

– Пожалуйста, заходи в дом, а уж потом скажешь о своем деле, я постараюсь помочь тебе с благословения наших щедрых богов.

– Только потому я и приехал к тебе, что ты – божий посланец. Пожалуйста, не сердись на меня за нашу недавнюю размолвку.

– О-о! – воздел руки Тураб, – какой же я тогда божий посланец, если стану злопамятен, не буду добр к тем, кого сотворили и любят боги.

Тураб уважительно пропустил гостя вперед, дождался, пока тот удобно сел на почетном месте, и тоже сел. Пока шли они по веранде, Чечаном опять овладели греховные мысли: «Давно ли мы подшучивали над разными чудачествами Тураба, с насмешкой называли его посланцем богов, а теперь – вон как он возвысился, попробуй достань! Наверно, все очень просто: раздень догола этого урода, и всем он будет казаться красавцем, раз они уверовали в него как в посланца всесильных и грозных богов. Вот и еще одно дело: распутная бабенка Дахапса сколько стоящих мужчин пропустила через свою постель, теперь же всех отшила и, говорят, сохнет по горбуну. Откуда только он свалился к нам... – Подумал так и очень испугался Чечан, ведь боги слышат человека даже если он молчит, все видят даже в кромешной тьме. – Простите меня, дуралея, о боги, простите».

– Ты прав, Тураб, разве могут нас с тобой поссорить какие-то житейские мелочи, если мы с раннего детства росли вместе, дружили и не подозревали, что в тебе есть божественное, благодаря тебе боги милуют нас...

Тураб приложил палец к губам, пригнулся к Чечану и прошептал:

– Когда ты говоришь о богах, называй уважительно каждого по имени. – Он воздел руки, закрыл глаза: – Простите, о Великие, моего гостя, он просто оговорился, он знает, что вы – наша опора во всем, мы бываем счастливы только благодаря вашей милости... Ты еще ничего мне не

сказал о своем деле, а я уже его знаю, по божеской милости.

– Конечно, конечно, – заторопился Чечан, – я вот только не знаю, с чего начать.

– Прямо и начинай с великого князя Касогии Рэдэда, а закончишь Анисат и Айнар.

Чечан побледнел и пригнулся, будто под тяжестью:

– Да-да, я все скажу, как на духу... Поскольку уже нет в живых моего лучшего друга, бедняги Рэдэда, то об Айнар, которую он любил большой мужской любовью, я должен позаботиться, я должен жениться на ней. Так, должно быть, считают и боги, с которыми ты разговариваешь, советуешься.

– А разве ты уже не любишь Анисат после вечера у скирды сена?

Чечан, будто под ударом, пригнулся, даже присел.

– И кто тебе сказал, что Рэдэда нет в живых?! – будто раскаленным железом жег Тураб. – Бог леса видел его живым, бог моря утверждает, что Рэдэд благополучно достиг берега. Бог наших дорог говорит: ждите князя домой.

– А что говорит главный бог Солнца?

– Он мне еще ничего не говорил, еще не пришла пора. Сказал, что если случится что-нибудь нехорошее с князем, он даст мне знать.

– Если Светило еще не сказало своего твердого слова, всякого можно ждать... Бесстыжая Анисат много разного, должно быть, тебе наплела. Не было у нас никакой скирды, никакой любви, я просто хорошо к ней относился, потому что она дружила с Айнар. Она и брату своему Машуку наговорила такого, что он теперь на меня волком смотрит...

Вошел Натай. Запнулся Чечан и направился к выходу.

– Ты не хочешь со мною видеться, обиду какую-нибудь на меня держишь? – удивился Натай.

– О чем ты говоришь, просто мы тут с Турабом засиделись, а мне надо по делам поторапливаться. Если ты принес какие-нибудь важные вести, я присяду и послушаю.

– Да нет, я просто так заглянул, проведать Тураба. Всего тебе доброго, Чечан.

«Хоть и посланец богов этот горбун, а все же болтун. Все вокруг да около, ничего путного и определенного не сказал. Что мне делать, как поступить с Айнар? Ну да

ладно, без него обойдемся. Думаю, боги добрее и мудрее Тураба, буду им усердно молиться, буду их просить. Только и сказал он одно доброе слово; боги нас любят, а раз так – помогут они и без него... Однако вот какая незадача: Нахлеш уехал к хакучинцам, Хакара с Шанибом, пеняя на холод, не вылезают из своих теплых нор, но... Адшес женится, на его свадьбе обязательно будет Шупаш и, конечно же, Айнар. – Оттуда ее, мою голубушку, и уведем! Ничего, найду помощников и без Нахлеша».

Но искать не пришлось: утром, едва напившись горячего чаю, он услышал топот коней. Выглянул в окно – у ворот стояли Нахлеш, Хакара и еще четверо каких-то всадников.

«Что их привело?» – Чечан выскочил к ним налегке, поприветствовал.

– Не удивляйся, мой друг, – сказал Нахлеш, – я не забыл, что сегодня свадьба Адшеса, помню и наш уговор насчет Айнар. Она обязательно там будет, со свадьбы ее и умыкнем. Куда повезем невесту, к кому из твоих друзей? Может, лучше к хакучинцам? Для верности.

«Услышали, услышали мою молитву боги!» – восторженно подумал Чечан и сказал:

– Разве у меня нет своего дома?! Увезем прямо ко мне! Хакара почесал затылок:

– А у тебя, Чечан, есть уговор с Айнар? Не заупрямится девка? Она из тех, которые любят верх над мужчинами брать.

– Нет! Она любит меня, – заверил Чечан, а у самого сердце дрогнуло в сомнениях.

– Слушаю я вас, касоги, – заговорил старший из хакучинцев, Барич, – и удивляюсь: как это – не заупрямится ли девка, что она скажет? Вы, кажется, еще носите шапки, а не платки, так чего же разводите тут гадание, почему нарушаете закон наших дедов?

– Верно ты сказал, Барич, мой добрый друг, – солидно поддержал Нахлеш, – молодец, а то в Мазибе и в самом деле мужчины скоро повяжут платки, а бабы наденут штаны. Все, едем к Адшесу!

– Вдруг она станет противиться, кричать? – продолжал сомневаться Хакара.

– Ничего, – уверил Нахлеш, – успокоим, на то нас боги создали мужчинами.

– А княгиня Рампэс? Что она скажет?

– Да замолчи ты, Хакара! – рассердился Нахлеш. – Найдем и на нее управу, хватит ей самовольничать! Заодно и Шупаша поганой метлой выметем из Касогии.

– Тоже нашлась – княгиня... – пробубнил Шаниб.

– Мы не хотим знать никаких князей, – с вызовом сказал Барич, – вам тоже пора с ними разделаться.

– Верно! – поднял руку Нахлеш. – Пора разделаться с самозванцами! Хочу перед вами покаяться: я виноват в том, что они сели на нашу шею. Помните, на Курайской поляне у нас с Рэдэдом было единоборство. Я тогда подумал: поставим впереди себя наследного сына великого князя Лаурстэна, научим его уму-разуму, из него выйдет настоящий, достойный предводитель Касогии, потому и поддался – Хакара и Шаниб свидетели этому. А что произошло на наше несчастье? Поехал молодой, неопытный князек на охоту – и стал добычей зверя. Это уже всем известно, однако почтенный Колэс не поверил, поехал с Темрюком искать Рэдэда, а на место князя правителем Касогии поставил парнишку-чужака, несчастного Шупаша, потом же, как вы знаете, всю власть захватила женщина.

– Правда твоя, Нахлеш, пора кончать нам с этим! – признал Хакара.

– Ты-то чего молчишь, Чечан? – обратился к нему довольный поддержкой Нахлеш. – Конечно, у тебя сейчас другие заботы, но не беспокойся, положишься на нас – привезем мы тебе Айнар, а в постельке, думаю, ты с нею и без нас справишься! – заулыбался он. – Ну что, по коням?

– Спасибо, вы мои настоящие друзья, – сказал Чечан и почему-то почувствовал холодок под сердцем, ему увиделись глаза его деда Колэса – очень строгие, даже грозные. И эти люди, которых он назвал своими друзьями, как-то странно смотрят на него и улыбаются странно, будто морщатся. Почему?! Может быть, они знают, что Айнар любила... все еще любит Рэдэда? «Ну и пусть! – вспыхнул он. – Сегодня Айнар станет моей женой, а любит меня или нет, неважно, как говорят старики, стерпится – слюбится».

В полдень у ворот Чечана собрался чуть ли не весь Мазиб – пешие и конные, женщины и мужчины, старики и ребятишки. Такой галдеж стоял, что, как сказал бы старый Гучипс, было небу жарко. Чечан с Нахлешем и его

помощниками, как и было задумано, умыкнули Айнар, чем расстроили свадьбу Адшеса.

– Вы оскорбили нас, и мы должны ответить на оскорбление, – заявил старший со стороны Адшеса.

– Ты, кажется, стращаешь нас, уважаемый? – с откровенной насмешкой ответил ему хакучинец.

– Не кричи так, Барич, мы не глухие, – одернул его Татух, – никто вас не пугает, просто надо уважать наши обычаи. Те, кого вы оскорбили, хотят поправить дело и разойтись с миром.

– Что за умник тут объявился, какие байки он рассказывает! – с издевкой ответил рыжий Нахлеш. – Это ты здесь мудрствуешь, Татух? Вроде бы мы тебя не спрашивали, когда седлали коней. Не забывай, ты находишься у ворот нашего почтенного Колэса, и не с твоим носом соваться в дела его внука и невестки. Можешь зайти и поздравить их, но не больше!

Машук, сидевший на коне поодаль, подъехал ближе к воротам:

– Нахлеш, не трепли имя почтенного Колэса, скажи лучше, где Чечан?

– Княгиня идет, княгиня! – послышалось в толпе.

Она шла в черной шали, укрывавшей ее с головы до ног. Шла неторопливо, с достоинством. Перед нею расступались, пропуская на середину круга. Все всадники, кроме Нахлеша, Хакары, Шаниба и Барича почтительно спешились.

– Нахлеш, ты чего пнем застыл в седле? – прикрикнул старый Татух. – Или ты не адыг, в лесу родился и гнилым пням молился?

Рассердился Нахлеш, даже позеленел от злости:

– А тебе какое собачье дело до меня, старый башмак! Можешь перед нею хоть на колени встать!

Засмеялся, захихикал Барич:

– Они в рот ей заглядывают, будто он золотой.

– Что здесь произошло, люди хорошие, почему собрались у ворот моего внука? – Увлеченные перебранкой, люди не заметили, как подъехал Колэс, возвратившийся из Феодосии. Он сидел на коне с перевязанной ногой, Темрюк поспешил к нему, помогая спешиться.

А три дня спустя к княжескому дому начала съезжаться почти вся Касогия. Всем не терпелось увидеть великого

князя Рэдэда, вырвавшегося из неволи, поздравить его с возвращением на родину.

Тем временем Чечан, Нахлеш, Хакара и Шаниб с немногочисленными спутниками бежали глухими горными тропами в Хакучинское ущелье.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Прошла неделя, за нею другая, месяц, прежде чем схлынула череда гостей, приехавших из самых дальних селений порадоваться с князем Рэдэдом его возвращению домой.

Наконец он смог заняться домашними делами.

– Ты когда, мать, забрала к себе Айнар? – спросил он.

– С того самого дня, как нас разлучили с тобой.

– Ты, наверное, ее пожалела?

– Не только пожалела, – нахмурившись, отвела взгляд Рампэс.

Насторожился Рэдэд, помолчав немного, раздумчиво заговорил:

– И Анисат почему-то не приходит. Спросил у Айнар, но она лишь пожала плечами. Что случилось, мать, почему ты молчишь? Я хочу знать, что же произошло, я должен это знать.

– Не надо, сын, постарайся не расспрашивать Айнар, да и меня не тревожь. В наш дом пришла такая радость... Не хотела бы ее омрачать.

– Прости меня, но я должен знать.

– Согласна, что должен, но в таком случае спроси лучше у Машука, вам, мужчинам, легче договориться, друг друга понять, а я... могу тебе лишь сказать, что Анисат понесла от Чечана, оказавшегося недостойным человеком... Он и Айнар похитил, к счастью, нам удалось ее отстоять, не позволив ему надсмеяться над девушкой.

– А Колэс знает?

– В постель даже слег, говорят, ему совсем плохо. Нелегко ему пережить такое на старости лет.

– Что же делается, мать, у меня белый свет перед глазами меркнет. Я должен что-то предпринять, должен! – Он поднялся и пошел к двери, тяжело ступая, будто на его плечах непосильная ноша.

– Подожди, сын мой, – не то попросила, не то приказала княгиня. – Посиди со мной... Ты вернулся домой из неволи, мне очень жаль, что омрачена такая радость. Не торопись перебивать меня, потерпи. Я подарила тебе жизнь, и каждая твоя забота, каждая твоя боль отзывается в моем сердце. Совсем не требую от тебя благодарности, нет. Самое главное для меня – твой покой, твоя радость, поэтому и тревожусь. Очень хочу, прошу тебя – будь со мной таким же откровенным, как перед самим собой, но ты... ничего не сказав, собрался уходить. Твой покойный отец высоко ценил в человеке сдержанность, вдумчивость и особенно – искренность. Каждое свое слово он не произносил не обдумав, не взвесив, оно звучало как итог размышлений, как знак уважения к тому, кто его слушал.

– Спасибо, мать, я все понял.

– Ты уже целый месяц дома, а душевного разговора между нами пока не было. Душевного, сокровенного. Лишь вскользь перемолвились об Айнар и Анисат. Может быть, как и некоторые, ты осуждаешь меня, что взяла я в наш дом Айнар?

– Прежде всего я – не другие, а сын твой, – сдерживаясь, сказал Рэдэд. Понятно, ему нелегко было говорить на эту тему, и он не знал, как поступить.

– Кажется, ты не доверяешь мне своей душевной боли, нет, не княгине, а матери.

– Не обижайся, пожалуйста. Когда сердце сильно болит, его трудно сдержать. Айнар – это мечта всей моей жизни, и видишь, во что эта мечта превратилась. Еще большее оттого, что разрушил ее, испоганил тот, кто с раннего детства был моим лучшим другом, а теперь, выходит, стал одним из первых врагов. О боже, научи, помоги мне...

Скорбная тишина повисла в комнате, казалось, может случиться непоправимое.

– Не надо так о Чечане, сын мой, – сказала княгиня дрогнувшим голосом.

– Я не понимаю тебя, мать, – удивленно вскинул брови Рэдэд.

Она будто и не слышала его, продолжала свою мысль, глядя в окно, словно пыталась там что-то рассмотреть:

– Конечно, любовь способна поссорить даже самых близких, сколько она, случалось, делала бед, даже проливала кровь...

– Разве не ясно – Чечан предал меня, переметнувшись к рыжему Нахлешу, он предал Касогию, став на сторону хакучинцев.

– Ты, кажется, не совсем понял меня, сын мой. Похоже, еще не настало твое время...

Он собрался возразить, но княгиня предостерегающе подняла руку:

– Возможно, Чечан не знал, что произошло с тобою?

– Знал!

– И все же не торопись против него обнажать меч. Да и против Нахлеша.

– Ты хочешь, чтобы я запустил куском сыра в того, кто бросил в меня камень?

– Я лишь хотела напомнить – меч вынуть легко, а вот вернуть в ножны – не просто.

В комнате опять повисла тишина, на этот раз в ней было больше тревоги, чем скорби.

«Должно быть, мать в чем-то права. Если я обнажу меч против Чечана, тогда как быть с Колэсом? Все-таки сначала надо бы повстречаться с самим Чечаном, а уже потом поговорить, посоветоваться с Колэсом».

«Что это я привязалась к бедному мальчику, – подумала Рампэс. – Он такое перенес, такое выстрадал, а я даже не приголубила его по-матерински, ведь он навсегда для меня останется мальчиком».

– Успокойся, сын мой, не надо терзаться, ведь впереди у нас с тобою так много важных дел.

– Об этом и я сейчас думаю. Надо собрать Всекасожское хасэ и там обстоятельно поговорить о наших делах, – примирительно сказал Рэдэд, направляясь к двери.

«Вон как! – обиделась княгиня. – Он даже посоветоваться со мной не хочет, будто меня и вовсе нет, будто этот год был для меня в Касогии годом праздников». Эту обиду она вложила в свой вопрос:

– Какие еще там дела, о которых ты ничего мне не сказал?

Спохватился Рэдэд:

– Извини, мать. Я подумал – за этот нелегкий год все касожские дела тебя очень утомили, вот и решил...

– Значит, решил, а я уже – лишняя? – великая княгиня решительно поднялась, вскинула голову. – Чего же ты стоишь?! Иди!

– Прости меня, прости, пожалуйста. У меня просто голова раскалывается...

– Успокойся, сын мой, и не сердись на меня. Пусть хранят тебя боги в твоём нелегком деле.

В коридоре Рэдэд столкнулся с Айнар:

– Добрый день, Рэдэд, – торопливо проговорила она и, опустив глаза, прошмыгнула мимо.

Зайдя в свою комнату, Рэдэд сел на тяжелый дубовый стул с высокой спинкой, но тут же встал – не сиделось после разговора с матерью, после странной встречи с Айнар. Поднялся и стал нервно прохаживаться, потом остановился у окна, развел руки: «Что это я волочу ноги, будто все еще ношу тяжелые кандалы? Впрочем, на них и в самом деле кандалы, только другие, невидимые, но такие же тяжелые. Может, не ноги, а душа в кандалах... Да-да, эта история с Айнар, это предательство Чечана. Как снять такие кандалы, где, у кого ключ от их замков? – спросил и сам же ответил, продолжая глядеть в окно: – У времени, у этих гор, снежных вершин, у тех вон ребяташек, гоняющих юлу по снегу, у старика, бредущего куда-то с клюкой, у петуха, возвещающего на весь Мазиб еще не разгаданную жизненную истину и, конечно, у богов...»

Скрипнула дверь, и появился Тураб, словно он услышал размышления Рэдэда о богах.

– Добро пожаловать, рад тебя видеть, Тураб! Ты что так вырядился: и полушубок роскошный, и шапка из куницы, и меч, и кинжал, и пояс – в поход что ли собрался?

– Конечно. В поход к великому князю Касогии, милостию богов возвратившемуся домой, – неторопливо и важно произнес Тураб. – По воле богов пришел повидаться с тобой. Насчет одежды ты тоже прав – все на мне дорогое, сделано лучшими мастерами. А как же! Боги сказали – я во всем должен быть достоин их величия и чести. Это по воле бога воинов я вооружился мечом и кинжалом. – Не

дожидаясь приглашения, Тураб сел, откинулся горбом на спинку стула, положил руки на эфес меча. – Мне свыше ниспослано повеление поздравить тебя с возвращением на родную землю, велено передать тебе, что ты, повидавший жизнь в чужестранных землях и обогативший свою мудрость, сумеешь возвеличить Касогию своим управлением.

Глядя на Тураба, Рэдэд испытывал двойственное чувство. С одной стороны, ему было приятно слышать, что он пришел по воле богов, по их повелению говорил добрые слова о нем самом и о его Касогии, высказывал так нужные ему пожелания. С другой же, смешно было видеть напыщенного горбуна в дорогих одеждах, с мечом и кинжалом, при наборном поясе, с отделкой черненым серебром. Казалось, что меч был больше и значительнее самого Тураба. Рэдэд хмурил брови, согласно кивал головой, стараясь скрыть усмешку. Наконец не выдержал и прервал не в меру разговорившегося гостя.

– Благодарю тебя и в лице твоём богов за их добрые пожелания, за заботу о нашей Касогии. Я доволен, что ты в минувший тяжелый год не забывал поминать меня в своих молитвах, хранил верность нашей с тобой дружбе, верность Касогии.

– Спасибо, князь, – зарделся от похвалы Тураб, раздвинул плечи, пристукнул по полу мечом. – Ты сказал мне достойные слова, обрадовал меня и обнадежил. – Мы вместе, рука об руку, по воле богов будем заботиться о счастье и величии Касогии. Мы с тобой поставлены богами, нам ниспослана их великая воля...

– Тураб... Досточтимый Тураб! Давай опустимся на нашу грешную землю, а то боги могут обидеться, что мы с тобою уже вознеслись чуть ли не до небес, они любят тех, кто больше работает и меньше говорит красивых слов...

– Да-да, князь, пусть твой каждый день будет равен ста дням! Ты все правильно сказал, только не перебивай меня, ведь моя речь внушена мне богами... Ты – сын великого князя Лаурстэна, а я – бедняги отца, убитого злополучным Хакарой. Вон какое расстояние между тобой и мной, но кроме земной силы еще есть сила божественная. У каждого человека имеется душа, которую никто из смертных никогда не видел и не может видеть. Этой душою смертный человек – бессмертен. Когда кто-то умирает,

боги забирают его душу на небо и там оценивают этого человека по другим, неземным законам. Оценят они и нас с тобою по тому, что мы сделаем на земле.

– Все ты правильно говоришь о бессмертной душе, но пока мы живем на земле, будем думать и заботиться о земном. Ты считаешь себя посланцем богов – пожалуйста, это дело лично твое, а я – просто князь, смертный, как и все люди, и больше не говори мне – ниспослан, посланец...

– Будет так, князь, как ты велишь, жаль только, что ты не совсем понял меня. Ну что ж, как говорят мудрые люди, у каждого свое дело под небом. Тебе – твое, а мне – мое. Ты знаешь: многое из того, что я предсказывал, сбылось, многим людям я помогаю словом от имени богов. Сейчас ко мне приходят за помощью люди не только из всей Касогии, но и из Меотии, Зихии.

«Мне думалось, он в Греции поднабрался уму-разуму. Выходит, ошибся. Хоть и великий он князь, а духом не воспарился к небесам».

– Мне интересно, великий князь, услышать о той стране, где ты был в неволе, о том, какая там вера.

– Греки народ добрый, мягкий характером, улыбчивый, хотя, конечно, и среди них есть негодяи, как и по всей земле, независимо, каким богам поклоняются. В давние времена греки, как и мы, поклонялись многим богам, а теперь молятся единому. Ты, наверно, встречался с греческим шогеном¹ Думитрием, который приезжал к почтенному Колэсу...

– Не хочу ничего и слышать о нем, не надо! – вскинулся Тураб. Глаза его загорелись, вздулись тонкие ноздри, он угрожающе постучал мечом о пол и, отдышавшись, продолжил: – Конечно, каждый народ имеет право поклоняться своим богам, по старинному обычаю адыгов они могут быть нашими гостями, и мы будем их приветствовать, но если они станут своими верованиями затуманивать головы доверчивым, добрым касогам, – ненавистью и угрозой сверкнули зеленоватые глаза Тураба, – то мы будем попросту выпроваживать их с нашей земли!

«Ох, какая страшная гроза!» – усмехнулся Рэдэд.

¹ Ш о г е н ы – греческие миссионеры, пропагандировавшие в Черкесии христианство. Впоследствии многие из них остались здесь, ассимилировались, стали адыгами и носят фамилию Шовгеновы, Шогеновы.

– Ты – великий князь, ты доверил мне держать связь нашего всекасожского народа с богами. Пока тебя не было, я исправно это делал, теперь же буду держать связь только между тобой и богами. Наш главный бог Солнца повелел мне следить за порядком в нашем княжестве и оповещать его, чтобы потом мы могли выполнять святую волю...

«Он не говорит, – подумал Рэдэд, – а просто трещит, как неугомонная сойка в лесу, что-то плетет о богах, о вере...»

...Как-то на Рождество Христово Панатиди велел Костасу и двум охранникам повести невольника в церковь. Рэдэд смотрел на иконы, на множество горящих свечей и лампад, смотрел на высокий голубой купол над головой, где были изображены ангелы, и ему показалось, будто не в церкви, не в доме он находился, а в каком-то другом мире, напоминающем вышину неба. К нему подошел человек с белой, чуть не до пояса бородой и в черном длиннополом одеянии с черной шапочкой на голове и сообщил ему, что железные кандалы на его ногах не страшны, от них он скоро избавится, а главные кандалы – в его бессмертной душе, от которых можно избавиться только молясь Богу Отцу и Сыну, и Святому Духу. «Как это, – удивился Рэдэд, – у вас же один Бог, а ты говоришь – Отец и Сын, и Святой Дух. Получается – три бога». «Нет, – ответил грек, – один Бог в трех лицах». Он стал объяснять, как это – один в трех лицах, но Рэдэд уже не слушал его, решив, что у греков, оказывается, три бога и находятся они вон в той вышине, на небе, ниспосылая людям свои лица, а огоньки свечей, лампад – это небесные звезды...

А Тураб все трещал и трещал. Рэдэд поднял руку:

– Еще раз благодарю тебя, Тураб, что просишь у богов доброты к нашему народу, их милости, но иногда мне кажется, что ты уже сам хочешь превратиться в бога, значит, стоять в вышине над всей Касогией, над великим князем. Это большой грех, Тураб, потому что власть – от бога, только одному богу и подвластен правитель, лучше выбрось из головы греховные мысли, иначе плохо тебе будет от самих же богов.

Тураб заерзал на стуле, будто сидел на горячих углях. Горячими углями светились его глаза:

– Да, великий князь, ты правитель Касогии, но вот целый год тебя не было, и если бы не боги, не знаю, что с

нами было бы, когда тут распоясался рыжий Нахлеш со своими дружками...

Тураб опять говорил и говорил, то оправдываясь, то предостерегая, то просто витийствуя, но Рэдэд уже не слушал его, размышляя о своем: «Всего лишь год прошел, а как изменился этот говорун! Полушубок из дорогого меха и так пошит, что и горба почти не видно. Где он только разыскал такого искусного мастера? Разнаряженный, при дорогом оружии, выглядит значительнее князя. А смотрит, смотрит как! Дом такой отстраивает, что княжеский рядом с ним выглядит жалким. Скотины и птицы полный двор, за которой ухаживают работники. В доме прислугу завел. Собирается жениться! Вот тебе и горбун. А чем взял? Моей бедой! Правду говорят: кому беда – горе, а кому – благодать...»

Вошел Шупаш. Увидев Тураба, нахмурился и резко остановился у двери.

– Ты чего, младший брат? Проходи.

– Да нет, у вас, похоже, важный разговор, не стану мешать, – сказал Шупаш и тут же вышел.

Рэдэд вопрошающе глянул на Тураба.

– В этот тяжкий для всех нас год, когда ты был в неволе, князь, твой младший брат вел себя... можно сказать, достойно, но я на него в обиде.

– Вон как! – удивился Рэдэд. – Чем же мой брат тебя обидел?

– Помнишь, когда ты назначал Агбана своим главным стражником? Я не советовал тебе делать этого, вот он и невзлюбил меня, а почему возненавидел Шупаш, не могу понять. Да так возненавидел, что хоть из Касогии убегай. Спасибо, добрая и мудрая великая княгиня Рампэс заступилась.

– На Всекасожском хасэ, помнится, ты назвал Агбана чужаком, возможно, что-нибудь подобное сказал и о Шупаше?

– Избави бог! – не моргнув глазом, соврал Тураб. – Когда стали думать, кого назначить правителем Касогии в твоё отсутствие, я первым посоветовал почтенному Колэсу поставить Шупаша, хотя Чечан с рыжим Нахлешем были против...

«Ну, горбатый наглец! Я хорошо помню, как ты говорил мне о Шупаше, что он чужак. Надо было еще тогда

поставить тебя на место, а я скрыл от людей, как умолчал и о твоём хамстве по отношению к Айнар. Сам виноват. Ну а теперь, как говорят, упустив гриву коня, бесполезно хвататься за хвост. Однако что-то надо, обязательно надо мне предпринять».

– Если ты, великий князь, поставишь меня рядом с собой, тогда Шупаш и Агбан ничего не будут значить для меня. Понимаю, положение у тебя сложное, хорошо знаю, что тебя тревожит. Но я не по своей воле пришел по этому делу, боги послали меня к тебе.

– По какому еще делу, Тураб, объясни! – сдерживая раздражение, проговорил Рэдэд.

– По тому самому, которое волнует тебя, но ты почему-то не хочешь мне сказать.

– У меня не меньше сейчас забот, чем волос в твоей бороде, и вообще, перестань, Тураб, говорить загадками, скажи прямо, чего ты хочешь и при чем тут боги?

Тураб, напыжившись, выпалил:

– Боги осуждают, что вы живете с Айнар под одной крышей! Это большой грех, князь!

– Ах, вот ты о чем. Что ж, я благодарен богам, что они заботятся об Айнар. Я тоже ношу эту тревогу в своем сердце.

– Зачем носить, князь?! – обрадованно воскликнул Тураб. – В Касогии столько прекрасных девушек, любая сочтет за честь быть твоей женой, великой княгиней!

– Тураб, дружище, зачем же ты хочешь сделать из меня предателя?

– Как? Что ты говоришь, князь?!

– Не прикидывайся дурачком, Тураб, – едва сдерживаясь, промолвил Рэдэд. – Или тебе не терпится прослыть подлецом?

Тураб втянул угловатую голову с трясущейся бородой в узкие плечи, виновато и в то же время мстительно сощурился:

– Не о тебе, а о народном обычае я подумал. Что скажут люди о великом князе, который женился на чужой жене, ведь Чечан умыкал Айнар, значит, она... Хотя поступи пай, как знаешь. Старый Гучипс как-то говорил: не бери в невесты девушку, у которой нет женихов. Как знаешь, князь, как знаешь...

Улыбнулся Рэдэд и, помолчав, заметил:

– Иногда я не могу понять, Тураб, чей ты посланец. Не кажется ли тебе, что ты лукавишь не только передо мной, но и перед самим собой и даже перед богами?

Ухмыльнулся Тураб, стрельнул кошачье-зеленоватыми глазками:

– Не знаю, не смею запретить думать великому князю Касогии, пусть думает, что хочет... Мне кажется, на нас надвигается новая беда. Ты когда, великий князь, виделся с Коданом?

– В тот день, когда вернулся в Мазиб. Мы с ним ходили проведать больного Колэса.

– Ну, это было давно, а в последние дни его видел?

– Слушай, Тураб, перестань загадки загадывать: говори прямо, что там стряслось?

– Боюсь, ты не поверишь...

– Тураб! – вконец рассердился Рэдэд. – Не забывай, перед кем сидишь!

– Да, великий князь, да... Недавно люди видели рыжего Нахлеша, Чечана и Кодана...

– Этого не может быть! – вспыхнул Рэдэд, но тут же сдержавшись, спокойно спросил: – От кого ты слыхал об этом?

– Ну-у, – промямлил Тураб, – ко мне по божьим делам многие приходят. За помощью, ну и новости приносят, – продолжал мямлить Тураб, не спуская глаз с Рэдэда. – У тебя предводитель войска Машук, главный стражник Агбан... Они первыми должны тебе сообщить, а если до сих пор не знают – зачем тогда хлеб твой едят...

Рэдэд порывисто встал, угрожающе выпрямился. Пригнув голову, словно спрятав ее за горбом, Тураб спешно зашагал к двери.

II

Удар камня о камень высекает искру огня, тревога и неведение зарождают в сердце искру беспокойства, которая не дает человеку покоя. Особенно бессонными ночами, когда оживают в кромешной темноте пугающие призраки, а мысли сплетаются в узел, который невозможно распутать. Мало помогает и утренний свет, а заря чем ярче она разгорается, тем больше тревожит душу.

И домашние, и гости все чаще замечали, что князь, разговаривая с ними в комнате, вроде бы слышит и в то же время не слышит их, словно находится где-то далеко.

Да и сам Рэдэд понимал, что с ним происходит что-то непонятное, он будто не чувствовал под ногами твердой земли, а иногда казался самому себе всего лишь тенью того человека, который назывался великим князем Касогии.

Рыжего Нахлеша Рэдэд знал много лет. Он врачевал людей, за что они были ему благодарны, отличался невыдержанным характером. К Рэдэду относился недружелюбно, теперь же стал его заклятым врагом. С Коданом познакомился через Нахлеша, когда тот вернулся в Мыстхако из неволи. На Курайском поле во время схватки Кодан был доверенным Нахлеша. Потом они разошлись с ним, но почему? Трудно объяснить, почему Кодан спустя время перешел на сторону Рэдэда и почему ему доверился мудрый Колэс, взяв с собою на поиски князя? Не понять! Еще сложнее объяснить поведение его друга Чечана. Рэдэду казалось, что он родился с ним в одну и ту же минуту, возростал в одной люльке, бегал по одной тропинке, мальчишеское озорство у них всегда было одно на двоих, а теперь?!

«Неужели Кодан – человек Нахлеша, неужели он как глупенького мальчишку обвел меня вокруг пальца? Подожди-подожди, князь, не дай обмануть себя, ведь о Кодане ты знаешь только из чужих слов, а слова бывают разные, по-разному их разносят люди. Не торопись сказать последнее, решающее слово, не пускай его по ветру... Наверное, Тураб прав, многое у нас случается такое, что известно одним богам».

Прошелся Рэдэд по комнате, снова остановился у окна.

Над горной грядой во всю ее длину повисло тяжелым валом облако со зловещей синева-белой оторочкой внизу, значит, жди злого ветра, жди непогоду. Рэдэду подумалось, что и в нем самом, в его сердце зародилось что-то тревожно-угрожающее.

«Может быть, боги наказывают меня за то, что я без должного уважения отношусь к их посланцу Турабу, посмеиваюсь над ним, часто не верю ему? А ведь это он предостерегал меня от Нахлеша и от Хакары, говорил, чтобы я не ездил на охоту один, не посылал своих гонцов

к хакучинцам. Теперь вот и с Коданом он оказался прав. Уже ходят разговоры по Мазибу, что Кодан переметнулся к рыжему Нахлешу. Ох, уж эти разговоры, эти сплетни!»

Рэдэд позвал Агбана:

– Где Машук? Или он забыл, что мы готовимся ко Всекасожскому хасэ, куда он запропастился?

– До обеда был здесь, ждал, когда ты позовешь его.

– Позовешь, позовешь, разве предводитель войска обязательно должен ждать, когда его позовут, ведь дел у всех нас по горло, – продолжал сердиться Рэдэд.

– Ты прав, князь, но... С Анисат опять беда, вот и позвали Машука. Все из-за Чечана... Она не хочет жить, несколько раз пыталась наложить на себя руки.

– Бедная Анисат, как мне ее жалко, но чем помочь ей, чем? – опечалился Рэдэд, забыв о своих невзгодах. – Я был у нее на днях, мне показалось, что она примирилась со своей судьбой. Надо, чтобы наши божьи люди пришли к ней, позаботились, чтобы помолился о ней Тураб.

– Тураб, говоришь, князь? – переспросил Агбан. – Анисат его имени слышать не может. Похоже, горбун приложил свою поганую руку к ее судьбе.

«Ох, этот горбун!» – с ненавистью подумал Рэдэд, вспомнив, как Тураб приставал к Айнар.

– Позвать к тебе Машука, князь? – спросил Агбан.

«Интересно, что было бы, если б мир был устроен по нашему желанию», – вспомнил Рэдэд слова Колэса, потом сказал:

– Ладно, не будем беспокоить Машука, раз у него такая беда в семье... Надо нам поторапливаться, скорее провести хасэ. Уже есть ответы от тех, кого мы приглашаем?

– Да, все придут в назначенный срок... кроме одного.

– Кого же?

– Кодана.

– Почему же он не приедет? – Рэдэд сделал вид, будто ничего не знает о Кодане.

– Его нет в Мыстхако...

– Где же он? Разве есть дела важнее, чем Всекасожское хасэ?

– Не знаю. И его домашние ничего не знают, или не хотят сказать. А вот люди разное говорят...

– Ты от кого узнал? Сам разговаривал с ним?

– Разговаривал со всеми, но...

– Вот тебе и но! – раздражаясь, проговорил Рэдэд. Помолчал, выжидая, пока угаснет горячая волна обиды, чтобы не выказать ее перед Агбаном, потом спокойно, может быть, даже излишне спокойно продолжил: – Похоже, я бываю слишком доверчивым, быстро успокаиваюсь, а мудрый Колэс не раз говорил: если ты не поддерживаешь огонь в очаге твоего сердца, он потухает, и тогда не заметишь, как плетутся вокруг тебя сети лжи, а то и предательства. Вот и я, получилось, успокоился, просмотрел, как снюхались Нахлеш и Кодан.

– Возможно, это только слухи, – заметив волнение князя, сказал Агбан. – Болтают разное, но толком ничего не узнаешь...

– Конечно, – перебил его Рэдэд, – вокруг всякие разговоры, а я, кого касаются они прежде всего, почему-то ничего не слышу. Может быть, просто оглох?

– Мы думали, князь, не стоит тебя беспокоить попустому.

– По-пустому?! – повысил голос Рэдэд и тут же одернул себя, откинувшись на спинку стула. – Князь Лаурстэн говорил мне: предводитель должен уметь видеть даже самое маленькое добро, сделанное ему, и обязательно благодарить за него своей волей, своим вниманием. Точно так же он должен видеть даже самое маленькое зло, недостойный поступок. И обязательно наказывать за них. Не из мести или самолюбия, а во имя справедливости, во имя порядка в нашей большой семье. Но чтобы поступить справедливо, предводитель обязан знать все, даже то, что ты называешь пустым.

– Да, великий князь, ты совершенно прав, впредь все так и будет.

– Теперь послушай меня внимательно... Возьми надежных спутников и отправляйся за Коданом.

– Да, великий князь, сейчас же отправлюсь.

– Подожди, не суетись... Когда найдете его, ни слова о судах-пересудах, разговаривайте, как полагается разговаривать с участником Всекасожского хасэ. Ты понял, почему надо так сделать?

– Можешь не беспокоиться, все будет исполнено, как велишь! – выпрямился, раздвинув плечи, Агбан и стремительно вышел.

Тут же появился Шупаш, видимо, ожидавший, когда Рэдэд останется один.

– Добрый день, старший брат!

– Добрый, добрый, но побыстрее догони Агбана, пусть вернется!

– Слушаю, великий князь, – встревоженно проговорил Агбан, – что-нибудь случилось?

– Я забыл сказать: не следует посылать на розыски Кодана к хакучинцам.

– У меня и в мыслях такого не было, великий князь, не беспокойся, сделаю так, как ты повелел.

– Все. Отправляйся... Добрый день, младший брат! – поприветствовал Рэдэд Шупаша, – как живется, все ли хорошо?

– Слава богам, все нормально. Погода славная, я уже по зимним тропам в лесу побывал. До чего же там хорошо. Первые дни зимы, первый снег, морозец бодрит приятно...

– Ты один ходил в лес?

– Нет, нас было пятнадцать всадников, четверо саней.

– Что-то не пойму, – улыбнулся великий князь, – что делали там пятнадцать всадников – для войска вроде мало, а рубить дрова – много.

– Напрасно смеешься, князь, вдовам Мазиба привезли по возу дров, – не без гордости сообщил Шупаш.

– О-о, молодцы, настоящие молодцы, – восхитился Рэдэд. – Спасибо тебе, всем вам мое княжеское спасибо!

– А Дахапса почему-то рассердилась, сказала, никаких дров ей не надо.

Рэдэд рассмеялся:

– Тут вы, конечно, попали впросак, брат, обидели женщину.

– Чем?! – удивился Шупаш.

– Тем, что посчитали ее вдовой, а она ведь замуж собирается, значит, невеста.

– А еще этот горбун Тураб...

– Да оставьте вы в покое Тураба! – вспыхнул Рэдэд.

– Мы бы его не трогали, но он сам...

– Я же сказал, Шупаш, хватит, не к лицу тебе все это, а главное, если будешь копить обиды, точить нож ненависти, то не сможешь жить, как подобает всякому порядочному человеку, тем более если он княжеского достоинства. Это позор, грех перед богами, создавшими нас для

добра и радости. Творя злое мы оскорбляем их, оскорбляем саму жизнь. Ну это я, как говорится, высоко взлетел, теперь опустимся на нашу прекрасную и грешную из-за нас самих землю... Не Турабу ты делаешь вред, а мне и Айнар... Не торопись осуждать Чечана и таких, как он, будь сдержаннее, а значит, достойным и самого себя, и того места, которое занимаешь. Помни, что одно слово, произнесенное в княжеском доме, весомее ста слов любого другого человека. Нанесенная тобой пощечина может оказаться сильнее удара меча. И еще скажу: судьба каждого человека определяется богами, тем более такого, как Тураб. Если я обидел тебя, младший брат, прости меня. Хочу, чтобы ты понял: поучаю тебя для твоего же блага. Однако хватит об этом, поговорим о делах житейских. Как там у наших женщин, ты чаще меня с ними встречаешься.

– Не скучают наши женщины, они заняты делом: мать прядет шерсть, Айнар вяжет носки – для Колэса и Анисат.

– Это хорошо, не забывают своих друзей, но и нам не помешали бы теплые носочки, хорошие варежки, нынешняя зима, говорят, будет лютой. Но послушай, брат, мне думается, мы с тобой кое о чем важном забываем.

– О чем же? – насторожился Шупаш.

– Когда мы навещали нашего Колэса?

– Не очень давно, всего лишь позавчера.

– И все-таки надо сегодня проведать его. Скажи женщинам, пусть к вечеру приготовят лепешки да медового напитка.

Вечером, войдя в гостиную, Рэдэд с Шупашем увидели Колэса, бодро сидевшего в плетеном кресле, и очень обрадовались этому.

Все встали навстречу князю, поприветствовали его.

– С выздоровлением тебя, почтенный Колэс. Возблагодарим же наших богов за их доброту! – Рэдэд воздел руки.

Колэс не без труда тоже приподнялся навстречу желанным гостям. Бледное, заметно исхудавшее лицо озарила слабая улыбка.

– Да, Рэдэд, боги благоволят ко мне, немалую доброту оказывали мне и мои соседи, все мазибцы, а теперь вот и вы пожаловали. И я чувствую, как вместе с вами вошла ко мне ваша душевная сила.

С шумом открылась дверь, в ней показался сияющий Тураб:

– Вместе с княжеской добротой и силой да прибудет к тебе по воле богов и моя. – Он воздел руки, молитвенно закрыл глаза: – О великие, о всемилостивые боги, примите нашу благодарность за святую доброту вашу к почтенному Колэсу, ко всем нам, грешным.

– Спасибо, Тураб, – поблагодарил Колэс. – Милости прошу, присаживайтесь, друзья – моя сила, моя радость, теплота сердца моего. Садитесь, пожалуйста. И ты, Татух, займи свое место. Рэдэд, сядь ко мне поближе, а ты, Тураб, рядом с князем.

Тураб, потупив глаза, потоптался как бы в застенчивости, подвигал горбом:

– О досточтимый Колэс, заслуживаю ли я такой чести, чтобы сидеть рядом с великим князем всей Касогии? Нас, посланцев богов, должна украшать скромность, священное поклонение тому, кому всевышние вручили земную власть над всеми нами.

«Ну, понесло его, понесло!» – усмехнулся Рэдэд и сказал:

– Садись, садись, Тураб, коли сам почтенный Колэс приглашает.

Тураб поклонился Рэдэду и Колэсу и сел, расправив так плечи, что горб, показалось, стал меньше:

– Спасибо, князь, и тебе, мудрый тхамадэ, благодарю вас. Мне особенно приятно – и душа моя возвысилась, что вы с усердием почитаете наших богов. Думаю, достопочтенный Колэс, это боги своей святою волей вразумили и друзей твоих, и соседей помогать тебе, дарить болящему теплоту душ своих. Я каждодневно не забывал молиться о твоём здоровье...

Шупаш нервно ерзал на стуле, ему противен был Тураб со своей слащавостью. «Поистине, ядовита слащавость горбатого, – подумал он. – Почему же не видят этого Колэс и Рэдэд? А если видят, то почему терпят? Вон и парни у двери, слушая, ухмыляются. Ну погоди у меня! Придет время, от тебя в Мазибе только и останется, что один твой горб».

– Парни, чего вы стоите у дверей? – обратился Колэс к младшим. – Проходите и рассаживайтесь, места всем хватит.

– Спасибо, почтенный Колэс, но мы не хотим мешать твоей беседе с князем, – ответил старший из них. – Мы пришли просто тебя проведать...

– Это очень хорошо, что вы решили проведать нашего мудрейшего Колэса. Мое княжеское спасибо вам за это. Проходите, садитесь. Старшим полезно иногда выслушивать молодых.

– Да-да! – согласно закивал Колэс. – Князь прав, надо и нам, старикам, почаще разговаривать с вами, чтобы лучше видеть завтрашний день и знать, чем озабочены ваши горячие, добрые сердца.

– Верно ты сказал, Колэс, – поддержал Татух. – Еще добавил бы – хорошо старику опереться на плечо молодого, его глазами посмотреть на самого себя, на дело рук своих. Проходите, садитесь. Все вместе и послушаем нашего великого князя о чужестранных землях, которые он повидал, исходил своими ногами, отведдал на чужбине хлеба-соли, добра и зла испил. Хотя у всех людей слезы одинаково соленые, но горюет каждый по-своему, как и песни у каждого свои и сказки тоже.

– Да, Татух, у каждого народа все свое, ему родное, сложившееся веками.

На расписных деревянных подносах принесли горячие лепешки, медовую сыту в пиалах, расставили, разложили угощение перед гостями на невысоких трехногих столиках-анэ.

– Пожалуйста, угощайтесь, добрая еда – не помеха доброй беседе, – заговорил Рэдэд. – Ты прав, Татух, слезы у всех соленые, но горюет каждый по-своему, а вот зло у всех одинаково черное, добро – белое. Есть богатые и бедные, есть красивые своей добротой люди и подлые, как, скажем, рыжий Нахлеш, уже покойный Аспарух. И в Константинополе, и в Салониках, по всей Греции и Византии люди молятся Богу, но не как мы под высоким небом, а в больших, невиданно громадных и красивых домах, называются они церквями. В тех странах тоже умеют веселиться, но не так, как мы – на полянах и лужайках, веселятся тоже в громадных каменных домах. Над покойниками прежде чем предать их земле поют молитвы, потом на могилах ставят каменные, как они называют, надгробия, с крестами. Мы с вами ездим на лошадях верхом, на телегах возим разные грузы, а у них еще есть

коляски – легкие, красивые тележки, богатые же ездят в каретах – это, я бы сказал, маленькие домики на колесах, обитые кожей, дорогим деревом, отделанные медными узорами, запряженные двумя, а то и тремя лошадьми.

Конечно, рассказы о дальних странах и иных народах мазибцы слышали и раньше от Колэса и Темрюка, побывавших в чужедальних странах, но сейчас рассказывал сам великий князь.

– Речь у них тоже своя, непонятная нам, – продолжал Рэдэд.

– Как же ты с ними разговаривал? – спросил кто-то из молодых.

– Есть греки, знающие нашу речь, их называют переводчиками, ко мне и был приставлен такой человек.

– Он что, хорошо говорил по-нашему? – удивился Татух.

– Даже очень хорошо, – подтвердил Рэдэд.

Татух развел руки, восхищенно произнес:

– Значит, наш язык – достойный, если его знают в заморских краях!

– Там есть переводчики, которые знают по несколько чужеродных языков, ведь в Греции много невольников из разных стран. Да и не только поэтому. Все государства общаются, торгуют друг с другом, а как же общаться, не зная языков?

– О-о, счастливые люди! – не унимался Татух. – А мы тут, как жуки, копаемся в земле, не ведая, что творится вокруг.

– Э-э, Татух! – приосанившись, прервал старика Тураб. – Нечего им завидовать! Они божьих людей, как быков, невольниками держат, от Бога прячутся в каменные дома, будто в пещеры, а мы – вольные люди, наши боги защищают нас, помогают. Нечего нам о заморских безбожниках думать, лучше – о себе, о своей Касогии. Всем нам надо вокруг великого князя Рэдэда сплотиться, тогда и мы станем большой и сильной страной...

Рэдэд взглядом остановил Тураба:

– Каждый народ, как и мы, думает о себе, у каждого обычай своих предков, свои боги. Греки когда-то, как и мы, тоже поклонялись многим богам, а теперь – одному. Это их дело, они сами в ответе за свою судьбу. – Сказав это, Рэдэд подумал: «А вы, наши боги, превыше всех других».

Улыбнулся Колэс:

– Так, князь, истинно так. У каждого народа свои боги. Помните, приходили ко мне два заморских гостя – Думитрий и Ислам-Хаджи. Они поклоняются Богу, но Думитрий – Христу, а Ислам-Хаджи – Аллаху. Выходит, что каждый народ почитает своего Бога, как мы – великое Светило, значит все боги – великие.

– Не говори так, не надо об этом! – испуганно вскочил Тураб, воздев вдруг задрожавшие руки. – Наше счастье, если великое Светило и другие боги, услышав такое, простили нас. – Подняв глаза, он заговорил молитвенно, с придыханием: – О, великое наше Светило, о, все наши боги, простите нас, заблудших грешников, даруйте нам свою милость, свое благоволение.

Тихо стало в комнате.

Поднялся Рэдэд, встали Колэс и Татух, все поднялись и, воздев руки, стали молиться каждый про себя.

Рэдэд сердито покосился на Тураба: «Правильно Шупаш называет его пройдохой... Не я, великий князь, а он, видите ли, посланец богов, возомнил себя повелителем Касогии. Ну, подожди, я тебя так поприжму, что ты еще больше сгорбатишься. Всем известно, что княжеская власть – от богов. Власть, Тураб, власть!»

Помолились все, сели, а Тураб продолжал стоять. Окинув комнату многозначительным взглядом, поднял вверх указательный палец:

– Не надо, не будем обсуждать богов, – не то попросил, не то потребовал он, – лучше благоговейно подумаем о великом Светиле, которое утром взойдет, чтобы мы могли жить. – Опять многозначительно оглядел комнату, задерживаясь на каждом сидящем. – А если оно, обидевшись на нас, не взойдет? – прошептал он, стоя зловещей тенью.

Татух покашлял, подвигался на скрипучем стуле, как бы говоря: живой я еще, живой.

Рэдэд и Колэс, усмехнувшись, переглянулись.

Шупаш встал и, глядя в упор на Тураба, сказал:

– Да простят мне старшие мой поступок. Я спрашиваю у тебя, Тураб, почему ты всегда такой злой? Почему ты о великом нашем Светиле говоришь недостойные слова? Как может солнце не взойти, тем самым загубить все, что создало на радость не только нам, но и всему белому свету, всем богам? Ты говоришь такое, о чем и подумать нельзя.

– Это вам нельзя, а мне, посланцу богов...
– Люди добрые, что вы обижаете великую княгиню Рампэс, – прервал перепалку Колэс. – Она приготовила нам такие вкусные лепешки, а вы их и не отведали.

Все с радостью принялись за еду. Рэдэд, взяв лепешку, примирительно заговорил:

– Тураб, конечно, как и все мы, не сомневается, что солнце завтра утром обязательно взойдет, он просто хотел нам сказать: давайте верно служить нашим богам, если желаем быть счастливыми.

Негодовавший Тураб немного обмяк, с усмешкой взглянул на Шупаша: мол, понял, дурачок? Но Шупаш, аппетитно пережевывая лепешку, не видел этого взгляда.

III

Вот уже более месяца Хакучинское ущелье непроглядной пеленою укутывает туман. Поначалу хакучинцы не придавали этому особого значения, мол, туман в горах – явление обычное. Но прошла неделя, за нею – вторая, а туман все не рассеивался. Люди начали путать, когда наступил день и когда начинается вечер, поневоле зародилось сомнение, а потом и страх, вызывая в сознании тревожные мысли. Утомленные тусклым светом жировок, хакучинцы покидали мрачные жилища, выходили на улицу, но и здесь окружал их мрак, из-за плотного тумана невозможно было ничего разглядеть даже на расстоянии пяти шагов. Тревогу усиливало поведение домашних животных: испуганно блеяли овцы, мычали коровы, слышался беспокойный лай собак. Казалось, наступает конец света.

– Нахлеш! – окликнул своего гостя Барич. – Ты спишь?

Жалобно заскрипела под тяжестью лежавшего деревянная кровать:

– Я уже и забыл, что это такое, помнится, вроде бы хорошая штука – поспать, да как оно получается – не знаю. Голова пухнет от разных глупых мыслей, руки и ноги словно деревянные, уже болят от неподвижности. А как ты?

– То же самое – в голову заползают всякие мысли. И знаешь, о чем они?

– Скажешь – узнаю.

– Думаю, нас с тобою доконал этот нескончаемый туман. Подобного не помнят даже старики. Не кажется ли тебе, что кто-то напустил его на нас, какая-то нечистая сила?

– Может быть, ты и прав, Барич. Но кто бы мог послать на нас такое наказание и за что? Ты кого-нибудь подозреваешь?

Барич сел в постели, прислонился к стене:

– Живем в такое время, когда скверных людей развелось больше, чем волков в лесу. Плюнь просто так – обязательно в подлеца попадешь, и еще гляди, чтобы на тебя не плюнули, не унизили. Да-а, все в этом мире призрачно. И откуда взялась эта непогода, почему она донимает хакучинцев уже больше месяца, кто ее сотворил? Вот и думаю: чего доброго – еще и реки могут выйти из берегов, затопить всех нас, или горы обвалятся, погребут заживо. Нам с тобой такое не под силу, а вот богам ничего не стоит. Не пойму, чем мы разгневали их, почему они проявляют свою немилость... Ты слушаешь меня, Нахлеш?

– Конечно, Барич. Только не по душе мне твои слова.

– Буду рад, если переубедишь меня, развеешь мои тревоги.

– Я просто подумал: может быть, мы в тягость хакучинцам? Конечно, могли бы поехать, скажем, к зихам или меотам, даже к русичам, к дяде Рэдэда, Кансаву. Однако, зная вашу доброту, приехали к вам.

– Спасибо, Нахлеш, за добрые слова, за то, что доверились нам. Все хакучинцы рады видеть вас своими гостями. Что касается Кансава – это мы заставили его убраться отсюда восвояси.

– Да, конечно, однако скажи, Барич, кого ты подозреваешь, кто мог натравить богов на хакучинцев?

Барич тяжело поворочался в постели, поспел, затем утих.

– Слышишь меня, бысым¹? Или тебя уже здесь нет?

– А где же мне быть? – ответил наконец Барич. Помолчав, он заговорил: – Конечно, подозреваю, но не могу назвать... одним словом, я подозреваю злых духов. Они пришли к нам, прогнали добрых духов и теперь больше месяца издеваются над нами, а хакучинцы говорят...

– Что же они говорят?!

¹ Б ы с ы м – хозяин (по отношению к гостю).

– Говорят...
– Будь же мужчиной, не тяни из меня жилы!
– Зловредный туман, эта невыносимая слякоть начались, когда появились вы...
– Значит, – прохрипел рыжий Нахлеш, – это мы злые духи?!
– Не возмущайся так, не о тебе речь, совсем не о тебе.
– Тогда о ком же?
– В прошлом году мы приглашали в гости посланца богов Тураба, и он, предостерегая нас от злых духов, намекнул на Хакару. Хакучинцы теперь говорят – с него все и началось.

– Горбатый губошлеп уже и до вас добрался!
– Прошу тебя, Нахлеш, очень прошу – не говори дурно в моем доме о посланце богов, – взмолился Барич. – Тураб тогда прямо сказал: Хакара напустит на нас зловредный туман, смешает небо с землей. Как видишь, все так и случилось. Хакучинцы сказали... О тебе и Чечане дурного никто не посмеет сказать, а вот о Хакаре... И сказали – сегодня последний срок... Чего же мы сидим в темноте? – Барич зажег свечу, облегченно вздохнул, оттого что выговорился, снял с себя тяжелый груз.

Они сидели друг против друга и чего-то ждали, путаясь в своих мыслях. Хозяин дома продолжил:

Мы принимали Хакару, как почетного гостя, а он видишь кем оказался, теперь вот и приходится нам с тобой ломать голову. Хакучинцы уверены: если мы не примем нужных мер, все пропадем...

– Хватит тебе! – рассердился Нахлеш. – Не казни себя, а заодно и меня. Или мы не мужчины, не сумеем найти выход?

– А что его искать? – осмелел Барич. Выход один!

Нахлеш в своей нелегкой жизни смело ходил по земле, цепко сидел в седле, крепко держал поводья ретивого скакуна, кто становился поперек его пути – сбрасывал в пропасть, что ему нравилось брал, не задумываясь. Его не останавливали ни слезы, ни кровь, если кто-то мешал ему. Он никогда ни в чем не сомневался, но сегодня как бы натолкнулся на преграду, заставившую его остановиться в нерешимости. Немало славных гонок провел он вместе с Хакарой, сколько всяких дел творил с ним, теперь своим родственником, и вдруг... А может, предостережение

Тураба – только для вида? Машук присылал к хакучинцам Кодана уговаривать Чечана жениться на Анисат, снять с нее позор... Возможно, именно здесь кроется настоящая причина?

– Барич! Когда Кодан приезжал сюда, о чем вел разговор, с кем он встречался, не от него ли беда?

– Нет, Нахлеш, Кодан тут ни при чем, он приезжал к Чечану, ничего худого о хакучинцах не говорил.

«Хакара, Хакара, не однажды я выручал тебя из беды, а на этот раз мы оба с тобой попали в капкан. Я как-нибудь выкарабкаюсь, а тебе, похоже, не сносить головы. И знаешь, во многих своих бедах ты сам виноват. Помнишь, как я надеялся, что ты уложишь Рэдэда, сопляка тогдашнего, но ты сплоховал. Помнишь, мы решили ночью напасть на него и прикончить, а ты убежал. А теперь... что теперь, Хакара! Ничем помочь тебе не смогу, видят боги...»

– Чего же ты молчишь, Нахлеш? Может, и на тебя действует злой дух Хакары?

Нахлеш встал, выпрямился и, свысока поглядывая на Барича, сказал:

– Надо мной властны только боги, Барич, разные Хакары тут ни при чем. Я просто думаю, а вдруг мы накажем невинного человека, ведь это большой грех!

– Когда все говорят, все велят, значит, твоей вины нет, даже если случится неправое дело. Недаром сказано: устами народа говорят боги, так что не беспокойся.

– Что ж, я согласен с тобой: слово народа – слово Бога... Жалко, жалко беднягу Хакару, да ведь и себя надо пожалеть.

Успокоился Барич, приободрился. С хрустом потянувшись, твердо ступая, походил по комнате. Из деревянной бадьи зачерпнул ковш воды, звучно глотая, напил, глянул на окно и двери, почти шепотом заговорил:

– Теперь давай подумаем, как убрать эту нечистую силу, и убрать так, чтобы все было тихо. Так оно будет спокойнее и лучше.

– Правда твоя, Барич, шум совсем ни к чему. Я, конечно, и не таких молодцов, как Хакара, выбивал из седла, отправляя на покой к богам, однако, думаю, всякое дело надо делать чисто, как подобает настоящим мужчинам. Вот только есть тут одна загвоздка. – Теперь, раздумывая,

прошелся по комнате и Нахлеш, изредка поглядывая на Барича. – А загвоздка такая: Хакара – мой давний друг, мой родственник, и не хотелось бы – не знаю, как и сказать...

– А очень просто, Нахлеш. Мне тоже не хочется, чтобы люди знали...

– Есть у меня задумка...

Когда Нахлеш во время охоты целился, направляя стрелу в медведя или волка, у него загорались плотоядным огоньком глаза. Но зверь ведь для того и живет, чтобы охотник убил его, съел вкусное мясо, оделся в его теплую шубу. А когда он целился в человека... О-о, Нахлеш чувствовал себя почти богом. А как же! Ходит этот умник по земле, учит-поучает всех. И вот пролетит стрела или сверкнет лезвие меча!.. Что такое смерть? Это лучше других знает он, Нахлеш! Как боятся ее все и как сладостно ощущать, что ты владеешь чьей-то жизнью... Завтра не он пошлет к праотцам Хакару, не он, но тот умрет по его воле, значит, Нахлеш властелин его смерти.

– Слушай меня, Барич, – почти возвышенно заговорил Нахлеш. – Ты приготовь двух надежных парней. Главное, чтобы они умели держать язык за зубами... Завтра я скажу Хакаре, что Рэдэд направил в Хакучию нескольких касогов, чтобы убили меня, его и Чечана, поэтому надо пойти в горы и найти место, где можно надежно спрятаться. Подведу я его к краю пропасти, а там уже эти парни должны аккуратно сработать.

– Сработают, обязательно сработают! Есть у меня такие парни. Так что можешь не беспокоиться, – повеселел Барич. – Только бы Хакара не догадался, ведь злой дух, как говорят люди, сродни богам. Злые духи – божьи враги, сила у них большая и коварная.

– Ты, Барич, масла подлил в мой огонь, – расхохотался Нахлеш. – Нет еще такого злого духа, чтобы мог одолеть меня, потому что на моей стороне боги. – Хотел еще добавить он, что сам посланец богов Тураб побаивается его. Хотел, но воздержался. «Не надо, Барич может и проболтаться, а от этого мало хорошего. Да провалится этот злосчастный горбун! – подумал он и вздрогнул: – А ну как это услышит Тураб?! Нет, я ничего не говорил, просто сорвалось. Не надо, не надо».

Рассвет едва пробивался сквозь густой туман. Даже боязно было: вдруг свет не одолеет мглу, ведь добро не всегда одолевает зло, а правда – кривду.

На улице послышался гомон, все усиливаясь. В окнах полыхнул свет. Барич с Нахлешем выскочили во двор.

Вдоль улицы шла толпа подростков. Они несли длинные шесты с перекрестьями, на которых были привязаны пучки горящей соломы.

– Некоторые из стариков считают, – пояснил Барич, – что нынешнюю беду наслали нам христиане. В прошлом году у нас побывал Думитрий со спутниками, устраивал свой молебен. Вот парни, по совету старших, помолвившись своим богам, попросив у них прощения за свои грехи, огнем и криками изгоняют христианского бога. Не знаю, может быть, это и поможет, да вот боюсь – вдруг наши боги начнут воевать с христианским. Это очень страшно, в такой битве может сгореть и сама земля. Как ты думаешь, Нахлеш?

– Не знаю, мне ничего не доводилось слышать о войне богов. Наверно, и в самом деле страшно, но я думаю – выше мудрости богов ничего нет и быть не может, думаю, они договорятся о мире между собой. Нам ничего другого не остается, только ждать и надеяться.

Во время завтрака приехал Хакара. Нахлеш поздоровался, дружески улыбнулся:

– Позавтракай с нами перед дорогой!

«Хакара, ты еще ходишь, садишься к столу, берешь лепешку, но тебя уже нет в живых. Это тень твоя с таким аппетитом завтракает, всего лишь тень, однако где же Чечан? Не приключилось ли с ним что-нибудь в этом проклятом тумане?» – Нахлеш не выдержал, вышел во двор, и ему показалось, что он попал во что-то вязкое, из которого выбраться невозможно. Еще тревожнее стало у него на душе: «Не к добру это – задержался Чечан». – Он с таким напряжением начал всматриваться во мглу, что закружилась голова. «Что с тобой, ты чего раскис?! Возьми себя в руки!» Ему послышался глухой конский топот. Все ближе и слышнее, потом все смолкло, и из тумана показался Чечан с конем в поводу. Нахлеш поспешил ему навстречу:

– Почему тебя, Чечан, долго не было? Случилось что-нибудь?

– Ты чего, Нахлеш, какой-то испуганный. Почему не сидишь в доме в такую слякотную погоду?

– Жду тебя, хочу поговорить один на один. Скажи, о чем вы толковали с Коданом, когда он приезжал к тебе, что говорили о Хакаре?

– Кодан передал мне просьбу Машука. А о Хакаре даже не упоминали.

– Тогда все в порядке. А с тобой сейчас мы ни о чем не говорили. Ты понял меня? – угрожающе спросил Нахлеш. – Вот и хорошо, а то, знаешь, бывают случаи, когда много говорящий остается без языка, а то и без головы. Я не пугаю, я просто напоминаю.

Вслед за Нахлешем и Чечаном в дом вошли двое дюжих парней. Барич глазами показал на них Нахлешу, мол, все в порядке, видишь, какие молодцы.

Когда все встали, чтобы отправиться в дорогу, Чечан сказал, что он тоже поедет вместе со всеми.

– Нет, – твердо возразил Нахлеш, – у тебя здесь своих дел немало, мы поищем с Баричем местечко, где нам укрыться, и скоро вернемся. Пожалуй, пусть и эти парни с тобою останутся, – сказал он, подумав: «К чему свидетели, мы и без них управимся».

Показалось ли Нахлешу или на самом деле – туман чуть поредел, виднее стало дорогу. «К чему бы это? – не без тревоги подумал он, – к добру или худу? – и тут же отогнал тревожную мысль: – Да что это с тобой, уймись наконец!» Он ехал в середине, по бокам – Хакара и Барич... Пересекли широкую долину, перевалом прошли через пологий хребет и, выехав на опушку леса, спешились.

– Думаю, за этим леском и обоснуемся, здесь хорошее место для обзора. – Нахлеш подошел к крутому обрыву, заглянул вниз, где в глубине громоздились островерхие камни, и ощутил в своем сердце прилив восторга, ту необыкновенную силу, которая возвышала его над всеми как повелителя смерти. – Хакара, посмотри, какой красивый джейран вон на той скале!

Подошел Хакара – это был его последний шаг на брэнной земле, последний крик. Нахлеш подумал: «Человек на белый свет рождается с криком, с криком и покидает его, если не умеет держать себя в руках. Верно говорят, каждому – свое».

– Ну вот, Барич, если Хакара был в самом деле злым духом, то завтра взойдет солнце, рассеет туман, и окажется, что мы с тобой сегодня сделали доброе дело.

И верно: утром следующего дня с лихим свистом задул ветер, разогнал туман – он клубился на склонах гор, исчезая в расщелинах. Ветер очистил небо от хмурых туч, с востока выглянуло солнце. На улицы вышли стар и млад, поеживаясь от холодного дуновения, молились Светилу. Люди верили, что оно смилостивилось над ними за верность ему, за их победу над злым духом.

В тот же день хакучинцы поставили Нахлеша рядом со своим предводителем Баричем, а Тураба окончательно признали истинным посланцем богов.

IV

Случается в Мазибе, во время холодов, даже среди зимы вдруг потянет из какого-нибудь ущелья теплом, вроде бы как весной запахнет. Вот и сегодня – вышла из дома княгиня Рампэс, и на нее пахнуло теплынью, из-за веселого курчавого облачка выглянуло солнце, как бы улыбнулось ей. Она мысленно помолилась, поблагодарила бога за милость. Сесть бы сейчас на лавке и, прикрыв глаза, посидеть, тихонько порадоваться, но она вспомнила, куда направилась, вздохнула. А шла она за ситом, что вчера у нее взяла Курац. Впрочем, сито ей сегодня было ни к чему, а если бы и понадобилось, то за ним послала бы служанку.

Оглянулась великая княгиня и увидела в комнате Рэдэда – он стоял у окна, похоже, только что поднялся с постели и, как бывало в детстве, кулаками протирал соню глаза.

«Да-да, сын мой, недаром говорят: у кого болит душа, тот протирает глаза. Если бы я тебе сказала, что иду к Курац за ситом, ты очень бы посмеялся и сказал: мать, придумай что-нибудь похитрее, а лучше скажи, что с тобой, какая беда тебя гонит из дома. Твоя беда и моя, сын мой, она у нас с тобой всегда одна на двоих, а теперь – на троих. За Айнар, а если хочешь, то и за моих будущих внуков у меня болит душа не меньше, чем за тебя. Болит у меня душа еще и потому, что это я надделала беды, привела Айнар в свой дом, однако вынуждена была это сделать, сын мой, ведь вы с Айнар так любите друг друга. Вот и надо мне

найти тропинку, которая привела вас к свадьбе. Начну с Курац, осторожно посоветуюсь для начала с нею. Вот что нужно мне, а не сито, сын мой».

Увидев с крыльца великую княгиню, Курац так и обмерла от восторга и удивления, с распростертыми объятиями поспешила ей навстречу.

– Добро пожаловать, Рампэс! Вон как легка ты на помине – я только что думала о тебе, княгинюшка! Позволь мне обнять тебя. И проходи, проходи, осчастливь наш бедный, но всегда готовый встретить тебя дом.

– Я... за ситом пришла – немного растерялась Рампэс от восторженного приема. – Я на минутку..

– Я заставила великую княгиню идти ко мне за ситом! – сокрушенно, взявшись за голову, воскликнула Курац. – О боги, лучше бы мне умереть, чем пережить такой позор! Неужели у тебя служанок нет! Так хоть бы Айнар прислала. Пройди, княгиня, присаживайся.

– Жаль мне бедняжку Айнар, она совсем извелась, бродит по дому, как тень.

– Да, да, понимаю, – сочувственно покачав головой, опечалилась Курац и, пододвинув стул, села поближе к досточтимой гостье, с женским состраданием и в то же время не без лукавства сказала: – Когда материнская душа болит, так и сито будет причиной, чтобы поговорить, излить свою беду. А кто поймет ее лучше, если не родная мать. Спасибо тебе, великая княгиня, что пришла ко мне, спасибо, моя добрая.

– Тебе тоже спасибо, – благодарно улыбнулась Рампэс. – Мы, матери, творим жизнь, холим ее, своею душою согреваем, доброту дарим.

Они обе вздохнули, и эти вздохи уравнили великую княгиню с простой женщиной, от этого они стали понятней друг дружке. Курац не любопытства ради, а от искренней заботы своей спросила:

– И что ты теперь намерена делать? Они любят друг друга, ты уверена в этом?

– Е-о-ой, Курац, они так любят, так любят, что дышать друг без друга не могут, хотя живут, можно сказать, в разлуке. Я все это вижу, чувствую материнским сердцем. Ты бы видела, как радовалась бедняжка Айнар, когда нам сообщили, что Рэдэд возвращается домой. Она кинулась ко мне на шею и залила мою грудь слезами радости,

надежды и девичьей боли. Ты сама знаешь, Курац: даже золотые слова могут обманывать, а слезы – никогда. Потом она устыдилась своей радости, убежала к себе в комнату и до вечера не показывалась.

– Признаюсь, Рампэс, я очень боялась, что Рэдэд не простит Айнар, не станет жениться на девушке, которую умыкали.

– Какое там умыкали! Они ее даже в дом ввести не успели, как подросли наши мужчины и забрали. Рэдэд правильно считает: никакого умыкания не было, а значит, нечего пустые разговоры об этом вести. Скромная девушка, сиротка – кто ее защитит, если не мы. А что ты об этом думаешь, Курац?

– Да, да, Рампэс, твое доброе материнское сердце очень правильно рассудило, очень мудро. Конечно, Айнар надо увезти с подружками в ее дом. Думаю, утром увезти, и нечего попусту время тянуть – вечером Рэдэд должен забрать ее как свою невесту. Забрать и сыграть свадьбу! – размышляла Курац, будто уже начинается свадебное веселье.

Очень обрадовалась и княгиня Рампэс такому повороту трудного дела:

– Спасибо тебе, что с добром относишься к бедной девушке. Сегодня же скажу, чтобы с Рэдэдом поговорили наши мужчины...

– Не сердись, великая княгиня, но я перебью тебя. Не надо пока мужчин, в таком тонком деле... мужчины они и есть мужчины, лучше ты сама поговори с Рэдэдом, с сыном твоим единокровным. Никто не скажет, не посоветует ему так, как мать. Конечно, он застеняется, испытывая неловкость, но ты сумей переубедить для его же блага, для твоего душевного спокойствия.

– Ой, какая ты молодец, ой, какая ты мудрая женщина. Это боги послали меня к тебе, спасибо им. Ну, я пошла, сейчас же надо приниматься за дело, хватит нам мучиться, хватит переживать!

Вышли из комнаты, и Курац всплеснула руками:

– А как же сито?! Забери его, княгиня, – они обе весело засмеялись.

Войдя в дом, Рампэс решительно направилась в комнату сына, покашляла, заглянула в приоткрытую дверь и

не увидела там Рэдэда. Немного раздосадованная вышла во двор, спросила Агбана:

– Куда делся князь, вроде бы никуда не собирался.

– Не знаю, великая княгиня, – пожал плечами Агбан. –

Он оседлал белого коня и ускакал, ничего мне не сказав. Правда, перед этим Шупаш ему что-то говорил. Я не понял, великий князь не то возрадовался, не то удивился и послал Шупаша зачем-то к почтенному Колэсу, а сам ускакал неведомо куда.

«Что мог сказать Шупаш Рэдэду, почему он тут же ускакал? Не могу понять. Возрадовался, сказал Агбан, или удивился... Наверно, что-то не так он понял. Шупаш тоже... Не надо волноваться, успокойся, – уговаривала себя княгиня. – Лучше обдумай хорошенько, как поговорить с сыном, о чем матери неловко говорить. С Айнар тоже надо бы, но из нее слова не вытянешь, и тут своя неловкость. Вот она, доля материнская... Что это?! Айнар поет!.. Поет, а не плачет, это хорошо. Значит, Рэдэду Шупаш принес добрую весть. – Глаза княгини заблестели слезой радости, сердцу стало легко. – Дошли мои молитвы до богов, дошли! О всевеликое Светило, земно тебе кланяюсь, благодарю за свет, тепло и радость, которыми ты одариваешь нас, делаешь счастливыми!» – прикрыв глаза, Рампэс постояла, благоговейно думая о богах, потом пошла в комнату Айнар.

– Проходи, я так рада!

Рампэс по-матерински приобняла Айнар:

– Кому ты вяжешь теплые носочки?

– Шупашу.

– Но ты уже вязала ему.

– Связала ему и Рэдэду, но у Рэдэда они еще целы, а Шупаш уже износил свои, вот я и тороплюсь связать ему новые.

– Балуешь ты, балуешь наших мужчин. Надо сказать Шупашу, чтобы он поберег глаза твой и пальчики.

– Не надо, не смущай его. Для меня вязать – одно удовольствие. Хочется связать и потеплее, и красивее. Для меня эта работа в радость, особенно если вяжу что-нибудь для Рэдэда, – сказала Айнар и зарделась, смущенно опустив глаза.

– Какая ты молодец, какая заботливая из тебя будет хозяйка, и мать хорошая.

Снова стыдливо зарделась Айнар, еще ниже опустила голову, была она очень счастлива. И это девичье счастье передалось Рампэс. Теплом и грустью наполнилось ее сердце. Грустью – по всему ушедшему и уходящему, а еще – завистью, белой завистью...

Она тихонько поднялась, положила на плечо Айнар теплую руку, потом тихонько, чтобы не спугнуть того, что объединило двух женщин, ушла.

Вся извелась Рампэс, все глаза проглядела, сидя у окна в ожидании Шупаша, но вместо него появился Рэдэд – в белой бурке и золотистой каракулевой папахе, шел он скорым и легким, будто летящим шагом. Войдя в комнату, повесил папаху и бурку, обернулся к матери, почти торжественно произнес:

– Если у тебя, моя дорогая мать, есть добрая весть, я отблагодарю дважды доброй!

Улыбнулась Рампэс, затаив свое счастье, чуть заметно пожала плечами:

– Откуда у меня, у женщины, которая целыми днями сидит дома, могут быть новости да еще добрые? А что у тебя хорошего? Выкладывай, не томи мою душу.

– Смерть каждого человека, мать, – это всегда скорбь, печаль, потому что умирает божье создание, но, да простят меня боги, смерть Хакары у меня не вызвала скорби.

– Что ты говоришь, сын мой! Разве можно так? Нельзя! Ведь его родила женщина, он вместе с нами молился нашим богам, и... если они решили взять его к себе, то это их воля, а мы должны молиться, чтобы они были милостивы к нему, пусть ему, несчастному, будет там хорошо.

– Ты можешь молиться за него, мать, молиться – всегда хорошо, но... боги – добро. Они создали нашу землю с горами и долинами, полями и лугами, с садами и виноградниками, создали и добро для добрых людей, а творящих зло наказывают и в этом мире, и в мире богов. Злодею Хакаре выпала злодейская смерть. Хакучинцы, подстрекаемые рыжим Нахлешем, сбросили его в пропасть, обломив ему крылья.

С великим удивлением княгиня слушала сына, горестно покачивая головой:

– Чем же Хакара не угодил хакучинцам? Он и Нахлеш всегда были такими друзьями...

– Вот в этом, мать, вся суть рыжего Нахлеша – он может быть и приятелем, и большим другом до тех пор, пока ему выгодно. А если иначе, если ему не по нутру, родную мать в могилу загонит. А чем Хакара не угодил хакучинцам? Больше месяца их донимало ненастье, напускная страх, и тут подлил масла в огонь Тураб, которого они свято чтут как посланца богов. Он сказал, что вся беда от Хакары, в котором сидит злой дух. Сделал это в отместку за смерть своего отца. Как всегда, ввязался Нахлеш, желая возвыситься в глазах хакучинцев.

– Вот видишь, сын мой, – раздумчиво заговорила Рампэс, – каким надо быть осторожным, как говорил великий князь Лаурстэн, в подборе друзей, верных тебе и княжеству твоему. Ты не всегда помнишь этот завет отца, иногда приближаешь к себе людей вовсе не достойных порога княжеского дома.

Помолчал Рэдэд, повел в задумчивости широкими бровями. Потом промолвил не то матери, не то самому себе, словно подумал вслух:

– Если ты, мать, имеешь в виду Чечана, то ошибаешься. Да, да, ты не ослышалась.

– Вы мальчишками росли вместе, и ты воспринимал Чечана по-мальчишески, а я замечала в нем и своенравность, и самолюбие. К сожалению, ничего ему не передалось от деда, от его мудрости и порядочности.

– Верно, согласен, но хочу добавить: он добрый и доверчивый, его легко сбить с толку... Нельзя, мать, так легко отречься от того, чем жил, дышал, на что ушла радость твоего детства, твоей юности, с чем не хочет и не может расстаться твое сердце. Вот и я все думаю и думаю, что же между нами произошло, где и когда наметился поворот от дружбы к предательству?.. Когда я находился в неволе, Нахлеш со своими подручными убедил Чечана, что меня уже нет в живых, и он посчитал себя наследником всего, что осталось от меня, его друга, возмечтал стать великим князем Касогии, мужем Айнар, которая ему очень нравилась. Ты правильно поступила, забрав ее к себе, теперь мы все сделаем, как должно быть.

– Так чего же медлишь, сын мой? – оживилась Рампэс. Поговори с нею и сделаем все, как положено.

Рэдэд слегка покраснел – не полагалось об этом говорить с матерью:

– Я уже разговаривал с Айнар.

– Когда?! – обрадованно удивилась Рампэс.

– Сегодня утром, когда ты ходила к соседке.

– Какой ты у меня молодец! Весь в отца. Бедный Лаурстэн долго мучился и меня мучил, пока не решился взять в жены. Слава богам, теперь у нас все улаживается. Что-то я разболталась на радостях, хватит, пора заниматься делом. Следует все достойно устроить, ведь такое событие свершится в судьбе нашего княжеского рода. Сначала обсудим, посоветуемся, как и полагается в таком случае.

– А что тут обсуждать? Женюсь – и все! – довольно, даже с озорством рассмеялся Рэдэд, забыв от радости о своем великокняжеском достоинстве.

Рампэс немного смутилась от простоватого смеха сына, а потом и сама была готова вот так же озорно рассмеяться, ведь материнское счастье – это счастье ее сына.

– Нет, сын мой, большое и важное дело не бывает простым и легковесным.

– Прости меня за эту минутку легкомысленности. Я думаю, мы отправим Айнар к тете в Шисхарис, потом оттуда заберем ее.

– Зачем беспокоить старую немощную женщину, если родительский дом Айнар пустует? Все там приберут, подготовят, а ты до захода солнца...

– Согласен! – поднялся Рэдэд. – Все сделаю, как ты велишь.

– Куда так спешить, посиди еще немного. Я хочу, как принято, устроить семидневное свадебное празднество.

– Нет! – запротестовал Рэдэд. – Мне надо основательно подготовиться к началу Всекасожского хасэ, времени осталось совсем мало, а работы – непочатый край. Надо обновить совет старейшин, повстречаться с предводителями селений, словом, позаботиться, чтобы из хасэ не получилось базар, так что на семь дней веселья никак не могу согласиться. Думаю, достаточно будет и трехдневной свадьбы.

Княгиня удрученно покачала головой:

– Как говорят – спасибо судьбе и за это. А у кого ты думаешь провести эти три дня?¹

¹ По обычаю, жених во время свадьбы не должен появляться на людях.

– Лучше всего было бы провести эти дни у почтенного Колэса, но Чечан...

– Верно, сын, ты прав, думаю, мудрый Колэс не осудит нас за это... К кому же ты пойдешь, кому окажешь честь?

– К Машуку, – не задумываясь, ответил Рэдэд.

Княгиня положила руку на плечо сыну:

– Я рада твоему решению. За доброту твоего сердца да продлят боги твои счастливые дни. Как только человек появляется на земле, как только начинает ходить по ней, бог Солнца выделяет для него шкатулку, и каждое доброе дело его, как золотую монетку, кладет в нее, копит, чтобы потом, когда человек придет на небо, определить ему по его добрым делам место в небесной жизни... Явившись в дом Машука, ты окажешь ему честь, благодаря которой об Анисат перестанут болтать.

Дворовый плотник, посмотрев на дом Айнар, придумался, ему показалось, что он похож на брошенного покойника. Окна – словно мертвые глаза, которые некому было закрыть. Отвисшие двери, покосившаяся веранда, сорванная калитка, разломаченная, крытая соломой крыша и засохший, со сломанной верхушкой тополь, повалившийся на плетень.

Не без робости поднялся плотник на веранду, решил поправить, но сначала вошел в коридор, начал громко стучать обухом топора, как бы изгоняя недоброе, затаившееся в доме. А когда принялся за дело, неожиданно услышал:

– Говорят, молодая хозяйка придет сюда? Давай-ка я тебе помогу.

Немалую жизнь прожил плотник, но такое видел впервые. Никто никого не звал, по собственному велению пришли ближние и дальние соседи на шихаф. Женщины появились с вениками, тазиками и ведрами, мужчины – с инструментом, и каждый сам себе нашел дело. Подметали и мыли в доме, подняли плетень, навесили калитку, работали словно забавлялись, испытывая необыкновенную радость общности.

Княгиня, узнав о том, что происходит в доме Айнар, велела забить бычка и приготовить для всех хороший ужин. Расположились во дворе, запивали жирным, крепко наперченным наваром, ели пшеничную кашу, все такое же, как у себя дома, но здесь все казалось куда вкуснее.

Уже стемнело, когда, закончив ужин, люди разошлись. Рэдэд перед сном сказал матери:

– Думаю, мы должны понять когда-нибудь, что единой семьей намного лучше, благополучней и красивей жить, в беде помогать. Одной семьей, а не врозь...

Шупаш, тихонько посапывая, сладко спал. Улыбнувшись, Рэдэд подумал: «Счастливчик, едва коснется щекой подушки, тут же засыпает, и хоть на голове его пляши – не проснется. О таких говорят: любимчик бога сна, но за что этот бог меня недолюбливает, чем я грешен перед ним? Впрочем, крепко и сладко спят те, у кого мало или вовсе нет забот, у кого не болит душа о завтрашнем дне. Хороший парень Шупаш, и чего бы ему не спать за широкой спиной старшего брата...»

А Рэдэду не спится. Да и какой тут сон: Айнар станет его женой, в ожидании этого дня прошли годы. Даже там, в неволе, он выжил во имя этого дня. Конечно, Рэдэд знает, всем сердцем чувствует, как любит его Айнар. А как он ее любит?! Айнар красива не только своими глазами и лицом, легким изящным станом, главное, считал Рэдэд, она красива своей застенчивостью и кротостью, своею женской душой и верностью. Все это очень важно, но самое главное – в ее красоте, обаянии и чистоте Рэдэд продолжит себя, свой род и жизнь. Именно в этом, считал он, главная сила любви... Тураб ворчит: свет клином сошелся что ли на Айнар, на той, которую умыкали? И тут, да простят мне боги, он, горбатый, конечно, от своей черной зависти, от злости ворчит».

Плелись и вились, казалось, бесконечной веревочкой мысли.

«Жалко мне Чечана. Поступок он совершил подлый. Предать меня – куда ни шло, распутали бы мы с ним по-мужски это дело, но так бессердечно осиротить своего деда... Если Чечан все-таки вернется, раскается в своем поступке – уйму свою обиду, прощу его во имя нашего великого старика...» – С этой мыслью уже далеко за полночь и уснул Рэдэд.

Зимой солнце бывает обычно грустным, а в этот предвечерний час оно сияло над Мазибом, как показалось княгине Рампэс, по-весеннему ярко и весело.

Искрился иней на ветках деревьев, сиял яркой белизной снег, звенел в лужицах ледок, горланили грачи.

«Все сегодня празднично, – подумала Рампэс, глядя из окна на улицу. – Слава тебе, великое Светило, – она молитвенно воздела руки, – за твою доброту к князю Рэдэду, к его невесте Айнар, ко мне, ко всем мазибцам. Праздник над всей Касогией. Это мой, моего сына праздник. Вон как он взлетел в седло на белого рысака! Богатырь, красавец, как ему к лицу мохнатая медвежья папаха! И мужчины вокруг него на своих борзых скакунах, ах, какие они все красавцы!»

Тронулись всадники, взвихрили копытами снег.

«Да помогут вам боги, да сбудется ваше доброе дело!» – опять молитвенно прошептала Рампэс.

Она послала за Колэсом. Когда он пришел, опираясь на кизилковую палку, ласково встретила его, усадила на почетное место:

– Сегодня женится мой сын, твой воспитанник, князь Рэдэд. Уже поехали за невестой. Прошу тебя, побудь здесь, пока привезут Айнар, встретим ее с тобою, окажем молодым честь.

Растрогался Колэс, оживились его стариковские усталые глаза.

– А еще хочу попросить тебя, – дрогнул слегка ее голос, – не обижайся... свадебные дни Рэдэд проведет в доме Машука.

Пожал Колэс сухонькими плечами, почему-то виновато улыбнулся, покашлял:

– Почему же я должен обижаться? Если бы не мой злополучный внук, все было бы, как полагается, по-родственному... О внуке своем я только и могу сказать: его глупость – враг его счастья.

Солнце, зарумянившись к вечеру, уже коснулось краешком дальней горы, в это время и взвилась над Мазибом свадебная песня. Рампэс поднялась, воздев руки, взволнованно поблагодарила:

– О все милостивые, о все милосердные боги! Вы ниспослали нам великую радость, за что мы с благодарностью возносим вам свои молитвы и просим счастья для молодых. Счастье людей – его и ваша радость, ведь это вы создали всех нас для радости земли и неба. – Помолчав, Рампэс вздохнула: – Если бы мог увидеть бедняга Лаурстэн... о боги, все в ваших божественных руках: пусть Лаурстэн увидит, пусть порадует за нас!

А песня все ближе, все слышней... И вот она уже у ворот, вот она у порога...

Невесту, словно утреннее солнце, сваты завели в дом, поздравили княгиню с женитьбой ее сына, великого князя Касогии.

Рампэс прожила нелегкую жизнь, оставившую в ее сердце неизгладимый след, но в этот торжественный час она выглядела намного моложе своих лет. Она княжеским поклоном, добрыми словами поблагодарила сватов за поздравление, потом попросила:

– Поздравьте и того, кто многие годы заменял княжичу, а потом и князю отца – почтенного Колэса.

Сваты склонили лобастые головы. Старший из них высказал Колэсу по-сыновьи ласковые и добрые слова.

Очень довольна была друзьями сына великая княгиня, она испытывала желание каждого из них приласкать по-матерински и жалела, что не положено этого делать в такую торжественную минуту.

– Спасибо, дети мои, – поднялся Колэс, – за добро, принесенное вами в княжеский дом. Пусть красавица невестка будет достойной женой великого князя Касогии, счастливой матерью продолжателей старинного княжеского рода, пусть новая жизнь, что начинается сегодня, будет долгой и счастливой, а тебе, досточтимая Рампэс, пожелаю многих лет здоровья и радости в твоей большой семье, пусть боги благословят вас и будут вашими заступниками на благо нашей Касогии.

– Пусть и тебя, досточтимый Колэс, хранят боги, пусть не гаснет свет твоих очей для всех нас, пусть пребудет со всеми нами твоя мудрость. Мы уже пригласили всеми уважаемого распорядителя свадебного торжества, – обратилась княгиня к гостям, – позвали музыкантов. Нам еще понадобятся два дня, чтобы глашатаи разнесли весть о нашей радости по всей Касогии, пригласили всех на свадьбу, и когда гости съедутся, начнутся торжественные гуляния.

– Мне думается, великая княгиня, двух дней будет мало, – сказал Машук, – надо ведь послать гонцов в Тму-таракань за твоим младшим братом Кансавом.

– Машук, душа моя, – ласково сказала Рампэс, – я очень люблю своего младшего брата, но не хочу приглашать на свадьбу своего сына того, кто с чужеземцами требовал у нас дань. Думаю, касоги меня за это не осудят.

– Как скажешь, так и будет сделано, – согласно кивнул Машук.

Мазиб шумно готовился к свадебному празднеству.

Парни устроили на княжеском дворе просторный круг для танцев и навес для девушек. Сами же девушки с матерями с утра до вечера занимались нарядами. Ведь соберется весь Мазиб, все парни придут, будущие женихи. Как же девушкам не показать себя, не тронуть чье-то сердце! Смотришь, и приблизится еще чья-то свадьба. И как знать, может, вся жизнь и движется этой дорогой – от свадьбы к свадьбе... Появляются новые семьи, рождаются дети, затем и они, став взрослыми, женятся и выходят замуж, продолжая род человеческий...

И вот пришел в княжеский дом долгожданный и радостный праздник. Все заботы, все житейские неурядицы словно ветром сдуло, ветром веселых песен и зажигательных танцев!

V

Сегодня приведут к Айнар, в комнату молодоженов, Рэдэда и оставят их на ночь вдвоем.

Две девушки празднично одевали ее, ходили вокруг, расчесывали волосы, а она, что называется, была ни жива ни мертва. Наконец случится то, что должно случиться в ее жизни, что осчастливит их с Рэдэдом, но как оно должно начинаться, каким будет это неведомое начало?

Мать не успела по-женски с ней поговорить, посоветовать... Все, что знала Айнар, она почерпнула из разговоров с подружками, из тайных шушуканий...

Первым вошел веселый, улыбчивый Кодан, за ним – Рэдэд и Машук. Вздрыгнула Айнар: ну да, это ведь он, ее любимый Рэдэд, великий князь. И в то же время казался он ей каким-то другим, совсем неизвестным, непонятым и даже улыбался другой улыбкой, не похожей на прежние.

– Добрый вечер! – весело сказал Кодан. – Спасибо вам, девушки, за вашу заботу об Айнар, благодаря вам стала она еще красивее.

Чуть смутившись, девушки удалились.

– Садись, Айнар, – попросил Кодан.

– Я постою, – опустив голову, дрогнувшим голосом ответила она.

– Доброй ночи, молодые. Да помогут вам боги прожить долгую, счастливую жизнь, нарожать на радость себе и всем нам наследников, красивых, достойных касогов.

Айнар еще ниже опустила голову, прикрыла платочком зардевшееся лицо.

– После свадьбы начнется семейная жизнь, достойную и надежную опору которой создали князь Лаурстэн и княгиня Рампэс. Да не оставят вас боги своею милостью и щедро помогут вам быть достойными этого рода – красивого и сильного – вашими будущими детьми.

– Спасибо вам за вашу доброту к нам с Айнар, – растроганно заговорил Рэдэд. – Дорогой брат Машук, спасибо тебе и всему вашему дому, в котором я прожил свадебные дни, одни из самых лучших в моей жизни. Да помогут мне боги ответить вам двойной добротой на вашу доброту.

Мужчины попрощались и ушли.

Молодые остались вдвоем, а между ними – незримая грань, которую надо одолеть, чтобы потом рука об руку идти дальше.

Рэдэд обнял Айнар, она прижалась к нему так, будто спряталась от самой себя, от чего-то неведомого. Он взял ее за горячие, дрожавшие руки, повел к кровати. Шла она так, словно удалялась от самой себя, стыдливой девушки. Он усадил ее на кровать, прижался к щеке. Ему показалось, что он обжегся – такой горячей была ее щека. Хотел поцеловать, но Айнар выскользнула из его объятий, взяла медный тазик, кувшин с водой:

– Садись, я вымою тебе ноги.

– Не надо, Айнар, не надо... Раздевайся.

– Нет! Это же стыдно...

Рэдэд задул свечу. Стал снимать с нее платье.

– Не надо, я сама...

Обнаженная, при лунном свете Айнар была красива неземной красотой. Рэдэд подумал, что ею можно любоваться только со стороны. Умом подумал, а мужское сердце потребовало свое, ему принадлежащее. Он взял ее на руки, удивительно легкую, почти невесомую, положил на кровать.

Она вскрикнула от боли, без которой не может зачатся новая жизнь, потом заплакала, как плачут дети, что-то безвозвратно утерять, очень важное для них. Плачут, хотя знают – оно должно быть утеряно...

Теперь, положив голову с ворохом золотистых волос на его могучую грудь, закрыв глаза, Айнар была совсем другой, чем поначалу, в трепетном лунном свете. Нет-нет, она не размышляла, не рассуждала, всем своим существом ощущала себя уверенной, сильной, ведь теперь в ней живет и сам великий князь.

Долго ли, коротко ли длилось это, прежде чем она, робко улыбнувшись, заговорила:

– Я боялась, что тебе больше нравится Анисат, и ты выберешь ее, сестру Машука, а не меня, бедную сироту, но когда тебя увели в неволю, я почему-то твердо решила: ты обязательно вернешься и тебя обязательно приведут ко мне. Даже когда Чечан насильно увез меня, а потом забрала к себе княгиня Рампэс, и обо мне начали говорить, что, мол, осрамленная, все равно я верила, что приведут тебя ко мне.

– Это удивительно, моя хорошая: на чужбине мне однажды именно это приснилось. Сон был настолько явственным, что я, открыв глаза, стал искать тебя... Анисат, конечно, очень красива, глядя на нее, невольно залюбуешься. Но самая красивая ты... И не только красивая – мне очень дорога твоя душевная доброта.

Айнар села, надела ночную сорочку.

– Ты почему оделась?

– Не сидеть же перед тобою нагой. Женщина без стыда, говорила моя бабушка, – недостойная женщина.

– Ох, уж эта бабушка! Когда сама была молодой, наверно, так не говорила, – засмеялся Рэдэд.

– Она и в старости оставалась очень красивой, застенчивой, скромной.

– Но ты теперь ведь не просто женщина, а моя жена.

– Опять же, как говорила бабушка, только кашу можно есть большой ложкой, а мед – аккуратненько, маленькой ложечкой и еще лучше – серебряной.

Улыбнулся Рэдэд.

– Еще она говорила: женщина без стыдливости становится пошлой, а мужняя жена – особенно.

– Пошлая, – повторил Рэдэд, – слово-то какое она придумала... А ты знаешь, из-за твоей, как ты говоришь, стыдливости и застенчивости чуть не случилась беда. Ты же всегда убегала от меня, как юркая мышка, и я подумал – все, разлюбила и сама не знаешь, как от меня отделаться.

– А что бы ты подумал, если бы я стала навязываться тебе, я, как говорили, опозоренная?

– Хватит об этом! – весело засмеялся Рэдэд, подхватив Айнар в охапку, уложил на пуховую перину.

Они крепко уснули. Вдруг Айнар, испуганно вскрикнула, подхватившись в постели.

– Что случилось?! – вскочил и Рэдэд.

Дрожа от страха, она припала к его груди:

– Мне привиделось, будто мы в степи, а над нами кружит громадный черный орел с огненно-кровавыми глазами. Вдруг он камнем кинулся на нас. Ты выхватил меч, начал отбиваться. Отрубишь ему крыло – а у него тут же вырастает новое. Он вцепился в тебя когтями и ринулся вверх. Я едва успела ухватиться за твои ноги, но он поднял обоих. Я закричала, стала звать на помощь, но совсем пропал голос. О боги, как это было страшно!..

Рэдэд обнял ее, целуя мокрые от слез щеки, горячие губы:

– Я знаю – ты храбрая, преданная мне жена. Это всего лишь сон, успокойся.

Айнар притихла, через некоторое время послышалось ее ровное дыхание. Закрыв глаза, погрузился в сон и Рэдэд. Он проснулся, чувствуя наступление утра, но продолжал лежать с закрытыми глазами.

– Хватит, хватит жмуриться, – ворошила Айнар его волосы, касалась щек. – Ведь ты уже не спишь, притвора.

Рэдэд хотел обнять ее, но она, смеясь, опять ловко увернулась.

– Вставай, лежебока, великая княгиня уже, наверно, думает, что я балую тебя.

– Она прямо так и подумает?

– Конечно, нет, она лишь намекнет, мол, если с умом – поймешь.

– Выходит, ты с умом! – рассмеялся Рэдэд.

– Разве ты женился бы на неумной! – рассмеялась и Айнар.

И все же, улучив момент, он поймал ее, опрокинул на постель, и в этот раз ей не удалось выскользнуть.

Очень рано повзрослел Рэдэд, занялся серьезными делами, испытал, что такое неволя, и вот теперь к нему возвращалось должное, упущенное в минувшие годы, и

он не смущался почти мальчишескими поступками, забавами с Айнар. Однако главным было другое. Колэс говорил: «У кого хорошая жена, у того за спиной крепость», «У хорошей жены муж – скала, а их дом – неприступная крепость, радость и щедрость, честь перед людьми». – «Благодаря милости наших богов, все это у меня есть», – размышлял он, выезжая на белом коне со двора, где у ворот его ожидал Машук с дружинниками.

На рассвете, дежуря со своими дозорными, он увидел за верхней околицей троих всадников. Кто и чьи они, в сумерках было невозможно разобрать, а когда их окликнули, те бросились к лесу и скрылись. Может, посланные рыжим Нахлешем?

– Вряд ли, – возразил Рэдэд, – ни к чему ему это, а хакучинцы все время тут рыщут, присматриваются, не готовимся ли мы к походу в Хакучию. Вот что значат постоянное войско и ночные дозоры, – добавил он, – никто не застанет нас врасплох. Значит, не удалось догнать непрошенных гостей? – помолчав, спросил он. – Кто же они такие?

– Не удалось, – с сожалением ответил Машук, – но мы знаем – их было больше десяти, по следам лошадей определили. А те трое – они на досмотр выехали, увидев нас, быстренько ускакали в сторону Хакучии.

Обстоятельно рассказывал Машук, и Рэдэд подумал: «Смышленный у меня предводитель Мазибской дружины, мой названный брат и настоящий друг...»

VI

Весело заржали кони в предчувствии дороги, ударили копытами по звонкой промерзшей земле, вздымая снежные вихри. Рэдэд и его дружина тронулись в путь.

«Вот и сегодня, который день подряд, уезжает Рэдэд. Сегодня раньше обычного, должно быть, дальняя дорога ему предстоит, – подумала великая княгиня Рампэс. – Конечно, Рэдэд продолжает большое дело, начатое его отцом Лаурстэном, а у большого дела большие заботы, много беспоконья. Торопится Рэдэд, если бы не этот проклятый Нахлеш, который упек его в неволю, о, сколько уже успел бы он сделать, а теперь ему приходится торопиться, наверстывать ушедшее. Помогите ему, добрые

боги, это я, старая женщина, его мать, прошу вас об этом. Помогите ему, как он говорит, делать богоугодное дело... Конечно, в такую рань сладко спится, и Айнар, наверно, не накормила его...»

Раздался негромкий стук в дверь:

– Можно войти, великая княгиня?

– Входи, входи, доченька, – удивленно ответила Рампэс. – Ты что так рано поднялась?

– Князя в дорогу провожала. Покормила, посидела с ним.

– Чем же ты его попотчевала? – все больше и приятно удивлялась Рампэс.

– Он любит молочную пшеничную кашу. Я ему и приготовила ее.

– Он с детства любит горяченькую. И куда же он сегодня уехал?

– Сказал – к меотам и зихам, а потом вернется в Касогию. Ты же знаешь, он готовит Всекасожское хасэ, а это, как я вижу, дело очень непростое. Рэдэд так выматывается, но, слава богам, он очень сильный, по-настоящему великий, – с гордостью сказала Айнар и немного застеснялась.

Княгиня Рампэс была очень довольна, что невестка с такой похвалой отозвалась о ее сыне.

– Пусть хранят его боги, пусть будет счастливой его дорога... Ты постель убрала, душа моя?

– Да, обязательно. И подмела, и окна протерла...

Мягкой материнской улыбкой княгиня прервала, невестку:

– Это хорошо, дочь моя, но... постель свою женщина, конечно, должна убирать сама, а подметать, мыть полы должны служанки. Тебе следует всегда быть красивой – одеждой и прической, своей улыбкой, мягким нравом. Женская красота – хозяйка не только в мужниной постели, но и во всем доме, если же эта женщина жена великого князя – то и во всей Касогии. Ты посмотри, каким красивым создали боги наш мир! Мы любимся красотой гор, моря, неба, цветов, радостно подчиняемся этой красоте, она ведь правит миром. Не сердись, доченька, за мое раннее нравоучение.

– Какая может быть обида, великая княгиня?! Большое спасибо за добрые и мудрые слова. Пойду я, займусь делами.

Хотелось княгине по-матерински приласкать Айнар, но она не решилась, только улыбнулась ей:

– Утро еще раннее, иди поспи, как моя мама говорила, позорюй. От недосыпания, говорят, кожа лица становится дряблой.

Проводив ласковым взглядом невестку, Рампэс удивленно подумала: совсем мало прошло времени после свадьбы, а вчерашняя, можно сказать, девочка даже в своей застенчивости и кротости выглядит княгиней, и в походке, и в манере разговаривать.

Рэдэд – великий князь, но вот женился и тоже стал каким-то другим, очень похожим на своего отца, и строже, и в поступках уверенней. После свадьбы, соблюдая обычай старины, на праздничном, белом в яблоках коне, в сопровождении дружины объехал он старейшин – всех одарил дорогими подарками, с каждым обстоятельно поговорил. Побывал у соседей, принимал всех, приехавших из дальних и ближних селений с поздравлениями, княжески одаривал...

Вспомнилось все это княгине Рампэс, и она задремала с улыбкой на устах.

После завтрака служанка зашла к Айнар и сообщила, что великая княгиня Рампэс до сих пор почему-то не выходила из своей комнаты.

– Я не заметила, как уснула, и так сладко поспала, – виноватой улыбкой встретила Рампэс встревожившуюся Айнар.

– А я уж забеспокоилась – не заболела ли ты. Сейчас принесут тебе умыться и завтрак.

– Спасибо, доченька. Не знаю, почему, но сегодняшнее утро с самого раннего часа показалось мне по-особому приятным. Может быть, солнышко щедро одарило нас радостью?

– И меня, великая княгиня, очень оно порадовало, когда вышла, поговорив с тобою, подумала – не от тебя ли эта радость, а доброе солнце лишь помогло тебе.

– А я, проводив тебя, подумала, что это благодаря вам с Рэдэдом стало для меня утро таким хорошим. Ты, Айнар, должно быть, права – люди делают добро, а боги им помогают.

За завтраком Рампэс увидела Анисат, входившую во двор. «Что привело сюда эту... несчастную? Что она задумает?»

мала? Вот и порадовались мы с невестушкой, вот и порадовались». Оставив еду, Рампэс вышла на крыльцо и, едва скрывая неприязнь, спросила:

– Что случилось, Анисат, что привело тебя к нам в такую рань?

Теребя в руках конец платка и виновато опустив глаза, Анисат сбивчиво заговорила:

– Я... мне ничего не надо... Пришла поздравить тебя, великая княгиня, Рэдэда, твою невестку – пусть она во славу богов наших принесет княжескому роду счастье. Пусть всем вам будет хорошо многие, многие годы.

– Спасибо, Анисат, да не обделят и тебя своей милостью боги, – подавляя неприязнь, проговорила Рампэс и спросила: – Тебе что-то нужно, Анисат?

– Хотела сказать Айнар добрые слова. Я знаю свою вину перед нею, хочу попросить у нее прощения. Клянусь небом, привело меня только это. Я прошу... мне так трудно жить...

– Хорошо. Молодая княгиня у себя в комнате, проходи, – уже спокойно, но с холодком ответила Рампэс.

Айнар взволнованно поднялась навстречу Анисат, вспыхнув лицом.

– Поздравляю тебя, Айнар, ты стала женой великого князя, стала великой княгиней, – заговорила Анисат горячо и торопливо, как бы боясь, что ее остановят, и она не успеет высказать все, чем полна ее душа, чем болит сердце. – Пусть будет долгой и счастливой твоя жизнь, пусть будут счастливы дети, которых ты родишь ему, – слезы брызнули из ее глаз. – В своем позоре я сама виновата, сама буду нести его до могилы, но я грешна перед тобою и, если ты не простишь меня, не знаю, как жить, ведь самое лучшее, что было в моей жизни и останется навсегда в моей памяти, – это годы дружбы с тобою. Понятно, они не вернуться, но и не уйдут ни из моего, ни из твоего сердца. Во имя этого я и прошу – прости мне все, в чем я виновна перед тобою.

У Айнар глаза тоже повлажнели, потеплело на сердце:

– Даже в те горькие минуты, что были между нами, я не испытывала мстительной злобы к тебе, а теперь и вовсе ее нет. Конечно, я прощаю тебя, но, как ты сама сказала, былого не вернешь, как говорят, рана от удара мечом заживает, однако рубец остается. Скажу откровенно: твое

несчастье, твой позор я переживала, наверно, с такой же болью, как и ты.

– Спасибо, спасибо, – сдерживая рыдание, прошептала Анисат, с трудом успокоившись, достала из-под полы полушубка два больших мотка белоснежной шерсти. – Свяжешь что-нибудь красивое себе или... Рэдэду.

– Спасибо, Анисат, – поблагодарила Айнар, тут же вынула из сундука отрез шелка на платье и чулки: – А это прими на память от меня.

Проводив гостью, Айнар зашла к Рампэс.

– Ну как, поговорила с подружкой, простила ее?

– Анисат так исстрадалась, великая княгиня, что не простить ее большой грех. Да и нельзя забывать, что все мы грешны: может наступить такой день, когда придется просить прощения, пощады просить...

Рампэс согласно кивнула седею головой:

– Мы сейчас с тобою вдвоем, только вдвоем перед всем миром, – проникновенно заговорила она, – и скажу тебе, как говорит мать своей дочери: я благодарю всемилостивых богов, что они привели в мой дом, моему сыну такую добрую и мудрую жену. Уже недалеко то время, когда я оставлю этот мир и уйду к богам, уйду со спокойной душой за судьбу моего сына. Ты поступила мудро, простив Анисат, но твоей подружкой, как прежде, она теперь не может быть.

– Да, конечно.

– Когда я увидела, как она зашла во двор, то очень огорчилась, подумала – испортит нам такое хорошее утро, но слава всемилостивым богам, они не допустили этого.

...Из поездки по Касогии Рэдэд вернулся к концу четвертого дня.

Во дворе, как и полагается, князю помогли спешиться, приняли повод коня.

Айнар стояла на веранде, она любила смотреть, как Рэдэд отправляется в путь или возвращается в родной дом. Когда он взлетает на коня и, подняв его на дыбы, бросает в галоп – значит, торопится куда-то по важным делам. Иной раз он неторопливо трогает повод, и конь, красиво выгибая гривастую шею и ударив копытом, будто пробует прочность земли, трогается, как говорят всадники, праздничной рысью. Ей нравилось наблюдать и как Рэдэд возвращался домой. Громадный, с тяжелым мечом на боку,

в медвежьей шапке, он ловко спрыгивает на землю, легко поднимается на крыльцо. Так было раньше, сколько помнит себя Айнар, а вот теперь, после свадьбы, все стало иным. Она и сама не могла объяснить, что именно изменилось, но в том, что изменилось, была уверена. Как-то по-другому и уезжал он из дома, и возвращался. Еще девчонкой любовалась им Айнар, а теперь и вовсе – ведь Рэдэд не просто домой, а к ней возвращался. Лишь приближаясь ко двору, он уже ищет ее взглядом, а уезжая, обязательно оглядывается и не один раз. Вот и сегодня еще издали увидел ее, стоящую на веранде, заехал во двор, спрыгнул на заснеженную землю.

Дворовый парень – новенький на конюшне – принес коню бадью с водой.

– Ты что делаешь! – прикрикнул на него Рэдэд. – Коня хочешь загубить? Сначала прогуляй его, пусть остынет немного.

Айнар, застеснявшись окрика князя, торопливо ушла к себе в комнату.

Рэдэд сперва, как всегда, зашел к матери, поздоровался с нею, коротко рассказал, где был, что делал, и лишь потом отправился к Айнар.

– Я хочу тебе кое-что сказать, Рэдэд, но боюсь, ты обидишься... Обещай, что не обидишься.

– Айнар! Разве слова любимой женщины могут быть обидными, если даже они горькие! – воскликнул Рэдэд.

– Как хочешь... Ты при людях так сердито отчитывал парнишку, что он не знал, куда ему деваться от стыда.

– Но ведь я отчитал его за дело, уму-разуму учил, и он должен быть мне благодарным – сам князь его учил!

– Сам великий князь, – улыбнулась Айнар. – При людях отругал его, можно сказать, мальчишку-несмышленьша, какое же тут – уму-разуму, скорее – княжеская пощечина...

– Какая пощечина, Айнар?! – удивился Рэдэд.

– Пощечина словом, да еще княжеская, к тому же при народе, это может запомниться мальчику на всю жизнь. И дело не только в нем. Береги свои слова, мой милый великий князь, каждое из них может быть дороже золота и страшнее удара меча.

Рэдэд раскатисто рассмеялся, взял в охапку Айнар, закружил по комнате:

– О боги! За какие заслуги вы наградили меня таким богатством! – он посадил ее на тахту. – Мой маленький, мой любимый друг в юбке, откуда это все у тебя?

– У меня тоже были мать и отец, бабушка с дедушкой, а великая княгиня Рампэс – о, сколько подарила она своей мудрости!

– Но почему ты раньше не была такой? – все больше удивлялся Рэдэд.

– Да потому, мой дорогой муж, что тогда я была всего лишь девчонкой, а теперь по твоей воле – великая княгиня.

Утром следующего дня, когда на востоке разгоралась заря, опять Рэдэд, Машук и Кодан с байколами срочно отправлялись в Трампап, в селение князя Абеча.

Рэдэду подали грудастого коня с белой звездочкой во лбу. Когда князь поднимался в седло, из конюшни донеслось гневное ржание другого, походного коня. «Знаю, что ты ревнивый, что любишь меня, умница, но мне предстоит нелегкая дорога, тут больше этот подходит, посильнее он, повыносливее».

Заря становилась все ярче, а потом растворилась в лучах восходящего солнца. Всадники остановились у посеребренного инеем дуба, воздели руки, обратясь к веселому утреннему светилу, просили в молитвах своих его милости – удачного пути, встреч с добрыми людьми, да пусть не встретится им зло, пусть уйдет оно стороной. А еще просили, чтобы боги умилились тех, к кому они направились по важному делу, просили удачи.

Утреннее солнце хотя и было уже зимним, но казалось великому князю Рэдэду приветным, даже зовущим к себе, в дальние дали.

Похрустывала под копытами примороженная земля, спали укрытые теплым снежным покрывалом поля, таил свои тайны в вековых дубах и буках, карагачах и пихтах угрюмый лес, стлы в голубой вышине громады гор.

«О боги, зачем вы создали таким свой мир: вершины гор в поднебесье и мрачные пропасти, удивительный разум и безумие, благостная тишина и ярость ветров, – размышлял Рэдэд. – Все есть у нас, нет лишь единства племен, а потому нет и мира. Но как создать это единство, как одолеть строптивость удельных князей? Каждый – хозяин в своем крошечном княжестве, кто из них откажется от власти или хотя бы от части ее для создания большого,

сильного государства, без которого не быть добру в этом прекрасном мире полей и лесов, гор и моря? – Рэдэд усмехнулся: – А ты, великий князь Касогии, сможешь уступить свое первенство для того же единства адыгов, скажем, зиху или меоту? А почему бы и нет, если он окажется достойным этого. Но кто будет судить о его достоинстве?..»

– Князь, уже скоро Трампап, – прервал размышления Рэдэда Кодан.

– Да, да, вижу.

«Князь Абеч – мой ровесник, я встречался с ним несколько раз, – продолжал рассуждать про себя Рэдэд. – Кто будет судить? Видимо, другие князья, адыги. Я должен доказать свое превосходство делами, своей честью и совестью, но не силой. Айнар говорила: «Никого не принуждай, потому что созданное силой – непрочно, чуть дунет ветерок – и оно тут же развалится. Прочно лишь то, что создано мудрым словом, мой дорогой князь, добрым и честным». Ох, эта Айнар, ох, мудрец в платке!»

Гостей встретили дворовые князя Абеча. Старший из них, смуглолицый здоровяк, принял повод, помог великому князю Рэдэду спешиться:

– Если наш высокий гость со своими спутниками не спешит, то князь Абеч будет очень рад с ними встретиться. Он ушел по делам, скоро вернется.

– Мы будем рады и благодарны, если князь Абеч окажет нам такую честь, – в приподнятом тоне ответил Рэдэд.

Смуглолицый уважительно поклонился и проводил гостей в дом.

Вскоре пришел и Абеч. Сухощавый, невысокий, жиденькая борода и вислые грустные усы, а карие глаза – яркие, быстрые, голос звонкий, молодой.

– По старинным обычаям, наш добрый хозяин, – добродушно начал Рэдэд, – гость может сказать, зачем он приехал, только через три дня, но мы не из тех гостей, которые могут позволить себе вольготно расслаиваться, впереди у нас дальняя дорога...

– Не спеши, Рэдэд, – возразил Абеч. – В нашей жизни чаще всего проигрывает тот, кто торопится. Думаю, хоть пообедать с нами вы останетесь?

– Что за дела, Абеч! – весело ответил Рэдэд. – Мы еще и после обеда посидим, у нас есть о чем поговорить.

– Вот и спасибо, дорогой гость, уважил, утешил хозяйина!

– Ты, наверное, догадываешься: мы приехали поговорить о наших делах, о том, что пора нам объединить мелкие княжества в одну, сильную державу, если не хотим превратиться в пыль, исчезнуть с земли своих предков. Ведь рано или поздно наши богатые и прекрасные земли завоюют те, кто посильнее нас, смешав кровь с землею... Чего же мы боимся, почему не учимся у соседей? Греки, хазары, русичи, персы – попробуй, подступишь к ним, у них вон какая силища, а потому, что все они собраны в один, сильный кулак. У каждого из них – один царь, один предводитель сильного войска. Думаю, для начала нам надо тоже создать сильное войско, в которое войдут воины от всех селений.

Подвижный, с быстрыми суетными глазами, с высоким, почти женским голосом Абеч стал серьезным, строгим, как показалось Рэдэду, сделался плечистее, и даже голос его погрубел:

– Знаю, великий князь, по горным тропинкам, по перевалам и до нас дошло твое слово. Нужно задумал ты дело, но между словом и делом, ты сам знаешь – пропасть. Чтобы приняться за дело, надо перекинуть через эту самую пропасть в людском сознании для начала хотя бы мостик, а потом уж прочный мост. Мозговали мы тут между собой, – сощурился в лукавой улыбке Абеч. – Сидит где-то в вышине, над всеми нашими древними землями великий князь, а перед ним огромное, сильное войско с лихим предводителем впереди. Под воинами – ретивые скакуны, на их головах – боевые шлемы, груди – в кольчугах, в руках – мечи булатные, а стрелы острее пчелиного жала. Страшится этого войска и хазары, и русичи, и персы... Нет-нет, князь Рэдэд, не посмеивайся, не выдумка это, а то, к чему стремишься твой отец, к чему теперь ты стремишься, о чем твое слово идет по нашим землям... Я говорю не очень длинно, князь? Спасибо. Большая речка начинается с маленького ручейка, потом в него вливается другой, третий. Мы тут и подумали: надо начать с малого, пусть в каждом селении по своим возможностям подберут воинов, вооружат их,

назначат предводителя, а уж потом можно постепенно соединить их в единое большое войско.

Рэдэд был доволен, согласно кивали и Машук с Коданом.

– Спасибо тебе, князь, от всех нас спасибо. Ты подбери своих людей и обязательно приезжай с ними на Всекасожское хасэ, будем вместе добиваться того, о чем сейчас говорим.

– Все так и будет, великий князь, думаю, мы добьемся своего, сумеем создать свою сильную державу. А теперь прошу отобедать.

Был обед как обед – лилепс, жареное мясо, сыр, буза, чуть позже – горячие лепешки с медовухой. Это на столе, а в сердце каждого – маленький праздник согласия.

Как говорится, с легкой руки князя Абеча во всех селениях, где побывали Рэдэд с Машуком и Коданом, их встречали с добром и согласием.

В дальних и ближних поездках Рэдэд не заметил, как приблизился день Всекасожского собрания.

Это был для него не первый хасэ, но почему-то всю ночь накануне ему плохо спалось. Поднялся он еще затемно, и теперь, когда чуть забрезжил рассвет, Рэдэд в раздумье вышагивал во дворе по хрусткому снегу, заложив руки за спину.

Он знал: в море командует судном один человек, только один, которому верит вся команда. Верит в его силу, в его ум.

Когда находился он в неволе, к нему являлся несколько раз священник, много рассказывал о христианской вере. Он пояснял: в начале было Слово, и это Слово – Бог. Пояснение священника Рэдэд истолковал по-своему: боги создали человека с его разумом и мыслями, выражая их словами, которые потом становятся делом. Рэдэд видел не раз, как слово зажигало людей, делая их добрыми или злыми, мужественными или трусами. И капитанами на судах, и предводителями воинов, селений, даже народов становятся с помощью горячего слова. Всякое дело начинается с мысли, выраженной словами. «Надо найти мне горячие, самые правдивые слова для хасэ...»

– Я думал, что одному мне не спится, что я один в такую рань поднялся, – прервал его размышления Шупаш.

– Тебе-то чего не спится, младший брат?

– Должно быть, по той же причине, что и тебе. О-о, когда ты был в неволе, как мне тут доставалось! Мол, такой-сякой, откуда ты взялся! А тебя уважают, даже любят, один лишь горбун...

– Уо-уи-и, оставь, наконец, несчастного Тураба! Он мне ничего дурного не сделал и не делает, не следует наговаривать всякие глупости на посланца богов.

– Да какой он посланец!

– Разве я не ясно тебе сказал? Пойдем-ка лучше поздороваемся с нашими воинами, в это доброе утро скажем им добрые слова.

– Э-э! Почему ты, великий князь, должен подходить к простым воинам?

– Да потому, непонятливый мой брат, что они охраняют, берегут мою, заодно и твою жизнь, этим заслуживают нашего с тобой уважения. Да и не вольны они покидать определенное им место. А еще, как говорил мой покойный отец, простой человек за княжеское уважение к нему трижды заплатит князю своей благодарностью. Пойдем, не гордись. Да и с кухни уже вкусным запахло, время позавтракать, так что поторапливайся! И не хмурься, пожалуйста, смотри, какое хорошее утро наступает – рассеивается туман, свету богов уступает место, для нас с тобой... Доброе утро, воины Касогии!

Конечно, Рэдэд, великий князь, мог бы приехать на Курайское поле, где уже собираются пешие и конные на Всекасожское хасэ, попозже, чтобы его встречали с положенным торжеством, но он отправился пораньше, пусть все видят и знают, что их великий князь с почтением относится к хасэ, к воле народа.

Туман рассеялся. В небе – ни облачка, только большое, по-зимнему бледное солнце.

В сопровождении Шупаша, Кодана и воинов княжеской охраны Рэдэд проехал по кругу на белом скакуне, здороваясь с участниками хасэ. Его приветствовали шумно, весело и в то же время с почтением. Все были довольны, что великий князь с помощниками и воинами подъезжает к ним, душевно приветствует. Такого даже никто из стариков не припомнил.

Недалеко от помоста пылали костры, распространяя душистый смоляной дым. В громадных котлах грелась вода. Рядом свеживали упитанных баранов.

В середине поля возвышался дощатый помост для совета хасэ. За помостом и вокруг него – пешие, а позади них – конные посланцы селений.

Объехав по кругу поле, Рэдэд спешил у помоста, поздоровался с князьями и старейшинами селений, с каждым за руку.

– Тураб, а ты чего там прячешься, за спинами? Выходи сюда, выходи, помолимся перед началом хасэ, – позвал его Рэдэд.

Тураб решительно, с чувством собственного достоинства вышел из толпы, собираясь встать впереди князя, чтобы возглавить молебен, но тот так взглянул на него, что он, сжавшись, застыл на месте.

Рэдэд взошел на помост, поднял руку, прося тишины. Когда все затихли, неторопливо, четко и твердо произнося каждое слово, заговорил:

– Досточтимое хасэ! Все эти дни, до самого сегодняшнего утра стояла непогодь, выпадали слякотные дожди, окутывали непроглядные туманы, а теперь – посмотрите! Сколько света и радости над нами, само великое Светило благословляет Всекасожское хасэ. Помолимся же нашим богам с благодарностью и благоговением! – Рэдэд воздел руки. Все последовали его примеру. Над полем воцарилась тишина. – Пошлите, о великие боги, нашему собранию братское согласие, пусть ваше добро вселится в наши сердца!

Гул благоговейного одобрения воспарил над полем.

Рэдэд коротко и обстоятельно рассказал, как живут заморские народы, как устроены их державы, потом сообщил о своих поездках по селениям, о разговорах с князьями и предводителями селений.

Первым выступил князь Абеч. Звонким высоким голосом заговорил возмущенно:

– До каких пор на нас будут нападать то хазары, то аланы, то всякие залетные разбойники?! Дошло уже до позора: украли нашего великого князя! А мы сидим в своих норах, спорим, у кого дороже шапка и лучше меч, кто из нас важнее своею статью! Правильно говорит великий князь Рэдэд: все мы должны сойтись в единое государство, сжаться в один кулак, и чем он крепче будет, тем лучше, спокойнее станет жить каждый из нас!

Гулом одобрения отозвалось Абечу хасэ, ему и тем, кто выступал вслед за ним и звал к объединению. Но вот вышел к помосту губастый, большерукий кузнец Емзеш, заговорил надтреснутым басом:

– Правильно, нам нужно свое войско, крепкий кулак нужен, чтоб недругам неповадно было шкродить на наших землях. Мы тут говорим о хазарах, разных залетных разбойниках, а тех, что у нас под носом, кто водит дружбу с рыжим поганцем Нахлешем, не видим, хотя они стоят тут, рядом с нами!

– Не гоняй попусту ветер, – сердито остановил его Рэдэд, – назови их имена.

– Пожалуйста. Это Кодан. Он болтался среди хакучинцев, якшался с рыжим Нахлешем.

Встревоженным гомоном отозвалось хасэ.

– Тише! Спокойней! Сейчас во всем разберемся... Кодан, выйди в круг и ответь.

– Верно, досточтимое хасэ, верно, великий князь, ездил я к хакучинцам. Но по делу ездил.

– Что еще за дела могут быть с недругами? – нахмурился Рэдэд.

– Не к Нахлешу, по другому делу ездил...

– Не юли, Кодан, говори правду! – пристукнув о помост посохом, строго сказал Колэс.

Зашумело хасэ, загомонило.

Вышел и стал рядом с Коданом Машук:

– Кодан ездил не к хакучинцам, не к рыжему Нахлешу, ездил по моей просьбе к Чечану. – Машук опустил голову и добавил: – Вы знаете о беде моей сестры, вот Кодан и ездил к Чечану...

Притихло Всекасожское хасэ. Ветерок пробежался по полю, умчался куда-то вдаль.

Тишину нарушил Рэдэд:

– Пусть хасэ решит. Кто еще хочет сказать или добавить по этому поводу?

Вышел старший сын Хакары Гуат:

– Там, у хакучинцев, бесчинствует рыжий Нахлеш, убивший моего отца. Получается, мы с ним одним не можем справиться, а о чем-то другом и говорить не стоит.

– Стоит, и будем говорить, Гуат, не сомневайся, обязательно накинем уздечку на Рыжего, смертельную петлю накинем на его шею.

Всадник прискакал со стороны Мазиба, спрыгнув с коня, пробился на середину круга и стал у помоста, опустив голову.

Это был Чечан.

Зашумело хасэ, загалдели женщины.

– Бесстыдник! – вырвалось у Айнар. – О боги, как он посмел показаться! Да еще на хасэ!..

– Помолчи, Айнар, – строго повелела Рампэс.

– Великий князь, досточтимое хасэ! – подняв голову, заговорил Чечан. – За мои тяжкие проступки я обречен – предайте меня смерти.

Будто что-то упало и взорвалось посередине круга – так громко вдруг заговорили сотни людей.

– О боги, помилуйте несчастного! – взмолилась какая-то женщина.

– Да он безумный!..

– Нет, он – несчастный!

Рэдэд, требуя тишины, долго стоял с поднятой рукой – взволнованное море не может вдруг стихнуть.

Тяжело поднялся немощный от глубокой старости Пшимаф, подошел к краю помоста и, глядя сверху на Чечана, по-отечески участливо спросил:

– Скажи, внук мудрого человека, чтимого всей Касогией Колэса, как ты мог так низко, так позорно пасть?

– Рыжий Нахлеш сбил меня с толку...

– Э-э-э, сын мой, хотя и не сознаешься, но я знаю – тебе хотелось власти, большой власти. Но ты не знал или не хотел знать, что власть дается и освящается богами, а если ее берут силой, то она греховна и к добру не приведет. Даже на подступах к ней, как ты теперь понял, она грозит бедой.

Пшимаф сел на свое место, а к Чечану подошел Колэс. Он угрожающе постучал посохом о гулкий помост:

– Ну что, бесчестный, просветлел твой разум? Теперь хочешь смерти? Если бы в самом деле хотел умереть, то умер бы там, в горах, вдали от позора. Нет, не за смертью – ты за жизнью сюда пришел. Рэдэд, дай меч, я снесу его дурную голову.

– Нет, высокочтимый Колэс, нельзя так. Успокойся, пожалуйста. Пойдем, я провожу тебя на твое почетное место, – попросил Рэдэд, беря Колэса под руку. Возвратившись, он обратился к притихшему хасэ: – Вы слышали,

Чечан просит, чтобы вы предали его смерти. Конечно, как сказал почтенный Колэс, Чечан мог умереть в горах, но он, я думаю, не хочет, не может умереть с непрощенным вами тяжким грехом.

– Простить его!

– Ради почтенного Колэса надо простить!

– Простить, простить! – все чаще раздавались голоса.

– Чечан, хасэ не хочет твоей смерти, оно прощает тебя!.. Теперь, досточтимые, я предлагаю назначить предводителем Всекасожского войска Кодана, а Машука – предводителем Мазибской дружины.

Никто не стал возражать; что касается Машука, такое решение его очень удивило и больно задело самолюбие.

Хасэ назначило предводителем дружины в Мыстхако вместо рыжего Нахлеша Темрюка, были назначены также предводители в селениях, где уже создавались пешие и верховые дружины.

А Рэдэд, когда Всекасожское хасэ начало разъезжаться, примирительно улыбнувшись Чечану, пригласил его на вечернее застолье.

VII

С вечера в бездонной кромешной тьме тосковал в одиночестве ветер, а потом, скатываясь с гор в долины, то угрожающе гудел, то жалобно стонал в печных трубах, то по-разбойничьи лихо свистел в голых ветках дубов и карагачей. Пригнал из-за хребта тучи и в гневном своем, от тоски своей, решил засыпать, завалить снегом землю. И, завалив, улетел в ущелья, затаился в пещерах, а утром выглянуло розовое солнце и обрадовалось красоте, невзначай содеянной ночью лихим ветром.

Накинув на плечи цветастую персидскую шаль, вышла на веранду Анисат, увидела белоснежное чудо, ахнула от радости и тут же услышала голос матери. Она стояла с деревянной лопатой у сугроба, переговариваясь с соседкой, выгладывавшей из-за плетня.

– Видно, правду говорят: если хочешь от кого-нибудь получить зло, сделай ему добро... Э-э, как мы старались на свадьбе Рэдэда, из кожи вон лезли, только бы угодить, как чествовали молодых! На всю Касогию было видно и слышно! А что за это получили? Черную неблагодарность!

Как посмел князь опозорить сына моего, друга своего, за что понизил его в должности? За добро наше?

– Да не бери ты в голову, дорогая соседка, эти глупые мужские дела. Да и чего печалиться, ведь Машука назначили предводителем Мазибской дружины.

– Э-э, дружины, – простонала Усас. – А был-то он – предводителем всех войск!

– Глупость все это, соседка, глупость, не стоит расстраиваться.

– Я-то, может, и не расстраивалась бы, да уж очень переживает эту беду Машук – не спит, не ест, прямо беда...

Услышала это Анисат и тоже заперезживала. Правда, не очень – ее сердце теперь болело совсем по другому поводу – вернулся в Мазиб Чечан. «Что будет со мной... с нами? Неужели он забыл?.. А какие слова говорил! Нет, он все же хороший, просто черная кошка пробежала между нами, будь она проклята. Говорят, он пришел на хасэ и просил смерти. О боги, спасибо, что вы пощадили его, а теперь мне помогите!»

Вошла мать, сердито буркнула:

– Садись завтракать!

– Не знаю... тошнит меня...

– А на копне сена не тошнило, бесстыдница? Глаза бы мои на тебя не смотрели! Тоже нашла мужчину! Он, видите ли, пришел умереть. Позорник несчастный, а не мужчина. Ешь, я пойду к Курац, поразвеюсь немного от всего этого.

Ушла мать, зло грохнув дверь. Анисат присела к столу, через силу поела немного, принялась мыть посуду.

Чечан, ну с ним понятно, а родная мать зачем так мучает ее? Получается, на всем белом свете нет человека, который бы приголубил, пожалел Анисат. «Всемиловитые боги, почему люди так жестокосердны, почему не помогают друг другу в беде? Даже моя родная мать».

Мать Айнар была женщиной твердых правил, держала дочь в строгости, лишнего шага не позволяла сделать: с кем она дружит, где бывает – все знала. А вот Усас, мать Анисат, относилась к детям по-иному. Главным для себя она считала вовремя накормить всех, в остальном же они были предоставлены сами себе, жили вольно, без строгого родительского глаза. Айнар, бывало, завидовала Анисат. А теперь? О! Едва успела выйти замуж, а уже – великая княгиня! Вчерашняя девчонка... И разговаривать, и ходить

стала иначе – все по-другому. Что интересно, Рэдэд к ней тоже стал относиться иначе, чем раньше. Великая княгиня! И Рампэс всем и всюду показывает свое уважение к ней. «О боги, за какие грехи я так наказана? За свое нетерпение в любви к Чечану? Айнар тогда с завистью говорила мне: «Как ты свободно ведешь себя!» Вот теперь за ту самую свободу и лью слезы. О боги, смилуйтесь надо мною... Разные гадости говорят в Мазибе о Дахапсе, а сами частенько украдкой ходят к ней. Похоже, и мне больше не у кого просить помощи, только у нее».

Одевшись в лисий полушубок и накинув шерстяную шаль, Анисат, стараясь быть незаметной, отправилась к Дахапсе. Она увидела ее во дворе очищавшей дорожку от дома к воротам.

– Как я рада, Анисат, что ты пришла, – приветливо встретила гостью Дахапса, – как трудно жить нам, одиноким женщинам. Проходи в дом. Посидим, погорюем, порадуемся, душеньки наши оживим... Проходи, проходи, моя хорошая. Снимай свою лисью доху и садись поближе к веселому огоньку.

– Как у тебя тепло и уютно в доме, Дахапса.

– Стараюсь. Хотя бы этим порадовать себя.

Они сели друг против друга, на скамеечках у очага. И было в этом свидании что-то пронзительно грустное, даже печальное, в то же время эта чисто женская грусть и печаль объединяла их, вселяла в души чувство единства и покоя.

Они долго сидели молча у огня, который тоже казался грустным. Им было так хорошо, что они не замечали времени.

– Я знаю, почему ты пришла ко мне, – сказала Дахапса так, будто сама просила Анисат о помощи. – Слышала, что вернулся твой Чечан, вижу – растревожилось твое сердце.

– Не знаю, мой ли... Жизнь его, беднягу, так скрутила, что он едва на тот свет не отправился. Думаю, тут не обошлось без злого духа, потому и пришла к тебе: замолви словечко Турабу, пусть поговорит с богами, может, они подскажут ему, что и как надо сделать. Тураб знает о наших с Чечаном отношениях, что произошло между нами...

– Как не знать, если он давал тебе приворотную травку, она ведь помогла, Чечан пришел к тебе.

– Прийти-то он пришел, я уступила его мужскому огню и вот теперь ношу под сердцем... Я хотела избавиться...

но ничего не вышло. Чечан должен жениться на мне, ведь это его ребенок...

«Глупышка ты, глупышка, ничего еще не поняла в жизни. Мне бы ребенка! Пусть даже нагулянный, плевать! Я женщина и хочу быть матерью. И тебе, голубушка, дала такую травку, чтобы ты родила ребеночка. Придет время, благодарить меня будешь».

– Как ты думаешь, Дахапса, ответь, надо ему сказать о ребенке?

– Не знаю, что он за человек.

– Он хороший, очень хороший, я сама виновата в том, что Чечан отвернулся от меня.

– Думаю, не зверь же он, узнает о ребенке, разве не позовет тебя?

– Если бы так, я всю жизнь благодарила бы богов, служила бы им.

– Думаю, боги обязательно услышат тебя, обязательно помогут. Садись к столу, пообедаем.

– Спасибо, я сыта.

– Ничего, найдется место и для моих угощений.

– Я знаю, ты большая мастерица. А как у тебя в доме хорошо, как все ладно, какая ты гостеприимная...

– Дорогая Анисат, кому нужно мое гостеприимство? И за что меня наказали боги, дав в мужья немощного мужчину.

– Как это – немощного? Объясни, пожалуйста, а то в Мазибе всякие глупости рассказывают про него.

Улыбнулась Дахапса:

– У него нет той силы, от которой ты понесла в чреве своем... Натая очень хороший человек, с добром и сердцем относится ко мне, но кроме этого женщине нужно и другое, а боги наказали его, не знаю, за какой грех. Тураб пытался вылечить его – давал разные травы, какие-то свои молитвы произносил над ним. Ничего не помогло, видно, не согласились боги простить. – Дахапса поставила перед Анисат миску горячего лилепса, сложив на коленях руки и горестно покачивая головой, заговорила: – Ты по-своему несчастна, я – по-своему, а несчастье оно и есть несчастье, каким бы ни было. Гляжу я на тебя – да ешь ты, покушай горяченького – и думаю: мы с тобой родные сестры по несчастью. Подружки. Потому и открою перед тобою душу свою. Надо же мне когда-то эту тяжесть хоть как-то сбросить...

силь. – Сказав это, Дахапса долго молчала, покачивая головой, которая словно все тяжелее становилась, ниже и ниже клонясь. – Еще молоденькой я была, когда к нам стал захаживать Хакара. Он так смотрел на меня, такие горячие и красивые слова говорил. Все обещал разойтись со своей женой и жениться на мне. Все это было шуткой. А потом... потом совсем перестал замечать меня, даже стороной обходил. Тут и появился Натай, холостой, уважительный, добрый. Влюбился он в меня, и мы поженились. Думала – вот оно, счастье, да ошиблась... Снова стал ходить ко мне Хакара... Натай говорил, что прощает мой грех с ним... Я обрадовалась, да оказалось напрасно... Первый раз, говорят, согрешить трудно, а потом уже само пойдет. Так и у меня. Мучилась я с Натаем все годы... Тут-то стал добиваться меня Тураб.

– Лицом он даже симпатичный, но...

– Ох, Анисат... Горбатый он, как есть горбатый, но – мужчина. Да еще какой! Хотя ты еще вряд ли знаешь, что это такое, но подойдет время, проснется в тебе... станет тебя так донимать, что света невзвидишь! – И надрывно рассмеялась Дахапса. – Не сердись на меня, дуру. Одной тебе, сестре родной по женскому несчастью, говорю, хотя это и стыдно очень.

Обе они долго сидели молча с опущенными от неловкости головами.

– Ну, если он нравится, если он ходит и ходит, почему не женится на тебе?

– Он хоть сегодня готов, только помани я его пальчиком, – приосанилась, повела плечами Дахапса.

– Красива ты, очень красива, а почему же такая, как сама говоришь, несчастная?

– Наверно, потому что... как тебе сказать, нехорошо с красотой своею обращаюсь. Хакара, Натай, Тураб, и теперь, если кто послаще подвернется, не устою, даже хочу, чтобы он появился.

– Что ты говоришь, Дахапса?! Разве мыслимо такое?

– Нет, конечно, а все равно хочу. Красота моя хочет.

– Ой, Дахапса, ну и бесстыдница же ты.

– Да, бесстыдница! Но... хватит об этом.

Опять они замолчали. Анисат удивленная и озадаченная, а Дахапса с опущенной, потяжелевшей головой.

– А вот скажи, Анисат, почему Чечан совершил подлость? Ты такая же красивая, такая же, как говорят мужчины, милая, как и твоя подружка Айнар. Чечан, должно быть, когда добивался тебя, говорил разные красивые слова, обещал много, а обесчестив – бросил, кинулся к Айнар, пытался украсть ее у своего друга Рэдэда?

– Это все проделки рыжего Нахлеша...

– А у Чечана разве нет своего ума, мужской совести?

– Он – хороший, ласковый, – упавшим голосом ответила Анисат.

– Он такой же хороший, как и я.

– Не надо, прошу тебя, – взмолилась Анисат. – Ведь он перед всем миром на хасэ свой позор признал.

– Это – слова. У иных они, как ветер. Посмотрим лучше на его дела... Говорят, ты ходила поздравлять Айнар? – с насмешкой спросила Дахапса.

– А что в этом дурного?

– Просто мне вспомнилась одна история... Жили-были две подружки, обе такие же красивые, как вы с Айнар. Одна из них скромная, чистая в своей доброте и порядочности, а другая своенравная и властная. Приехал как-то в это селение молодой князь, на игрищах встретился с застенчивой и скромной, она до того ему понравилась, что он решил жениться на ней. Приехал второй раз, ему на игрищах встретилась та, что своенравная и властная, и, как говорят, взяла его в свои крепкие ручки. Поженились они, невестка начала хозяйничать в доме. Не только мужа своего, но и свекра со свекровью решила подчинить своей капризной и взбалмошной воле. Недаром говорят: добрая жена – дом, а хитрая и злая – подвал. Князь оскорбился, задумал избавиться от своей жены. Под благовидным предлогом отправил ее к родителям, а когда возвращался домой, встретил скромницу. Она опять ему понравилась своим тихим застенчивым взглядом, как и тогда, при первой встрече. «Как же это случилось, – удивился князь, – ведь я тебя первой увидел, на тебе хотел жениться, а ты куда-то исчезла, и твоя подружка накинула на меня петлю, из которой никак не могу вырваться». – «Моя подружка сказала, что мужчин надо брать не кротостью и мягкостью, не добротой девичьей души, а силой. Вот и получилось – она права». – «Не права она, за свой нором будет жить соломенной вдовой, а ты – счастливой женой».

– Я поняла, куда ты клонишь, но мне это не годится.
– Почему? – удивилась Дахапса. – Разве не счастье быть женой великого князя Рэдэда, лучшего из лучших мужчин?

– Счастье, но не для меня. Мне легче умереть, чем сделать подобное. К тому же, с какими глазами пришла бы я к князю Рэдэду с чужим, как говорят люди, нагулянным ребенком?

– А вытравить нельзя этого... нагулянного?

– Ты с ума сошла, Дахапса! Убить...

– Успокойся, Анисат, прости меня за недоброе слово, прости. Ну, не плачь ты, не плачь, – Дахапса обняла Анисат, обожгла ее грудь своими слезами горечи и боли.

Не сразу они успокоились. Нарушила горестную тишину Дахапса:

– Я уговорю Тураба, заставлю его умолить для тебя богов. Он это обязательно сделает, не беспокойся. И не ходи к Чечану, сделай вид, будто он тебя не интересуется.

– Ах, если бы я могла это сделать!

– Обязательно сделай, не унижайся, жди, он сам прибежит к тебе. Обязательно прибежит.

VIII

После Всекасожского хасэ Чечан несколько дней не выходил из дома. Ему казалось, что он заболел тяжелой болезнью, приковавшей его к топчану, на котором пролеживал целыми днями. По ночам он вдруг просыпался в холодном поту от страха. Было такое чувство, что вот-вот должно что-то случиться, кто-то непременно придет и сообщит ему нечто важное и очень страшное – страшнее самой смерти. Но кто придет и что скажет – Чечан не мог даже предположить, и от этого ему становилось еще страшнее... Он боялся и того, что должно произойти неминуемо – встречи с дедом. Если бы дед избил его своим посохом, о, как это облегчило бы душу! Но он не станет бить, может лишь посмотреть презрительным взглядом, который больнее удара посоха, бросит ему в лицо гневные слова... Знал Чечан также, что ему непременно придется встретиться и с Анисат. Но что он может ей сказать, как посмотрит в глаза?

А Рэдэд? Во время застолья он протянул Чечану рог бузы, можно сказать, руку прощения протянул. Согласился бы он запросто проехать с Чечаном по Мазибу! Тут все и наладилось бы, все бы простилось само собой, но как это сделать, не просить же великого князя об этом? Можно, конечно, напроситься к нему в спутники, но опять же... Какие слова он скажет другу, которого, по сути, предал, какие услышит в ответ?!

Тянулись бредовые ночи и невероятно длинные, тягучие дни. Чечану вдруг подумалось – не сходит ли он с ума?

– Нет! – лежа на голой циновке, сказал он громко. – Вставай, иди и начинай с Анисат!

Сказал Чечан, и ему показалось, будто не сам он решил, а кто-то другой повелел ему. Быстро поднялся, одевшись, направился со двора... и прямо у калитки встретился с дедом Колэсом. Даже остолбенел от неожиданности, задохнулся, а строгий дед как-то миролюбиво усмехнулся:

– Пошли в дом. – И не понять было – то ли он толкнул внука, то ли приобнял за плечи и зашагал впереди, постукивая тяжелым посохом, а когда зашли в дом, повелел: – Садись!

Понятно, нельзя сидеть, когда стоит старший, но дед так взглянул, что Чечан невольно опустился на стул и снизу вверх, как на что-то недостижимое, смотрел на него.

– Ну... Что тебе сказать, парень?

– Я... все понял...

– Ничего ты не понял, – укоризненно покачивая головой в шапке из волчьего меха, сказал Колэс. – Мать твоя хотя и не носила шапку, но стоила многих мудрых мужчин. Да и я вроде бы не из глупых, только ты почему-то немного взял у нас с нею, не взял того, что главное для человека, особенно для мужчины. Оправдывая свою низость, ты сказал, что виноват в этом Нахлеш, мол, сбил тебя с толку. Дорогой мой внук, за чужой спиной прячутся только трусы, из которых произрастают подлецы и предатели. Только богам ведомо, какую боль позора я вынес на своих старческих плечах! Искупить этот позор перед людьми я мог бы только твоей кровью. Если бы Рэдэд дал мне меч, не противился моей воле – я принародно отрубил бы тебе голову.

– Я подам тебе меч, не пожалей меня, отруби...

Колэс резко встал, замахнулся на Чечана посохом и с грохотом опустил его на пол:

– Какой ты глупый! Не знаю, сможешь ли когда-нибудь поумнеть... Не провожай меня, не смей!

Ушел Колэс, а с ним – глыба скорби и боли. Чечан то нервно ходил по комнате, то пластом лежал на топчане, то садился у окна, как бы освобождаясь из некоего обморочного состояния. Затем, сдавшись, вышел из дома, потоптавшись по хрусткому снегу, побрел по улице. Его догнал на коне Машук:

– Я не спешиваюсь, тороплюсь очень. Рэдэд велел передать, что он зачислил тебя в Мазибскую дружину, так что готовь боевого коня и доброе оружие. Завтра вернется великий князь и нас соберет, как он сказал, для осмотра. А ты куда направился?

– К вам...

– Но почему идешь в обратную сторону? – удивился Машук.

– Вот ведь... совсем отшиб мне памороки.

– Кто?

– Кто же – дед...

– Дед? Ну, это хорошо. Если почтенный Колэс – к добру это. Взбодри себя, взбодри! – Машук тронул коня, но тут же придержал: – А вот матери моей не попадайся, она тебе глаза выцарапает. Надеюсь, знаешь за что?

– Знаю, Машук, знаю, – понутив голову, ответил Чечан и побрел теперь уже в нужном направлении. «Дед неправ, я вовсе не трус, вовсе не прятался за чужую спину. Нахлещ лишь потакал в моих стремлениях – заполучить красавицу Айнар, стать князем Касогии...»

– Чечан, ты тоже на похороны? – окликнул Татух.

– А кто помер?

– Мать нашего друга Нашхо. Пожила, пожила на свете: ей столько лет, что никто в Мазибе, да и она сама, не знают, сколько. Хотя Нашхо и сам уже старик, но, как говорят, добрая мать и хорошая погода каждого радуют. А еще люди говорят: отца похоронил – наполовину осиротел, а мать – стал круглым сиротой, это всегда печаль...

Чечан с Татухом и другими мазибцами вошли в скорбно распахнутые ворота, как полагалось по обычаю, отдали соболезнование многочисленным родственникам, детям,

внукам и правнукам покойницы. Потом, отойдя в сторонку, негромко переговаривались, вспоминая добрые дела ее.

Чечан заметил, как во двор входила с соседками мать Анисат Усас. Увидел и незаметно удалился, спешно пошел к дому Машука, обрадованный тем, что Анисат осталась дома одна.

Во дворе вылез из-под сапетки черный мохнатый пес, приветливо взвизгнул, виляя хвостом. Чечану стало неловко перед уважительным псом, будто и перед ним он провинился. Потрепав его по загривку, направился в комнату Анисат. Прежде чем войти, покашлял у двери.

– Можно, Анисат?

Лишь только покашлял он за дверью, Анисат уже вся загорелась, так забилося ее сердце, что всей груди стало больно. И вдруг – все оборвалось, остановилось сердце, исчез жар на лице, оно все побледнело. Анисат стала такой спокойной и холодной, что сама испугалась, но испуг тоже прошел. Она с легкой усмешкой улыбнулась:

– Ведь ты уже вошел. Садись.

Чечан положил руки на колени, потом убрал за спину, опять – на колени, ему хотелось встать, хотелось двигаться:

– Ты носки вяжешь Машуку?

– Нет, это сеть.

– Какая еще сеть?

– Обыкновенная, чтобы ловить мужчин.

– Каких еще мужчин?!

– Какие в шапках и штанах, на быстрых рысаках.

– Поймай меня!.. – судорожно улыбнувшись, произнес Чечан и почувствовал дрожь в груди. – Говорят, боги прощают покаявшихся, прости и ты меня, – утихла дрожь, вместо нее появилась легкость.

– Боги прощают, а я – не бог, – сказала Анисат и осудила себя за эти, как ей показалось, неприветливые слова.

– Я не у богов, у тебя прошу. Хорошо знаю, сколько боли причинил тебе, но... конь о четырех ногах и то спотыкается... Я пришел в Мазиб, чтобы умереть за все плохое, что натворил, за боль и несчастье, причиненное тебе. Я просил у людей перед всей Касогией смерти, но они не дали, и вот... я пришел к тебе...

– Ты всегда умел говорить красивые слова, благодаря им лишил меня девичьей чести, опозорил...

– Ты вправе сказать мне самые горькие, самые оскорбительные слова, кроме одного. Сама знаешь, о каком слове я говорю...

– А если я его скажу? – с трепетным страхом произнесла Анисат.

Чечан встал. Анисат поняла, почему он встал, она знала, что он сделает с собой, если сейчас уйдет. В ее глазах появились слезы. Она хотела их смахнуть, но не смогла поднять руки. Сумела лишь отвернуться, чтобы он не увидел ее слез.

– Сядь, Чечан, – она повернулась к нему, платочком смахнула слезы радости. «До чего же ты глупый! Глупый и непонятливый. Я трижды соглашусь умереть, лишь бы жил ты, раз пришел сам, смотришь на меня такими добрыми глазами». Она не знала, что ей делать, что говорить, чтобы не спугнуть свое счастье.

– Посиди, я сейчас вернусь. – А вернувшись, принесла пушистую серую кошку, положила ее на колени Чечана. – Ты узнал ее? Помнишь, ты за пазухой принес котенка, помнишь? Она тебя узнала. Видишь, как прижимается к тебе, мурлыкает.

Растроганный Чечан стал гладить кошку и не знал, что ему сказать, что делать. «А ничего не надо ни говорить, ни делать. Слушай, как мурлычет кошка, смотри на красивое лицо Анисат, не спугни всего этого какими-нибудь глупыми словами, – мысленно произносил Чечан и сам чуть на замурлыкал от счастья. – Спасибо, о великие боги, за милость вашу».

Анисат слушала тишину, смотрела на Чечана, и ей казалось, будто он, прикрыв глаза, тоже тихонько мурлычет. Она подумала – нельзя так долго молчать, и лукаво взглянув на Чечана, спросила:

– Скажи, уважаемый Чечан, чем ты занимался там, в Хакучии?

– Знаешь, с каждым днем все больше задумывался, что натворил много глупостей, послушавшись Нахлеша, с каждым днем мне становилось все больнее за тебя...

– А у нас тут говорили другое. Будто рыжий Нахлеш стал князем Хакучии, а ты – его правой рукой, – озорно усмехнулась Анисат. Просто хотелось ей с ним говорить, слушать его голос: она так долго ждала этого часа: смотреть на него, слушать, говорить. – Ну? Чего же ты молчишь?

– Хочу... молча слушать, смотреть на тебя и... погладить твою руку...

Анисат, не позволив дотронуться до руки, убрала ее с колена, с укоризной взглянула на Чечана.

– Ты лучше расскажи о Хакучии. Говорят, там строптивые люди?

– Нравится нам или нет, но хакучинцы – свободолюбивый народ, у них не было князей, всегда жили у себя в горах каждый сам по себе, зачем же им князь, да еще из пришельцев? Есть, правда, среди них один человек, зовут Барич, похожий на медведя. Он мечтает быть предводителем, но вряд ли согласятся хакучинцы расстаться со свободой. Рядом с Баричем красуется Нахлеш, только попомни мое слово – рано или поздно они прикончат его.

– Подлый человек этот рыжий Нахлеш. Говорят, он убил своего друга, свояка Хакару.

– Там все было не так просто. Ты знаешь, в смерти отца Тураба повинен Хакара, посланец богов и отомстил ему – уверил хакучинцев, что в Хакаре сидит злой дух, а Нахлеш, чтобы возвыситься перед ними, столкнул Хакару в пропасть...

– Хватит о нем, – брезгливо поморщилась Анисат, – скажи лучше, как отнесся к тебе Рэдэд, ведь ты и ему...

– Ты права, я ему так напакостил, что простить, думал, невозможно, а шел в Мазиб, чтобы повидать тебя, вымолить твое прощение, потом смертью расплатиться за все, но Рэдэд... – влажными стали глаза Чечана, – даже грубого слова мне не сказал, не дал деду меч...

– Неужели старый Колэс мог убить тебя?! – изумленно спросила Анисат.

– Мог, и правильно сделал бы.

– Не смей, я не хочу этого слышать! – вскрикнула она и, помолчав, сказала: – Еще спрошу и – хватит. Как это рыжий Нахлеш отпустил тебя?

– Отпустил?! Он подался со своими подручными грабить, вот я и уехал... Нахлеш стал коситься на меня – я возражал против грабежей, ждал, что он меня прикончит. Но главное, почему я уехал из Хакучии, конечно, ты. – Чечан вкрадчиво покосился на Анисат, попросил: – Раз реши мне прикоснуться к твоему животу.

– Ты что, ненормальный?!

– Но там мой ребенок...

– Не выдумывай, стыдно ведь...– застеснявшись, покраснела Анисат и опустила голову.

– Но здесь мы одни, никто не увидит,– упрасивал Чечан.

– А боги? Они все видят. Пока не женишься, пока не сыграем свадьбу, пальцем не разрешу к себе притронуться. Я знаю, как ты прикасаешься...– она порывисто встала, чтобы уйти.

– Не буду, не буду, сядь, пожалуйста. Я увидел на похоронах Усас с невесткой и поспешил сюда, чтобы хоть немного побыть с тобой вдвоем.

– Мать очень дружит с невесткой, всюду ходит с нею, а я с таким животом как покажусь...

– Ничего, потерпи немного – поженимся, и все будут завидовать нашему счастью. Завтра же объявлю о нашей женитьбе.

– Нельзя, завтра – в Мазибе покойник. Надо подождать хотя бы недельку... Моя мать нашей свадьбе очень обрадуется, и Машук, мой бедный брат, обрадуется, вы снова с ним станете друзьями.

– Думаю, Усас теперь не станет выпцарапывать мне глаза! – весело рассмеялся Чечан, и так ему захотелось обнять Анисат, почувствовать тепло ее тела, услышать, как живет в ее чреве его ребенок, что он боялся не сдержаться. – Надо мне уходить, нехорошо, если твои застанут меня здесь. До свидания, хорошая моя, до скорого свидания.

– Подожди. Скажи, почему Рэдэд отстранил Машука от должности предводителя Касожского войска?

– Твой брат – хороший человек, добрый душой, мягкий характером, а войско, сама знаешь, – это беспощадный меч, смертоносные стрелы, командовать им должен человек твердого характера, способный при необходимости быть жестким. Все это есть у Кодана. Но если честно, Машук мне нравится больше Кодана, однако воля великого князя обязательна для всех нас. Не знаю, может, Машук обиделся на Рэдэда?

– Не заметила, чтобы он обиделся. Я обиделась за брата, а он – нет.

– Он настоящий мужчина... Признаюсь, Машук присылал ко мне в Хакучию Кодана, чтобы переговорил со мною о тебе, сказал, что у тебя будет от меня ребенок. О-о,

что я тогда пережил! Не знаю даже, как передать. Ну хоть в пропасть головой с горя, а с другой стороны – радость. Не могу представить, как это у вас, у женщин, бывает, а я почувствовал, будто раздвоился: один – это я в Хакучии, а есть еще и другой я – в твоём чреве. Теперь я обязательно должен быть рядом с тобой, рядом с вами, но как это сделать?! Что ждет меня в Мазибе, что скажете все вы обо мне, о моем предательстве? Тогда я ответил Кодану, что не переставал и не перестаю думать о тебе. Ну и... зачем Рэдэду возня у него за спиной. Он без суеты, по-мужски принял свои меры, как и полагается предводителю, за что я ему благодарен.

– Да, он настоящий предводитель, тебе есть чему у него поучиться. Он не только простил тебя и защитил, оставив жить, но и позвал в свое войско. Значит, верит в тебя, и если ответишь ему своей верностью... Ты чего улыбаешься, Чечан?

– Ты говоришь со мной так, будто тебя научил мой дед... Анисат, мы с тобой, можно сказать, муж и жена, пожалуйста, разреши поцеловать тебя в щечку.

– До чего же ты, почти мой муж, такой бестолковый! Я же сказала: до свадьбы не разрешу даже пальцем к себе прикоснуться. Поторапливайся, Чечан, моя мать с невесткой вот-вот придут. Да и брат тоже.

Когда Чечан вышел на улицу, ему казалось, что он все-таки поцеловал Анисат и даже прикоснулся к ее животу, услышав легкие толчки своего будущего наследника. А еще он ощущал, что шел с такой легкостью, будто не касался земли, будто мог взлететь над нею под самые белые облака.

IX

Нахлеш задремал, но вскоре проснулся, услышав голос жены Барича, доносившийся из женской половины.

– Мне не нужна твоя шапка,– в сердцах высказывала она мужу,– мне у себя дома моего платка хватает, а тебе в своей шапке нечего делать у очага, иди в поле, где сеют и убирают, с которого семью кормят, с поля, а не с разбойничьих дорог.

– Ну чего ты заладила – поле, поле! – сердито отбивался Барич.– Чего тебе не хватает? Или я мало тебе приношу?

– Много, очень много, да не оттуда, откуда люди добрые приносят.

– А это уже не твое дело, не суй свой бабий нос в мужские дела! Заткнись! – рассвирепел Барич.

– Добра, добра я тебе желаю, мой дорогой муж, хозяин наш. Попомни мое слово: рано или поздно споткнешься, шею свою сломаешь, и никто не придет на помощь, кинут тебя на погибель твои дружки.

– Кому я сказал – замолчи, не доводи меня до греха! – прорычал Барич и вышел из спальни.

Нахлеш притворился спящим.

– Ты спишь, что ли? – мрачно спросил Барич.

– Уснул, а потом проснулся, будто кто-то толкнул меня в бок. Ты чего такой хмурый?

– Э-э! С бабами только свяжись, греха не оберешься. Муж всего приносит тебе в дом, сиди у очага, ешь, пей в свое удовольствие да сопи в две дырочки, так нет же! Называет бездельником, ругается, что я поле запустил – не сеял в прошлом году ни кукурузу, ни просо.

– Может, ругается, что мало добычи приносим? – настороженно спросил Нахлеш.

– Да нет! Говорит, чтобы приносил с поля, благословленного богами, а не с разбойных дорог. Слова-то какие придумала... Баба она и есть баба, платок никогда не станет шапкой, хоть золотым его сделай. Такая вот умница-разумница! Не знаю, где и у кого она набралась этого.

– Ничего, эту глупость она несет с непривычки, а привыкнет – еще и требовать станет: дай ей чего-нибудь невиданного, заморского. Главное, Барич, не вяжьвайся с нею в разговоры – соглашайся с нею, а сам делай свое дело.

– Так это ж какое терпение надо иметь! Железо и то докрасна накаляется, если его сунуть в огонь, а бабий норов хуже огня.

– А ты думаешь, почему я не женюсь? – засмеялся Нахлеш. – Не хочу видеть в своем доме какую-нибудь сучонку. Придет и будет мозги мне морочить, носом ковырять: то не так, другое не так. Я – вольная птица, куда хочу, туда и лечу, хоть в небо высоко взвобьюсь, хоть на неприступную скалу взлечу, чтобы оттуда поплевать на всех!

– Это пока ты молодой, а станешь постарше, завидовать начнешь тем, у кого есть семья – свой дом, в котором

ты хозяин, заботливая жена, подрастают сын-наследник, дочка-красавица. Всему этому – ты голова. Я не могу взять в толк: не кажется ли тебе, что ты, могучий и взрослый мужчина, стоишь на одной ноге? И рука у тебя одна, и глаз один, и сам ты весь – половина того, что должно быть. Не смеются в твоём доме детишки, не играют в прятки, визжа от радости, не жужжит над тобою жена, не ворчит за спиной мать. Выходит, ты самый несчастный человек, полчеловека.

– Оказывается, Барич, ничего ты еще не понял, хотя и прожил уже немало. Семейный мужчина – что стреноженный конь. Не хочу, чтобы надо мной, как ты говоришь, жужжала жена, ворчала родная мать. Если бы меня жена вот так учила уму-разуму, как твоя сегодня, я бы мог рассердиться и ненароком прибить ее.

– Да ты что! – воскликнул Барич. – Это значит в своей немощи сравняться с нею! Поругать ее, погрозить могу плеткой, но... Ты прав, Нахлеш, я и взаправду чего-то не понял и очень этому рад. Но хватит нам, задууй свечу, будем спать.

Зло дунул Нахлеш, огонек обиженно вздрогнул, как бы всхлипнув, и потух.

«У нас женщины куда скромнее, застенчивее, чем у хакучинцев. Мне стыдно было слушать, как эта в платке отчитывала такого серьезного мужчину. Она просто сидит у него на шее, как в седле, и погоняет. А другие женщины, девушки? Не стыдись, заигрывают с тобой, у них масляются глаза, только помани их...»

Барич громко захрапел. Нахлеш поднялся, подошел к нему, толкнул в спину.

– А?! Что случилось? – подхватился Барич.

– Повернись на другой бок, уж очень ты сильно храпишь.

Повернувшись лицом к стене, Барич затих, но уснуть уже не смог. «Рыжий дьявол слышал только половину моего разговора с женой, а если бы услышал, как она называла его с дружками разбойными мордами, паршивыми волками, наверно, он убил бы и ее, и меня...»

В наружную дверь забарабанили.

– Пожар! Горит дом, где остановились гости из Касогии! Скорей, скорей!

Когда прибежали Нахлеш и Барич, почти все уже было кончено. Сгорела крыша из осоки, дальше пожару не дали распространиться прибежавшие соседи.

Громадная, яркая луна, казалось, удивленно смотрела на глинобитные стены, оставшиеся без крыши, на встревоженных людей. Удивленно и немного обиженно – зачем эти люди нарушили ее покой, тишину.

Шаниб взял под локоть Нахлеша, отвел в сторону:

– А что я тебе говорил – косятся на нас хакучинцы. Прикончили Хакару, теперь подожгли дом, где наши люди остановились, а там и до нас с тобой доберутся.

– Потихонечко говори, – прервал его Нахлеш. – Ты думаешь, хакучинцы подожгли? А не Рэдэд ли со своим узколобым Чечаном устроили это?

– Нет, – возразил Шаниб, – Рэдэд такого не позволит. Если решит напасть на хакучинцев – приведет войско, оно у него сейчас крепкое. А Чечану не до нас, ему бы свою тонкую шкуру спасти. Говорят, собирается жениться на Анисат.

– Ты откуда узнал? – с подозрительностью спросил Нахлеш.

– Есть у меня верные люди в Мазибе.

– Что еще за люди?

– Верные не столько мне, сколько тебе, так что не волнуйся.

– Смотри у меня...

– Пойдем лучше, а то хакучинцы уже косятся на нас.

Селяне тут же договорились, что завтра сообща покроют крышу, а сейчас разобрали гостей на ночлег. Шаниба Нахлеш взял с собою к Баричу, хотя хозяину это и не нравилось. А что поделаешь – закон гостеприимства запрещает выказывать даже малейшее неудовольствие. На пороге их встретила жена Барича.

– Что вас по ночам нелегкая носит?

– Успокойся, сгорела крыша на гостевом доме, – ответил ей Барич.

– Не очень тут успокоишься! Не сама же крыша загорелась, кто-то поджег ее. Смотрите, как бы в ваши души злодей не набросал жару, смотрите!

– Хватит каркать! – оборвал ее Барич. – Проходите, добрые люди, в дом, не обращайтесь на нее внимания, это она, должно, со страху... Проходите, садитесь.

– Неспроста тревожится твоя жена, Барич... надо нам что-то делать с Рэдэдом, не дожидаться, когда он нагрывает сюда и открутит нам головы, – сказал Нахлеш.

– Следует опередить его, отвернуть ему башку, – вставил Шаниб.

– Хорошо бы, – согласился Барич, – да уж больно крепок этот орешек, будто каменный. За морем он такому в схватках научился, да еще при его силе... Пожалуй, мы втроем с ним не справимся. А теперь еще и войско есть у него. Попробуй открутить ему башку.

– Вы посмотрите, люди добрые, какой он неприступный! Попадись он мне – заставлю пахать землю носом, – желчно усмехнулся Нахлеш.

Усмехнулся и Шаниб: «Видел, видел я, кто на Курайском поле пахал носом, теперь же и вовсе Рэдэд вошел в настоящую мужскую силу, а ты ведь стареешь».

Нахлеш между тем продолжал:

– Я думаю, сначала нам надо обрубить руки Рэдэду: прикончить Чечана, Кодана, Машука, Агбана. Безрукого Рэдэда потом будет взять проще простого. В этом деле нам должны помочь хакучинцы, если они не хотят, чтобы Рэдэд разгромил их. Понадобится несколько ловких, мужественных парней на добрых конях. Неужели в Хакучии не найдутся такие, как ты думаешь, Барич? Ну? Чего же молчишь?

– Не всякий севший на коня – всадник, не всякий всадник – воин, а с воином надо уметь разговаривать. Спокойной ночи, лучше утром поговорим, – попрощался Барич.

– Почему ты, Нахлеш, этому балбесу с бычьей шеей ничего не сказал о пожаре? Почему он юлил насчет всадников? – не сдерживая раздражение, шепотом спрашивал Шаниб.

– Оказывается, ты не знаешь хакучинцев. Они изворотливы, как змеи. Ты его за руку поймал, а он посмеивается, мол, ничего не знаю. Ты его за хвост, а он тебе зубы подставляет и все посмеивается, дурачком прикидывается.

– Рябой сосед сказал мне, что гостевой дом подожгли двое сыновей Санджара. Они мстят за брата, которого убили касоги. Рябой этот – мой человек, собирает для меня разные слухи и новости, за плату может сделать все, что ему скажут. Он говорит, что мы больше не нужны

хакучинцам, даже опасается за нас, а ты хочешь, чтобы они дали нам в помощь несколько своих всадников.

– Помолчи. Дурак твой рябой. Дальше своего носа ничего не видит. Пока я дружу с Баричем, никто нас пальцем не тронет, а что касается сыновей Санджара – постараемся, чтобы они больше не поджигали. Чего вскинулся, Шаниб? Пусть где-нибудь в горах пропадут – ветром их унесет или молнией спалит, – в довольной улыбке сощурился Нахлеш.

Барич, войдя в комнату жены, увидел ее одетой, спящей на неразобранной постели.

– Что с тобой, не заболела ли? – спросил он, подумав: «Уже столько лет прошло, а она все такая же красивая, как и невестой была. Ворчливая, а красивая. Вон какие волосы волнами лежат на ее плечах, а брови! И губы – будто спелая вишня. Даже когда ругается – очень красивые».

– Я знала, что ты не останешься там спать, ждала тебя, да нечаянно уснула, – сказала Дыжин. – Садись рядышком. Да поближе, не бойся... Хочу сказать тебе: больше терпеть не могу поганую рожу Нахлеша. Не знаю, почему, но как гляну на него – прямо тошнит, будто что-то нехорошее проглотила. Ну не морщись, Барич, дослушай. Если бы он был порядочным человеком, кто прогнал бы его из родного дома, с земли предков? То-то оно и есть – там, в Касогии, люди не хотят его видеть, так он теперь нас стравливает с великим князем Рэдэдом. И ты хочешь проливать из-за него кровь?

– А за что его прогнали?

– За то, что продал Рэдэда в неволю за море.

– Он никогда мне этого не говорил, – в удивлении поднял брови Барич.

– Дорогой Барич, дитя ты мое малое, разве он скажет такое? Ты думаешь, он поможет тебе стать предводителем хакучинцев? Они скоро раскусят его. Сегодня подождли дом его людей, а завтра подожгут наш и выгонят отсюда, и уж тогда, поверь моему женскому сердцу, он вонзит в твою спину кинжал...

Дыжин еще что-то говорила, но Барич был занят своими мыслями: «У этой женщины нюх острее, чем у лисицы, а глаз, как у орла, на самом деле, есть какая-то правда в ее словах. Нахлеш с Шанибом нередко о чем-то шепчутся,

вроде бы как таятся от меня. Вот и сегодня на пожаре все шептались. Есть тут что-то, есть. Но если моя жена скажет дурное слово гостю, позора на всю жизнь хватит. Опять же – если князь Рэдэд рассердится из-за Нахлеша, нагрянет со своими дружинами, сколько беды наделает нашей земле. И тут уж, понятно, рыжий Нахлеш сбежит. Однако что нам делать? Попросить помощи у соседей? Но у кого, у русичей? Так они сами поглядывают на наши богатства».

– Наш гость пасется на хакучинском лугу, лучшей травкой лакомится и тут же гадит. Все знают, что он виноват в смерти старшего сына Санджара, думаешь, хакучинцы простят ему это? А заодно и тебе – его дружку.

Дыжин, выговорив, что было тревожного у нее на душе, успокоилась, вскоре уснула и, должно быть, видела хороший сон, потому как безмятежно улыбалась.

Пристроившись на кровати, Барич надеялся тоже сладко уснуть, но мысли не давали ему покоя, все бились, как птица в клетке.

«Молодец все-таки моя жена, придерживает меня на крутых поворотах. Если бы не придерживала, о-о, сколько бы глупостей я натворил... Не только всадников, а и пеших ни одного человека не дам Нахлешу. Ссориться не буду, но не дам – схитрю как-нибудь, потом, глядишь, и вовсе выпровожу его...»

То ли спал, то ли не спал Барич, а увидел, как посветлело окно – занимался бледный рассвет. Послышалось глухое покашливание во дворе.

На цыпочках, чтобы не потревожить жену, Барич вышел на крыльцо и увидел Нахлеша с Шанибом, седлавших коней.

– Еще третьи петухи не кричали, а вы уже в дорогу собрались! Надо бы позавтракать перед отъездом.

– Мы просто хотим прогуляться немного, потом позавтракаем, – улыбнувшись лисьей улыбкой, сказал Нахлеш, поднимаясь в седло.

– Не нравится мне Барич, – сказал Шаниб, когда они выехали за ворота. – Порядочный хозяин не преминул бы проводить своих гостей, а этот – только покосился, промямлил что-то про завтрак и ушел в дом, мол, валийте, куда хотите.

– Он недавно стал таким недоверчивым, подозрительным... Было бы забавно, если б Барич оказался, как ты

говоришь, порядочным хозяином и поехал с нами, – засмеялся Нахлеш.

– Ты чего смеешься? – озадаченно спросил Шаниб, придерживая коня.

Нахлеш рассмеялся еще громче:

– Ты знаешь, куда и зачем мы едем? Гостевой дом, где были наши люди, подожгли сыновья Санджара. Они ездят в лес за грушами для хмельного кваса, вот мы их сегодня и напоим кровавым кваском, чтобы в другой раз не баловались с огнем.

Теперь засмеялся Шаниб:

– Смотрю я на тебя и думаю иногда: Тураб много знает такого, чего не знаем мы, потому как посланец богов. А чей посланец Нахлеш – он ведь тоже знает и видит такое, чего не видим мы?

– Молодец, Шаниб! Какой ты молодец! Ты всем так говори, пусть думают, что у меня есть свой могучий бог. Он мне помогает знать и видеть нужное, делает мои руки сильными, глаз острым, ум мудрым. Это бог добра и света. А вот в Хакару вселился злой дух, он его и погубил. Только смотри, не напутай чего-нибудь, а то мой бог и наказать может.

Сначала всадники ехали широким, привольным распадком – еще заснеженным, а потому светлым и веселым, затем свернули в тесное ущелье с пронзающими небо скалами, похожими на зубы неведомого хищника, раскрывшего пасть, а вдали – гряда темного леса и тихое солнце над ним. Заторопились, заторопились всадники из мрачного ущелья к лесному простору и только приблизились к опушке, услышали веселый стрекот сорок.

– Это уже весна голос подает, – сказал Шаниб, – очень люблю эти яркие, предвесенние деньки. А пройдет время – запоют ранние птицы, следом за ними первые ручейки зажурчат. Все мои беды растают, как снег под весенним солнцем.

– Пусть растают, только не сегодня, – поворачивая на тропу, бросил Нахлеш через плечо. – Сегодня нам с тобою нужна твердость. Эти двое, говорят, ловкие и умелые парни, так что приготовься к непростой схватке.

– Не беспокойся, Нахлеш, потруднее у нас с тобой бывали дела, и ничего, живы-здоровы. Надо незаметно подъехать к ним, со спины.

– Нет, – возразил Нахлеш, – я люблю смотреть в глаза тому, кто видит свою смерть и меня, ее хозяина. Смотрю на него и поднимаюсь плечами, духом своим поднимаюсь, становлюсь... как бы тебе сказать... плечом к плечу с богом.

– О-о, я так и знал, ты – не такой, как все мы, – испуганно проговорил Шаниб, придерживая коня, стараясь не приближаться слишком к Нахлешу.

Рыжий довольно ухмыльнулся, увидев страх в его мутных глазах:

– Так всем и рассказывай, пусть все знают, кто такой Нахлеш!

Поехали мимо карагачей, могучих дубов, буков, наконец подъехали к поляне старых груш.

Постояли, сторожко приподнявшись на стременах. Нахлеш прошептал:

– Они увидели нас. Приветливо улыбайся, Шаниб, улыбайся...

Выехал из-за куста держи-дерева Нахлеш и, положив руку на эфес меча, угрожающе посмотрел исподлобья на парней:

– Ну что, сыновья Санджара, попотчуете свеженьким грушевым напитком или – мы вас?

Старший из братьев, высокий, чернобровый и гибкий, как молодое дерево, сделал шаг навстречу Нахлешу, насмешливо взглянув на него, ответил:

– Если вам не терпится, можем вас не только напоить, но и умыть. Эй, ребята, быстро ко мне!

Из-за близких кустов вышло шестеро парней – все при кинжалах.

– Наши гости хотят, чтобы мы напоили и умыли их свеженьким грушевым напитком!

Парни окружили Нахлеша и Шаниба, взяли за уздечки их коней.

Припал к гриве коня Шаниб, съезжился, как испуганный пес. Нахлеш убрал руку с эфеса меча:

– Да вы что, парни, мы же пошутили!

– Мы тоже любим шутить, – рассмеялся старший сын Санджара. – Счастливого пути вам, дорогие гости, и попутного ветра! Только осторожнее на горных тропинках, они по самому краешку пропастей недобрых людей водят, недолго и сорваться.

Нахлеш до того рассвирепел, что у него, показалось Шанибу, из ноздрей дым пошел. Больше всего ему было оттого, что его опозоренным видел Шаниб.

– Что с них взять, – кривясь в усмешке, пытался он шутить, – мальчишки они, желторотые птенцы.

«Посмотреть бы твои штаны, предводитель, – подумал Шаниб, – не вспотели ли они».

– Как прогулялись? – спросил Барич вернувшихся гостей. – Говорили – ненадолго, однако задержались.

– Да уж очень хорошая погодка выдалась, вот и залюбовались, – одолевая смущение, ответил Нахлеш.

После завтрака он напомнил Баричу:

– Дело, о каком мы с тобою вчера договорились, надо поторапливать.

– Если надо – значит, надо, – ответил тот, глядя в окно, – не буду вас задерживать, пожелаю доброго пути.

– Как это – пожелаешь! Разве ты не мужчина? Мы же с тобою договорились...

– Я ни с кем и ни о чем не договаривался, – прервал Барич Нахлеша, – у тебя свои дела, у меня – свои, а что касается того, мужчина я или нет – попробуй снять с меня шапку или отобрать коня, вот и узнаешь, кто я.

Сказав это, он вышел из гостиной.

– Ты прав, Шаниб, Барич или сволочь, или сумасшедший, – зло бросил Нахлеш.

– Я же тебе говорил – хакучинцы выживают нас, – проямлил Шаниб.

– Ну подожди, мордovorот поганый, ты получишь от меня сполна, дай только время, – едва сдерживая злость, зашагал по комнате Нахлеш. – Пошли к нашим парням, надо заниматься делом, а не разводить тут пустые разговоры. – Выехали они со двора, оглянулся Нахлеш, грозно держа руку на эфесе меча: – Ты посмотри, он даже проводить нас не захотел! За всю свою жизнь не видел такого оскорбления. Ну ничего, дорого он мне за это заплатит.

В доме, куда они зашли, навстречу им поднялись двое хакучинцев.

– Мы сейчас едем в Касогию, – обратился к ним Нахлеш, – надеюсь, не откажетесь сопровождать своих гостей, как велит обычай.

– Спасибо за такую честь! – поблагодарил молодой бородач. – Мы бы с великим удовольствием поехали с

вами, но Барич не велел отлучаться, у него к нам какое-то важное дело.

– Горько это слышать, горько знать, что вы стали забывать обычай, завещанные нам предками, – притворно жалостливо произнес Нахлеш. – Ну ладно, значит, мы едем.

Неторопливой рысью поехали они вдоль улицы.

– Одни мы остались с тобою, – сокрушался Шаниб. – Давай заедем к отшельнику Псефату, может, его уговорим.

Заехали.

– Тебе Барич ничего не говорил о нашем деле? – спросил Нахлеш.

– А что мне Барич?

– По очень важному для хакучинцев делу мы едем в Касогию, так что быстрее оседлай своего горячего коня.

С гор спустился в долину плотный туман, заполнивший все пространство непроглядной тьмой. Ехать всадникам пришлось с большой предосторожностью, поэтому в Мазиб они добрались далеко за полночь. На окраине у сухого дерева спешились.

– Шаниб, бери Псефата и займитесь Чечаном. Ты понял, Псефат, куда и зачем идешь? – строго спросил Нахлеш.

– Понял, Нахлеш! Чечан предал тебя, всех хакучинцев предал, я рад, что могу рассчитаться с ним.

– Только чисто надо сделать! – шепотом приказал Нахлеш.

Вскоре они возвратились.

– Чечана нет дома. Может, Колэса прикончить? – спросил Псефат.

– Ты что! – прошипел Нахлеш. – Нам этого не простят не только касоги, но и меоты, и твои хакучинцы!

– Значит, вернемся в Хакучию несолоно хлебавши, – угрюмо проговорил Шаниб. – Стоило коней гонять, не спать всю ночь...

– Помолчи. Если нет дома Чечана, стало быть, нет и Машука с Коданом. Думаю, они уехали с Рэдэдом, – размышлял вслух Нахлеш. – Мы не вернемся в Хакучию ни с чем, надо такое устроить, чтобы Чечан, вернувшись домой, взвыл!

– Это чего же он взвоят?

– Прикончим его красавицу, его возлюбленную, ради которой он предал нас, – скрипнул зубами Нахлеш.

– Или мы не мужчины, Нахлеш, как можно убить женщину на сносях, тем более ни в чем не повинного ребенка? – робко возразил Шаниб.

– Полюбуйтесь на него, распустил нюни! Делай, что тебе велят. У воинов говорится: предателю мстят до седьмого колена, так что пусть твоя совесть будет спокойна...

– Конечно, конечно! – Псефат поддержал Нахлеша, ухмыльнувшись, сказал: – Подумаешь, девка на сносях...

– Подождите, возьмите кусок мяса, во дворе у них злая собака.

Нахлеш остался у ворот, а Шаниб и Псефат подошли к двери, постучались.

– Кто там? – спросила Анисат.

– Это я, Чечан, – изменив голос, тихо проговорил Шаниб, – открой, пожалуйста.

– Не смей открывать этому бесстыднику! – закричала мать.

– У нас с ним уже все хорошо, – успокоила ее Анисат и, отодвинув запор, открыла дверь.

Шаниб ударил ее кинжалом в грудь. С криком отчаяния на него кинулась мать Анисат и тоже упала под ударом кинжала.

– Вы чего топаете, как лошади? – прошипел Нахлеш. – Собак соседских переполошите. Спокойней! Ну что там?

– Дело сделано, – вытирая окровавленные руки, ответил Шаниб. – Старуха кинулась на защиту дочери, пришлось и ее... Да так и лучше, без свидетелей.

– Ладно, пусть будет так. Пусть Чечан с Машуком обнимутся и горько поплачут, – зло усмехнулся Нахлеш, поднимаясь в седло.

Скакали они легко и весело, как скачут после удачи. Вдруг Нахлеш, с размаху, резким ударом вонзил кинжал в спину Псефата, тот подпрыгнул на стременах и тут же рухнул на землю, конь его надрывно заржал и кинулся с дороги в чагарник.

– Зачем ты, Нахлеш?! – воскликнул Шаниб.

– Прикончив старуху, ты сказал правильные слова: зачем нам лишний глаз, – бросил ему Нахлеш и снова пустил коня в галоп.

Х

Прошли первые весенние дождики, на деревьях проклюнулись листочки, выглянул робкий голубоглазый подснежник... Потом будет буйствовать цветение в садах и на лугах, взвоятся в небо птичьи хоры. Это потом, а пока – ранняя весна, похожая на робкого, розовощекого, многого еще не умеющего ребенка, и в небе еще не яркое горячее солнце, а солнышко.

Дахапса давно проснулась, но не хотела вставать, нежилась в постели, блаженно щурясь на чистое небо в окне, поглаживая мурлыкавшую пушистую кошку.

Когда у нее так хорошо сложилось с Турабом, она поняла: кто ублажает женщину в постели, тот радует ее сердце и веселит глаз. «Симпатичный, очень симпатичный мужчина этот Тураб, и горб ему к лицу!» А те мужчины, которых она раньше привечала, ни в какое сравнение не шли с ее, как она теперь его называла, любимым Турабчиком, лишь к Натаю относилась по-прежнему, как-то поособому любила его, по-матерински жалела. Не терпела, если кто-нибудь говорил дурное о нем, всячески защищала.

«Полежи, побалууй себя, потом, когда выйдешь замуж за Тураба, будет ли он тебе позволять такие вольности? Полежи, порадуйся, подружка... Такой-сякой Натай, а как он баловал меня! И огонь в очаге разведет, пока я полеживаю, и водички согреет, чтобы мне умыться, а если хворала или просто лень было, так и корову доил, и за птицей ухаживал... Е-о-ой, Натай, такого мужа, такого хозяина, как ты, мне теперь не видать, но... если бы хоть немного у тебя шевелилось, хоть бы самую малость, так нет же и нет! Не могла же я жить с тобой, а спать с другими, хотя... А почему нельзя, почему? Все же надо вставать, – сказала она кошке и свесила с кровати белые ноги. – Нечего тебе мурлыкать, хватит, понежилась. Иди, прогуляйся, посмотри, как там хорошо, весна на пороге. Иди, иди, я не буду закрывать дверь, пусть ветерок в комнате погуляет. – Она разворошила горку золы в очаге, вздула огонек, подложила сухих щепочек, и заплясало веселое пламя. – Не будет Тураб разводить огонь в очаге, у него в доме слуг больше, чем у великого князя. Да и сам Рэдэд не может обходиться без него – куда бы ни ехал, берет с собою, какие бы важные дела ни делал, не обходится без Тураба. Жен-

щины следят за его домом, а мужчины – за скотом, за полем. У-у, сколько у него всего! Все приносят и привозят ему, посланцу богов, за всякие приговоры, за разные волшебные травы. То-то я поживу – как княгиня! Эх, Натай, мой бедный Натай, сердце мое кровью от боли за тебя обливается».

За воротами послышался лошадиный топот, вскоре в комнату вошел Натай.

– Откуда ты, почему такой взъерошенный, что случилось? Беда какая-нибудь?

– Ездил по делам с Рэдэдом и Турабом, только что вернулись, и – прямо к тебе.

– А у матери был?

– Успею к матери, не мог же я проехать мимо тебя.

Польстило Дахапса, что он заехал сначала к ней, но все-таки пожурила его:

– Спасибо тебе, но из всех женщин самая верная – мать, и ты должен ей быть самым верным, не следует забывать о материнском сердце.

– О боги, откуда у тебя эта мудрость? Я раньше что-то не замечал.

– Натай, Натай!.. О какой мудрости ты говоришь, это слезы мои, которых ты, конечно, не знаешь. Понимаешь, горькие слезы мои...

– Еще как понимаю, Дахапса!.. Упрекнула ты меня за мать, но у нее есть еще один сын, есть невестка и внук, а я ведь один, как отрубленный палец, у меня есть только ты, с которой не знаю даже, как быть. Не торопись со свадьбой, у меня есть очень хорошее лекарство...

– Натай, пожалей меня, – простонала Дахапса, – ты ведь знаешь – я никогда не обижу тебя, даже пальчику твоему не сделаю больно, но я не могу больше, боюсь с ума сойти.

– Потерпи, еще немного потерпи. Говорят, только смерть неизлечима.

– Знаю, есть лекарства, которые убивают болезни, но разве есть лекарство, способное убить во мне женщину?

Дахапса подошла к Натаю, обняла его и заплакала:

– Люблю я тебя одного, очень люблю, как человека...

– А Тураба?

– Тураб – совсем другое. Я же говорила, объясняла тебе, пойми меня и прости.

Натай горестно покачивал головой:

– За что боги взвалили на мои бедные плечи такую тяжесть, скажи, Дахапса, – за что?

– Перестань, не мучь меня, не терзай! Иди лучше к столу, покормлю тебя, ведь ты с дороги, голоден.

Склонившись над столом, Натай не ел, а мучился, будто не мясо жевал, а какую-то тряпку. «Конечно, – думал он, – теперь Тураб не будет тайком пробираться в дом Дахапсы, он будет по Мазибу ходить с поднятой головой, чтобы все видели его, мужа красавицы, а мне, у которого горбун отбил жену, придется обходить их стороной... Выходит, горбатый, ты не настоящий посланец богов, это глупые мазибцы так считают. Может, из-за твоего страшного горба? Пусть будет он с каждым днем тяжелей и к старости задушит тебя».

Дахапса вытерла слезы платочком: «Ничего, Натай, ничего, есть еще одно, самое сильное, как говорят мудрые люди, лекарство – время. Оно обязательно вылечит, успокоит тебя. – Зачем-то еще раз вытерла платочком уже сухие глаза. – А мне еще до свадьбы два дня и две ночи мучиться. Какое бывает оно время длинное, тягучее...»

Опустив веки, Дахапса улыбнулась. Во всей Касогии одни боятся Тураба, как бы он не наслал в их дом беду, другие заискивающе раскланиваются с ним, надеются на его милость. Теперь она станет женой Тураба, все знают, что в семье муж – голова, а жена – шея, куда захочет, туда и повернет эту голову. Попробуй не уважать шею посланца богов, попробуй! Конечно же, не будет Дахапса возиться с очагом – у Тураба полный дом служанок. Еду ему кухарки готовят княжескую – самого лучшего барашка, самую жирненькую курочку привозят, когда едут к нему со своей надобностью. «Великий наш боже, сделай достойной твоего имени свадьбу своего посланца. Спасите и сохраните нас, боги, от злых людей, помогите несчастному Натаю, успокойте его».

– Что ж ты так плохо ел, Натай, бедненький мой, хороший мой. Успокойся. Похоже, ты плохо молишься богам, похоже, не слышат они тебя.

– Я молюсь хорошо, но боги, конечно, на стороне своего посланца... Раз ты не хочешь еще немного подождать, значит, мне останется лишь нести свою тяжесть.

– А ты думаешь, мне легко слушать тебя, видеть таким... Очень прошу: первую неделю после свадьбы не показывайся у нас в доме.

Натай пожал плечами. Ему мстительно захотелось рассказать Дахапсе о Турабе и его ослице, но вдруг до их слуха донесся громкий похоронный плач.

Они выбежали за ворота. Проезжавший мимо всадник придержал коня:

– Большое горе у нас: возвратившийся домой Машук нашел убитыми мать и сестру.

– О боги! – вскричала Дахапса. – Злодеи, будь они прокляты! Не двоих, а троих убили...

XI

Всякое бывало в Мазибе, случалось, мужчины в схватке убивали друг друга – такова жизнь, таковы они, мужчины, но чтобы просто прийти и убить женщин, да еще одну из них на сносях? Более страшного никогда не бывало. Страшного не только перед людьми, но и перед богами.

Стар и млад собрались в скорбном дворе Машука, пришел с дружиной и великий князь Рэдэд.

Хотя стояло ясное весеннее утро, Мазиб был угрюмым, горестно молчаливым.

Мазибцы подходили к Машуку, к его родственникам, выражали свое соболезнование. Кроме боли и горечи, кроме сочувствия в их взглядах было еще удивление и чувство вины. Сам князь Рэдэд чувствовал себя виноватым. Он сказал Машуку:

– Прости всех нас, что допустили такое, не сумели защитить женщин.

– Это и я со своею дружиной...

– Все мы, – добавил князь и тронул за плечо Чечана, сказал: – Пойдем ко мне, надо поговорить.

Они вышли со двора, Чечан остановился, твердо сказал:

– Нет, не пойду. Какими глазами буду смотреть на Рампэс, на Айнар?

– Своими. Рано или поздно ты должен это сделать. А сейчас я должен быть с тобою рядом, пойдем.

В княжеском дворе их встретил Агбан, недоволен он был тем, что вошел Чечан, но что поделаешь – его привел

сам великий князь, и Агбан, сдерживая недовольство, поклонился ему.

Айнар, увидев в окно Чечана, воскликнула:

– Великая княгиня, посмотри, кто пришел к нам! У него нет ни совести, ни стыда...

Рампэс неторопливо поднялась, подошла к окну, вернулась на свое место, села и только потом не без укора сказала:

– Князь пришел с гостем, что же тебя удивляет?

– Но, княгиня!..

– Гость князя – наш с тобой гость.

– Но это же...

Рампэс подняла руку, улыбнулась:

– Великому князю виднее, кого приглашать в дом, кому оказывать почтение, а кому – осуждение, а наше, женское дело – уважать его волю.

– Да, ты права, великая княгиня, спасибо, – взглянула Айнар с благодарностью на свекровь.

Рэдэд между тем прошел с Чечаном в свою комнату. Им дали умыться, принесли ужин.

– Садись, Чечан, сюда, поближе ко мне. Я понимаю твою душевную боль и... давай об этом больше не будем.

– Прошу тебя, выслушай меня, Рэдэд. Я столько недоброго натворил, что, понимаю, мне нельзя верить, но знай – если я рядом с тобой, не падет на тебя вражеский меч, не пронзит стрела. Своим телом закрою. Скажи, веришь ты мне?

– Хватит, Чечан, не казни себя, я верю тебе, верю!

– Пойми, я не прятался за спиной рыжего Нахлеша, как говорил мой дед. Нахлеш – не просто мерзкий, страшный человек, который скрутил меня, подчинил своей воле. Он – зло в человеческом образе, избавиться от которого может лишь его смерть. Все должны знать: пока Рыжий в седле, не будет мира в Касогии.

– Для разговора об этом я и позвал тебя. Нахлеш бывает у зихов, меотв, у касогов и всюду сеет зло. Завтра я пошлю дружину к хакучинцам с требованием, чтобы они выдали нам его. Если они не сделают этого, пошлю туда войско. Как ты на это смотришь?

– Если позволишь, князь, я поеду с дружиной.

– Думаю, тебе не следует этого делать.

Ночь выдалась темная, беззвездная, Шанибу казалась она бесконечной. А тут еще ночные птицы кричали, их тревожные голоса почему-то были похожими на предсмертный крик Псефата. Вроде бы не новичок в таких делах был Шаниб, не раз ему приходилось вонзать в спину кинжал, и ничего, а тут вдруг спасовал. Да провалиться бы этому Псефату, но прицепился в глухой темноте его крик, сверлил ему сердце. Наконец Шаниб понял, откуда тревога. Нахлеш тому причина! Сколько у него было друзей и дружков, а в живых остался один он, Шаниб, один свидетель многих черных дел, которого, конечно, Рыжий тоже уберет. А эти ночные птицы – словно голоса убитых...

Спешился Шаниб у ворот своего хозяина-бысыма, скороговоркой попрощался с Нахлешем, войдя в дом, закрыв дверь на все запоры.

Нахлеш тоже спешился у ворот Барича, тихонько вошел в свою комнату, не раздеваясь, лег на кровать, положив руки под голову. Глубоко, с восторженной дрожью вздохнул: ему было так хорошо, как бывает только богам, в чьих руках жизнь и смерть. Теперь бы отправить в царство тьмы Рэдэда с его семьей, а заодно с ним и горбатого посланца. Тогда бы Нахлеш по-настоящему возвысился над Касогией, да что там Касогия! «Хозяин жизни и смерти», – так подумал о себе рыжий Нахлеш, засыпая.

Разбудило его солнце, заглянувшее в окно. Он с удовольствием умылся холодной водой, съел зажаренную курицу под острым соусом, запил резким грушевым кваском.

Вошел Барич. Был он хмурый и взъерошенный:

– Говорят, Псефат ездил с вами. Вы вернулись, а его дома нет. Куда он девался?

– Парень он горячий и решительный, – усмехнулся Нахлеш, – влюбился, видно, в нашу девчонку, вот и поехал к ней в Мыстхако.

– Гм, влюбился отшельник... А как ваши дела, удачно съездили?

– Съездили мы, как всегда, удачно, а вот дела в Мазибе нам не нравятся. Думаю, они и вам не понравятся... Насколько был мудрым великий князь Лаурстэн, настолько глуп его сын Рэдэд. Да еще и хвастун. Возомнил себя правителем всех адыгских земель. Ездит к меотам и зихам,

подбивает их, мол, давайте объединимся, создадим единое войско, выберем единого для всех правителя, конечно же, имеет в виду себя.

Насторожился Барич:

– Интересно, что он думает о нас, о Хакучии?

– Известное дело – собирается подчинить.

– Что-о?! – воскликнул, подскочив со стула, будто изготовившись к схватке, Барич, потом, тяжело ступая, прошелся по комнате, остановился перед Нахлешем. – Или этот щенок забыл, как мы гнали его отсюда в три шеи?! Я брошу клич – все хакучинцы возьмут в руки оружие, скорее умрут, чем отдадут свободу!

– Да-да, я знаю хакучинцев, мужественные, храбрые воины. И тебя знаю как достойного предводителя, – поднялся и Нахлеш, дружески положил руки на плечи Барича. – Я и мои друзья всегда с вами, наше оружие – ваше оружие! Садись, мой верный друг. – Они сели на топчане рядом. – Что еще хочу тебе сказать: Рэдэда бесит, что ты приютил меня, боится – мы объединимся против него, и тогда ему придет конец.

– Да, мой друг, мы обязательно объединимся, мы проучим щенка княжеской породы!

– Но ты имей в виду: он не сегодня-завтра пришлет к тебе дружину, потребует, чтобы ты выдал меня, а если откажешь – будет грозить войной.

– Не беспокойся, Нахлеш, ты за хакучинцами, как за каменной стеной. Если сказать по правде, мы готовы тебя назначить предводителем нашего войска. У нас все знают твою силу и удаль, – сказал так Барич, и у него искоркой промелькнуло предостережение жены, не любившей рыжего Нахлеша. Как бы невзначай он добавил: – Однако напомним мудрость стариков: поостерегись, прежде чем кинуться в огонь.

– Да, конечно! И еще говорят: семь раз отмерь, а один раз отрежь. Мы с тобой так и будем делать.

– Верно. Нельзя забывать: если Рэдэду удастся склонить на свою сторону касогов, меотов и зихов, нам с тобой несдобровать. Поэтому недопустимо сидеть сложа руки. Думаю, мне следует навестить их, рассказать о намерениях Рэдэда, постараться склонить их на нашу сторону. Нам каждый меч, каждая меткая стрела пригодятся.

– Мудро, Нахлеш, мудро! – одобрил Барич.

– Но ты же знаешь: как только Рэдэд услышит о моих поездках, тут же устроит охоту за мной, значит, не один я должен ездить, а с доброй дружиной.

– И это мудро! Мы дадим тебе дружину, обязательно дадим.

– Это должны быть храбрые, умелые воины.

– Согласен, Нахлеш. Когда ты отправишься, за тобою будут следить сто пар глаз, подслушивать сто пар ушей, но нам надо перехитрить их, и мы обязательно перехитрим. Так и быть, дадим тебе Гусарука с его храбрыми друзьями.

– Пока хватит и одного Гусарука, а там посмотрим.

На другой же день Нахлеш с Шанибом и Гусаруком отправились в путь. Посетили меотов, зихов и касогов, среди которых были у Рыжего друзья. Поговорил он с теми, кто не желал над собою власти Рэдэда. Встречали его с почестями, обещали встать под его начало, если придется сражаться с войском Рэдэда. Правда, единомышленников нашлось не много. Другие же, хотя и не желали расстаться со свободой, хорошо понимали: чтобы противостоять Рэдэду, надо собрать свое войско, а это значит придется подчиниться кому-то другому, судя по всему, Нахлешу... Они согласно улыбались ему, продолжая думать о своем.

Были селения, жители которых не соглашались с Нахлешем, но куда денешься, если приехал гость. Вот и принимали его с почетом и уважением, говорили ему приятные слова, обещали поддержку, как требовал обычай, а что было в мыслях, таили при себе.

Следуя своей привычке, Нахлеш не утруждал себя тем, чтобы задумываться над истинным смыслом даваемых ему обещаний, высказаны они от чистого сердца или же, как требуют обычаи, ради гостеприимства, он верил в то, во что хотел верить, а потому и был доволен встречами, обещаниями, возвращался в Хакучию уже с ощущением своей победы.

У околицы одного из небольших сел путники увидели обоз из нескольких повозок и всадников. Придержав коня, Нахлеш спросил у Шаниба:

– Кто, по-твоему, эти люди?

– Кажется, русичи.

– Верно, – согласился Нахлеш, – собирают дань. Уже заметили нас. Подъедем к бородачам с миром. – В одном

из всадников он узнал Кансава. – О! Кого я вижу! С приездом, Кансав! – спрыгнув с коня, Нахлеш направился к нему с распростертыми объятиями.

Привстав на стременах, Кансав пристально всматривался в рыжего верзилу, наконец произнес:

– Никак это ты, Нахлеш?.. Давно не встречались. У-у, как ты изменился. Повзрослел или постарел?

– Возмужал, Кансав, возмужал, – выпячивая грудь, ответил Нахлеш: – Как дань? Добрую взяли?

– Что с этих несчастных касогов возьмешь, они ведь едва оклемались от хазар. А по правде сказать, дань берут с тех, кого завоевали, покорили, эти же сами по себе живут, вольными. Ну и пусть так живут – зачем их воли лишать, проливая кровь, пусть по-мирному платят дань.

– Дождешься ты от твоего племянника Рэдэда! Пока русичи не сломают ему хребет, не видать им богатой дани. Это я тебе говорю, Нахлеш!

Оторопел Кансав, смущенно пожал плечами:

– Хочешь, чтобы русичи пролили кровь твоих единоплеменников? Как ты можешь!..

– Ты не так меня понял, Кансав, – спохватился Нахлеш, – я хотел сказать – все зависит от великого князя.

– Думаешь, касоги предадут его? Если так – что это они за народ такой! – возмутился Кансав, покраснев от гнева. – Или тебе мало, что хакучинцы схватились с касогами...

– Когда это случилось? Мы уезжали несколько дней назад, там все было спокойно...

Кансав, как бы не слыша Нахлеша, гневно продолжал:

– До меня дошли слухи, будто ты не ладишь с моим племянником, и вот теперь от тебя самого услышал. Хочу сказать: Рэдэд достойный сын своего великого отца, а тебе, Нахлеш, следовало бы знать свое место.

– Эх, Кансав, похоже, правду говорят: волка обвиняют не только за овцу, которую он забрал, но и за ту, которую и в глаза не видел.

– погоди, дай договорить! У Рэдэда хватило ума и воли объединить всех касогов, сделать вас сильными и свободными. Вы должны благодарить его за это, всеми силами ему помогать, не ставить палки в колеса. Человека принято ценить по делам его, а не по тому, какая на нем шапка. Надо жить в добре и мире, не устраивать кровавых

стычек, как вчера касоги с хакучинцами схватились. До какого позора вы докатились – говорят, двух женщин убили, одна из них на сносях – такого зверства я не только не видел, но даже от стариков не слышал.

– Откуда ты все это знаешь?! – удивленно бросил Нахлеш, сдерживая закипевшую злобу.

Что-то почувствовал, что-то понял Кансав, хотел высказать – мол, знает кошка, чье мясо съела, но сдержался, только с презрением глянул на Нахлеша и, обернувшись, крикнул:

– Мефодий, все там у тебя готово? Пора трогаться!

Они разъехались, не попрощавшись.

Рыжий Нахлеш, ударив коня под бока, бросил его в неистовый галоп.

Вестовые ожидали распоряжений предводителей. Сами же предводители, князь Рэдэд, Кодан, Машук и другие, в княжеской гостиной тоже томились в ожидании. Ждали возвращения из Хакучии посланцев. Что они скажут? От их ответа зависит, что повезут вестовые в свои селения – мир или войну.

Рэдэд прохаживался по комнате, старался быть спокойным, но это удавалось ему с трудом: что привезут посланцы, почему их так долго нет, не случилась ли с ними беда? Накануне Тураб сказал ему: «Смело и решительно делай свое дело – боги на твоей стороне, князь». Вспомнив Тураба, Рэдэд подумал: «Пусть помогут нам боги, пусть все будет хорошо».

Услышав топот коней, он повернулся к окну:

– Приехали!

Кодан рывком бросился к двери, распахнул ее:

– С возвращением! Какую весть привезли?

Угрюмо взглянув на него, Темрюк молча прошел мимо, остановился перед затихшим в ожидании Рэдэдом:

– Князь, Барич не пожелал до конца даже выслушать нас. Только и промолвил, что считает Нахлеша порядочным человеком, что никакого отношения к убийству женщин он не имеет, его, мол, оклеветали.

Рэдэд неторопливо подошел к окну, долго смотрел на зацветающую алычу, дальнюю синеву над лесом и, сдерживая волнение, попросил:

– Я знаю, ты очень устал, Темрюк, но если можешь, если еще есть в тебе силы, скажи к себе в Мыстхако, пока не появились там лазутчики рыжего Нахлеша, приведи свою дружину.

– Когда неотложное дело, великий князь, нет места для усталости.

– Да помогут тебе боги, – пожелал Рэдэд. – Кодан и Машук, отправляйте вестовых за дружинами... Агбан, вели оседлать моего боевого коня.

Вошла княгиня Рампэс, положила руку на плечо сына:

– Знаю, с чем вернулись из Хакучии посланцы, о твоём решении знаю... Трудно давать предводителю советы, когда вскинуты к бою мечи. Мне вспомнились слова твоего отца: то, чего ты не можешь добиться словом, мечом добиться труднее. Может, стоит еще раз поговорить с хакучинцами?

– Я не хочу кровопролития, мать, но другого выхода у меня нет. Ты права, следует еще раз поговорить с Баричем, потом же, как говорят, все будет по воле богов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Над Мазибом раскатисто грохотал гром. Сдерживая коня, Рэдэд оглядел окружавших его предводителей дружин, с тревогой посмотрел на небо, по которому плыли к югу рваные тучи.

– Весенний дождь – к богатому урожаю, – словно рассуждая с собою, проговорил князь, – он напоит живительной влагой поля, только вот сегодня нам дождь ни к чему...

– Не беспокойся, князь, дождя не будет, – успокоил его Тураб.

– Откуда знаешь?

– Боги сказали мне, – улыбнулся Тураб. – Ветер разгонит тучи – и снова установится погода.

– Но ветра-то нет! – удивился князь.

– Это на земле нет, а в небе он дует, видишь, как несет тучи в южную сторону.

Тураб снова улыбнулся князю, подумав с укором: «Раньше ты всерьез не воспринимал меня, а вот теперь стал прислушиваться. Погоди, еще крепче заарканю тебя, дай только время».

Дружины, выстроившиеся в центре Мазиба, радовали Рэдэда, он даже воспрянул духом. Спрыгнув с коня, громко поздоровался со всадниками. Спешившиеся вслед за ним воины дружно ответили на приветствие великого князя Касогии. Рэдэд неспешно обошел ряды, здороваясь за руку с предводителями дружин. Возвратившись, он стал на свое место перед войском, твердым голосом произнес:

– Воины, я буду говорить коротко. С согласия всех адыгов мы начали объединяться. Об этом мечтали уже давно. И вот пришло время осуществить эту мечту. К большому сожалению, нас не поддерживают хакучинцы. Они укрывают у себя тех, кто враждует с нами, сеет раздор, отказываются выдать наших врагов. Мы не хотим проливать кровь, воевать со своими соплеменниками. Однако на все мирные предложения хакучинцы ответили отказом, а теперь собирают войско, чтобы выступить против нас. Что же нам остается делать? Ничего другого, как быть готовыми отразить удар. Как гласит народная мудрость, если врага победишь сегодня – завтра он не нападет, а если отпор будешь готовить на завтра – он нападет сегодня. Хочу сказать, что в этом тяжелом и сложном деле вся надежда на вас, вашу волю и мужество.

– Наши мечи и пики готовы, великий князь! – раздался чей-то голос из воинских рядов. Его тут же поддержали другие.

После полудня Рэдэд собрал у себя в гостинной предводителей дружин:

– Я не смог побывать во всех селениях, получается, не все знаю, и сегодня был приятно удивлен войском, Кодан. Наверно, хорошо поработали твои помощники.

– Да, князь, предводители дружин постарались на совесть. Их дружины умеют не только хорошо соблюдать строй и выправку. Бывалые воины учили молодых джигитовке, владеть мечом и луком. Предводители учили драться и в одиночку, и всей дружиной, защищаться и

нападать как в горах, так и в лесу. Теперь мы готовы идти на врага.

– Спасибо, Кодан, за хорошую работу. Шупаш, пригласи почтенного Колэса. Я хочу – пусть каждый наш воин знает, что мы создали войско не для нападения, а для защиты своей земли. Вы видели, как защищают свой улей пчелы? Вот так и мы – одним порывом, бесстрашно будем защищаться. Если кто поднимет на нас оружие – станет нашим врагом, с которым мы будем беспощадны. И еще, как говаривал мой отец, кто в бою хочет остаться живым, кто хочет, чтобы жили его родители и дети, его народ, тот должен быть бесстрашным. Трус умирает первым, трус – предатель.

– Скажи, князь, неужели в Хакучии нет порядочных людей, чего ради они приютили у себя рыжего бандита, подлого человека? – спросил Машук.

– А откуда им знать, что он подлый разбойник? Они ведь не знают, что он убил наших женщин, Хакару, что меня продал в неволю. Нахлеш творит мерзости чужими руками, а если своими, то скрытно, чтобы никто не увидел и не услышал. Перед людьми он старается держаться достойно. Но ведь известно – чем подлее человек, тем он хитрее и скрытнее. Как змея, бесшумно и незаметно поползет, исподтишка смертельно укусит.

Вошел, опираясь на кизилковый посох, Колэс.

– О ком твои слова, Рэдэд? – с порога поинтересовался он.

Все встали.

– Просим, почтенный! – Рэдэд пошел старику навстречу, взяв под локоть, проводил на почетное место. – О Нахлеше мы разговариваем.

Опираясь обеими руками на посох, сел Колэс, окинул неторопливым взглядом сидевших в гостинной, повернулся к князю Рэдэду:

– Вы, должно быть, знаете: боги творят добро, а зло творит дьявол. Я вот и думаю: Нахлеш не рыжий, он – черный, дьявол в образе человеческого. И как дьявол, сильный и хитрый, дьявольским умом сильный.

Почему-то втянул голову в плечи Тураб, с подозрительностью глянул на Колэса. Этот взгляд перехватил Рэдэд: «Чего это он, вроде как испугался».

Колэс кивнул Рэдэду белоснежною бородой, мол, я все сказал, что хотел сказать.

– Посмотрите на стол, – обратился Рэдэд к предводителям, – видите эту бороздку? Скажем, это речка Шахэ. Мы будем на ее высоком, правом берегу. На левом – просторный луг, а дальше – старый лес. Мы на правом, хакучинцы на левом берегу. Как, по-вашему, что предпримут они, чтобы не дать нам переправиться через речку, будут из луков поражать нас в воде, или дадут перейти, а потом бросят на нас свою конницу? Может еще быть и такое: засядут скрытно в лесной чаще, осыпая нас стрелами, а потом выпустят конницу.

Высказались предводители, обсудили не торопясь и, умолкнув, стали ждать, что скажет почтенный Колэс. Старик долго молчал, покачивая головой в серой мерлушковой шапке, откашлялся.

– Чтобы одолеть врага, – прервал он молчание, – его надо сначала понять, а чтобы понять, следует поставить себя на его место. Надо понять его мысли, настроение, почему он противостоит вам, в чем его сила и слабость. Все это не просто, однако на то вы и предводители. Думайте! Нельзя не учитывать, что среди хакучинцев хитрый и коварный Нахлеш. Все обдумайте заранее. Когда начнется сражение, размышлять будет некогда, в бою надо действовать слаженно и решительно, иначе не победишь. – Устало вздохнув, помолчал Колэс. – Если я вам больше не нужен, то пойду.

Все встали, почтительно и благодарно склонили перед стариком головы. Рэдэд повел его к выходу.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – поднялся Тураб. – Да помогут вам боги в вашем благородном деле, – торжественно произнес он. – Будьте решительными и твердыми, как пожелал вам Колэс, знайте: на смелого собака только лает, а кусает труса. С вами боги.

Выйдя во двор, Тураб увидел княгиню Айнар, обернулся к Рэдэду:

– О, вижу – скоро появится наследник великого князя!

– А если это будет девочка? – улыбнулся Рэдэд.

Тураб остановился, укоризненно взглянул на него:

– Я же сказал – родится наследник великого князя!

Проводив Колэса и Тураба, Рэдэд увидел Чечана:

– Чего ты здесь стоишь, почему не зашел?

– Ну-у... мы тут беседовали с Агбаном и... что мне делать среди предводителей? Нехорошо как-то, тем более, что дед мой тут был.

– Чечан, друг мой, пора тебе преодолеть эту неловкость, люди тебя простили, зачем же сторониться их? Да и Колэс, я уверен, тоже так думает.

– Спасибо тебе, Рэдэд, я постараюсь.

На крыльце появилась Рампэс:

– Вы еще долго будете заседать?

– Уже заканчиваем.

– Значит, будете воевать... – грустно сказала она вернувшегося на крыльцо сыну. – У мужчин от войны остаются рубцы, а у женщин – морщины. Если с тобой что-нибудь случится, я... – Великая княгиня опустила голову, Рэдэд обнял мать, ощутив, как громко бьется ее сердце.

– Все будет хорошо, не беспокойся. Мы стали теперь сильными, – успокаивал он мать, провожая в ее покои.

– Пока ты провожал Колэса, мы тут размышляли над его пожеланиями и кое-что придумали, – сообщил Кодан.

– Очень интересно, – садясь на свое место, проговорил Рэдэд.

– Думаем, нам надо заранее спрятать в лесу свою конницу, и когда появятся хакучинцы, встретить их неожиданным ударом.

– А если у них не будет конницы? – усомнился великий князь.

– Тогда – тем более, одновременно пешим и конным строем мы разобьем их наголову! – воскликнул Кодан.

– Было бы лучше поручить это зихам и меотам. Они хорошо знают те места, а лес для них – дом родной. Займитесь этим вы, Темрюк с Машуком, у вас хорошие отношения с ними. И хватит разговоров, пора за дело! Пусть это будет первым настоящим делом наших дружин. Посмотрим, чего они стоят! – поднялся Рэдэд.

– Да помогут нам боги, – поднялся вслед за великим князем и Абеч.

Яркое солнце в голубом небе восходило к дневной вершине, чтобы лучше обзреть землю, одарить ее теплом и светом.

В Касогии все шло спокойно и размеренно, в Хакучии же с самого утра то на коне, то, тяжело переваливаясь с бока на бок, пешком мотался от одной околицы к другой предводитель Барич, выглядывал, когда же появятся вооруженные всадники. Хмурился, ругался, срывал зло на каждом встречном, а запропавшего куда-то Нахлеша готов был разорвать на части. Но вот к полудню стали прибывать наконец из хакучинских селений первые всадники. Их было не так много, как хотелось бы Баричу, он надеялся, что будет больше. И тут прискакал вестовой:

– Нахлеш с Шанибом и Гусаруком поехали к тебе домой!

Отлегло от сердца у Барича; не теряя времени, он заспешил к своему дому.

Шаниб и Гусарук выглядели измотанными, а Нахлеш – веселым и бодрым. Барич подумал: «Похоже, недаром злые языки Рыжего зовут дьяволом».

В гостиной Нахлеш громко рассмеялся:

– Говорят, сын Лаурстэна идет на нас войной?!

Нахмурился Барич и так рассердился, что скрипнул по-лошадиному крупными зубами:

– Почему на нас?! Из-за тебя все началось, они идут с тобой расправиться.

Нахлеш рассмеялся еще громче.

– Однако, – предостерег его Барич, – хорошо смеется тот, кто смеется последним. Так что наостри получше меч и штаны надень покрепче да погрознее папаху. Сказать по правде, я надеюсь на тебя, ведь ты знаешь повадки своих касогов.

Посуровел Нахлеш:

– Не волнуйся, мы проучим как следует незадачливого князька. Я все продумал, после обеда обсудим с тобою. – Он обнял за плечи Барича: – Будь уверен, я выбью волчьи зубы у сына Лаурстэна, заставлю его носом землю пахать.

Конница хакучинцев выстроилась клином на левом берегу Шахэ среди широкого луга. Впереди Барич с Нахлешем, за ними шеренги – четыре, восемь, двенадцать, шестнадцать.

Они не мешали касогам переправляться через речку.

– Ты понял, Кодан, что они задумали? Как и предполагал мудрый Колэс, хотят хакучинским клином врезаться

в наше войско, разделить его пополам, чтобы легче было расправиться. Учти это, а я поехал на встречу с Баричем, – сказал Рэдэд и тронул коня.

Они встретились на середине луга.

– Вы согласны выдать преступников и разойтись с миром, или будем из-за них проливать кровь невинных людей?

– Ты же знаешь: Нахлеш пришел к нам как гость, и по обычаю, мы не только не можем его предать, а должны защищать, если грозит ему опасность.

– Ты не прав, Барич, у нас нет обычая, который велит укрывать разбойников и убийц.

– Мы считаем – вы идете к нам, чтобы подчинить своей воле, а Нахлеш – только причина, и он поможет нам отстоять свою свободу, за которую мы готовы пролить кровь.

– О какой свободе ты говоришь, Барич? Нахлеш заморочил тебе голову, а сам вознамерился подмять вас под себя. Все мы, кроме хакучинцев, решили объединиться, чтобы совместно защищаться от набегов иноземцев.

– Сегодня вы объединились, чтобы покорить нас, а завтра, глядишь, разбежитесь, – насмешливо произнес Барич.

Предводители разом повернули коней, направились к своим дружинам.

Впервые после того, как Рэдэд вернулся из неволи, Нахлеш увидел его так близко. Он заметил, что князь возмужал, еще шире раздался в плечах, и это откликнулось страхом в его сознании.

По команде предводителя противники кинулись навстречу друг другу, началась кровавая схватка. Удары мечей, конское ржанье, вопли раненых – все смешалось в жуткий невообразимый рев, огромную клокочущую массу.

Отражая и нанося удары, Рэдэд увидел Нахлеша. Два непримиримых противника снова схлестнулись в единоборстве, только теперь их руки сжимали щиты и мечи. Силы и ловкости Нахлешу не занимать, выбрав момент, он обрушил на Рэдэда страшный удар, но князь сумел увернуться, подставив щит. Следовавший за ним Агбан, охраняя своего предводителя, успел сразить двух хакучинцев, пытавшихся сбоку настичь великого князя.

– Кого защищаешь, болван, того, кто тебя закабалил – злобно прохрипел Нахлеш и снова кинулся на Рэдэда. Размахнувшись со всего плеча, он обрушил, казалось, неотразимый удар. Но меч отскочил, скользнув по щиту Рэдэда. Потеряв равновесие, Нахлеш чудом удержался в седле. И в это мгновение – даже не заметил он ответного удара – острая боль пронзила правую ногу. «О боги, что он со мною сделал!» – с ужасом подумал Нахлеш и снова в ярости ринулся на Рэдэда. Но поединок продолжался недолго. Нахлеш вдруг почувствовал, как слабеют его силы, как закружилась от потери крови голова. Не выдержав очередного удара, он свалился с коня.

– Князь, пощади меня, – взмолился Нахлеш, – ты уже отомстил. Когда-то я тоже тебя не убил...

– Я предпочел бы умереть, чем жить униженным и оскорбленным в неволе, – бросил ему Рэдэд.

– Не убивай, пощади...

– Собственной смерти боишься, а жизнь других для тебя пустяк? Пришло время расплаты! – словно молния сверкнул меч, разрубив надвое тело Нахлеша.

Окинув взглядом сражавшихся, Рэдэд увидел Барича. Потеряв меч, он, прикрываясь щитом, защищался от ударов Кодана. Заметив конницу, выскочившую из ближнего леса, Барич воспрянул духом. Увернувшись вновь от удара, он бросил взгляд на приближавшихся всадников, это были... касоги. «О, проклятье!» – промолвил Барич и тут же свалился, сраженный мечом Кодана.

Машук вдруг увидел, как рухнул на землю конь Чечана, прижав всаднику ногу. К нему направился рослый хакучинец, высоко занося меч. И тут же, в одно мгновение, Машук бросил вперед своего скакуна, с ходу нанес удар нападавшему.

– Ты ранен? – спросил он Чечана, вытаскивая его из-под коня.

– Правая нога... огнем горит.

– Возьми щит и меч, жди меня, я сейчас вернусь! – Машук вскочил на коня.

Чечан взглянул на побоище. «А ведь и я повинен в этой крови, – с болью подумал он. – Подделом дед упрекал меня – развесил уши, послушал рыжего Нахлеша. Где этот убийца? Что-то не видно... Не найдя меня дома, он рас-

правился с бедной Анисат, заодно убил и моего неродившегося ребенка...»

– Остановитесь! Довольно! Нас одолели! – громкий хриловатый голос вывел Чечана из горьких раздумий. Бой постепенно начал утихать и вскоре прекратился. Возбужденные, перемазанные кровью и грязью противники настороженно глядели друг на друга.

– Пусть хакучинцы станут в одну сторону! – повелел князь Рэдэд. Подождал, пока они соберутся вместе, обратился к ним: – Хакучинцы! Мы с вами единый народ, и нам делить нечего. На этом поле сегодня полегло немало безвинных людей. Мы пришли сюда не для того, чтобы вас покорить, отнять вашу землю, обложить данью. Те, кто повинен в этом побоище, уже мертвы. У нас больше нет к вам никаких требований. Давайте по-доброму найдем общий язык, начнем жить вместе.

– Мы согласны, великий князь! – вперед выехал хакучинец, призывавший остановить сражение. – Мы согласны выполнять твои указания. Я сам из Лиготха, из рода Чухо, зовут меня Дамиром.

Рэдэд подъехал к Дамиру, протянул ему руку:

– Значит, теперь мы вместе, и если когда-нибудь прольем кровь, то только наших общих врагов. Я назначаю тебя предводителем хакучинцев.

II

Появляется на белый свет младенец. В страхе кричит, потеряв уютное местечко у сердца матери. Потом смиряется, все шире и шире открывает в удивлении глаза, начинает различать горькое и сладкое, горячее и холодное, большое и маленькое. Год за годом познает и приспосабливается для себя этот мир. Создает свою семью, строит дома, выращивает хлеб, творит другие блага.

Дороги, дороги... У человечества они бесконечны, а у каждого отдельного человека дорога начинается от чрева матери и кончается в могиле. Каждая могила – это печаль, скорбь, это память. Но есть люди, о которых не скорбят, у которых нет могилы. Злодеев не хоронят на кладбищах, их просто закапывают где-нибудь на случайном безвестном месте.

Где зарыт рыжий дьявол Нахлеш? Люди не хотят знать, только и знают, что больше не топчат эту землю его грешные ноги. Что касается князя Рэдэда, то для него смерть Нахлеша и последовавшее присоединение Хакучии к Касогии было началом нового пути.

Правду говорят люди: каждому – свое. Было оно и у Тураба. О, сколько тяжелых и слезных дней пережил он из-за своего уродства. Но пришло время, и Тураб возблагодарил богов за свою судьбу – ему не приходилось брать в руки меч, убивать или быть убитым, за судьбу посланца богов, у которого власти над людьми не меньше, чем у князя Рэдэда, а может быть, и больше, ведь сам великий князь приходит к нему за помощью.

«А еще, – улыбнулся Тураб, – сколько мужчин заглядывалось на красавицу Дахапсу, но она принадлежит мне. И пусть болтают о ней всякое из зависти. Если на то пошло, у меня тоже есть грехи, я тоже допускал глупости, хотя бы с той же ослицей... Все обойдется, уладится, у нас будет настоящая семья! Из-за этой дурацкой войны пришлось отложить нашу свадьбу... До чего же глупы люди: считают, будто все нелады можно разрешить, проливая кровь, убивая одних и калеча других, вот как Чечана. «Победа, победа! – трубят наши предводители. – Мы победили, смирили хакучинцев!» Глупые люди. Получается, радуются этой самой победе дети, чьих отцов убили или искалечили, радуются вдовы, осиротевшие матери? Не радуются, а льют горькие слезы. Как и хакучинские сироты и вдовы. А разве смогут они простить убийц? Вот тебе и победа, вот тебе и смирили!..» Продолжая размышлять, Тураб подумал: «Свадьба – это красиво, это хорошо, но ведь Дахапса не девочка, чтобы устраивать торжество, которое может вызвать насмешки дураков. И ничего с ними не поделаешь, ведь каждому не закроешь рот. Лучше спокойно приведу ее в свой дом. Конечно, хорошо бы не одному это сделать, пойти, скажем, с Рэдэдом, да вот согласится ли великий князь? Надо зайти к нему, рассказать... спросить...»

В княжеском дворе Тураба встретил Агбан. Он недолюбливал его, божьего посланца, хмуρο, как всегда, взглянув, ответил нехотя:

– Не знаю, примет ли князь, он только что вернулся от Чечана, может, занят чем.

«Дурную силу боги дали тебе, а умом обделили, пора бы понять – твой хозяин без меня ни в каких делах обойтись не может, олух ты несчастный», – подумал Тураб и прошел мимо Агбана в гостиную. Рэдэд встретил его доброй улыбкой, хотел было велеть принести обеденный стол, но Тураб возразил:

– Спасибо, князь, я сыт... Знаю, ты сегодня был у Чечана, а мне все некогда, эти бесконечные дела, но я не забываю молиться о его здоровье. Видел недавно знакомого лекаря из Шисхариса, сказал, что поставит на ноги Чечана. Сегодня же проведу больного... А пришел я к великому князю посоветоваться, попросить кое о чем. Решил я жениться...

– На ком? – спросил Рэдэд, будто ничего не знал.

– На Дахапсе... – Тураб почему-то стыдливо опустил глаза, даже чуть покраснел, словно застенчивый юноша. Помолчал он, вздохнул тяжело и продолжил: – Все знают, что я – посланец богов и еще – увечный... Кто же из родителей отдаст за меня свою дочь, а на дурнушке не хочу жениться. Видно, мою судьбу решили боги, послав мне в жены красавицу. То, что она... ну, всякое говорят, но больше там злой болтовни, чем правды. Когда мы с нею поженимся, закончатся все эти сплетни, всякая болтовня.

– Ты прав, Тураб. Дахапса добрая, красивая и хозяйственная. Главное, чтобы ты ее любил, уважал, не попрекал прошлым.

– Мудро, мудро ты говоришь, князь. Я много передумал и переувствствовал, прежде чем окончательно решил, понял, что люблю и уважаю Дахапсу.

– Значит, в добрый час! – Рэдэд крепко пожал холодную руку Тураба.

Тайком от людей Тураб лелеял мечту о женитьбе, купил хорошие сапоги, шапку из дорогого меха, рубаху, штаны заморского сукна, полущубок из меха лисицы-огневки. Покупал, складывал в сундук, а теперь достал все, сначала разложил на кровати, полюбовался, потом оделся, вышел из дома, почувствовал себя празднично счастливым. И какая досада – никто его не видит. «Зайду-ка к Чечану, проведу, а заодно покажусь, может, порадует со мной. – Подумал так Тураб и зашагал по холодочку, мурлыкая какую-то веселую песенку.

В комнате у Чечана стоял хохот – это парни, стоя кругом на коленях, играли в цельдао, веселили раненого, облегчали его страдания. Они ловили ртами подвешенный к потолку, сильно зажаренный, а потому очень твердый круглый пирог. Каждый норовил, откусив кусок, с размаху отослать пирог своему соседу, да так, чтобы набить ему губы. Чечан улыбался:

– Не торопись, Адшес, хватай зубами, а не носом!

Тураб обошел игравших в цельдао парней, стал рядом с койкой у ног Чечана:

– Я вижу, ты поправляешься. Как нога?

– Уже почти не болит. Да как ей болеть, когда тебя веселят, силу прибавляют такие славные ребята, такие богатыри.

Не заметил его наряда Чечан, ничего не спросил, а парням и вовсе было не до Тураба, только бы не расквасить себе нос да отхватить кусок пирога.

Наконец увидел Чечан: «Куда это он так вырядился? Наверно, на тайное свидание с Дахапсой? Тайное... Это лишь он так думает, об этом только глупый теленок в коровнике не знает... Анисат, Анисат, как мне больно, как страшно жить на этом свете...»

– Садись, Тураб, спасибо, что зашел.

Они поговорили о купцах, что приезжают торговать разными заморскими товарами, еще о чем-то, но душевного разговора не получалось.

– Я пойду, Чечан, у меня полно разных дел. Выздоравливай, а то скакун твой уже застоялся. Да и охота на зверя в этом году, говорят, хорошая.

На том и расстались.

Тоскливо от обиды стало на душе у Тураба, и он подумал: «Ты одна у меня, Дахапса, одной тебе я только и нужен, потом ты родишь мне сына, он будет таким же богатырем, как князь Рэдэд, я сделаю из него могучего посланца богов». И зашагал, зашагал Тураб! У порога дома Дахапсы приостановился: застучало, запрыгало его сердце, и не понять, от тревоги или от радости.

Постоял, отдышался и смело отворил дверь. Увидев его, Дахапса застеснялась, завозилась с подушками. А чего застеснялась, чего? Как говорится, все стыдное у них осталось позади. Застеснялась, наверно, потому, что сейчас произойдет нечто большее, чем постель укладкой.

– Проходи, Тураб, чего ты стоишь.

– А чего тут рассиживаться, пошли ко мне, в наш с тобою дом.

Обиделась Дахапса: не так ей все представлялось, не так хотелось, а как должно быть, не знала, может быть, поэтому и сердилась:

– Ну чего ты, Тураб, будто за дровами приехал. Посидим, поговорим, – просительно улыбнулась она. – Помолиться бы надо, попросить богов, чтобы мне... чтобы нам с тобой было хорошо, как ты сказал, в нашем доме.

– Но кто же молится сидя, дорогая Дахапса? Вот теперь хорошо... Я прошу вас, о боги, благословите Дахапсу стать женой вашего посланца Тураба, пусть наша семья по вашей воле будет самой счастливой на земле. А еще я прошу...

Дахапса, воздев руки, согласно кивала головой и смотрела на Тураба, как на бога. Ей было немного страшно и в то же время очень хорошо. Еще бы, жена посланца богов!

Помолившись, они постояли молча, чтобы не спугнуть поселившееся в их сердцах счастье.

– Веди меня, мой муж, в наш дом.

– Пойдем, жена моя.

На улице им встретилась Курац, соседка Тураба:

– Куда вы отправились на ночь глядя? Чего вам дома не сидится?

«У-у, чтоб тебе пусто было, старая ведьма, теперь растрезвонит по всему Мазибу», – рассердился Тураб.

– А тебе самой чего не сидится дома?

– Корова выгнала. Теленок куда-то запропастился, вот она и ревет дурным голосом, покоя не дает.

– У тебя с коровой свое дело, а у нас – свое, – ответил Тураб.

– Тогда вам доброго пути, если дело, и доброй ночи!

– Ты чего сердишься, Тураб? – удивилась Дахапса.

– Теперь по всему белому свету раззвонит, подох бы ее теленок вместе с коровой.

– Ты что, Тураб, хочешь быть моим тайным мужем? Так это уже было у нас с тобой, – улыбнулась Дахапса.

– Не беспокойся, моя дорогая жена, не успеешь завтра проснуться, как весь Мазиб будет знать, что ты стала женой посланца богов Тураба.

– Дорогой муж, я ведь ни разу не была в твоём доме, – сказала Дахапса, когда они подошли к воротам, – давай помолимся, пусть боги пропустят меня, пусть сделают заботливой хозяйкой для посланца богов, для его семейного счастья.

Тураб чуть поморщился – слишком много слов, потом улыбнулся, с радостью вздохнул: «Семейное счастье... А бедному Чечану боги не послали его».

– Я уже молился, разговаривал с богами, так что входи смело! – произнес он с подъемом.

– Э-э! – воскликнула Дахапса, войдя во двор. – Почему нас никто не встречает...

– А кто должен встречать?

– Говорят, у тебя много разных слуг.

– Они приходят работать, а не жить.

– Но пусто, пусто как! Во дворе должна быть красивая и умная собака, пушистая кошка, веселый петух.

– Все это ты и заведешь. Я найду могучего волкодава, самого лучшего петуха и пушистого кота. Входи! – и он распахнул дверь.

– Но что ты толкаешь меня в темноту, Тураб?!

– Сейчас, сейчас! – он вошел в дом и скоро вернулся с зажженной свечой. – Никакой темноты, проходи! Все у нас будет светлое, счастливое! – продолжал на ходу Тураб...

Всю ночь он был неутомим в постели. Только под утро блаженно уснул, подумав: «Там, в ее доме, все было другое, ворованное и потому горьковатое, а теперь! Посланец богов перестал быть несчастным горбуном, он стал мужем красавицы, главой семьи».

– Тураб, не поворачивайся ко мне спиной, – попросила Дахапса, но он уже спал, не слыша ее просьбы. «И хорошо, что не услышал меня, глупую. При чем тут горб! Вот у Натая нет горба, но у него нет и мужской силы, без которой он не мужчина. А еще – Тураб один на всю Касогию посланец богов и, может быть, в его горбу божественная сила. Не смей больше говорить ему своих глупостей!»

Она уснула, казалось, лишь вздремнула немного, а когда открыла глаза, в окно заглядывало яркое солнце.

С кухни послышался женский голос. Старуха Курац разговаривала с Турабом:

– Обманул ты меня вчера, Тураб, говорил – один да один, а оказывается вон что! Кто там у тебя спит, кого ты прячешь от меня?

Тураб смущенно усмехнулся:

– Курац, ты же ровесница моей покойной матери, как же я мог сказать тебе, что привел в дом женщину, что женюсь. Нельзя ведь, по нашему обычаю.

– Конечно, конечно, по обычаю, но ты ведь посланец богов, думаю, у вас все по-другому?

– Нет, боги знают всех наших предков и велят блюсти их обычаи, без обычаев, без старины нельзя, недаром говорят: без вчерашнего вечера не будет завтрашнего утра.

– Правда, правда. Поздравляю тебя с женитьбой, с ее радостью и семейным счастьем. Пусть в окна вашего дома по утрам заглядывает веселое солнце, а вечерами – тихий месяц. Пусть у вас всего будет столько, сколько звезд на небе.

– Да осчастливят тебя боги за твои добрые слова, – с достоинством проговорил Тураб.

– А я пришла за перцем, одолжи немного.

– Почему немного? Возьми, сколько хочешь. Может, еще что-нибудь надо, не стесняйся.

Не худо бы воспользоваться нахлынувшей вдруг добротой Тураба, но Курац от неожиданности растерялась, даже рассердилась на себя за это. Потопталась у дверей:

– Спасибо, сын мой... молодая жена, значит, нежится в постельке, а муж занялся на кухне женским делом, готовишь ей что-нибудь вкусненькое? – не без ехидства проговорила старуха и продолжила нараспев: – Ой, сынок, ой, сынок, смотри, как бы первый медовый денек не оказался потом горьким. Сегодня ты ей вкусненький завтрак приготовишь, обед хороший, потом постираешь бельишко, а там, гляди, и полы вымыть заставит. Ой, сынок, ой, Тураб, как бы потихоньку не взгромоздилась она на твою шею, попробуй потом прогнать. – Нахмурилась, сдвинув брови, Курац. – Сам же сказал про обычаи, значит, и соблюдай их. Мужчина должен заниматься только мужскими делами, не возиться с горшками на кухне, а женщина – своими. Любовь к мужу должна показать заботою своею, а не вылеживаться в мягкой постели. Так нас учили родители,

дедушки и бабушки, а их, должно быть, боги. Ой, заговорила я с тобой, надо домой бежать.

– Верное, мудрое твое слово, Курац. Это сегодня, в первый наш день я ей маленький праздник устроил, но праздники не бывают каждый день...

«Ты посмотри, – рассердилась Дахапса, – вот старая ведьма, уже и сюда свой нос сует! Чтоб у тебя, старая перечница, последние зубы выпали! Ты посмотри, не терпится ей поспорить нас с Турабом! Но для чего, какая ей выгода от этого? А может... Тут надо ухо держать востро. Дуреха старая, – улыбнулась Дахапса. – Глупая ты, Курац, и недобрая. Ничего, управлюсь я с тобой».

Поднялась она, расчесала волнистые волосы, надела праздничное платье, улыбочивая, довольная собой, зашла на кухню, залитую солнцем.

Тураб тоже расплылся в улыбке, пригласил ее сесть за столом рядом с собой.

Она села, помолчала, потом шутливо погрозила Турабу пальчиком:

– Дорогой мой муж, как сказала соседка Курац, сегодня у нас с тобою первый, как говорят, медовый день, а я добавлю: первый и последний, я не позволю тебе заниматься женскими делами, возиться на кухне с горшками не позволю, этим позорить меня перед людьми.

– Согласен, согласен! – весело рассмеялся Тураб.

– А еще, как и полагается у нас, чтоб никто из людей не видел меня с тобою за одним обеденным столом.

– И это я тебе обещаю! – еще веселее рассмеялся Тураб. – А вот князь Рэдэд мне рассказывал, что в заморской стороне, у греков, кажется, еду готовят мужчины...

– Пусть греки хоть на головах ходят, мне до них нет дела. На кухне, в доме – я хозяйка, а ты ухаживай за скотом, работай в поле.

– Вот это да! Я стану настоящим князем!

– Подожди, подожди, князь! А кто будет землю пахать, скот кормить?

– Как это кто? Натай, конечно. Разве ты не знаешь? Что-то его нет до сих пор, уже пора и скот, и птицу кормить, за водой съездить, да и в лес надо ехать за дровами.

– Ослицу надо покормить. Натай говорил, что она корм берет только из твоих рук.

Тураб вздрогнул: «Неужели она знает?» – Натянуто улыбнулся:

– Я ее взял совсем маленькой, сам выкормил, вот и привыкла, даже скучает, если долго не видит меня. Бывает, и собака так полюбит своего хозяина, что готова умереть за него. А лошадь? Жена сидит себе дома у очага или на постельке мягкой пробавляется, а мужчина все в поездках да в походах разных, случается, и холодно, и голодно ему, и враг подкарауливает. Лишь верный конь согревает его своим теплом, силой и верностью своей ему служит. Самый лучший друг может тебе изменить, но конь – никогда. А если убили хозяина, он может погибнуть от тоски...

– Знаю, знаю, слышала, однако доедай свое мясо, дорогой муж, и отправляйся во двор, занимайся хозяйством, Натай не придет.

– Как это – не придет? Почему? – удивился Тураб.

– Я попросила его хоть недельку не появляться у нас.

– Почему не появляться, я же без него, как без рук! – вышел из себя Тураб. Задрожали его тонкие губы, сверкнули колочие глазки: «Может, как сказала Курац, Дахапса и вправду собирается сесть мне на шею». – Нехорошо, нехорошо это, без моего хозяйского разрешения.

– Чего ты вскочил, мой дорогой хозяин, чего горячишься, это же не по-мужски. Хочешь, чтобы по всему Мазибу люди посмеивались, мол, невиданное и неслыханное дело: Дахапса стала женой сразу двух мужей.

– Что за глупость, кто посмеет сказать такое про меня, про мою жену?! Да я за это оскорбление столько беды на их глупые головы накличу!.. Мы ведь с Натаем большие друзья. – Тураб так резко сел, что стул застонал под ним.

– Вот и хорошо, вот и успокойся, мой дорогой муж, – сказала Дахапса и погладила Тураба по горбу, ей показалось, что обожгла руку об него, однако не отдернула, одолела себя, улыбнувшись, спросила: – Если вы большие друзья, значит, и Натай может общаться, как ты, с богами?

– Что ты говоришь? – испугался Тураб. – Он мне младший друг и только по земным делам – во дворе, на поле, а в небесных делах я один на всю Касогию, даже на всей земле адыгов! – Сказав это, он молитвенно воздел руки, закрыл глаза подрагивающими веками.

Дахапса, понизив голос, как бы по секрету спросила:

– Ты, мой любимый муж, и в самом деле посланец богов, ты и вправду разговариваешь с ними, как сейчас со мной?

Тураб сначала втянул голову в плечи, как бы прячась за горбом, потом выпрямился, подбоченился, свысока глядя на лукаво улыбающуюся Дахапсу, с укором сказал:

– Если бы я не был посланцем богов, неужели ты вышла бы замуж за горбатого?

– Я совсем не это хотела сказать, – заторопилась Дахапса, но Тураб остановил ее, подняв узкую нервную ладонь.

– Не знаю, что хотела, но хорошо слышал, что ты сказала... За многие годы, с тех пор, как со мною заговорили боги, как я об этом поведал людям, никто не задавал мне подобных вопросов, никто не осмеливался, потому что верили мне. А ты разве не знаешь, сколько сбывалось моих предсказаний, сколько добра с помощью их я сделал людям?!

Зарделась, загорелась лицом Дахапса, клятвенно сложила на груди красивые руки:

– Прости меня, глупую женщину, если я обидела тебя. Ты такой... Я недостойна тебя, потому и спросила, уж не сердись. И еще наше женское любопытство, оно как болезнь, от которой не излечишься. Может, научишь меня услышать хоть одно словечко, сказанное богами?

Разрумянился Тураб, вальяжно привалился горбом к спинке стула, благостно закатил глаза, и Дахапсе показалось, что он стал похожим на бога. Тураб помолчал многозначительно, распрямил, приподнял плечи и, со значением произнося каждое слово, заговорил:

– Дахапса, душа моя, я слышу богов, разговариваю с ними не потому, что сам этого хочу, а потому, что они этого хотят. Это они сделали так, что я слышу, понимаю их, а они слышат и понимают меня. Как был бы я рад, если бы ты услышала богов, если бы они услышали тебя! – Он приподнялся, огладил ее горящие щеки ладонями, прижался к ним курчавой бороденкой и вожделенно задышал. Дахапса легонько отстранила его. Тураб сел, обиженно посмотрел на нее. – Дорогая моя жена, моя красавица, слышать богов, разговаривать с ними – это великое таинство...

– Это счастье! – воскликнула Дахапса.

– Да, счастье, моя дорогая, но и такой большой, такой тяжелый груз, что только избранные могут нести его, поэтому все люди должны не только уважать меня, но и быть покорными моей воле. Все, в том числе и великий князь. Но Рэдэд не хочет этого понимать, и я боюсь, прогневает этим богов. Это все должны знать, тогда и будет наша земля счастливой... Ты поняла меня, жена?

– Да, мой муж, да, посланец богов. Все должны знать – и великая княгиня Рампэс, и Айнар, и сам великий князь Рэдэд.

– Не только знать, но считаться со мной, почитать, как он почитает богов, и ставить меня не в стороне, а впереди себя! – почти приказал Тураб.

– Да, да, очень большой груз... Теперь ты стал еще и семейным человеком... Когда я осталась одна, то отдала корову и овец своим родственникам – мне одной они ни к чему, теперь же нас двое, тебя надо кормить мясом и сметанкой, курятинкой и медком, чтобы у тебя было хорошее здоровье, добрая мужская сила.

– Да, да! – довольно улыбался Тураб.

– Значит, надо завести нам с тобой хозяйство, я и подумала: сколько людей работает на Рэдэда и его семью? Много, и это правильно, ведь он великий князь Касогии, но почему ты, посланец богов, должен копать в навозе, возиться в поле. Я думала и слышала, что у тебя много домашних работников... Оказывается, ты один... Это несправедливо.

– Я знал, что ты умная, дорогая Дахапса, но что такая умница, не догадывался. Молодец! Все люди должны заботиться обо мне, о моем здоровье, как я забочусь о них! – Встал Тураб и, заложив руки за спину, подперев тяжелый горб, солидно прошелся по комнате.

III

Взяв коня под уздцы, Колэс вывел его за ворота и остановился. Прищурился старческие глаза, грустно смотрел на горы, одетые в яркие осенние одеяния. В этом удивительно красивом и разноцветном убранстве была грусть уходящего. Это теперь, на склоне своих лет, думалось

Колэсу, таким ему виделся осенний лес. Сколько звезд на небе, столько лет жизни на земле, и в каждом году – осень с ее грустью. Она всегда одинакова в яркости красок, в тишине, покое и величии. А в представлении каждого человека она год от года меняется, как меняется сам человек. Был Колэс мальчишкой и, конечно, не думал ни о какой красоте – она просто входила в него сама собой, как воздух, солнечный свет, озорной летний дождик. Просто любил он ходить за терпким терном, за медово-сладкой горной черешней, а потом за орехами и каштанами, любил поваляться с друзьями в ворохах душистых листьев, сухой траве.

Настает пора, и девчонки становятся девушками, мальчишки – парнями, и у каждого из них свой, отдельный лес с цветами и соловьями, вечерними зорями – лес юности, будь он осенний или зимний, а потом, потом – лес грусти и печали, лес расставания...

«О, как давно уже нет моего младшего друга, великого князя Лаурстэна, как повзрослел, стал похожим умом и волей на своего отца Рэдэд, скоро начнет седеть его голова и пышная княжеская борода. Мальчишки, какие родились при мне, давно стали воинами, предводителями, вчерашняя пихточка стала могучей красавицей, заневестились березы, которых недавно и видно не было, а вон на пригорке уже засыхает бук, скоро срубят его на дрова, и будет он весело гореть в очаге, давая радость тепла и света людям, а я все живу и живу, смотрю вокруг на все, будто из дальнего далека. Зажился уже, зажился...»

Шуршала под ногами листва, по-осеннему грустно посвистывала синица, в тускнеющем к зиме небе неторопливо кружил орел, горланили грачи, прилетевшие с далекого холодного севера.

Колэс подумал о том, что вслед за нарядной осенью наступит красавица зима, а вот вслед за старостью – черная, глухая могила.

Конь всхрапнул, недовольно ударил копытом о звонкую, примороженную землю, мол, что ж это такое, если тебе нравится, хозяин, плестись пешком, то зачем меня взял с собой?

Улыбнулся Колэс: «Не сердись, состаришься – и тоже будешь радоваться неторопливости, покою... Надо сказать

Чечану, пусть кору ольхи надерет, новые овчины пора красить, а заодно накопает целебных кореньев папоротника, вон какой в этом году вымахал, – подумал Колэс. Его взгляд остановился на развесистом дубе с побуревшими листьями, сбросит дуб их весной, когда проклюнутся новые, зеленые листочки. – Это сколько же ему лет? Еще дедушка рассказывал о гуляньях под этим дубом, уже тогда чуть ли не весь Мазиб умещался в его тени!»

– Добрый день, дедушка, – выйдя из-за куста шиповника с полным подолом каштанов, тоненько пропела белолицая девочка. – Ты что-нибудь ищешь?

Колэс погладил по русым кудряшкам ее головку.

– Ты любишь каштаны?

– Да. Я люблю не только есть, но и собирать их в лесу. Хочешь, я принесу тебе жареных?

– Очень хочу. Твои каштаны, наверно, самые, самые вкусные.

– Моя нана говорит: чем добрее человек, тем вкуснее у него все получается.

– Правильно говорит твоя нана, значит, она очень добрая и готовит, конечно, самое вкусное в Мазибе. Вечером буду ждать тебя с жареными каштанами. Иди, моя хорошая, позови Курац, скажи – старик Колэс хочет ее видеть.

– Она здесь, недалеко, тоже собирает каштаны, сейчас позову.

Вскоре появилась запыхавшаяся Курац:

– Что случилось, Колэс?!

– Ничего такого, чтобы бежать ко мне рысью, – усмехнулся старик.

– Рысью? А сам? Такого всадника с конем в поводу еще не приходилось видеть, – засмеялась Курац. – Что у тебя за тайна?

– Очень простая, – улыбнулся Колэс. – Мне стало легче ходить пешком, чем подниматься в седло.

– Тогда зачем же конь?!

Колэс смущенно пожал плечами:

– Какой же мужчина без коня? – и они оба теперь весело рассмеялись.

– Чего тебе не сидится, мог бы и подождать, пока приду из леса.

– Я мог бы подождать, но дела ждать не могут. Видишь, лужицы уже ледком поблескивают, вот-вот и белые мухи полетят, завьюжит, а у нас с тобою, к радости нашей, есть дети и внуки, кто же о них позаботится, если не мы с тобой, не все мазибцы?

– Э-э, Колэс, слишком длинные у тебя слова стали, от старости, что ли? Вспомни, как ты в молодости говорил: раз-два – и все понятно!

– Ты, Курац, тоже постарела, если перебиваешь мужчину.. Емзеш со своими помощниками кует мечи и подковы, другие готовят кольчуги, третьи – луки и стрелы. Но кроме оружия воинам нужны хорошие бурки, шерстяные душегрейки, носки, гамаша. Люди Мазиба и других селений принесли много шерсти, вот ты со своими подругами и займешься этим, собери их на шихаф-посиделки. И не только пожилых – надо и девушек приучать к добрым делам. Для первых посиделок я дам бычка, чтобы обед приготовить. Ведь хорошо, когда после работы все по-семейному садятся за обеденный стол.

Ночью выпал снег. Словно белое праздничное покрывало украсило землю. Пушистый иней нарядил деревья. И все это сверкало под лучами солнца, сиявшего в голубом небосводе. Одни говорили, что это устроил Тураб, другие уверяли, мол, сами боги, узнав о добром деле, затеянном мазибцами, подарили им эту радость.

И пожилых, и молоденьких мастериц с чесалками собралось столько, что с трудом уместились в просторном доме Колэса. Сколько комнат, столько пелось и разных песен, столько рассказывалось сказок и разных занимательных историй. Весь дом заполнили звонкие голоса. И над всем этим – строгая Курац, как сказал Колэс, предводительница лучших женщин Мазиба. Она ходила из комнаты в комнату, смотрела за порядком, давала разные советы.

Одни готовили шерсть для вязки носков, гамаш и душегреек, другие – для бурок, башлыков.

– Девчонки, дурносмешки мои, смотрите, чтобы не пришлось потом плакать, когда наколете о чесалки свои пальчики!

– Что это за шерсть такая мне попалась, нана, я задыхаюсь от ее дурного запаха.

– Вот тебе и наука – будешь знать, что за овечкой надо хорошенько ухаживать. Недаром говорится: каков хозяин, таков и скот, такой и дом у него. К такому и гости не ходят без нужды, навещают его без радости. Живее, живее, доченьки!

На кухне тем временем готовилось праздничное застолье! Разделявалось мясо, доносились сквозь открытую дверь запахи лука, чеснока, душистого перца. Там же стояли корзины с пирогами и лепешками, копченым сыром и мясом, принесенными женщинами из дома.

Пока тайну хранишь при себе, она твоя рабыня, а стоит только выпустить из своего сердца – становится твоим врагом. Поэтому Колэс держал при себе, как больно ему от одиночества Чечана, и собирая в своем доме девушек на посиделки, тайл надежду найти внуку невесту, надеялся на встречу двух сердец.

– Чечан, принеси из кухни напиток и угости работниц, а то у них от шерсти, должно быть, в горле першит. – Сказал это и подумал: «Пойди, покажись красавицам и сам посмотри на них, может, и мелькнет между вами искорка».

Войдя в первую комнату, где, сидя на разостланном ковре, женщины чесали шерсть, Чечан зачерпнул из ведра деревянную кружку напитка и весело предложил:

– Ну, красавицы, кто хочет попить? Вкусненькое, из лесных грушек и яблок, пожалуйста, угощайтесь!

– Посмотрите на него, девочки, такому парню надо бы за нас троих работать, а он с напитком пробавляется, – стрельнув озорными глазками, проговорила Бзабза, дочь кузнеца Емзеша.

Девушки дружно захохотали.

– Бесстыдницы! – незлобно прикрикнула Курац. – Замолчите!

– Ничего, пусть повеселятся. Видно, Бзабзе не хочется пить. – Он преподнес первую кружку Курац, потом пошел по кругу, а когда Бзабза протянула руку, сделал вид, будто не увидел и прошел мимо: «Пусть позлится... Совсем еще недавно она была такой, что и смотреть не на что, а теперь...» И когда уже надо было уходить, он оглянулся, протянул Бзабзе наполненную кружку. Она обожгла его взглядом обиды, даже презрения, но... Может быть, с этого «но» и начинается сама жизнь со всеми ее радостями, слезами

обреченности и надежды, а надежда – это и есть сама жизнь. Бзабза взяла кружку.

– Ты, красавица, все-таки решила попить моего целебного напитка? – поддел ее Чечан.

– Мне кажется, уважаемый Чечан, – сощурила девушка глаза, – не так я хочу пить, как ты хочешь меня напоить.

Опять девчонки взорвались звонким смехом, опять на них прикрикнула Курац, но на нее уже никто не обратил внимания.

– Если бы это сказал парень, я мог бы обидеться, но разве можно обижаться на девчоночью глупость?

Вскочила Бзабза, расплескав напиток, встала перед Чечаном, казалось, готовая взорваться от гнева и обиды, и вдруг залпом выпила, сунула ему в руки кружку и по-девчоночьи озорно рассмеялась:

– Девочки, а напиток и вправду целебный!

– Из рук такого парня – все целебно! – добавила подружка Бзабзы Лашин. – А еще мудрые люди говорят: от такого напитка до свадьбы всего несколько дней.

Засмеялись девушки, засмеялась с ними и старая Курац.

«Однако пора уносить ноги от этих остроязыких вертихвосток, а то ведь и в самом деле женят», – подумал Чечан, ощутив, как потеплело у него в груди.

Ушел Чечан, и словно пусто стало в комнате, тихо.

– Ну чего, чего замолчали? Подумаешь – парень ушел, будто небо голубое угасло. На наш век их хватит: ноги им мыть да угождать. Подумаешь! – заговорила худенькая чернобровая молодуха. – Скажи-ка, Курац, почему ты со всего Мазоба собрала нас работать, а вот свою новую соседку не привела?

– Ты про Дахапсу? Звала и ее, она согласилась, но Тураб не пустил. Он никуда ее не пускает.

– Ну как же, ну как же, – сладенькие молодожены! – хихикнула молодуха. – Горбун никак не налюбуется своей красавицей!

– Ничего не скажешь, отхватила Дахапса муженька-горбунка!

Опять захохотали, зашумели девушки.

– Замолчите! Не смейте так говорить о посланце богов, он от обиды может накликать на нас беду, – строго предупредила Курац.

– И правильно Дахапса сделала, – вступилась Бзабза, – сколько ей, бедняжке, болтаться. Пусть Тураб и горбун, но ведь он – посланец богов.

– Уж не заглядывалась ли и ты на него? – снова хихикнула молодуха. Бзабза будто не слышала этих слов, а та все продолжала поддевать: – Правильно ты сказала, Бзабза, молодец Дахапса, сразу двух мужей отхватила, такого еще не было во всей Касогии!

– Да уймись, наконец! – одернула молодуху Курац. – С виду ты такая хорошенькая, а душою, оказывается – злючка... Хватит, пойдемте обедать.

Подали на обед пшеничную кашу, жареное молодое мясо, соус с обыкновенными острыми приправами, но почему все было таким необыкновенно вкусным? Молодые хозяйки допытывались у Курац, что за мастерица готовила, что за секреты у нее.

– Есть, конечно, есть секреты, только не у поварихи, – объясняла Курац, – а у этого большого стола: чем больше сидит людей за ним, чем дружнее они между собой, чем добрее и веселее их глаза, тем вкуснее еда. Вы еще молодые, а вот поживете, потопчете каждая свою трудную, часто запутанную тропинку и поймете: жизнь каждого из нас, как бы сказать, слаще и спокойнее, когда мы все сидим за одним, за общим столом... Чем вы сегодня занимаетесь здесь? Для нашего, Всекасожского войска работаете, созданного великим князем Рэдэдом.

«У-у, – подумали сидевшие за столом – вот тебе и Курац! С виду старушка как старушка и больше ничего, а посмотри, сколько у нее мудрости».

– Рассказала бы ты нам что-нибудь интересное, Курац, – попросила Бзабза.

– Интересное, говоришь? – Курац отодвинула миску, сложила руки на коленях. – Бабушка мне рассказывала, а ей – ее бабушка, получается, это людская память, она без начала и конца, как земля и небо, как солнце. Я поведаю вам о том, как женился молодец из Шисхариса... Жила-была в то стародавнее время женщина, вроде тебя, горливая молодуха из верхнего селения. Пошла она утречком с кленовой бадьей к речке по воду. Зачерпнула воды и, о боги, увидела в бадье золотой гребешок. Подхватила и бежать, еще бы – целое богатство! Прибежала, спрятала

его и молчок. На другое утро опять пошла по воду и увидела она русалку, выглядывавшую из воды. «Пожалуйста, отдай мой гребешок», – попросила русалка. «И не подумаю. У вас в подводном царстве много всякого добра, найдешь себе другой, а для меня, для моей семьи это большое богатство». Русалка опечалилась очень: «Мне жалко тебя. Богатство, которое приобретено бесчестно, может обернуться большим горем для твоей семьи». Не послушалась русалку молодка, а утром следующего дня вдруг пропал ее сын. Никто не видел, когда и куда он ушел. «Уж не русалкино ли это дело?» – подумала молодка. Пошла она на речку и увидела там сына, выглядывавшего из воды. «Нана, отдай гребешок, забери меня отсюда», – попросил он. «Э-э, – подумала она, – я еще молодая, нарожаю детей, сколько захочу, пусть лучше богатство останется у меня».

В селении узнали о русалке и золотом гребешке, пришли в дом молодухи, стали стыдить ее за то, что сына променяла на золото, сердце материнское продала. Очень просили вернуть гребешок и забрать мальчишечку, но молодуха и слышать не хотела. А когда пошла провожать гостей, ее младший брат тайком забрал гребешок, пошел на речку и стал ждать русалку. Долго ли, коротко ли ждал, появилась русалка на берегу, села поодаль от парня. У нее на руках сидел племянник и горько плакал. Подкрался парень, схватил русалку за длинную косу. Она оглянулась, и он обмер – такой красивой была русалка, своим взглядом будто прожгла его сердце. Огнем радости, любви прожгла. «Забери свой гребешок и отдай мне племянника», – промолвил он, не в силах оторвать от нее влюбленного взгляда. Она, тоже влюбленно глядя на него, ответила: «Не нужен мне гребешок. Забери меня вместе со своим племянником из этого холодного царства, я буду тебе хорошей женой, матерью твоих счастливых детей». И он забрал русалку, а она силой его любви преобразилась в девушку, родила ему семерых сыновей-богатырей и девочку-красавицу. Племянник тоже стал счастливым отцом своего семейства, а молодуха куда-то пропала, будто ее и вовсе никогда не было в селении.

– Счастливая русалка! – вздохнув, сказала Бзабза. – У меня тоже длинная коса, вот только кто бы взял ее в свои руки.

– А ты разве не заметила, как Чечан смотрел на твою косу?

Девчонки прыснули со смеху. Бзабза мечтательно продолжала:

– Может, и правда смотрел, да что толку... Если бы он привел меня, как тот молодец русалку, к себе в дом...

– Да ты ведь уже сидишь в его доме! – воскликнула ее подруга Лашин.

– Нет, дорогая, – грустно возразила Бзабза, – не в доме Чечана я сижу, а на посиделках...

«Правду говорят – каждому свое, – подумала Курац. – У одних все впереди, а у других – позади. Это сколько же лет прошло с тех посиделок, когда мой будущий благодетельный взял мою косу в свою крепкую руку? Так много, что и не сосчитать. Может, Чечану не понравилось, что Бзабза такая острая на слово и горячая во взгляде? Напрасно, напрасно, Чечан, ведь не зря говорят: в тихом омуте злая сила водится, а Бзабза – вся на виду. Веселая, остроумная, как не полюбить такую...»

Вошли Машук и Чечан. Женщины, умолкнув, почтительно встали.

– Мы думали, здесь кипит работа, а оказывается, – вы объедаетесь да рассказываете разные байки! – весело пошутил Машук.

– Интересно, – ответила Курац, – хотела бы я посмотреть, как старались бы вы, если бы вас голодных заставили работать.

– Ладно, ладно, – примирительно поднял руки Машук, – нельзя уж и пошутить, тем более, что я зашел к вам с хорошей вестью; княгиня Айнар родила великому князю Рэдэду продолжателя рода, наследника касожского княжества.

Зашумели, возрадовались, как умеют только женщины радоваться появлению нового человека! Чечан, понутив голову, подумал: «А ведь и Анисат могла бы родить мне наследника, о боги, помогите мне, всесильные».

– Надо сейчас же пойти и поздравить Айнар с новорожденным, а великого князя Рэдэда – с наследником!

– Обязательно надо пойти!

– Да вы что! – возмутилась Лашин, – разве можно поздравлять на ночь глядя? Лучше завтра, с восходом солнышка.

– Верно ты говоришь, Лашин. Завтра и Айнар, и Рэдэд, и Рампэс поздравим, пожелаем им счастья!

– Спасибо за добрые слова, – сказал Машук.

– Спасибо – это хорошо, но одним спасибо не отделаешься! – обратилась Бзабза к Машуку и украдкой стрельнула взглядом на Чечана.

– Вы посмотрите, эта девчонка, эта малышка будет учить меня обычаям! Я не с пустыми руками пришел, взгляните – принес вам полный бурдюк медового напитка и корзину лепешек! Пейте, кушайте на здоровье, подкрепляйте свои силы, ведь вам работать до утра!

– Да, Машук, будем работать до самого восхода, а потом помолимся, поблагодарим богов за их доброту к князю и его семейству и пойдем с поздравлением.

Утром все так и было – будто по заказу поднялось в чистое небо большое, золотистое солнце.

У ворот Курац стоял Колэс с большой кошелкой в руках.

– Ты куда собрался, почтенный? – удивилась Курац. – Что это у тебя за кошелка?

– Да вот, хочу угостить, принес тебе вкусенького.

– Спасибо, спасибо! Решил за хорошую работу меня угостить?

– Послушай, Курац, ты еще хорошо видишь, посмотри, что там за всадники появились у княжеского дома?

Прищурилась Курац:

– Четверо наших мазибских парней с Коданом, а еще двое... кажется, не касоги.

Кодан спешился, широкими шагами заторопился навстречу Колэсу:

– Рад видеть тебя, почтенный Колэс, как здоровье?

– По годам моим, Кодан. На старости каждый год весит намного больше, чем в молодости, потому и плечи под такой ношей пригибаются, ноги в коленках тоже... Однако, как видишь, – почему-то застенчиво улыбнулся Колэс, – живу, случается, еще и в седло сам поднимаюсь, – он погладил по шее коня, который уже привык ходить за пешим хозяином, – случается, поднимаюсь, хотя оно стало выше, чем было раньше, а ты сам знаешь – чем гора выше, тем труднее на нее подниматься... Кто там еще с тобой?

– Это зихи, они провожали Ислам-Хаджи.

– Как провожали, куда? – встревожился вдруг Колэс. – Это мой давнишний и добрый знакомец, где он?!

– Ну где же ему быть, если не у тебя дома, – с доброй усмешкой сказал Кодан.

– Как же это я с ним разминулся! Ах, беда – гость в дом, а хозяин из дому! Нехорошо это, нехорошо! – и заторопился старик, постукивая посохом о примороженную землю, сетуя на свои ноги, которые не хотели так двигаться, как хотел их хозяин.

Ислам-Хаджи встретил Колэса в гостевой комнате стоя, с распростертыми объятиями, с широкой улыбкой на лице:

– Многопочтенный Колэс, ты так смотришь, будто не узнаешь меня. Я – Ислам-Хаджи!

– Когда я увидел тебя, подумал: это мои стариковские глаза видят то, что уже давно минуло, в речке нашей уплыло в море. Со стариками подобное иногда случается. Кажется, вчера – увидел я мальчишку, скакавшего на хворостине, будто на ретивом коне. Увидел и решил, что это – я. Даже чуть не позвал: «Колэс, иди сюда, хочу погладить тебя по головке и подарить сладость...» Вот и теперь смотрю и думаю: в самом деле это Ислам-Хаджи или моим стариковским глазам только увиделось? Ведь тогда ты пропал куда-то, мы обшарили все места вокруг, но не нашли. Да, в нашей жизни всякое бывает по воле богов. Рад приветствовать тебя, Ислам-Хаджи!

– Как видишь, по воле всевеликого Аллаха, это я, а не тень моя... Когда разбойник Нахлеш напал на нас из засады, мой конь споткнулся, и я вылетел из седла в кусты, они и спрятали меня, можно сказать, спасли, поэтому я и стою перед тобой живой и здоровый.

– Но почему ты не обратился к нам, мы бы защитили тебя от проклятого Нахлеша?

– Он перехватил бы меня, поэтому я подался в обход, стороной, к русичам.

– То был дьявол в образе человеческого, и слава нашим богам, что князь Рэдэд рассчитался с ним. Этот дьявол заморочил голову моему внуку, тот наделал много глупостей, правда, потом повинился во всем, князь Рэдэд простил его. А однажды ночью Нахлеш со своей бандой прискакал в Мазиб, убил невесту Чечана и ее мать.

– О Аллах! Какое горе!.. Я несколько раз бывал в вашей стороне, но Мазиб обходил стороной – опасался за себя, да и вам не хотел чинить лишних хлопот.

Вошел Чечан, как велит обычай, поздоровался с гостем, справился о его здоровье, затем удалился.

За обедом Ислам-Хаджи по просьбе Колэса стал рассказывать, как он побывал у русичей.

– Там я встретил дядю князя Рэдэда, Кансава. Он достойный мужчина, порядочный человек, частенько ко мне зааживал, я любил беседовать с ним.

– Не знаю, не знаю, дорогой гость, может, Кансав и порядочный человек, – усмехнулся Колэс, – но как он мог позволить такое: явился на свою родину с русичами и стал требовать от нас дань. Когда человек ради какого-то благополучия предает свой народ, свою мать... я не стал бы считать его порядочным, достойным мужчиной.

Они помолчали, каждый размышляя о своем, наконец Ислам-Хаджи, испытывая некоторую неловкость, нарушил молчание:

– Я не слыхал об этом, да и... всем нам, нашей совести, один судья – Аллах, а не мы, грешные... Это Кансав мне дал двух всадников, которые и проводили меня к вам.

– А кто они, зихи?

Ислам-Хаджи тут же отстранился от еды, встревоженно произнес:

– Я опасаюсь... Хорошо бы пойти к великому князю Рэдэду, попросить его милости к этим зихам.

– Не надо опасаться, Ислам-Хаджи, князь Рэдэд ничего дурного не позволит, – улынулся Колэс. – Спокойно продолжай завтрак, тем самым уважив и хозяина, и поле, пославшее нам по воле и доброте богов свои дары. А потом наведаемся к князю, уважим его своим вниманием, поздравим с рождением наследника.

По дороге к княжескому дому Колэс расспрашивал гостя:

– Я совсем плохо знаю русичей, всего лишь один раз бывал у них, да еще в неволе знавал одного, мужественного, доброго человека, ты же часто с ними встречаешься, ведешь свои торговые, купеческие дела. Скажи, что они за люди, зачем пришли сюда со своего далекого и холодного севера?

– Не просто ответить на твои вопросы, Колэс. Что в русичах мне нравится – они бесхитростные, открытые люди. Для других эта открытость, простота, может быть, удобна, а им самим она частенько вредит. Скажем, у нас не принято выставлять напоказ тайники своих мыслей. Вот и получается зачастую: думаем одно, говорим другое, а делаем третье. И обычаи наши очень сложные. Мы придаем большое значение тому, кто и где сидит за столом, кто едет на коне справа от тебя, а кто слева, что можно спросить у старшего, а на что даже намекнуть нельзя. У русичей все это намного проще. Может быть, поэтому мы и смотрим на них чуть свысока, простаками считаем. Для них главное не кто ты – араб там, адыг или грек, а какой ты человек – добрый, порядочный или злой, коварный. Один предводитель русичей пояснял: мне все равно, какой цвет твоей кожи, какой у тебя нос, на каком языке говоришь, главное, чтобы человеком был надежным. Пример тому – Кансав. Ведь чужак он им и по языку, и по крови, однако воеводой у них, и все его приказания выполняются строжайше. Сильный народ эти русичи, потому что у них сильные дружины. Конечно, они хотят, чтобы другие народы считались с их силой и волей. По-моему, народ этот намеревается создать большое государство, а большое государство требует больших расходов. Как сказал Кансав, если добром не хотят зихи, меоты, касоги и другие, мы заставим их силой платить дань.

– Ну, если хотят силой – пусть идут, мы тоже любим свою землю, у нас тоже есть дружины, есть храбрые воины.

– Силой человека можно заставить подчиняться, но уважать, любить... Нет. Думаю так: только силой создать большое и крепкое государство нельзя, не знаю, что у русичей получится.

Поздравив с рождением внука великую княгиню Рампэс, Колэс и Ислам-Хаджи встретились с князем. Рэдэд радушно пригласил их к себе.

– Ты узнал, князь, Ислам-Хаджи? – спросил Колэс.

– Как же не узнать такого видного человека! Я рад тебя видеть, дорогой гость, в моем доме. Особенно рад потому, что считали тебя погибшим. Садитесь, дорогие гости, – указав на почетные места, пригласил Рэдэд. –

Почтенный Колэс, мне кажется, наш гость чем-то обеспокоен. Или я ошибся?

– Не ошибся, князь. Он беспокоится за своих спутников, зихов.

– Это хорошо, когда человек беспокоится о человеке, но в этом случае уважаемому Ислам-Хаджи не надо волноваться. Как и полагается, их накормили, напоили и проводили, как они того пожелали, в путь. Конечно, я понимаю твое беспокойство, но что делать, нам приходится быть настороженными, чтобы не оказаться безоружными перед недоброжелателями.

– Да, время сейчас такое, вместо того, чтобы объединиться, каждый устремляется в свою нору, и от него всякое можно ожидать, – с тревожной грустью согласился с князем Ислам-Хаджи.

– Еще обиднее, когда враждуют между собой единокровные братья – хакучи, зихи, меоты. Правда, касоги стремятся к объединению, но это им пока мало удается. Из-за междоусобиц они не смогли противостоять хазарам, теперь вот русичи у наших ворот. Что слышно там, что нового?

Ислам-Хаджи повторил князю то, что рассказал Колэсу о русичах, о Кансаве, потом спросил:

– Ты знаешь князя русичей Мстислава?

Нахмурился Рэдэд, пожал плечами:

– Слышал кое-что.

– Говорят, он собирается на вас походом, покорить хочет, сделать своими данниками.

Рэдэд усмехнулся:

– Если у него еще не болела голова, так будет болеть. Значит, он хочет разбогатеть трудом наших людей, нашей землей, тогда чем же он лучше разбойников? Нет, не будет такого, не напрасно ведь говорят: кто пришел в чужой дом с мечом, от меча и погибнет.

– Ты прав, князь, так поступают разбойники, но есть еще и другое. Говорят, Мстислава несколько раз приглашали в Константинополь. Русичи – христиане, вот их вселенский глава и требует, чтобы он не только завоевал ваши земли, но и обратил вас в христианскую веру, это значит – попадете под влияние не только русичей, но и Константинополя.

– Отказаться от своих богов – все равно что отказаться от самих себя, от самой жизни. Так и будет: или устоим перед русичами, или умрем, и тогда им достанется проклятая земля.

– Да, да, – задумчиво уронил Ислам-Хаджи, – но что делать, в нашей греховной жизни прав тот, кто сильнее, а русичи – большая сила, они могучих и грозных хазар разгромили. Ах, если бы все мы, адыги, смогли стать единой стеной...

– Если бы! – ответил ему Рэдэд.

Хотя Колэс и сидел на почетном месте, во время всего разговора Рэдэда и Ислам-Хаджи не проронил ни единого слова. Мудрый старец любил иногда только смотреть и слушать, чтобы собеседники лучше, свободнее себя чувствовали, а он – мог лучше понять их. Но вот князь Рэдэд и Ислам-Хаджи умолкли в раздумье, похоже, все уже сказали и как бы не знали, о чем продолжить речь. Вот тут и помог им мудрый Колэс:

– Хорошо посидели, хорошо поговорили... Я что-то давно не видел Шупаша, где он пропадает?

– Мой младший брат, кажется, уже догоняет старшего – стал настоящим мужчиной, хорошо владеет мечом, метко стреляет из лука, на поляне в борьбе ему нет равного среди сверстников. Теперь сам обучает молодых воинов.

– Молодец, молодец, рад за него.

– А я рад за тебя, почтенный. Это все твои старания. Сначала ты меня научил, я передал полученные знания другим. Этим и жив народ.

– Спасибо. Я доволен тобою, Рэдэд. Наверное, и твой отец, глядя с небес, тоже доволен.

– И я доволен, что у вас все так ладится, – сказал Ислам-Хаджи, поднимаясь.

– Не спеши, гость, сейчас принесут нам завтрак.

– Спасибо, князь, я уже позавтракал у досточтимого Колэса.

– К нам прибыл Думитрий из Греции, – сообщил, войдя в гостиную, Чечан.

– Да принесет и он всем нам счастье! – произнес Колэс, а Ислам-Хаджи насупился:

– Мы только говорили, князь Рэдэд, вот посмотришь, этот Думитрий неспроста к вам повадился.

Сощурился с хитростью Колэс:

– Но ведь и ты, досточтимый Ислам-Хаджи, не просто так приезжаешь к нам из дальнего заморского края. Каждый ездит по разным странам конечно же не для прогулки, а по какому-то делу. Пойду и встречу своего давнего знакомого.

Думитрий привязал к коновязи коня, ослабил подпругу и направился к калитке:

– О-о, досточтимый, многоуважаемый Колэс, как я рад видеть тебя в добром здравии и в радости!

– Увидел тебя, потому и обрадовался. – Они обнялись. – Пойдем ко мне, коня обиходит Чечан. Ах, как я рад тебе! Ты вроде бы как помолодел, что ли?

– Видишь ли, дорогой Колэс, мы с тобой в таких летах, когда самая маленькая радость для нас многого стоит, а если встретил старого, давнишнего друга – это ведь какая радость!

– Да, что в молодости было маленькой радостью, в старости становится большой, – улыбнулся мудрый старец, – железо превращается в золото.

IV

Рэдэд очень любил своего верного коня. Если случилось подолгу куда не выезжать, то заглядывал в конюшню просто погладить его по холке, по звездочке на лбу, дать кусок теплой душистой лепешки. Вот и сегодня навестил своего друга. Когда вышел из конюшни, тусклое, уже погасшее солнце клонилось к закату.

Черно-огненный петух будто ждал великого князя Рэдэда, взлетел на плетень, громко ударил крыльями и загорланил, в упор глядя на хозяина.

Из очагов к мгlistому небу потянуло дымом.

Вдруг хлопнула калитка, и вошел Тураб. «Что это он на ночь глядя?»

– Чего ты такой сердитый, Тураб?

– Не сердитый, а злой!

– Дахапса обидела, что ли?

– Дахапса – единственный человек на всей земле, который понимает меня и даже любит.

– Почему – даже? Дахапса знает толк в мужчинах, а если мужчина – посланец богов, как его не любить, не уважать?

– Ну-у, Дахапса... – обиженно надул язвительные губы Тураб.

– Все тебя уважают, и я тоже отношусь с большим почтением.

– Ну-у-у, – снова промычал Тураб, – какое же это почтение, если всегда держишь в сторонке от себя?

– Греки говорят: «Богу – богово, а царю – царское». Ты разговариваешь с богами, советуешься с ними, даешь нам советы. Ну а повелеваю я. У тебя, как говорят греки, власть духовная, а у меня – земная, житейская. Не дуйся, пожалуйста.

– Как не дуться, если опять явились к нам Ислам-Хаджи и Думитрий! Мне надо повидаться с ними.

– Иди, повидайся, у меня же после того, как побывал в Греции, отпало всякое желание их видеть, кроме ненависти ничего к ним не испытываю.

– Но ведь сам часто говоришь: «Греция – могучее государство, греки – мудрый древний народ».

– Да – древний, мудрый, – вздохнул Рэдэд, – но как они со мной поступали...

– Понимаю, тебе очень больно, и все же нам надо сходить с тобою вместе – пусть они видят и знают, что не только я, но и сам великий князь Касогии не намерен грязной верой оскорблять наших богов.

– Послушай, Тураб, я не узнаю тебя, ты стал таким воинственным, а был тихим, спокойным в своих молитвах, в разговорах с людьми. Что случилось?

– Твердости от меня требуют боги. Они видят, что нас начинают сбивать с толку разные... Боги требуют своего, божественного порядка и грозятся большими бедами, если мы предадим их.

– Хорошо, ты убедил меня. Пойдем, – неохотно согласился князь.

В гостиную их радушно встретил Колэс:

– Для гостей у нас всегда накрыт обеденный стол, а ты, князь, кстати поспел с Турабом к обеду. Проходите, садитесь.

Откуда ни возьмись, за спиной Тураба появился Натай, но ни гости, ни хозяйка не обратили на него внимания.

Рэдэд, пожимая руки гостям, пошутил:

– Ты, почтенный Колэс, отказался завтракать в моем доме, значит, я, как говорится, в отместку не буду у тебя обедать... Нет, не обижайся на меня, я пошутил, с удовольствием разделю с вами трапезу, тем более, что проголодался, и у вас так вкусно пахнет.

Когда после мяса под жгуче-острым соусом неторопливо пили медово-сладкий напиток, Думитрий обратился к Рэдэду:

– Знаю, князь, какую горькую чашу ты испил в нашей стране, и хотя я ни в чем перед тобою не виноват, все равно говорю – прости, что унижали тебя, оскорбляли, издевались над тобою мои соплеменники. Их тоже прости, я повторю слова нашего Господа Иисуса Христа: прости им, ибо не ведают, что творят. От незнания своего, от невежества такое творят. Нам, грешным людям, чтобы быть счастливыми, надо постигать заветы нашего Создателя, надо учиться его любви...

– Пророк Мухаммед тоже говорит – учитесь, постигайте, – вставил свое слово и Ислам-Хаджи.

– Мне хочется сказать: многие беды людские происходят от незнания, от непонимания. В основе нашей христианской веры – любовь, а языческая вера происходит от страха. Убивает молния людей, поджигает их дома, и они кланяются ей, чтобы умилостивить ее; ураганный ветер ломает деревья, рушит жилища, и люди молятся богу ветра, молятся всемогущему богу Солнца... В язычестве нет единого бога, который бы объединил людей в одну семью – дружную, сильную. Язычество, князь, как говорят ученые люди, лишено государственной мысли, оно ведет людей к раздробленности, а не к объединению, раздробленность же означает бесконечные междоусобицы, кровопролития.

«Вон куда он гнет, – выглядывая из-под горба острыми глазками, раздувая тонкие ноздри, подумал Тураб, – про государство, должно быть, очень понравится великому князю Рэдэду».

Приподнялся Тураб, как бы изготавившись к схватке, косо взглянул на Натая, стоявшего за его спиной, но Рэдэд так глянул на него, что он съежился, опустился на стул.

– Это интересно, Думитрий. О государстве – очень интересно, но если нет бога Солнца, бога ветра, бога моря, то кто же тогда есть?

– Досточтимый князь, в твоём прекрасном доме плотник построил стены, кровельщик покрыл камышом крышу, столяр сделал окна, печник – очаг, но сначала кто-то один решил строить дом, в уме своем увидел, каким он будет, а потом этот хозяин повелевал плотником, столяром, печником...

Рэдэд рассмеялся, над самим собой смеялся: «Ведь это же так просто, но, может, только кажется, что просто?»

– У нас, у мусульман, то же самое: нет бога, кроме Аллаха, и пророк Мухаммед – его посланник на земле.

– Только пророк Мухаммед? А куда девались остальные? – с улыбкой спросил Думитрий.

– Остальные пророки, как сказано в Коране, и Муса, и Юсуф, и Худ, и Гисса, – все увереннее продолжал Ислам-Хаджи, – тоже сделали все, чтобы наставить людей на путь истины. Священные книги, из которых Думитрий черпает свои мысли, ниспосланы людям Аллахом. К великому сожалению, большинство людей забыли о Боге, уклонились от его главной тропы и потому заблудились в греховном мире.

– Да, да, Ислам-Хаджи, многие забыли Бога и потому заблудились в греховном мире, отсюда все наши беды, наши горькие несчастья. Мне еще хочется вернуться, князь, к тому, что я говорил. Греки, русичи, другие нынешние народы уже прошли свой путь духовной раздробленности, путь многобожия и стали сильными государствами. И людям вашей прекрасной земли, всем мудрым адыгским племенам надо объединяться, создать свое сильное государство, чтобы жить спокойно и счастливо. Конечно, есть у вас те, кто не понимают главного закона жизни, хотят жить, как говорится, каждый в своей норе, таких надо образумить силой.

– Необходимость объединения уже многие у нас поняли. Многие, но еще не все, поэтому и приходится прибегать к силе, – озабоченно сказал Рэдэд.

– Именно, именно, князь! – воодушевленно подхватил Думитрий. – Однако силой можно подчинить только тело, но не душу. Тут-то и нужна, необходима вера в Бога, во

единого Господа Бога, и этим занимается христианская церковь, ее священники. Мы каждое утро обязательно молимся: спаси, Господи, богохранимую страну нашу, власти и воинство ее. Я вижу, ты понял меня, великий князь. Каждый предводитель, правитель страны своей тоже должен молиться: верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, видимого и невидимого, и во единого Господа Иисуса Христа. Не только молиться, но всеми своими силами возвышать церковь над своею страною, над всем народом.

Тураб, втянув голову в плечи, затравленным зверьком озирался по сторонам. Наконец не выдержал, ожесточенно запричитал:

– Князь, Колэс, почему вы молчите, почему слушаете эти пакости! Наши боги не простят нам предательства! Опомнитесь, наконец!

– Успокойся, Тураб, – взглянул на него князь Рэдэд, – ну чего ты разволновался? Покраснел лицом, даже вспотел. Ничего худого гости не говорят. Мы вовсе не предаем наших богов, мы слушаем их, а сердцем, душой – с нашими богами, и гости, конечно, не обижаются на нас за это, они мудрые люди... А скажи-ка, Думитрий, это правда, что князя русичей Мстислава не раз приглашали ваши власти?

– Это правда, князь. Ему говорили, что самые разные люди, если они единой веры, всегда живут в мире и согласии, в братской любви. Вот поэтому, если вы хотите мира и благостного спокойствия на Кавказе, надо покончить с устаревшим язычеством и принять всем вашим племенам христианство... Я думаю, если вы этого не захотите, то вас принудят силою русичи, как их самих когда-то принудил киевский князь Владимир, крестивший свой народ в водах Днепра.

Сказал это Думитрий, и в комнате наступила сторожкая тишина. Рэдэд, Чечан, Колэс, Тураб молча, однако встревоженно переглянулись.

Помедлив, заговорил Рэдэд:

– Не знаю, что и сказать... Русичи требуют дань от меотов и зихов, и к нам приезжали. Но разве это справедливо – кормиться чужим, добытым силою хлебом? Как после этого говорить о единении в Боге, о какой братской любви может идти речь?..

– Не так просто все, князь, сила – она ведь бывает во благо, ее надо понять.

– Что ж, – повеяв могучими плечами, ответил великий князь Рэдэд, – мы тоже не обижены силой. А тебе не приходилось встречаться с князем Мстиславом?

– Несколько раз встречался, случалось, обедали вместе, вели беседы. Мужчина крепкий, под стать тебе. Не глупый, мыслит широко, мнит свое княжество сделать великим и, мне кажется, ему не по душе требования Константинополя. Не любит он подчиняться.

– Ничего ни у тебя, Думитрий, ни у Ислам-Хаджи, ни у Мстислава не получится! – решительно вмешался в разговор Тураб.

Думитрий снисходительно улыбнулся:

– Зря ты так косо на меня смотришь, уважаемый Тураб. Никто мне не поручал обращать вас в христианство, да и не мое это дело, я всего лишь купец.

– Знаю я таких купцов! – горячился Тураб. – Никто не поручал, а лезете к нам в душу!

– Не надо так, уважаемый Тураб. Не лезу я к вам в душу, а просто вместе с вами хочется поразмышлять, понять нашу с вами греховную жизнь в этом единственном для всех нас мире. Да, вы – адыги, мы – греки, Ислам-Хаджи – араб, хотя и из ваших, но все одинаково – люди, у всех одинаково соленые слезы, красная кровь, мы все одинаково видим горы, море, но почему делаем друг другу больно? У греков было больше богов, чем у вас, наконец, они поняли, что есть единственный Бог, который создал всех нас в любви своей к нам и призывает любить друг друга...

– Нет! – встал Тураб. – Я не буду любить того, кто не любит моих богов! Я не могу сидеть с теми, кто оскорбляет мою веру, значит, он оскорбляет всех нас. Я нарушаю наш обычай, покидая гостей, но не могу поступить иначе. Такова воля моих создателей.

– Дорогие гости, не сердитесь на нашего Тураба, я пойду провожу его и успокою, – сказал Рэдэд.

– Да, конечно, успокой его, – снисходительно улыбаясь, промолвил Думитрий, согласно кивнул и Ислам-Хаджи.

Вместе с великим князем вышел и Чечан.

– Да остановись, Тураб! Чего ты ведешь себя, как мальчишка! – Рэдэд хотел положить руку ему на плечо, но получилось – на горб. Показалось, будто там что-то бурлит и кипит. С трудом удержался, чтобы не отдернуть руку, и, стараясь быть спокойным, произнес: – Чего ты так разгорячился, слышишь, успокойся. Пусть они говорят свое, а мы думаем и делаем свое. Боги видят нас, слышат наши сердца.

– Да! – бросил Тураб и ринулся быстрыми, нервными шагами.

Чечан удивленно сказал:

– Надо же, Натай почему-то не побежал следом за ним.

– А ты заметил, с каким интересом он слушал Ислам-Хаджи, и тот тоже обратил на него внимание. Ну, ладно, каждый волен верить своему Богу, кто – Христу, кто – Аллаху, а мы – своим богам...– После короткой паузы Рэдэд по-дружески заговорил: – Я рад за тебя, Чечан, рад, что ты оттаял сердцем. Емзеш не только знаменитый на всю Касогию кузнец, он – уважаемый всеми человек, а его дочь Бзабза – достойна своего отца, считай, первая красавица. Пожалуйста, не забудь пригласить на свадьбу...

К ним подошел Агбан.

– У тебя есть ко мне дело? – спросил Рэдэд.

– Нет, великий князь, просто шел мимо и решил поприветствовать, – слукавил Агбан, неотступный княжеский охранник.

Когда Чечан возвратился в гостиную один, Колэс, как бы извиняясь перед Думитрием и Ислам-Хаджи, удивленно спросил:

– А где же великий князь?

– Тураб очень расстроился, князь с Агбаном пошли его успокаивать, – усмехнулся Чечан. – Мне кажется, Натай тоже не в себе.

– Ну-у, не расстроился, а, как бы сказать... гости наши немного...

– Не торопись, Натай, ты не самый старший здесь, – одернул его Чечан, поглядывая на Колэса. Старик поморщился, помолчал, потом произнес:

– Ислам-Хаджи, не обессудь, что мы с Думитрием покинем вас. Конь мой что-то прихворнул, Думитрий

большой знаток в этих делах, обещал посмотреть его. Не обессудь нас, пожалуйста.

– Что ж обижаться, – поднялся Ислам-Хаджи. Ему тоже хотелось уйти, поговорить один на один с Натаем. – Дело есть дело, а я хочу немного побродить у Пшады. Не проводишь ли ты меня, Натай?

Они неторопливо вышли улицей к речке, остановились у большого валуна. Пшада сердито шумела – огромный валун перегородил ей дорогу, лишил приволья.

– Я давненько обратил на тебя внимание, Натай. Ты не глупый, размышляющий человек и так внимательно слушаешь нас с Думитрием, так присматриваешься к нам, будто выбираешь кого-то из нас.

Натай пожал плечами, благодарно улыбнулся, согласно кивнул головой:

– Правду говоришь, Ислам-Хаджи. Я давно к вам присматриваюсь. Сначала вы мне казались одинаковыми, будто одно и то же говорили, а потом, не знаю почему, но ты в своих рассуждениях стал мне больше нравиться, стал ближе моей душе.

– Это потому, что обычаи мусульман нам ближе, чем обычаи христиан. У арабов, как и у адыгов, гость – святой человек, Аллах запрещает его обидеть, даже если он твой враг. Мусульмане очень уважают стариков, одинаково уважительно относятся к богатым и бедным, к честным и совестливым, к женщине.

– Да-да! – обрадованно воскликнул Натай. – Это все, как у нас, даже лучше, но скажи, уважаемый Ислам-Хаджи, как нам быть с нашими богами – куда их деть, как обойтись с ними? Тураб ненавидит вас всех, в своих молитвах проклинает и всем говорит, что вы – враги нашим богам, значит, всем адыгам враги, и многие верят ему...

– Арабы тоже в свое время поклонялись многим богам, были язычниками, как их называли, а потом пророк Мухаммед просветил их умы, и они разрушили каменных идолов, которым молились, стали правоверными мусульманами.

– Вот так просто отказались от того, чему поклонялись веками их предки? Разве так можно? Наши старики говорят – это предательство.

– Видишь ли, Натай, это я слишком просто рассказал, чтоб тебе было понятней, а в жизни, о-о, как все трудно происходило. Но произошло, и у вас обязательно так будет, это воля Всемогущего Аллаха, Создателя всего сущего.

– Но скажи, уважаемый Ислам-Хаджи, что мне делать, как одному встать против всех?

– О, ты счастливый человек, Натай! Великий пророк Мухаммед тоже был один, когда начинал проповедовать. Один, с Аллахом. Вот и ты будешь первым среди адыгов. Вроде бы один, а в самом деле с пророком Мухаммедом и с самим Аллахом.

– Но Тураб сживет меня со света!

– Нет! Он – ничтожный человек, его ожидает ад! А тебя – вечная, райская жизнь. За твои страдания земные во имя Аллаха Всевышнего, пред тобою откроются врата рая. Начинай завтра же проповедовать. Не надо об этом говорить громко, кричать во весь голос, следует сердцем, душою бессмертною разговаривать с самыми близкими тебе людьми, а потом все шире, шире станут твои круги! Счастливый ты, Натай, даже завидую тебе.

Застучало, забилось радостью сердце Натая, будто огнем воспыдало. «О всесильный Аллах! Рай – это очень хорошо, но сначала, о Великий, ты наградишь меня мужскою силой, тогда слова мои будут во имя Твое всемогущими... А этот проклятый Тураб...» Еще сильнее забилось его разгоревшееся сердце, к радости прибавилась тревога.

– Ты смутил мою душу, Ислам-Хаджи, боюсь, наши боги...

– Не бойся! Ничего и никого не бойся. Я научу тебя сильным, великим молитвам, и когда ты будешь молиться, повернувшись лицом на юг, просительно протянув руки Всемогущему Аллаху, почувствуешь, как весь наливаешься великой силой...

«О, если бы я налился мужскою силой, хотя бы и не очень большой, но мужской силой, то молился бы Аллаху днем и ночью, перед звездами и перед солнцем, даже в непогоду!» – подумал Натай и сказал:

– Ух, если бы налился! Никого на свете не боялся бы! – и он угрожающе поднял кулаки к небу.

– Правильно – никого, кроме Аллаха!

– А почему его надо бояться, если он, как ты говоришь, всех нас любит?

– Бояться быть недостойным Его и его творений, бояться обидеть или оскорбить Его, оказаться недостойным великой любви Всевышнего.

– Так это совсем не страх, а настоящая любовь к нему. Страх у меня не будет перед Турабом и его приспешниками, перед черным злом, не дающим добрым, честным людям быть счастливыми.

– Аферым¹, Натай, из тебя получится настоящий мусульманин. Еще одно, самое важное запомни: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его.

Натай по старой привычке воздел руки к небу и громко повторил:

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его!

Ислам-Хаджи улыбнулся:

– Не нужно так резко вскидывать руки, надо поднять их благоговейно, обратясь лицом на юг, сказать молитвенные слова сердцем. И еще одно – не смущайся, что князь Рэдэд склоняется к Думитрию. Просто грек приехал к вам раньше меня, но мы с тобой это обязательно поправим. Великому князю Рэдэду нужна великая, единая земля адыгов, под покровом одного Бога, Аллаха, которому близок наш мудрый народ с его обычаями и порядками, с вековыми традициями. Мы уже с тобой говорили, что у мусульман и у адыгов одинаковое отношение к женщинам и старикам, они благочестивы и милосердны, как и арабы. Да и сам князь Рэдэд ближе к нашей вере. Я вижу его, чувствую. Думаю, мы с тобой, с благословения Всевеликого Аллаха, поможем адыгам стать мусульманами, самыми счастливыми людьми на нашей грешной земле.

– А если, Ислам-Хаджи, вот так прямо, как мы с тобой сегодня, я поговорю с великим князем?

– Аллах тебя упаси! Терпение, терпение и еще раз терпение – в этом наша с тобой сила. Еще не пришло время великого князя.

– И все-таки страшновато, уж очень большое это дело. Такое большое – до самых небес.

– Как хорошо ты сказал – до самых небес! А на небесах – Аллах наш всесильный. Ничего, что тебе страшновато, дело-то вон какое перед нами!.. Мы молимся, совершаем

¹ Аферым – молодец; слово, выражающее похвалу, одобрение.

намаз, как у нас называется, пять раз в день. Я научу тебя благоговейно молиться. А теперь проводи меня к почтенному Колэсу.

Когда Натай прибежал к Дахапсе, она, глянув на него, чуть не уронила из рук горшок с тушеной бараниной:

– О боги, что с тобой!

– Ничего, – удивившись ее испугу, весело проговорил Натай.

– Как ничего?! Ты весь светишься, а твои глаза так горят, будто нашел горшок с золотом!

– А-а, вон ты о чем! Нашел, только не горшок с дурацким золотом, из-за которого люди убивают друг друга, а куда как больше. Ставь мясо на стол, буду есть и рассказывать.

Попробовал он есть и рассказывать, но ничего не выходило – слишком важное и большое в нем свершалось, и говорить об этом за едой не годилось. Натай отодвинул мясо и начал вдохновенно рассказывать Дахапсе, как он с Всевеликим Аллахом, его пророком Мухаммедом, с Ислам-Хаджи приведет всех адыгов к великой вере, к счастливой жизни, станет главным муллою...

– Кем-кем?! – давясь от смеха, спросила Дахапса, сидевшая за столом напротив Натая.

– Муллою. Так у мусульман, понимаешь, зовут духовного предводителя.

– Это все курам на смех, мой миленький, мой рыжеглазенький. Узнает Тураб, так на тебя цыкнет, что ты вмиг проглотишь язык.

– Что-о?! – подхватился Натай.

– Не кричи, а то потолок обвалится. Глупость какую-то вы нагородили с Ислам-Хаджи.

– Что ты говоришь! Я думал, моя родная жена...

– Какая?! Родная? Чем же мы породнились с тобой, мой миленький? А насчет этого, как его... ислама, ты меня не впутывай, не ссорь с моими богами, с могилами моих предков. Вчера был Думитрий с Христом, сегодня твоей Ислам-Хаджи с Аллахом, завтра еще кто-нибудь заявится. Слышать тебя не хочу, не смей в нашем с Турабом доме произносить всякие греховные слова! Ты понял?!

«Женщина она и есть женщина, курица безмозглая, – с перегорающим злом вышел от Дахапсы Натай. – Тураб

цыкнет! Посмотрю, как он цыкнет, а то ведь и я могу так цыкнуть, что у него горб отвалится».

Пока шел по улице, злость в его сердце, будто песок, рассыпалась, и будто не он, а пустой мешок брел по улице, поднимая пыль.

– Добрый день, Натай! – тоненько пропела Курац. – Откуда и куда несут тебя твои ножки?

– С добрым днем, Курац! Слышала, наверно, к нам пожаловал важный гость, Ислам-Хаджи?

– Важный, говоришь? Что он, пироги нам с мясом да сыром привез или чего-нибудь послаще? – усмехнулась старуха беззубым ртом.

– Напрасно ты так, Курац, он мудрый и добрый человек, а не то, что твой горбатый сосед со своими проделками. Ислам-Хаджи много интересного, заморского рассказывал, говорил об исламе...

Старуха заткнула обеими руками уши:

– Не надо, не хочу про безбожный ислам! Еще про какое-то христианство рассказывают. Замолчи, не хочу грешить перед нашими богами.

Натай втянул голову в плечи, словно прячась от рассердившейся старухи.

– Ладно, не сердись. Раз так – я тебе ничего не говорил, а ты ничего не слышала.

– Не слышала, не слышала и видеть тебя не видела.

V

Князь Рэдэд с Коданом и Агбаном увидели на околице пятерых подростков, стрелявших из луков по куриному яйцу, лежавшему на высоком пне. Два паренька неподалеку состязались в борьбе.

Остановился князь:

– Посмотрите, что делается! Да тут у них настоящие военные занятия! Так я говорю, Кодан?

– Стараемся приучать ребят, – почему-то застенчиво ответил Кодан.

– Очень хорошо. Пройдет три-четыре года, и у тебя, Кодан, на смену старшим придут эти молодцы. Однако посмотрим на борцов.

Один – крепкий здоровяк, другой – поджарый, смуглый парнишка.

Крепыш схватил в охапку соперника, покружив, бросил на пожухлую траву. Казалось, все, победил, но парнишка, словно кошка, извернулся, прыжком кинулся на здоровяка, вцепился в него...

– Как ты думаешь, Кодан, кто из них победит? – спросил князь.

– Чего тут думать, здоровяк вон как крутит парнишку, будто моток шерсти.

– А ты что скажешь, Агбан?

Но гадать уже было поздно – чернявый подножкой подсек здоровяка, тот тяжелым мешком рухнул на спину, и парнишка победно поставил ногу на его грудь.

– Вот это да, ай да молодец! – воскликнул Рэдэд.

Мальчишки оглянулись и обомлели – к ним подъезжал сам великий князь. Они стали в рядок и замерли.

– Молодцы! Ты погляди, Кодан, что тут у них творится. А стрелки что нам покажут?

Мальчишки зашептались и вытолкнули вперед вихрастого паренька. Тот уверенно отошел на положенное расстояние, натянул тетиву, прицелился... стрела будто испуганно взвизгнула и сбила, расколов, яйцо.

– Молодец, настоящий стрелок, от него не уйдет враг... Иди-ка сюда, – поманил Рэдэд смуглолицего борца. – Кто тебя учил бороться?

– Чечан.

– Спасибо Чечану. Ты всегда так побеждаешь?

– Нет, не всегда. Бывает, меня так прижмут, что ребра трещат, – весело рассмеялся парнишка.

– Я очень рад, что вы становитесь настоящими воинами, надеюсь, когда вырастете, не дадите Касогию в обиду. Верно я говорю?

– Верно, верно, князь, – зашумели ребята, – никому не дадим!

– Спасибо вам, пусть боги хранят вас от всех бед, пусть дадут вам здоровье, силу и любовь к нашей земле!.. А нам пора ехать, – повернулся Рэдэд к своим спутникам и тронул коня.

Поздняя осень. Море еще хранит тепло лета, а с гор уже сбегают холодные ветры, приносят с собою первые заморозки.

Короток день поздней осени. Едва поднимется к вершине невеселое солнце, как тут же начинает тускнеть, клонясь к горизонту. Все реже и реже небо бывает безоблачным, чаще его вроде бы и вовсе нет – лишь серые неподвижные тучи.

Спешат на насесты куры, притихли в хлевах коровы и телята, загораются в окнах домов огоньки свечей и жировок, весело курчавятся дымки над трубами, откуда-то уже плывет запах жареного мяса. Любит Рэдэд прислушиваться к вечерней жизни Мазиба, оставаясь наедине со своими мыслями, размышляя о прошлом и будущем, а значит – и о своем сыне.

За околицей, на опушке леса, строятся длинные турлучные конюшни для войска, хозяйственные склады. Руководит стройкой Емзеш. Оказалось, он не только искусный кузнец, но и умелый строитель, сам вызвался, добровольно, да так споро взялся за дело, что другие не усидели, пришли на помощь к нему. Да, работает с жаром кузнец, но кто будет ковать мечи, готовить кольчуги, ведь их надо все больше и больше. Получается, необходимо Емзешу искать толковых парней, обучать их кузнечному делу. «Надо обязательно поговорить с ним об этом», – подумал Рэдэд.

Когда Машук и Чечан свернули к своим домам, он взглянул на ехавшего рядом Агбана: «Что за человек мой охранник, ведет себя так, будто все время держит поднятым меч, чтобы защитить меня, и будто слышит мои размышления, знает, когда поодаль держаться, чтобы не мешать мне, а когда – быть рядом, чтобы поговорить, послушать меня. Сам же немногословен, словно и вовсе говорить не умеет. А мать и жена относятся к нему не как к слуге – как к равному княжеской семье».

Снова улыбнулся Рэдэд: «Все-таки боги интересным создали этот мир. Моя мать всегда держалась, как и должно великой княгине, несколько отстраненно, как бы возвышалась над всеми, но вот родился внук, который только и умеет пищать да плакать, поднимать всех среди ночи, и все изменилось в доме: для матери и бабушки, кроме этого крикуна, ничего в мире не существует, между собой они так сблизились, что стали как бы единым целым у его

колыбельки. Агбан для них превратился из охранника князя в охранника наследника».

Князь Рэдэд понимал, что все это смахивает на простенькую, наивную игру, но она ему нравилась, даже казалась обязательной, и он постепенно стал воспринимать ее всерьез, радовался ей.

Конь словно бы слышал размышления хозяина, понимал его и потому ступал по траве мягко, неторопливо, мол, пусть хозяину будет хорошо, пусть предается своим размышлениям.

Рэдэду вспомнился недавний разговор с матерью.

– Все мы смертны, но когда ты молод, не думаешь об этом, а приблизятся годики к вершине – увидев конец своего пути, начинаешь все мерить совсем другой меркой. Вот, скажем, смотрю я на своего внучонка и думаю, доживу ли до того дня, когда он начнет ходить, станет с мальчишками играть в альчики. А как хочется побывать у него на свадьбе.

– Все это будет, все это ты увидишь, мать, обязательно! Но почему ты говоришь это с тревогой?

Глаза княгини затуманились печалью:

– Не знаю, сын мой... Наверно, потому, что уж очень хочется это увидеть, а годы...

– Какие годы, мать! У тебя хорошее здоровье, и нечего попусту тревожиться.

– Попусту, – усмехнулась великая княгиня, – хорошо, что тебе так это кажется. Значит, ты еще молод. Оставим это. Хочу тебе вот что сказать: по нашему обычаю, новорожденного мальчика называют именем его деда, значит, он должен быть Лаурстэном. Но слышать каждый день имя твоего отца, моего... мне будет очень тяжело. Если бы ты согласился со мной, я бы назвала нашего малыша Дзешем.

– О чем ты говоришь, мать, пусть будет так, как ты хочешь и, пожалуйста, оставь свои тревоги и печали.

– Ты, великий князь Рэдэд, такой же добрый, как и твой отец Лаурстэн, пусть таким добрым и мудрым будет и Дзеш.

Вспомнилось, увиделось Рэдэду...

Подул ветерок, прошептал что-то князю, закружился на поляне, поднимая ввысь прошлогоднюю листву. Конь,

тряхнув гривой, всхрапнул тихонько, словно напоминая своему хозяину о доме, а себе – о конюшне, где в яслях душистое сено.

– Домой – так домой, – произнес князь, и конь прибавил шагу.

Только Рэдэд сел за обеденный столик, как в комнату вошел Тураб.

– Проходи, садись, а я только о тебе подумал.

– Если с добром – да помянут и тебя добром боги, а если с худом, то загорюю от княжеской немилости и, может, пропаду, – не скрывая досады, промолвил Тураб.

– Что с тобой случилось? Кто опять обидел тебя? – дружески спросил Рэдэд. – Садись, поешь со мной.

– Да и ты, великий князь, я вижу, чем-то озабочен, – заметил Тураб, принимаясь за жареную курицу.

– Сам же сказал – великий князь, а у великого и заботы немалые... Вот мы с тобой хотим, чтобы все наши соплеменники собрались в единую семью, чтобы было у них сильное государство. А что такое государство, как его устраивать? Мы живем, как говорят, по совести да по обычаям наших предков, но обычаи – не законы, а какими должны быть законы, чтобы государство было крепким? Где взять деньги, чтобы содержать его? Люди дают неохотно или совсем не желают давать, значит, придется брать силой? Но как это делать, чтобы не оскорблять их, чтобы все по справедливости было? И что такое справедливость? Каждый ее по-своему понимает, потому что веками каждый жил сам по себе...

«Конечно, он – великий, – с неприязнью подумал Тураб, – а я кто – так, мелочь горбатая? Но погоди! Я сам выдумал, сам сделал себя посланцем богов, и вы все поверили в это. Конечно, грек и араб – противники мои, но в то же время, получается, и союзники! Я понял, как они грамотны, как много знают, а я, их противник – как темная ночь, даже читать не умею, книжки в руках не держал. Надо обязательно научиться читать... Оказывается, в больших государствах такие, как я, посланцы богов, – большая, как они говорят, сила. Подожди, князь, не обойдешься без меня в своем государстве. Подожди, научусь я читать, прочту умные книги, вот тогда посмотрим, кто из нас выше».

– Ты, князь, был в Греции, вот и бери с них пример в устройстве нашего государства.

– Меня возили по Греции в кандалах, от одной арены цирка к другой, и того, что надо бы увидеть, я не видел. Здесь другое надо учитывать: греки и касоги только тем и похожи друг на друга, что у нас есть руки, ноги, головы, думаем же мы каждый по-своему, у каждого – свои обычаи, свои боги, значит, государственные законы должны быть у каждого свои, только вот какие? У греков они уже сотни лет существуют, а нам их еще предстоит создать. Но это не так просто...

– Но послушай, князь, у тебя такое сильное войско, в каждом селении – дружина, в твоих руках большая власть, чего же тебе еще надо? Собери стариков и выдумывай с мудрецами эти законы!

Рэдэд поднял предостерегающе руку:

– Не горячись. В таких делах горячка мало поможет. Нужен трезвый, спокойный разум... Войско – еще не все. Разве самый лучший меч – это власть? Нет, ему еще нужны сильные, умелые руки, а войско – это всего лишь меч, который, надо знать, как, когда, для чего употребить. Ты сказал: собери стариков и выдумывай с ними законы. Дорогой посланец богов, спроси ты их, и они тебе скажут: законы уже существуют, их следует только открыть. Даже сказки не старики мудрые выдумывают, они живут сами по себе среди нас веками.

Тураб слушал Рэдэда, выпучив в удивлении глаза: «Нет, если кто из нас и посланец богов, так это Рэдэд. Он говорит такое, чего в моей голове и близко не было! Но ведь ты, великий князь Касогии, а в будущем и всей нашей земли, сам принародно называешь меня посланцем богов, значит, веришь этому! Веришь, я вижу! Словом, еще поглядим».

Рэдэд между тем продолжал:

– У нас плодородные земли, тучные луга, на горах лес дорогих пород, да-да, мне говорили об этом в Греции, в горах залежи серебра, золота. Мы толком не знаем о своих богатствах, дарованных природой, а там, за нашими землями, знают. Все это – наше богатство, наша сила. Править страной, ее силой должны умнейшие, честнейшие люди, их у нас хватает, только, опять же, надо найти их, призвать.

Думаю, высшая народная мудрость – в наших хасэ-советах, с их всенародной помощью мы все найдем, определим, сделаем...

«О боги! И все это в нем одном, в этой не так уж большой голове?! Он – наследник Лаурстэна, а его сын – наследник своего отца, и этот сопливый крикун тоже будет великим?! Вон как! Недаром говорят: князь – избранник богов. Рыжий Нахлеш как ни бился, так и остался всего лишь рыжим бандитом. А я?..»

– Ты – посланник богов, разве они никогда тебе об этом не говорили, ведь богатства нашей земли – это богатство наших богов.

Тураб заерзал на стуле, ему бы втиснуться в спинку, но она твердая, и он часто-часто заморгал:

– Нет, они только и говорят: будет дождь или не будет, помогают человеку выздороветь, а об этом... ничего не говорят.

– Вот видишь, – Рэдэд разочарованно развел руки. – А вот греческий Бог помогает всем быть единой семьей, помогает воинам, правителю. Помнишь, как говорил Думитрий? У них много священников, проповедников, а ты почему-то на всю Касогию один.

Тураб совсем съезжился.

– Знаю, тебе не понравился Думитрий, он, может, и мне не совсем понравился, но мы с тобой должны думать не о себе, а о Касогии, о наших людях.

«О боги! Не гневайтесь на меня за мою глупую хитрость, простите и услышьте хоть один раз и помогите. Это все из-за горба, из-за него я выдумал себя посланником, чтобы возвыситься, а теперь, когда у нас с Дахапсой все так...»

– Чего же ты молчишь, Тураб?

– Мы росли с тобой на одной улице, играли в одни мальчишеские игры, а потом, когда я подрос и у меня... Ты, княжич, никому не давал обижать меня, те счастливые дни во мне и будут жить до самой смерти. Скажи, что мне делать, и я не пожалею себя, своей жизни не пожалею... Я хочу, чтобы все тебя любили, как я люблю.

– Спасибо, Тураб, но главное не во мне. Свои отношения с богами ты должен употребить для блага Касогии, как это делают христиане и мусульмане.

Тураб налил горячий болью, он хотел закричать: «Замолчи, князь, хватит! Не мучь меня!». Хотел закричать, но тут вошел Агбан:

– Великий князь, к тебе пожаловали русичи, говорят, у них важное дело, что прикажешь?

– Русичи? – удивился князь. – Спроси, какое у них ко мне дело.

– Говорят, сами тебе скажут.

– Пошли за Коданом, пусть быстро идет сюда, а русичей проводи в гостевой дом. Тураб, я хочу, чтобы ты присутствовал при моем разговоре с русичами.

– Не могу, князь, что-то совсем разболелась голова.

Заложив руки за спину, Рэдэд прохаживался по комнате: «Что они хотят? Опять приехали за данью?.. Ох, какая досада, что я не знаю их языка, ответил бы им как следует! – подумал князь и усмехнулся: – Государство строим, законы будем создавать, но как?! Мудрые люди поговорили на хасэ, ветер подхватил их слова, разнес, разбросал по полям и горам... Как там у греков сказывали: что написано пером, не вырубишь топором. Потому и крепкие у них слова, а значит – обязательные. Все молитвы у греков в книжках написаны, а мы лопочем, кому что в голову взбретет...»

В гостиной великого князя Касогии напротив Рэдэда и Кодана трое русичей. Выглядели они, будто родные братья – одинаково широкоплечие, голубоглазые, одинаково золотистые у них бороды, кудри на плечах.

– Великий князь, мы прибыли к тебе из Тмутараканского княжества по поручению вашего соплеменника, нашего воеводы Кансава.

Кодан перевел, русич продолжил:

– Воевода Кансав передает тебе, великий князь, и всему твоему народу поклон, желает вам доброго благополучия, крепкого здоровья... Воевода Кансав хочет, чтобы ты, великий князь, и наш великий князь Мстислав встретились для лучшего знакомства, делового разговора. Если ты согласен, воевода Кансав все и устроит, как подобает тому быть.

– Спроси, Кодан, о чем хочет говорить со мною Мстислав, и еще спроси – сам Мстислав захотел встретиться или Кансав предложил ему это?

Русич улыбнулся в пышные, пшеничного цвета усы:

– Такие дела решает только сам князь, а о чем он хочет говорить? – русич еще раз улыбнулся. – Думаю, двум великим князьям всегда есть о чем поговорить, и не нам спрашивать их.

– Передайте великому князю Мстиславу, я согласен, но хотел бы встретиться не в Тмутаракани, а в крепости, построенной вами на границе наших земель.

Русичи встали:

– В таком случае, мы успешно выполнили поручение нашего великого князя и, откланявшись, будем отправляться домой.

– Нет, я вам этого не разрешаю, – строго сказал великий князь Рэдэд.

– Как, почему?! – удивленно насторожился старший из русичей.

Широко, по-княжески улыбнулся Рэдэд:

– У нас положено так: дело гостя, когда ему приехать, а когда уехать – дело хозяина. Поужинаете у нас, отдохнете, позавтракаете и в хорошем настроении, в сопровождении моих верных людей отправитесь в путь.

Первый снежок, первый морозец, звенящие ледком, сверкающие на солнце лужицы так же радуют, как и первые весенние цветы, первый летний дождик.

Искрилась и весело похрустывала заснеженная земля под копытами резвых скакунов.

Из Мазиба на встречу с князем Мстиславом выехал на праздничном белом коне князь Рэдэд. Его сопровождали Кодан, Машук, Темрюк и сорок хорошо вооруженных всадников.

Красота земли и неба радует сердце, не спрашивая на то согласия у хозяина, а разумом и княжеской волей Рэдэд радовался тому, что в каждом селении Зихии и Меотии его встречали дружины Всекасожского войска. Князь видел: были это не просто всадники, а хорошо обученные воины, радовался построенным просторным конюшням, складам для фуража и оружия, полянам, оборудованным для выучки молодых всадников.

Переночевав у князя зихов Абеча, Рэдэд со своей дружиной на рассвете следующего дня продолжил путь

и задолго до полудня достиг селения меотов Псынэдах у границы с землями русичей. Встретил его меотский князь Каит со своею, в полсотни всадников, дружиной. Поздоровавшись, Каит спросил:

– Скажи, великий князь, зачем в твоей руке две плетки? У тебя такой ленивый конь?

Усмехнулся Рэдэд:

– Хоть что-нибудь я должен подарить великому князю Мстиславу. Думаю, это неплохой подарок.

Оба князя рассмеялись. Каит произнес:

– Ой, смотри, смотри, великий князь!

– Спасибо, Каит. Иногда добрый совет нужнее меча.

Однако надо трогать, не люблю, чтобы меня ждали. Все мои и твои всадники остаются здесь; со мною, кроме тебя, Каит, едут Абеч, Дамир, Кодан, Темрюк и Чечан. Да благословят нас наши добрые боги!

В назначенном месте адыгов ждала конная дружина русичей.

Встретившись, обе дружины спешили. К Рэдэду подошел в боевом одеянии русичей, кольчуге и шлеме, Кансав. Поздоровавшись, он указал на видневшийся невдалеке дом:

– Добро пожаловать! Великий князь Мстислав ждет великого князя Рэдэда и всех вас!

По дороге к дому Кансав ехал рядом с Рэдэдом.

– Как поживает сестра моя? Здорова ли она, все ли хорошо у нее? – спросил он.

Рэдэд долго молчал, Кансаву начало казаться, что племянник не хочет с ним разговаривать. Защемило его сердце, сжалось от боли.

Не по себе стало и Рэдэду. Когда Кансав обращался к нему как воевода русичей, он воспринимал его по долгу своего положения, холодным разумом, но когда он заговорил по-родственному, что-то теплое разлилось в груди.

– Жива-здорова, все у нее хорошо, теперь вот появился внук, – как-то сухо ответил Рэдэд.

На высоком резном крыльце с навесом стоял, подбоченившись, сероглазый мужчина могучего телосложения. Его окладистая, русая борода, охваченная усами, волосы, ниспадавшие до плеч, были аккуратно подстрижены. Рэдэд подумал: «Не слишком ли красив для воина?»

Поклонившись, Кансав представил его:

– Великий князь русичей Мстислав. – Потом обернулся к гостям: – Великий князь Касогии Рэдэд.

Мстислав был наслышан о богатырской силе Рэдэда, о его схватках с силачами на цирковых аренах в Греции. «Могуч, могуч и дерзок», – подумал он и пожалел, что стоял перед ним как бы с вызовом, подбоченившись. Улыбнулся, протянул руку, мол, проходи, великий князь, я рад тебя видеть.

Посреди большой комнаты с широкими окнами стоял непривычно высокий для Рэдэда длинный стол, за который и сели друг против друга князья, а их спутники стояли позади.

После обычных слов вежливости и приветствий Мстислав произнес:

– У нас говорят: хороший сосед – большая удача. Волей судьбы мы стали соседями, вот я и пригласил тебя, чтобы мы узнали – кто есть кто, чего хотим, куда и зачем путь держим... – Слушал Рэдэд, глядя на Мстислава, и невольно у него появилась обеспокоенность. – Ты, конечно, знаешь – мы вас избавили от разбойных хазар. Немалой крови нам это стоило. Думал я – будете нам благодарны за это, но вы не хотите платить дань, помогать наше войско содержать для вашего же покоя.

«Вон куда повернул», – сдерживая улыбку, подумал Рэдэд.

– Не сегодня, так завтра у ваших рубежей могут появиться ясоаланы или кто-нибудь из-за моря нагрянет – многие зарятся на ваши прекрасные земли. И кто же, великий князь, в силах противостоять вашим врагам? Только мы. Так помогай же нам своей данью, в твоих же интересах иметь сильных друзей.

Кодан, стоя сзади Рэдэда, негромко переводил слова Мстислава.

– Скажи, Кодан, великому князю Мстиславу, я не понимаю, чем русичи, требуя дань, отличаются от хазар? Если бы мы платили хазарам дань, они тоже защищали бы нас, называли себя нашими друзьями. Спроси, в чем же разница?

Мстислав сощурил серые глаза, откровенно, с ехидством, усмехнулся:

– Разница в том, что от хазар остались одни могилы, а мы живы и будем жить вечно.

– Племянник, – просительно обратился Кансав к Рэдэду, – его правда, русичей много, никто перед ними не устоит. Не ошибись в выборе.

– Я не слышал тебя, Кансав... Кодан, хорошенько переводит то, что я сейчас буду говорить. Князь, когда я был в Греции, многое понял из христианской веры. Греки, русичи, хазары, адыги – все созданы Богом, они все дети его, одинаково могут жить по своей воле, по своим обычаям.

– И да, и нет, – прервал Кодана Мстислав. – Все могут жить по своей воле, но высшая власть христианской веры в Царь-Граде Константинополе считает, что мы, русичи, должны обратить вас, язычников, в христиан, а дань... это совсем другое.

– Обратить силой? – удивился Рэдэд. – Но Бог – это любовь.

– Скажи великому князю Рэдэду, – обратился Мстислав к Кансаву, – я пригласил его не для богословских разговоров. Мое княжеское слово о дани остается неизменным. – Он поднялся, давая понять, что разговор окончен. – Мне остается добавить: что не по силам слову, то по силам мечу.

– Мы тоже неплохо владеем им, – сказал, поднимаясь, Рэдэд.

VI

Бзабза, сидя у окна, чинила рубаху отца.

На тополе резвилась пара снегирей. Они были счастливы: то порхали между веток, то взвивались высоко и опять возвращались, щебетали, щебетали. Наконец уселись рядышком, потеснее друг к другу и, Бзабзе казалось, – забылись в своем счастье. Но вот появилась третья птичка, закружилась над парочкой и вдруг бросилась на свою соперницу – клевала ее, била крыльями, пока не прогнала, и села на ее место. Стала клювиком чистить крылышки снегирию и все щебетала, щебетала что-то восторженное, и он принял ее внимание, ее ласку.

Глядя на снегирей, Бзабза вспомнила слова бабушки: «Что ты ходишь тихоней? Смотри, останешься в девках до самой смерти. Наверное, знаешь пословицу – кто смел, тот два съел». В Мазибе считали, что Чечан – завидный жених, многие девчонки заглядывались на него. Только Бзабзе не хотелось быть похожей на красногрудую нахалку-снегириху, хотя и слышала, будто Чечан все глаза на нее просмотрел. Значит, ни при чем тут она, и вовсе не похожа на ту снегириху, но... Если бы не подлый Нахлеш, теперь бы родила Анисат малыша, как Айнар, и была бы счастливой. Бзабза боялась – вдруг тень Анисат станет жить в ее доме. Впрочем, пожилые женщины разубедили ее: зачем же из-за несчастной покойной Анисат делать несчастным и Чечана. А ее подружки, одни – из глупости, другие – из зависти гнули свое: мол, ни к чему тебе этот невезучий ветрогон – то он Айнар умыкал, то к хакучинцам убегал, то с Анисат... И как знать, может быть, сочувствие Бзабзы к его неудачам и определило ее решение, но и здесь неудача – умер старик-родственник, свадьбу пришлось отложить на год.

– Что там с рубашкой моей, доченька? – спросил, открыв дверь, отец. – Уже готова? Просто беда с моим ремеслом, все горит, когда работаешь у наковальни. Постой, постой, где же дырка была? Да ты, я вижу, уже стала искуснее своей матери. Вот уж молодец, моя хорошая, моя мастерица.

– Как же я могу быть искуснее матери, если она научила меня?

– Если ты превзошла ее, значит, она действительно настоящая мастерица. Вот и помощник мой недавно сделал князю Рэдэду такой кинжал, что и мне не суметь, и я рад этому: получается, он пошел дальше меня. На том и держится, доченька, наша жизнь, молодые должны идти дальше своих родителей.

– Ты прав, отец, только не перехвали своего помощника и меня с ним заодно. Помнишь, как наш дедушка говорил: перехвалить человека – значит испортить, загубить его.

– Вы посмотрите, люди добрые, настоящий мудрец, хотя и в юбке! – рассмеялся кузнец, довольный своей дочерью.

– Сегодня утром Курац заходила, – сообщила отцу Бзабза, – жаловалась – крыша протекла.

– Чего же она не показала мне?

– Я говорила ей, что ты в кузнице, наверное, она постеснялась пойти к тебе.

– Застенчивость – это добрая черта, женщина без застенчивости – плохая женщина. А Курац мы обязательно поможем, накосим камыша, перекроем крышу.

Вскоре после ухода Емзеша появился Чечан:

– Вот досада! Конь мой захромал, подкова нужна.

– Мне кажется, подковы отец делает в кузнице, – игриво поглядывая на него, заметила Бзабза.

– Правда?! – и они вместе рассмеялись. – Скажи, зачем ты опять перенесла день свадьбы на неделю?

– Так надо, – капризно ответила Бзабза.

– Я боюсь, мое сердце не выдержит или со мной случится то, что с лисой.

– Что случилось с лисой? Я не слышала.

– Поймала лиса перепелку, собралась вкусно позавтракать, а та ее спрашивает: скажи, пожалуйста, когда ты меня будешь есть? Сейчас и съем, раскрыв рот, ответила лиса. Перепелка взмахнула крыльями и – была такова.

Бзабза весело рассмеялась:

– Перестань, несчастненький лис, никуда не улетит твоя перепелка, просто я хочу еще недельку пожить в доме, в котором родилась, сделала свой первый шаг, сказала первое слово...

– Я понимаю тебя, но ведь идти в мой дом все равно придется, зачем же тянуть, от этого только больнее и мне, и тебе. – Чечан подошел к Бзабзе, намереваясь обнять ее, пожалеть.

– Эй-эй, остановись лучше, не трогай меня, или я сама тебя остановлю.

– Интересно, как ты это сделаешь? – удивился Чечан, остановившись. – Вот уж не думал, что ты такая боевая, решительная.

– Ты еще многого не знаешь. Но – хватит об этом. Вот у Курац изба протекла, отец просил, чтобы ты с друзьями накосил камыша.

– Считаю, камыш уже накошен и лежит во дворе у Курац. А если вернее, крышу покрыли.

Чечан был рад свиданию с Бзабзой, по которой очень скучал. Поднимаясь в седло, он улыбнулся и тронул коня, у которого конечно же на всех копытах были хорошие подковы. Направляясь домой, он вспомнил об ожидавшей его неприятности. Вчера дедушка решил съездить в лес за дровами. Чечан, занимаясь какими-то делами, не обратил внимания на его сборы, а когда сообразил, тот уже уехал. Вернулся дед к вечеру совсем больным. Сильно вспотел, работая, его прохватило холодным ветерком. Теперь лежал, постанывая,пил отвар из малины. Вроде помогло, но не очень, по-прежнему кашлял, с трудом поднимался с постели. Старики заболевают быстро, а выздоравливают с великим трудом, да еще и не всегда.

У двора он увидел коней Рэдэда и Агбана. «Будет мне сегодня на орехи, ох, будет! – досадуя на себя, подумал Чечан. – Наверно, правильно дедушка сказал – непутевый я... И как только Бзабза меня терпит, за что я нравлюсь ей. О, боги!»

Он вошел в комнату деда с таким видом, будто ему уже намяли бока.

Великий князь Рэдэд сидел у изголовья больного, нехотя приподнялся, вяло пожав руку Чечану, обернулся к Колэсу:

– Мне думается, почтенный, твоему любимому внуку и моему другу надо сыпать плеток по одному месту, что ниже спины, тогда он не только своему будущему сыну, но и внуку с правнуком закажет отпускать старика в лес за дровами. Если разрешишь, досточтимый Колэс, плетка у меня с собою.

Колэс горестно покачал головой.

– Я знаю, мне нет прощения, – почти простонал Чечан, – любое ваше наказание приму, как должное. Простите, если можете. Запутался я в разных мелочах, будто в сеть попал.

Разумеется, он не сказал, что это за сеть. А дело было в том, что младший сын покойного Хакары Зирар начал ухлестывать за Бзабзой. Он как бы случайно встречал ее, когда она шла к речке или к своей подружке, заговаривал с нею о том, о сем. Из-за этого, прежде всего, Чечан и торопил Бзабзу со свадьбой, боялся, как бы парень не умыкнул ее.

– Если бы я знал, Рэдэд, что это поможет, сам его хорошенько бы выпорол. Похоже, пока не набьет он себе шишек, ничего путного не будет, однако хватит об этом. Садись, бесстыдник... Ты говоришь, князь, хакучинцы не торопятся собирать свою дружину, говоришь, только из Лиготха берут парней, а из других сел?

– Видишь ли, почтенный, Дамир старается, очень хочет иметь добрую дружину, но ты же знаешь, какие хитромудрые хакучинцы! Один из них сказал мне: «Если придет враг, разобьет меотов, зихов да касогов, то что мы можем сделать? Мол, нечего и затевать с дружиной. А если враг с юга придет? – спросил я. – Э-э! – засмеялся он, – там их встретят убыхи и абхазы. – А коли из-за моря нагрянут? – Ну-у, – развел он руками, – море такое большое, что в нем все наши враги утонут.

Засмеялся Колэс:

– Правду говорят – в семье не без урода... Знаешь, князь, после того как ты мне рассказал о своей встрече с Мстиславом, я очень опасался русичей, войны с ними. Но пока все спокойно. Думаю, они поостереглись, увидев твои хорошо подготовленные дружины.

– Ты прав, почтенный, но это не значит, что Мстислав навсегда отказался от своих намерений. Вероятно, он пока присматривается к нам и нашим дружинам и собирает свои силы.

– Да-да, я тоже так думаю. Ты, князь, многое успел и этим заставил Мстислава задуматься, заставил считаться с нами. Однако хочу сказать тебе вот о чем – и ты это должен учитывать: адыги никогда не строили военные укрепления, они считают трусостью прятаться за каменными стенами. Открытая схватка, боевое поле – вот что они любят, и умеют там побеждать. Тебе надо хорошо подумать, как использовать и поле, и укрепления. Теперь вот что: у греков (и не только у них) – регулярные армии. Это когда воины собраны в кулак, день и ночь находятся все вместе. А наши люди – домашние, семейные. Парни любят веселье игрища, разные конные состязания, любят покрасоваться перед девушками. А ведь все это недоступно, если находишься в регулярной армии. В молодые-то годы! Как добиться, чтобы забыли они об игрищах, о девушках, о своих домах? Трудная это задача, быстро ее не решишь,

князь, понадобятся многие годы. Сам знаешь, чтобы поле дало хороший урожай, нужен добрый, теплый дождь, а он состоит из капель, как год состоит из дней.

– Верные твои слова, почтенный, но Мстислав не будет ждать многие годы, он может уже завтра пройтись мечами по нашим головам. Что же делать нам...

– Для начала – не горячиться, – мягко улыбнулся старый мудрец, – поднять навстречу врагу свой меч, призвать на помощь наших богов. Думитрий говорил: все в руках божьих.

– А еще русичи говорят и часто повторяет Кодан, – в ответ улыбнулся Рэдэд, – на бога надейся, а сам не плошай.

– Вот мы и подошли к другому, очень важному разговору, – Колэс не без труда приподнялся, поправил подушку, сел поудобнее. – В поле ты работаешь руками, а еще просишь помощи у богов, и они тебе помогают. Так и на охоте, и в бою. Значит, есть две силы – видимая сила рук и какая-то невидимая. Греки говорят – духовная, а мы говорим – сила наших богов. У христиан, как рассказывал Думитрий, да мы и раньше слышали, есть, как они называют, вселенский патриарх, глава христианской церкви, с его мнением и советами считаются цари и короли. В их войсках есть священники, служители Бога, они призывают на помощь воинам невидимую, божественную силу, руководят молебнами воинов. Перед ними преклоняются и рядовые воины, и предводители... Мы намерены создать государство, единое Всекасожское войско, вот и нам надо позаботиться о божественной силе для него.

– Я тоже об этом размышлял, – сказал Рэдэд, – но не знал, с кем поговорить, обсудить. Спасибо тебе, почтенный, за твою мудрость.

– Священники, о которых у нас речь, образованные люди, а наш Тураб, да простят мне боги, – завистливый пустоболт. Ему только и водиться со старушками, обсуждая их болячки, хвастаться своими разговорами с богами. Я не слышал, чтобы он когда-нибудь замолвил что-то стоящее о нашем народе, о его бедах.

– Но что же делать, почтенный? – озабоченно спросил Рэдэд.

– В каждом селении есть пожилые мудрые люди, пусть каждый предводитель подберет для своей дружины такого

человека. Не посланцев, вроде Тураба, а просто мудрых, умеющих хорошо молиться, разговаривать с людьми. Ты затем соберешь их всех и объяснишь, что они должны делать, как помогать воинам молитвами общаться с божественной силой, с добрыми духами... Конечно, если ты, князь, согласен со мной.

– Не только я, но и мой покойный отец не раз благодарил тебя за мудрые советы, почтенный Колэс. Спасибо тебе, спасибо. Пожалуйста, выздоравливай скорее, когда ты болеешь, всем мазибцам становится грустно.

Направляясь к коновязи, Рэдэд поблагодарил про себя богов за то, что они послали ему Колэса. Еще подумал об Агбане: «С охранником мне тоже повезло. Другой бы хвастался тем, что охраняет великого князя, а этот всегда в сторонке, всегда молчит. Я верю, если придется – он не задумываясь закроет меня собой».

Поднимаясь в седло, князь сказал Чечану:

– Заедем к Курац, обрадуем старуху, скажем – завтра парни перекроют ей крышу.

– Нет, князь, завтра лишь камыш заготовим.

– Не надо заготавливать. Когда крыли войсковые конюшни, там осталось немало камыша, утречком его привезут к Курац. Думаю, с помощью своего будущего тестя вы к обеду закончите работу.

– Еще надо дожить до свадьбы, чтоб Емзеш стал моим тестем.

– Так ведь она должна быть на днях, – удивился сомнению Чечана Рэдэд. – Что-нибудь не ладится?

– Все ладится, просто сказал так, – слукавил Чечан.

Курац пошла к Дахапсе:

– Послезавтра к нам на шихаф придут мужчины крышу перекрывать. После работы надо их угостить. Приходи утром пораньше, поможешь.

– Не знаю, Курац, – Дахапса виновато опустила глаза. – Ты бы поговорила с Турабом...

Этот разговор услышал стоявший у калитки Натай, удивился:

– Интересно, Дахапса, какое дело Турабу до того, что ты хочешь помочь соседке?

На крыльце дома появился Тураб, оказывается, он подслушивал разговор. Позеленев от злости, он накинулся на Натая:

– Кто ты такой, чего суешь свой нос в мои семейные дела. Вон со двора!

– Чья бешеная собака укусила тебя, Тураб? – сердито спросила Курац.

– Ты тоже уходи! Твою крышу будут перекрывать, ты и угождай работникам, не беспокой нас с Дахапсой!

– А я думала, ты и правда – посланец богов, но если говоришь такое...

– Прости меня, Курац, это Натай расстроил меня. Я же сказал тебе, бездельник, уходи отсюда! – Тураб начал выталкивать Натая за калитку.

– Что тут происходит? Что стряслось с тобой, Тураб? – окликнул его Чечан.

– Да... Натай рассердил меня, – съезжился Тураб, но увидев подъехавшего Рэдэда, приподнял голову. – Это ты, великий князь, да вот тут у нас... как хорошо, что вы пришли... я рад, мы с Дахапсой рады...

– Мы пришли сказать тебе, – не обращая внимания на Тураба, Рэдэд обратился к Курац, – что не послезавтра, а завтра перекроют крышу твоего дома.

– О, боги! – с радостью воскликнула Курац, ее глаза затуманились слезами. – Ты слышала, Дахапса? Сам великий князь Касогии занимается моей прогнившей крышей! Чем же я заслужила такую радость, сын великого человека, князя Лаурстэна?

– Заслужила тем, что живешь в нашем с тобой Мазибе, в Касогии, что ты сестра наших матерей, – улыбнулся Рэдэд.

– Да благословят тебя боги за твои добрые дела, – поклонилась женщина князю. Он ответил ей княжеским поклоном и покинул двор. Кинулся было за ним и Тураб, но увидев, что князь не обращает на него внимания, трусцой вернулся назад.

– Пойдем, я провожу тебя, пусть мой муженек позлится, – взяла Дахапса под руку Курац.

– Скажи, милая, что с ним стряслось? Я его раньше не видела таким.

– Даже не знаю. Стал злым, раздражительным, не смей ни единого слова сказать. Такой стал, хоть собирай свои пожитки да возвращайся в свой дом.

– Что ты, милая, что ты! Такая наша женская доля – терпеть. Думаю, похорохорится он немного, на том и успокоится. Но с чего это у него началось? Может, ревнует к Натаю?

– Нет, не соперник ему Натай, совсем не соперник. Тут другое, Курац.

– Что же за напасть такая, что? – приклонила к плечу Дахапсы ухо старая Курац, насторожилась.

– С того дня, когда последний раз были в Мазибе Думитрий и Ислам-Хаджи... Тураб хвастался своей дружбой с великим князем, рассказывал, как прислушивается он к его советам, а тут вдруг прибежал домой какой-то бешеный. Когда уходил к князю на встречу с Думитрием и Ислам-Хаджи, сказал: я сделаю так, что их ноги здесь больше не будет, а вернулся оттуда... о боги! Думала, с ним удар случится.

– Они, наверно, околдовали его? – испуганно остановившись, спросила Курац.

– Не знаю, может, и околдовали... С того самого дня он стал нетерпимым – начал по всякому поводу придираться ко мне, к Натаю, кричать на всех, от злости даже визжать. Вот тебе и посланец богов. Как тут быть нам всем, как быть князю?

– Он хотя и горбатый, но все же умный человек. Ты не расстраивайся – это пройдет, такое бывает со многими. Говорят, чем умнее человек, тем глупее бывают с ним случаи... Говорят, Айнар опять понесла?

– Счастливая, – вздохнула Дахапса, – мальчишечка уже бегаёт, веселенький такой, славенький, а теперь еще одного родит. Счастливая.

– А чего бы тебе, милая, не родить? Женщина ты молодая, красивая, крепкая собой, значит, и потомство будет крепкое.

В ответ Дахапса только горестно вздохнула...

У ворот княжеского дома Чечан стал прощаться с Рэдэдом, но князь возразил:

– Пойдем ко мне, вместе поужинаем, поговорим о том о сем, как дрова в лесу рубил мудрый Колэс, – рассмеялся Рэдэд.

– Понимаешь, Рэдэд... младший сын Хакары Зирар стал ухлестывать за Бзабзой, захаживать к ней со своими дружками, вот я и боюсь отлучаться – вдруг надумает ее умыкнуть.

– Ну и что ты делаешь, когда они приходят?

– А что я могу сделать, ты же знаешь, каждый неженатый парень у нас может с друзьями прийти к девушке.

– Ну и что? – улыбаясь, допытывался Рэдэд. – Сидишь с ними, смотришь, наблюдаешь, как женихаются с твоей невестой?

– Нет, – нахмурился Чечан. – Иногда ухожу, иногда остаюсь...

– Значит, из-за женихов стал ее сторожем?

– Хватит тебе, Рэдэд, – попросил Чечан.

– А сама Бзабза как относится к Зирару?

– Терпеть его не может.

– Чего же ты тогда тревожишься?

– Не я, сердце тревожится.

Вошли они в комнату Рэдэда, застали там Айнар с Дзешшем. Она подхватила мальчишку на руки, направилась к двери.

– Подожди, Айнар, дай мне поиграть с сыном. Посмотри, Чечан, какой богатырь у нас растет, – радовался Рэдэд.

– Прости меня, Айнар, за ту давнюю глупость, – покраснел Чечан.

– Хорошо, что ты это понял, – сказала она сухо и, оставив Дзешша, ушла из комнаты.

Рэдэд высоко, под самый потолок поднял сына, тот смотрел с высоты и звонко смеялся.

VII

Счастлив был Рэдэд в своей жизни с Айнар. И в ранней юности, когда еще и не думал о женитьбе, а просто любовался длинноногой, быстрой и красивой в движениях, как газель, девчонкой, и потом, когда она из девочки превратилась в красивую девушку. В неволе Айнар была для него надеждой, силой его сердца, радостью, которая облегчала кандалы. Но вот приблизился долгожданный день свадьбы, и... лишь потом Рэдэд понял: жениться на любимой – значит взять на себя ответственность за ее судьбу,

значит, лишиться своей мужской свободы, беззаботности. Подумал Рэдэд об этом, глядя на Чечана, когда они вошли вместе в девичью комнату Бзабзы.

Девушка, стоя у спинки кровати, не без тревоги посмотрела на вошедших, застенчиво опустила глаза.

Рэдэд поклонился ей и прошел вместе с Коданом в соседнюю комнату, где сидел за столом Емзеш, делая насечку на кинжале. Старик почтительно встал:

– Добро пожаловать, дорогие гости! Старуха, посмотри, кто нас почтил своим посещением!

– Я не гость, Емзеш, – мягко улыбнувшись, сказал Рэдэд, – я пришел с женихом.

– С каким еще женихом? У меня, кажется, никого нет на выданье, – растерянно промолвил кузнец.

– Когда в небо поднимается полная красавица-луна, ее раньше всех замечают женихи, – поддержал начатый разговор Кодан. – Так что уж будь добр, прими нас. Ты сам понимаешь – великий князь не с каждым женихом приходит в дом невесты, только ради счастья своего друга Чечана, внука почтенного Колэса, и твоей дочери Бзабзы пришел.

– Вот оно что, – заулыбался кузнец, – когда мы перекрывали крышу дома старухи Курац, этот молодец Чечан так вокруг меня увивался, что я невольно подумал: а не ради ли Бзабзы он так передо мной старается.

– Как я понимаю, уважаемый Емзеш, к Чечану ты относишься с уважением.

– Главное, князь, чтобы он понравился той, за которой пришел сюда, а что касается меня – буду рад породниться с нашим мудрым Колэсом.

Во дворе послышался гомон. Емзеш выглянул в окно:

– Опять младший сын Хакары со своей ватагой пожаловал, сейчас я их угомоню.

– Тебе неудобно с ними связываться, – остановил его Рэдэд, – мы поговорим с ними на правах дружков жениха.

Сопровождавшие Зирара парни, увидев великого князя, притихли.

– Ну, чего вы замерли, как пугливые овечки, – подался вперед Зирар. – Сами же подбивали меня умыкнуть Бзабзу. Пошли!

– Подожди, – остановил его один из парней, – разве не видишь, что здесь великий князь?

– Ну и что?! – начал сердиться Зирар. – Пусть сами боги спустятся с небес, я все равно ее увезу!

Рэдэд сделал шаг навстречу Зирару:

– Или ты не знаешь, уважаемый: у девушки может быть несколько женихов, но она выбирает одного.

– И жених выбирает одну. Разве для Чечана все девушки Мазиба? За мной, парни!

Рэдэд сделал еще один шаг навстречу Зирару и твердо произнес:

– Бзабза выбрала Чечана, этим все сказано.

– Не будь тебя здесь, князь, мы посмотрели бы, кого она желает выбрать.

Во двор прибежал запыхавшийся Гуат, старший брат Зирара:

– Ты чего поднимаешь шум во дворе почтенного Емзеша, почему позоришь нас, да еще перед великим князем?!

– Это дело мое!

– Что-о?! – взъярился Гуат и, не сдержавшись, по праву старшего брата вlepил Зирару звонкую пощечину. – Вон со двора!

Дружки, подхватив Зирара под руки, увели с собой.

– Ну и младший брат у тебя, Гуат, – заметил с досадой Рэдэд.

– Шалопай он, в отца пошел.

– Что поделаешь, кто в отца, а кто в мать...

– Мать у нас добрейшей души человек. Когда отец тяжело болел после вашей с ним схватки... мать ни единого худого слова о тебе не проронила, а когда ты расправился с Нахлешем, она сказала: «Так ему и надо, разбойнику поганому». Я давно хотел выразить тебе свое уважение, великий князь, да все не попадался случай. Теперь вот скажу: ты уже сделал свое дело, а мне еще предстоит сделать его.

– Какое дело, если не секрет? – поинтересовался Рэдэд.

– Шаниб свел моего покойного отца с Нахлешем, который и погубил его. Говорят, неотмщенный мучается на том свете. Я должен убить Шаниба, чтобы душа отца на том свете могла успокоиться.

– Не знаю, если правда, что души неотмщенных мучаются на том свете, тогда ты как сын вправе это сделать, но я не берусь судить, пусть боги рассудят.

Рэдэд вернулся в комнату Емзеша, выложил на стол три золотых:

– Это тебе от Колэса, за дочь.

Как и полагается, Бзабза стояла в девичьей, потупив взор.

– Если ты готова стать женой Чечана, мы увезем тебя в его дом, – обратился к ней Кодан. – Ты очень красивая, хорошая девушка, мы желаем, чтобы ты и в замужестве оставалась красивой, была доброй и счастливой.

Чечан взял под руку Бзабзу, она побледнела, чуть вздрогнула, отшатнувшись, затем медленно пошла за ним.

В гостиной Рэдэд поздравил Колэса с женитьбой внука, обратился к сидевшему рядом Татуху:

– Тебя тоже поздравляю, Татух. Ведь каждая свадьба – это новая семья, это дети и внуки, наше будущее. А свадебные игрища! Это праздник всех мазибцев!

– И какой праздник! – оживился Татух. – Не будь мои ноги больными, я бы показал молодым, как надо плясать, как обхаживать наших красавиц!

– Ты посмотри, князь, он еще о девчонках рассуждает! – засмеялся Колэс.

– А чего же не рассуждать, если сердце у него молодое! – улыбнулся Рэдэд.

– Но девушкам, кроме молодого сердца, нужно еще кое-что молодое! – продолжал озорничать Колэс.

– Невесту, значит, умыкнули, уже привезли, – переменял разговор Татух. – Пусть вместе с нею войдет в твой дом, Колэс, тихое счастье. Хорошо, все хорошо, Колэс, поздравляю!

– Умыкнули, говоришь? – засмеялся Рэдэд. – Да она чуть ли не впереди нас бежала.

– Вот это любовь! – восхитился Татух, даже привстал от восторга. – Значит, Колэс, в твой дом пришло два счастья – невестка и любовь.

Кодан увел на предсвадебное время к себе в дом Чечана, а Рэдэд, уставший от веселых и торжественных событий, ушел поздно вечером отдохнуть к себе. Привалился к спинке стула, сладко задремал.

– Ты один, сын мой? – вошла Рампэс.

– Проходи, мать, садись. Ты почему грустная, случилось что-нибудь?

– Да нет, просто устала. Вроде бы ничего такого я не делала, а почему-то утомилась, – улыбнувшись, опустилась на стул княгиня Рампэс. – Наверно, не я – мои годы устают.

– Что ты говоришь, мать, какие еще годы!

Она с грустью продолжила:

– Когда тебе будет столько, как мне сейчас, вспомни меня. Впрочем, хватит об этом, ведь свадебный день. Я так рада за Колэса, теперь в его доме молодая женщина, рада, что все по-хорошему сложилось у Чечана. Теперь Колэс увидит своего правнука, да помогут ему вседобрые боги.

– Да-да, мать, теперь и его соседям будет покойнее, и всем нам, – согласился Рэдэд.

Они помолчали. Рэдэд улыбнулся, вспомнив, как в Греции его охранник, когда возникала тишина, всегда пояснял: «Добрый ангел пролетел».

– Ты – великий князь, сын мой, ты – в сердце своего княжества, все кружится вокруг тебя, – раздумчиво заговорила Рампэс, – а я гляжу на твои дела как бы со стороны и вижу немного иначе, может быть, в чем-то лучше, чем ты... Не лишнее ли говорю, сын?

– Говори, говори, я слушаю.

– Ты правильно сделал, что построил в Мазибе для Кодана дом, теперь предводитель войска всегда у тебя под рукой. С Чечаном, который теперь обзавелся семьей, тоже хорошо получилось, люди видят – великий князь, у которого крепкая рука, еще и милосердный человек... У тебя уже есть наследник, скоро родится второй ребенок. Когда у мужчины хорошая жена, дети, значит, он крепко стоит на ногах, ему можно верить и доверять. Не часто случается, чтобы свекровь в согласии жила с невесткой. Мы с Айнар живем очень хорошо, дружно, слава богам. Только вот... вроде бы, мелочь, но когда ты на виду у всех, когда ты – предводитель, то мелочь уже не мелочь. Айнар умница, но, дорогой мой сын, она – второе лицо. Прекрасное, умное, мудрое, но – второе. О том знают все и не любят, если второе начинает с этим не считаться... – Великая княгиня вопросительно глянула на сына.

– Я слушаю, мать, слушаю.

– Теперь о другом. Меня тревожат дела в Хакучии. Дамир Чухо сумел в Лиготхе показать себя сильным предводителем, люди доверились ему, там все в порядке, а в других-то селениях не так. Получается, дело не только в строптивости хакучинцев, а и в слабых предводителях. Нарты еще в далекие времена посылали предводителей из одного племени в другое. А почему бы и тебе не поучиться у них? Среди касогов, меотов и зихов есть опытные, крепкие своим умом мужчины, разве нельзя выбрать среди них предводителя для хакучинцев?

Рэдэд восхищенно посмотрел на мать: «Да, у нее не по-женски мудрая голова. Боги должны были создать ее женщиной».

– Спасибо, мать. Я подумаю об этом.

– Хочу еще попросить: не отталкивай от себя Тураба. На днях заходил он ко мне с обидой, говорит, все его забыли, и великий князь оттолкнул. Прошу тебя, ведь Тураб – посланец богов, не накликал бы на нас какую беду.

– Не верь ему, мать, он верткий, как уж, и двуличный, а главное – хочет стать впереди меня, уверяет всех, будто у него божественная власть, которая превыше даже княжеской.

– Он уверял, что тебя испортили иноверцы.

– Ни тебя, ни меня – никого из нас они не могут испортить, мы верны нашим богам. Как объяснял Дмитрий, у греков есть глава христианской церкви, с ним считается сам царь, а в войсках есть священники, которые призывают на помощь воинам божественную силу, руководят молебнами. Мы создаем государство и войско и тоже должны заботиться о божественной силе. Турабу хочется быть главным, но у него нет никаких знаний для этого, а одного желания мало. Вот и злится, донимает капризами бедную Дахапсу. Так думаю не только я, но и Колэс, и Кодан, и Машук.

– Я поняла, сын мой, больше не буду тебя беспокоить, – довольная беседой, княгиня ушла, а Рэдэд лег на кровать, заложив руки под голову, размышлял о разговоре с матерью.

«Конечно, Турабу очень хочется возвыситься, ведь он не так глуп, как иногда кажется, а если еще прибавить

самолюбие, обиду на судьбу, то не трудно понять его устремление, тем более, что он – посланец богов... Посланец богов?!» – спросил себя Рэдэд. Спросил и припомнил: ведь и раньше у него возникали сомнения, но он не обращал на это внимания...

Шаниб после позорного бегства с поля боя в долине Шахэ напоминал бешеную собаку, ставшую для всех врагом, которую каждый не прочь был убить. Поразмислил он скудным умом и понял: нет ему места ни в Хакучии, ни в Зихии, ни в Меотии, а тем более – в Касогии. Понял: у него одна, кривая дорожка – к русичам. Может быть, Кансав возьмет в свою дружину. Собрал в переметные сумы нехитрые пожитки, оседлал коня и глухими тропами направился из Лиготха в Тмутаракань. До русичей добрался уже за полночь, когда предутренний сон особенно крепок и сладок, и все-таки его заметил конный разъезд. Владея немного языком русичей, он пояснил, что едет к воеводе Кансаву.

Утром воевода принял Шаниба, холодно сказал ему:

– Я буду откровенным, если это обидит тебя или оскорбит, знай – не я, а горькая правда так поступила с тобой... Самое страшное в жизни людей – предательство. Человек, предающий свою родину или друга, предает самого себя. Не косись на меня, Шаниб, я не предатель. Русичи спасли меня от смерти, даровали жизнь, значит, она принадлежит им. Меня уважают здесь, чтут. А ты пришел к русичам не потому, что уважаешь их и готов им служить по совести и чести, а потому, что у тебя земля горит под ногами, некуда деваться тебе. Скажу как воевода: если ты, предавая землю своих предков, лишился сердца, данного тебе матерью, совести, данной богом, то, не сомневаюсь, предашь и меня, может быть, даже со злорадством. И у меня к тебе не может быть ничего другого, кроме презрения.

Вздрогнул Шаниб, побледнел. Кансав заметил это, его сердцу передалась боль соплеменника, но он погасил ее, продолжил:

– Великие князя Мстислав и Рэдэд не смогли договориться о мире. Это их, княжеское дело. Правда, я говорил Рэдэду, своему родному племяннику, что если он

сумеет даже всех вас собрать в единое войско, все равно ему не одолеть русичей...

– Да! – обрадовался Шаниб, как утопающий радуется соломинке. – И я с ним не сошелся по этой причине. Мы ведь готовы были стать под его крыло.

– Перестань лукавить, Шаниб! Нет в живых рыжего Нахлеша, мерзкого врага Рэдэда, но он живет в тебе. Все, нам больше не о чем говорить.

Вчера днем солнце так пригревало, что земля на пригорках издавала весенние запахи, а к полуночи дохнул морозец, таившийся в расщелинах гор, да такой, что щипал разгоряченные обидой щеки Шаниба.

«Как этот воеводишко обошелся со мной. Ну ничего, еще посмотрим!» – без особой надежды подумал он, глядя в яркое звездное небо, на ущербную луну, напоминавшую тощий хвост уплывающей рыбы.

«Как там в пословице говорится: куда ни кинь, всюду клин, кругом этот верзила Рэдэд. Нахлеш, чтоб его на том свете грызли голодные волки, телом тоже был под стать Рэдэду, все грозился, грозился ему, меня втравил в свои разбойные дела. Мол, подожди, Шаниб, потерпи немного, прикончу я его... Вот Кодан молодец, вовремя раскусил его и стал предводителем Всекасожского войска, а Машук – Мазибского...» Подумал Шаниб и вдруг резко остановил коня. «Стоп, стоп! Машук! По решению Касожского хасэ, у него хранится все собранное золото! А я, дурак, кинулся на баб... Действительно, дурак, остолоп! Впрочем, еще не поздно... Золото! Да с ним я буду жить припеваючи хоть у греков, хоть у арабов. Я вам покажу еще, кто такой Шаниб!»

Воспрянув духом, он пустил коня вскачь. К утру уже был у зихов, у двух дружков, с которыми вместе с Нахлешем промышлял набегами на купцов. Рассказал о своей задумке насчет золота. Те согласились, и вскоре три всадника пробирались через шисхарисский лес.

У старой коряжины Шаниб резко остановил коня, прислушался:

– Кажется, дрова рубят. Надо тихонько... Э-э, да вон они, два лесоруба. Боги в помощь вам, парни! Как живется вам в счастливой Касогии?

– Как говоришь, с помощью богов живем и не тужим, – ответил парень с жиденькой бородкой.

– Ну и что же у вас хорошего?

– Живем мирно, ни с кем не воюем, веселые свадьбы играем. На прошлой неделе справили свадьбу Чечану, а теперь новое игрище в Мыстхако. Сам великий князь приехал с Коданом и Машуком.

– Всего доброго, удачи вам в ваших делах! – весело попрощался Шаниб.

Когда отъехали немного, бородатый парень удивленно спросил:

– Ты чего так обрадовался, будто золото уже в твоих руках?

– Почти в руках! Если дровосек сказал правду, значит, Мазиб ждет нас. Однако, как говорят мудрые люди, услышал – хорошо, а увидел – лучше. Надо все как следует проверить. Вы езжайте на свадьбу, повеселитесь, поразноухайте там, а я буду здесь, у стога сена. Как только начнет смеркаться, встретимся вон у того мосточка.

Проводив спутников, он взобрался на стог, устроился так, чтобы лучше видеть игрище. До боли в глазах всматривался и никак не находил тех, кто был ему нужен. Неужели обманули лесорубы? Но зачем им это?

Заныло сердце Шаниба, застучало в голове, однако что это?

Вышли из дома и сели на лавке у ворот Колэс, Пшимаф, Татух и Джебаг.

«О боги, слава вам, слава! Не могли же старики сами приехать из Мазиба в Мыстхако. Конечно, нет! Вижу тебя, Рэдэд, и тебя, Кодан, и тебя, молодчик Машук. Ты как раз мне и нужен: гуляй, веселись в свое удовольствие, а я поеду свое удовольствие получать!»

Встретившись у назначенного места, три всадника заторопились к Мазибу.

– Думаю, игрища будут продолжаться допоздна, так что мы успеем и дело обделать, и ускакать восвояси, – бодрился Шаниб.

– Как ты думаешь, неужели князь оставил Мазиб без охраны? – засомневался спутник, ехавший справа.

– Есть такая притча: пока топор во взмахе, дрова отдыхают, – довольно рассмеялся Шаниб. – Конечно, имеются

там охранники, но когда предводитель в отъезде, воинам в самый раз расслабиться... Так чья, говоришь, в Мыстхако свадьба?

– Родственник Кодана и Темрюка женится, ему почет и воздает сам великий князь Рэдэд, а раз такое дело – все старики приехали.

Игрище было в разгаре. В круг плясать вышел Кодан, ему усердно хлопал Гуат. Кто-то, толкнув в бок, наклонился к нему:

– Я только что из Мазиба. Проезжая развилку дорог, увидел в лесочке Шаниба с двумя всадниками.

Гуат незаметно удалился, кинулся к коновязи и помчался короткой тропинкой в Мазиб. За развилкой увидел всадника, узнав в нем Шаниба, спешил.

Спешил и Шаниб, с распростертыми объятиями шагнул навстречу Гуату:

– Кого я вижу! О-о, как ты похож на своего покойного отца, как похож! Вон какой молодец, вон как ты возмужал!

Гуат приостановился, мельком глянул по сторонам:

– Где же твои спутники, Шаниб?

– Дьявол с ними, с дураками, они поссорились с мазибцами, и те прирезали их. Дай на радостях обниму тебя!.. – и тут же наткнулся на кинжал, с криком упал на землю.

«Я тоже рад, – произнес про себя Гуат, вытирая окровавленный кинжал о кафтан бездыханного Шаниба. – Наконец отомстил тебе за смерть отца, за всех, кого ты погубил...»

VIII

Пробудилась великая княгиня Рампэс в тягостном настроении, может быть, поэтому рассвет ей увиделся бледным, тягучим и томительным.

Села она на краешек тахты, покрытой мягким персидским ковром, привезенным ей Рэдэдом из Пантикапея, и, скрестив руки на груди, рассеянно смотрела в окно.

После похорон Лаурстэна к ней во сне пришли родители. Они успокаивали, говорили, что ей нельзя отчаиваться, что она должна воспитать сына, наследника старинного княжеского рода, а когда пропал Рэдэд, отец с

матерью являлись во сне несколько раз, уверяли: сын ее жив, обязательно вернется домой, и все у них будет хорошо. Вернулся Рэдэд, стал великим князем, женился, родился у него сын, и родители больше не снились ей, а вот нынешней ночью явились снова. Мать горько упрекала ее за то, что заботится только о сыне, внуке да невестке и совсем забыла о родном брате, который живет на чужбине и очень тоскует по ней. Расставаясь, они наказали ей обязательно повидаться с Кансавом, примириться с ним. Но как это сделать, как?! Тем более после того, как он приезжал, чтобы взysкать с касогов дань. И что будет дальше? Русичи могут пойти на касогов войной, а Кансав – воевода у них, что тогда будет?! Как она сможет примириться с ним, если он приведет войско, чтобы убивать своих единокровных братьев?

Тяжко стало княгине, душно. Ей бы выйти на свежий воздух, но за окном едва-едва занимался тусклый рассвет. Поговорить бы с кем-нибудь, излить свою боль и тревогу, но в доме стояла такая тишина, будто он нежилой.

Подошла княгиня к окну, постояла, затем вернулась, села на краешек тахты, и опять, томимая тоской, направилась к хмурому окну, и ей в туманной мгле увиделся Лаурстэн. Да-да, и он сегодня приходил к ней, но она почему-то об этом забыла. Это после него появились отец с матерью, потому Лаурстэн как бы отошел в сторону, а вот теперь увиделся в рассветной мгле. Он не упрекал ее, как мать с отцом, почему-то не спрашивал о своем сыне, о внуке, а стал просить, чтобы она примирилась с Кансавом. «Я прошу тебя, облегчи мою душу, есть и моя вина в том, что Кансав попал к русичам. Не преступник он, нет, видно, добро, содеянное ему русичами, тяготеет над его совестью. Кансава надо пожалеть, облегчить его сердечную боль своею болью». Эти слова Лаурстэна ей были не совсем понятны, но просьбу его, понимала княгиня, надо исполнить обязательно, но – как?!

Она заплакала, даже не плакала, а исходила слезами. Горячие, соленые, они текли по щекам, обжигали губы, искривленные скорбью и болью...

«О люди, где вы, помогите!»

Послышались шаги, потом голос Айнар:

– Дзешш, мальчик мой, куда ты побежал в такую рань, ведь все еще спят.

– Как все, если я не сплю! – возмутился Дзешш.

«О боги, вы слышали меня, я низко кланяюсь вам». Надо обязательно вытереть слезы, но у нее не хватало для этого сил, великая княгиня стояла с опущенными руками. «Пусть, пусть увидит внук», – почему-то подумалось ей, и она улыбнулась, прислушиваясь к разговору.

– Бабушка тоже не спит, я знаю, и хочу к ней!

– Входи, входи, внучек мой сладенький, мой самый красивый, самый добрый и душевный. Обними свою несчастную бабушку. – Она подхватила его на руки, прижала к груди, теплого, пахнувшего чем-то удивительно милым и близким. Он отстранился и удивленно спросил:

– Почему несчастная?

– Ну-у, просто так говорится.

– Не хочу, чтобы так говорилось! – капризно воскликнул Дзешш. – Ты – самая счастливая. Ты и мама. Вы самые счастливые, самые красивые!

Княгиня опустила на тахту, усадила Дзешша на колени:

– Самая красивая у нас твоя мама, а бабушка состарилась – поседела, изморщичилась и стала некрасивой.

– Нет, нет! – опять возмутился Дзешш. – Красивая. Старенькая и красивая!

Целуя пухлые румяные щечки, глядя кудрявый шелк темных волос, княгиня вздыхала: «О боги, он становится все больше и больше похожим на Лаурстэна».

– Ты сказал доброе утро бабушке? А теперь пойдем завтракать, – позвала малыша Айнар.

– Не хочу завтракать, хочу у бабушки.

– Спасибо тебе, внучек, однако надо идти завтракать. Возьми его, Айнар, мальчика вовремя надо кормить.

– Ты некрасивая, бабушка, совсем некрасивая! – запричитал сквозь слезы Дзешш. Рампэс рассмеялась:

– Вот уже и подурнела бабушка, но ничего, после завтрака она опять похорошеет. Скажи, Айнар, пусть погода князь зайдет ко мне.

Но после завтрака первым зашел Шупаш:

– Что ты скучаешь в одиночестве, мать? Как твое здоровье?

Княгиня бледно улыбнулась:

– Ну, раз ты пришел, уже не в одиночестве. Здоровье, как и бывает в мои годы, а что касается... у каждого свое собственное понятие: что для одного – скука, для другого – самозабвение, для одного одиночество – беда, для другого – благодать. А в старости, когда ты уже ничего не можешь делать, никто в тебе особенно не нуждается, ты свободен от многого, можешь парить над землей, над людьми, над своей прожитой жизнью. Вот тут-то все и проявляется: кто ты, что ты и зачем жил.

– Я думаю, мать, тебе рано думать о старости, о благодатном одиночестве, когда в тебе еще многие нуждаются, а лично мне без тебя просто невозможно. У тебя есть удивительная способность – журить человека так, что он не только не обижается, а, наоборот, радуется, благодарит тебя. Хвалишь ты так, что хочется еще лучше делать, напрягаться, а не блаженствовать от похвалы...

Княгиня остановила его знаком руки, с мягким укором улыбнулась:

– Ты говоришь, сын мой, будто без меня тебе жить невозможно, однако я даже забыла, когда в последний раз мы разговаривали, как сейчас. Каждый день, чуть солнышко поднимется, ты уходишь куда-то и возвращаешься, когда мы с Дзешшем уже спим.

– Что поделаешь, мать, старший брат делает великое дело, которое требует от всех нас больших трудов. Молодых парней надо учить крепко держать меч в руках, чтобы каждый был не сам по себе, а частицей сильного войска, но все они избалованы своими матерями да бабушками, хотят жить у себя дома, спать в мягких постелях, а не в казарме...

– Где-где? – удивленно спросила Рампэс.

– Большой дом, где живут все воины, называется казармой.

– О чем вы здесь разговариваете, о каких новостях? – показался в дверях Рэдэд. – Может, и мне разрешите посидеть с вами? – улыбнулся он.

– Какие у нас с Шупашем могут быть новости, которых бы ты не знал раньше нас? – улыбнулась и Рампэс, почтительно приподнимаясь перед великим князем. Встал

Шупаш, вытянулся.– Разговариваем о дружинах, которые ты создашь, о разбалованных наших парнях.

– А что – парни как парни, балуют их не только матери и бабушки, но и сам Шупаш, отпускает на девичьи посылки, на свадьбы, ночевать домой. Очень добрый Шупаш, никого не хочет обижать.

– Ты что, Рэдэд, не знаешь наших парней? Попробуй, не пусти их, такое поднимут, что небу станет жарко. Надо не сразу, постепенно, постепенно их приучать, по-хорошему.

– Я думаю, ты прав, сын мой, добром всегда лучше, а если начнешь силой – наломать дров недолго, испортить все. Вот как ты, дорогой князь, запряг своего младшего брата и погоняешь, дохнуть бедному не даешь, того и гляди – надломится.

– Это я его, Шупаша?! Скажи, дорогой мой братец, как я тебя погоняю?

– Нет, великая княгиня, я сам себя погоняю, потому что нашу телегу мы должны сами тащить, вот и нахожусь среди воинов с утра до ночи, смотрю, как их обучают, рассказываю о порядках в дружинах у греков, у русичей, объясняю, что такое воинская дисциплина.

– Да, Шупаш, у них эта самая... воинская дисциплина очень строгая: не только послушаться, даже словом возразить своему предводителю не смей, а то и выпороть могут в наказание или за решетку посадить. Кансав чужак им по крови, но его Мстислав сделал воеводой, и власть у него в дружинах такая, какая нам с тобой и не снилась. Власть не просто человека, а воеводы...

– Ты, Рэдэд, говоришь – Кансав? – не то спросила, не то просто произнесла имя своего брата княгиня Рампэс, опустив как бы потяжелевшую голову.

– Дядя Кансав мне тоже говорил об этом, – бодро продолжал Шупаш. Рэдэд толкнул его в бок.

– Прошлой ночью ко мне приходили мать и отец, а потом и Лаурстэн, – негромко, словно самой себе, продолжала княгиня. – Они недовольны, что я враждую со своим братом, считают, что в моем сердце совсем нет женской мягкости, материнской доброты. Я и в самом деле, когда он приезжал в Мазиб за данью, дурно обошлась с ним. Он ведь хотел поговорить со мною, хотел сказать что-то...

– Ты веришь снам, мать? – усмехнулся Шупаш.

– Наверно, младший брат, жизнь тебя еще не потрепала, раз ты с усмешкой относишься к снам, – сказал Рэдэд. – Меня, случалось, они предупреждали об опасности, помогали духом возвыситься. Подожди, братец, твое все впереди. Ты хотела нам что-то сказать, мать?

– Да вот... хочу увидиться с Кансавом, но сначала надо встретиться с Турабом, посоветоваться с ним, пусть поговорит с богами, узнает у них, как мне быть.

– Он просто болтун, которому почему-то многие верят, – возмутился Шупаш.

– Как ты смеешь так о посланце богов! – повысила голос княгиня. – Помолчи!.. А что ты скажешь, великий князь?

– Видишь ли, мать, я долгое время верил Турабу. Ведь мы с ним росли на одной улице, на одном лугу, под одним дождем, как бы на одном дереве выросли. Я не скажу, когда это у Тураба началось, когда я стал верить его словам, но было, было, верил ему, потому что кое-какие предсказания его сбывались. Они-то и оставались в моей памяти, в памяти других, а несбывшееся забывалось. Он кое-кого вылечивал разными травами да кореньями, но что тут такого, это веками жило в народе, как и предсказание погоды по разным приметам. Я верил, что он – посланец богов, всегда брал с собой, возвышая, от этого вера в него среди людей тоже возвышалась, а Шупаш своим молодым и потому чистым сердцем раскусил его. Когда же Тураб ввязался в разговор с Думитрием и Ислам-Хаджи, я, наконец, понял, какой он ничтожный в делах веры.

– Недавно Адшес, сосед Тураба, рассказывал: первое время после свадьбы он души не чаял в Дахапсе, чуть ли не на руках носил ее, а потом становилось у них в доме все хуже и хуже, горбун сделался сварливым, начал браниться, чуть ли не кидаться в драку с Дахапсой и Натаем. Мазибцы, видно, раскусили его, поняли, что это просто краснойбай и пустозвон, вот он и бесится, – рассказывал Шупаш.

– Думаю, мать, тебе, великой княгине, не к лицу знаться с таким человеком, – добавил к сказанному Рэдэд.

– Мне больно слышать такое, но если два моих сына советуют, не хочу больше ничего слышать о Турабе.

Ушли сыновья.

Рампэс долго в раздумье ходила по комнате, затем, повернувшись лицом в сторону, откуда приходит к людям солнце, воздела руки и робко, со страхом стала молиться: «О всевеликие боги, все, что делается на вашей земле, под вашим небом, подвластно только вам. Если вы действительно избрали Тураба своим посланцем, я умоляю вас простить моих сыновей за то, что они непочтительно к нему относятся. Это мои сыновья, я их вырастила, значит, отвечаю перед вами за их прегрешения. Мой старший сын Рэдэд сначала очень хорошо относился к Турабу, а потом... Наш мудрый почтенный Колэс перестал верить, и даже стал осуждать вашего посланца. За ним пошли, впали в грех Агбан, Темрюк, Кодан ну и... не устояли перед греховным соблазном мои сыновья, невестка моя Айнар. Простите их, наставьте на путь истины, об этом молю вас... А еще я до самой земли, с глубокой благодарностью кланяюсь вам за доброту, за милость вашу ко мне. Много трудностей и бед я перенесла, а в старости вы одарили меня счастьем – все ладно у моих сыновей. У старшего – очень хорошая жена, она родила ему сына, мне – славенького внука. Пошлите нам примирение с вашим посланцем, пошлите вашу радость, ведь вы всесильны. Вы справедливо наказали потерявшую честь и совесть семью из Шисхариса – ураганом разрушили дом, затопили водою подворье, а соседям, людям добрым, благочестивым, поклоняющимся вам, на их лугу столько поселили рыбы, что им самим хватило на весь год, да еще и других угощали. Я не прошу от вас такой милости, хотя... Помилуйте моих сыновей, невестку, вразумите мудрейшего Колэса, Агбана, Кодана и Темрюка, а еще, подарите счастье моему внуку Дзепшу, очень похожему по вашей милости на своего деда, на моего незабвенного Лаурстэна».

Помолилась Рампэс и успокоилась, почувствовала себя великой княгиней, почувствовала в сердце своем власть, данную ей богами, над Колэсом, над всеми мазибцами. «Вот так, наверно, было и у Тураба, но что мне делать с этой властью? – озадачилась княгиня и, немного подумав, решила: – Раз они дали мне власть, они и укажут, как ее употребить».

С легкой душой и с радостью вышла княгиня Рампэс из дома, увидела сидевшего на корточках у калитки Агбана,

разговаривавшего с Дзепшем. Малыш, протянув руку, указал на нее пальчиком:

– Нехорошая, некрасивая бабушка.

– Что?! – вскочил Агбан. – Кто научил тебя этой глупости, Дзепш?!

– Не беспокойся, Агбан, – улыбнулась Рампэс, – его никто не учил, на то он и княжеской крови, что сам может выдумать. Иди ко мне, мой сладенький, крепко-крепко обними свою некрасивую бабушку. Давай помиримся и не будем больше никогда ссориться.

Мальчишка подбежал, прыгнул на руки к княгине:

– Красивая, самая красивая моя бабушка! – весело и звонко закричал он.

– Агбан, выбери день, когда дома не будет князя Рэдэда и Шупаша, и приведи ко мне Тураба.

– А почему нельзя при великом князе? – удивился Агбан.

– Я не люблю дважды говорить одно и то же, Агбан! – повысила голос Рампэс.

– Все понял, будет сделано, великая княгиня.

Дня через три он привел Тураба в княжеский дом. Вел и почему-то опасливо поглядывал по сторонам, будто делал что-то недоброе, даже воровское.

Приветливо и почтительно встретила великая княгиня посланца богов, пригласила сесть на почетном месте.

Тураб напыжился, устраивая свой горб у высокой спинки стула, будто он не посланец богов, а сам бог.

Полная княжеского и женского достоинства, княгиня Рампэс села напротив.

– Ты – посланец богов, поэтому я обращаюсь к тебе по очень важному делу.

Выпятил Тураб свою худосочную грудь, воздел очи к небу:

– Слушаю тебя, великая княгиня.

– Прошлой ночью мне являлись во сне родители и Лаурстэн. Так явственно, будто и вовсе это был не сон, будто они живехонькие сидели предо мною.

Втянул голову в плечи Тураб и, прищутив кошачьи глаза, уставился на великую княгиню.

– Они говорили зачем пришли?

Побледнела великая княгиня Рампэс. Сжав руки на груди, тихонько помолилась про себя и дрогнувшим голо- сом промолвила:

– Они разгневались на меня, сильно разгневались, что я живу во вражде с родным братом Кансавом.

– Вот как?! – и Тураб еще сильнее втянул голову в плечи. – Говоришь, они очень разгневались?

– Да, – прошептала она.

– Сильно?!

– Очень.

– О-о, враждовать с родным братом – великий грех.

– Однако, вседоверенный посланец богов, пусть Кансав мне и родной брат, но разве я могу протянуть ему руку, если он предал свой народ, стал воеводой наших неприятелей, привел русичей грабить нас, разве врагу пожимают дружески руку?.. Чего же ты молчишь?

– Я не молчу, великая княгиня... Думаю, ты права, не пожимают, восстают против него!

– Но как мне быть с волей моих родителей, моего мужа?

– Конечно, ты обязана выполнить их волю, – заерзал на стуле Тураб, ныряя взглядом мимо княгини. – Я думаю... мы думаем...

– Но ты спроси у богов, чего же ты мямлишь? – начала сердиться Рампэс.

– Это не просто, не всегда боги открывают свою волю даже мне. Надо подождать... подумать...

«Да ты и правда – жалкий болтун. Как же я раньше не раскусила тебя?» – Княгиня встала:

– Ладно, Тураб, иди. Если понадобится, позову.

– Великая княгиня, я хочу...

– Иди, Тураб...

Тураб ушел.

«Не ушел, а выскользнул», – с горькой усмешкой подумала Рампэс, глядя ему вслед. Потом, подойдя к окну, смотрела, как он идет по двору. «Какой громадный у него горб, как он, бедняга, только носит его...»

Тоскливо стало на душе у княгини.

Как случилось, что этот, можно сказать, ничтожный человек обманул не только доверчивых, недалеких умом, но и ее? Думитрий однажды в беседе с нею говорил о

невежестве, о дремучей темноте. Он имел в виду адыгов, но не сказал об этом прямо, чтобы не оскорбить их. Говорил – народную мудрость надо собирать и беречь, как самое дорогое, что есть у людей, именно поэтому греки и научились свои мысли, знания записывать и копить в книгах, чтобы передавать их детям, внукам и правнукам, ведь рассказанные сказки, легенды могут забываться, переделываться и, как говорил Думитрий, расплываются ветром истории, а записанное остается в веках таким, каким его создали.

«Да, беда наша, что мы не умеем записывать, – подумала Рампэс. – А без этого как нам жить общим домом, как быть с законами. И другое – у христиан и мусульман, слыхала, есть большие книги. Значит, нужны такие и о наших богах, о нашей вере. Иногда тайком поговаривают: если нам принять христианство, ничего потом не надо выдумывать – все уже готово. А Думитрий рассказывал, будто у греков тоже было многобожие, но они отказались от него, и ничего не случилось – не поубивало их молнией и громом, не затопило водой, не поразило ураганами. О, всемогущие боги, как нам быть?! Будь у нас настоящий ваш посланец, он все бы нам объяснил, но нет его, нет... Там, кажется, кто-то подъехал?»

Княгиня увидела в окно Рэдэда. Спешившись, он отдал дворовым коня, взбежал на крыльцо.

«Что с ним? Почему он так торопится?» – встревожилась Рампэс.

– У нас в Мыстхако беспокойно! – взволнованно сообщил Рэдэд.

– Что там такое, сын мой?!

– Оказывается, у Темрюка есть немало людей, согласных с ним в христианской вере, но большинство остается верным нашей вере, вот и произошла между ними стычка. Я послал в Мыстхако Кодана и Машука с Мазибской дружиной. Говорят, туда поскакал и Тураб.

IX

Выехав из Мыстхако на дорогу в Мазиб, Тураб, пригнувшись, бросил коня в намет. От радости, от восторга ему казалось, что он не скачет, а летит над землей.

В последнее время, после женитьбы, Тураб чувствовал себя так, будто все, чего он достиг, рушилось под ним, разваливалось, оставляя его в одиночестве среди людей, чужих, холодных, даже враждебных. Так он себя чувствовал, а вот сегодня возвысился...

Тонконогий и тонкогубый Цуган как-то сказал ему:

– Я гляжу, тебе дохнуть некогда, столько дел на тебя взвалил великий князь. Возьми меня к себе в помощники, назначь посланцем богов в Мыстхако.

«Конечно, ты ленив, Цуган, любишь посидеть за чужим столом, болтун, но башка твоя, оказывается, не такая уж дурная – вон что придумал!»

– Назначая! – повелительно воскликнул Тураб, и так хорошо стало у него на душе, так светло, что он подумал: «Оказывается, я и в самом деле посланец богов! Назначу в каждом селении посланца, а сам буду верховным, как у греков – священник над священниками. У тебя, Рэдэд, в каждом селении – дружина, а у меня будет посланец богов. У тебя земная власть, а у меня – небесная, которой подчиняется все под небом – и рыба в воде, и зверь в лесу, и хлеб на полях! Да и твоя власть – от богов, значит, наша власть!»

Все пошло хорошо у Тураба, а в Мыстхако и того лучше: Цуган водил его по гостинным, показывая людям, как он преклоняется перед верховным посланцем... А потом все чаще начали появляться в Касогии злосчастные Думитрий и Ислам-Хаджи. Особенно зловредным Тураб считал Думитрия, к тому же Цуган рассказал, что Темрюк, оказывается, христианин, уже многих мыстхаковцев совратил на свою дорожку, даже старца Пшимафа!

Тураб и сам знал об этом, но как пожалуешься Рэдэду, если они с Темрюком друзья, если великий князь так уважительно относится к Думитрию, подолгу разговаривает с греком, будто они закадычные друзья.

Как бы пошатнулся Тураб, стал голову терять – ссорился с Дахапсой, чуть не до драки доходило с Натаем.

«Что делать, как быть тебе, главный посланец богов, – горько размышлял он, – затеял войну с женщиной и с несчастным Натаем. Думай, думай, пока еще не поздно!»

И он придумал!

Тайком приехал в Мыстхако, тайком встретился с Цуганом. Не зажигая свечу, сидели в гостинной:

– Дорогой посланец богов Цуган, если мы будем сидеть сложа руки, отступники нас в землю втопчут!

– Но что нам делать? Говори, на то ты и главный, – требовал Цуган.

– Не суетись, все надо умно делать. Разговаривал я с богами, советовался. Следует проучить Темрюка. Уже начинаются летние дожди с грозами. Это божье соизволение. Его и надо... ну, использовать, пустить огонек Темрюку.

– Ха! – вскочил Цуган. – Ты и в самом деле настоящий главный. Мыстхаковцы подумают, что Темрюка наказали боги!

– Сядь, не шуми.

– Не беспокойся, главный посланец богов, все будет сделано так, что комар носа не подточит, – прошептал Цуган.

Дня через три над Мыстхако грянула гроза, хлынул ливень.

Цуган подумал: «Мы с Турабом, должно быть, и в самом деле посланцы богов. Вон как они нам быстренько все спроворили!». Выхватил он из очага головешку, шлепая по щиколотку в лужах, кинулся к дому Темрюка, сунул ее под стреху и быстренько вернулся домой. Переодевшись в сухое – на всякий случай, если кто зайдет, улегся в постель, будто спит.

Конечно, никто не зашел в такую погоду, и Цуган считал, что все сделано чисто, однако сосед Хабат видел его с дымящейся головешкой, и когда затушили пожар, когда стихла гроза, у дома Темрюка рассказал собравшимся об увиденном.

– Вы что, не знаете этого болтуна Хабата?! Я совсем из дома не выходил, на мне была сухая одежда.

– Пусть я – болтун, – сердился Хабат, – но глаза мои не врут! А одежду мокрую он спрятал.

Двое мужчин с Хабатом пошли в дом Цугана, но мокрой одежды не нашли. На том и порешили: Хабату просто привиделся Цуган с горящей головешкой.

Уже приближался рассвет, надо было расходиться по домам, хоть на заре подремать, успокоиться.

Разойтись разошлись, но не успокоились, вскоре чуть ли не все взбудораженные мыстхаковцы собрались у обгоревшего дома Темрюка. Начались суды-пересуды, опять истребовали Цугана, тех, кто ходил искать мокрую одежду.

И ночью, и теперь, утром, не проронивший ни слова Темрюк, наконец, не выдержав, схватил за грудки Цугана:
– Или ты скажешь нам правду, или я утоплю тебя в этой луже!

– Люди добрые! – возопил Цуган. – Неужели вы не понимаете, что не я, а бог грома наказал Темрюка за его отступничество от нашей отцовской веры! Я думаю, это лишь первое предупреждение Темрюку и всем нам, еще окажут свой гнев за наше отступничество бог ветра, бог леса и другие боги.

– Люди! – вышел на середину Хабат. – Видел я, видел Цугана с горящей головешкой. Не знаю, может, он не сам, может, исполнил волю богов?

Зашумели, загалдели мыстхаковцы. Кто со страхом, кто с радостью, а кто просто так.

Старик Пшимаф, выйдя на середину, поднял посох:

– Чего вы, как стая ворон, раскаркались! Дело серьезное, серьезно и надо его разбирать, а не галдеть. Пусть Хабат еще раз толком все расскажет, и пусть старейшие все и рассудят.

В эту минуту выехал на середину Тураб, только что прискакавший из Мазива. Спешился, подошел к Хабату:

– Ты знаешь, что бывает человеку, обманувшему людей?

– Знаю, – буркнул Хабат.

– Цуган – один из уважаемых мужей, назначенный мною по поручению наших богов посланцем в Мыстхако. Ты знаешь его?! – глядя кошачьими глазами в упор на Хабата, грозно спросил Тураб: – Ты видел, как Цуган поджег дом Темрюка?

– Ну... видел.

– Безо всяких «ну», Хабат, при всем честном мире скажи: ты видел или тебе показалось? А возможно, приснилось? Говорят, что ты можешь спать стоя, даже на ходу.

– Говорят... не знаю.

Все засмеялись. Хабат покраснел, лицо покрылось испариной. Он нерешительно переступал с ноги на ногу:

– Я тоже подумал, что снится, но ущипнул себя за нос...

Тут уж раздался хохот.

– За нос ущипнул? А может, за какое другое место?

– Может, – растерянно ответил Хабат и добавил: – Наверно, снилось или показалось.

– Вот видите, люди добрые, – воодушевился Тураб, – что делает нечистая сила, если мы отказываемся от богов – доброму, порядочному человеку, уважаемому Хабату она помutila разум. Всем нам пока только предостережение, а может быть такое, что и Солнце потухнет, и мы все погибнем. Так мне сказали боги. Пока вы здесь спорили, богохульствовали, я всю ночь молился за вас. Молился и вымолил вам прощение. И еще боги сказали, чтобы вы больше прислушивались к своему Цугану, к его добрым советам, чтобы не пускали к себе в дом разных иноверцев. Это они принесли в Мыстхако нечистую силу.

– Дайте мне сказать слово, – вышел на середину Темрюк.

– Я думаю, Темрюк, тебе лучше помолчать – так всем нам будет лучше, – сухо ответил ему Тураб и обратился к мыстхаковцам: – Хорошенько подумайте над моими словами, если хотите спокойно жить в своих домах, со своими детьми...

И вот теперь он, выехав из Мыстхако, привстал на стременах, затем, пригнувшись к гриве, слился воедино с конем и бросил его в намет.

Если бы он был, скажем, таким могучим, как Рэдэд, мудрым, как Колэс, то нынешняя его победа в Мыстхако не была бы столь важной и значимой, какой она стала для горбуна, для человека, которого в Мазиве уже почти в насмешку называли посланцем богов. Он им всем еще покажет!

У ворот Тураб отдал повод взмыленного коня Натаю, быстрыми решительными шагами вошел в дом. Дахапса, разделявшая на столе курицу, мельком взглянула на него и насмешливо спросила, будто выплеснула ему на голову ушат холодной воды:

– Ну, и чего ты добился там, куда мотался?

Он задрожал от обиды и злости:

– Не суй свой нос в мужские дела!

– Мужские дела? А может – грязные делишки? Опозорил бедного Цугана и теперь мечешься.

– О каких еще делишках ты болтаешь? – от гнева у него вздрагивал горб.

– О поджоге дома Темрюка.

– Откуда ты взяла это?!

– Слышала, когда ты шушукался с Цуганом в прошлый его приезд.

– Оказывается, ты не жена мне, а враг! – закричал Тураб, еще сильнее задрожал его горб.

Дахапса встала перед ним, подбоченившись:

– Ты обещал любить, прикинулся добреньким, а теперь кричишь, обижаешь, сам делаешь из меня врага! Ты вовсе не посланец богов, ты не добро, а зло. Я так любила тебя, надеялась, но ты меня обманул, – всхлипнула Дахапса и отвернулась.

Тураб вдруг обмяк, беспомощно опустил на стул и заговорил дрогнувшим голосом:

– Я виноват перед тобою, моя хорошая, моя красивая. Ты во всем права, кроме одного: я истинный посланец богов. Тут вот что произошло, моя умная и добрая жена: в последнее время к нам зачастили Думитрий и Ислам-Хаджи. Наши мудрецы, да и сам... только одних их и видели, а на меня стали смотреть искоса, а некоторые даже посмеиваться. Вот я и не выдержал, будто с цепи сорвался, кинулся на тех, кто ближе ко мне, на тебя и Натая. Прости меня... – он часточасто заморгал, заслезилась его глаза, стали похожими не на кошачьи, а на глаза мышонка.

Размягчилась, улыбнулась Дахапса. Ласково погладив его по голове, певуче заговорила:

– Как ты мне нравишься, когда вот так хорошо разговариваешь – красивым становишься, прямо настоящим посланцем богов. – Они сели рядышком, – Рэдэд, Чечан, Машук, покойный Даур и ты, как говорят, на ветках одного дерева выросли, были его листочками. Они все тебя любили, даже подняли по воле богов над собой, их посланцем объявили, а потом появились Думитрий с Ислам-Хаджи. Интересные, столько умного знают, и все потянулись к ним, даже Колэс и Рэдэд. А тебе... тебе недоступна их мудрость, ты остался, каким и был, вот и пропал у людей к тебе интерес.

– А где же мне было познавать заморскую премудрость? Рэдэду, Колэсу, Темрюку и Кодану хорошо, они побывали в неволе в чужих странах, увидели многое, до чего нам с тобой в нашей Касогии не дотянуться.

Дахапса всплеснула руками, удивленно воскликнула:

– Как ты, мой дорогой, хорошо сказал: неволя осчастливила их! Теперь, Турабчик, еще вот что хочу сказать, только не обижайся – я остаюсь верной своим богам... Рэдэд строит государство, править которым будет один, вот почему больше подходит ему один бог, как в заморских странах, где один царь с одним Богом. А когда богов много, трудно царю...

Дахапса еще что-то говорила, но Тураб не слушал ее, предавшись тревожным и запутанным мыслям: «Права, права эта премудрая баба, наверно, прав и Рэдэд, но что же мне делать, как от многих богов прийти к одному? Как мне, несчастному, разобраться, если сами они не могут разобраться...»

– Ты не слышишь меня, Тураб, – обиделась Дахапса. – Спрашиваю – жарить курицу?

– Мне надо повидаться с Чечаном.

– Князь послал его с Машуком в Мыстхако.

– Но я не видел их там, наверно, разминулись. Я очень хорошо поговорил с мыстхаковцами, они заняли мою сторону, а что будет с княжескими посланцами, не знаю. Зачем они поехали, чью сторону возьмут? Как ты думаешь, Дахапса, князь Рэдэд против Темрюка или с ним заодно?

– Понимаешь, Тураб, Рэдэд тянется к заморским, там у них такие селения, городами называются, какие у нас бывают только в сказках, и Богу они молятся – княгиня Рампэс рассказывала – в невиданных у нас домах – в храмах. Конечно, раз уж Рэдэд государство устраивает, значит, учиться этому будет у заморских, но княгиня Рампэс говорила, что она с сыновьями ни за что не откажется от своих богов, и до Темрюка им нет никакого дела. Так что, дорогой муж, успокойся. – Говоря это, Дахапса посолила курицу чесночной солью с кинзой. – Ты, кажется, куда-то собираешься?

– Пойду поброжу по Мазибу, поговорю с людьми: что они думают, чего хотят.

– Только не очень долго ходи, видишь, какую вкуснятину для тебя готовлю.

Когда утром из-за островерхой горы поднималась румяная заря, все ярче разгораясь в своей красоте, Тураб отворачивался от нее, либо вовсе уходил в дом – утренняя красота вызывала у него раздражение и горькую обиду, а вот вечерняя, умирающая, успокаивала его оскорбленное самолюбие. «Так тебе и надо, сейчас ты пропадешь, а я, хотя и горбатый, останусь».

Вышел он на веранду. Солнце клонилось к тихому грустному вечеру, приближаясь к ночной печали. Улыбнулся Тураб этой успокоенности и побрел по улице. Ему хотелось пройтись, ни о чем не думая. Хотелось, да не получалось. Все вроде бы обошлось с Дахапсой, но Тураб не верил ей: «После свадьбы она ничего своего не взяла в мой дом, а свою хибарку целехонькой про запас оставила. Туда, уходя на ночевку, все тащит Натай. И мед, и сыр, и мясо, и одежду... Мало ли добра мне приносят люди за мое богослужение. Знаю, если что-то недоброе случится со мной, ты первая предашь меня. Но мы еще посмотрим. В случае чего выставлю за порог – и оглянуться на успеешь».

Шел он и шел не спеша, плелись и плелись в голове разные мысли. Заглянул в кузницу. Емзеш подковывал коня Адшеса. Тураб подумал – начнут его расспрашивать о Мыстхако, но те, поздоровавшись, ничем не поинтересовались, продолжали свое дело. Пришло еще двое парней, чтобы кузнец наточил им топоры. И они ничего у Тураба не спрашивали. А ему очень хотелось узнать, что же думают мазибцы о Темрюке и о нем, посланце богов. Это важно, конечно, что говорят князь и его приближенные, но гораздо важнее, что думают все. Ведь боги существуют не для одного или другого предводителя, а для всех людей, как в лесу – не одно, пусть самое большое дерево, а все вместе только и есть лес, как все капли – море, все травинки и цветы – луг, только все вместе зерна – хлеб. Но разговора никто не начинал, тишину нарушали лишь удары молота по наковальне. «Не напрашиваться же мне самому на разговор о Мыстхако!» – сердито подумал он и покинул кузницу. На другой стороне улицы он увидел Чечана. Хотел пройти мимо – так разобидели его в кузнице.

– Тураб, а Тураб! – окликнул его Чечан. – Мы следом за тобой кинулись в Мыстхако, но так и не догнали. Прискакали уже после того, как ты задал мыстхаковцам жару.–

Чечан, спешившись, шел навстречу.– Почему ты уехал так спешно?

Распрявился Тураб, небрежно глянул на Чечана:

– А что мне там делать? Спорить с отступником Темрюком? Провалился он, чтоб ему добра не видать.– Тураб значительно раздвинул сухонькую грудь.– Темрюк очень хотел поговорить со мною, поспорить, но я быстро положил его на обе лопатки и ускакал.

– Правильно поступил, по-мужски. Когда ты уехал, там чуть не передрались, стали выламывать кольца из плетней. Миром кончилось только потому, что старый Пшимаф их утихомирил.

– А чью сторону взяли мыстхаковцы?

– Известное дело – твою. Мало ли за морем диковинного! Пусть оно там и будет, мы не повезем туда своих богов, но и им не позволим соваться в наши дела. Мне даже страшно подумать, что будет, если мы откажемся от наших великих богов. Рад, что ты дал отпор Темрюку, никому не позволил прикасаться к нашей вере!

– Ты рассказал об этом великому князю?

– Обязательно. Он похвалил тебя, сказал, что всячески поддерживает, никому не позволит сомневаться в богах, которым поклонялись отцы и деды, которые оберегают нас на нашей земле.

– О наш великий князь! – воскликнул Тураб.– Да воздадут ему сторицей великие боги!.. Я хочу навестить почтенного Колэса.

– Спасибо, я рад пригласить тебя.

Колэс встретил его сдержанно. Тураб сделал вид, что не заметил его холодности и, сев на указанное ему место, заговорил, как уважает он мудрость почтенного старца.

– Да что там я, несчастный! Я бываю всюду и знаю, как чтут тебя в Зихии, в Меотии...

Колэс помахал сухонькой рукой, мол, остановись:

– Твои бы слова, уважаемый Тураб, да богам в уши, если они им нужны... Даже самое горячее летнее солнце уже не прогревает мои кости, а вот от разума еще кое-что осталось, и я вижу, слышу холод твоего сердца...

– Извини, почтенный, у меня очень много дел, я зашел к тебе на минутку, поприветствовать! – встал Тураб, обиженно поклонился и торопливо ушел.

Два дня он мучился в ожидании – должен же позвать его Рэдэд, раз так серьезно оборачивается дело, должен, но почему-то не зовет. Тогда он, не теряя надежды, как бы случайно встретился с Коданом и Машуком. Говорили они о всякой всячине, только не о Мыстхако, не о великом князе... «Значит, Чечан все это просто наплел, но зачем?» – не дослушав разговор, Тураб поплелся по середине улицы.

С гор потянуло ветерком, и он пригнал, придавив к земле, серые дождевые тучи. Зимний дождь в этих краях часто бывает затяжным и нудным – такой моросил и сегодня, превращая чуточку примерзшую землю в слякоть. Холодную, вязкую.

Не видел Тураб дождя, не чувствовал его колючих капель, не слышал, как хлюпало под ногами, и не понял, каким образом и зачем очутился в сарае. И только когда ослица ткнулась в его руку мокрой мордой, пришел в себя – погладил ее по загривку, грустно, но все-таки улыбнулся: «Только одной тебе я еще не надоел, только одна ты не кричишь на меня, жалеешь и, может, понимаешь. Знаешь, в Мыстхако вроде бы хорошо все получилось, но если сказать честно, чтоб никто не слышал, не так и хорошо. Дело в том, что касоги сошли с ума. Если бы только одни мыстхаковцы свихнулись на христианской вере, а то ведь во многих селениях подобное творится, вот и у хакучинцев тоже... Одна надежда на приморских зихов, там твердо держатся за свою веру. Похоже, к ним, к князю Абечу и лежит моя дорога. Он с большим уважением относится ко мне... Пусть, пусть я сам выдумал себя посланцем, себя, а не богов, потому что они нас создали, а не мы их!»

Заскрипела дверь в доме. Тураб, выглянув в щель, увидел Курац: «Ну чего эту старую дуру носит повсюду!.. Такие мои дела, длинноухая, – погладив по загривку ослицу, сказал Тураб. – Наверно, Рэдэда околдовали в неволе, вот он и тянется к христианам, а что делать мне? Что делать, когда к порогу твоего дома подступила вода, а к горлу приставили нож? Но мы еще посмотрим! Я еще припомню Чечану, Машуку, Кодану и Темрюку!..» – Вышел Тураб тихонько из сарая и побрел по слякотной улице подальше от дома.

Х

Истинный предводитель не возвышается над народом, а умножает его силу: достоинство и благополучие. И уж потом народ сам возносит его над собой. Тогда и говорят – власть от бога.

Рэдэд, разумеется, знал, что он – княжеский сын, значит – князь, но никогда не думал об этом, не придавал особого значения, это жило в нем само собою, главное же, считал он, постоянно думать, заботиться о Касогии. Заботиться ревностно, исключая размышления и сомнения по этому поводу. Ему было лет пятнадцать, когда он случайно услышал, как приезжие купцы оскорбительно говорили между собой о Касогии. Он не сдержался, кинулся на них, но Колэс перехватил его: «Как ты смеешь, они же гости! Позора не оберешься!» И на чужбине: закованный в кандалы, он не переставал думать о родной стороне, хотя, разумеется, ничем не мог ей помочь. Цену людям он складывал из их отношения к Касогии, ее жителям. И Нахлеш был ему врагом вовсе не потому, что хотел захватить его княжеское положение, а потому, что ему нужна была власть над Касогией, а не она сама. И не один он зарился на княжеское место. Колэс, видя сомнения и размышления Рэдэда, как-то заметил: «Жизнь – это схватка за жизнь, ты должен это знать, и не следует смущаться, надо уметь постоять за себя, а значит, князь, и за свою Касогию, ее честь и совесть».

Так жил Рэдэд, сколько помнил себя, – и мальчишкой, и юношей, и когда уже стал взрослым. Люди видели и ценили это, а когда пришло время, поставили его впереди себя.

Чем длиннее дорога, тем больше в ней разных поворотов, спусков и подъемов, вот и путь к государственности Касогии не был простым и легким. Первое, с чего начал великий князь Рэдэд, создание войска. Не легко оно ему досталось, но он одолел все трудности. А дальше? Если есть войска, значит, есть опора для государственности, а само государство еще надо строить. Но как? У кого спросить, с кем посоветоваться? Даже самые мудрые мужи – Колэс, Гучипс, Пшимаф – не знали этого.

Сила государства не только в войске, а и в том, чем богато оно. У адыгов есть благодатные поля и луга, леса,

отары овец, табуны лошадей, но для сильного государства этого мало...

Дамир Чухо со своими рудознатоками в глубине гор, в долине реки Шхагуаша¹, в ручьях, сбегавших в нее из-под небесных высот, куда ведут потайные тропинки, нашел золотой песок. Там же нашлись и мастера, занимающиеся в стороне от людей старательским делом. Еще дальше, в самой глубине гор, обнаружилась серебряная жила, а в долине за горным хребтом, куда и охотники почти не хаживали, мастера плавил в печах железо и яркую медь.

Пока люди жили на этой удивительно щедрой земле каждый сам по себе, ее несметные клады как бы дремали, теперь же, когда адыгские племена начали объединяться в одну семью, в единое государство, эти богатства стали служить им, укрепляя их силу.

Восторженно рассказывали Рэдэду о найденных кладах. В ответ он только улыбался:

– Мудрые и добрые боги приготовили все это для нас. Воздадим же им благодарственные молитвы и будем приниматься за дело. Я решил поручить его тебе, младший брат, если ты согласишься.

– О чем ты говоришь, старший брат?! С великой радостью соглашаюсь...

– Не торопись, Шупаш, – прервал Рэдэд восторг брата. – Я вовсе не должен спрашивать у своих помощников их согласия, – достаточно моего княжеского слова, и каждый обязан следовать ему. Но тут особое дело. Нам надо много золота, серебра, меди и железа; мастера, что живут и работают сами по себе в горах, не смогут нам дать столько. Наши мужчины весной и летом заняты в хозяйстве, а зимой жиреют от безделья и сытных харчей.

– Я думаю, князь, мы договоримся с ними, да и почему бы им не подзаработать.

– Если все получится ладно, тебе придется много перевозить драгоценного груза. Боюсь, найдутся охотники поживиться золотишком, поэтому тебе нужна отдельная дружина.

Сначала парни с неохотой соглашались работать в горах: опять все та же привычка домоседства, потом мужское начало взяло верх – бивачная жизнь, плечом к плечу

¹ Ш х а г у а ш а – река Белая, впадающая в Кубань.

с другом, свобода от скучных сараев, кошар, а еще – золото и серебро они видели только в руках старших, видели как берегут его, поклоняются ему, а тут! Они старательно мыли песок, искали самородки, старались, зная, что это богатство – сила их земли. И не было громких слов – не мужское это дело. Парни чувствовали эту силу, глядя на огонь плавильных печей, на ручки расплавленной меди и железа! Об этой неистовой красоте не расскажешь словами – нет таких слов.

Старатели работали по две недели, подменяя друг друга, а Шупаш трудился беспрерывно, лишь изредка появляясь дома. Не собирался он отлучаться и сегодня. Проснувшись, зябко поежился, глянул в окно и понял, почему озяб – пришла зима. Вчера весь день моросил дождь, а сейчас вокруг белым-бело. Пришлось отправиться ему домой за теплой одеждой. Его встретил Агбан, принял повод, помог спешиться:

– Поздравляю тебя, Шупаш, с племянником! На прошлой неделе разрешилась великая княгиня Айнар. И такой у нее парнишка родился – настоящий великан.

– Спасибо, Агбан! Вот уж спасибо! За такую весть получи награду, – он протянул ему золотой самородок.

– Уй, какой большой, даже боязно...

– Мой племянник стоит большего, но ты великому князю не говори. Он строго следит!

– Может быть... не надо? – смутился Агбан.

– Надо! Обязательно надо: княжич родился! Как его назвали?

– Ждут тебя, хотят, чтобы ты его назвал.

– В таком случае я назову его Зафесом!

После радостной встречи у колыбели Шупаш ушел отдыхать. Рампэс с укором обратилась к Рэдэду:

– Ты совсем загонял Шупаша. На нем лица уже нет. Что люди скажут? Мол, пасынок он, а не сын, вот и не жалеют, не берегут. А про меня скажут – мачеха она ему, а не мать.

Рэдэд лишь развел руками:

– Зачем ты так, мать? Мало ли что болтают бездельники, ведь не закроешь каждому рот. Воины же в дружинах и парни на приисках уважают Шупаша, слушают

каждое его слово, он для них настоящий предводитель. Что касается меня, я горжусь своим младшим братом, на него можно во всем положиться.

– Да, – грустно улыбнулась Рампэс, – но кто бы этого предводителя пожалел, ласковое слово сказал...

– Вон ты о чем, мать! – усмехнулся Рэдэд.

– Об этом, об этом, сын мой, отец двух детей, муж прекрасной женщины. Позаботься и о своем младшем брате.

– Ты хочешь, чтобы я был сватом у него? – рассмеялся Рэдэд. – У нас такое вроде бы не положено, да и сказать по правде, мне как предводителю Касогии холостой Шупаш больше подходит. Он еще так молод, что успеет надеть...

– Разве твои сыновья и красавица Айнар – хомут? – рассердилась Рампэс.

– И да, и нет, – уклончиво ответил Рэдэд.

– Вот такое и «да», и «нет» сделай своему младшему брату, – рассмеялась теперь Рампэс. – Если уж на то пошло, никому не стыдно быть сватом такого молодца, как Шупаш. Ты не хуже меня знаешь, как женят. Тебе надо только слово молвить, остальное без тебя свершится, мой сын.

– Конечно, мать, свершится, только неизвестно, кто придет в нашу княжескую семью.

– На то ты и великий князь, чтобы все видеть, все знать, – продолжала Рампэс. – Скажи честно, неужели ты не присматриваешься к девушкам, не выбираешь будущую невестку?

– Разве я не сын твой, великая княгиня, чтобы быть легкомысленным. Присматриваюсь, присмотрел уже...

– Кто же она? – не вытерпела, перебив сына, княгиня Рампэс.

– Красавица из красавиц, достойная из достойных. Думаю, она и тебе понравится.

– Пожалуйста, Рэдэд, не мучь меня, назови ее имя.

– Младшая сестра зихского князя Абеча. Она была в прошлом году у нас на празднестве, мне пришлось с нею танцевать.

– Как же, как же! – обрадованно воскликнула княгиня. – Дстойная, видная собой, в то же время удивительно застенчива и робка – такие девушки не часто встречаются. Много бесстыдниц развелось... Считаю, сын мой, мы с

тобой обо всем договорились, все решили, и мне на старости лет можно успокоиться, смотреть со стороны, любоваться вами и думать: боги не обделили меня и твоего отца счастьем. Дада, Лаурстэну хорошо все видно с небес, и он радуется вместе с нами.

– Спасибо, мать. Ты говоришь, счастлива счастьем твоих детей и внуков, а я счастлив твоим счастьем. В жизни людей так много дурного, непонятного, пустого, что, может быть, для родителей счастье детей, а для детей – счастье родителей и есть то, на чем держится жизнь. Спасибо, мать, за твои слова, за то, что ты есть у меня. Спокойной ночи.

Рампэс подошла к Рэдэду, положила голову, вернее, благодарно коснулась головой его плеча и торопливо ушла.

Он любил перед сном посидеть, откинувшись на высокую спинку стула, у окна, прикрыв глаза, время от времени поглядывая туда, где не то горы поднимаются к небу, чтобы уйти в бесконечность, не то небо опускается на землю отдохнуть.

Посидеть, подумать, а то и безо всяких дум, просто забыться в этом безмолвном пространстве. Сегодня он сидел с закрытыми глазами и улыбался: «Конечно, сильное войско, крепкое государство – очень важное, большое дело, не жалко положить свою жизнь за него, но зачем оно, если ему не будет никакого дела до судьбы Шупаша, Дахапсы, Натая, мальчишки или девчонки, которые еще только завтра родятся на белый свет? Вот и получается, достопочтенный князь, государство с его законами и порядками нужно для того, чтобы каждому человеку – каждому, слышишь – было хорошо, чтобы люди уважали друг друга, любили. Слышишь, любили! Ведь если бы боги не любили нас, разве они создали бы это земное чудо!.. О боги, что за чудо моя мать, великая княгиня Рампэс! Сколько я помню себя, столько всегда удивлялся ей, ее неженскому уму, доброте. Она всех любит, отсюда и ее мудрость, как мудрость богов. Она, мне кажется, любила даже рыжего Нахлеша. Любила в нем творение бога и ненавидела его мерзкие, противные ей и богу поступки... Очень интересно, каким был мой отец, впрочем... Прожили мы эти годы с Айнар, и я вижу, как в ее характере появляется что-то от меня, а во мне – от нее. Вот так же, конечно,

лучшее отцовское живет в матери, а от нее – во мне, в Айнар, в наших мальчишках, даже в Шупаше. А Колэс? Ведь он заменил мне отца, многое подарил от своей удивительной мудрости... Государство, народ, предводитель, простой хлебопашец, пастух, босоногие мальчишки и, конечно, небо...»

Приятно ему стало, так приятно, что не хотелось подниматься и идти на кровать.

Вошел возбужденный Чечан, прямо с порога заговорил:

– Хорошо, что ты еще не разделся, а то пришлось бы одеваться.

– Что еще там стряслось? – встревожился Рэдэд.

– Ничего не стряслось, – засмеялся Чечан. – Просто приехал Думитрий с человеком, который, как он говорит, хорошо тебя знает и очень хочет повидаться с тобой.

– Как его зовут?

– Какой-то Костас, что ли.

– Может, Костас?! – взволнованно поднялся Рэдэд.

– Верно, Костас. Он хотел тут же направиться к тебе, но Думитрий растолковал ему, что у адыгов не принято менять хозяина, у которого ты остановился, это его обидит, но ты не беспокойся, сказал он ему – обязательно с князем повидаться и очень скоро. Поэтому меня и прислали за тобой.

Рэдэду и самому не терпелось. Надел бешмет, подпоясался наборным поясом:

– Тот Костас, которого я знал – высокий, худощавый, смуглый, у него ямочка на подбородке, на левой щеке маленькая родинка.

– Все точно! Только родинку не заметил.

– Когда я находился в неволе, у Панатиди, – взволновался Рэдэд, вспоминая, – Костас был моим переводчиком, он знает наш язык, любил иногда поговорить со мной, вроде бы из любопытства спрашивал о моей родине, на самом же деле согревал меня этими разговорами... Пошли, Чечан.

– Заходи, князь, заходи, – встретил его Колэс, – гости мои заждались тебя.

Рэдэд крепко пожал руку Думитрию и остановился перед Костасом, опустив блеснувшие слезой глаза. Постоял несколько мгновений и затем порывисто, со всей своей

силой обнял его. Они стояли притихшие и смущенные, слыша, как гулко бьются их сердца.

– Чего же вы стоите, садитесь, – волновался и старый Колэс.

Они сели, продолжая смотреть друг на друга, не веря своим глазам, не веря случившемуся. Рэдэд сказал:

– Я знаю, что есть такая страна – Греция, что она не так уж далеко отсюда, а все кажется, будто не со мной то было.

– Странно, – улыбнулся Костас, – у меня тоже что-то подобное. Там, когда я видел тебя на арене цирка, когда слышал, как неистовствовала публика в твою честь, думал, что ты хотя и в самом деле великий князь касогов, но все же... цирк он и есть цирк. Теперь же... Вон, какой ты! Мне кажется, если бы ты не испытал неволю, не перенес унижения и оскорбления, не смог бы быть настоящим великим князем...

– Может быть, Костас, ты и прав, ведь боевой меч сначала накаляют в огне, затем бросают в холодную воду, а потом уже точат на камне, да так, что из него сыплются искры, словно огненные слезы.

– О-о, да ты настоящий мудрец! – с удивлением воскликнул Костас.

– Жизнь всему научит, – благодарно улыбнулся Рэдэд, – на то она и жизнь... А скажи, пожалуйста, как ты стал купцом?

Костас на испытующую улыбку князя ответил своей улыбкой:

– Понимаю, князь, понимаю, я и в самом деле разбогател, как говорится, хапнул золотишка. Того самого, которое ты заработал на арене цирка.

Они оба рассмеялись.

– От доброты своей, от совести ты дал мне часть золота, заработанного тобой, и оно, как видишь, принесло мне счастье.

– Я очень рад видеть тебя, но, думаю, ты переплыл море не только для того, чтобы повидать меня.

– Конечно, на то я и купец, чтобы торговать, но, поверь мне, очень уж захотелось увидеть тебя, великого князя, пожать тебе руку, плечом прикоснуться к плечу. Ведь и

купец иногда может приподняться от грешной земли к облакам.

Они еще раз обнялись, сели, и Рэдэд по-деловому спросил:

– Что ты собираешься у нас закупать?

– Ваше золотое руно, овечьи и коровьи шкуры, но мой приятель, недавно вернувшийся из ваших краев, расстроил меня, сказал, что вы совсем не хотите их продавать, а ведь они большим спросом пользуются у нас. Почему пропали шкуры, князь, что случилось?

– Ты, Костас, знаешь лучше меня, что государственная сила во многом измеряется золотом. Особенно нужно оно стране, которая начинает становиться на ноги. Поэтому мы и занялись добычей золота, а мыть его никак нельзя без овечьих шкур, с помощью которых отлавливается золотой песочек.

– Значит, я уеду ни с чем? – не без надежды на лучшее спросил Костас.

– Не знаю, мой друг, надо поговорить с нашими людьми, спросить у Шупаша. Думаю, сумеем тебе помочь, по старой дружбе что-нибудь изыщем. А как там поживает Панатиди, на ком он теперь зарабатывает, кого показывает на аренах?

– Панатиди уже нет в живых, царство ему небесное. Ничего доброго сказать о нем не могу, а плохое о покойниках не говорят. С ним поступили так, как он поступал со многими – убили его же верные дружки. Забрали все драгоценности, все богатство, накопленное годами, и сожгли дом вместе с хозяином. Говорят, даже костей не нашли.

– По вашей вере такой человек попадает в ад, кипеть в смоле будет, а Панатиди, оказывается, так преуспел, что уже на земле его зажарили, – с усмешкой сказал Колэс. – Это ему за нашего Рэдэда досталось. Наверное, там его вместе с Нахлешем бесам отдадут.

Все сдержанно засмеялись.

Заговорил Рэдэд:

– Мы тут подумаем, может быть, сколько-то овечьих шкур тебе и продадим. А у меня тоже есть просьба. Хотим подобрать толковых парней, послать в Грецию, чтобы они там пожили, научились грамоте, прочитали нужные госу-

дарственные книги, хорошенько ознакомились с законами, с вашими порядками, потом вернулись бы домой, нам очень нужны такие люди. Дадим золотых им, сколько понадобится. Но, сами понимаете, наши парни нигде не бывали, ничего не видели, им помощь нужна, мы хорошо заплатим.

Колэс, опустив подбородок на кизилковый посох, прищурился стариковские глаза, пытливо посматривал на гостей.

– Что скажешь на это, Костас? – спросил Думитрий.

– То, что и ты: поможем, конечно, как и полагается помогать своим друзьям. Считаю, великий князь, на нашем корабле для твоих парней уже приготовлено место, а в Греции их ждут лучшие учителя.

– Спасибо! Другого ответа я и не ожидал от вас, – поблагодарил гостей Рэдэд. – Хотелось бы еще с этими парнями послать несколько наших оружейников, чтобы поучились у ваших. Нам теперь понадобится много оружия и лучшего, чем сейчас имеем.

Думитрий выслушал князя рассеянно, чуть поморщившись, проговорил:

– Да, большому войску нужно много оружия и, конечно, хорошего. Слава Богу, вы живете спокойно, никто вам не угрожает.

– Ты не совсем прав, дорогой Думитрий, – возразил Костас, – в нашем грешном мире ничего нет постоянного, сегодняшней твой друг завтра может стать недругом.

– Не знаю, не знаю, – смущенно ответил Думитрий.

– Тебя что-то беспокоит? – переглянувшись с Колэсом, спросил Рэдэд.

– Надеюсь, вы не сомневаетесь в моей дружбе? Я скорее умру, чем изменю ей, и прошу тебя, почтенный Колэс, и тебя, великий князь, в этом никогда не сомневаться, что бы ни случилось. В Греции будут рады учить ваших людей грамоте, управлению государством, торговле. Однако об оружии не станут даже говорить, потому что... Видите ли, Византия стремится сделать весь мир христианским, подчинить своему влиянию, поэтому, если вы не примете христианство, она попытается уговорить русичей покорить вас силой. И они сделают это с большой охотой во имя веры христианской, а заодно заполучат с вас хорошую дань. Но это касается властей, мы же с Костасом

сделаем для вас все, что в наших силах... Такой вот разговор, почтенный Колэс, и ты, великий князь Рэдэд. Мы знаем, что среди вас есть верующие во Христа. Говорят, их пока немного, но будет больше. Может быть...

– Ничего не может быть, – с княжеской твердостью остановил Думитрия Рэдэд.

– Не спешите, – сказал, поднимаясь, Колэс, – это большой и трудный разговор. Очень трудный, но без него, пожалуй, не обойтись.

Все встали.

– Не обойтись, – согласился Думитрий.

– А еще говорят: утро вечера мудренее. Спокойной ночи, и – до утра, – сказал Рэдэд.

Хмурым утром в начале следующей недели у князя собрались предводители всех селений Касогии.

– Живем мы с вами в очень трудное и очень интересное время, – обратился к ним Рэдэд. – Даже если рождается на свет всего лишь малое дитя, сколько вместе с ним приходит в дом разных забот, а если государство? Сколько забот и треволений связано с таким серьезным начинанием, сколько вопросов разных, на которые некому толком ответить, а без ответов ведь с места не сдвинешься. Мы с вами только-только начинаем идти по новому пути, рядом с нами находятся древние государства, у них и надо учиться умению жить большой единой семьей в мире и благополучии с другими, ближними и дальними народами. Я, с благословения старейшин, решил послать в Грецию самых толковых парней, пусть научатся грамоте, постигнут науку государственных дел, без которой нам теперь не обойтись.

Зашумели, загомонили одобрительно предводители вместе с парнями, собранными перед дальней дорогой. Рэдэд поднял руку:

– Не радуйтесь прежде времени – не на веселую прогулку посылаем вас, не для того, чтобы глазеть на заморские чудеса, а работать, работать в поте лица. Если кто-то из вас ничему не научится, пусть лучше назад не возвращается.

Опять зашумели парни: о чем речь, разве они не мужчины, разве не дети достойных отцов! Рэдэд довольно улыбнулся:

– Вовсе я не пугаю вас, хочу лишь предупредить, что будет вам нелегко. В Грецию поедут Шупаш с тремя

сопровождающими, к русичам – Темрюк, тоже с сопровождающими. Он хорошо знает русичей, их язык. А теперь слушаю вас, предводители, кого из своих парней и куда вы хотели бы послать. В Персию, в Геную? Человека по три, не больше.

Каждого, кого предлагали предводители, Рэдэд придирчиво расспрашивал, примеряя к той стране, куда посланцу предстояло ехать: чем живет, чем интересуется, что хотел бы увидеть, найти, понять. И остался доволен: неплохие ребята, можно надеяться – не подведут.

– Значит, на этом и порешим. Кодан уже все посчитал, даст вам и золота, и серебра, чтобы не бедствовали, только не очень там... деньги ведь общие. Через недельку – в путь. Увидимся на прощание.

– Меня интересует, князь, Шупаш с греками на каком языке будет разговаривать? – не без ехидства спросил Тураб.

– Известное дело – на нашем, мы не стесняемся своего языка. А ты что у дверей стоишь, проходи, садись, где тебе полагается.

– А разве греки уже стали касогами? – продолжал Тураб, будто не услышав великого князя.

Рэдэд сдержал свой гнев, спокойно ответил, не к Турабу, ко всем обратился:

– Как знаете, у нас гостят двое известных вам греков. Они наши друзья, знают язык наш. Я попросил их взять с собою Шупаша. Если вы против, пошлем кого-нибудь другого, тем более, что Шупаш сейчас очень нужен в горах на приисках.

– Чего этот Тураб выдумывает! Конечно, Шупашу надо ехать!

– Может, ты хочешь поехать в Грецию, Тураб? – усмехнулся Рэдэд, зная его неприязнь к грекам.

– Нет, – возмутился Темрюк, – он, должно быть, хочет, чтобы его хорошенько проучили! Слишком уж возомнил о себе, в Мыстхако ни с того ни с сего устроил скандал, обидел людей и ускакал.

– Это с тобою, у которого крест на лбу видится, я должен по-хорошему разговаривать? – взъярился Тураб. – И тебе, великий князь, скажу горькие слова, не могу не сказать! Я очень уважал тебя, помогал как посланец богов,

но больше терпеть не стану, – боги не велят!.. Ты посылаешь наших парней в страны, где давно отвергли, оскорбили наших богов, посылаешь их туда учиться. Чему? Мерзкому безбожию? Слушайте, люди, слушайте все! Князь Рэдэд ведет нас к гибели! Если мы послушаемся, боги уничтожат нас на земле и каленым железом будут жечь на небесах!

– Успокойся, Тураб, – сдерживая ярость, обратился к нему Рэдэд. – Они там будут учиться управлять государством, оставаясь верными нашим богам, нашей земле и нашему небу...

– Нет, нет! – неистово закричал Тураб. – Делайте, что хотите, уезжайте все, кто предаёт нашу веру! Когда очнетесь, вспомните Тураба, но будет поздно. Земля будет гореть у вас под ногами! – Разгоряченный от гнева, он выскочил из княжеского дома и зашагал по улице с таким видом, будто уничтожил целое войско врагов, но подходя к своему дому, вдруг замедлил шаг, даже приостановился – не хотел сейчас видеть Дахапсу с Натаем, боялся, что не сдержит себя, кинется на них. Он готов был растерзать Натая за то, что тот застал его с ослицей и сообщил об этом Дахапсе. «Мерзавец, ну мерзавец! Все до подробности рассказал. А сам-то, сам какой?! Ни мужчина, ни баба, ни человек! Да и Дахапса хороша, как хвалила меня за мужскую силу, всего, до пяток обцеловывала, а теперь – от тебя воняет ослицей... А от тебя кем воняет – покойниками Хакарой, Нахлешем, Шанибом да еще, может быть, десятком других? Гадкая ты женщина, тут же разнесла по всему Мазибу, а отсюда, конечно, поползет по другим селениям. Да чтоб вы все сдохли, моей ноги здесь больше не будет. Вот зихи молодцы, князь Абеч молодец! Они крепко держатся за свою веру, за своих богов, меня уважают и чтут. Ничего, я вам еще покажу!»

Тихонько, чтобы не заметили, он прошмыгнул в сарай, где в переметных суммах было собрано его нехитрое богатство, в двух узелках – немного золота и серебра, оседлал коня, вывел его, стараясь быть незамеченным, выехал из Мазиба, направился в Зихию.

– Что слышно о Турабе? – спросил Кодан у князя.

– Говорят, сбежал к зихам. Не пойму я князя Абеча, зачем он пригрел эту ядовитую змею?

– Наверно, есть какая-то выгода.

– Абечу, видно, не нравится, что мы в добрых отношениях с однобожцами. Тут в самый раз и пригодился Тураб.

– Послушай, князь, может быть, убрать его? Пожил горбун на белом свете и хватит! Я пошлю своих ребят, они быстренько его успокоят.

– Не надо, – вздохнул Рэдэд, – жаль дурака. Такой он сякой, но – кусочек моей жизни, значит, меня самого. Не пытайся объяснять, какой он мерзкий человечешко, какой грязный со своей ослицей... Пойми, Кодан, бездомную собаку – и ту жалко, а это ведь человек.

Хотел было Кодан возразить, мол, предводителю, да еще такому, никак нельзя быть жалостливым. Когда отвечаешь за самого себя, тут дело сугубо твое, а если за многих, за государство – все по-другому, уж лучше вынь свое жалостливое сердце и выбрось вон. Хотел сказать Кодан, но не решился, промолчал.

– Скоро два месяца, Кодан, как отправились наши посланцы, а от Шупаша ни слуху ни духу. Мы договаривались, чтобы он с попутными купцами передавал какие-нибудь слова о себе... Ну ладно, зайду к великой княгине.

Рампэс сидела на тахте, прислонившись к стене. Хотя в комнате было тепло, она покрыла плечи шерстяной шалью. «Старость студит человека, даже в жару ему бывает зябко».

Она дремала, когда вошел Рэдэд, открыв глаза, попыталась улыбнуться.

– Садись, сын мой... Ничего не слышно от Шупаша?

– Пока нет. Да и рано еще, они ведь поехали туда не на один месяц...

– Я не спрашиваю, на сколько они поехали, спрашиваю, что слышно от моего сына, – сдержанно прервала великая княгиня.

– Мать, я ведь просил тебя...

– Не надо меня просить. Я думала, ты сначала женишь парня, он подарит мне внука или внучку, а уж потом будешь посылать его в дальние края. Или больше нет у нас мужчин, кроме Шупаша?

– Ты ведь не знаешь, почему именно его я послал в заморскую Грецию.

– И знать не хочу, – сказала Рампэс дрогнувшим голо-
сом и начала вдруг клониться на бок.

Рэдэд подхватил ее, уложил на кровати:

– Прости, это я расстроил тебя, прости.

Отдышалась княгиня, открыла глаза, сквозь пелену
слез продолжительно посмотрела на сына:

– Прости и ты меня. Такое со мной уже не первый раз,
но мы с Айнар скрывали от тебя.

– Да как она смела!

– Я не велела ей говорить. Она – умница, она славная.
Если ты обидишь ее, не прощу этого.

– Говорят, Курац многих вылечила разными травами
и кореньями. Помню, ее бабушка славилась по всей Касо-
гии как искусная лекарша. Сегодня же схожу к ней.

– Не надо, сын мой, я уже все перепробовала и поняла
– лекарства от старости, от смерти даже у самого великого
лекаря всей земли нет и быть не может.

– Почему? – удивился Рэдэд.

– Да если бы такое лекарство было, человек стал бы
бессмертным, как бог, богом стал бы. А если так, значит,
уже не человек.

– Ну, мать! Я знал, что ты мудрая, но чтобы настолько!..
Ты права, старость и смерть – неразлучные сестры, а смерть
– старшая из них. Но разве такая уж ты старая, если не
была еще на свадьбе младшего сына и внуков?

– Да-да, старость и смерть неразлучные, родные сестры.
Когда мне снятся родители, твой отец и зовут, зовут к себе,
я слышу, что у моего порога уже стоят эти родные сестры.

– Но, мать!..

– Все в руках богов, будем лишь молиться им.

Через несколько дней в Мазиб вернулся из Греции
Шупаш со своими спутниками. Увидел их Рэдэд в окно,
когда входили во двор, поспешил навстречу:

– Что случилось, Шупаш, что с вами? Выглядите,
словно замученные невольники. Пусть твои спутники
идут домой, их ждут там, волнуются, а завтра встретимся
все, поговорим.

Шупаш действительно выглядел вконец измученным,
едва держался на ногах. Войдя в комнату Рэдэда и опу-
тившись на стул, он какое-то время молча осматривался,

будто хотел убедиться, что на самом деле дома и ему больше
ничего не грозит.

– Ты прав, старший брат, мы и есть замученные. Сна-
чала шло все хорошо. Костас и Думитрий нашли людей,
которые продали нам отличные мечи и кинжалы дамасской
стали, кольчуги и луки с колчанами стрел. Очень мы
обрадовались таким покупкам. Костас разыскал корабль,
отправлявшийся к нашему берегу, договорился с его хозя-
ином. Однако на этом нашей удаче пришел конец. Кто-то
донес властям о нашей покупке. Когда собрались грузиться
на корабль, нас схватили вооруженные люди и только боги
видели, что нам пришлось испытать. Поместили в темный
сырой подвал, ни сесть, ни лечь там не на что, еду прино-
сили такую отвратительную, что в рот ее взять невозможно.
А потом произошло неожиданное. Нас не только освобо-
дили, но и вернули золото, которое мы потратили на
покупку оружия. Все это сделал Костас, добрейшей души
человек. Переплыли мы море, купили лошадей и помчались
домой без передышки. Все нам чудилась погоня, однако
на нашей земле с нами были наши боги, не дали нас в
обиду.

– Что делать, младший брат, ты достойный мужчина,
спасибо тебе. Теперь понятно: если не примем христиан-
скую веру, Византия натравит на нас русичей, так что
надежда только на самих себя, на воинов, которых ты
обучаешь... Умойся, переоденься и зайди к матери, она,
бедная, извелась, ожидая тебя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

У каждого времени года своя особенная красота, без
которой немислимо все остальное. И у каждого человека
она своя, а вместе с тем – одна. Вот как на громадном
вековом дубе – сколько листочков на его ветвях. Каждый
из них сам по себе шумит на ветру, забавляется под солн-

цем или проливным дождем, а все вместе – единое дерево, могучий дуб.

Ранняя весна похожа на проснувшегося ребенка. Первый бугорок, с которого только-только сбежал водичкой снег. Первый робкий цветок, первый едва проклюнувшийся листок на дереве, потом другой, третий, десятый. И запела, загомонила весна-красавица. А буйство лета...

Шупаш любил недолгую пору сенокоса. Она длится обычно лишь несколько дней. Как говорили мазибцы, надо вовремя выхватить цветущие травы, не дать им перестояться, чтобы потом всю зиму, до первых весенних цветов, сено хранило аромат лета.

Луг начинался сразу у околицы Мазиба и тянулся, миновав непроходимые заросли камыша и осоки, туда, где горы держали на своих плечах небо.

Шупаш прилег на разостланную медвежью шкуру, положив седло под голову. Косили сено для лошадей войска. Косари рядами все дальше уходили в сторону гор. Женщины граблями шевелили подсыхающее сено. Тут же стояли повозки, паслись лошади и быки. В котле готовили обед. Рядом на коврике сидели Айнар и Бзабза, по лужайке бегали Дзепш и Зафес.

Теперь, когда все опасное и унижительное, что случилось с ним в Греции, осталось позади, Шупаш мысленно рассматривал все события как бы заново, стараясь постичь умом.

Увиделся ему трехэтажный каменный дом, в три ряда окна – один ряд над другим. Очень удивило это: как живут в нем люди, один у другого над головой? Зачем окна такие громадные? Потом видел он еще большие дома, улицы, высланные камнем, легонькие тележки, запряженные парой коней, на которых бесстыдно восседали на виду у всех женщины рядом с мужчинами. На телегах, верхом, пешком – ехали, скакали, шли – куда, зачем, что случилось?! А одеты, одеты как! Особенно женщины. На них всякие платья, на головах – не платки, не шапки, что-то непонятное. И золото – на пальцах, в ушах, на запястьях рук. Все очень яркое, красивое. Но почему их так много, куда спешат они? На праздник? На свадебные игрища?.. А чем только не торговали здесь под легкими навесами у стен, в больших комнатах домов! Копчености, сладости,

сыры, что-то в глиняных бутылках, в горшочках! Все незнакомое, Шупаш только догадывался, что это еда. Продавцы кричали, звали к себе, уговаривали купить. Продавали одежду, разную посуду, ковры, шелковую материю, улыбались, просили: заходите, купите, пожалуйста!.. Шупашу подумалось: может быть, это и есть небесное царство, но почему не рассказывали о нем ни Рэдэд, ни Колэс, ни Темрюк? Задал он себе этот вопрос и вскоре сам же на него ответил.

После того, как в порту напали на них вооруженные греки, разломали ящики и растащили оружие, а его со спутниками избили и бросили в темный подвал, кормили тухлой едой и поили вонючей водой, ничего не объясняя, потом благодаря Костасу выпустили, отдали золото, Шупаш, многое понял. «Нет, – сказал себе он, – не боги здесь правят, а дьяволы. И красота здесь дьявольская. Не надо ее, не хочу!» – Он так и сказал Рэдэду. Тот лишь грустно улыбнулся:

– Правильно, что не хочешь. Боги создали землю, поселили людей, каждому народу определив место. Одни стали горцами, другие – степняками, третьи – лесными жителями, и у каждого свой характер, свой нор. У каждого свое горе и свои радости. Хотя слезы у всех людей одинаково соленые, они у каждого свои. Мы возьмем у греков, римлян, персов и других народов то, что нам нравится, что поможет нам стать сильнее и мудрее, чище, а остального, как говорится, не пустим на порог. Я очень рад, Шупаш, что мы с тобою одинаково думаем.

– Не только думаем, а и дышим, потому что живем под одной крышей, у одной нашей мудрой матери.

Хорошо ему было лежать на лугу, смотреть в небо, где кружил орел, а в кустах над речкой заливался трелью соловей, стлался от костра над травой душистый дымок...

– Я тебе что сказал! Прыгай! – это Дзепш требовал, чтобы Зафес перепрыгнул через хворостину.

– Не буду прыгать! – взвизгнул Зафес.

– Парни, что вы там скандалите, не надо ссориться, – приподнявшись на локте, попросил Шупаш.

– Я буду ссориться, потому что младший брат не слушается старшего. Отец сказал – мы должны расти сильными, а Зафес не хочет прыгать через хворостину, он слабак.

– Не надо плакать, Зафес, Дзепш не будет больше на тебя кричать, успокойся.

– Нет, буду! – не отступался Дзепш.

– Не будешь, я, старший, велю тебе, – строго сказал Шупаш.

– Ну если ты сказал, не буду, – с неудовольствием промямлил Дзепш. – Ты обещал сделать мне дудку, Шупаш.

– Я сделал две, возьмите.

Мальчишки, насвистывая в дудки, приплясывая, забыли о споре.

«Отец сказал, чтобы мы росли сильными», – повторил слова Дзепша Шупаш и вспомнил пословицу, услышанную от Колэса: «Большая сила – хорошо, а тонкий ум – лучше». И еще старик добавил: «У Рэдэда есть и то, и другое – это у него от отца, от всего старинного княжеского рода и от бога». Шупаш подумал: «Эти – еще совсем мальчишечки, а княжеская порода в них уже видна, так и светится, а кто я, чья кровь в моих жилах? Подкидыш». Сказал он об этом как-то Рэдэду, и тот очень обиделся: «Чтоб я больше никогда не слышал от тебя этой глупости: ты – мой брат, ты – моя правая рука, второе лезвие моего кинжала, великая княгиня – твоя мать. Это наша с нею воля».

Три дня назад Рэдэд уехал в сторону Меотского моря, к берегам Тэна¹, где живут русичи. Если хочешь жить спокойно, подружись с соседями. Вот князь и поехал. Тем более надо было ехать после того, что случилось в Греции с Шупашем, после разговоров с Думитрием и Костасом о Византии. Он хотел отправиться с одной дружиной, но Кодан и Машук настояли, чтобы взял и вторую. Дорога дальняя, да еще к русичам. Мало ли кто может встретиться в чужедальнем краю.

Подумал об этом Шупаш, и встревожилось его сердце: «Где мои племянники?»

– Мальши, где вы? Идите сюда, не ходите в камыши!

– Я уже не малыш, так говорил отец, – обиделся Дзепш.

– И я не малыш! – пропищал Зафес.

– Сказано, не ходите в камыши! – рассердился Шупаш.

– Ничего, пускай побалуется, – пробасил Агбан, показавшись из камышей.

– Ладно, ладно, – застыдился Шупаш. – Спасибо, Агбан.

¹ Т э н – адыгское название реки Дон.

– Дело делают не за спасибо, а за совесть.

– Все равно – спасибо. – «Вот уж верный человек, недаром Кодан сказал о нем: «Если понадобится его помощь, он из могилы поднимется»».

Лег на спину Шупаш, положив голову на седло, пропахшее лошадиным потом, дальними дорогами...

Когда он едва живой вернулся из Греции и хотел заняться своей работой на приисках, великая княгиня сказала твердое «нет».

– Мальчик сначала должен поправиться, отдышаться от трудной поездки, а потом будет видно.

Шупаш с месяц изнывал от безделья.

– Младший брат, как ты видишь, наша мать, великая княгиня Рампэс, не молодеет, а стареет, дай ей бог еще много лет доброй жизни, но... как говорят, старость – не радость. И чем ближе к началу новой, небесной жизни, тем меньше у человека остается заветных дел на земле. Вот и у нашей матери осталось два самых важных для нее дела, для спокойствия души... Сколько раз она намекала нам с тобой и прямо говорила, что хочет увидеться с Кансавом. Тут главный виновник я – закружился, завертелся в суете и теперь каюсь. И еще, милая наша матушка сказала: не может покинуть этот свет, пока не побывает на твоей свадьбе, не помянчит твоего наследника.

Шупаш вздохнул, покачал головой, покаянно произнес:

– Виноват, но меня, как и моего старшего брата, закружила суета.

Они оба горько рассмеялись.

– Правда, есть у меня хоть и маленькое, но все же оправдание: не нашлась еще красавица, по которой тосковало бы мое сердце, – оправдывался Шупаш.

– Я думаю, ты лукавишь, младший брат. Помнишь, из Зихии приезжала девушка? И мне даже пришлось танцевать с ней... забыл, как ее зовут.

– Мазаго, – застенчиво, отвернувшись, подсказал Шупаш.

Рэдэд усмехнулся:

– До чего же ты лукав, мой милый брат!

– Во дворе этой красавицы, говорят, трава не растет, женихи выгаптывают. Парни все достойные, именитых

родителей, а я кто? Какого роду-племени? На перекрестке неизвестных дорог подобрали огольца какого-то...

– Перестань, Шупаш! – прикрикнул Рэдэд. – Если сам себя будешь унижать, то другим – одно удовольствие потоптаться по тебе.

– При чем тут я, если все говорят обо мне: это тот, что живет в княжеском доме?

– Хватит! – резко поднялся Рэдэд.

Подхватился и Шупаш.

– Если еще раз услышу от тебя такое, побью, как вчера Дзешш учил уму-разуму младшего брата, хворостиной... – Засмеялись братья, Рэдэд продолжил: – Не знаю, на каком перекрестке и каких дорог тебя нашли, кто твои родители, именитые люди или простые крестьяне, зато хорошо знаю, что ты человек доброго сердца, честный и преданный мне брат. Не маши, слушай, что говорю, ведь я выслушал твою глупость. У тебя хороший, светлый ум, ты отличный, неустанный работник, и не вздумай матери говорить такие слова. Великая княгиня считает тебя родным сыном, сердцем считает, а не досужим и лукавым разумом. Завтра же с Чечаном и Адшесом отправляйтесь к Мазаго, в Зихию.

Орел все кружил и кружил в поднебесье. Шупашу казалось, он тоже кружит, кружит в вышине, рассматривает то, что уже ушло. Ушло, но еще не совсем.

Князь Абеч так холодно принял гостей, что всем хоть поворачивай и уходи, но Чечан взглядом дал понять Шупашу и Адшесу: надо твердо стоять на своем. Они сделали вид, будто ничего худого не заметили и очень рады встрече с князем. Поудобнее усевшись, Чечан сообщил князю Абечу, зачем они пожаловали, говорил таким тоном, будто явился осчастливить его сестру, девушку на выданье.

Нахмурил клочковатые, с рыжинкой брови князь, пожевал большими губами:

– Видели порог моего дома? Он весь истоптан женихами, не успеваем менять его. И все княжичи, один именитее другого. Ты правильно заметил – она моя, князя Абеча, младшая сестра. Сказать честно, не тороплюсь расставаться с нею, нашей любимицей.

– Мы поняли тебя, князь Абеч, но хотелось бы, чтоб и ты понял нас: мы выполняем волю великого князя Рэдэда. Великого князя Касогии.

– Да, да, предводителя всей нашей страны... Когда князь Рэдэд позвал нас объединиться в одну семью, зихи согласились. Но это не значит, что мы будем у великого князя на побегушках. Я тоже родился князем. Слышишь, Чечан, князем! – Он помолчал, приглаживая усы, раздумчиво покачал головой: – Если вы обидитесь на слова, какие я сейчас скажу, то зря – на правду нельзя обижаться, даже если она очень горькая. Один касог, попав в неволю, изменил своим богам, вернулся домой однобожцем, и заморские гости стали для него самыми дорогими. Ну а мы, зихи, останемся навсегда верными своим древним богам.

– Когда ты, князь Абеч, говорил о князьях, думаю, и в мой огород бросал камешки, – заговорил Шупаш. Он умел даже в самые трудные минуты держать себя в руках, быть спокойным, а то и улыбчивым. – Знают одни лишь боги, кто меня оставил на перекрестке дорог, кто мои родители, может, крестьянского, а может, княжеского рода. Ты знаешь, все в этом мире творится по их воле, значит, по их воле и я попал в княжеский дом, стал младшим братом великого князя Рэдэда. А что касается касогов... Конечно, в твоих словах о Темрюке есть какая-то правда. Но только о Темрюке. Мы же с великим князем, как и все касоги, были и останемся верны только своим богам, только им одним и поклоняемся...

– Неправда, Шупаш! – словно грозное привидение, возник в дверях Тураб. – Ты, появившийся неизвестно откуда, первым начал выступать вроде бы против меня, посланца богов, на самом же деле – против всех богов. Ты начал мутить воду, а Чечана сбил с толку Колэс, да и как иначе, если для старика дорогим гостем, лучшим другом стал грек Думитрий. И не только Колэс – князь Рэдэд с великим почтением относится к Костасу, к тому же христианскому проповеднику Думитрию...

– Хватит, Тураб! Сначала ты б поздоровался с теми, с кем вырос, с кем хлеб ел, – гневно прервал Чечан.

– Не только приветствовать, разговаривать не желаю с теми, кто насмеялся надо мною, оскорблял божьего посланца. Не мешало бы помнить вам народную мудрость: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Учтите, ваши слезы еще впереди! – почти взвизгнул от злобы Тураб.

Чечан терпеливо выслушал горбуна, а когда тот умолк, с усмешкой заметил:

– Не надейся, Тураб, что тебя здесь будут возвышать до небес, зихи скоро поймут, какой ты на самом деле. Кстати, Дахапса рассказывала, как ты ей похвалялся тем, что обдурил мазибцев, выдумав себя посланцем богов, как ты в сарае...

– Замолчи! – побледнев, заорал Тураб. – Эта потаскушка получит сполна за свое вранье – железо раскаленное будет лизать на том свете, гореть в огне! И Темрюк, и Натай тоже!.. – в ярости сжимая кулаки, крупной дрожью бился Тураб.

– Успокойся, не то может удар с тобой случиться, пожалей лучше себя, – сжалился над горбуном Чечан и обратился к Абечу: – Позволь нам, князь, заняться тем, для чего мы приехали.

Поднялся Абеч, недовольно поморщился, сквозь зубы процедил:

– Раз уж настаиваете, идите, гости дорогие, но, думаю, только вы закроете за собою дверь, явившись к невесте, тут же откроете ее, чтобы уйти... А на прощанье скажу: не учите нас жить, сначала научитесь сами. И не смейте оскорблять нашего большого друга, посланца богов, уважаемого зихами Тураба. Мы построили ему хороший дом, помогли перевезти все имущество из Мазиба.

– Ослицу тоже забрали? – усмехнулся Адшес. Едва сдержавшись, тихо засмеялись Шупаш и Чечан.

Абеч, не понимая, к чему это сказано, нахмурился и промолчал, а потом, когда они вышли, нервно зашагал по комнате. Ему было не по себе, что гости так долго находились у Мазаго...

Лежал Шупаш на лугу с закрытыми глазами, и все виделась ему Мазаго. Она стояла у окна, освещенная солнцем, а казалось, что светилась сама. Она шаловливо разговаривала с гостями, но он как будто не понимал ее слов, да и не хотел понимать, только слушал, как музыку. А еще казалось, что она видела только его и разговаривала только с ним. Так подсказывало ему сердце, гулко стучавшее в груди. Но почему... Приходилось не однажды бывать Шупашу на девичьих посиделках, на празднествах. Случалось, любовался красавицами, но такого, как с ней,

никогда не испытывал. Это чувство вдруг сменилось тревогой: ведь Абеч – тайный враг Рэдэда, знает ли об этом она, как ей быть, на что она решится?..

Но что за шум, куда со всех ног помчался Агбан?

Медведь! Косолапый тяжелыми прыжками приближался к малышам. Стрела Агбана настигла его. Медведь качнулся, со стрелой в боку остервенело бросился на Агбана и пал под ударом его меча.

Все это длилось так недолго, что Шупаш едва успел кинуться к малышам, которые с восторгом наблюдали за происходящим. Вскоре прибежали женщины и мужчины, прискакал и мыстхаковский пастух Хабат. Спешившись, он положил руку на плечо Агбана:

– Какой же ты храбрый!

– При чем тут – храбрый! – удивился Агбан. – Сделал то, что должен был сделать каждый мужчина.

– Посмотрите, какой медведище, – продолжал удивляться Хабат, – он ведь держал в страхе все селение!

– Должно быть, вы обидели зверя, вот он и шалил, пугал вас, – вытирая пучком травы окровавленный меч, спокойно пояснил Агбан.

– Ты прав, наши охотники в прошлом году убили медведицу.

– Бессовестные они, им следовало всыпать за это.

Дзепш подошел к бурому медведю, пнул его ногой, мол, видите, какой я храбрый.

– Спасибо, Агбан, ты спас наших мальчишек. Княжеская семья никогда не забудет твоего отважного поступка, – обняв Агбана, с чувством произнес Шупаш.

– Да ладно вам, даже обидно слышать, – улыбнулся Агбан. – Это уже второго я подвалил. Не споткнуться бы на третьем.

Прибежала Айнар. Схватила мальчишек в охапку:

– Домой, Шупаш, скорей отвези их домой! Спасибо тебе, Агбан! – растроганная, едва сдерживая слезы, благодарила она.

– Успокойся, великая княгиня, все уже позади.

Женщины расселись по телегам. Напуганные медведем, они требовали, чтобы мужчины сопровождали их.

Левый берег Пшады в этом месте возвышался каменной стеной, за которой начинался новый подъем. К самому

верху, на широкую благодатную поляну, вела узкая тропинка. Она петляла то между буков и пихт, то среди кустов терна и держидерева, иногда пропадала вовсе. Взойти по ней мог только знающий эти места человек. Когда нападали хазары или ясоаланы, скрывались от них, убегая по этой тропинке. Прятались, пережидая лихое время, жители не только Мазиба, но и Лиготха, Шисхариса и других селений. Всем хватало места, хватало орехов, дикой черешни, каштанов, яблок и груш, а также разной съедобной зелени.

Где-то в этих местах на перекрестке тропинок, неподалеку от Пшады и Шахэ отбили его Рэдэд и Чечан у хазара-разбойника. Понятно, мальчонка Шупаш не мог запомнить, где этот перекресток, у какого он берега, но когда попадал сюда, сердце его волновалось, словно нашептывая: «Здесь тебя нашли, здесь ты, можно сказать, второй раз родился на белый свет». Смутно помнил Шупаш свою мать, но каждый раз, когда бывал в этих местах, казалось, ощущал ее тепло, слышал биение ее сердца. И радовался, словно встретился с ней.

– Это место называют крепостью, – сказал Агбан, – ее создало для нас небо.

– Боги создали. А ты говоришь – небо, – Шупаш, испытующе глядел на Агбана.

– Да, небо, – опять уверенно подтвердил Агбан.

– Точно так говорит и Темрюк, – Шупаш придержал коня, не хотел, чтобы их разговор слышали женщины.

– Не только Темрюк, но и Думитрий, Костас, все греки... Вы все заняты большими делами, вам некогда побыть наедине с собой, подумать, а я целыми днями один и один, думай, сколько хочешь, хоть сто раз об одном и том же... Вот мы говорим – боги создали горы, реки, леса, каждый бог создавал свое сам по себе, как ему хотелось. Но все существует вместе, как целое. Не может лес существовать без ветра, без дождя; медведи, птица разная – без леса. А человек? Как его могли создать все боги? Я уже мозги свои измозлил – думаю, греки, наверное, правы – один Великий Бог все создал разумно и красиво.

– Я тоже стал задумываться, и что хочу сказать: горбун все пугает нас, мол, если примем веру греков, откажемся от своих богов, то они нас жестоко накажут. Но почему они не наказывают Темрюка и его друзей, почему греков

не наказали, они ведь когда-то тоже поклонялись, как и мы, многим богам...

– Посмотри, Шупаш! Бараний бой!

– Вижу. Глянь, как малыш гоняет большого, вот молодец! Э-э! А теперь задрались парни, хозяева баранов. Трое напали на Адшеса!

Бросив коня в галоп, Шупаш подскочил к дерущимся, мигом спешился и с ходу сбил с ног нападавшего на Адшеса, потом и другого, а третий бросился наутек.

Сбитый Зирар сидел на траве и тряс головой:

– Что же вы вдвоем напали на одного меня? Храбрецы называется.

– Неправда, – засмеялся Шупаш, – я один вас двоих уложил, а вы втроем напали на Адшеса. Убирайся с глаз моих. Ну! А ты, Адшес?! Семейный человек и связался...

Адшес стоял с опущенными глазами:

– Нехорошо, конечно, но Зирар допек меня, хвастался своим бараном, да и три ягненка...

– Что – три ягненка?

– Чей баран победит, тому три ягненка.

– А чего ради вы вдруг задрались? Что, твой баран проигрывал?

– Я дал его барану пинка, ну и...

– Нехорошо поступил, но ты – ровесник старшего брата Зирара, как он посмел поднять на тебя руку?

– Очень зол на меня за то, что я был дружкой Чечана, и мы увели у него из-под носа Бзабзу, а теперь вот Мазаго...

– Что Мазаго? – удивился Шупаш.

– То, что Зирар имел на нее виды, а я с тобой...

Шупаш рассмеялся:

– Значит, ты пострадал из-за меня? Что же, я теперь у тебя в долгу, а если говорить всерьез, есть тут еще и другое. Рэдэд как-то сказал: нам невмоготу долго жить мирно, у нас начинают чесаться кулаки, вот и ищем повод, чтобы затеять какую-нибудь потасовку, показать свою силушку. Думаю, как и предположил Рэдэд, Тураб постарается столкнуть нас лбами с зихами, тем более, что князь их Абеч, как нетерпеливый скакун, уже бьет землю... Рэдэд создал войско, чтобы мы могли защищаться от врагов, жить спокойно, а мы тут затеваем бараньи бои и сами уподобляемся баранам. Какой все же трудный и долгий путь ведет к благополучию...

II

С раннего утра день разгорался яркой зарей и потом выдался нестерпимо жарким – ни ветерка, ни дуновения, только немилосердно палящее солнце. Больше всего доставалось мохнатым волкодавам. Даже в тени под сапетками, высунув языки, они задыхались. На солнцепеке земля была такой горячей, что босым мальчишкам не устоять на месте, и они прыгали, как ягнята. На деревьях, привыкших к горной прохладе, привяли листья, приникли к земле травы на лугу. Изнемогая от зноя, поникли посевы проса и кукурузы. Выгоревшее, бледное небо уныло висело над землей. Только быстрая речушка, сбегавшая со снежных вершин, была прохладной и беззаботно веселой.

Князь Рэдэд с полусотней всадников возвращался домой. Грудастый конь под ним хоть и шел вальжгой легкой рысью, был в мыле и тяжело всхрапывал.

Вытирая платком соленый пот с разгоряченного лица, Рэдэд подумал: «Если постоит еще несколько дней такая жара, останемся мы без урожая».

У ворот князя встретил Агбан и сказал:

– Хорошо, что ты приехал, князь. В эту жарницу занемогла великая княгиня, правда, сейчас ей получше. Спасибо Колэсу, пришел проведать ее.

– Как ты себя чувствуешь? – скрывая беспокойство, спросил Рэдэд, подходя к матери. – А как наш старейшина переносит жару? – обернулся он к Колэсу.

– Не спрашивай, пожелай лучше доброго дня. В мои-то годы... Чем больше тебе лет, тем меньше здоровья.

– О, почтенный, судя по свежести твоего лица, по блеску глаз, не скажешь, что тебе много лет, скорее, скажешь – у тебя их еще много впереди.

– У старого дерева, хотя весенние листья и бывают свежие, внутри-то, охо-хо, пустота. Так я говорю, великая княгиня? – улыбнувшись, спросил Колэс.

– Ты прав, почтенный, старческая пустота... говорят, сердце не стареет. Это говорят молодые, они не знают, что такое старость, что такое усталое, большое старостью сердце, особенно в такую адскую жару. А тут еще тебя нет и нет, измаялась вся, – с ласковой улыбкой глядя на сына, сказала княгиня. – Я так рада, что ты приехал.

– Если ты, великая княгиня, будешь тревожиться каждый раз, когда я уезжаю по делам, а я почти каждый день уезжаю, то надолго твоего сердца не хватит, а оно мне и всем нам очень дорого, – с легким сыновним упреком произнес Рэдэд.

Княгиня оживилась, порозовели ее бледные щеки, в глазах загорелись искорки благодарной улыбки:

– Иногда говорят так: когда сын уезжает из дома, он матери оставляет все заботы и невзгоды, а жене – свои радости.

Все трое засмеялись. Колэс, опираясь на посох, покаряхывая, поднялся:

– Вижу, княгиня, все у нас с тобой обернулось добром и покоем, так что пойду я домой.

– Куда ты торопишься, Колэс, какие у тебя дома дела? Посиди немного, князь еще ничего нам с тобою не рассказал, где он был, что делал, чем земля наша полнится. Посиди.

– Спасибо тебе, княгиня, спасибо, однако пойду. Пусть князь отдохнет с дороги, а с новостями еще успеется. Уж если они есть, если свершились, то никуда от нас не уйдут.

Проводил князь Колэса до калитки и только поднялся на веранду, услышал конский топот – Шупаш появился. Легко спрыгнул с седла, будто спорхнул, взошел на веранду, с радостью обнял старшего брата.

– Ты что такой веселый, что за радость у тебя такая – удивленно спросил Рэдэд.

– А почему бы и нет?! Я в двух дружинах побывал и очень порадовался – настоящие воины растут! Сначала парням не нравилось жить в казарме: уж слишком дисциплина строгая, а прошло время – и они поняли, что в дружине становятся настоящими мужчинами, воинами. Дома ведь как – все время на побегушках у матерей или старших сестер: то наруби дров, то принеси воды, то накорми поросят.

– Но и в дружине им приходится заниматься дровами, а еще и сеном, – с улыбкой возразил Рэдэд.

– Но это совсем другое дело! Здесь главное для них не дрова, а умение владеть мечом, кинжалом, научиться стрелять из лука. Жить плечо к плечу с товарищем по дружине, по оружию – это здорово! И они поняли... Ты

посмотрел бы, Рэдэд, как гордо они ходят по селу, как разговаривают с девушками! Что ты! Воины, а не какие-то свойские парни. Да и девчонки на них уже смотрят с восхищением.

– Спасибо, младший брат. Это добрая весть... Пойди, проведай мать, поговори с нею, а я загляну к малышам.

В прохладной комнате братья возились на полу с медвежьей шкурой. Дзепш подтаскивал ее к кровати младшего брата Зафеса:

– Пусть она лежит у тебя. Когда утром будешь спускаться с постельки, твоим ножкам будет тепло.

– Не надо, не хочу! Тебе дал ее дядя, пусть она у тебя и лежит, – обидчиво надув пухленькие губки, возражал Зафес.

– Глупый ты, просто дядя не знал, как тебя зовут, потому и назвал меня.

– Не надо, не надо! – на глазах у малыша навернулись слезы. – Не хочу! Убери ее от меня!

– Эта шкура нам на двоих, а я – старший, хочу уважить тебя.

– Не надо. Когда я вырасту, убью самого большого медведя и шкуру подарю маме!

Айнар, сидя у окна, вязала мальчишкам носочки:

– Мальчики, вы же родные братья, не должны ссориться. Если не будете жить мирно между собою, вас будут обижать другие. Тебе, Зафес, я хочу сказать спасибо за самого большого медведя, которого ты убьешь и шкуру мне подаришь. Ты добрый мальчик, это очень хорошо, но Дзепш – твой старший брат, и ты должен его слушаться. Это обязательно – каждый младший должен слушаться старшего. Спроси у отца, он скажет тебе то же самое. И пожалуйста, не хмурься.

– Да-да, нужно обязательно слушаться старшего и не хмуриться на маму – это уже совсем плохо, – отечески дружелюбно и даже весело сказал Рэдэд. Он стоял у открытой двери, слушал этот семейный разговор и теперь, подняв до самого потолка Зафеса, спросил: – Ты понял, княжич Зафес? Ну?!

– Понял, – продолжая хмуриться, ответил Зафес. Отец стал щекотать его, и он расхохотался. – Я всех вас люблю!

– Я – тоже! – взвизгнул Дзепш. – Пока ты был в отъезде, отец, я делал все, чтобы в доме было хорошо.

– Молодец, спасибо, – Рэдэд погладил по головке Дзепша, – а теперь идите погуляйте. – И он обнял Айнара, поцеловал в щеку: – Ну и жара, сколько живу, не припомню такой.

– У великой княгини был приступ, даже сознание теряла. Я очень испугалась. Надо что-то делать, надо поискать хорошего лекаря.

– Шупаш уже занялся этим. Говорили, где-то в Меотии есть древняя старуха, которая лечит травами, к ней-то Шупаш и должен съездить. Однако решил сначала поговорить с Дахапсой, она ведь тоже лечит травами.

Солнце, хотя и палило по-прежнему, но уже клонилось к закату. Когда Шупаш вышел из дома, ему показалось, что он услышал запах дождя. И действительно, со стороны ущелья наплывала дымчатая серая туча. «Слава и благодарственный поклон вам, боги, а то ведь мы можем без урожая остаться. Пошлите, пошлите нам дождичка, о вседобрые боги. Только бы не повернула туча в сторону от нас».

– Дахапса, что это ты в такую жару надрываешься? – спросил он, увидев ее с охапкой накошенной травы. – А чем занят Натай?

– Е-о-ой, какой важный гость к нам пожаловал! Пройди, пожалуйста! А что касается Натая – у него своих дел по горло.

– Какие у него дела?

– Когда меня здесь, в родном доме, не было, он на Тураба день и ночь работал, все угождал, а теперь... Ты, конечно, по делу пришел? – поведя красивыми глазами, спросила Дахапса.

– В эту жарницу великой княгине занеможилось... Сердце разболелось, а я слышал о старухе из Меотии, которая лечит травами, не знаешь ли ты ее?

– Она еще в прошлом году померла. Да зачем тебе та старуха, если в лечебных травах я не хуже ее разбираюсь? Моя покойная бабушка много разных секретов знала, самого князя Лаурстэна лечила. Уж я постараюсь для нашей великой княгини. Пойдем-ка сюда, под навес. Видишь, сколько всякого добра у меня здесь поразвешено, сколько дозревает, лечебную силу набирает. Мы ходим по

золоту, да не знаем, что оно под ногами. Посмотри на эту серенькую травку!

– Так она же по дорогам растёт, сорняк какой-то, – пожал плечами Шупаш.

– Я и говорю – по золоту ходим... Вот этот пучок надо залить тремя кружками кипятка, настоять два дня, а потом пить перед едой. А это – глэд, барыней еще называют.

– Так им же мальчишки балуются, на колючих кустах эти ягоды растут, сладенькие.

– Княгиня, должно быть, любит взвар из груш и яблок. В тот взвар надо побольше добавлять этих ягодок. Я сама отнесу Айнар и расскажу ей, как и что делать. Вылечу великую княгиню Рампэс, не сомневайся. А ты, Шупаш, как живешь, какой болезнью болеешь? – лукаво подмигнула Дахапса.

– Боги милуют меня, не жалуясь на здоровье, – пожал плечами Шупаш.

– Ой ли! Такой мужчина, такой красавец пропадает! Курац говорила, что великая княгиня уже подумывает о твоей женитьбе, к невестам присматривается.

Шупаш застенчиво опустил голову, усмехнулся:

– Говорят, даже самая красивая жена – это все-таки узда, так что не буду торопиться.

– Если жена – узда, то муж – лихой наездник! Пора, пора тебе в седло! Вон сколько красавиц в Мазибе, вон сколько цветов расцвело. Ой, смотри, как бы они не увяли, пока ты будешь раздумывать.

– Эти завянут, другие расцветут! – озорно ответил Шупаш и, подмигнув Дахапсе, спросил: – Кого же ты мне прочишь уздой?

– В княгини? Ну, кого же... Первая красавица в нынешнем Мазибе – Лашин.

– Да ты что, Дахапса? – шутливо воскликнул Шупаш. – Она уже старуха.

– Какая старуха? Бзабза моложе Чечана на десять лет, а Лашин – на три года моложе Бзабзы. Цветочек да и только! А какая рукодельница, первая златошвея!

– Шупаш, чего ты застрял во дворе, заходи в дом, – позвал с крыльца Натай, – хватит с Дахапсой лясы точить! Она кого хочешь заморочит разными разговорами, прибаутками.

– При чем тут разговоры-прибаутки; Шупаш удивляется, как же Натаю не стыдно – плетень вот-вот упадет, овчарню давно пора подремонтировать, а он бездельничает, будто по-прежнему спину гнет на Тураба.

– Ничего, Дахапса, это дело пустяковое, раз-два – и все поправлю. Но теперь я решил заниматься серьезными делами. Пока якшался с горбуном, многому у него научился. Вот поглядите – все погибает в поле и на лугу, потому что давно не было дождя – бог Солнца разгневался на нас и палит немилосердно. Я помолился богу дождя, попросил его, и он сказал, что скоро заглянет к нам. Может быть, даже сегодня.

– Перестань болтать, пустомеля! – сердито прикрикнула на него Дахапса.

– Неправда, моя дорогая, ты сама называла меня молчуном. Говорю я мало, но уж если сказал слово – оно верное. Назначили бы меня посланцем богов, я все бы делал получше горбуна.

– Но его никто не назначал, он сам себя объявил посланцем, – сказал Шупаш.

– Так это же здорово! – воскликнул Натай. – Значит, я тоже могу сам объявить себя!

– Он просто самозванец, – заметил Шупаш.

– Подожди-ка, Шупаш, – сощурился Натай, – Темрюк Тураба тоже назвал самозванцем, потому что не признает наших богов. Ты что, тоже не признаешь? – уже откровенно возмутился Натай.

– Я ведь не о богах говорю, Натай, – возразил Шупаш. – В Мазибе нет ни одного человека, который не молился бы нашим богам. Я говорю о Турабе, как о самозванце. Если бы он был уродлив только горбом. Но ведь Тураб ненавидит всех нас из-за своего горба, дико завистлив. А старики говорят: завистливый человек – тайный враг каждого из нас. Что же касается Темрюка, пусть боги его рассудят. Это хорошо, что таких людей у нас совсем мало.

– Верно, верно, Шупаш. А тебе, Натай, не надо соваться в эти дела. Ты добрый и мирный человек, ходи по земле, а небеса не для тебя. Поднимешься высоко – не удержишься вдруг и шмякнешься о землю. Хорошо, что развязался с горбуном. Спасибо тебе, Шупаш, за твои мудрые слова. Узнаю в тебе мудрость великой княгини, которой она и

тебя, и Рэдэда, а теперь и Айнар одаривает. Я обязательно помогу Рампэс травками.

– Спасибо и тебе от всех нас, я побегу, пока дождь не начался, – заторопился Шупаш.

– Какой еще дождь?! Смеешься ты, что ли? – удивленно воскликнула Дахапса.

– А ты оглянись, посмотри, что там над лесом. И на Натая погляди, – засмеялся Шупаш и заспешил к калитке.

– Подожди, еще слово хочу тебе сказать, – остановила его Дахапса. – Говорят, ты заглядываешься на девушку из Зихии? Зря. Там у тебя ничего не выйдет.

– Почему? – удивился Шупаш.

– Наши люди, ездившие на похороны брата Усас, сообщили, что твой горбатый недруг подружился с князем Абечем, так что, думаю, тебе лучше туда не показываться. Тураб ездит с Абечем по селениям и настраивает зихов против нас, теперь они отправили своих посланцев к хакучинцам. Правда, Дамир Чухо чуть ли не дубиной выпроводил их из Хакучии. Говорят, гнали до самого конца хакучинской земли... И еще – скажу как женщина: краше, лучше нашей Лашин ты не найдешь, попомни мое слово.

«Задурил, значит, голову горбун и Абечу, теперь не просто с ним справиться. Надо было Рэдэду послушаться совета Кодана, свернуть башку Турабу. Ну ничего, теперь у нас есть войско, наши руки стали длиннее, достанем на краю света».

Ночью кто-то постучал в окно. «Кто бы это мог быть и зачем?» – подумал Цуган, не поднимаясь с постели. Но снова настойчивый стук, теперь в дверь. Поднялся, выглянул в окно – никого. Подошел к двери, настороженно спросил:

– Кто там?

– Это я, Тураб, – послышался голос. – Или ты не мужчина, что закрываешься на засов!

– А разве мужчин смерть теперь уже не трогает? – усмехнулся Цуган. – Мои уехали в Шисхарис, я дома один, вот и опасаясь, как бы не нагрязнул со своими головорезами Темрюк.

Вместе с Турабом вошли двое косматых парней с мечами у пояса. Вздогнул Цуган, посторонился. Бородачи остановились у дверей, как бы взяв ее под охрану. Он

протянул руку Турабу, но тот прошел мимо, сел на стул, исподлобья глянул на Цугана:

– Чего ты стоишь, присаживайся.

– Я... в исподнем, одеться надо.

– Сказано тебе – садись! – хрипло приказал Тураб.

Опустился Цуган на краешек стула, заикаясь от страха, спросил:

– Что-нибудь случилось, Тураб?

– Что-нибудь?! – даже взвизгнул от негодования горбун. Помолчал, напряженно дыша, сверля кошачьими глазками побледневшего Цугана: – Я тебя считал настоящим мужчиной, я сделал тебя посланцем богов, а ты... ты оказался мерзкой дрянью! Молчи! Когда мыстхаковцы обвинили тебя в поджоге дома Темрюка, кто спас тебя от смерти?

– Ты, Тураб...

– А как ты отблагодарил меня за это? Как?! – опять сорвался на визг горбун. – Ты подло оклеветал меня, ты сказал, будто это я, старший посланец богов, подговорил тебя поджечь дом Темрюка!

– Почему оклеветал? Ты же и в самом деле велел мне...

– Замолчи! Вы посмотрите, – обратился он к своим друзьям, – перед вами злой дух в образе человека. Боги жаждут его наказания!

Двое, что стояли у дверей, кинулись на Цугана, повалили на кровать, зажали рот...

– Без шума только, без шума... Ноги держите, чтобы не брыкался, – хрипел Тураб. – Чего вы с ним возитесь? Придавите как следует!

– Все! – выпрямившись, произнес верзила. – Проклятый злой дух – обслюнявил меня всего.

– Боги зачтут вам это доброе дело. Как посланец богов вам обещаю. Теперь положите его так, будто он во сне умер, – распорядился Тураб. – Постель поправьте, одеялом укройте. Глаза не закрывайте. У-у, какие они страшные у злого духа... Руку положите на грудь, а другая пусть свешивается на пол. – Сказав это, Тураб тихонько хихикнул, продолжительным взглядом посмотрел на мертвеца: «Думаю, Цуган, так будет лучше и тебе, и мне: ты не будешь болтать, и мне от этого спокойнее на душе, а в остальном боги разберутся...»

– Выйди, – обратился Тураб к здоровенному бородачу, – посмотри, не принесло там кого-нибудь? Если по пути кто попадется, скажем – гонимся за ворами.

Бородач ухмыльнулся:

– У кого и что украли те воры?

– У меня украли, бычков! – зло оборвал его Тураб. – Учти, тебя и твоего приятеля князь Абеч дал мне вовсе не для того, чтобы вы болтали. Да поворачивайся живее, скоро начнет светать!

О смерти Цугана в Мыстхако узнали после полудня. Соседка рассказывала собравшимся у нее во дворе:

– Вчера вечером я понесла ему поесть – жена все еще в отъезде, вот я и решила покормить. Принесла свеженьких лепешек, а он говорит, что жена много еды приготовила ему впрок. Веселый был, разговорчивый. А ныне заглянула, хотела топор попросить – от страха чуть не упала. Лежит он, смотрит... мертвыми глазами. Должно быть, от разрыва сердца умер.

– Э-э, и чего только не бывает на белом свете, – промолвил со вздохом Хабат. – Один болеет-болеет, мучается-мучается, а другой – бах, и поминай как звали. Я тоже думаю – от разрыва сердца скончался бедняга Цуган. По глазам, по лицу его вижу. Не выдержало сердчишко. Похоже, слабенькое было.

Смерть, говорят, равняет всех – богатых с бедными, добрых с недобрыми, умных с неумными, и по старинному обычаю на похороны приходят все.

– Люди, а что это не видно Темрюка? – озадаченно проговорил старый Пшимаф. – Правда, он был в ссоре с покойным, но мертвому прощается все, нельзя иначе – такой обычай, данный нам предками, нарушать его никому не положено. – Старик с досадой постучал посохом о землю. – Иди-ка сюда, Хабат!

– Вот он я, слушаю тебя, почтенный.

– Ты не знаешь, почему твой сосед Темрюк не пришел? Ведь здесь весь Мыстхако собрался в скорби.

– Три дня, как он в отъезде. Со своими парнями отправился к какучинцам, а затем с Дамиром Чухо собирался на прииск менять золотодобытчиков, они уже отработали свой месяц. Разве забыл ты, почтенный?

Пшимаф усмехнулся в пышные седые усы:

– Тут хотя бы не забыть, что вчера за обедом ел. Время мое такое, уважаемый Хабат.

Рэдэд, провожая Шупаша и Чечана с десятком всадников на похороны Цугана, поделился:

– У меня появилось какое-то недоброе предчувствие. Присмотритесь как следует, поспрашивайте людей, может, какие-то догадки или слухи. Странной мне кажется смерть Цугана. Если случилось недоброе – не может быть, чтобы никто ничего не слышал, никто ничего не знал.

III

Рампэс подошла к Шупашу, сидевшему у очага:

– Ты что, сынок, сам с собою разговариваешь?

– Нет, мать, с огнем.

– О чем же ты с ним говоришь и на каком языке? – продолжала удивляться княгиня.

– На касожском.

– Но я почему-то не слышу голоса огня.

– Я один – за себя и за него говорю.

– Вот и получается – разговариваешь сам с собою.

– Нет, мать, не сам с собою.

– Но, сын мой, о чем может говорить огонь?

– О-о, он столько всего знает! Присмотрись к нему, прислушайся – такое услышишь! Люблю я смотреть и на быструю речку, слушать ее. Она тоже очень много всего знает. А с огнем я сейчас разговаривал о загадках. Мы с Дзешшем состязаемся – кто больше знает загадок. У мальчишки такой быстрый ум, что я за ним не поспеваю.

Княгиня улыбнулась: «Да Шупаш еще совсем ребенок, взрослым только кажется». Подумала она и сказала:

– Рэдэд тоже был в детстве большим выдумщиком, а вот Зафес – молчун, думаю, мудрецом растет. Недаром говорят: слово – серебро, а молчание – золото... Твой старший брат собрался проведать Колэса, совсем он расхворался, а мы и не знали, ох как нехорошо. Смотрю я иногда на него и думаю: это не просто древний старец, не просто Колэс, а ушедшее время, оставившее нам мудрость, накопленную за многие годы. Сходи и ты с Рэдэдом, обязательно сходи, а то ведь как получается: живет человек – ну и пусть себе живет, а когда умрет, мы хватаемся за

голову – как мало с ним бывали, как плохо понимали! Обязательно сходи! И сегодня, и завтра, и послезавтра наведайся.

Колэс полулежал на старинной, изготовленной еще дедом его резной деревянной кровати, устроившись на большой пуховой подушке у стены, завешенной цветастым ковром – тоже старым, поседевшим от времени. Над головой у него висели кинжал и меч – сподвижники молодости, а в углу стоял тяжелый кизилковый посох – друг и помощник старости.

Внучка смеялась, бормотала что-то свое, забавляясь бородой и усами деда, а он жмурился от удовольствия.

Увидев гостей, Колэс, побряхтывая, приподнялся, внушку посадил рядом:

– Проходите, дорогие соседи. Князь, садись поближе, ты, Шупаш, тоже садись по-свойски.

– Он еще молодой, ему не то что посидеть, а и постоять рядом с таким уважаемым старцем почетно и большое удовольствие, – улыбнулся Рэдэд.

– Как знаешь, князь, тебе виднее, глаза твои – молодые, острые. Значит, пускай и постоит, потешит свои резвые ноги.

– Мать наша сказала: Колэс приболел, наведайтесь, говорит, порадуйте его. А я смотрю – ты бодро выглядишь, просто молодцом.

По-стариковски, с хрипотцой засмеялся Колэс:

– Наше дело стариковское, Рэдэд. Ночью помираем, утром оживаем. Чечан ускакал по делам, а снохе я сказал, чтобы никого не беспокоила.

– Не обижай нас, почтенный, позволь побеспокоиться о тебе, услужить; ведь то, чем ты нас щедро одариваешь, нигде и ни за какое золото не купишь. Слава нашим богам, они на радость всем тебя поддерживают в добром здравии. А внучка – вон как деда забавляет, так и хочет забраться к нему на шею, покататься верхом.

Колэс довольно шурился:

– Не дает она скучать. В старости самое страшное – одиночество, поэтому и дитя может доставить старику радость. Впрочем, хватит обо мне. Расскажите, что там у меотов, все ли благополучно у великой княгини Рампэс?

– Матери стало лучше. Помогло лекарство, приготовленное Дахапой.

Принесли столики с обедом, воду и тазик для мытья рук. После обеда, оставшись вдвоем с Колэсом, Рэдэд рассказал о своей поездке в Меотию с Коданом, Машуком и полусотней дружинников...

...Встретил касогов у первого меотского селения Псы-надахэ сам князь Каит со своей дружиной:

– Рады приветствовать вас на благословенной земле меотов! Пусть будут добрыми к вам боги!

Ехал Каит слева от Рэдэда, Кодан с Машуком – сзади, дружины касогов и меотов – рядом.

Селение раскинулось вдоль нижнего течения Кубани чистенькими турлучными домиками с высокими камышовыми крышами, то припадая к самому берегу, то удаляясь от него. Река, начав свой бег в заоблачной вышине Ошхамахо, натешившись грохотом водопадов, вобрав в себя множество ручейков и речушек, здесь выглядела могучей и неторопливой, как и положено великану. А на благодатных просторах паслись отары овец, гурты коров, косяки лошадей.

– Ну как, нравится вам наша земля? – не без гордости спросил Каит.

– Очень нравится. Такой простор и красота – просто оторопь берет, но, как говорят, богатый – еще не значит счастливый. Вот и у нас есть и щедрые поля, и луга, в горах – золото, серебро, железо и медь, а счастья нет, потому что нет покоя, живем каждый сам по себе. То драки между собою затеваем, то хазары, аланы или еще какие-нибудь разбойники нападают. Вот мы и решили создать одну большую, сильную семью, жить между собою и с другими народами в дружбе, а незванным пришельцам давать достойный отпор.

– Нам думается, это хорошо, мы тоже за большую, дружную и сильную семью, хотя, как и все адыги, любим плечи свои раздвинуть, грудь колесом показать соседу. Любим, но сдерживаемся, стараемся не давать волю своей гордыне, а вот с Абечем просто беда: самоуправно ездит по нашим селениям, сбивает людей с толку, мол, один он знает, как и что надо делать на нашей земле.

– Как говорят, стоя на берегу, управляет лодкой, – усмехнулся Рэдэд.

– А еще говорят: загребают жар чужими руками.

– Остается, князь, – продолжал с усмешкой Рэдэд, – провести Всеадыгское хасэ и выбрать его великим князем.

– Да-да! Доверь козлу капусту! Абеч такое наворочает, что все мы взоем от его стараний.

– Я очень рад, князь Каит, что мы с тобой хорошо понимаем друг друга, а раз понимаем – сумеем вместе навести порядок в нашем большом доме. Как ты думаешь?

– Мы одинаково с тобой думаем.

– С этим и отправимся в добрый путь.

Поднялись они в седла, Рэдэд окинул взглядом обе дружины:

– Если люди, к которым мы едем, увидят столько воинов, они подумают, что идем на них войной. Может, хватит моих дружинников?

Каит не совсем был согласен с Рэдэдом, но возражать не стал:

– Если великий князь решил, пусть так и будет.

В селениях люди приветствовали своего князя Каита, оказывали почтение гостям из Касогии.

Широкие луга, домики среди садов, снова луга. И вот Меотия осталась позади.

– Князь, посмотри-ка, видишь, на опушке леса шатры? Это остатки хазар. Они постоянно кочуют, потому и не строят домов. Как сказал мудрец: все мое ношу с собой. Мы же оседлые люди, а вот прочных каменных домов почему-то не строим, хотя в горах камня сколько угодно, – усмехнулся Каит. – Обленились, выходит. Нам бы полегче да побыстрей, потому и плетем, лепим турлучные, которые от первой искры сгорают дотла. Или такое, – продолжал Каит, – в той же Византии, да и в других странах, разные укрепления, чтобы защититься от врагов селения, а мы живем нараспашку. Бросаем все и убегаем в горы, в созданные богами крепости. Хазары не строят, потому что кочевники. Еще и потому, что предпочитают не защищаться, а нападать, потом как вихрь уносятся. Но почему мы не строим? Наши мудрецы говорят, мол, только труссы прячутся за каменными стенами, а мы – народ смелый и мужественный...

Конь Каита неожиданно споткнулся, хозяин едва не вылетел из седла. Князь резко натянул поводья:

– Не к добру это. Каждый раз, когда он спотыкается, со мной обязательно случается какая-нибудь беда.

Рэдэд рассмеялся:

– Ты так увлекся разговором, что забыл про коня, а он забыл о тебе.

– Я подбодрю его! – и Каит поднял скакуна на дыбы. Конь заржал, словно возмущаясь. – Ничего, дорогой, приободришь немножко... А посмотри, князь, узкоглазые повывлезали из шатров, уставились на нас, будто впервые видят всадников.

– Думаешь, могут напасть? – чуть настороженно спросил Рэдэд.

– Нет, они любят нападать исподтишка, из засады.

На другой день, переночевав в Начате, путники отправились дальше, на северо-запад. Степь становилась все беднее и строже – реже попадались деревья, меньше высоких трав, начали появляться пески, в которых утопали ноги коней, невысокие курганы, поросшие полынью. Встретилась речушка с песчаными пологими берегами. В ее тихих, почти неподвижных водах росли белые лилии и желтые кувшинки, очень удивившие всадников. Вода во время переправы доходила лошадям до брюха, была для горцев непривычно теплой.

В полдень путники увидели реку Тэн. Она была такая же широкая, неторопливая, с вербами по берегам, как и Кубань в низовьях.

– Если идти берегом вверх по течению, то попадешь к русичам, а если вниз – к ясоаланам, – объяснял Рэдэду Каит.

– Неужели и здесь русичи? – удивился Рэдэд. – У них столько земель, а им все мало, захватили Тум-Таракай. Какой ненасытный этот князь Мстислав!

– Говорят, сколько ни иди в студеные земли – там все русичи и русичи, а что сюда они забрались – каждому ведь тепла хочется. Еще говорят, между собой они, как и мы, тоже не всегда дружно живут. И у них есть свои Абечи, себялюбцы и пустозвоны.

– Какие же пустозвоны, если устраивают междоусобицы, братскую кровь проливают. Я вот о чем думаю: у

хазар войска было, как у моря песка, однако русичи одолели их, все теснят и теснят. Кансав рассказывал, что у русичей твердые порядки в войске, чем и сильно оно. Однако чего мы жаримся на солнце, поехали вон в тот лесок, отдохнем в прохладе, – тронул коня Рэдэд.

– Разрешите, князь, нам с приятелем освежиться в реке, – обратился к Каиту молодой меот.

– А плавать умеете? – не то пошутил, не то всерьез спросил Каит и махнул рукой – мол, разрешаю.

Поскакал с согласия Рэдэда со своим напарником и Кодан. Остальные направились в рощицу. Только спешились, расположились в тени старой вербы, как вернулся Кодан с парнями и тремя какими-то подростками.

– Эти сопляки напали на нас, одного нашего ранили стрелой. Надо бы прикончить, да жалко стало, ведь почти дети, привели их на ваш суд, – объяснил Кодан.

– Кто такие? – грозно взглянул на подростков Каит. Те, испуганно прижавшись друг к другу, молчали.

– Ну, богатыри! – с усмешкой проговорил Рэдэд. – Едва успели от материнской груди оторваться, и уже – воевать. Похоже, ясоаланы они, кто-нибудь знает их язык?

– Я немного понимаю, – подошел меот с черными усами и бородкой.

– Спроси, почему они напали на наших людей.

– Этот, длинноносый, он за старшего у них, тебя, князь, спрашивает, что бы ты стал делать, если б на твою землю пришли чужие воины?

– Ты погляди, хотя еще мальчуган, а ведет себя как настоящий мужчина.

Длинноносый приподнял плечи, с мальчишеской снисходительностью улыбнулся Рэдэду.

– Переведи ему, – спокойно продолжал Рэдэд, – что не всех чужеземцев надо встречать с оружием: ведь среди них есть и добрые люди. Если же ты обидишь доброго человека, он станет тебе врагом и постарается взамен своей пролитой крови пролить твою.

Мальчишки стояли, виновато опустив головы.

– Скажи им, пусть садятся на своих коней и едут домой, пусть всех оповестят, что мы едем к ним с добром.

Кинулись мальчишки, только пятки засверкали.

– Князь, – окликнул Кодан Рэдэда, – к нам скачут какие-то всадники, их много. Кажется, собираются напасть на нас.

– Э-э, Кодан, разве так скачут воины, собираясь напасть! – с усмешкой заметил Каит.

Всадников было с полсотни. При мечах, с боевыми щитами за спинами, с луками, на солнце сверкали их островерхие шлемы. И хотя Каит сообщение Кодана воспринял с шуткой, у него по спине пробежал холодок, предостерегающе дрогнули плечи, рука легла на эфес меча.

Рэдэд залюбовался воинами, позавидовав их вооружению. Когда они приблизились, их предводитель крикнул, примирительно подняв правую руку.

– Мы не воевать, мы с миром едем к вам!..

– Это, кажется, сам предводитель русичей, – привстав на стременах, прошептал Каит.

Рэдэд усмехнулся в усы.

– Недаром спотыкался твой конь, Каит. Действительно, сам великий князь русичей Мстислав. Не торопись. Пусть он сам к нам подъедет.

– О, кого я вижу! Сам касожский князь Рэдэд! – опять приветственно подняв руку, воскликнул Мстислав. – Как говорят у нас, легок на помине.

– О да, великий князь! У нас тоже говорят: лишь только подумал о нем – а он уже на пороге. Мы рады неожиданной, а потому особенно приятной встрече. Хочу уточнить – не касожский, а великий князь всей земли адыгов.

– Знаю, великий князь, – усмехнувшись, проговорил Мстислав и добавил: – Мы всех: зихов, меотов, хакучинцев – называем касогами.

– Между собой мы делимся на племена, ну а для вас – единый народ, адыги, – как бы между прочим объяснил Рэдэд.

– Мы тоже между собою делимся на древлян, северян, вятичей, драговичей, а для всех других – Святая Русь, – ответил Рэдэду Мстислав и обратился к Каиту: – Ездил я в Саркел, в Белую Вежу, а теперь держу путь, чтобы с тобою встретиться. Позволишь ступить на твою землю, князь меотов?

– Это земля адыгов, ее великий князь стоит перед тобою, – с легким поклоном ответил Каит.

Лицо у Мстислава посуровело, словно израсходовал он имевшийся запас вежливости:

– Мы не хотим кровопролития, великий князь, однако же следует исправно платить нам дань. В нашу первую встречу ты обиделся и уехал, мы так и не договорились тогда.

– Вовсе я не обиделся, просто показал тебе, что даже разговаривать не хочу, если дело касается насилия. Почему мы обязаны платить вам какую-то дань, разве мы должны вам или живем на вашей земле?

– А разве не достойна мзды наша кровь, пролитая в боях с хазарами, кои и вас притесняли и грабили? – сдерживая себя, негромко спросил Мстислав.

– Но, великий князь, вы воевали с хазарами не только ради нас, разве не себе вы взяли их земли? Если бы вы отдали нам хотя бы половину, тогда мы сами стали бы платить вам дань. А так... по воле богов вы избавили нас от разбойных набегов хазар, мы благодарны вам за это.

– Благодарностью, как у нас говорят, сыт не будешь. Вы сейчас моете золото, медь, железо благодаря тому, что вас оставили в покое хазары. Но это, великий князь всех ваших земель, только часть разговора, главный же разговор в другом, и, я думаю, ты давно это понял. Или не хочешь понимать... Касоги, зихи, меоты, хакучинцы... Если даже все вы в согласии объединитесь, не очень-то много вас будет. А как жить малочисленному народу по соседству с большими народами? Все равно что мелкой рыбешке рядом с крупной. Стоит той лишь раскрыть свой рот – и нет уже мелкой рыбешки!

– Да, конечно, – согласился Рэдэд, – однако маленькая рыбка может оказаться очень колючей!

– Ничего, в брюхе все переварится. Но опять же, великий князь, дело не только в этом. У язычества, как говорится, кончилось время, во всей Вселенной осталось лишь несколько уголочков. Один из них – на вашей земле. Посуди теперь сам: вы принимаете красивую, самую добрую, заслужившую признание по всей земле христианской веру, становитесь возлюбленным детищем Византии, братом великой Святой Руси...

– Под чужой тенью, великий князь, разве может существовать живое?

– Значит, нет твоего согласия?

– Нет. Прошу понять, силой можно подчинить только ум, а сердце скорее умрет, чем изменит самому себе.

– Пожалуй, ты прав. Ну что ж – каждому свое. Говоришь о вашем единстве? Но его пока нет. Зихи клонятся в сторону, князь Абеч все ездит к нашему Кансаву, дорогие подарки привозит. Никто не знает, когда вы сумеете объединиться и сумеете ли вообще. Святая Русь еще тоже далека от прочного единства, есть и у нас свои Абечи. Но я уверен – будет оно на Руси, Отец Небесный нам поможет.

– Возможно, и будет, а пока ни у нас, ни у вас его нет. Мы, князь, не глупые люди, понимаем, что к чему, и, не обижайся, не будем тратить время на разговоры... У меня к тебе просьба. Моя мать, великая княгиня Рампэс, стала хворать частенько, уже ждет, как она говорит, конца своего пути, поэтому хочется ей очень повидаться со своим братом Кансавом. Не сможешь ли устроить им встречу?

– Воевода Кансав уехал по делам в Чернигов, когда вернется, не знаю... Если вы направляетесь домой, поедем вместе, вот и узнаем, вернулся ли он.

– Нет, нам надо ехать по своим делам, – отказался Рэдэд...

Заканчивая этот рассказ, Рэдэд сказал Колэсу:

– Заморочил я твою голову своими длинными речами.

– Я с интересом тебя выслушал, князь. Скажу, что вел ты себя достойно.

– Спасибо, почтенный, но ты сам говорил: человек не становится лучше от похвал, он от них только зазнается.

Колэс улыбнулся:

– Тебе тоже спасибо. Я уже говорил, а после твоего рассказа снова повторю: Мстислав может напасть на тебя, уверен даже – обязательно нападет. Не потому что ему хочется – его заставят это сделать. Так что будь готов. А теперь – Абеч. Говорят, у хороших родителей не бывает плохих детей. Я знал и деда, и отца Абеча. Это были добрые, умные, порядочные люди, не возьму в голову, от кого набрался дурного их потомок. И как могло случиться, что зихские князья поставили его впереди себя? Ведь это

очень опасный человек. Следует здесь проявить решительность, чтоб не было потом поздно.

– Помнится, ты мне и такое говорил: всякий плод должен созреть, не срывай его зеленым.

– Это тоже правда, – улыбнулся Колэс, ласково посмотрев на Рэдэда.

IV

Рэдэд и Абеч были не только ровесниками, но и добрыми товарищами, ходили вместе на разные посиделки, свадебные празднества, на конные состязания, а когда великий князь начал создавать единое адыгское государство, первым его поддержал Абеч. Правда, Рэдэд не придавал серьезного значения его поддержке – краснобаем он был, мог много наобещать, а как доходило до дела – забывал обо всех обещаниях. Любил много говорить, и чтоб все его слушали, иначе сердился, мог даже оскорбить.

Перед тем как ехать к Рэдэду со своим согласием, Абеч долго прикидывал, размышлял, хотя не любил заниматься этим – у него начинала болеть голова от размышлений. «Не ссориться же мне из-за этой чепухи с великим князем, – думал он, – пусть объединяет нас, пусть правит нами, сидя у себя в Мазибэ, в Касогии, а я буду княжить у себя». Однако Рэдэд больше ездил по селениям, чем сидел дома, и он не просто ездил, а помогал улаживать дела в каждом княжестве. Великий князь говорил: «Единому государству нужно единое, сильное войско, а воинов надо кормить, обувать, одевать, вооружать». И в каждом селении, у каждого князя требовал поддержки скотом, козами, шерстью. «Чего доброго, он скоро станет считать не только наших кур, но и яйца. А нас уже считает не князьями, а своими слугами. Подумаешь, великий князь! А чем я не великий? Мы еще посмотрим!»

Огонек тщеславия, загоревшийся в груди Абеча, Тураб изо всех сил старался раздуть в бушующее пламя, как ему думалось – в огонь своего счастья. Ведь это Абеч признал его истинным посланцем богов, а через него и вся Зихия признала. Куда бы ни ехал князь, обязательно с собою брал и его, держал рядом, внимательно прислушивался к советам и предсказаниям.

Нынешний день выдался на редкость жарким и душным – ни ветерка, ни дуновения. Князь Абеч сидел в тени под старой грушей, обмахиваясь воловьим хвостом. Вислоухая собака, высунув язык, дремала под сапеткой. Княжеские охранники укрылись от солнца кто под кустом шиповника, кто под яблоней, а один улегся на земле у стенки дома. Тураб, посетовав на жару, собрался домой отдохнуть.

– Зачем же тебе, уважаемый, идти по такой жаре, отправляйся в мою прохладную комнату и отдыхай на здоровье, на радость всем нам, – предложил Абеч.

Ушел Тураб. Глядя ему вслед, князь подумал: «Все так хорошо начиналось у нас с тобой, великий князь, а сейчас вот разладилось, и все из-за того, что я не ломаю шапку перед тобой. Все внушаешь мне: мы князья, предводители, поэтому должны отдавать все силы общему делу. Ну и отдавай, коли тебе хочется, а чего ко мне суешься? Я, говорит, хотел даже заменить тебя князем Зекошем, но пожалел, все-таки мы дружили. Видишь ты, пожалел! Подожди, еще придет мое время, и я так пожалею тебя, что волком взвоешь!»

Князь Зекош – высокий, стройный, светлолицый, с ямочкой на подбородке, веселыми светлыми глазами – вызывал у Абеча раздражение: «Подумаешь, красавчик! Ухаживает за мной, будто за девицей. До самого дома провожает со своими всадниками. Знаю, почему провожает, на шаг от себя не отпускает – не доверяет мне. Ничего, провожу я и тебя, откуда не вернулся Челемет. Никто еще оттуда не возвращался. Тоже был хорош, этот Челемет, тайком ездил к касогам, всю расхваливал Рэдэда, дорасхваливался, что мои парни успокоили его в лесу. Так будет с каждым, кто пойдет против меня. А вот как с мерзавцем Кансавом расправиться... Уж очень он далеко, и защита у него крепкая. Сколько я подарков ему перевозил! И золото, и серебро, и бочонок меду, и персидский ковер. Все принимал, улыбался да кланялся, а как до дела дошло, тут его поганая кровь и проявилась. Русичи и сам великий князь Мстислав, говорят, не доверяют тому, кто враждует со своими соплеменниками. Поганец! Надеялся, что сведет меня с меотами, а он заложил Каита... Предостерегал, предсказывал мне беду Тураб, велел быть осторожным, но

я не послушался, вот и получил по заслугам. Правда, Тураб обещал вымолить у богов смерть моим врагам, а мне удачу... Вот он, легок на помине, видно, хорошо поспал, даже лицо припухло... Интересно, а где у него божественность помещается, в голове или горбу?»

– Проходи, проходи, уважаемый, соскучился я без тебя. Посидим вместе, поразмыслим.

Сонно улыбаясь вечернему солнцу, Тураб прошлепал босыми ногами по двору, сел рядом с Абечем:

– Чего ты бодрствуешь, князь? Сколько раз говорил: днем обязательно надо поспать, для здоровья хорошо, для души, и богам нравится, когда человек в покое.

– Какой может быть покой, если вокруг меня такое творится, а боги молчат. Когда же они хоть что-нибудь скажут? Ну спроси ты у них, спроси, – почти простонал Абеч.

– Не могу, они сами дадут мне знать.

– Каким образом?

– Это знают только они. Мне не следует доносить их вопросами, и ты своим нетерпением не гневи, боги могут обидеться.

– Но ты же их великий посланец, Тураб, поговори по-свойски...

– Князь, я прошу тебя! – предостерегающе поднял палец Тураб. – Не надо так – «по-свойски». Они – великие боги! – помолчал он, покачав угловатой, начавшей лысеть головой, потеревил клочковатую бороденку.

– Ты хочешь сказать мне что-то важное? Не молчи, Тураб.

– Собирался приберечь эту новость до вечера, чтобы ты уснул с хорошим настроением.

– Зачем же мучаешь меня, несчастного!

– Хорошо, расскажу, только сначала успокойся, князь.

– Ты видел вещий сон? – извелся в ожидании Абеч.

– Помнишь, мы были с тобой на каштановой поляне, что на высокой горе у моря?

– Как не помнить! Мы там хорошо поохотились, я славного секача тогда подвалил.

– Узкой тропинкой пробирался я на ту поляну. День был погожий, птицы пели...

– Не надо птиц – о деле, Тураб!

– Поднялся, значит, на поляну, сел на трухлявый пенек отдохнуть и увидел вас с Рэдэдом. Стоите рядом, мечи огнем горят в ваших руках, и я думаю...

– Что, о чем?!

– Мечи горят, искры сыплются, и вижу – Рэдэд теснит тебя к обрыву, к пропасти. Помочь тебе надо, подхватился я, а ноги подкосились, упал, не могу подняться, хочу закричать – голоса нет. А Рэдэд уже к самому краю тебя придвинул, ну, думаю, пропал мой любимый князь...

– Как это – пропал! Выходит, мордатый Рэдэд сильнее меня?! – вскочил Абеч. – Этим ты меня хотел порадовать?

– Потерпи, князь, я еще не досказал.

– Тогда говори, только ничего не прибавляй и не убавляй.

– Боги не позволят говорить мне неправду. Совсем он тебя придвинул к краю пропасти. Я взмолился, воздев руки к небу: «О всевеликие боги, это я, ваш посланец Тураб, прошу, окажите помощь князю Абечу, о котором я молюсь постоянно, дайте ему победу над противником, над богоотступником Рэдэдом!» И ты в этот момент так легко крутнулся, так взмахнул мечом, что на краю пропасти теперь оказался Рэдэд. Ты нанес ему такой удар, что он с воем полетел в пропасть.

– Но почему я не отрубил ему башку?

– Не знаю, князь. Я рассказал только то, что видел.

– Это во сне?

– Да, – ответил Тураб.

– Э-э, а я-то думал...

– Все так и будет, ведь это вещий сон, это воля богов. Она намного опережает то, что мы знаем и видим.

– Ты молись, молись за меня...

– Обязательно, князь, обязательно. Я это делаю и без твоей просьбы, во имя наших великих богов и на смерть богоотступникам.

– Значит, ты Рэдэда уже считаешь богоотступником?

– Да! Если он на коленях не покается перед нашими богами, передо мной.

Наконец спала надоевшая жара, прошел долгожданный дождик, хотя и робкий, но все же смысл накопившуюся за безветренные знойные дни пыль, деревья и травы заиграли,

заблестели свежестью. Потом снова небо полило землю дождями, и лето предстало во всей своей красоте, в щедрости садов, огородов, полей, радуя глаз и сердце земледельцев. Свой у них радости и заботы, а у предводителя – свои, хотя и ходят они неразлучно в одной упряжке.

Главной заботой Рэдэда, или, как он сказал, головной болью, была Зихия, вставшая поперек пути великому князю, всем соплеменникам, решившим объединиться в единое государство. Конечно, у Рэдэда сильное войско, он может заставить покориться зихов. Но ведь прольется братская кровь... И он решил еще раз попытаться достигнуть согласия миром, послать к Абечу Кодана.

– Когда приедешь, скажи Абечу, что я жду его послезавтра в Мазибе, – наставлял Рэдэд своего посланца. – Скажешь – и тут же трогай обратно, не вздумай ему что-нибудь объяснять, доказывать, тем более – возражать, иначе можешь вообще не вернуться домой со своими воинами. Да хранят вас боги! Чечан, зайди ко мне.

В княжеской гостиной Чечан доложил:

– На серебряном руднике два неприятных случая. Парень-рудокон ногу сломал. Ему сделали, что положено, и отправили с нарочным домой.

– Чей парень, откуда?

– Из Мыстхако. Дали ему мешок пшена, две овечки, разной зелени.

– Молодец, проявили заботу. А что еще произошло?

– В пещере завалило хакучинца. Откопали его. Отделался испугом, уже работает.

– Шупаш говорил, что запретил копать пещеры.

– Новых не копают, завалило в старой. Видишь ли какое дело – серебро глубоко лежит, надо до него добраться. Сейчас думаем, как обезопасить людей, не допускать обвалы. Шупаш уже кое-что придумал.

– Шупаш?! – удивился Рэдэд. – Откуда он знает?

– Я тоже удивляюсь. Но, как он рассказал мне, должно хорошо получиться. Уже послал парней заготавливать дубовые бревнышки.

– Ну и Шупаш! – весело заулыбался Рэдэд.

– Это на серебряном руднике, в других местах все нормально. Медную руду нашли хорошую, славную медь плавят. Светлую, как золото.

Вошла девушка-служанка:

– Великая княгиня хочет видеть тебя, князь.

Дрогнуло у него сердце.

Шел не торопясь, как бы отодвигая грозящую беду.

Лицо княгини выглядело страдальческим, в тусклых глазах – боль и тревога, но когда вошел сын, собравшись с силами, она улыбнулась:

– Рада видеть тебя, сын мой. Все у нас хорошо?

– Да, мать, не беспокойся, – приветливо улыбнулся и Рэдэд. – Чечан был в горах, хорошую медь нашли, есть серебро и золото, так что богатеем, великая княгиня...

Рампэс тихонько простонала:

– Айнар, милая невестушка, позови служанку, пусть разотрет мне бок.

– Ты думаешь, я сама не смогу это сделать?

– Отчего же, у тебя золотые руки, но ты – великая княгиня.

– Для тебя я просто жена твоего сына, мать твоих внуков. Оставь, пожалуйста, нас, – обратилась она к мужу, не называя его при княгине по имени.

Все ему было понятно, и от этого никуда не денешься: вот-вот мать уйдет из этого мира. Ей не приходится жаловаться на судьбу: многие годы прожила она счастливо – боги даровали ей радость матери, бабушки, великой княгини. И вот теперь – старость, болезни, от которых избавит ее... Рэдэд понимал неизбежность этого и все равно не мог представить, как останется без матери, которую так любил, рядом с которой он, такой сильный, обладающий властью, всегда чувствовал себя защищенным.

Бесцельно, будто потерянный, бродил он по двору, зашел в конюшню, погладил холки своих рысаков. Потом отправился в детскую спросить у Айнар, что она думает о болезни великой княгини.

– Я растерла ее настойкой целебных трав, теперь укутаю шалью из овечьей шерсти – это хорошо согревает и вытягивает боль, потом схожу к Дахапсе, пусть приготовит покрепче маковую настойку, она снимает боль. Конечно, все ее недуги – от старости, все износилось, стало ветхим. Ты хочешь спросить, как долго будет жить великая княгиня? Это знают только боги. Мы же в силах лишь помочь ей своей добротой...

Айнар еще что-то говорила, но Рэдэд уже не слышал – он любовался своей женой, добротой ее сердца, чем-то таким, чего не выскажешь словами, а лишь чувствуешь, что она – это ты, лучшее, что есть в тебе. Он смотрел на нее и молился в душе, благодарил богов за то, что одарили его самым большим богатством, какое только может быть у человека.

Приблизившись, он поцеловал ее плечо. Она сначала не поняла, к чему вдруг это, но, поняв, улыбнулась, взглянула на него ласковым взглядом.

Рэдэд вернулся с учений, смотрел, как воины учились владеть мечом, как рубили на скаку деревца. Умылся, собрался пообедать, и тут к воротам подъехал Кодан.

– Наконец, появился. Что ж ты делал там трое суток? – спросил обеспокоенно князь. – Я же просил тебя – не ввязывайся в разговоры с Абечем. У спутников твоих все благополучно?

– Да. Благополучно.

Они прошли в комнату Рэдэда.

– Мы, князь, нехорошо думали об Абече, но он оказался еще хуже. Ты посмотрел бы, как вел он себя на встрече с нами. Пригласил в гостиную, указал, где сесть, а сам, заложив руки за спину, встал у окна спиной к нам и говорит: «Я знаю, с чем прислал тебя Рэдэд. Начинай, ругайся, выплескивай всю грязь, мои люди потом придут, уберут ее, вымоют пол, чтобы и следов от нее не осталось». Сдерживая себя, спокойно напомнил ему, что по нашим старинным обычаям, даже своих врагов принимают у себя дома вежливо, с достоинством, а я не просто гость твой, я приехал послом от великого князя адыгов. «Ха-ха! – осклабился Абеч. – Тоже мне – посол! Говори, зачем приехал, некогда мне зря время терять». Коротко пояснил: послезавтра великий князь ждет тебя в Мазибе. «Ха-ха, ждет! Долго ему придется ждать, может, до самой старости! Я не позволяю себе расслаживаться у чужих обеденных столов, не лизоблюду, у меня самого всегда стол накрыт для порядочных людей. Если я ему нужен, пусть он и приезжает. Примем, как полагается, бычка забьем, медвежатинкой свежей угостим. Касоги еще и не думали создавать свое государство, а у зихов оно уже было. Выходит, Рэдэд

запрягает телегу впереди коня. Так и передай ему». Как ты велел, я не стал с ним спорить, собрался и уехал.

– Оказывается, Кодан, бывает и такое: с годами не мудреет человек, а глупеет. Ведь раньше он не таким был. Получается, больше проживет – еще глупее станет? Бывает, у человека нет большого ума, не дал ему бог, зато он добрый, а Абеч чем глупее становится, тем злее. А злой дурак, как говорят, страшнее бешеного волка. Я знаю, Кодан, вы устали, но время не терпит, завтра утром надо опять ехать к Абечу. Во имя доброго дела уступим его глупости, я сам поеду для встречи с ним в Зихию. Есть на границе с Касогией селение Даепс. Если он не согласится встретиться здесь, применим оружие. А что с Турабом? Был он на этой встрече?

– Нет. Хочешь о нем знать?

Рэдэд, помолчав, ответил:

– Ты видел, какою бывает в половодье наша Пшада? Зальет поля, дома и сараи, некоторые и вовсе смоеет, унесет. Нашкодив, как ни в чем не бывало войдет в свои берега, будет мирно журчать. Таков и Тураб.

– Ты хочешь сказать, князь, он все еще шkodит, натравливает на нас князя Абеча?

– Если бы только это... Ты помнишь, Цуган скоропостижно умер? Не умер – убили его. Я Шупаша посылал на похороны. Оказывается, разузнали Темрюк и Шупаш, сосед видел в ту ночь, как из дома Цугана вышло трое мужчин и почему-то не через калитку удалились со двора, а кинулись через плетень и торопливо, огородами бросились к лесу. Один из них был горбатым.

– Вот это да! – воскликнул Кодан. – А не ошибся сосед?

– Говорят, в Зихии, да и у нас, нет другого горбатого.

– Кто бы мог подумать такое?! – сокрушался Кодан. –

Вон, оказывается, что носит в своем горбу Тураб, а мы думали, в нем святость. Страшный, оказывается, он человек, дьявол в его горбу сидит.

– Ты прав – кто бы мог подумать. А мы все жалели его, несчастного.

– Но за что он убил Цугана?

– За то, что тот рассказал людям правду о поджоге дома Темрюка.

– Думаю, такой подлый человек не должен жить. Я готов, если понадобится...

– Не торопись, Кодан. Нельзя нам равняться на жестоких, чуждых нам, нашему сердцу...

Рэдэд в сопровождении княжеской дружины ранним тихим утром выехал из Мазиба, горной тропой спустился на пологий берег речки Даепс. Предстояло вброд переправляться, но Рэдэду не хотелось, как он подумал, беспокоить ее. Вода была такая чистая, что можно сосчитать на дне все камешки. И так она сонно, как-то по-домашнему журчала, что жаль было беспокоить ее копытами лошадей. Но как иначе... И он, вздохнув, тронул повод коня.

На высоком обрывистом берегу появились три всадника. Князя Абеча среди них не было. «Глупый ты, не меня – себя унижаешь. В народе говорят: тот, кто сможет проглотить обиду, потом съест самого обидчика. О боги, вложите в его твердолобую голову милость и мудрость вашу, упасите от кровопролития. Вы все видите – Абеч и Тураб только прикрываются вами. Не любовь, какую вы дарите людям, дьявольское самолюбие ведет их ко многим бедам. Я попытаюсь, боги, умиловать, смирить князя Абеча, а если не удастся, придется его сурово наказать. Да будет на то ваша святая воля».

В Даепсе Рэдэда встретил в своем дворе местный князь. Был здесь и Абеч.

– О, какой высокий гость пожаловал к нам! – приветливо воскликнул хозяин дома, невысокий, сухопарый, с крупным крючковатым носом мужчина. – Надеюсь, великий князь Рэдэд, твой приезд принесет счастье не только моему дому, а и всему нашему маленькому, тихому и, как ты видишь, красивому селению. Добро пожаловать в мой небольшой дом, с большим радушием встречающий каждого гостя, а уж если великого князя, то стены его раздвигаются, он становится просторным и небесно светлым.

Рэдэд и Абеч поздоровались за руку, будто добрые старые друзья.

– Прошу, дорогие гости, для начала отобедать!

– Я не обедать сюда приехал, а по делу! – вздернув плечами, выпалил Абеч.

«Да и я не из голодного края», – хотел ответить Рэдэд, но сдержался.

В гостиной князя сели друг против друга, у того и у другого по бокам охранники.

– Слушаю тебя, Рэдэд, – подбоченившись, не называя титула гостя, проговорил Абеч. – Ты хотел меня видеть – смотри, вот я, весь перед тобою.

«Уймись, – мысленно сказал Рэдэд своему оскорбленному сердцу, – не о тебе речь, о судьбе народа». И он улыбнулся:

– Как говорил Ислам-Хаджи, если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе.

Надул обиженно губы Абеч:

– Значит, ты – гора, а я – человечек?

– Ну, если я пришел к тебе, то гора ты, выходит. Однако не о нас с тобой я приехал поговорить. Мы лишь малая частица нашего многострадального народа. Не сами мы возвысились и стали князьями, народ нас возвысил над собою, и он ждет наших мудрых решений. Он хочет мира и покоя на своей земле, благополучия старикам и детям, надеясь на своих предводителей. С одной стороны над нами довлеют Византия и персы, с другой – русичи. Только единство касогов, меотов и зихов, согласие всех предводителей, наше с тобою, Абеч, единство принесут всем добро и покой. Если мы сегодня не сумеем договориться о мире между собой, то доставим великую радость нашим врагам. Я никогда не вмешивался и не собираюсь вмешиваться в твои княжеские дела, а что касается единства наших народов...

– Слушай, князь, что ты все поучаешь меня, как мальчишку. Кто ты такой? Великий князь?! Откуда это – великий? Не побоюсь сказать – да об этом все говорят, – ты собрал Верховное хасэ в Мазибе и командовал там, как хотел. Если бы хасэ проходило в Зихии, то великим князем народ выбрал бы меня.

– Что же ты так поздно это понял? – улыбнулся Рэдэд, – если бы пораньше спохватился, глядишь, боги по повелению их посланца, каким он сам объявил себя, обязательно стали бы на твою сторону. А теперь уже поздно.

– Вы слышите, что он говорит?! – возмущенно воскликнул Абеч. – Вы слышите, люди, что он говорит о посланце богов, о самих богах! Он смеется над ними, а значит, и над нами! Клянусь, пока стою на ногах, пока

дышу, не позволю охаивать наших богов! – Абеч угрожающе взялся за меч. Его примеру последовали охранники.

Шагнули вперед, как бы прикрывая Рэдэда, Кодан и Машук, и тоже взялись за мечи.

Охранник Абеча положил на его локоть тяжелую руку:

– Думаю, князь, расстаться надо достойно.

Абеч отдернул локоть, впился глазами в Рэдэда:

– Этот... великий князь хочет осрамить меня перед моим народом, поставить на мое место проходимца Зекоша. Только не думай, что тебе это удастся! Кто ты? Самозванец! Я же – настоящий, потомственный князь!

Рэдэд неторопливо поднялся, с сожалением посмотрел на Абеча:

– Даже теперь, после твоих оскорблений, у меня нет к тебе злобы. Просто жалко тебя, кого я столько лет уважал, а теперь... Опомнись, возьми себя в руки, иначе кончишь свою жизнь позором. Зихи знают, что мы относимся к ним, к нашим и вашим богам, с уважением и почтением, молимся так же, как и они...

Абеч возвращался домой обозленным, даже молодая кобылица ощущала это, постоянно вздрагивала и сбивалась с шага. Когда за столом он кричал на Рэдэда, то видел перед собой Тураба, который обманул его, сказав, что договорился с богами, и Абеча ждет большая удача на встрече с Рэдэдом, якобы засомневающимся в своих богах и помышляющим о преклонении перед богом греческим. Значит, вместо этого богоотступника великим князем всей адыгской земли должен стать он, Абеч. «Вот тебе и удача, вот тебе и сделают великим князем, на деле же собираются отнять мое родное княжество. Я не сомневаюсь, что Тураб – посланец богов, но что-то далеко не все его пророчества сбываются. Он говорил – меня поддержат меоты и русичи, вот тут и задумаешься: поддержат или шею набьют».

V

В горах землю уже прихватил морозец, вершины укрылись снегом. Золотодобытчики в шалашах ложились спать одетыми, укрывались одеялами, а поверх еще и полушубками.

Шупаш, озябнув, проснулся, поверх медвежьей полости натянул еще и полушубок. Стало теплее, но уснуть уже не смог – завтра придут сменщики, и он отправится домой. Эта смена показалась нескончаемо длинной, одолевали переживания. Абеч отказал ему, не согласился отдать свою сестру. Да и можно ли родниться с ним, когда дело вот-вот дойдет до мечей. Как говорят, благо, что на лугу цветет много цветов. Дахапса обмолвилась: подобрала для Шупаша другую невесту, Лашин. Он видел ее – ничуть не хуже сестры Абеча, а может, и лучше, вот и не терпелось увидеться с нею.

Утром Шупаш побывал на золотом прииске и серебряном руднике, собрался уже в дорогу, как увидел мчавшегося во весь опор всадника. «Что случилось?! Не с великой ли княгиней...»

Всадник, соскочив со взмыленного коня, выпалил:

– Шупаш, Дадам пропал!

– Как это пропал? Может, просто уехал?

– Не просто, а прихватил большой самородок.

– Понятно, скорее скачем!

На прииске он спустился к речке, где работали хакучинцы, стал расспрашивать, что за человек Дадам, как он мог украсть самородок, когда и куда направился.

Один говорил, что не видел его после обеда, другой вроде бы видел, третий сказал, что Дадам еще утром ушел вверх вдоль речки.

– Пешком или на коне?

– Наверху пасутся наши лошади, наверное, ускакал.

– Надо догнать его. Завтра придет мой сменщик, расскажите ему про эту беду.

– Ты один поедешь? – спросил Шупаша старший на прииске.

– Я эту дорогу вдоль и поперек изъездил, не беспокойся, не заблужусь.

– Не в дороге дело, а в лихих людях, как бы великий князь нам выволочку не устроил, что одного тебя в такую даль отпустили.

– Скажешь, мол, не видели, как уехал, – посоветовал Шупаш, трогая коня.

Тропою, больше натопанной медведями, кабанами и оленями, чем человеком, мчался он то вдоль речушки, то

неширокими полянами. Солнце все ниже клонилось к горизонту, как-то незаметно сгустились сумерки, и вот над лесом засияла луна.

Снизу потянуло запахом соленой морской волны, терпким домашним дымком.

Лиготх сладко спал первым крепким сном.

Собаки тоже спали, но сон у них чуткий, сторожкий: еще не успел Шупаш приблизиться к околице, как послышался разноголосый залиvistый лай.

Из ближнего двора под ноги коню Шупаша кинулся огромный волкодав.

С веранды донесся мужской голос:

– Эй, кто там?

– Уважаемый, где дом Дамира Чухо? – придержал Шупаш коня.

– Четвертый от моего. Милости прошу, дорогой гость, в мой дом!

– Да хранят его боги, я тороплюсь по важному делу.

Теперь уже со всех дворов обрушились лаем собаки.

Подняли они и Дамира:

– Кажется, Шупаш? Рад видеть тебя, заходи.

На веранде появился Рэдэд:

– Ты из Мазиба, младший брат?

– Нет, с прииска.

– Напугал ты меня. Подумал, уж не случилось ли что с матерью. В такое время один через перевал... Наверное, важное дело пригнало тебя? Проходи, рассказывай.

Поднявшись на веранду, Шупаш сообщил:

– Дадам нашел большой самородок и сбежал с ним. Я надеялся догнать его.

– А ты подумал, что можешь угодить в лапы медведю, да и волки в это осеннее время, попадись им, вряд ли оставили бы в покое.

– А для чего на моем поясе меч?

Рэдэд приобнял Шупаша, ласково проговорил:

– Верно наша мать сказала: хотя уже борода у тебя пробилась, а все еще как дитя малое. Что может твой меч, если перепуганный конь рванется и сбросит на землю. Ну ладно, ладно, в следующий раз не рискуй из-за какого-то куска золота.

Дамир взял кинжал:

– Мы не хотели посылать Дадама, у него ведь и отец воровитый был. Я, пожалуй, пойду...

– Не спеши, – остановил Рэдэд, – куда ты ночью? Думаешь, Дадам прибежал домой с этим самородком? Не такой он дурак. Воры, сам знаешь, хитрые.

– Ты прав, лучше займемся этим завтра. Не пойму я, зачем парню кусок золота, что он с ним станет делать? Купца ведь найти не просто. Правда, тут еще такое дело: Дадам влюбился в нашу красавицу, а она поставила условие, мол, выйду за тебя, если к свадьбе подаришь золотой браслет. Вот он и утащил самородок.

– Но ей нужен не самородок, а браслет, значит, ему надо мастера найти. Ну ладно, давайте отдыхать, займемся утром женихом, – улыбнулся Рэдэд.

– Отдыхать так отдыхать, – согласился Дамир, – только сначала надо покормить Шупаша, ведь целый день, наверное, ничего не ел.

– Как здесь хакучинцы в дремучих лесах? Все ли нормально? – спросил Шупаш.

– Да, леса здесь дремучие, полей почти нет, негде сеять просо и кукурузу, и лугов мало для овец и коров, зато отличные сады и виноградники, хорошие пасеки. В лесах много грецкого ореха, фундука, каштанов. Ну и, понятно, лисы, куницы, белки, волки, медведи, все это – богатство.

– Я не только об этом...

– Знаю. Я говорю тебе – у них все есть, чтобы хорошо жить, а леса их не только кормят, но и защищают, вот почему хакучинцы не спешат объединяться, вместе с тем предпочитают держаться за нас, с зихами у них какие-то давние нелады. Да и понимают они – если нападут недруги, в одиночку им не справиться... Ну, ужинай, пойду, поброжу немного перед сном по двору.

Присел Шупаш к столу и вдруг ему вспомнилось, как ходил знойным летом к Дахапсе за целебными травами для великой княгини...

– Здравствуй, красавчик, здравствуй! – пропела она. – Подержи крышку сундука, там у меня хранятся травы.

Шупаш наклонился, придерживая крышку, Дахапса, потянувшись за травами, коснулась грудью его спины. Сначала лишь коснулась, а потом приникла, горячо задышав. Шупаша бросило в жар.

– Натай, Натай...– прошептал он.

– Нет его, он далеко...

Потом Шупаш сидел на сундуке, опустив голову:

– А как теперь моя невеста Лашин? Что мы ей скажем?

– Глупенький,– улыбнулась Дахапса,– зачем же ей говорить? Не беспокойся, не убудет тебя, и ей хватит.– Ее лицо снова озарилось улыбкой.– Невесту я тебе подыскала – на всю Касогию одна такая. Благодарить меня будешь, ну, немножко уже отблагодарил. Какой же ты... Ничего, пройдет время, повзрослеешь и сам поймешь, все это – дело житейское...

Уходил Шупаш с таким ощущением, будто все селение знало о случившемся. Долго потом избегал встреч с Дахапсой, а она каждую ночь снилась ему. Вот и в Лиготхе, ложась спать, подумал с боязнью, что и здесь приснится. Боялся и, таясь от себя, очень хотел, чтобы она приснилась...

Утром Дамир послал двух парней следить за домом девушки, к которой должен прийти Дадам. Он явился поздним вечером. Парни подхватили его под руки, привели к Дамиру.

– Что же ты, собачий сын, наделал! Опозорил всех хакучинцев! Как будешь теперь людям в глаза смотреть, что скажешь великому князю? Придется собрать всех селян, выставить тебя на позор. Что скажешь ты людям, что скажешь своей невесте?!

Рэдэд остановил Дамира, заговорил с Даданом мягко, даже сочувственно:

– Парень ты видный, найдется, думаю, много девушек, которые полюбят тебя и без золотого браслета. Но пойми – это золото не твое и не мое, оно народное, а воровать у своего народа преступно. Подумай, что будет с тобой, если выставят тебя на позор, как будешь жить потом в родном селении?

– Виноват я, виноват, очень прошу простить, иначе... иначе не жить мне...

– Ну полно, не говори глупости.

– Все Гуагуна, все эта выдумщица. Теперь, говорит, найди и принеси яйцо горного орла.

– А потом, глядишь, скажет: если ты любишь меня, принеси сердце своей матери?

– Ну и пусть скажет,– промолвил Дадам,– я сирота, нет у меня ни отца, ни матери...

– Знаешь, Дамир,– обратился Рэдэд к хозяину,– пожалуй, я бы простил его, а ты как на это смотришь?

– Я согласен.

– Видят боги – больше никогда и никто не услышит, что Дадам взял чужое!

– Иди и будь мужчиной, да хранят тебя боги! – дружески похлопал парня по плечу великий князь.

На рассвете Рэдэд и Шупаш в сопровождении своей дружины отправились домой.

Утро было туманное, теплое и мягкое, располагало к душевному покою, они долго ехали молча, дремотно покачиваясь в седлах.

Наконец заговорил Шупаш:

– Ты думаешь, старший брат, один не справишься с зихами, потому на помощь намерен позвать хакучинцев?

– Я не собираюсь воевать с зихами,– ответил Рэдэд, среди них многие к нам относятся по-дружески. Но Абеча проучить следует, чтобы не мешал нашему общему делу. А позвать я намерен не только хакучинцев, но и меотов, ведь мы создаем государство всех адыгов, в том числе, конечно, и зихов.

Миновав лес, они выехали на просторное поле, которое хлеборобы вспахивали под зиму тяжелыми деревянными сохами, запряженными четверкой быков. На передней паре, сидя верхом, двое мальчишек погоняли быков, по бокам второй пары шли мальчишки тоже с хворостинами. Мужчины, засучив рукава, налегали на поручни сохи, чтобы поглубже входила в землю, выворачивала, рыхлила слежавшуюся землю. Над пахотой кружили грачи, выискивая червячков и жуков во взрыхленной почве. В голубой вышине сияло солнце, тихое и ласковое, как и бывает ранней осенней порою.

Придержал коня Рэдэд:

– Вот так бы стоял и любовался этой удивительно простой и мудрой, как сказал бы Думитрий, безгрешной картиной. Мы с тобою, младший брат, не зная покоя, не жалея своих сил, пытаемся создать наше государство, а злобный в своем властолюбии Абеч следует за нами с завистью, не снимая руки с меча, его натравливает ковар-

ный Тураб со своим горбом, словно наполненным ненавистью, ворует золото Дадам, считая, что обретает свое счастье... Все грешно, все тонет в больших и мелких грехах, а это, – Рэдэд широко развел руки, – только оно изначально безгрешно, а потому и воистину прекрасно.

– Посмотри, Рэдэд, мне кажется, на обочине сидит Колэс...

– Интересно, что ему, больному, здесь делать? А с ним Кодан и Чечан!

– Как я рад видеть тебя здесь, – подойдя к старику, с чувством произнес Рэдэд, – если уж приехал в поле, значит, слава богам, прибавились у тебя силы. – Сказал Рэдэд, а сам подумал: «Совсем слаб, плох наш Колэс».

– Не сам приехал, а привезли меня, князь, – едва улыбнулся старик. – Захотелось... нет, просто не мог не повидаться с полем, с пахарями... Хорошо, покойно стало на душе. – Покачнулся он, Чечан поддержал его, не отнимая руки, присел рядом.

Дома Колэса уложили в постель. Слабым движением руки он указал Рэдэду и Чечану на стоявшие рядом с кроватью стулья, заговорил еле слышным голосом:

– Так жизнь устроена – путь человека начинается из лоно матери и ведет в лоно земли... Вот и пришла за мной белолицая старуха с клюкой... Я доволен своей жизнью, доволен всеми вами, рад, что увидел то, к чему стремился мой покойный друг Лаурстэн. Я там скажу ему, что его дело в крепких руках, а вы смотрите же, не отступитесь, не позвольте разрушить созданное с таким трудом. – Судорожно вздохнув, он умолк и закрыл глаза.

Рэдэд и Чечан встревоженно смотрели друг на друга, как бы спрашивая, что случилось, почему?!

Рэдэд коснулся ладонью лица Колэса и, вздрагивая всем телом, заплакал. Чечан склонил голову на грудь деда и тоже зарыдал.

На селение спустился тихий осенний вечер с пурпурно-золотистой зарей во все небо, с алым кустом калины под окном...

К утру знали уже во всей округе о кончине Колэса и шли, шли с соболезнованиями. Шли мужчины и женщины, старики и дети. Умер, ушел из многотрудной жизни в светлую небесную синь сделавший на земле свое дело

человек, и люди оплакивают его. Оплакивают расставание, а оно – всегда утрата, значит, печаль.

Из глубины веков пришел обычай выражать соболезнование, явившись в дом покойника, при этом родственники и близкие умершего проявляют печаль оплакиванием.

– Великая княгиня, – обратилась к Рампэс Айнар, – ты видишь, народу все больше и больше, боюсь, твое сердце не выдержит, побереги себя.

– Да-да, Айнар, но я не могу приказать сердцу, ведь Колэс был солнцем для меня, для всей княжеской семьи, и если потухло солнце, стоит ли беречь сердце. Как ему жить без света? Пусть будет так, как повелят боги.

Рэдэд не думал, что кто-то приедет от зихов – Абеч не позволит. Но вот в распахнутых воротах показался князь Зекош с многочисленными спутниками. Они подошли к Чечану, Рэдэду, Машуку и Шупашу, пожимали руки, выражая соболезнование.

– Не обессудь меня, князь, – спустя недолгое время, обратился Зекош к Рэдэду, – но я должен вас покинуть, надо ехать на похороны своей родственницы. Услышав горестную весть о кончине почтенного Колэса, не мог не заехать, не выразить свое последнее почтение нашему великому и мудрому старику.

– Ты прав, Зекош, в нем жила мудрость всех адыгов. Спасибо, что вы приехали, прими мое соболезнование по поводу кончины твоей родственницы. Доброго пути, Зекош, и будь осторожней с князем Абечем.

– Спасибо, великий князь, за заботу, не беспокойся, ему не удастся поступить со мною так, как поступил он с князем Челеметом.

Народ все прибывал, заполнив не только двор, но и улицу. Лишь поздно вечером люди начали расходиться. В комнате, где лежал покойник, остались на ночь родственники Колэса, близкие его дому.

В полдень следующего дня снова собралось множество народа. Укрытого буркой Колэса вынесли во двор. Великий князь Рэдэд, Татух, Пшимаф, Темрюк, Дамир, Машук говорили о добрых его делах, которые навсегда останутся в памяти людей, о его мудрости, о том, что он, прожив большую жизнь в греховном мире, нигде и ничем себя не запятнал.

Со двора его вынесли Чечан, Рэдэд, Кодан, Машук, Темрюк и Шупаш. За покойником шли почтенные старики. Людской поток растянулся до самого кладбища. Рэдэд оглянулся. Ему показалось, что людскому шествию нет конца.

VI

Ветер приносит дождь, война – похороны, скорбь. Но и без войны неизбежно бывают похороны, главное – знать, во имя чего принесены в жертву жизни на войне.

«Да, конечно, мы не можем допустить, чтобы сумасбродный честолюбец разрушил то, что создает весь наш народ, мы должны и проучим его, но мне все равно будет больно смотреть в глаза детям, которых война сделает сиротами, женщинам, которых она сделает вдовами... – с болью в сердце размышлял Рэдэд. – Чего же ты так поторопился, Колэс, с кем теперь мне посоветоваться, кому на плечо положить отяжелевшую голову. Живы еще мудрые Татух и Пшимаф, но они не могут мне заменить тебя. Ты приходи ко мне хоть во сне, поговори со мною, посоветуй своим тихим голосом. Ты всегда умел понимать меня без слов, будто слышал мысли мои. А теперь вот я не сплю по ночам, думаю, думаю... Еще совсем темно, еще не пели трети петухи, а уже надо подниматься и отправляться в путь, туда, где ждет меня тревога».

Рэдэд стал одеваться, взял меч и вдруг подумал: «Им не сеют, не жнут, не рубят дров, им только убивают людей, проливают кровь, причиняют страдания, тогда зачем же люди делают их такими красивыми, украшают золотом, серебром, зачем?» Подумал и усмехнулся: «Чего только спросонья не залезет в голову!..»

Рассвет едва-едва забрезжил, когда Рэдэд с Коданом и Машуком в сопровождении княжеской полусотни выехали из Мазиба. Под монотонный перестук копыт всадники долго ехали молча.

– Ну что вы будто с похорон едете, еще не проснулись? – не выдержал молчания Рэдэд.

– А оно так и есть, я все еще не отошел от похорон почтенного Колэса, – ответил Кодан и, помолчав, продолжил: – Удивительный был человек. Когда тебя предал

Нахлеш, мы кинулись искать. Колэс ведь уже был в годах, разве можно ему было отправляться в такую рискованную и трудную дорогу. Пытались отговорить его, но он и слышать не хотел, даже обижаться стал. А когда ногу сломал, как он переживал! Не из-за ноги, а оттого, что не сможет ехать дальше, не сможет искать тебя, Рэдэд.

– Я помню Колэса с мальчишеских лет, – сказал Машук. – Как-то играли мы, а потом подрались, мне расквасили нос. Увидел я кровь и разревелся. Тут случился Колэс и спросил, чего я лью горькие слезы. Да вот, говорю, нос мне разбили. Он погладил меня по голове, ласково сказал: «Попроси мать, пусть тебе даст платок и юбку сошьет». «Зачем?» – удивился я. «А затем, что из тебя мужчины не получится. Вместо того, чтобы постоять за себя, ты нюни распустил, как девчонка». Такая обида охватила меня, что я тут же кинулся на своего обидчика, сбил его с ног и начал изо всех сил колотить. Колэс подошел, положил на мою голову руку и опять мне ласково: «Постоять за себя – не значит колотить своего соперника до беспомысленности». До сих пор мне слышатся его тихие слова.

– У меня тоже был случай, – продолжил разговор Рэдэд. – Если бы не Колэс, давно мои косточки лежали бы в сырой земле... В ранней молодости слишком горячим был. Как-то ворвались в Мазиб хазары, ухватил я дубину – и со двора, думаю, сейчас покажу вам. Но тут Колэс встал на дороге, ухватился за руку, ты куда, говорит, разогнался, постоять за себя – вовсе не значит потерять голову, разве справишься один со сворой вооруженных разбойников? И увел меня в горы, можно сказать, спас от верной смерти... Не вовремя, ох, не вовремя ушел он. Помню его слова: надо обязательно жить в мире с русичами, потому как враждовать с соседом – все равно что враждовать с самим собою. Но как жить с ними в мире, если они требуют дань, хотят, чтобы мы на них работали, если Мстислав заявляет: «Не хотите подчиниться моему слову – подчинию мечом своим».

– Ну и что! Разве наши мечи не острее, а кони не быстрее, чем у русичей? Еще посмотрим! – угрожающе промолвил Кодан.

– Что ж смотреть, – угрюмо ответил Рэдэд, – скажем, наш воин может справиться с двумя русичами, но их – как саранчи, на каждого из нас сотня приходится.

– Что касается меня, великий князь, – лучше умереть свободным, чем жить рабом.

– Я тоже так думаю. И ты, и я – все наши мужчины готовы к этому. Но если умрем, на кого оставим наших матерей, жен, детей? Рано, ох, рано ушел Колэс, осиротил нас.

Князь Каит, увидев подъехавшего к воротам великого князя Рэдэда с полусотней, встревожился: «С чем они пожаловали в Меотию, в мой дом?»

Рэдэд едва успел сойти с коня, как Каит навстречу с вопросом:

– Что-нибудь случилось, князь?

– А разве бывает, чтобы у нас ничего не случилось? Если не беспокоят хазары и аланы, то между собой грызню начинаем.

– Верно, верно, не перевелись строптивцы у нас, не дорожат они ни миром, ни покоем. Вот и Абеч возомнил себя великим, похоже, пора уже утихомирить его.

– Думаю, Каит, ты догадался, зачем я приехал к тебе?

– Кажется, догадался, – улыбнулся князь. – Не будем терять времени, я велю позвать предводителя нашей дружины, поговорим, посоветуемся. Милости прошу в дом.

Явился громадный, чуть неуклюжий, с большими тяжелыми руками, мужчина:

– Слушаю, князь.

– Пошли гонцов ко всем князьям – пусть немедля едут сюда.

– Я думаю, не следует всех собирать, слишком много чести Абечу выставить против него столько воинов. Мне кажется, станут поддерживать его далеко не все зихи.

– Однако те, кого не позовем, могут обидеться, подумают – не доверяем им.

– Тебе в твоём доме виднее, князь. Поступай, как считаешь нужным, – согласился Рэдэд. Ушел предводитель дружины.

– Кажется, ты хочешь что-то сказать? – заметив волнение Каита, поинтересовался Рэдэд.

– Не обижайся, великий князь, что я ездил к Абечу без твоего разрешения. Надеюсь, уговорю его примириться с тобой. Если бы не этот Тураб... Ты знаешь, он ни на шаг не отходил от Абеча, не давал слова сказать, орал, и все от имени богов. Если бы не этот горбун, Абеч, пожалуй, согласился бы со мной... Не представляю, как ты мог терпеть этого урода столько лет.

– Раньше он не был таким, мы его ведь жалели, убогого и несчастного, потом он всех нас убедил, будто является посланцем богов. Лишь теперь поняли, кто он на самом деле, когда совсем распоясался. А что ездил ты к Абечу без моего согласия – не беда. Даже лучше – сам все увидел, теперь расскажешь своим людям, они, уверен, согласятся с тобой и со мной, поймут, что всем нам вместе – касогам, меотам, хакучинцам – следует обуздать Абеча, сеющего распри между нами. Думаю, и зихи поймут, что нам нельзя без единства, и осудят его.

– Сейчас я в этом сам убедился, многие зихи нас поддерживают.

– Спасибо, Каит, за твою мудрость, – искренне поблагодарил Рэдэд.

К полудню следующего дня собрались князья Меотии. Великий князь пояснил, с какой целью приехал, рассказал о самовольстве Абеча. Слушали его внимательно, вместе с тем вопросительно поглядывали на своего князя, а когда Каит сообщил о своей поездке к зихам, о поведении Тураба и Абеча, отметив, что он полностью на стороне великого князя Рэдэда и его правого дела, князья возбужденно заговорили:

– Пора покончить с самоуправством Абеча, довольно раздоров, мы все поддержим!

Доволен был Рэдэд этим единодушием:

– Я рад, что встретил понимание, благодарю вас! Я думаю, мы с вами – большая сила, может быть, не следует беспокоить воинов восточных селений, что в низовье Псыжа¹, обойдемся без них?

– Мы не согласны! – зашумели князья, – зачем же их обижать, они ведь тоже хотят быть достойными участниками нашего общего дела!

– Согласен, – ответил Рэдэд. – Каит, надо послать гонцов. Все дружины должны собраться послезавтра в

¹ П с ы ж – адыгское название реки Кубань.

полдень на большом поле у селения князя Абеча. Хочу всех предупредить: мы едем на землю единокровных братьев, поэтому строго запрещаю жечь, разорять, обижать мирных жителей, боги нам этого не простят. Свой гнев обрушим лишь на тех, кто поднимет на нас меч.

– А если те, которых ты называешь мирными жителями, поднимутся против нас, что мы должны делать? – поднялся в высокой медвежьей шапке рыжебородый князь.

– Я уже говорил: отвечать ударом только на удар, сразить лишь того, кто решил сразить тебя.

– Как это – ударом на удар, – не унимался рыжебородый, – а если он своим ударом снесет мне голову, как я отвечу ему потом?

– Если ты настоящий воин, то сумеешь упредить удар, ну а если не способен, тогда тебе лучше сидеть дома.

– Знает он и умеет, – поднялся Каит, – это он просто так, чтобы повеселить сказал.

– Значит, договорились. Послезавтра в боевой готовности встречаемся в полдень на поляне у селения Абеча, – заключил Рэдэд.

Возвращался он домой в приподнятом настроении, отчего дорога в Мазиб показалась гораздо короче, чем из Мазиба.

– Может, – обратился он к Кодану, – не будем торопиться домой, заедем в казармы?

Войско в Зихию готовится выступить завтра, и сегодня в Мазиб съехались дружины всех селений. Воинов было так много, что не могли все уместиться в казармах, пришлось определить на постой в домах жителей, поэтому Мазиб напоминал военный лагерь. В один из таких домов, где собрались предводители дружин, пришли Рэдэд с Коданом и Машуком. Великий князь рассказал им об успешной поездке в Меотию, затем подробно говорил о предстоящем дне, в каком походном порядке будут двигаться дружины.

– Если что-то не понятно, спрашивайте, – закончив разъяснения, сказал Рэдэд.

– Твой младший брат, князь, попросил меня рассказать о христианстве, – заговорил Темрюк, – а еще тут интересуются, правда ли, что и ты склоняешься к единобожию?

– Хорошо, поясню. Абеч распустил слух, что мы с вами предали своих богов, поэтому он решил защищать их в бою с нами. Думаю, – Рэдэд выжидающе посмотрел на Темрюка, – думаю, в боевом деле, которое нам предстоит, наши боги будут вместе с нами, и пусть они укрепят наше единство.

– Я тоже за единство и никого не зову в свою веру.

– У всех нас сейчас одна вера – в нашу родную землю, в наше молодое государство, оно только учится ходить, как малое дитя, и все мы обязаны помочь ему. – Рэдэд встал. – Выступаем на рассвете, а сейчас – всем надо как следует отдохнуть, выспаться.

Когда он ушел, Шупаш обратился к Темрюку:

– Ты все-таки ответь на мой вопрос, объясни толком...

– Почему ты у меня спрашиваешь, спросил бы у своего старшего брата, у тех парней, которые побывали в Византии, у арабов, у самого себя спроси – ты ведь тоже бывал у греков, видел и знаешь, как сильны государства, где верят в одного Бога. У христиан и арабов разная вера, но они поклоняются единому Богу и ушли от нас далеко вперед, а мы все плетемся у них в хвосте...

Поднялся князь из Шисхариса:

– Хватит об этом. У всех нас один предводитель – великий князь Рэдэд, и забота одна – как лучше выполнить его волю, чтобы победить противника, поэтому надо хорошо отдохнуть перед завтрашним походом.

Еще не пропели третьи петухи, не во всех домах потушили свечи и жировки, а воины уже построились рядами перед казармами. И были здесь не только воины – пришли их матери, старики и, конечно же, вездесущие мальчишки.

Когда Рэдэд подъезжал к казармам, конь его громко заржал – ему никогда не приходилось видеть столько лошадей, столько всадников!

Уже занималась заря, в ее золотисто-багряном свете войско выглядело угрожающим, у Рэдэда его вид вызвал восторг. Он подумал, что адыги за многие годы своего существования впервые собрали свою силу в единый кулак. Об этом и сказал, обратившись к дружинам:

– Уважаемые предводители, уважаемые воины! Впервые на нашей многострадальной земле мы собрали свою силу воедино. Собрали ее не для нападения, как это делали

хазары и другие разбойники, мы собрали ее, чтобы защитить свой народ, наших женщин, детей, стариков. И в Зихию мы отправляемся не воевать с единокровными братьями, а образумить зарвавшегося Абеча и его приспешников. Я уже говорил и еще раз скажу: мы едем с миром, поднимем меч только для того, чтобы ответить ударом на удар. А теперь помолимся на дорогу.

Сотни рук вскинулись к небу, освещенному восходящим из-за леса солнцем.

Тронулась лавина конников. Плакали женщины, хмурились старики, с визгом восторга скакали, будто стригунки, мальчишки.

Переправившись через речку Тарко, войско расположилось по мелколесью на привал. Рядом раскинулась просторная поляна, а дальше, на взгорке – селение Абеча Трампап.

Хакучинцы пришли раньше касогов, вслед за ними появились и меоты. Рэдэд собрал предводителей, соблюдая осторожность, вывел их на край мелколесья, откуда как на ладони виделось селение. Великий князь указал каждому предводителю, в каком направлении он должен вести своих воинов, когда начнется сражение.

– А это кто у тебя, Дамир, никак Дадам?

– Он, великий князь. Не хотел его брать, слишком молод еще, так он чуть ли не на коленях стал упрашивать – возьми да возьми, я должен свое слово, данное князю, сдержать.

– Молодец, парень, молодец!

Абеч метался по дому, будто разъяренный зверь в клетке. Князь Зекош днем раньше с дружиной ушел неизвестно куда. Трое ближних князей, обещавших драться с войском Рэдэда, почему-то не явились, хотя Абеч посылал за ними гонцов.

– Да не казни ты себя, князь, – уговаривал Тураб, – успокойся, одолей себя, иначе не одолеешь врага. И перестань суесться.

– Как?! – окрысился Абеч, остановившись против него. – Может, я плясать должен на своей могиле?! С тебя надо, с тебя спросить! И так спросить, чтобы!.. Сколько ты болтал: касоги ненавидят крутолобого Рэдэда. И про богов мне сказки рассказывал: они, мол, держат твою

сторону, ты – истинно великий князь адыгской земли! Вся она – перед нами, пришла с Рэдэдом, а ко мне кто пришел?!

– Не торопись, князь, подойдут и наши, обязательно подойдут...

– Что ты болтаешь? Они могут лишь убежать, чтобы спасти свою шкуру. Ничего, мы еще посмотрим! Выманим их на голый пустырь, неожиданно кинемся, распотрошим, как куропаток! Ты следуй со мною рядом, тебя боги будут охранять, а я – рядом с тобою!

– Но, князь, я – посланец богов, я могу только молитвами...

– Правильно, будешь молиться, и твой меч станет святым, непобедимым.

– Но я никогда не держал меч в руках...

– Эй, кто там! Быстренько принесите божьему посланнику меч и лук с колчаном. Быстро! И коня оседлайте!

– Как скажешь, князь, как скажешь... – уныло согласился Тураб, едва сдерживая дрожь.

– А теперь за мной! Вперед! – стараясь быть грозным, закричал Абеч. Выскочил с Турабом во двор, где за воротами собралась его дружина, взгромоздился на коня, и тут к нему подскакал ошалелый вестовой:

– Плохо наше дело, князь! Их там видимо-невидимо! Со всех сторон прут!

Абеч, побледнев, глянул на вестового и вместо всадника ему увиделось что-то расплывчато-белое, не иначе – сама смерть! Как бывает в подобных случаях, человек теряет разум, теряет свою волю и подчиняется непонятной, какой-то несокрушимой силе. Приподнявшись на стременах, Абеч закричал чужим хриплым голосом:

– За свободу зихской земли! Лучники – вперед! Мечи – наголо!

Зихская конница пустилась вскачь. Перешли на галоп и касоги. Две лавины неслись навстречу друг другу с гиканьем и воплями, бешеным топотом копыт и ржанием лошадей. Со свистом летели стрелы. Сталкиваясь, падали кони, увлекая седоков. Обагрилась кровью земля.

Увидев летевшего, словно на крыльях, Рэдэда, Абеч закричал скакавшему перед ним старшему байколу:

– Сворачивай, сворачивай налево!

Тураб тоже хотел повернуть за ним, но подоспевшие касоги перекрыли ему дорогу. Конь его дико заржал, взвился на дыбы. Оглушенный звоном мечей, глухими ударами о щиты, храпом коней, воплями и стонами раненых, он, казалось, потерял ощущение происходящего. И вдруг прямо перед собой Тураб увидел Шупаша.

– А-а, княжеский прихвостень, – завопил горбун, – тебя-то мне и не хватало!

С поднятым мечом он ринулся на Шупаша. Но тот, быстро увернувшись от удара, со страшной силой обрушил свой меч, снеся с плечом и часть его горба. Дикий крик раздался над полем брани, заглушив на мгновение звуки боя.

Рядом с великим князем Рэдэдом неотступно находился Агбан. Неожиданно его сбил с коня здоровенный воин, они сцепились на земле. Рэдэд не успел повернуть коня, как другой зих занес над ним меч и тут же уронил его, сраженный Дадамом. Великий князь, оглянувшись, увидел парня с окровавленным мечом в руках:

– Молодец, младший брат, теперь я твой должник! – похвалил он его.

Ряды зихов редели. Да и рядов уже не было, зихи в беспорядке стремились уйти с поля боя. Рэдэд, привстав на стременах, во всю мощь крикнул:

– Правильно, плашмя, плашмя их по спинам бейте! Они уже опомнились, поняли, с кем имеют дело, пусть убираются восвояси!

Угасла схватка, потух всплеск ненависти. Расслабленно опустив плечи, Рэдэд неторопливо возвращался к речке Тарко. Вспомнил, что князь Зекош обещал помочь со своей дружиной, однако не привел ее. «И правильно сделал, теперь никто не скажет, что он убивал своих, они ему этого бы не простили. Вот его и надо сделать главным князем всей Зихии. Интересно, куда сбежал Абеч?»

VII

Семь мазибцев погибли в этой схватке. Теперь их оплакивали. Двенадцать воинов были ранены, у их постелей собрались парни, чтобы повеселить, облегчить страдания.

Хакучинцы увезли с собой тела трех убитых, меоты – одного и несколько раненых. Конечно, больше всех пришлось хоронить зихам.

Рэдэд, выразив соболезнование семьям погибших, дал обещание помогать вдовам и осиротевшим детям, наведавшись к раненым, поблагодарил их за честную службу, пожелал скорейшего выздоровления. Объехав Мазиб в сопровождении Чечана, Машука, Кодана и личной охраны из двадцати воинов, он отправился с соболезнованиями в другие селения.

Чечан засомневался перед отъездом:

– Может, мне не следует ехать, ведь я не участвовал, неудобно...

– Тебе нечего смущаться, – возразил Рэдэд, – ты выполнил волю великого князя, я это сделал в память нашего мудрого Колэса, не желая рисковать твоей жизнью, ведь ты один остался в его роду.

В Шисхарисе мазибцы посетили дом, где оплакивали покойника. К Рэдэду подошел старик:

– Спасибо, что нашел время утешить семью павшего воина. Да будут довольны тобою боги, – поклонился великому князю хозяин дома.

– Спасибо и вам за ваших детей и внуков, отдавших жизнь за нашу землю, за ее покой и благополучие.

– Не скажешь, куда сбежал заносчивый Абеч? Жаль, что вам не удалось его поймать и выбросить его зловедную башку собакам.

– Говорят, сбежал он в самом начале боя с младшим сыном Хакары Зираром к русичам.

– Знаешь, князь, бывает, висит яблочко – красивое, румяное, а внутри – червивое. Вот так и Зирар – румянький, румянький и улыбчивый парнишка, а внутри-то гниль. Он приезжал на свадьбу моего сына. Все улыбался, а потом наговорил таких пакостей, что наши ребята выпроводили его за ворота.

– А старший показал себя в схватке достойным мужчиной. Вот и пойми – от одной матери, от одного отца, как говорится, одного корня, а если бы встретились – Гуат очень хотел этого – произошло бы страшное братоубийство. Бедные, несчастные родители, как им видеть все это.

Рэдэд вспомнил... Старая мать, встретив на пороге Гуата, спросила:

– Где твой младший брат, сын мой?
– Его нет среди убитых и среди раненых. Он жалкий трус и предатель. Да не будет его праху места на земле наших отцов и дедов.

Упала мать на грудь Гуату, забилась в рыданиях.

Побывав в нескольких селениях, великий князь увидел: большинство одобряло случившееся. Но встретились и другие:

– Князья делят власть между собой, а за эту дележку мы расплачиваемся своей кровью.

Был случай однажды. Поднялся Рэдэд в седло, к нему подошел седенький старичок в огромной мерлушковой папахе, взялся за княжеское стремя, поманил сухоньким пальцем, мол, нагнись, слово хочу молвить.

Рэдэд спрыгнул с коня:

– Слушаю тебя, почтенный.

– Случается, своему провинившемуся мальчишке всыплешь плетью пониже спины, он заплачет от боли и стыда, и тут не понять, кому больнее – отцу или сыну... Я бы, князь, похоронил в одной могиле всех, кто пал на том поле – касогов, меотов, хакучинцев, зихов, положил бы там громадный камень и велел всем нам, адыгам, пройти мимо, поклониться ему... Не сердись, князь, на меня, старого, неразумного, и в добрый час тебе и твоим спутникам.

Через две недели после похорон Рэдэд собрал зихов, чтобы избрать главного князя. Предполагал, будет хасэ после недавней битвы напряженным, однако все обошлось спокойно – единодушно избрали Зекоша.

Несколько дней спустя, проезжая со спутниками по Мазибу, Рэдэд услышал скандальный шум во дворе тетки Тураба. Сестра кузнеца Емзеша, вырываясь из рук брата, неистово поносила хозяйку дома:

– Чтоб тебе, мокрохвостой дуре, упасть в бездонную пропасть! Из-за твоего племянничка, проклятого горбуна, началась война, и там погиб мой ненаглядный сын!

– Надо было его держать у себя под юбкой, тогда бы он не погиб! А что касается горбуна, так он такой же мой, как и твой. Вы сами носили его на руках – наш посланец богов, наш святой! А его самого на два куска мяса разрубили!

Увидев спешившегося Рэдэда, сестра Емзеша уже тише запричитала:

– Не сердись на меня, великий князь, не я виновата, это боль в моей материнской груди.

Емзеш махнул на сестру рукой:

– Должно быть, правду говорят: ум бабы не длиннее подола ее юбки. Глотка у нее луженая, что ли? Из одного конца Мазиба до другого слышно. Кричит на несчастную старуху. Какой он ни на есть горбун, но ведь племянник ее, родная кровь.

– С горя еще и не то скажешь, Емзеш, – глядя вслед уходившей женщине, сказал Рэдэд. – Не сердись на нее... Ох, как устал я, Емзеш, поеду домой.

– С прибытием, великий князь, а у нас гость, – принимая повод коня, сообщил Агбан.

– Спасибо. Я не спрашиваю о госте, как говорится, лучше пусть будет плохой гость, чем хороший враг. Однако откуда он?

– Не знаю. Говорил, будто с Колэсом был в неволе. Сейчас Шупаш повел его к Чечану.

– Но ведь его еще нет дома, он ездил со мной, разве мой младший брат не знал этого?

– Знал, но нам сказали, что Чечан уже вернулся.

Рэдэд зашел к матери. У нее гостила Курац.

– Входи, князь, я оставляю тебя с великой княгиней.

– Я так тебя напугал, Курац, что ты решила убежать, – пошутил Рэдэд.

– Что ты! Мне просто неловко...

– Если уйдешь, мы с великой княгиней обидимся на тебя. Правильно я говорю, мать?

– Очень правильно, сын мой. Садись, Курац, ты ведь знаешь, мне с тобой всегда интересно.

Курац зарделась от смущения, от радости за оказанную ей честь. Села поближе к княгине.

– Да, время к старости людей сближает. Старость – это болезнь, которая облегчается лишь самими стариками.

– А тебя эта болезнь сделала мудрой, – улыбнулся Рэдэд.

– Спасибо, князь, что хорошо думаешь обо мне. Скажи, это правда, что бедняга Тураб погиб в сражении?

– Да, правда, – холодно ответил Рэдэд.

Курац горестно покачала головой, покрытой темным платком, смахнула слезу:

– Я понимаю, князь, твое недовольство. Много глупостей, а то и недоброго наделал Тураб, но он ведь тоже человек...

– Адыг, – добавила Рампэс.

– Адыг, – повторила Курац. – Мы помним его совсем маленьким, розовым, еще не горбатым, таким веселым и глазастеньким, а потом... Наверное, не только он – все мы виноваты в том, что в его сердце не осталось доброты. Сам вырыл себе могилу, на которую никто не придет, чтобы вспомнить добрым словом...

– Вы посидите, побеседуйте, – выглянул в окно Рэдэд, – а мне надо идти, наверное, гость уже вернулся от Чечана.

Рэдэд вошел в гостиную. Гость поднялся навстречу, радостно улыбнулся:

– Здравствуй, великий князь Рэдэд, рад видеть тебя!

Рэдэд приостановился, внимательно вглядываясь в незнакомца.

– Откуда ты знаешь меня? Не помню, чтобы мы с тобой встречались.

– Не встречались, это правда, – продолжал улыбаться гость, – но Кансав очень много о тебе рассказывал, да и где встретишь еще такого, как у нас говорят, великана?

– Значит, ты из Тмутаракани? Прошу, садись, – Рэдэд указал гостю на стул. – Гость должен три дня отдыхать, только потом его можно спросить, зачем приехал. Если не возражаешь, осмелюсь нарушить этот обычай, уж очень странный твой приезд. Расскажи, кто ты, откуда родом, зачем приехал к нам и при чем тут Кансав, мой дядя?

– Да, да! – улыбнулся гость, обнажив крупные пожелтевшие зубы. – Зовут меня Пох, родом из Меотии, живу в Тмутаракани. С Кансавом знаком много лет, он и прислал меня к тебе.

– Зачем прислал?

– Живет он хорошо, в почете у русичей. От князя Мстислава узнал, что здоровье его сестры, великой княгини Рампэс, ухудшилось, и она желает повидаться с ним. Это беспокоило воеводу Кансава, хотел сам приехать к княгине, но опасается, что русичам это не понравится.

– Значит, русичи ему не доверяют?

– Когда живешь среди чужого народа да еще и занимаешь высокую должность, сам понимаешь, князь, хозяева обязательно будут присматривать за тобой... Кансав передает поклон сестре. Но самое главное, князь, я приехал от него по очень важному делу к тебе.

– Какое у него ко мне может быть дело, да еще и важное?

– Великий князь Мстислав знает о ваших неладах с зихами, вот и решил воспользоваться. Если вы не согласитесь платить ему дань по слову его, то он намерен заставить вас силой. Дружины русичей должен повести на вас воевода Кансав. Он повелел мне: скажи Рэдэду, сыну моей сестры, пусть не сопротивляется русичам, которых я поведу на них.

– Но я не только сын его сестры, но еще и великий князь земли адыгов, перед которой у меня княжеские обязательства, долг перед памятью предков, перед землею, по которой ходили они, ходим мы, наши дети и внуки будут ходить, так что, почтенный, от меня тут ничего не зависит.

– Да, князь, все так. Воевода Кансав знал, что другого ответа от тебя не будет, потому просил: пусть, говорит, помнит Рэдэд, что хотя я воевода русичей, но сердце мое принадлежит Касогии. И еще сказал: низко поклонись сестре моей Рампэс. Вот за этим я и приехал. А еще хотел повидаться с Колэсом, да, как видишь, не судьба.

– Но откуда ты знаешь Колэса? Он никогда не поминал твоего имени.

– Мы с ним были в неволе, и тем, что я живым остался, обязан мужеству Колэса, его большому и доброму сердцу.

– Ты хорошо сказал, почтенный, у Колэса было большое, доброе сердце, и мудрости он был необъятной. Его нет в живых, но его доброта, мудрость живут в нас, вместе со всеми нами.

Посланец Пох еще что-то говорил, тоскливо глядя в глаза Рэдэда, но тот уже не слышал его, в нем уже билась беспокойная мысль: «Вот так, грозный воевода русичей. Ты поведешь войско на наши, на твои земли, будешь сражаться с нами, побеждать. Но умрешь ты, дядя Кансав, от боли, от тоски твоего сердца по Мазибу, по его пыльным

улицам, на одной из которых и упадет твое измученное, бездыханное тело...»

Абеч и Зирар так неслись в сторону моря на взмыленных конях, будто за ними гнались и уже настигали. А гнался за ними призрак страха. Он исходил оттуда, где звенели мечи, свистели стрелы, стонали раненые, а горячая кровь уже остывала на траве. Не помнили они, сколько мчались, задыхаясь от дорожной пыли и страха – ровно столько, сколько хватило сил у лошадей, которые, измотавшись, перешли на рысь, а потом и вовсе побрели шагом.

– У меня совсем одеревенели ноги, надо немного размяться, – сказал, спешиваясь, Абеч.

– Только недолго, – выдохнул Зирар, – они еще могут...

– Да, могут! – зло оборвал его Абеч. – Мне лишь немного размяться.

Вскоре они снова двинулись в путь, отдохнувшие кони пошли рысью. Всю дорогу путники старались держаться так, чтобы не показать друг другу спину, опасаясь один другого, словно волки, готовые в любой миг оскалить пасть.

Однажды поздно ночью, когда раздавались раскаты грома и полыхали молнии, в дверь дома князя Абеча постучался Зирар и попросил убежища. Рассказал, как он поскандалил с Рэдэдом, потому что тот – самозванец, к тому же стал поперек его дороги. Поскандалил Зирар и со старшим братом, послушался мать. «Что смыслит старушонка в моих мужских делах, чтобы соваться в них!» Очень нужен был Абечу такой человек, готовый проткнуть кинжалом не только Рэдэда, но и своего родного брата! Ох, как нужен, но его все время надо держать перед собой, не оборачиваться к нему спиной. И теперь, в дороге, Абеч не спускал глаз со своего спутника: «Если он узнает, что у меня кiset с золотыми... только бы не узнал, а то и без кинжала, по-волчьи, зубами загрызет».

Зирар был тоже, как говорят, себе на уме. Явившись в ту грозную ночь, он знал, кому нужнее всего его кинжал против Рэдэда, знал и волчьи повадки Абеча, а потому сейчас берег свою спину, старался держаться рядом, только рядом, пока им обоим по пути, а если встретится развилка,

тогда не зевай, чей кинжал окажется проворней – тот и прав.

На границе предводитель дозорного отряда, знавший, что зихский князь Абеч начал платить дань, встретил его приветливо, рассказал, как проехать к дому воеводы Кансава. А если воевода в отъезде и вернется домой только завтра? Путники решили искать дом для постоя.

– Ты знаешь язык русичей? – спросил Абеч.

– Откуда? Я дальше Мазиба нигде не бывал.

– Как же ты собираешься тут жить?

– Так... я с тобой. Мы же вместе спасались.

– Спасались и спаслись, а теперь не знаю, как придется на чужой земле. Ты чего скис, будто вчерашнее молоко? Держись, а то упадешь и не сможешь подняться, стоило ли тогда бежать сюда, на чужую землю...

«Я знал, что ты гадостный, но чтобы настолько... Ну ничего, посмотрим: как высоко ни летала бы птица, ей все равно придется опуститься на землю».

Абеч между тем продолжал:

– Если хочешь, чтобы конь твой слушался тебя, крепче держи в руках поводья.

«Погоди, я еще сумею и тебя зануздать, князь. Э-э, да и какой теперь ты князь».

Нашли они дом, хозяин которого согласился пустить их на ночлег.

– Ты останешься здесь, а я поищу себе что-нибудь получше.

– Как?! Ты бросишь меня одного? А почему не вместе, ведь мы на чужой земле?

– Ты что, Зирар, только вчера на свет появился? Или не знаешь, что я князь, и простолюдины не должны жить со мною в одном доме? – возмутился Абеч.

– Почему, князь?

– Теперь я вижу, что дальше Мазиба ты в самом деле нос никуда не высовывал. У каждой вещи должно быть свое место. Заночуешь со мной в одном доме, чего доброго, завтра возомнишь себя равным с князем.

– Зачем так, – обиженно произнес Зирар. – Ты – князь, а я твой слуга и охранник, поэтому всегда должен находиться рядом, у тебя под рукой. Тем более, – польстил Зирар, – что ты, можно сказать, спас мне жизнь, теперь я

до своей могилы обязан быть верным тебе... «Обязан... – подумал с ненавистью, – собачье отродье, сполна рассчитуюсь с тобой», – да и языка русичей я не знаю, как же мне без тебя?

– Ничего, как-нибудь обойдешься. И язык выучишь – нужда заставит. У тебя-то хоть есть чем за постой заплатить?

– Есть немного, совсем немного...

– Ну ладно, оставайся здесь, а я себе поищу что-нибудь получше. Завтра утром заеду к тебе.

Улегшись в мягкой постели, Абеч, засыпая, подумал о Зираре: «Пусти свинью за стол, так она и ноги на стол... Про золотишко помалкивает: есть, мол, совсем немного. Врет, собака, небось, нахапал на прииске золотого песочку. Ну, ничего, и до тебя очередь дойдет, князю оно нужнее, чем тебе, пустоголовому пройдохе».

Утром они отправились к Кансаву.

Абеч размышлял: «Забор в два человеческих роста, сложенный из камня, понятно, крепость, а зачем такой высокий дом, зачем такие громадные окна? Это глупость, врагу на руку. В такое окно можно на коне въехать».

У дубовых ворот – коновязи.

– Ты оставайся с лошадьми, да гляди хорошо, не лови ворон, не то из-под носа могут увести.

Охранники – дюжие парни, в смешных высоких шапках, длинных, чуть не до пят одеждах, расшитых разными вензелями, – встретили Абеча приветливо. Старший из них расспросил, кто он, зачем пожаловал к воеводе, затем повел за собой.

Двери в комнату Кансава зачем-то тоже высокие, на них всякие блестящие штучки навешаны. Вошел через эту дверь Абеч в такую высокую и широкую комнату, что почувствовал себя в ней совсем маленьким, даже сжался испуганно.

Из-за высокого большого стола вышел Кансав, тоже в длиннополой одежде, расшитой вензелями, похоже, золотыми. Сделал несколько шагов навстречу Абечу. Бледнолицый, совсем не похожий на адыга. Он улыбался Абечу так, будто совсем не улыбался, а хмурился:

– Добро пожаловать, князь, думаю, добрым ветром тебя занесло сюда, в чужедальнюю сторону. Садись, князь, садись, рад нашей встрече...

«Совсем ты не рад, притворяешься, воевода».

– Надеюсь, ты не забыл привезти нам дань? – продолжил Кансав, садясь напротив Абеча.

Ехидно улыбнулся Абеч: «Держи обе руки!»

– Ты говоришь о дани Зихии, но я там уже не хозяин.

– Почему – не хозяин, что-то случилось? – нахмурился Кансав.

– Твой племянник пришел с войском, чтоб подчинить своей воле Зихию, залил нашу землю кровью.

– У тебя, князь, было доброе войско, не хуже, а то и лучше, чем у касогов, как же Рэдэд смог победить тебя?

– Он привел единое войско касогов, меотов и хакучинцев, даже часть моих князей стала на его сторону.

– Вон как... Значит, не один Рэдэд, а все адыги поднялись на тебя. Еще раньше, когда так бойко рассказывал ты о своем могучем войске и утверждал, что все адыги на твоей стороне, я усомнился в этом. Мудрость веков гласит: человека, поднявшего руку на свой народ, покидает ум, честь, совесть и постигает позор.

– Выходит, я должен был ему подчиниться?!

– Скорее – понять, стать его союзником, и он сам возвысил бы тебя. Выходит, ты сбежал с поля боя?

– Нет! – испуганно закричал Абеч. – Меня уговорили уйти мои воины, дали храброго сопровождающего беречь меня для будущего большого дела.

Кансав, опустив голову, улыбнулся:

– Кто же этот храбрец, которому доверили твою жизнь?

– Зирар, младший сын покойного Хакары.

– Он тоже, конечно, заклятый враг Рэдэда... Ну и зачем ты явился ко мне?

– Рэдэд – твой племянник. Конечно, нехорошо говорить тебе о нем плохое, если даже это правда. Но придет время, и сам увидишь, какой он на самом деле. Я пришел сказать, что в Зихии многие тебя уважают и готовы служить. Один из них – я. Возьми к себе на службу, потом придут и другие.

Кансав пропустил мимо ушей просьбу Абеча.

– Мне кажется, князь, тебя сбил с толку Тураб. Теперь, как говорится, горбун в стороне, а ты в кровавой борозде.

– Может быть, ты прав: на уловку горбуна многие попались. И твой племянник, и я, и твоя старшая сестра.

Но это все уже позади, а впереди беда покрупнее. Рэдэд создал огромное прожорливое войско, чтобы прогнать русичей и самому править на их землях.

Кансав встал, заложив руки за спину, начал прохаживаться по всей громадной комнате. «Абеч этот – падаль, – размышлял он, – от которой исходит отравка, этим он и опасен. У него ничего нет, кроме ненависти. Раз уж он пришел сюда, надо его держать под рукой, чтобы в нужный момент выбросить на свалку или...» Он обернулся и, широко улыбаясь, дружески сказал:

– Я думаю, тебя ко мне сам бог прислал. Великий князь Мстислав не успокоится, пока адыги не примут христианство и не станут платить ему дань. Ты сказал, Рэдэд создал большое войско, чтобы противостоять Мстиславу. Значит, будет большая война. Ты близок нам по нашим общим замыслам, прекрасно знаешь адыгские земли, все дороги и тайные тропы. Мы берем тебя и твоего спутника на службу.

– Если ты дашь мне крепкую дружину воинов, я покажу Рэдэду!

«Ну и наглец!» – не переставал улыбаться Кансав.

– Конечно, будет тебе дружина, обязательно будет, но потом, потом, когда делом докажешь свою верность великому князю Мстиславу, а сначала мы отправимся к меотам и зихам за данью, ты будешь правой рукой предводителя нашей дружины. Выступаем послезавтра.

VIII

Как долгое время водою точит каменные берега, так время ожидания точит, подмывает силы ожидающего.

Перед тем, как проводить старика Поха в Тмутаракань, Рэдэд встретился с ним один на один.

– Мы благодарны тебе за то, что ты пришел предупредить об опасности, а если исполнишь одну нашу просьбу... Не знаю даже, как мы сможем отблагодарить тебя, почтенный.

Старик грустно улыбнулся:

– Я уже говорил тебе, князь, что телом живу в Тмутаракани, а сердце мое – здесь. Когда я делаю для адыгов

что-то доброе, моя душа наполняется радостью. Слушаю, князь, слушаю.

– Перед тем, как выступят на нас русичи, дай нам сигнал. На вашей стороне над речкой высится белый курган. Прикажи своим людям зажечь на нем огонь. Да пусть бросят в тот костер побольше смоляных поленьев, чтоб дым был черным.

– Хорошо, князь, так и сделаю. За три дня до выступления, можешь не сомневаться.

Рэдэд подарил старику-посланцу коня со сбруей, велел Шупашу с десятком дружинников проводить его до границы с русичами.

– На обратном пути заверни к Каиту, расскажи о нашем уговоре с Похом, от моего имени вели ему – пусть князья всех селений приготовят на курганах сигнальные огни. То же самое надо сделать и в Касогии. Впрочем, здесь я сам займусь.

– Старший брат, у нас еще не зажили раны недавней войны... Мудрый Колэс советовал искать пути к миру с русичами, а ты...

Рэдэд прервал Шупаша:

– Остановись, младший брат! Почему учишь меня, или забыл о наших обычаях? Если ты полагаешь, что я уповаю на схватку с русичами, то глубоко ошибаешься. Если хочешь знать, я готов работать в поле и где угодно, не разгибая спины, лишь бы избежать хотя бы одного дня войны.

– Зачем ее начинать, если наперед знаешь, что тебя победят? Ведь сам говорил, что русичей несметное количество, за ними еще и Византия.

– В народе говорят: храбрость силу одолевает.

– Но, Рэдэд...

– Я понял тебя, младший брат, – бери моего коня, скачи к Мстиславу и скажи, что мы добровольно идем к нему в рабство.

– Ты знаешь, что Византия натравливает на нас русичей из-за веры, может быть...

– Нет! Хочешь, чтобы мы воевали не с русичами, а между собой из-за веры? Когда расколется наш народ на защитников старой веры и христиан, между ними вспыхнет война, которая страшнее будет, чем с русичами.

– Но почему – война? Другие народы обошлись без нее...

– Допустим, ты прав, – продолжал Рэдэд. – Но учти и такое: всеми христианами из Константинополя руководит верховный священник, патриархом называется. И вот мы должны будем ему подчиняться. А сколько христианских священников, разных учителей-проповедников нагрянет к нам, а вслед за ними, как прожорливая саранча, купцы. И не известно, будет ли легче, чем платить дань русичам. Опять же, откажутся ли они от дани, когда мы станем христианами?

– О боги, как все запутано в этом мире, как хорошо, что ты не долго находился в неволе, я бы тут без тебя...

– Успокойся, младший брат, не давай волю своему горячему сердцу, предводителю следует быть сдержанным и твердым.

– Какой я предводитель! – не то с досадой, не то с обидой на самого себя воскликнул Шупаш.

– Ничего, все будет хорошо. Ну, отправляйся, в добрый час!

Успокаивал Шупаша Рэдэд, а сам с трудом сдерживал волнение.

Направил он посыльных к Дамиру, к князю Зекошу с наказом о сигнальных огнях и пошел в детскую поиграть с мальчишками. Забавлялся и, кажется, становился сам таким же беззаботным, как они.

– Как приятно мне видеть вас вместе, – с радостью заметила Айнар, – на твоём лице столько счастья.

– Я и вправду счастливый, – согласился он. – Жаль только, слишком коротким бывает это счастье.

– Иногда мне кажется, Рэдэд, что наша нелегкая жизнь только и держится на этих моментах счастья.

– Моменты счастья, – задумчиво повторил он, – наверное, из них и соткано лучшее время человеческой жизни.

Вечером Рэдэд зашел в свою комнату, лег на тахту, с удовольствием, до хруста потянулся, и только прикрыл глаза, чтобы забыть от дневной суеты, помечтать в тишине, как вдруг распахнулась дверь, вбежавший Зафес кинулся к нему, припал к отцовской груди.

Обнял его Рэдэд, поворошил кудряшки:

– Что-нибудь случилось, сын?

– Случилось, – я вот пришел к тебе.

Обрадовался его ответу отец, крепче прижал сына, хотел поцеловать в темечко, но воздержался от немужской нежности.

– Должно быть, поссорился с Дзепшем?

– Нет, мы не ссоримся, я уже ведь не маленький, я уже прыгаю очень высоко, а вчера обогнал всех мальчишек, чуть не опередил и самого Дзепша. А пришел к тебе с обидой – никто не хочет рассказать мне о нарте Сосруко, как он добыл огонь. Матери некогда, у бабушки болит сердце, тебе тоже всегда некогда, вот я и поймал тебя, когда ты совсем один и ничего не делаешь.

Рэдэд весело рассмеялся, не удержался и все-таки поцеловал Зафеса.

– Правильно, сегодня ты меня поймал, и я сдаюсь. Бери подушку, садись поудобнее рядом. Жил да был в стародавние времена нарт по имени Сосруко. Маленького роста, худенький, но мужественный и хитрый. Однажды, когда он был в чужедальной стороне, в страну нартов нагрянул злой одноглазый великан и похитил огонь. Вернулся домой Сосруко и увидел своих братьев еле живых, замерзающих от холода. Узнал, что тут случилось, и решил поехать к одноглазому, забрать у него огонь.

– Не езд, – едва выговаривая слова, возразил окоченевший нарт, – к нему уже отправлялись богатыри, одноглазый великан их поубивал, а ты такой маленький да худенький, букашка перед ним, он тебя одним мизинцем прибьет.

– Ты прав, он очень большой, а я очень маленький, но это ничего не значит. Недаром в народе говорят: велик камень, да дурак, а мал золотник, да дорог. Но главное, если ты боишься, то и муха тебя одолеет, а от бесстрашного и могучий орел улетит.

Сел Сосруко на своего коня Тхожея и отправился в путь. Долго ли, коротко ли ехал, это не важно, главное – вихрем мчался на быстром Тхожее. По дороге поднялся на невысокую гору Харам и увидел вдалеке дым, а дыма, как известно, без огня не бывает. Вперед! – скомандовал Тхожею, и тот его мигом доставил к самому огню. Одноглазый расположился кольцом вокруг огня, пригревшись, сладко спал, похрапывая. Тхожей сказал Сосруко: «Слезай,

и осторожненько переступи через одноглазого. Вон ту, большую головешку не бери, возьми маленькую, опростелю садись на меня, и огонь будет наш!»

– Отец, а твои кони умеют разговаривать? – удивился Зафес.

– Нет, сынок, говорить не умеют, но хорошо понимают то, что им говорят.

– А почему разговаривает Тхожей?

– Потому что он сказочный... Слушай дальше. Сосруко сделал так, как ему велел Тхожей, но когда переступал через одноглазого, от головешки отлетел уголек и разбудил его.

– А-а, – заорал великан, – попался! Ты не знаешь нарта Сосруко?

– Не знаю, но слышал о нем, а зачем он тебе? – прищурился Сосруко.

– Говорят, что он умеет интересно забавляться. Я тоже хочу научиться. Если не расскажешь мне хотя бы об одной его забаве – не отпущу!

– Хорошо, расскажу. Вон видишь дубовое колесо-самокат? Когда оно катится вниз, Сосруко подставляет свой лоб и загоняет его обратно на гору.

– Ой, как интересно! – обрадовался великан. Скомандовал он колесу подняться на гору, потом, когда оно покатилося вниз, подставил свой лоб. Колесо стукнулось о него с разбегу, да так, что посыпались искры, и отлетело назад.

– Ну и как? – спросил удивленно Сосруко, ожидавший, что колесо расшибет голову одноглазому.

– Ой, как здорово! Меня мучила головная боль, а теперь вмиг прошла. Очень здорово! Расскажи еще что-нибудь, иначе не отпущу.

– Ну, это слишком трудная игра, вряд ли ты сможешь ею позабавиться.

– Не рассуждай, скорее рассказывай! Что я не смогу?

– Что же, слушай, Сосруко любит купаться в кипятке.

– Правда?! Вот интересно. Сейчас я попробую, – сказал великан, тут же вскипятил воду в громадном медном корыте и нырнул в кипяток:

– Ой, как хорошо! Мое тело страшно чесалось, а теперь все прошло!

Сосруко затосковал, даже испугался, ничем не может он унять великана, а значит, не принесет нартам огонь.

– Расскажу еще об одной его забаве. Он залезает в воду по горло, сильно-сильно замораживает ее...

– Опять интересно! Надо и это попробовать!

Залез великан в воду по самое горло, начал замораживать ее.

– Сильней, сильней, чтобы лед был толстый! – подзадоривал Сосруко великана.

И вот все озеро замерзло. Великан попробовал подняться, но не смог. Ведь надо все замерзшее озеро поднять, однако на это у одноглазого не хватило силы. Сосруко обнажил меч, готовясь отрубить поганую голову великана, чтобы забрать огонь и отвезти нартам.

– Я так хотел подружиться с тобой, – заныл одноглазый, – да видно не судьба. Я знаю, ты отрубишь мне голову. Позволь на прощанье сделать тебе добро: вон там, под пнем, лежит пояс, сделанный из моей кишки, если подпояшешься им – станешь непобедимым и бессмертным.

Сосруко все же вскинул меч, чтобы отрубить голову.

– Не смей! – приказал ему Тхожей. – Зайди сзади и отруби великану голову его же мечом.

Так и сделал Сосруко, потом взял под пнем пояс, хотел уже подпоясаться, но Тхожей остановил его:

– Надень сначала пояс на тот вон могучий дуб.

Подпоясал Сосруко дуб, и дерево тут же упало, перерезанное колдовским поясом.

Сосруко припал благодарно к гриве Тхожея:

– Спасибо тебе, мой верный друг. Если бы не ты, сколько раз я умер бы. Теперь домой, повезем огонь нартам, а то они там уже совсем замерзают.

– Эй, мне бы такого коня, – вздохнул Зафес.

– Тхожей любит честных, добрых, мужественных людей, любит того, кто любит свою родину. Старайся быть таким, сын мой, и Тхожей обязательно придет к тебе, а теперь иди к матери, она уже соскучилась по тебе.

Припрыгивая от радости, убежал мальчишка. Рэдэд смотрел ему вслед, размышляя: «Только тот достоин бессмертия, вечной памяти, кто любит свой народ, готов отдать ему всего себя. Как просто это сказать, а как сделать? Как понять, «что нужнее твоему народу? Колэс считал, а

за ним и Шупаш, что с русичами надо обязательно поджиться, я же считаю – мы твердой волей должны противостоят им и этим заставить уважать нас. Темрюк полагает, что нам следует принять христианство, как это давно уже сделали великие державы. А я не хочу отречься от веры наших отцов и дедов. Конечно, при многобожии у каждого свои любимые боги, каждый понимает их, как хочет. И молимся мы, где и как придется, опять же, каждый сам по себе».

Рэдэд вспомнил, как он в Греции с усмешкой смотрел на церкви: «Чудаки, разве можно в каменном мешке молиться богу неба, Солнцу? Но когда зашел в громадный, как греки называют, собор, задохнулся то ли от радости, то ли от ощущения, будто он вовсе не в доме, и не потолок будто над ним, а удивительно красивое небо. И кругом звездочки, звездочки, живые огоньки и живые люди смотрели на него со стен, откуда-то сверху, а еще – люди пели. И те, что на стенах, и еще где-то с одной стороны, с другой. Пели на непонятном языке, но так красиво, что совсем не обязательно понимать слова. Водили его в храм во второй раз и в третий, еще несколько раз, он слушал, как это у них называется, проповеди священников, в которых говорилось о добре и зле, о вечной жизни на небесах, о том, что люди должны любить друг друга. Но больше всего Рэдэда удивляло, что люди на исповедях рассказывают о своих дурных поступках священнику, просят прощения, и он своим словом облегчает их души. Ему, великому князю, это не только нравилось, но даже казалось необходимым, если он хочет создать такое же единое, крепкое государство, как Византия или Греция. Но когда приехал домой, к нему вернулось все привычное, домашнее и обязательное, а Греция осталась где-то далеко за синим, призрачным морем. Потом заморочил голову Тураб. Теперь – Темрюк со своими христианами, которых у него становилось все больше и больше. Что делать, как быть? Единственное, что он решил твердо – ему, великому князю, необходим духовный предводитель.

Усмехнулся Рэдэд, вспомнив по этому поводу Натая. Как-то пришел тот и начал разговор издалека:

– Я хорошо управляюсь в седле, мечом владею не хуже других, а может, и лучше некоторых.

– Ну что же, – ответил Рэдэд, – вступай в наше войско.

– Спасибо, князь, но я тебе нужнее в другом деле... По всей нашей земле Тураб считался божьим посланцем, а я вроде бы как при нем состоял, на самом же деле все было наоборот. Никто, кроме меня не знал, своими глазами я видел, как он... прости, князь, но это правда, он жил... с ослицей. Вот уж дрянной человек, а выдавал себя за посланца богов...

– Не надо, Натай! Разве можно так о покойнике?

– Все предсказания он узнавал от меня, – приглушив голос, сообщил Натай.

– А ты от кого узнавал? – чуть не рассмеялся Рэдэд.

– От своего Бога. Бога моего дома, вернее, нашего Бога, – прошептал Натай.

– Так почему же он не объявил тебя своим посланцем?

Натай наклонился к Рэдэду, словно опасаясь, что кто-то подслушает:

– У богов свои порядки. У них тоже есть старший и младший. Мой – младший среди них, но тоже – Бог. Он и сказал мне, что Тураба убьют – надоел он своим богам, а вместо него должен остаться я. При войске я должен быть духовным предводителем. В заморских войсках обязательно есть такие. Мой Бог сказал – ты обязан объявить меня духовным предводителем.

– Выходит, Натай, без моей воли ты не можешь быть духовным предводителем нашего войска?

– Да, да, князь, не могу! – опять перешел на шепот Натай.

– Хорошо, я подумаю. Будь здоров.

«Рассердиться, обидеть его? – Рэдэд лишь горько усмехнулся: – Что же это такое – человек, где граница его глупости и хитрости? Что такое ум и что такое хитрость?.. А не сделать ли мне духовным предводителем войска Темрюка? Родился он и вырос у нас, в нашей вере, а что касается христианства... посмотрим. Жизнь мудрее всех, проживем – увидим».

«Что за шум во дворе?» – Рэдэд услышал голос Шупаша. Уж слишком почему-то он торопился. Не со стариком-посланцем ли какая беда приключилась?

– Что случилось, младший брат? Не с Похом ли? – спросил Рэдэд, едва Шупаш перешагнул порог.

– С Похом все нормально. Хакучинцы опять завозились, недовольны твоим повелением. Кодан решил послать на усмирение дружину.

– Он что, из ума выжил? – Рэдэд снял со стены меч. – Хакучинцам нужно доброе слово, а не угроза наша! Хватит братской крови! Где Кодан?! Быстро найдите его и пришлите сюда!

– Он зашел в кузницу меч поточить. Сейчас придет, – успокаивающе сказал Шупаш.

Рэдэд повесил меч на место, стал прохаживаться по комнате. Обернулся к Шупашу:

– У матери кончилась лечебная трава. Надо бы попросить Дахапсу, чтобы она еще приготовила.

Вошел Кодан с мечом и кинжалом у пояса, с луком за спиной.

– Ну что, предводитель, готов к походу? – спросил великий князь. В его голосе Кодан почувствовал какой-то подвох:

– Не знаю... Дамир просил прислать дружину, вот я и собрал сотню... А что, не следовало?

– Хакучинцам нужно наше доброе слово, а не меч. Достаточно и моей дружины, поедешь со мной.

– Тут Натай. Он тоже очень хочет поехать.

Рэдэд улыбнулся, вспомнив разговор с ним о Турабе:

– Хорошо, пусть едет.

Шупаш, услышав имя Натай, вдруг покраснел и заторопился:

– Я пойду к матери, а потом – за лекарством... Старая княгиня, узнав, что Рэдэд уезжает в Хакучию, забеспокоилась:

– Скажи, сын мой, почему великий князь отправляется в дорогу на ночь глядя? Случилось что-нибудь?

– Не волнуйся, мать, ничего не случилось, просто такой нетерпеливый у меня брат.

Княгиня сокрушенно покачала головой:

– Пусть хранят его боги, а ты, сын мой, пошли кого-нибудь за травкой и не забудь поблагодарить Дахапсу за ее доброту. Да что с тобой, сын мой, не заболел ли? Вон как тебя в жар бросило!..

Шупаш, едва переступив порог дома Дахапсы, оказался в ее горячих объятиях.

– Миленький ты мой, истосковалась я по тебе, сладенький мой! Слышишь, как бьется мое сердце? А я постаралась избавиться от Натай, уговорила его поехать вместе с Рэдэдом к хакучинцам духовным предводителем вместо Тураба.

– Я отомстил горбуну и за тебя, и за Натай – надвое перерубил его проклятый горб!

Дахапса резко оттолкнула Шупаша:

– Ты убил его? Тураба убил?! – она упала на постель лицом на подушку, горько зарыдала. – Что же ты наделал? Как ты мог погубить человека...

Обескураженный Шупаш попятился к двери, выбежал из комнаты...

Всадники вброд переправились через Пшаду. Князь, поднявшись на пригорок, сказал Кодану, глядя на реку:

– Посмотри, какая она светлая да ласковая, а когда разольется, свирепая становится.

– А помнишь, как она прошлой весной взыграла и смыла дома и сарай? А сколько скота погибло! – ответил князю Кодан. – Вот тебе и светленькая да тихая.

– Я и говорю, – продолжил Рэдэд, – адыги ведь очень похожи на эту мирную, светлую Пшаду, но горе тому, кто испытает их гнев... Пугают меня, мол, Русь – страна от моря до моря, воинов у нее, как песка морского, а наша земля совсем невелика. Но я видел, Кодан, как такая вот маленькая речка подмыла берег, и громадная скала рухнула, развалилась на куски, а затем речка размыла их и унесла в море, будто и вовсе никакой скалы не было, речка же до сих пор течет, поет свои песни, радуется...

– Князь, глянь-ка на ту вершину! – встревожился Кодан. – Там, кажется, дым!

Рэдэд поднялся на стременах, начал всматриваться. Обернувшись к дружине, спросил:

– У кого самый быстроногий конь?

Два дружинника подняли на дыбы своих скакунов.

– Скачите на гору, узнайте, возможно, какой-то охотник развел огонек. Внимательно поглядите вокруг, нет ли других огней.

Ускакали дружинники. Рэдэд спешил, спустился к речке, засучил рукава, плеснул в лицо холодную, колючую

воду. Еще раз и еще, вода попала за воротник, скатившись, обожгла грудь... Вороной спустился вслед за хозяином и тоже ухватил воды, подняв голову, стоял, тревожно прядая ушами, словно прислушиваясь.

– Великий князь, – примчались назад посыльные, – это не охотник разжег огонь, а дружинник, ему так велели! И на соседних горах виден дым.

Взлетел в седло великий князь, приказал Кодану:

– Пошли вестовых к хакучинцам, зихам и меотам. Все, кто может владеть оружием, пусть приготовятся к бою! Дружинам с предводителями следовать в Мазиб, в войсковой лагерь. Отправляемся и мы поскорее туда, Кодан.

– Сколько у нас времени, великий князь?

– Дня три, не больше.

– Может быть, вовсе не воевать они к нам едут?

Придержав коня, князь Рэдэд с усмешкой взглянул на Кодана:

– Ты думаешь, на свадьбу? У нас для них только одна невеста – сырая земля. И вот что – нам не следует выступать им навстречу. Выберем удобное место и будем ждать, пусть кони и воины отдыхают, пока они доберутся к нам.

– А не лучше ли выступить навстречу? – засомневался Кодан.

– Не торопись. Сделаем вид, будто испугались и уходим от них. Конечно, они бросятся вдогонку. Вот тут меоты и зихи ударят по ним с боков, а хакучинцы нажмут сзади.

– Но ведь с ними Абеч, войско которого мы разбили таким же путем, он может предупредить русичей.

– Может, конечно, может. Но мы ведь знаем об этом, а потому будем хитрить, сбивать их с толку. И еще – построим своих всадников не плотными рядами, а с промежутками. Первый ряд выпустит стрелы, и тут же сквозь его строй выдвинется второй ряд, потом – третий, как в море, волна за волной, беспрерывно. Перед лесом мы поставим лишь два ряда, а остальные – в лесу. Здесь он не очень густой, мешать не будет. Когда первые два ряда отстреляются, пусть уходят в разные стороны, как бы в панике. Тогда-то и выступят наши главные силы.

Ночью Рэдэду не спалось. Нельзя сказать, что он волновался, переживал, но сон почему-то не шел. Лишь

перед утром крепко уснул. И этого хватило ему, чтобы подняться бодрым, набравшимся сил.

Быстренько ополоснул лицо холодной водой, почти на ходу съел кусок вяленого мяса, запил кислым молоком и выехал к войску. Дружины поздним вечером скрытно расположились на отведенных им местах.

Лазутчики Кодана непрерывно следили за дружинами русичей. Двигались они по той дороге, по какой и предполагал Рэдэд, и на рассвете выдвинулись к поляне, где их ждали. Первые два ряда лучников уже заняли позиции на опушке леса.

Развернулись русичи во всю ширь. Горели на солнце их островерхие шлемы, поблескивали щиты, гарцевали под всадниками кони. И вот впереди появились трое. Мстислава среди них не было, значит, не следует выезжать и Рэдэду. Он повелел Кодану:

– Возьми Темрюка с Машуком и поезжайте им навстречу. Выскажи лишь мое несогласие. Спокойно, без бахвальства и грубости.

Конечно, подумал Рэдэд, не за тем они приехали, чтобы согласиться с нами. Знал это великий князь, и все же надежда теплилась в его сердце.

И вот шесть всадников встретились посреди поля. Встретились и тут же развернули коней, направились каждый в свою сторону.

Лавина русичей хлынула, будто неудержимый поток воды.

Подпустив поближе, адыги обрушили на них тучи стрел. Затем сошлись всадники. Засверкали мечи, издавая неистовый звон, звон смерти. Брызнула первая кровь. Вздвинулись, столкнулись, лихие скакуны.

В лавину неприятеля адыги врезались клином.

В рукопашном бою жизнь каждого воина зависит от его силы, от ловкости и храбрости. Но порою довлеет над жизнью и всеильная судьба.

В самом начале схватки перед Рэдэдом неожиданно возник Кансав. Вскинутый его рукою меч грозно сверкнул на солнце.

– Кансав! – закричал во всю мочь Рэдэд, готовясь отразить удар, – в твоих жилах кровь наших предков, не позорь себя!

Может, лишь теперь Кансав узнал своего племянника или подействовали услышанные слова. На какое-то мгновение замер вознесенный им меч. И в это время подоспевший Агбан обрушил на голову Кансава тяжелый удар.

– Что ты наделал! – вырвался из груди Рэдэда крик безутешной боли. – Ты убил его!..

– Я не мог иначе, я защитил тебя!

Это она, всесильная судьба, бросила Кодану под его удар изворотливого Абеча, а Шупашу – его ненавистного врага Зирара... Но что это?! Что за паника среди русичей? Рэдэд понял: это меоты, зихи и хакучинцы вклинились в их ряды с левой и правой сторон.

– Мир! Мир! – опустив меч, закричал рыжебородый русич, ставший предводителем после гибели воеводы Кансава.

– Чего он хочет? – удивился Агбан.

– Просит мира, – пояснил Рэдэд и поехал туда, где убирали мертвых. – Я – князь Рэдэд, – обратился он к старшему из русичей. – Воевода Кансав – мой дядя. Отдайте, я отвезу его сестре, великой княгине Рампэс, мы предадим тело родной земле.

– Нет, – твердо возразил русич. – Воевода Кансав – православный христианин, мы должны похоронить его на нашем кладбище, по нашему обряду. А тебе, князь, советую – уходи подобру-поздорову, скоро подойдет подмога, сам понимаешь – вам не устоять.

Рэдэд посмотрел ему в глаза:

– Это наша земля, наша мать, нам легче умереть, чем предать ее врагу.

IX

Рэдэду не в чем было себя упрекнуть в отношениях с Кансавом – он не только не поднял на него руку, хотя имел на это право как предводитель, даже не сказал ему оскорбительных слов, только горькие, но справедливые. И все же болела у Рэдэда душа. Ведь это дядя Кансав посадил его, младенца, самый первый раз на коня, это он приучал его руку к кинжалу и мечу, объяснял, что такое мужчина и его оружие, что такое мужество и честь. С самого раннего детства дядя Кансав жил в нем, в его сердце, а потом...

Святослав отвоевал у касогов Тмутаракань, подарил своему сыну Владимиру, а тот – нынешнему Мстиславу. Получается, воевода Кансав служил старинному роду русичей.

Как тут быть? Как сказать великой княгине о гибели ее брата? Стук да стук, стук да стук – отбивал копытами конь, а князю чудилось – стучало само время.

Ветер ударил в лицо холодными каплями дождя.

– Кажется, небесные силы хотят нас искупать, – не выдержал Кодан.

Рэдэд поднял тяжелую голову, устало глянул на небо:

– Нет, это ненадолго, видно, тучка заблудилась.

– А скажи, князь...

– Чего ты запнулся, Кодан?

– Все думаю... как ты скажешь великой княгине?

– Да, у нее совсем слабое сердце.

– Ты ей скажи, мол, ранил его... Я видел, как ты встретился с Кансавом, как он упал потом...

– Что ты хочешь сказать, Кодан? – рассердился Рэдэд. – Нет на мне крови моего дяди, видят боги, я говорю правду. Всадник появился из-за моей спины, и я не успел остановить его... Кто тот всадник – не знаю, не из мазибцев он. Может быть, меот?... – Рэдэд не хотел называть убийцу своего дяди. Он подумал: «Надо сказать Агбану, пусть никому ни слова, пусть это останется тайной».

Подъехав к воротам, увидел Рэдэд мать. Она стояла на веранде и не сводила с него глаз. Когда он спешился и поднялся к ней, она словно сбросив непосильную тяжесть, облегченно прошептала:

– Слава богам, сын мой, ты жив и здоров, слава нашим милостивым богам. А где Шупаш?

– Он в конюшне, сейчас придет.

– Я молюсь за вас, видно, боги услышали мою молитву...

Много наших погибло? – спросила княгиня и не стала дожидаться ответа. – Когда же это кончится? Нашим бедным женщинам слезы все глаза выели.

– Мы ни на кого не нападаем, только защищаемся, мать. Пойдем в дом.

Она как-то неуверенно шагнула, качнулась. Рэдэд едва успел ее подхватить.

– Что это со мной, – вздохнула она, – совсем плохая стала. Старею, старею, сын мой.

– Не надо волноваться, побольше гуляй по двору.
Они вошли в ее комнату. Княгиня Рампэс пристально посмотрела на сына:

– Мне не нравятся твои глаза, ты как будто что-то прячешь от меня. Не умалчивай, скажи прямо, так будет лучше нам обоим.

– В бою погибло много воинов, ранен Машук. Но и мы как следует потрепали русичей...

Мать остановила его взглядом:

– А Кансав, мой младший брат, не знаешь, что с ним?

Они стояли у двери, друг против друга, глаза в глаза.

– Кансав, говоришь? Он ведь воевода, он был впереди на своем скакуне.

– И что стало с ним?

– Он... ранен, тяжело ранен...

– Не смей отворачиваться, смотри мне в глаза! Он шел впереди, ты – тоже. Если ты живой, значит...

– Нет! Я не смог, я не успел его защитить...

– О, боги... Мой бедный Кан, я, старшая сестра твоя, не убергла... Прости...

У княгини посинели губы, она начала задыхаться. Рэдэд положил ее на кровать, спешно кликнул женщин. Прибежала Айнар с мальчиками, припала к ее груди...

– Великая княгиня... скончалась. Уведи мальчиков и вели сообщить людям, – сквозь слезы произнесла Айнар.

Вскоре весь Мазиб огласился похоронными рыданиями. Мужчин и женщин столько пришло, что их не мог вместить просторный княжеский двор.

За углом дома рыдал и бился о стену Агбан. К нему подошел Рэдэд:

– Успокойся, ты ни в чем не виноват, иначе ты не мог поступить.

– Как мне теперь жить здесь? Сегодня же уеду...

– Не смей и думать об этом! Это я велю. И... кроме нас никто не будет знать о случившемся.

– Спасибо, князь...

У калитки послышалось надрывное рыдание Шупаша:

– Моя добрая, моя самая добрая на всем свете мать, за что ты меня осиротила, как мне жить без тебя, как дышать?!

Войдя в комнату, Шупаш припал к груди покойницы и громко зарыдал. Потом вдруг затих, стал словно бездыханным. Все забеспокоились – не случилась ли еще с ним беда. Мужчины взяли под руки, приподняли его. Лицо Шупаша побледнело, взгляд неподвижный. Кодан похлопал его по щекам, принялся тереть уши.

Наконец Шупаш вздохнул, глаза оживились, будто кого-то разыскивая, он огляделся вокруг. Рэдэд было направился к нему, но Курац остановила:

– Не трогай его пока, пусть перегорит в нем беда.

Рэдэд и сам никак не мог прийти в себя от свалившегося горя. Дом стал как бы пустым и сиротливым. Присутствие матери было для него таким же привычным и обязательным, как небо, как солнце, и вот теперь ее не стало, и больше никогда не увидит он ее ласковых глаз, не услышит ее нежного голоса.

Х

В нынешний год выдались редкостные урожаи проса, пшеницы, кукурузы, на лугах высокие травы, вдоволь корма скоту, значит, в достатке людям молока и мяса. В горах добыли и серебро, и золото, и медь – теперь бы торговать да торговать, но почему-то не едут купцы, давно уже не появлялся Думитрий. А сами адыги после стычки с Абечем и русичами не рисковали отправляться с товарами в Тмутаракань, в Пантикапей и Феодосию.

Рэдэд размышлял: может быть, самому съездить в Анапу, поспрашивать у людей о заморских купцах? Возможно, суда по какой-то причине перестали приходить? Мало ли что бывает...

Он лежал, как обычно, на спине, заложив руки под голову. Пришла к нему неожиданно мысль: «Беда, выходит, от щедрости нашей земли. Не будь она такой прекрасной и богатой, никто бы не зарился на нее, да и сами мы не искали бы купцов, не заманивали бы их, получается, на свою голову. И за данью не ходили бы к нам: что возьмешь с бедняка. «Правильно, сын, никаких войн бы не было, жили бы мы пусть не в достатке, зато тихо и мирно», – послышался вдруг ему голос матери. «Да, ты права, мать. Если бы ты знала, как я устал от кровавых схваток, как

мне хочется, оставив меч, косить душистую траву, пахать землю, пасти овец и лошадей. Да еще вместе со своими мальчишками – радость-то какая! Но это лишь мечты. Вон на стене висит мой меч, ждет своего часа, а в казарме – воины наших дружин... О, господи, помилуй меня грешного!» – почему-то вслух произнес Рэдэд любимые слова Думитрия и тут же рассердился на себя. Решительно поднялся, вышел во двор. Тут как тут, словно ожидал его, появился Агбан:

– Ты что-то хотел, великий князь?

– Передай Шупашу, пусть пошлет в Анапу гонцов. Надо узнать, когда ожидаются греческие торговые суда... И оседлай моего коня. Со мной поедут трое из охраны, больше не надо.

– А почему не вся дружина? – вопросительно посмотрел Агбан.

– Я сказал – только трое. Когда же ты научишься понимать меня с одного раза! – заметил строго Рэдэд.

– Непокойно ведь на дорогах.

– Да что ты все боишься?

– Не сердись, великий князь, не за себя боюсь – за твою жизнь.

– Ну полно, не беспокойся, – улыбнулся Рэдэд. – Хороший ты человек, только вот на ухо туговат, два раза приходится говорить тебе об одном и том же.

– Такая должность у меня, – теперь заулыбался Агбан. – Однако дождик собирается.

– Дождь в дорогу, говорят, хорошо. Опять же, бурка у меня добрая, не промокает, не простужусь, мой верный дружище, – продолжал шутить Рэдэд.

Тучка пролила дождик и, гонимая веселым ветерком, умчалась, оставив небо чистым. А направлялся великий князь в Мыстхако повидаться с Темрюком, поговорить с ним о важном деле.

Как-то случилось, что руководил похоронами великой княгини Темрюк. Его во всем слушались не только младшие, но и старшие. Говорил он о великой княгине, о ее заслугах перед людьми, перед всей Касогией, казалось, простыми словами, но они проникали в самую душу, трогали сердце. Получалось это у Темрюка само собой, видно, свыше ему дана такая способность. У Рэдэда уже не пер-

вый раз появилась мысль: не сделать ли его духовным наставником войска, а что Темрюк православный христианин, так это – дело богов. Все ведь знали, что он поклоняется Христу, но, оставаясь язычниками, внимали на похоронах великой княгини его словам, больше того – согласно шли за ним.

«Пусть будет все по воле богов, пусть они сами во всем разберутся», – подумал Рэдэд.

Еще хотелось великому князю выпросить у Темрюка о Мстиславе, о котором он многое знает.

Темрюк вышел навстречу князю почему-то вооруженным, будто готовился к бою, Рэдэд не стал его спрашивать, надеясь, что объяснит сам. Темрюк не ждал князя в гости, поэтому, увидев его, был удивлен: «Неужели князь узнал о случившемся, – подумал он, – или приехал по каким-то своим делам».

– Милости прошу, великий князь, проходи в дом.

– Я вот по какому делу, Темрюк: ты знаешь не хуже меня, что человек – это тело его и душа. Телом командует предводитель войска, а душою и ее волей – духовный наставник. Так и в Греции, и в Византии, и в других странах. Пытались было мы и у себя так сделать, понадеялись на Тураба, но ты знаешь, что он был за человек и чем кончил. Вот я и подумал: а почему бы не стать тебе духовным наставником войска?

– Ты же знаешь, великий князь, ведь я – православный христианин.

– Не торопись, Темрюк, дай мне договорить. Я не принуждаю тебя отказаться от христианства и вернуться к многобожию. Но вот какое тут дело: у нас много богов, но главный из них – Солнце, у вас же – Христос. Вот и служи одному Богу, а если хочешь, потихоньку рассказывай о Христе. Потихоньку, только своим близким. Главное же – ты будешь наших людей учить добру, любви к своей земле, взывать к честности и совести, значит, и твой Бог будет доволен тобою, – сказал Рэдэд и посмотрел испытующе на Темрюка, ожидая ответа. – Чего ж ты молчишь? Вижу, неплохо у тебя на душе, боль какая-то... Поделись, может быть, сумею помочь.

– Большое несчастье, князь. Сегодня утром я пошел приглядеть за скотиной и около сарая увидел убитого Думитрия...

– Как – убитого?! – оторопел Рэдэд. – Его что, ночью убили? И ты не слышал? У тебя же собака во дворе!

– Ее тоже убили...

– Где тело Думитрия?

– Спрятал в сарае.

– Почему спрятал, почему людей не позвал?

– Страшно, великий князь. Я даже своим домашним ничего не сказал. Объездил все вокруг, все дорожки и тропинки обшарил. Конечно, Думитрий приехал с товаром не иначе как на повозке. Ничего не нашел. Думаю, это не просто ограбление, это ему и мне мстят за христианство, а ты хочешь, чтобы я стал духовным наставником войска.

– Только так, Темрюк, – твердо сказал Рэдэд. – Это мечь не только тебе, но и мне. Когда станешь духовным наставником, будешь под нашей охраной... Ты с соседями не разговаривал о Думитрии?

– О его убийстве, конечно, не говорил, а поспрашивать поспрашивал, не видел ли кто, не показывался ли купец Думитрий.

– Ну и что?

– Да ничего.

– Но не может быть, чтобы никто ничего не слышал, не видел. Значит, не одному тебе страшно, другие тоже боятся. Но я обязательно найду тех, кого боятся, кто хочет нас посорить с Византией. Ведь за убийство своих людей она потребует расплаты. Русичи тоже поднимутся на защиту христиан. И какая молва пойдет о нашей земле...

Рэдэд, собираясь с мыслями, ходил по комнате:

– Что ты думаешь делать с покойником?

– Не знаю. Надо предать его земле, похоронить, как полагается, но как?

– Наши посланцы отправились в Анапу узнать, не появлялся ли Думитрий. Может быть, приедет или приехал Костас, что мы ему скажем?... Ладно, Темрюк, они совершили эту подлость, как трусы, исподтишка, затаимся и мы, выждем. Думаю, тело предать земле надо тайком... С приходом ночи.

– Просто закопать? Но грешно же это.

– Грешно, конечно, но боги нас поймут. Потом разберемся, все сделаем честь по чести. А убийцам воздадим по заслугам; не сомневайся, все так и будет. Тебя же с почетом

поставим духовным наставником войска. Конечно, если ты согласишься.

– Дело так обстоит, великий князь, что я обязан согласиться, раз это нужно для нашего дела.

– Ну ладно... Я тут мимоходом. Заглянул и уехал, и ничего не знаю, ничего не слышал о случившемся. Пока подождем, посмотрим.

Солнце клонилось к закату, погружаясь во мглу; казалось, будто оно, коснувшись горизонта, дремало, уходя на покой. «Когда же и ко мне придет покой? – позавидовал ему Рэдэд. – Не похоже, что скоро... Кто же убил Думитрия? На такое способен лишь Абеч со своими головорезами, но ведь он... Вот тут и попробуй разобраться», – тоскливо подумал князь, взглянув на уходящее солнце.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Сначала высокие каменные стены Тмутаракани успокаивали Абеча: они надежно охраняли его, не каждый может попасть в эту крепость. Но вскоре ему стало казаться, что он сидит в каменном мешке, как мышь в мышеловке. Был главным князем Зихии, а теперь... Только и радости здесь, когда отправишься к морю, послушаешь шум волн, помотришь на простор, ощущая себя птицей. Чудилось даже иногда, что стоит взмахнуть руками, как крыльями, и он полетит в Зихию, вновь окажется в княжеском доме. Да и не в княжестве, собственно, дело.

Абеч никогда и не думал прежде, не догадывался, что можно вот так скучать по дому, по пыльной улице, по лужку, на котором пасутся овцы, по старой, засыхающей вербе у колодца. От тоски он часто просыпался по ночам и в бессоннице мучился до самого утра. Сердце болью заходило, он сердился на него, мысленно ругал, но от этого оно болело еще больше, казалось, даже стонало. Послал он Зирара за женой в Трамнап – все же душа живая

будет рядом, хоть как-то уймет его тоску, однако она отказалась приехать: «Лучше умереть в родной стороне, чем блаженствовать на чужбине». Абеча эти слова так рассердили, что будь жена рядом, он убил бы ее. Убил бы, да руки короткие.

Кто он здесь? Чужак. Главный князь Зихии – чужак, а там, на родной стороне, теперь восседает Зекош. Вот кого надо было прибить, вот кому следовало расквасить скуластую морду, а не Челемету. «Да что Зекош! Все оказались мерзкими людишками! «Князь, а князь, ты – наша радость и надежда!» Ну и что?! Предали, собаками готовы затравить! Но, погодите, я вернусь еще и посмотрю в ваши поганые рожи, сапоги мне станете лизать! Если позволю! А будет, будет так! Русичи не простят Рэдэду, что он поднял на них меч. Я нужен Мстиславу, он поможет мне занять мое княжеское место!»

Сгоряча, со злости подумал такое Абеч, а на самом деле все было иначе. Кансав обещал познакомить его с Мстиславом, добрые слова за него замолвить, но не судьба. Пошел он сам к нему, да там, что называется, и через порог переступить не позволили. «Ничего, все обойдется, наладится, боги на моей стороне... Эх, боги! Тураб хоть и такой-сякой был, все ж молился за меня. А может, мне самому стать посланцем богов? А что! Вернусь в Зихию и объявлюсь святым. Темрюк, кажется, так говорил – святой».

Абеч поднялся с кровати, потянулся за ковшом с водой, но нечаянно задел раненым локтем за спинку кровати, взвыл от боли: «Да будь она проклята, эта Тмутаракань! Нормальной воды и то здесь не напьешься! Надо такое придумать – торговать водой, бадьями продавать. Фу, гадость, а не вода... И где опять шляется Зирар? Целыми днями пропадает где-то. Дружка себе завел – вылитый разбойник с воровскими глазами. Надо мне поостеречься. Не к добру Зирар все пытается – много ли у меня золота, серебра. Правда, я ему говорю, откуда оно взялось, мол, русичи за мои заслуги перед ними дают крохи на пропитание... А, вот и он явился наконец».

– Где ты шляешься?! Какой же ты помощник, если я тебя целыми днями не вижу? Если не нравится тебе – убирайся на все четыре стороны!

– Рука у тебя болит, вот ты и сердисься, князь, а зря, видит бог, зря. Тебе следует прогуливаться по городу, к морю сходить – тогда и настроение будет хорошее, и рука быстрее заживет.

– Перестань болтать! Ты что это со мной разговариваешь, будто с равным?

– Не сердись, князь, как я могу равняться с главным князем Зихии, просто хочу тебя повеселить, настроение поднять для твоей же пользы.

– Настроение поднять! – передразнил Абеч. – Слова какие-то находишь. Ну ладно, с рукой уже лучше, да стукнулся ненароком о кровать. Помажь этой мазью и перевяжи.

– Сейчас, сейчас, князь... у-у, рана и правда уже заживает, совсем уже хорошо. Это мазь такая сильная, недаром она и стоит дорого.

– Не скули, – рассердился Абеч, – заплачу! Садись, поговорить надо. На табуретку садись. Я хочу послать тебя в Касогию...

– Что?! – вскочил Зирар.

– Да сядь ты, сядь, не умирай раньше смерти... Я думал, делаю тебе доброе дело – повидаешься с матерью, братом. Неужели не соскучился?

– Я уже из детских штанишек вырос, чтобы скучать по ним. Пока до своего дома доберусь, меня там пять раз поймают, да так поприветствуют... – и он улыбнулся, показав мелкие лисьи зубы. – А потом, князь, здешний дружок познакомил меня с их красавицами.

– Да-да, – вздохнул Абеч. – Пока молодые – красавицы, а вот откуда потом бабы-змеи берутся? Как моя стерва. Детей жалко, сына, а ее я бы на куски порезал и отдал собакам... Съездишь ненадолго и заработаешь на свадьбу.

Опять Зирар оголил лисьи зубы, но теперь они больше были похожи на зубы крысы. И глаза сузились, недоброй искрой блеснули.

Абеч увидел и понял: Зирар уже у него на крючке:

– Есть там у тебя верный друг? Нужен такой, которому ты верил бы, как самому себе.

– Есть, есть такой. Я его сделал настоящим мужчиной. Абеч достал из кармана горсть золотых монет:

– Это половина того, что ты получишь. Перед дорогой отдам, а вторую половину – когда вернешься. А вот эти самородки золота ты должен отдать Кодану. Удивляешься? Слушай внимательно. Их обязательно надо всучить Кодану. Можешь спрятать у него в комнате или еще где. На месте посмотришь. После этого как-то надо сообщить Рэдэду, мол, золотишко Кодан, предводитель твоего войска, ворует или взятки берет. Понял?

– Вот это да! – развел руки, раскрыв рот в удивлении, Зирар. – Да ты, оказывается, не только главный князь, но великий хитрец.

– А как ты думал! – прошелся по комнате Абеч, будто перед выстроенным войском. – Сумеешь повернуть это дельце?

– Трудное оно, но повернуть надо, обязательно надо! Это кость поперек горла Рэдэду!

– Если так – держи золотишко. И смотри у меня, смотри!

– Да что – смотри, мне самому хочется отомстить.

– Учти – большое дело затеваем. Большое и опасное. Того дружка твоего, сам понимаешь, придется потом убрать, чтобы не было свидетеля. Сможешь?

– Может, мне отсюда взять кого-нибудь в спутники, а потом...

– Не надо! И зачем тебе делиться золотом.

– Я думал, немного прибавишь...

– Откуда? Мне самому дали русичи, не могу же я у них снова просить... Слушай, все забываю спросить – как ты в бою обошелся с Шупашем?

Зирар рассмеялся:

– Шупаш занес меч, но я увернулся, и он сразил русича, что был между нами.

– А если об этом узнают русичи?

У Зирара хитро сузились глаза:

– А если узнают, что золото Кодану ты подложил моими руками?

Они оба захохотали.

«Вот змея, – подумал Абеч, – ты его за хвост, а он уже свою пасть зубастую выставил».

«Ну, главный князь! Мы еще посмотрим, кто из нас главный, морда твоя поганая! Нако, выкуси!»

– Ладно, ладно, спрячь золото подальше, и пусть тебе помогают боги.

– Тебе тоже. Нам с тобой!

Князь Рэдэд был озабочен смертью Думитрия и все эти дни был занят поиском убийц, чтобы узнать, кому и зачем понадобилась эта смерть, куда она может привести. Скрывая гибель Думитрия, Рэдэд разослал людей, наказав им спрашивать, где, кто и когда видел купца. Уехал с десятком всадников к западным касогам и Машук, сам князь собирался отправиться к морю.

– Я думаю, князь, если бы Думитрий сам приехал в Касогию, то он, конечно, прежде всего посетил бы Мазиб, – предположил Кодан.

– Купцы – народ непоседливый; Думитрий мог отправиться и в другое место со своими товарами, а мне обязательно надо повидаться, поговорить о торговле, узнать, почему она так угасла. Товаров-то у нас вон сколько накопилось. Однако зайдем в дом, Кодан.

Умылись они, сели пообедать, и тут вошел возвратившийся из поездки Машук, которого князь ожидал.

– Присаживайся с нами. Что доброго скажешь?

– Встречали мы купцов с товарами, но никто из них не видел Думитрия, ничего не слышал о нем. Я думаю, если бы он приехал сюда, то, узнав о кончине Колэса, прежде всего поспешил бы в Мазиб.

После обеда Рэдэд сказал Кодану:

– С приисков сообщили, что там уже порядком накопилось золота и серебра. Завтра же возьми дружину и поезжай. За три дня управишься? Дольше не задерживайся, есть у меня важное дело для тебя.

После жаркого лета в тихие осенние дни прошли дожди. На лугах дружно поднялась трава. Довольные мазибцы выгоняли пастись коров и овец.

У околицы мальчишка пас овечек. Это было кстати Зирару – он опасался показаться в Мазибе и попросил его позвать Баржея.

– А я вместо тебя присмотрю тут за овечками.

Мальчишка верхом на хворостине, будто на резвом скакуне, помчался в селение и скоро вернулся:

– Сейчас он придет.

Забравшись на чердак заброшенного сарая, Зирар сквозь отверстие с тоской глядел на улицу, по которой когда-то носился вот так же верхом на хворостине, потом на коне, ходил на девичьи посиделки, а теперь боялся даже показаться.

Пришел Баржей, выслушав Зирара, очень обрадовался, что будет участником тайного и такого важного дела.

Минувшую ночь без сна Зирар провел в дороге, теперь устроился на сеновале поспать до вечера. Увиделся ему сон. Будто стоит он с кинжалом, занесенным над лежащим у его ног Абечем. Князь канючит: «Забери мое золото, все забери, только не убивай, отпусти!» – «Не отпущу, ты обманешь меня!..»

– Зирар, вставай, пора за дело приниматься, – тряс его за плечи Баржей. – Пойдем задами, так безопасней. Ночь очень темная, держись поближе ко мне.

Едва они перелезли через плетень в подворье Кодана, как бросилась на них громадная собака. Баржей бросил ей кость:

– Я знаю этого пса, он сначала исподтишка укусит, а потом, испугавшись, залает, но теперь ему некогда, можно идти спокойно.

У глухой стены дома Баржей подставил спину Зирару, тот поднялся и сунул под соломенную стреху кисет с золотом.

Сдерживая дыхание, они опрометью кинулись через плетень в огород, потом на луг, где в кустах стояла лошадь Зирара.

Пригнувшись к его уху, Баржей прошептал:

– Мы сделали большое дело, оно принесет нам счастье.

«Большое дело, – мысленно повторил Зирар, – а теперь... Теперь я должен отправить тебя к богам. – Он взялся было за кинжал, но тут же задержал руку. – Постоить, если я прикончу его, кто же пустит в Мазиб слух, что у Кодана спрятано золото?»

– Возьми золотой, пригодится.

Довольный собою, Зирар прыгнул в седло и тут же растаял во тьме.

Баржей почему-то не испытывал радости от золотой монеты, даже рассердился на себя: «Ну чего ты, чего? Тебе ведь хочется купить жеребенка, вот и купи... А если спро-

сят, откуда золотой? То-то же...» Не радовался Баржей, но золото есть золото, лишним оно не бывает.

Если есть на земле по-настоящему счастливые люди, то один из них живет в Мазиб. Конечно же, это Щор-дурачок. Он самый добрый, безобидный и веселый. Говорили, улыбается даже спящий. Если кто его обидит, то плачет искренно и непритворно, как плачут только счастливые. Если при нем говорили о великом князе, то он считал себя тоже великим князем, а о богатом – ему казалось, что нет никого богаче, чем он.

Встретил его на улице Баржей:

– Ты почему не здороваешься, Щор, ведь я старше тебя?

– Ты что-то путаешь, Баржей. Я самый старший из всех старших, так что поклонись мне и поздоровайся... Вот и хорошо, здравствуй, пусть боги сделают тебя самым счастливым... после меня.

– Я знаю одну тайну, которой ты не знаешь.

– Нет такой тайны, которую я не знал бы!

– А ты знаешь, – Баржей с подозрительностью посмотрел по сторонам, – что под стрехой дома Кодана спрятан кисет с золотом?

– Знаю, – заверил Щор-дурачок.

Вскоре весь Мазиб знал, что под стрехой своего дома Кодан прячет золото. Разумеется, все относились к этой новости, как к шутке. Однако кто-то из мудрецов сказал: устами блаженного говорит истина.

Рэдэд, возвращаясь с охоты, неторопливо ехал вдоль улицы. Слева от него – Машук, справа – Шупаш, позади с убитой косулей – Агбан.

– Ты сегодня плохо стрелял, – глянул на брата Шупаш, – отчего бы это?

– Давно не был на охоте – рука отвыкла от лука, и глаз потерял остроту.

– С удачной охотой, великий князь, добро пожаловать, знатные гости! – это старик Татух, стоя у своих ворот, приветствовал охотников.

Князь и его спутники спешили перед одряхлевшим стариком.

– Как живется, почтенный, как здоровье? – уважительно спросил Рэдэд старика.

Татух в усмешке сощурил почти бесцветные глаза:

– Сначала человек ходит на четырех, потом на двух ногах, потом, – помахал он палкой, – вот как я теперь – на трех, а что будет дальше, не знаю.

– Поднимайся ко мне в седло, будешь на четырех, – весело пригласил старика великий князь.

Татух, прикрывая ладонью беззубый рот, засмеялся:

– Раз ты можешь шутить с дряхлым старцем, значит, поистине великий князь, хранят тебя боги. Хотел бы с тобой поговорить или, может, не надо?..

– Если уж начал, уважаемый, то говори. Что-нибудь случилось?

– Да вот, всякие сплетни про Кодана ползают от дома к дому, как змея ядовитая, только не пойму, кто и зачем их распускает.

Шупаш хотел было прервать старика, но Рэдэд остановил его.

– Я слушаю тебя, Татух.

– Говорят, Кодан бывает на приисках и...

– Бывает, много золота и серебра привозит оттуда в казну, – сказал Рэдэд, озадаченно глядя на старика. – Кодан, если хочешь знать, не только мой друг, он – совесть моя, – сдерживая волнение, продолжил он. – Надо обязательно узнать, кто распространяет эти сплетни, и как следует наказать!

– Говорят, – уныло продолжил старик, – что в доме его под стрехой спрятано много золота.

– Этого быть не может, почтенный!

Татух подошел к Рэдэду, взял повод коня, пристально посмотрел на князя:

– Я не о Кодане говорю, великий князь, а о том, кому ваша дружба с ним мешает. И не только с Коданом, а и со мной, с моими детьми и внуками, со всеми нами... Не могу я по старости, по немощи своей подняться на коня, взять в руки меч...

Старик, повернувшись, направился к калитке.

– Проводите Татуха, – распорядился Рэдэд, тронул коня и поехал к дому в глубоком раздумье.

Все трое вошли в комнату великого князя, долго сидели в тягостном молчании.

Нарушил его Шупаш:

– Я много раз бывал на приисках вместе с Коданом и никогда даже намека не было...

Рэдэд будто не слышал его:

– Идите и хорошенько поищите, – распорядился он чуть изменившимся голосом.

– Кодана нет дома, мы оскорбим его, если...

Рэдэд перебил Машука:

– Вдвоем идите, и если надо – всю крышу переверните. Идите!

Он ходил по комнате, потом вышел на веранду, побродил по двору. Хотя времени прошло немного, оно показалось ему мучительной вечностью.

Машук высыпал на стол из кисета золото. Его было не так уж много, всего пригоршня. Лежавшие самородки тускло отражали падавший из окошка свет.

У Шупаша почему-то повлажнели глаза.

Машук тер виски и морщился, словно от боли.

У Рэдэда горели руки, он сжимал и разжимал кулаки...

Вошел Кодан, увидев своих друзей, в растерянности остановился:

– Что стряслось?!

Рэдэд кивнул на самородки.

– Золото? – удивленно поднял брови Кодан. – Ну и что?

– Его нашли под стрехой твоего дома.

– Откуда оно там взялось? – побледнел Кодан.

– Это у тебя надо спросить – откуда это золото, где ты его взял?

– Князь!.. – с трудом промолвил Кодан. – Если ты можешь подумать про меня такое, тогда мне нечего рядом с тобой делать!

– Что ты хочешь этим сказать? – побагровел Рэдэд.

Но тут ничего не сказал, круто повернулся и с такой силой хлопнул дверью, что задрожал весь дом.

Тягостная тишина заполнила комнату.

– Рэдэд, великий князь, Татух прав, – как бы взмолился Шупаш, – тут что-то другое, может быть, страшнее, чем мы думаем.

– Чего же тогда он хлопает дверью, почему убежал! Ну, хватит об этом... Предводителем войска назначаю Машука, а Шупаша – его заместителем. Все. Я хочу отдохнуть.

II

По дороге в Анапу Рэдэд со своими спутниками попал в Зихии под проливной дождь. Все вымокли, что называется, до нитки. Разведя костер, развесили просушить одежду.

Встретивший гостей на своей границе главный князь Зихии Зекош был совершенно сухим:

– Видишь, великий князь, специально для вас дождь полосой прошел. Когда гостей встречают хорошим дождем, это к добру.

– Человек человека не съест, а вот собака не побрезгует, – негромко говорил Машуку Темрюк. – Это я к чему – если ты не защитишь от беды человека, отступишься от своего друга, то становишься похожим на собаку. Знаю Кодана с мальчишеских лет, да и не один я. Не помню, чтобы о нем говорили худо.

– Я ведь тоже не говорю плохое о нем, говорю о случае с этим проклятым золотом...

Князь Зекош хотел что-то сказать Рэдэду, но тот его шепотом остановил:

– Давай послушаем разговор Темрюка с Машуком.

– Мне думается, прав Татух. Тут кроется что-то важное, – продолжал Машук. – Но кому это нужно?

– Тому, кто ненавидит тебя, меня, великого князя, кто хочет всех нас перессорить.

– Ты думаешь, Темрюк, у нас в Мазибе есть такие?

– В Мазибе?.. Вряд ли. Ветер дует, по-моему, издалека.

– Машук, посмотри, одежда, должно быть, уже высохла, – сказал Рэдэд, чтобы прервать этот разговор.

– Да, можно одеваться.

– Пора ехать, мои домашние уже заждались. Одевайтесь, гости дорогие, – и по коням, прошу на ужин, – пригласил князь Зекош.

После ужина Рэдэд с удовольствием вытянулся в постели. Он устал в дороге, думал, что быстро уснет, но сон почему-то не шел.

Вспомнился ему разговор у костра Машука с Темрюком: «Если ты не защитил друга, становишься похожим на собаку...»

Потерять хорошего предводителя войска, потерять друга – это больше, чем беда. Когда принесли золото, Рэдэд уже понимал, что за этим кроется, как сказал Татух, что-то очень важное. Не верил, что Кодан мог позариться на него, но ведь нашли же золото в его доме, и об этом уже знал весь Мазиб. Рэдэд обязан был во всем разобраться, распутать завязавшийся узел, но что-то соскочило, что-то оборвалось. Считал, оба они погорячились, остынет Кодан, придет к нему, и вдвоем по-дружески они во всем разберутся. Однако не пришел, не разобрались. Не идти же ему, великому князю, на поклон к Кодану. Подумалось еще: это злосчастное золото и смерть Думитрия – нет ли между ними связи? Одни вопросы, и кто поможет найти ответ?

Всю ночь одолевали Рэдэда, путаясь в голове, тревожные мысли. Это заметил и заглянувший утром в его комнату Зекош:

– Неважный вид у тебя, гость, наверное, плохо спал. Может, отдохнешь тут денек, куда спешить, за вами ведь никто не гонится.

– Ты не прав, Зекош, разве не видишь – у нас по пятам идут беды – смерть Думитрия, вон что с Коданом. Как сказал бы покойный Думитрий, душа у меня в предчувствии недоброго маяется.

– Не надо, не нагоняй тоску – все уладится, все будет хорошо.

– Спасибо на добром слове, с ним и тронемся в дорогу.

К великокняжеской дружине прибавилась полусотня всадников князя Зекоша. Довольно внушительное воинство на вечерней заре вышло к морю. Под лучами уходящего солнца доспехи горели и искрились, словно расплавленное золото.

Спешились всадники, чтобы поваляться на травке, отдохнуть от седла, от монотонного, томительного стука копыт, полюбоваться редкостным для них зрелищем.

Рэдэд, привалившись спиной к охваченному осенним убором вязу, смотрел вдаль, прищурился, где воедино сливалось небо с морем. И непонятно было, любовался он красотой или печалился, вспоминая ушедшее время.

Все ожило в его памяти – веселая юность, постылый Нахлеш, наглый Панатиди. Вспомнилось, как мальчишкой ездил с отцом в древний Тум-Таракай, который пришельцы почему-то стали называть Тмутараканью...

Хрустели свежей травкой лошади, тревожно кричала сойка, ласково веял ветерок, принося солоноватый запах морских водорослей.

– Хорошо бы нам засветло добраться вон до того селеньица, что в приморской ложбине. До Анапы оттуда рукой подать. Если не возражаешь, князь, пошлю гонцов, пусть предупредят сельчан о нашем приезде, – предложил Машук.

– Пошли, – согласился Рэдэд, – да и сами уже будем трогаться.

Ложбинка сбегала к морю с крутой горы, покрытой лесом, в ней-то между горой и морем и приютилось маленькое село – десятков пять побеленных домов в высоких камышовых папах.

Узнали сельчане о приезде мазибцев и, с одной стороны, очень обрадовались – столько гостей привалило, экая им честь оказана самим великим князем Рэдэдом, с другой же... жителей в селении было немногим больше, чем гостей, которых, как требовал обычай, надо достойно принять. Старики знали, что у воинов походная еда всегда с собой, но гость есть гость, и сельчане забили двух бычков, четырех подросших поросят, а на ночь – предводителей устроили в лучших гостиных, у воина же дом всегда с собой – одну полу бурки постелил, другой укрылся, под голову положил седло. Главное – посидели у костров, попели песни, а утром – в дорогу.

Рэдэд до того расчувствовался от дружеского приема, что, уже сидя на коне, низко всем поклонился.

За несколько верст перед Анапой они подъехали к небольшой пристани. Их приветливо встретил служитель, рослый пожилой мужчина с белесыми ветвистыми бровями, в кафтане заграничного фасона.

На рейде стояло три судна. Служитель рассказал Зекошу, что два – из Абхазии, одно – из Греции. Греки купили лошадей с повозками и отправились со своим грузом в Анапу. В Касогию никто из купцов не поехал,

среди них не было человека по имени Костас. Греки сообщили, что вслед за ним идут еще два судна.

– Может, с ними и приплывет Костас, – предположил служитель.

– Если будет такой, скажи, что его хочет видеть великий князь Рэдэд, пусть нас дожидается здесь, – приказал Зекош. – А что хорошего привезли заморские купцы?

Служитель рассмеялся:

– Грек привез охотничьих собак какой-то диковинной породы. Я сказал ему, что на них тройной налог. Бедный купец даже взвыл от горя, я пожалел его, бедного, немного скостил.

– Смотри, – Зекош поднес к носу служителя указательный палец, – еще раз кому-нибудь скостишь, я тебе такое устрою, что ты белого света невзвидишь!

– Ясно, князь, уж больно красивые собаки, очень понравятся нашим охотникам, особенно князьям.

– Поговори еще! – прикрикнул Зекош. – И не проворнь Костаса.

– Будет сделано. Если заартачится, мы его...

– Не смей! Это уважаемый человек, аккуратненько с ним...

– Ничего не надо делать, как только Костас услышит, что я нахожусь здесь, он сам станет меня искать, – заключил разговор Рэдэд и, подняв на дыбы скакуна, бросил его в галоп. Всадники кинулись за ним. Никто не хотел отставать от великого князя, но состязаться с его конем было под силу далеко не всем. Вскоре многие перешли на рысь. Оглянувшись Рэдэд, придержал разгоряченного коня: «Ладно, хватит с вас».

Базар в Анапе был в самом разгаре. Рэдэд, глядя с высоты своего коня, подумал, что торжище это похоже на штормующее море, только шумело куда как разноголосее, чем монотонный морской прибой. Все здесь можно было услышать: и хохот, и ругань, и похвальбу, восторженное взвизгивание, сливавшиеся в единый рокот толпы.

Рэдэд с Машуком, Чечаном и десятком воинов оставили лошадей с коноводами у края торжища и влились, втиснулись в базарную тесноту. Покупая сыновьям невиданные заморские сладости и забавные игрушки, князь то и дело бросал по сторонам быстрые, ищущие взгляды.

Встретился грек с четырьмя могучими мордатými собаками на сворках. Рэдэд залюбовался ими, но тут же махнул рукой – не до них сейчас. Его внимание привлек другой грек, у которого тоже на сворке, как у того собаки, двое подростков.

– Машук, придержи-ка его... Ну-ка, ну-ка, ты куда ведешь мальчиков?

– Куда хочу, туда и веду. Это мои мальчики, я их только что купил, – сердито ответил горбоносый сутулый грек.

– Сколько ты отдал за них?.. Понятно. Я тебе даю вдвое больше, теперь они мои. Идите ко мне, мои хорошие!

Глянул грек на золотые и быстро исчез в толпе – боялся как бы не передумал, как он считал, глупый покупатель. «Столько золотых отвалил за этих сопляков».

– Как вы сюда попали, кто вас продал? – встревоженно спросил Рэдэд.

– Нас не продавали, нас украли. Мы в лесу каштаны собирали, – заливаясь слезами, ответил старший.

Младший прижался к нему и тоже плакал:

– Теперь ты нас купил, теперь мы твои невольники?

– Да, теперь вы мои, но не невольники – свободные люди, – ответил великий князь, и его глаза слегка затуманились. – Вы сами сможете добраться домой или вас проводить?

– Ты нас отпускаешь?! – вскричал старший. – Здесь недалеко, сами доберемся. А ты кто такой, как сказать родителям?

– Скажи, князь Рэдэд вас откупил и освободил. Ну, домой, будущие богатыри! Теперь нам надо, Чечан, пробраться на конский базар. Наши скакуны за морем в большой цене, не мешало бы проложить туда тропинку.

Шумел, гудел конский базар. Привлекали взгляд лихие жеребцы и породистые кобылицы, вспрыгивали, резвились стригунки, оглашая базар звонким ржанием.

– Машук, Чечан, посмотрите, кто стоит у серой в яблоках кобылицы! Быстренько возьмите его.

И дружинники взяли, связали руки оставшейся от мальчишек веревкой. Это был Зирар. Он исподлобья взглянул на Рэдэда, опустил патлатую голову, надеясь, что его не узнают.

– Ты чего застеснялся, будто девица? – насмешливо спросил Рэдэд, взяв его за бороду. – Подними-ка голову, разреши поглядеть на твою разбойничью рожу! Хорош, хорош!

– Поглядел? Ну и что? – с ненавистью сверкнул глазами Зирар. – Не нравится тебе моя рожа? Конечно, она не такая, как у тебя.

– Я потом тебе скажу, что мне нравится, а что не нравится. Ведите его к нашим лошадям, и пора ехать на развилку, наверное, нас уже ждут Темрюк с Зекошем. На базаре мы заполучили то, что нам очень и очень нужно.

До самой развилки в лесу Рэдэду со спутниками пришлось ехать неторопливой рысью, чтобы за ними поспевал приарканенный Зирар. Если бы ему знать, чем кончится эта пробежка, как поступит с ним Рэдэд, известно ли ему о золоте. Если известно, то лучше бы ему не мучиться, пусть бы убили прямо здесь, вот у этого камня.

Зекош и Темрюк с несколькими воинами отдыхали, рассевшись на траве у развилки.

– Вот это покупка, вот это да! – воскликнул Зекош, увидев Зирара.

– Да, сын Хакары! Если бы он только сбежал от нас к князю Абечу и воевал с ним против нас, я бы посчитал это горячностью, легкомыслием молодости, всыпал бы ему принародно два десятка плетей по спине и простил, но разве можно простить бешеную собаку?

– Это что же такого я натворил, – со злобой глянул Зирар на великого князя, – что ты приравнял меня к бешеной собаке? Ведь это ты, который называет себя великим князем, заставил меня поднять на тебя меч. Ты изувечил моего отца и вынудил его покинуть родной дом, и погиб он по твоей вине. А что ты сделалал с Нахлешем, Шанибом? А как унизил меня, оскорбил во дворе кузнеца Емзеша! Умом я, может быть, и простил бы тебе жестокость, но сердце мужчины не позволяет сделать этого, оно горит мстью, требует твоей крови.

– Я согласен: если у тебя такое горячее сердце – выходи на честный поединок. Но сначала хочу спросить: где ты взял золотое кольцо с головой лошади? Не прячь руку, подними, покажи людям и скажи, где ты взял его?

– Купил на базаре, на том самом, где ты был сегодня и покупал своим отпрыскам сладости.

– Ты лжешь! Или скажешь правду, или Чечан отрубит твой палец, на котором кольцо. Молчишь? Руби, Чечан.

– Не смейте! – завопил Зирар. – Я все равно ничего не скажу!

Чечан прижал палец разбойника к дереву и отрубил его кинжалом.

– Говори, чье это кольцо, иначе отрубят еще второй палец, потом третий, всю руку отрубят, – побледнел Рэдэд.

– Грека Думитрия.

– Ублюдок! Это ты подбросил в мой двор его тело! Я задушу тебя, подлеца! – кинулся к Зирару Темрюк, но Машук удержал его:

– Не надо, всему свое время.

– За что ты убил Думитрия, что он сделал тебе плохого? – спросил Рэдэд, сдерживая ярость.

– Он оскорблял наших богов, подбивал нас к предательству, потому Абеч и повелел убить его. Перевяжите палец, или не видите, как хлещет кровь?

– А чужой крови тебе было не жалко? Чечан, возьми напарников... а мы поехали.... Как я устал от крови, от жестокости. Боги нас прокляли, что ли?

– Мы живем в греховном мире, великий князь, все страдания – за греховность нашу, наших отцов и дедов, – проговорил Темрюк.

Рэдэд знал, как ему пояснял священник, о грехопадении прародителей человека, но не хотел соглашаться с этим, считать себя виновным во всех человеческих бедах.

Вскоре их догнал Чечан с напарниками.

– Все сделали?

– Да, великий князь. И закопали.

– Хорошо. Теперь слушайте меня все внимательно. Сегодня у нас ни на базаре, ни на том перекрестке ничего не случилось. Ничего. И ни слова, ни полслова об этом пока никому. Даже отцу родному. Всем понятно?

– Ясно, великий князь, – ответил за всех Машук. Посмотрев в сторону перекрестка, он встревожился, но приглядевшись получше, радостно оповестил: – Рэдэд, великий князь, посмотри, по-моему, к нам скачет Костас со служителем пристани!

Все спешили, коротко поприветствовали друг друга, Костас обратился к Рэдэду:

– Я все знаю, князь, приношу свои искренние соболезнования по поводу кончины великой княгини Рампэс, а также в связи с кончиной Колэса, который тебе заменял отца, был совестью и мудростью для вас всех. Да откроет им Господь врата рая, упокоит их души.

Рэдэд молча постоял, склонив голову, потом сказал, обращаясь к спутникам:

– Мне надо остаться с Костасом и князем Зекошем.

Когда Машук с Чечаном и дружиной тронулись в путь, он показал Костасу кольцо.

– Почему оно у тебя, что с моим другом? – встревожился купец.

– Прими мои соболезнования по поводу гибели твоего и моего друга Думитрия. Кольцо это передай вместе с моими глубокими соболезнованиями семье покойного.

– Ты сказал, князь...

– Да. Его убили наемники Абеча.

– За что прогневался на беднягу Думитрия Абеч?

– Зихский князь Абеч не захотел объединиться со всеми нами в единую семью, восстал против нас, кроме того, он ярый враг христианства. После битвы Абеч убежал в Тмутаракань со своим напарником, с которым мы уже рассчитались. Думаю, скоро угомоним и Абеча. А к тебе у меня вот какая просьба: у нас немало накопилось добытого в горах золота, серебра, меди, железа. Достаточно тонкой шерсти, разных кож, меха куниц, выдры, разного зерна, меда, воска. Я знаю о твоих связях с купцами, пригласи их от моего имени к нам торговать. Безопасность и помощь им обещаю, пусть не беспокоятся.

– Ты прав, великий князь, я дружу со многими торговыми людьми и не только в Греции. Буду стараться помогать тебе, и значит, всему твоему народу. Рад, что с верными тебе людьми создаешь единую страну. И хочется сказать: создать ее трудно, но ничуть не легче дать ей жизнь, силу. Наверно, не один год пройдет, когда не только у вас дома, а и между вами и соседними государствами появится доверие, уважение друг к другу. На нашем языке это называется международным признанием. Думаю, тебе обязательно, как великому князю, главе государства, нужно

побывать в других сильных государствах, поучиться у них управлению большим хозяйством. Извини, опять скажу ученые слова – экономическим и духовным хозяйствами.

– Большое спасибо тебе, Костас, за советы. Теперь надо им следовать, но, как ты сам понимаешь, одно дело принимать советы, а другое – следовать им... Грустно, Костас, но настала пора нам с тобою прощаться. Вскоро сти ждем в гости тебя, твоих торговых друзей.

III

Последние месяцы траура по великой княгине Рампэс доставили Шупашу немало трудностей – не мог он жениться, а Дахапса со своими горячими, доходившими до бесстыдства ласками просто не давала ему житья. Ночью и рано утром, когда сон начинал казаться явью, он слышал ее горячее дыхание, ощущал объятия сильных рук, дрожь ее тела. Но не мог же он ходить к ней и ходить, рано или поздно, но конец все равно должен быть. Он холодел при мысли, что всем станет известно о его постельной связи с Дахапсой, с гулящей, как говорили в Мазибе, красавицей. Брат великого князя, самый завидный жених – и вдруг... У него даже темнело в глазах от страха.

Как-то пришел он к Чечану и встретился там с Бзабзой и Лашин. Боги, как была красива Лашин, как ему стало стыдно перед ней от одного только упоминания имени Дахапсы. А тут еще – вышла Бзабза, и он остался один на один с Лашин. Она стояла, застенчиво потупив взор, а ему показалось, что смотрит на него, и видит... Он покраснел, как говорят, до кончиков волос, невнятно пролепетал:

– Ты понимаешь, у меня траур, Лашин... подожди еще немного...

Уехали Рэдэд с Чечаном и Машуком, а Шупаш бродил по двору, поглядывая в сторону дома Дахапсы, и вдруг ему пришла в голову, как он подумал, спасительная мысль: «А не сходить ли мне к Кодану? Сходить, надо сходить, в противоположную сторону от Дахапсы!»

У порога дома работники укладывали на телегу домашние вещи. «Значит, – подумал Шупаш, – Кодан все-таки решил уехать из Мазиба».

Кодан стоял у окна.

– Входи, Шупаш. С чем пожаловал ко мне? – с порога, нарушив обычай, задал он вопрос.

– Что у тебя с голосом, простудился, что ли? – вопросом ответил ему Шупаш. – И выглядишь тоже нехорошо. Заболел ты, заболел.

– Душою заболел, – не приглашая Шупаша сесть, продолжал Кодан. – С того дня, когда твой брат, великий князь, сделал из меня вора, мой дом все за версту обходят. Только ты и пришел, может, воротами ошибся? Как тут не заболеть?

Они стояли, не глядя друг на друга. Стояли молча, не находя нужных слов.

– Если бы это только меня касалось, – продолжал Кодан, – а то ведь и с женой моей никто знаться не хочет. Сынов моих мальчишки не принимают в свои игры. Как жить им с позором своего отца, как мне жить – ума не приложу.

И опять они, стоя друг перед другом, молчали. В этот раз заговорил Шупаш:

– Я знаю, напраслину на тебя возвели, догадывается об этом, по-моему, и великий князь, что делать, слишком гордые мы порою... Я младше тебя, если позволишь – немного поразмышляю...

– Да ты садись, чего мы стоим! Слушаю тебя.

– Я уверен, Рэдэд сочувствует твоей беде, но ты сам подумай и посуди: может ли великий князь идти к тебе на поклон? Не маши, слушай меня, ведь ты сам убежал, князь думал, я полагаю, погорячился ты, а когда поостынешь, придешь к нему, сядете с ним по-дружески – ведь друзья вы с ним, друзья! Но ты не явился...

Зашла жена Кодана, начала собирать подушки.

– Оставь их! – прикрикнул Кодан. – И телегу разгрузите! Мы остаемся.

Она остановилась, недоумевающая, но тут же все поняла и легкой походкой заспешила к телеге.

Кодан вдруг решительно встал, оживился его взгляд:

– Послушай, Шупаш, ведь Мазибу угрожает серьезная опасность!

– Ты что, радуешься этому?

– Я радуюсь по другому поводу, но об этом – потом. А теперь послушай меня. Недавно прошелся вдоль берега

Пшады. У того места, где река недавно поменяла русло, высится скала. Летние дожди подмыли ее, появилась трещина до самого низа, и она сильно наклонилась. Пойдут осенние дожди – и скала упадет, перекроет русло, вода хлынет в Мазиб, затопит наши жилища.

– Я в этих делах ничего не соображаю, не знаю, что и сказать, – пожал плечами Шупаш.

– И я ненамного больше твоего соображаю. Надо позвать Татуха, пусть посмотрит, скажет свое слово.

– Согласен, но... почему ты велел разгружать телегу, почему передумал уезжать, и при чем тут речка, ваши отношения с Рэдэдом?

– А я считал – ты догадливей, – усмехнулся Кодан. – Пошли к старику Татуху!

Увидел Татух появившихся во дворе Кодана и Шупаша, и так ему стало плохо, хоть сквозь землю провались. Ведь это он сообщил великому князю о золоте, найденном у Кодана. Ничего дурного вроде не сделал, однако ругал себя: «Старый дурак, зачем суешь свой длинный нос в грязное дело?» Но почему Кодан так приветливо смотрит на него, старик даже смутился и неожиданно для себя заулыбался:

– Милости прошу, гости дорогие! Проходите в дом, осчастливьте старика.

– Спасибо, почтенный, но мы пришли к тебе по делу. Если ты здоров, не смог бы пройти с нами к Пшаде, чуть выше Мазиба? Нам нужен твой совет.

– Спасибо богам, чувствую себя неплохо, если нужно для дела, почему бы и не пойти.

Татух осмотрел скалу с одной стороны, потом с другой, покачал головой, поцокал языком:

– Было уже такое, было, затопило тогда мазибцев. Тут надо навалиться всем миром. И побыстрее – осенние дожди вот-вот нагрянут. Когда рухнет скала, нужно Пшаду направить в старое русло, перегородив это место высокой насыпью. Если возьмемся всем миром, успеем управиться. Медлить нельзя, уже сегодня надо пойти по дворам, чтобы завтра же все принялись за работу, чтобы на телегах приехали.

– Жаль, нет великого князя, без него...

– Будем ждать, пока взбунтуется Пшада? Нельзя допускать этого. А великий князь, когда вернется, только спасибо за это скажет.

Следуя совету Татуха, Шупаш отправился в один конец Мазиба, Кодан – в другой.

Мать Адшеса заявила:

– Пускай те, что живут внизу, и насыпают плотину, а мы высоко, нас не затопит.

– Слыхала, мать, – не сдавался Шупаш, – как люди говорят: ударишь домашнего быка – больно станет и дикому. Мне будет стыдно, если я не помогу попавшему в беду соседу.

Засмуцалась женщина:

– Должно быть, ты прав. Так и быть, завтра запрягу в телегу быка, приеду на помощь.

Мать Лашин сразу же отозвалась с похвалой, мол, доброе дело затеяли, только вот... не с кем мальчишек дома оставить.

– Зачем оставлять? С собой берите. Это же будущие мужчины, им полезно посмотреть, такое большое дело не часто увидишь.

– Но они совсем маленькие.

– Мизинец тоже маленький, но без него нет руки. Не беспокойся, мать, с мальчишками ничего не случится.

Кузнец Емзеш воскликнул:

– Вот как хорошо вы придумали! Люблю, когда все собираются вместе для работы, а не для драки. Небо от этого становится просторнее, птицы веселее поют. Я первый приеду. А кто там будет за старшего, всякому делу ведь голова нужна?

– Кодан будет, и я приеду, вместе и советоваться будем, где брать камни, как насыпь воздвигать. А подскажет нам Татух, он будет за старшего.

Пока Шупаш разговаривал с Емзешем, двое мужчин, приезжавшие подковать коней, незаметно ушли. Кузнец с усмешкой посмотрел им вслед:

– Ох, далеко им теперь придется ездить коней ковать, ох, далеко, я таким людям не помощник.

Только вышел из кузницы Шупаш – ему навстречу Дахапса с топором в руках. Он так растерялся, что ничего лучшего не придумал, как, глядя на топор, спросить:

– Что это ты несешь?

Она весело рассмеялась:

– Натай уехал, мне самой пришлось нести топор, чтобы
Эмзеш наточил. Понял ты, – Натай надолго уехал...

Он вроде не слышал ее призывных слов.

– Ты завтра придешь на берег? – спросил, опустив
глаза, и почувствовал жар во всем теле, будто кровь заки-
пала в жилах. – Все придут, надо и тебе...

– Я-то приду, а ты совсем забыл дорожку ко мне, она
уже чертополохом заросла... – и зарделась, загорелись ее
пухленькие щеки.

Шупашу казалось, будто он тонет в чем-то горячем:

– Раньше ходил за лечебными травами, а теперь вот
они не нужны...

– Нет, нужны! – вдруг засмеялась Дахапса. – Ты сам
заболел. Глаза провалились, похудел сильно.

– Ладно, сегодня вечером приду, – произнес Шупаш
так, будто в нем был кто-то другой, который и распоря-
жался им.

Дахапса подошла поближе и тихонько, с трудом сдер-
живая волнение, прошептала:

– Глупенький, сам сгораешь, мучаешься и меня не
жалеешь. Приходи, и... успокоимся. Хороший ты мой,
миленький мой...

У Шупаша потемнело в глазах, не дослушав ее, он
зашагал прочь, едва переставляя ноги. Когда вернулся
домой, Айнар сообщила:

– Татух заходил, сказал, что вы на Пшаде шихаф
затеаете. Всячески нахваливал вас с Коданом, говорил,
что князь обязательно одобрит это. Я думаю, для такого
дела надо бычка зарезать и двух-трех овечек. Как ты дума-
ешь, твой старший брат не рассердится на меня за это?

– Плохо ты думаешь о Рэдэде, он скорее одобрит, чем
рассердится.

В томительном ожидании Шупашу казалось, будто
все вокруг опустело, потеряло всякий смысл, а солнце
перестало двигаться, неподвижно повиснув над Мазибом.
Порою у него появлялось ощущение, что вечер никогда
не наступит. Отправился в конюшню заняться чем-нибудь,
но все валилось из рук.

Только-только начали сгущаться сумерки, Шупаш
вышел со двора и направился к Дахапсе круглым путем,
надеясь и время убить, и незаметно, через огород проник-
нуть в ее дом. Но вдруг словно из-под земли перед ним
опять, как в прошлый раз, появилась Курац:

– Куда это ты на ночь глядя направился?

– Про какую ночь ты говоришь? Еще солнце толком
не спряталось. Зубы у меня разболелись, вот и хожу-брожу,
может, успокоятся. А ты куда на ночь глядя?

– Правду люди говорят: если надоело жить спокойно
– разведи индюшек. Две самые жирненькие сбежали.
Говоришь, у тебя зубы разболелись? Зашел бы к Дахапсе,
она умеет травами успокаивать.

У Шупаша даже спина взмокла. «И откуда ты взялась,
несчастливая старуха», – подумал он с досадой. Приложив
ладонь к щеке, сдержанно поблагодарил:

– Спасибо за совет.

Встретила его Дахапса у двери. Он обхватил ее, напра-
вился было к кровати, но она выскользнула из его рук:

– Когда же я научу тебя, миленький? Женщина начи-
нает любить мужчину ушами. Сначала скажи ей приятные
слова про ее глазки, про сладенькие губки, про красивень-
кие ножки, а уж потом – в постельку.

Но Шупаш, крепко прижав ее, понес на кровать, бор-
моча какие-то непонятные самому слова...

Потом, уткнувшись лицом в подушку, почувствовал
себя опустошенным, похожим на мешок, из которого
высыпали зерно. Опустошенным и почему-то злым. Злился
он на самого себя, вернее, на того, который был в нем,
заставил безрассудно подчиняться своей воле, но теперь
бесследно исчез.

– Мне, наверное, лучше уйти, пока к тебе никто не
постучал, – виноватым голосом произнес Шупаш.

– А кто ко мне может постучаться, за кого ты меня
считаешь?! Уподобился другим, что из зависти треплют
мое имя.

– И мое рядом с твоим будут трепать, а ведь мне...

– Знаю! Тебе надо жениться на красотке Лашин! –
оборвала Дахапса.

Она долго молчала, потом положила голову на его
плечо, облила горячими слезами:

– Вчера я ходила по воду и встретила Лашин. Много добрых слов сказала ей о тебе. Она поведала, что выйдет замуж только за тебя. Когда женишься, не бросай меня, ладно? Не забывай...

– Как – не забывай? – удивился он.

– Так. Как сегодня.

– Но, Дахапса!

– Все будет хорошо, никто и никогда даже не догадается об этом, а если ты... Я никогда тебе этого не прощу. Слышишь, миленький, не прощу!

Шупаш не знал, что ей ответить, и стал гладить ее волосы, плечи...

Спящего Шупаша кто-то теребил за плечо.

– Не надо, я спать хочу, – пробормотал он, открыл глаза и увидел Дзепша и Зафеса. Увидел и вспомнил, что просил Агбана разбудить его, тот и прислал мальчишек.

– Ты почему такой хмурый, Зафес? Кто тебя обидел?

– Ты.

– Я?! Чем же я мог обидеть?

– Дзепша берешь, а меня не берешь на шихаф.

– Я бы взял, но мать не разрешает, говорит, у тебя еще кашель не прошел.

– Уже разрешила, сказала, ничего со мной не случится.

– Раз так, значит, беру, только не сердчай, пожалуйста, а то мне становится очень грустно.

– Не буду! – с достоинством заявил Зафес.

Ранним утром проснулось, ожило село, с шутками и прибаутками мазибцы потянулись на берег Пшады, чтобы соорудить плотину, противопоставить силе реки свою силу.

Конечно, первыми были вездесущие мальчишки – мчались на хворостинах, а те, которые постарше, солидно восседали на телегах, запряженных быками и лошадьми. Мужчины с топорами и лопатами спускались к речке, женщины обустряивали место, где будет готовиться обед.

Татух с Коданом и Шупашем, поднявшись на возвышение, уточняли место, где ляжет плотина, объясняли, кому и чем следует заняться.

– Что-то небо нахмурилось, – забеспокоился Шупаш, – совсем некстати нам дождь.

– Это туман в горах, – пояснил Татух, – скоро он рассеется, и ты увидишь чистое небо, а там и солнышко пожалует нам на счастье... Кодан, два десятка телег во главе с Гуатом пошли в лес за кольями и столбами, а десяток – за хворостом для плетня. Остальные пусть возьмут камни вон с того косогора.

Пришла Курац:

– Кто тут из вас старший? – спросила мужчин.

– Ты знаешь кого-нибудь старше Татуха? – усмехнулся Емзеш.

Курац только фыркнула ему в ответ и обратилась к Татуху:

– Из княжеского стада по милости великой княгини пригнали двух бычков и семь овечек, нужно забить их, разделать и дров наготовить.

– Шупаш, займись этим, – распорядился Татух.

– Сейчас все устрою. Мне надо в лес, – обратился он к Курац, – а ты, пожалуйста, присмотри за моими племянниками.

– Мальчишки, идите ко мне! Быстренько! – нараспев позвала она княжичей.

– Емзеш, – обратился Татух к кузнецу, – пока привезут колья и хворост, поторопи землекопов, пусть приступают к делу.

Доволен остался таким заданием кузнец, торопливо зашагал к землекопам. Опершись на кизилковый посох, Татух смотрел ему вслед и думал: совсем по-другому здесь выглядит Емзеш, чем в кузнице, в кожаном фартуке, с молотом у наковальни, укрощавший раскаленное железо. Да и других мазибцев словно подменили, стали иными они, чем в своих домах, на своем поле. Там каждый работает для себя, для своих нужд, а здесь... Знают, какая беда грозит всем, если затопит река Мазиб. Горе в одной семье, в одном доме – это одно горе, а если оно войдет в каждую семью, в каждый дом – что может быть опасней такой беды? Вот и стараются, работают так, чтобы преградить путь этой беде.

Все здесь сегодня другое, даже обыкновенное мясо, сваренное в котлах на костре, на виду у неба и Пшады, будет совсем другим на вкус! Куда вкуснее, чем приготовленное в домашнем очаге.

Когда у Татуха спрашивали, сколько ему лет, он в ответ пожимал плечами и с улыбкой отвечал:

– А спросите у этого дуба – он знает, сколько ему лет? Не скажет. И я не скажу. Знаю только, что много.

За свои многие годы, если он видел людей счастливыми, то лишь такими, как сегодня на берегу Пшады.

IV

Только заехали в Мазиб возвратившиеся из дальней поездки Рэдэд, Машук и Темрюк в сопровождении дружины, как им встретился Гуат.

– Что с тобой? – удивился князь. – Ты смотришь на нас так, будто хочешь подарить приятную новость.

– Ты знаешь, великий князь, лучше меня, что Пшада иногда затапливала нижний Мазиб. А вот теперь затапливать не будет, мы построили плотину.

– Подожди-подожди, расскажи спокойнее.

– Думаю, лучше поехать к речке и посмотреть, а по дороге я все расскажу.

Князь, отпустив дружину, направился с Темрюком и Машуком к Пшаде. Пока ехали, Гуат рассказал о Кодане, Шупаше и старом Татухе.

Слушая Гуата, князь вспомнил его младшего брата Зирара: «Вот как бывает, от одного отца, от одной матери оба, а какие разные».

Очень удивился Рэдэд увиденному:

– За сколько же дней вы это сделали? За пять, наверное, или семь?

– За два дня! – с гордостью сообщил Гуат. – Сначала тоже так думали, а потом послали гонцов к соседям – из Мыстхако прибыло подвод тридцать, Дамир из Хакучии прислал подмогу. Великая княгиня Айнар от твоего имени подарила на обед двух бычков и семь овецек. И мазибцы принесли – кто сыру, кто молока, кто куренка, индюшонка. Эх, жалко, что тебя не было! Это не работа, это был большой праздник. Старый Татух так сказал.

Они неторопливо проехали по плотине, обложенной с двух сторон камнем. Князь радовался увиденному, даже восхищался. И сожалел, что все произошло без него, даже обидно стало, что без согласия, без его воли свершилось.

Немного, самую малость, но щемило ревнивое чувство. А другое уже всерьез – Кодан: «Да, конечно, во главе был старейший, Татух, но начало всему положил Кодан. Что бы это значило? Решил очиститься, получить прощение за свое преступление? Он ведь собирался уехать из Мазиба, выходит, передумал?»

У ворот дома великого князя встретил Агбан, заметил с упреком:

– Ты же обещал не ездить без дружины!

– О чем ты говоришь, Агбан! Я ведь у себя в селении, что может тут со мной случиться, да еще с Темрюком?

– Нехорошо, князь, нехорошо. Это тебе скажет и великая княгиня.

– А ты не вздумай ей сообщить!

– Она в окно увидит.

– Проходи, Темрюк, посидим-пообедаем, потом домой поедешь.

Из гостиного дома вышел навстречу Шупаш:

– С приездом, князь, с приездом, Темрюк!

Они раскланялись и пошли в дом.

После обеда Темрюк уехал, братья остались вдвоем.

– Ты чем-то расстроен, старший брат, или устал – дальняя дорога всегда утомляет, – настороженно спросил Шупаш.

– Садись, – предложил, хмурясь, Рэдэд.

– Ничего, я постою.

– Садись, все равно уже больше не вырастешь, – грустно улыбнулся Рэдэд.

– Если уже не вырасту, может хоть чуточку поумнею, – тоже усмехнулся Шупаш.

– Не знаю, возможно, и поумнеешь, но пока этого не заметно.

– Скажи мне прямо, что ты вокруг да около.

– Что бы я ни говорил, что бы со мной ни случилось, какими сторонами ни поворачивалась бы к нам жизнь, пока мы под одной крышей, называем друг друга братьями, не пристало тебе действовать за моей спиной. Зачем ты пошел к Кодану, просил его не уезжать из Мазиба? Если люди узнают, что ты не на моей, а на стороне Кодана, что они скажут о нас, будут ли нам с тобой верить?

– На защиту падших и осужденных становятся, как говорил покойный Колэс, только мужественные. – Шупаш побледнел, глаза стали яркими, а голос – твердым.

«Откуда это у него? За суетностью я и не заметил, как он вырос, возмужал. Получается, не столь уж он у меня и младший».

– Я никого так не любил и не люблю, как тебя, старший брат, ты действительно в моем понимании великий князь, и я не хочу, чтобы ты ошибся. Знаю, уверен, Кодан – честный человек. И не один я так думаю. Мы как-то разговаривали с княгиней Айнар...

– Что! И княгиня?

– И княгиня. Она тебя любит больше жизни, и тоже не хочет, чтобы ты ошибался.

– Вон как! Значит, виноват я?

– Не виноват. Немного поторопился. Виноватого еще надо найти. Я проверил, как хранится наше золото. То, которое привез с прииска Кодан, хранитель наш держит отдельно.

– Зачем?

– Чтобы убедиться. Так вот, сколько было выдано золота Кодану и сколько он сдал хранителю, сходится тютелька в тютельку.

– Откуда же взялось золото, что нашли под стрехой у Кодана? Кто его и зачем туда положил?

– Это и надо узнать, найти подлеца.

Встал Рэдэд, подошел к окну, долго стоял спиной к Шупашу. Не оборачиваясь, проговорил:

– Вот этим ты и займись, найди. – Потом обернулся: – Но и вы с Коданом хороши. Будто в доме хозяина нет. Сами задумали плотину, подняли на ноги чуть не всю округу, а я тут вроде бы ни при чем.

Шупаш облегченно вздохнул: «Пронесло».

– Рэдэд, дорогой старший брат, у тебя государство на плечах, зачем же тебе еще всякие мелочи брать на себя? Ты должен радоваться, что у тебя догадливые и деловые помощники.

Рэдэд улыбнулся не то виновато, не то благодарно:

– Да ты, оказывается, младший брат, стал уже совсем взрослым. Я даже не заметил, как это произошло. Хотел тебя повоспитывать, а получилось... Вот и хорошо. – Рэдэд

положил руку на плечо Шупаша. – Иди, а я пойду к мальчишкам, очень соскучился по ним.

Направляясь к Адшесу, Шупаш размышлял: «Не все видящие способны узнавать врагов, они не видят самых опасных – тайных», – кажется, так однажды сказал Рэдэд, а сам за спиной Кодана и не увидел своего тайного врага. С чего начать поиск, где кончик веревочки, за который надо ухватиться?»

Жена Адшеса сказала, что мужа нет дома.

– Как нет? Я только что слышал его голос!

Она рассмеялась:

– Ну чистое дитя твой дружок. Посмотри – он выпрыгнул, как мальчишка, из окна и возится с собакой.

– Если прыгает из окна, значит, рана уже не донимает. Может, и мне выпрыгнуть как мальчишке? – рассмеялся Шупаш. Позвав Адшеса, попросил, чтобы завтра с Гуатом съездил на прииск.

– Зачем? – удивился Адшес.

– Тайна.

– Тайна?! – восторженно произнес Адшес. – Скажи, что за тайна, а то я ночь спать не буду.

– Хорошо, только никому ни слова. Привезите хакучинца Дадама.

– Зачем?

– Опять за свое. Тайна!

– Вот это да! – удивленно промолвил Адшес.

Теперь Шупаш решил узнать, кто первый сказал, что у Кодана под стрехой нашли золото. Вот именно – кто первый, от кого все и началось. Пошел этот разговор из кузницы, туда и направился Шупаш. Чувствовал он – кончик веревочки где-то тут, рядом. «Только ухватиться бы за него».

– Людей здесь было много, но не помню всех, – сокрушался Емзеш, – память у меня стала дырявая. Надо тебе, Шупаш, спросить у моего племянника, память у него цепкая. Помню только, мы все возмущались глупым наговором на Кодана, человека честного и порядочного. Сходи к племяннику, он тебе расскажет.

Час уже был поздний, и Шупаш решил навеститься утром. Решил так, а потом очень пожалел, вся ночь у него прошла кувырком. То снилось, будто шел проливной

дождь, и плотину прорвало. Вода так гудела, что он проснулся в испуге и стал смотреть в окно. Потом на князя Рэдэда напал отряд всадников. Он сражался на высоком холме, отбиваясь мечом, а Шупаш никак не мог пробиться к князю на помощь и горько плакал... Проснувшись, он принялся одеваться, будто уже наступило утро, но, выйдя во двор, увидел в небе яркие звезды. Вернулся в дом вконец измученный, не раздеваясь, упал на кровать и так крепко уснул, что Дзешш и Зафес, забравшись на кровать, еле разбудили его.

Наспех позавтракав, пошел к племяннику кузнеца, увидел его на лавке у калитки с друзьями.

– Мне надо с тобой поговорить, пойдем прогуляемся. Ты помнишь тот день, когда в кузнице собралось много мужчин, и кто-то пустил слух, что Кодан – вор, он украл золото, которое нашли у него под стрехой. Не помнишь, кто это сказал?

– Как не помнить – Щор.

Даже вздрогнул Шупаш:

– Не торопись, подумай, может, первым кто-то другой сказал, а Щор-дурачок лишь повторил?

– Нет! Щор зашел и прямо с порога заявил: под стрехой дома Кодана много золота.

Шупаша бросило в жар. «Что ж получается? Придурок Щор наболтал, а серьезные люди поверили? Но ведь золото действительно оказалось под стрехой дома Кодана. Опять же – откуда Щор узнал, где оно находится? Вот тут и покрутишься, сплошные загадки».

Пришел Шупаш к Щору:

– Заболел он, – сообщила мать. – Мальчишки вчера бросили в речку его шапку, он и полез в ледяную воду и простудился, дуралей.

Щор лежал в постели под одеялом:

– Совсем не дуралей, – слышался его голос. – Что мне оставалось делать? Такая хорошая шапка, унесло бы ее в море, а там вон какие страшные волны!

Шупаш улыбнулся ему:

– Помогут боги, ты поправишься. Позволь, мать, мне поговорить с ним?

– Поговори, только что возьмешь с него, обиженного богами.

– Это вы обижены, а меня боги любят! – вспыхнул Щор, натягивая на себя одеяло.

– Вот видишь, – усмехнулась мать и отошла к дверям.

– Любят, любят тебя боги, – успокоил Шупаш, садясь на табуретку у кровати. – Говорят, когда ты ночью вышел по надобности, то увидел Кодана, который что-то прятал под стрехой дома. Это правда?

– Правда, – ответил Щор, втянув голову в плечи.

– Что ты болтаешь, несчастный! Он никогда ночью во двор не выходит, Шупаш. Это я тебе как мать его родная говорю.

– Может, я во сне видел. Я много разного вижу во сне! – вытянув шею, Щор сердито глянул на мать.

– Ты знаешь, кто говорит с тобою? Брат великого князя! А ты дурака валяешь, говори правду! – подошла она к кровати. Щор опять спрятался под одеяло, только глаза выглядывали в щелку:

– Мне велели так сказать.

– Кто велел?! – придвинул табуретку к кровати Шупаш.

– Парень один.

– Как его зовут?!

– Не знаю.

– Врешь! – прикрикнула мать.

– Не вру. Не знаю, как его зовут. Он один живет на самом краю, возле заброшенного сарая, под сухой вербой его дом. Он никогда меня не угощал, противный такой...

Встал Шупаш. «О боги, слава вам!» Он хотел эти восторженные слова произнести громко, чтобы слышали все, но удержал свой восторг. «Ухватил я кончик веревочки, теперь дотянусь до другого конца», – не о себе, Кодане, подумал он, о великом князе Рэдэде...

Баржей сидел у жарко пылающего очага и помешивал густой фасолевый суп с бараниной.

В ворота громко постучали.

– Добро пожаловать, Шупаш, добро пожаловать в мою жалкую лачугу, высокий гость!

– Спасибо за приглашение, Баржей, обязательно зайду в другой раз, а сейчас некогда. Быстренько одевайся и пошли.

– Сейчас, только потушу огонь в очаге, надену попрличнее одежду. – Выйдя на веранду, он весело спросил: – Седлать коня?

– Пешком дойдешь до кузницы, тут недалеко.
Баржей понял – не с добром приехал Шупаш, и сник:
– Зачем я тебе понадобился, да еще в кузнице?
– Не только мне. А ну прибавь шагу, чего вдруг ты ослаб?

Обычно около кузницы на врытых скамейках сидело много мужчин, которые приходили провести время, поговорить. Сегодня не было никого. Только Емзеш в кузнице орудовал со своим молотобойцем.

– Проходи, проходи, Баржей, чего ты вроде как споткнулся. Теперь скажи нам: с кем ты ночью прятал золото под стрехой у Кодана?

Поблел Баржей, попятился к двери. Шупаш подтолкнул его назад, ближе к горну.

– Ну, чего ты молчишь? Или корова язык отжевала?

– Я не знаю, о каком золоте ты говоришь, не помню за собой такого дела.

Шупаш взял Баржею за руку и попросил молотобойца:

– Раздуй-ка посильнее огонь и раскали эту железку, она поможет ему вспомнить, с кем он прятал золото.

– Не надо железа! – закричал Баржей. – Я скажу...

– Ну?!

– Не он был со мной, а я с ним, – промямлил Баржей.

– Не юли! Кто был с тобой?!

– Зирар. Он принес золото и подложил Кодану, чтобы опозорить его.

– Теперь ты понял, Емзеш, что случилось?

Кузнец всем своим громадным телом надвинулся на Баржею:

– Я задущу тебя как поганого щенка!

– Не надо, не стоит марать руки об эту нечисть, он еще получит свое. А сейчас иди домой и не вздумай бежать – все равно догоню и отрублю голову.

Адшес и Гуат привезли с рудника Дадама, чтобы перевесить золото, но после признания Баржею это уже не понадобилось.

– Не трогайте его, – велел Рэдэд, – присматривайте лишь, чтобы не ушел. Через него мы сможем еще кое-что узнать. Займемся после хасэ.

Оно состоялось на площади в центре Мазиба. Пришли жители селения, прибыли предводители всех дружин.

Великий князь Рэдэд с сыновьями, Кодан и Машук выжились над собравшимися на конях.

Князь, открыв хасэ, говорил о том, что большая семья адыгских племен – это лишь нарождающееся государство, но уже спокойнее, дружелюбнее начали жить люди. Уже создано хорошо подготовленное войско. Многим теперь неповадно приходить сюда за легкой добычей, хотя имеется теперь и золото с серебром, немало зерна, меда, кожи, шерсти.

– К нам охотно приезжают торговать купцы из-за моря, из дальних западных стран, но не прочь заглянуть и недруги. Я говорю о русичах. Они требуют от нас дань, будто мы их подданные. Поэтому, уважаемые соотечественники, нам надо все больше и больше крепить нашу дружбу, делать все сильнее наше войско. Я не хочу вас пугать, а просто поясню: русичи не оставят нас в покое, мы с вами должны быть к этому готовы. А теперь, – князь подозвал к себе Кодана, – я хочу, я должен перед всеми вами, перед предводителями дружин попросить прощения у Кодана за то, что я, поверив злым наветам, клевете, оскорбил его своим недоверием. Его, предводителя Всеадыгского войска, человека удивительной честности, порядочности, моего друга. Думаю, то был злой ветер, которого уже нет между нами. Прости меня, Кодан, и дай свою крепкую, честную руку мужчины и воина.

Они пожали друг другу руки, над хасэ-собранием прокатился гул одобрения.

К Шупашу уже давно все относились не просто уважительно, не просто как к младшему брату великого князя Рэдэда, но и как к человеку, многое сделавшему в формировании войска, в добыче богатств – золота, серебра, меди. Видел он, чувствовал эту уважительность, она радовала его, но рукопожатие Рэдэда и Кодана, гул одобрения возвысили его и перед самим собою. Как говорил когда-то мудрый Колэс, выше этой награды не бывает, она необходима каждому, кто считает себя мужчиной.

V

Каждый стремится к тишине и покою в своей жизни, но если этот покой будет длиться долго, он становится

дремотным, а потом тоскливым, и человек начинает жаждать свежего ветра.

Так размышлял Рэдэд, стоя на крутом берегу Пшады.

Если взять Пшаду с самого начала, где она слезинками с тающего снега стекает в заоблачной вышине, и до морской волны, с которой она встречается, если взять год, за два или десять, то окажется, что речка очень похожа на людей с их радостями и печалью, умом и безумием, неистовством и покоем.

То бежит она вприпрыжку с камешка на камешек, весело позванивает, искрится, забавляется солнечными зайчиками, а то взбунтуется мутным, свирепым потоком и обрушит берег, вырвет с корнем вековой дуб, смоев селение, превратит дома в обломки, потом разольется на лугу и успокоится, будет дремать на солнышке. И вот уже нет ее, она растворилась в море, чтобы подняться потом, стать облаком, упасть дождем или снегом, опять звенеть веселым ручейком. Есть у нее сила, неистовство, даже коварство, а ума или простенькой хитрости, как у людей, не имеется, потому плотины и оказываются для нее неодолимыми.

Не говорил об этом Рэдэд никому. Мысленно гордился тем, что не только примирил касогов, зихов, меотов и хакучинцев в единой семье, но и сделал их сильными, как пальцы, собранные в кулак.

Подняв свой взор к небу, он прикрыл глаза, поблагодарил богов за их милость, попросил продлить мирные дни. А еще попросил наказать, остудить горячие головы тех адыгов, которые нападают на русичей, не понимая, что накличут этим беду на свою землю, разбудят спящего медведя, разозлят.

Агбан подвел к нему коня:

– Пора двигаться дальше, князь.

– Пора так пора, – он легко взлетел в седло, тронул коня неторопливой рысью, продолжая размышлять:

«Славный человек Костас. Вон сколько купцов стало к нам ездить. С русичами сумел договориться, они пропускают караваны груженых товарами телег к нам и обратно – с нашими товарами. А теперь Мстислав требует, чтобы все прибывающие суда обязательно заходили в Тмутаракань, платили ему налог, значит, товары для нас

поднимутся в цене. Получается, он и с этой стороны хочет обложить нас данью. И не только нас, но и заморских купцов. Интересно, как поведет себя Костас, сумеет ли договориться с Мстиславом?.. Удивительный он человек – с русичами, персами и румами разговаривает без переводчиков, возит с собой толстые книги. О, боги, сколько там мудрости всех времен и народов записано! А как живем мы? Ведь я сам, великий князь, знаю всего несколько греческих слов да подержал книги в руках, повздыхал над ними. Надо отобрать толковых молодых парней и послать их в Грецию, Персию, к римлянам, пусть учатся языкам, читать книги, потом и свои начнут писать на нашем языке. Обязательно Дзешш и Зафес должны стать, как говорит Костас, образованными людьми. Не надо жалеть на это денег, вон сколько золота у нас накопилось, и нечего добру лежать, пусть помогает улучшить нашу жизнь».

Рэдэд давно усвоил: чем меньше думаешь о дороге, тем она короче и приятнее. Вот и сейчас за размышлениями, за сомнениями и спором с самим собою, за думами об ушедшем и будущем и не заметил, как с обрыва над Пшадой приехал на этот луг. Такой просторный и живописный, будто вся красота гор, голубого неба, садов и лесов сошлась здесь в единое многоцветие с радугой душистых цветов, рядами косарей, взмахивающих звонкими косами, укладывающих в валки высокие травы. Потом они станут душистым сеном и будут всю зиму хранить запах ушедшего лета.

Остановился Рэдэд, распрямил плечи, всей богатырской грудью вздохнул и восторженно произнес:

– Праздник!

Сказал и подумал: «О, боги, какой унылой была бы без праздников наша жизнь! И не только унылой, но и бессмысленной».

Косари увидели великого князя с дружиной и, воткнув косы держаками в землю, пошли ему навстречу.

«Ах, какие красавцы!» – широко улыбнулся он косарям, у которых, казалось ему, такие же веселые и красивые глаза, как сам луг, как ясное небо и ласковое солнце.

– У кого тут самая острая коса? – поприветствовав, обратился к ним Рэдэд.

– У всех острые, Емзеш не дает им затупиться.

– И он здесь?
– А какой же сенокос без него? Вон в холодочке при-сел.
– Тебе, Кодан, – заметил Рэдэд, – не следовало сюда приезжать – своих дел невпроворот.
– Верно, великий князь, но всех дел не переделаешь, к тому же хочется косточки поразмять, подышать праздни-ком вместе со всеми.
– И то верно. Пожалуй, и я разомнусь. Шупаш, дай-ка мне свою косу.
– У косарей говорят, – сказал Кодан, – коси, коса, пока роса, роса долой – коса домой. Ты приехал, князь, позд-новато.
– Ничего, управимся и без росы.
Косари заняли свои места: Кодан – впереди, за ним – великий князь, следом – все остальные.
Рэдэд начал косить еще подростком и хотя давно не держал косу в руках, управлялся с нею, словно косил каждый день.
– Поторапливайся, поживее, Кодан, не то я достану твои пятки.
Кузнец Емзеш со стороны придирчиво наблюдал за косарями.
– А он и в самом деле великий: везде впереди, вон как поджимает Кодана и валок кладет ровненький. Одно слово – предводитель, – удивлялся он.
Отстали от Кодана и Рэдэда Шупаш, Гуат и Адшес. Как ни старались, но ничего не получалось у них.
Дошли косари до конца поляны, где отбивал косы Емзеш. Увидел кузнец, как засмутились молодые, решил их подбодрить:
– Великому князю Лаурстэну не было на лугу равных, это у Рэдэда наследственное, к тому же он со свежими силами, а парни здесь с самого утра, намахались уже.
– Ты тоже намахался в холодочке? – пошутил Рэдэд.
– Правильно, – не смутился Емзеш, – у каждого свое дело. Посмотрел бы я, как работают косари, не сиди я тут в холодочке, отбивая их косы.
– Известное дело, сидели бы в свое удовольствие с тупыми косами, разные байки рассказывали, – поддержал кузнеца Кодан.

– Я смотрю, тут у каждого язык такой острый, как и коса: не клади палец в рот, по локоть отхватят. Славные у нас парни, так я говорю, почтенный мастер? – спросил великий князь Емзеша.
– Спасибо, князь, – ответил кузнец, – за твои слова. Великий князь Лаурстэн тоже был шутником – случилось, даже из беды выручал шуткой.
– Спасибо и тебе, мастер, за добрую память о моем отце. Жаль покидать вас, но мне пора в путь.
– Перед дорогой надо пообедать с косарями. Просим, – пригласил Кодан Рэдэда.
– Не могу, тороплюсь. Темрюк уже заждался меня.
– Напрасно торопишься, великий князь, – продолжал Кодан, – у нас сегодня редкостный обед – свежая медве-жatina.
– Очень соблазнительно, но дело ждет.
– Дело не волк, в горы не убежит, – сострил Адшес.
– Но и ждать бездельника не станет, – ответил Рэдэд. – Неужели вы всего медведя съедите?
– Куда нам столько! Окорока на зиму закоптим, – ответил Емзеш.
– Надеюсь, и мне что-нибудь достанется? – весело рассмеялся князь... – Доброго вам обеда.
– Гляньте в сторону леса, там какие-то всадники, – встревожился Агбан, – не нравятся они мне.
Рэдэду тоже всадники показались подозрительными: двое взрослых гнались за мальчишкой. Что такое?
– Кодан, пошли своих парней на перехват, только быстрее, иначе уйдут.
– От моих не уйдут.
Тем временем убежавший мальчишка спрыгнул с коня и кинулся в лес. Двое, гнавшихся за ним, тоже быстро спешились.
– Великий князь, разреши и мне пойти на подмогу: в лесу трудно, сам знаешь, – попросил Гуат.
– Не надо, справятся сами. Успокойтесь, займитесь лучше обедом.
– Парни надежные, – сел рядом с князем Кодан, – а все ж руки чешутся, уж очень интересно: кто те всадники, за что погоню устроили?

Рэдэд с душевной теплотой посмотрел на взволнованного Кодана. Когда великий князь перед всеобщим собранием попросил у него прощения за свою скоропалительность, за оскорбление, многие князья посчитали, что он не только себя, но и их как-то принизил, дав понять своим поступком, что княжеская честность выше его власти. Принизил, как они считали, незыблемую княжескую власть. Сам же Рэдэд считал, что он не только не унизил себя, но и проявил мужество. О, только богам да подушке, свидетельнице его бессонных ночей, известно, с какой трудностью далось ему решение признать свою ошибку, принародно склонить великокняжескую голову перед Коданом. Чем сильнее была та боль, тем с большим уважением относился князь к себе.

А Кодан? Он прилюдно сказал Рэдэду, что восхищен его поступком: «Ты – великий князь по наследству, по воле людей. Все это досталось тебе легко, а то, что ты сделал перед людьми, я бы сказал, возвысило не столько тебя, сколько твою совесть, опять же не столько твою, а совесть вообще, без которой небо – не небо, солнце – не солнце. А ведь я виноват больше, чем ты. Если бы не моя гордыня, если бы я не хлопнул дверью, не надулся, как индюк, все обошлось бы не только без моей и твоей сердечной боли, но и без боли Шупаша, Айнар, Татуха, Емзеша, Пшимафа, Чечана. Разреши мне, великий князь, по-братски обнять тебя».

– Всадники едут!

Впереди ехал Темрюк, он подвез лежащего поперек седла пленника и сбросил его к ногам Рэдэда. Оказалось, это совсем не мальчишка.

– Посмотри, великий князь, этот замухрышка с зелеными лягушачьими глазами столько нам пакостей наделал, что я готов разорвать его пополам. – Темрюк подступил к нему, но князь остановил:

– Подожди, Расскажи толком, кто этот, как ты называешь, зеленоглазый?

– Среди своих его так зовут. Он был с Кансавом и со мной в неволе. Кансав поступил на службу к русичам, стал у них воеводой, я вернулся домой, а Зеленоглазый женился в Тмутаракани и промышлял мелкой торговлей, потом вернулся домой: надоело жить на чужбине. Жена не при-

няла его, он стал жить у старшего сына. Сначала жил, как и все, вел хозяйство, а потом начал шастать по селениям. Чем же он там занимался? Отправился я по его следам, чтобы выяснить. Оказалось, высматривал, где находятся наши дружины, чем занимаются, сколько в них воинов, а потом стал распространять слухи, якобы купцы обманывают всех, дают половину стоимости товаров, а вторую половину отдают тебе, князь. Потом и вовсе стал пугать наших – опять же доверчивых – русичами, мол, у них непобедимое войско, они придут и сожгут наши селения, мужчин угонят в рабство, нам надо покориться и дружить с ними.

Великий князь подошел к Зеленоглазому, глядя на него, спросил:

– Это правда?

– Да, – не моргнув, ответил тот.

Приблизился к нему вплотную Рэдэд:

– Ты из наших?

– Да.

– Значит, ты предал нас, своих отцов и дедов предал, какой же после этого ты человек?

– А Кансав разве не из наших?

– Он, по крайней мере, не прятал своего лица, шел открыто в бой за свою честь, а ты? – повысил голос Рэдэд, но тут же, понизив, почти шепотом добавил. – А ты – двуличная мразь, змееныш.

– Нет! – вскрикнул Зеленоглазый. – Кансав глуп, как эта палка. Он поднял меч на своих, а я хочу добра собратьям и во имя этого буду кем угодно, хоть и змеенышем. Нам воевать с русичами все равно что биться головой о камень, зачем же расшибать свой лоб?

– Я не хочу, не могу больше слушать этого выроodka! – двинулся на Зеленоглазого Машук, но Кодан его придержал.

– Говори, я слушаю, – не повышая голоса, сказал Рэдэд. Зеленоглазый, взглянув на Кодана, продолжил:

– Тебя, князь, здесь все называют великим. Мой великий князь в Тмутаракани. Не гневайся, что я тебя называю просто князем, и если ты действительно великий князь, не позволяй оскорблять меня, я ведь тоже рожден носить шапку. Ношу ее и буду носить, пока голова на плечах. Ты

можешь предать меня самой лютой смерти, я не буду роптать, но не унижай, как велит закон наших предков.

Дрогнуло, вспыхнуло жаром сердце Рэдэда, но он, сдержав свой гнев, улыбнулся:

– Согласен с тобой... Скажи, каким хмельным медом потчует тебя Мстислав, какие блага, дары обещает за то, что предал свой народ?

– Я уже говорил – не предавал свой народ, а служил и служу ему, его благополучию, покою и Мстиславу служу во имя нашего благополучия. Я не поднял меч на свой народ, как Кансав.

– Ты говорил, что войско Мстислава непобедимо. Чем же оно непобедимо, кроме того, что громадное?

– Его войско вооружено самым лучшим оружием, хорошо обучено, во главе его умелые предводители. Кроме русичей, в нем много людей из других народов, которые служат ему за хорошую плату.

– Тебе тоже хорошо платят?

– Очень хорошо, у меня достаточно золота для семьи.

– Твой сын знает, откуда у тебя это золото, чем ты занимаешься? – спросил Рэдэд.

– Не знает, даже не догадывается. Надеюсь, вы не будете его казнить за мои грехи.

– А если он узнает, чем ты занимался?

– Вы ему скажете?! – в отчаянии закричал Зеленоглазый. – Не говорите ему об этом!

– Сын его славный парень, – сказал Темрюк, – думаю, справится с этой бедой.

– Мы поможем, чтобы он стал настоящим человеком, поможем, – уверил Рэдэд, – но помоги ему и ты.

– Как?! – поднял глаза на Рэдэда Зеленоглазый.

– Правдивыми ответами на наши вопросы.

– Я постараюсь, я...

– Что будет, если ты не вернешься в Тмутаракань, не захочешь больше служить Мстиславу?

– Меня выкрадут и повесят.

– С тобой было три всадника. Кто они, куда делись?

– Из Тмутаракани. Мои связные, приехали ко мне за новостями.

– Позволь, великий князь, я расскажу, – обратился к Рэдэду Темрюк. – Внук Зеленоглазого пришел ко мне и

сказал, что к деду приехали из Тмутаракани два человека и замышляют против нас что-то недоброе. Я скорее туда, а они – бежать. Догнали в лесу, пришлось их успокоить.

Рэдэд, сев на пень, спросил пленника:

– Что слышно в Тмутаракани? Готовится Мстислав к войне с нами?

– Войско становится все больше и больше, думаю, не для праздников он его собирает. Недавно ездил в Константинополь, говорят, вернулся злой. Сейчас все едет по Руси – охотится, бражничает – любит он хмельное зелье.

Встал Рэдэд, заложив руки за спину, походил. Остановился около Зеленоглазого, посмотрел в упор:

– Ты о наказании заговорил. Скажи, какое считаешь для себя справедливым?

Побледнел Зеленоглазый, судорожно вздохнул:

– Если так... отпусти меня, я уеду и никогда ничего плохого вам не сделаю.

– Люди добрые, посмотрите на этого мудреца! – воскликнул великий князь. – Оказывается, за всю его подлость и мерзость, какую он годами творил нам, мы должны наградить его жизнью!

Адшес хихикнул, а Емзеш усмехнулся, вслед за ним громко рассмеялись дружинники.

– Мужество твое, Зеленоглазый, оказывается, ненастоящее, от страха перед смертью ты даже поглупел. Если хочешь жить достойным сыном своей земли, живи, как жил. Сегодня между нами, считай, ничего не произошло, мы не знаем, что ты тайно служишь русичам. К тебе по-прежнему будут приезжать связные, и ты сможешь ездить, если понадобится, в Тмутаракань, однако новости будешь передавать Мстиславу такие, какие мы тебе скажем.

– Если я соглашусь на это, тогда в самом деле стану такой мразью, что мои предки перевернутся в могилах. Ведите! – Он заложил руки за спину и неторопливо пошел в сторону леса.

Рэдэд кивнул Кодану, тот дал знак трем дружинникам, и те пошли следом за Зеленоглазым.

Пленник оглянулся:

– Передайте сыну, что я оставил ему золото. Он знает, где оно лежит. А тебе, князь, скажу: лавина войска Мстислава раздавит твоих воинов в два счета, подумай об этом...

Рэдэд и Кодан прошли тропинкой мимо костра, на котором в котле варилась медвежatina.

– В войске Мстислава, великий князь, действительно много людей, а за ним еще огромная Русь.

– Поэтому, Кодан, нам надо добиться, чтоб наше войско стало похожим на железный кулак. Каждый воин должен научиться побеждать двух-трех воинов противника. Этим тебе с предводителями дружин и следует заняться. Есть у нас с тобою еще одна беда: в войске Мстислава много воинов из наших соплеменников, и как тут нам быть?

VI

Едва проснувшись, первое, что вспомнил Абеч, были слова отца: «Если хочешь быть счастливым, никогда не бери чужого, не тянись к тому, чего явно не сможешь достать».

Очень досадовал он, что неразумным оказался его отец, хотя и был главным князем Зихии. Если не будешь тянуться, то не достанешь даже того, что у тебя под носом, – считал Абеч. – Надо брать все, что можешь взять, а иначе, пока будешь раздумывать, чужое оно или не чужое, его уведут. И, что интересно, хотя не принимал он отцовскую «мудрость», но почему-то не мог от нее избавиться, время от времени она оживала в его сознании и не понять – решительно отметал он ее или задумывался над нею. Конечно, он отметал ее начисто, а она опять, даже среди ночи, начинала будоражить его сознание, всеми силами старался он выбросить ее из головы и не мог. Вот и сегодня – сначала ночью она напомнила о себе, потом на зорьке, когда так сладко спится.

Рассердился Абеч, решил проветриться, освежить мозги утренним свежим ветерком.

Вышел во двор. Море было мгlistым и потому казалось мягким, как пуховая перина. Небо еще не проснулось, дремало в туманной вышине. Горы тоже спали, укрывшись облачным одеялом. Спать бы еще и ему...

Как получилось, что он, главный князь Зихии, прозябает на чужбине? Где он ошибся? Пожалуй, следовало убрать с дороги не Челемета, а Зекоша! И еще – почему они с Рэдэдом стали врагами, ведь столько лет дружили, еще покойный Лаурстэн одобрял эту дружбу.

Остановился Абеч у плетня, посмотрел на хитросплетения лозы и усмехнулся. В детстве он почти всегда выигрывал в альчики у Рэдэда и в скачках на лошадях часто его побеждал. А потом Рэдэд вымахал на голову выше Абеча, стал чуть ли не вдвое шире в плечах. Не так и важно все это, но Рэдэда избрали великим князем. «Лучше бы мне немного унять себя, проявить хитрость и, не торопясь, возвыситься, но проклятый Тураб сбил с толку: «Рэдэда не любят, на следующем хасэ его скинут и выберут тебя». Проклятый горбун! И след Зирара простыл. Наверное, его прикончили, значит, золотишко мое тю-тю...»

Абеч направился в дом, где снимал комнату для Зирара, надеясь найти припрятанное золото, но там, оказалось, все было перерыто. Хозяин дома сказал: приходил друг Зирара, меот, он и похозяйничал. Меот тот как в воду канул. «Значит, паскуда, забрал золото, а иначе зачем ему убегать?».

Пропало золото, а Кодан жив, прикончили Зирара и, конечно, постараются добраться и до него, главного князя Зихии, он ведь поперек горла Рэдэду. Могут шлепнуть из-за угла дубиной или мечом рубанут, надо беречься, а зачем, зачем? Не бери чужого, не тянись, к чему не дотянешься... В свое время, когда власть имел, не дотянулся, а теперь? Втяни голову в плечи, ходи поближе к стенке, прячься, чтобы стрелой не достали, дубиной не огрели по дурной башке. Вот тебе – «не бери, не тянись». Он решил незамедлительно вступить в дружину Мстислава. «А что? Вернусь домой воеводой великого войска! Тогда и посмотрим, посмотрим, Рэдэд, чья возьмет».

Однако стать воином Мстислава оказалось не так просто. Мордатый, с большим красным носом воевода все расспрашивал да выспрашивал, чего ради Абеч идет на службу к великому князю Мстиславу, который рано или поздно начнет воевать с его соплеменниками. Все расспрашивал: словами – одно, а глазами – другое. Сказал: приди

завтра, потом опять – завтра, а затем с подозрением спросил:

– Ты, князь, просишься рядовым, не станешь ли потом сожалеть?

– Не стану! – поспешил заверить Абеч. – Рядовым иду, рядовым и буду – княжеское слово крепкое.

– Ладно. Завтра получишь, что положено воину. Только смотри, никто тут не будет называть тебя князем.

– Хорошо, – бодро ответил Абеч и улыбнулся самому себе: «Кансав был вашим воеводой, а чем я хуже его?».

Вскоре Абеч познакомился с воинами своей дружины, особенно близко сошелся с Кузьмой.

– Я гляжу, ты справный мужик, в самом соку, не прочь, наверное, и за бабенкой приударить, а?

– Не знаю я ваших порядков, если что, у тебя совета спрошу.

Кузьма с Гришкой собрались на пристань, позвали с собой Абеча.

– Ты каких любишь, черненьких или беленьких, толстеньких или худеньких? – весело спросил Гришка.

– Светленьких, – смущенно ответил Абеч, потом отшутился. – Лишь бы платок носили.

На пристани было людно, суетно и весело. Разгружали суда, и тут же у трапов сновали покупатели заморских товаров. На площади стояли рядами повозки, груженные зерном, кожей, шерстью, вяленным мясом, медом и воском.

Шум, гам, шутки, прибаутки!

Жевали жвачку рогатые быки, красовались скакуны разных пород. Торговались с греками и персами дородные купчихи, выторговывая гроши, стояли в сторонке нарумяненные молодухи, грызли семечки.

У ног Абеча тихо плескалось море, словно что-то тихонько рассказывая. Ему казалось, будто слышал он свою Зихию, ее призывную тоску. Бывал он не раз в далеких и долгих поездках, но чтобы вот так слышать и видеть Зихию, никогда не приходилось. И вдруг почувствовал он свою вину перед нею. Хотел отогнать, мол, что за глупость, я – главный князь ее, хозяин и не могу быть виноватым перед нею. Так он думал, а сердце не умеет думать, оно просто чувствует и разуму неподвластно. Да-да, вину он чувствовал сердцем. И опять отец вспомнился: «Власть

должна быть сильной, сила и есть правда. Как ты велел, так и должно быть без рассуждений. Твердость и еще раз твердость. Даже если ты и ошибся, все равно правда на твоей стороне». Абеч горько усмехнулся: «Вот моя, главного князя, твердость и закончилась рядовым в войске русичей. Конечно, стариков надо почитать, слушаться, но и своя голова, если она еще и неглупая, не помешает».

– Эй, Абеч, о чем ты так задумался, будто ничего не видишь и не слышишь? Не на меня смотри, а вон туда, где красотки стоят, нас с тобой поджидают. Есть там и беленькая с синими васильковыми глазками.

– Да подожди ты, Гришка, – встревожился Абеч. – Посмотри, те двое – касоги?

– Господи, что с тобой? Ты уже своих не отличаешь от греков.

– Как не отличить, отличил, вон в фесках персы идут, – смутившись, стал как бы оправдываться он.

– А может, это касоги надели фески? – усмехнулся Кузьма, глядя на слегка побледневшего Абеча.

– Нет, персы, – нахмурился Абеч.

– Ты ведь был не просто князем, а главным, как у вас называют, чего же от тебя отказались твои малые князья?

– Их всех Рэдэд запугал!

– Как это один всех запугал? – донимал белобрысый Кузьма. – Выходит, Рэдэд ладит со всеми, все ладят с ним, а ты оказался один. У нас говорят: один в поле не воин. Но ничего, Господь милостив, – Кузьма дружески похлопал Абеча по плечу. – Хорошо сделал, что поступил в нашу дружину, под ее защиту.

Очень не понравилось Абечу, что его, главного князя Зихии, запросто хлопает по плечу какой-то простолюдин, что он, получается, спрятался от Рэдэда за плечи русичей, но что делать, что делать? Он лишь тихонечко скрипнул зубами и попытался улыбнуться Кузьме...

Громко постучали в дверь, подняли Абеча, как говорят русичи, по тревоге. Иногда здесь проводили такие спешные сборы как бы для боя с нагрянувшим врагом.

Ночь была лунной, и факелов не зажигали. Когда построились всадники, им сообщили: небольшой отряд касогов, перейдя болото, вторгся в земли Тмутаракани.

Всадники рысью покинули город. Вел дружину Кузьма.

Встретили русичи касогов за перелеском, неожиданно выскочили из кустарника и напали на них. Схватка была короткой и яростной. Немногим пришельцам удалось спастись. Абеч находился рядом с Кузьмой, прикрывая его, в этом бою он зарубил двоих касогов.

– Мать родная! – воскликнул Кузьма. – Посмотри, эти двое – совсем мальчишки. Тебе не жалко их?

– Если они мальчишки, пусть сидят дома, держатся за юбки матерей, – ответил Абеч. – Поднявший на тебя меч – враг! Его необходимо уничтожить!

– Лучше бы поймать их да отшлепать по заднему месту, чтоб не лезли куда не следует.

– Чтобы они завтра опять напали на нас?

Кузьма ничего не сказал, только горестно покачал головой, глядя на Абеча. А утром, докладывая воеводе о ночной схватке, упомянул и об Абече. С того дня воины русичей стали относиться к нему уважительно, пожимали ему руки и все же называли князем.

Воевода торжественно перед строем воинов заявил:

– От имени великого князя Мстислава благодарю, князь, за преданность и храбрость, проявленные в бою.

Оттаял, ожил Абеч, до боли сжал кулаки: «Подожди еще, подожди, великий князек!»

Кузьма гордился своей дружбой с Абечем – хотя и зих, но князь, которого отметил своей благодарностью сам Мстислав, часто вечерами приглашал его в гости. Приходил к нему и Гришка с женой и ее подружкой, пышногрудой, розовощекой Марией. Здесь он попробовал русскую еду, крепкие вина, от которых непривычно пьянел. И так получалось: Гришка с женой уходил раньше, Кузьма тоже куда-то исчезал, и Абеч оставался вдвоем с Марией. Сначала не обращал на это внимания, потом смекнул что к чему и вот однажды приобнял Марию, но она так его оттолкнула, что он едва удержался на ногах:

– Ты что, с ума сошла?!

– А чего ты лезешь своими кровавыми лапами?!

– Почему кровавыми? – растерянно посмотрел на свои руки Абеч.

– Разве мало ты убил наших людей? Такой вот, как ты, убил и моего мужа! – с ненавистью смотрели на него ее красивые глаза.

– Твой муж тоже убивал, вот и получил свое, – начал сердиться Абеч. – Чего же тогда сидишь со мною по вечерам?

– Хочу понять, люди вы или кто...

– Я – воин великого князя Мстислава, я – князь. И не мы, а вы напали на нас, пролили нашу кровь. Тогда чьи же руки в крови? И не смей так со мной разговаривать, женщина!

На шум вошел Кузьма:

– Что случилось? Так любовно сидели – и на тебе!

– Она говорит, что у меня руки в крови.

– Ей очень больно, у нее трое детишек после гибели мужа остались, не сердись на нее.

Он не сердился. Он побаивался, что Мария навредит ему, рассказывая, как он домогался ее. Да мало ли что может натворить обиженная, обозленная женщина! Но, к его удивлению, Мария не только не вредила, а даже стала почтительно относиться к нему, по-прежнему приходила вечерами к Кузьме на посиделки и добродушно улыбалась. Абеч понял: не от злости она кричала на него, а, скорее, от боли, от своей обездоленности.

От Тмутаракани на Черном море на невообразимо великом пространстве до Белого моря, до белой бесконечности властно лежала, как говорили, могучая Русь. Она одолела, подмяла под себя грозный Хазарский каганат, да и Константинополю не очень-то кланялась. Могучее пространство, но... Кузьма поведал – не все так крепко да едино, и многое сходно стало с тем, что происходит в государстве великого князя Рэдэда.

Мстислав и Ярослав – братья по отцу, от разных матерей, точат друг на друга зуб. Один жаждет подчинить своей власти другого. «Эх, люди-люди, до чего вы одинаково смешны, до горьких слез смешны, а я-то думал – только мы с Рэдэдом, два упрямых соплеменника, неуклюже смешны в своих помыслах. Власть одного над другим – глупость, за нее не надо драться, она от Бога, сама приходит к тому, кому суждена свыше», – подумал Абеч и сначала удивился своей мысли, а потом испугался, опять вспомнив своего отца: «Когда смерть приближается к человеку, она как бы выворачивает его наизнанку, черное для него оказывается белым, а белое может оказаться

черным». Вспомнил отца и тихонько засмеялся: «Конечно, у иного война смерть ходит по пятам. У иного – только не у меня. Моя смерть у меня в кармане, в моих руках, а насчет власти, наверное, померещилось, видно, оттого, что я на чужбине, вот и лезет в голову всякая чушь».

Несколькими дружинами выступило войско Мстислава походом на Чернигов. Двигалось сутки, другие, третьи – и все степь да степь, такая же ровная и бесконечная, как море. Но море – это лишь вода, а степь – то волны седого ковыля, то кусты краснотала и полыни, то веселые дуга, леса, овраги и журавли над ними, скворцы, жаворонки. И птичьих голоса в небе.

На четвертые сутки дружины вышли на берег дремوتной степной речки. Вброд переправились первые две дружины и направились ложбиной влево. Третья, в которой шел Абеч, только переправилась на пологий берег, как на нее вихрем обрушилась лавина всадников, лавина воинов Ярослава.

Дружина Кузьмы, вдвое меньше нападающих, с трудом отбиваясь, отступила обратно за речку, потеряв одиннадцать воинов убитыми. Семеро были ранены, в их числе и Абеч. Рана показалась ему пустяковой – левый бок царапнуло мечом. Но по тому, как боль нарастала и становилась острее, он понял, что ошибся в своем предположении.

Мстислав рассчитывал напасть на Чернигов неожиданно, но внезапность не получилась, и он вынужден был повернуть свои дружины обратно в Тмутаракань.

Когда вернулись домой, лекарь, сняв повязку с раны Абеча, лишь нахмурился и ничего не сказал. Приходил он каждый день утром и вечером. И каждый раз все больше и больше хмурился, меняя повязку. Казалось Абечу, чуть поугасла боль, что дело идет на поправку, но вид лекаря начинал тревожить его. И эта тревога теперь ни днем, ни ночью не давала ему покоя.

– Если вылечишь, – пообещал он лекарю, – я дам тебе много золота.

Против ожидания Абеча тот его обещание воспринял равнодушно. Стараясь не смотреть ему в глаза, грустно промолвил:

– Это, пожалуй, тот случай, когда золото совершенно бессмысленно.

«Белое кажется черным, черное – белым, а могучее золото, выходит, дерьмо?» У него уже ничего не болело или он потерял ощущение боли, потерял аппетит, ему ничего не хотелось, не хотелось даже жить.

Абеч достал из-под подушки небольшую кожаную сумку с золотом: «Как много его и такое тяжелое и почему-то холоднее льда, хотя должно быть горячее крови... Холодное остывшее дерьмо...» И все-таки попросил Кузьму:

– Мне кажется, вы непременно пойдете и завоюете наши земли. В этой сумке мое золото. Целое богатство. Передай его в Зихии моим детям. Часть можешь взять себе.

– Не говори так, Абеч. Лекарь сказал, ты уже скоро поднимешься.

Абеч улыбнулся:

– Или он обманывает, или ты....

VII

Князь Лаурстэн всегда поднимался с зарей, к этому приучал и малолетнего Рэдэда.

И по сей день сын поступал так, как приучил отец. Получалось это само собой, так же неизменно, как поднималось над землей солнце. Была у него еще одна привычка – прежде чем подняться с постели, он мыслями возвращался во вчерашний день: что сделал, что не успел, чему радовался, на что сетовал, а после этого обращался в грядущий день, думая о большом и малом.

Так было и сегодня. Солнце еще не поднялось, весенняя заря пылала во все небо. Князь улыбнулся: по-настоящему праздничная.

Несколько лет не отмечали в Мазибе праздник бога плодородия Ахына, бога пахарей, покровителя овцеводства. Несколько лет жили без праздников – то воевали с хазарами или ясоаланами, то между собой, то держали траур по пропавшему Рэдэду, то по умершему Колэсу, потом – по великой княгине Рампэс.

Как-то старик Пшимаф сказал:

– Праздник, князь – это не только вкусная еда, веселое безделье с плясками да песнями. Праздник – это радость души, силы духа, а что касается траура – прислушайся

внимательно, вникни, и ты в похоронных плачах услышишь надежду, увидишь свет завтрашнего дня, его радость, это и есть наше спасибо родившим нас на белый свет, построившим нам дом и ушедшим на небеса. Бывало, великая княгиня Рампэс говорила: «Во всякой печали есть частица радости, а во всякой радости – частица горести. Как светлый день не бывает без темной ночи, так темная ночь – без света дня».

Рэдэд решил не ждать, когда наступит какой-нибудь праздник, надо завтра же начать готовить его. Пригласить гостей из всех селений, пустьстряпухи приготовят вкусный обед, для детишек – сладости. Пусть парни покажут свою удаль на конях, в борьбе; красавицы – танцы и песни; воины – боевую выучку.

«Недаром была сегодня такая яркая, праздничная заря», – подумал Рэдэд, направляясь после завтрака на площадь у казарм.

Остановился князь в стороне от площади, у могучего осокоря, уже зазеленевшего листвой, и засмотрелся на свое молодое воинство, на Шупаша, управляющего воинами, рубившими на полном скаку лозу, на Машука, проводившего занятие со стрелками из луков. А за всеми, подбоченившись, наблюдал предводитель войска Кодан. Увидев великого князя, подошел к нему.

– Помнишь, Кодан, ты как-то говорил о празднике воинов? Я подумал, что его надо обязательно провести, но не только для воинов, но и для всех нас, всей нашей большой семьи.

– Это здорово, великий князь! Когда мы его проведем?

– Готовиться к нему надо начинать уже завтра. Но у меотов беда, говорят, молодые парни попытались проникнуть на землю русичей, но там задали им перцу. Сколько раз говорил – не связывайтесь с русичами, не давайте им повод нападать на нас. Ты видел, как они охраняют свои земли, не так-то просто туда попасть. А вот у нас охрана никуда не годится. Правда, Дамир навел на своей границе порядок, нужно послать предводителей селений в Хакучию, пусть поучатся у него. Ладно, не буду мешать, продолжайте занятия. А ты не забудь поговорить насчет праздника с Машуком, Шупашем и Чечаном.

Вернувшись домой, Рэдэд заглянул в комнату мальчишек, но их там не было. Он отметил, что в последнее время они все чаще куда-то уходили.

– Послушай, Айнар, куда наши мальчишки уходят? – спросил он. – Как ни загляну в их комнату – там пусто.

– Шупаш их стал брать с собой на поляну, где проходят военные занятия.

– Зачем? Что он там с ними делает?

– Разве они не мужчины?! – с материнской гордостью в свою очередь спросила Айнар.

– Что ты говоришь, они же еще младенцы.

– Слушаю я тебя и не могу понять, кто из нас мужчина, а кто квочка, что под крылышками держит своих цыплят. Если б ты видел, как лихо скачет на коне Дзепш!

– Да перестань ты, как это Дзепш лихо скачет на коне, – как бы недоумевая, не веря Айнар, говорил Рэдэд, а сам в душе радовался.

– Ты помнишь, Колэс подарил Шупашу жеребенка? Какой белоногий красавец вырос! Шупаш хочет, чтобы объездил его Дзепш.

– Это, дорогая, уже чересчур – дитя будет объезжать ретивого скакуна.

– Я тоже так думала, а Шупаш сказал, что, кроме Дзепша, у него еще несколько мальчиков, и все они тоже научились лихо скакать верхом. Твой младший брат считает – чем раньше научишься управлять конем, тем смелее будешь идти по жизни. Вот и занимается племянником.

– Ай да Шупаш, ай да молодец! Да и ты умница, моя храбрая жена! – не сдерживая восторга, Рэдэд приобнял за плечи Айнар. – Спасибо вам, спасибо, я за своею суетой и не заметил этого.

– Соседки говорят, зачем я сыновьям великого князя разрешаю водиться с простолюдинами, а я ответила: отгородиться от своего народа князю легче всего, а вот быть с ним одним целым, понимать его намного труднее. Так что пусть княжичи учатся этому с детства, только тогда из них и получатся настоящие предводители.

– Какая ты молодец, Айнар!

– Это не я – покойная великая княгиня, подарившая мне свою мудрость.

Вошел Агбан:

– Великий князь, гонцы из Тмутаракани вернулись.

Поговорив с вестовыми, Рэдэд пошел к себе, не раздеваясь, лег на голый топчан. Вестовые сообщили: Абеч, во время похода на Чернигов с Мстиславом, тяжело ранен и вряд ли выживет, пока они ехали из Тмутаракани, возможно, уже и помер.

Абеч был не только противником Рэдэда, но и врагом всех касогов, а теперь, когда он глупо погибает на чужбине, зашло болью сердце Рэдэда, ведь каким бы плохим ни был Абеч, все равно оставался его соплеменником, был частью его, Рэдэда, жизни.

«Матерый волк, готовясь к большой охоте, собирает большую стаю, вот и Мстислав все мечется по княжествам Руси, собирает большое войско, понятно, против нас», – думал Рэдэд.

– Я уверен, – говорил Костас, – все русичи после крещения в Днепре не сразу стали христианами, лишь через много лет они откажутся от своих древних богов, но Византия тут же подружилась с ними. Почему бы и вам не поступить, как поступили русичи?

– Нет, – ответил ему Рэдэд, – серединка на половинку нам не годится. Нам или все, или ничего.

– Но в жизни так не бывает!

– У нас бывает.

– Не думаю, что таким путем можно достичь большого успеха в отношениях между народами большой земли.

– Пока мы заботимся лишь о судьбе своего народа.

Вспомнился Рэдэду этот разговор, и он опять подумал: «Наверное, Костас в чем-то прав, но не могу же я воевать и с Мстиславом, и со своим народом, хотя... Темрюк со своими сторонниками, а их у него становится все больше и больше, живет в мире с нами, язычниками, хранит верность своей земле. Как-то сказал он: «Не беспокойся, князь, если понадобится, если прикажешь, мы не пощадим свою жизнь за наш народ».

Громко о чем-то переговариваясь, вошли к Рэдэду Шупаш и Дзепш.

– Что случилось? – поднялся великий князь. – Что вы не поделили?

– У нас деловой разговор, – ответил Шупаш, – мы спорим о скачках: Дзепш не верит, что ты разрешишь ему

в них участвовать. А моему племяннику и мне очень хочется. Вот и пришли к тебе. Что скажешь нам?

Дзепш ростом уже почти дотянулся до плеча Шупаша, лицо становилось угловатым, а глаза – быстрыми и решительными.

– Говорят, ты хочешь скакать на белоногом скакуне, но он же еще не обьезжен как следует. Справишься ли с ним? Пробовал уже?

– Пробовал.

– Ну и как?

Нахмурил черные брови Дзепш:

– Он подчиняется мне, но еще не всегда.

– Понимаешь, Рэдэд, белоногий скакун привык ко мне, поэтому и противится, но у Дзепша рука крепкая, конь чувствует ее и начинает подчиняться. Думаю, у них все будет хорошо.

– Я, конечно, не возражаю, если вы решили, но... на скачки выйдут опытные наездники, может статься, они оставят тебя далеко позади, что тогда, мой мальчик?

– Как это? – удивился Дзепш. – Ты же сам сказал – я мальчик, не будут же взрослые равняться со мною, а начинать мне надо, как говорит дядя Шупаш, чем раньше, тем лучше.

Обрадовался такому ответу великий князь, сдерживая восторг, сказал:

– Раз вы так решили, пусть будет по-вашему.

На праздник из разных селений приехало людей больше, чем ожидалось, и это радовало великого князя. Прибыли и молодые, и пожилые, много стариков вместе с ними, а самое удивительное – немало женщин с детишками, словом, настоящий семейный праздник, какого раньше никто не помнил. Больше всех радовался этому единству, конечно, Рэдэд, которому приятно было чувствовать себя главой этой семьи. Свое чувство он держал при себе, ни с кем не делился, в сопровождении Кодана и Машука подходил к борющимся силачам, подзадоривал их, и они состязались еще азартнее, как же – сам великий князь смотрит на них! Такой же азарт разгорался на конных состязаниях, на джигитовке, даже среди мазибских мальчишек, игравших в альчики со сверстниками из Мыстхако, среди танцоров и музыкантов. И все как бы

вспыхивало, становилось задорнее. Состязались касоги с меотами, хакучинцы с зихами – до самозабвения состязались в радости и веселье, во взаимной доброте.

Да, такого еще не бывало, говорили между собой почтенные старики, сидящие на длинных скамейках. Когда подошел к ним великий князь, старый Пшимаф поднялся, опираясь на посох, с достоинством поклонился Рэдэду:

– Старейшины поручили мне сказать тебе, великий князь, наше спасибо за праздник, который ты устроил и для нас на склоне наших лет.

Рэдэд ответил княжеским поклоном:

– Вот спасибо, что пришли, приехали издалека, почтили своим присутствием. Сейчас начнутся главные скачки, приглашаю вас осмотреть коней, предсказать победителя.

Долго, придирчиво старики осматривали скакунов, о чем-то тихонько советовались друг с другом.

– Мне хочется, чтобы победил Дзепш на белоногом скакуне, однако, думаю, первым придет серый в яблоках из Мыстхако.

– Наездник на белоногом твой сын, князь? Да помогут ему боги обрести свое счастье! – произнес Пшимаф. – Я думаю, обязательно победит вон тот, лохмоногий из Шисхариса...

Кое-кто усмехнулся, мол, пришло ему в голову такое. Назвали еще нескольких коней, но как-то без особой уверенности.

С самого начала вырвался вперед серый в яблоках.

– Во-ви-и, как он хорошо идет, словно стрела летит! – приподнявшись, восхитился Татух. – Сразу видно – быть ему первым!

– Не торопись, Татух, начало – это еще не конец, – ответил ему Пшимаф. – Посмотрим, может, не стрела, а птичка проворнее окажется, такое тоже бывает, видели мы, видели. Вот как пойдут по второму кругу, тогда и прояснится.

– Однако где Дзепш затерялся?! – встревожился Чечан.

Шупаш ответил:

– Потерпи немного. Он знает свое дело.

– Да вот он! – воскликнул Машук. – Посмотрите, уже догоняет серого!

– Ну, ну!

– Еще немного, еще!

– Давай, давай! – подпрыгивал Шупаш.

– Гляди, лохмоногий догоняет. А что я говорил, он еще покажет!

– Смотрите, смотрите! – закричал, заглушая всех, Чечан. – Дзепш обходит, Дзепш побеждает!

В это время какой-то парнишка в восторге подбросил перед белоногим мохнатую шапку, и конь в испуге рванул в сторону. Дзепш с трудом удержался в седле, но не растерялся, привстав на стремянах, неудержимо мчался вперед.

Правда, обогнать лохмоногого ему не удалось, победную линию они проскочили одновременно. По решению старейшин им двоим и было присуждено первое место. Всадников наградили серебряными кинжалами. Наездника серого в яблоках, прискакавшего следом, наградили седлом.

Пшимаф тронул за плечо Татуха:

– Подвел тебя серый, так что накрывай мне богатый стол.

– Накрыть хороший стол и посидеть с тобою в такой праздник – одно удовольствие, – согласился Татух. Наклонившись к Пшимафу, он шепнул. – По-настоящему мудр наш великий князь, такую красоту придумал. Посмотри, что делается вокруг: луг празднует, лес и горы празднуют.

Скрылось за горизонтом солнце, начали сгущаться сумерки.

У веселого костра девушки водили хоровод, у другого плясали парни, показывая невестам свою удаль, у третьего Татух увлеченно рассказывал о нартах...

Рэдэд приобнял за плечи Айнар:

– Посмотри на своего сына, посмотри, как к лицу ему кинжал. Вот и нет у тебя больше мальчика, мужчина перед тобою, будущий великий князь. Ну, спокойной вам ночи, мне надо посидеть с гостями.

Он задержался на высокоом крыльце гостевого дома, глядя туда, где все еще продолжался праздник, испытывая блаженное чувство тихой радости. И вдруг заныло неприятной тревогой его сердце. Почему-то увиделся серебряный кинжал Дзепша. Не для обеденного стола его отковали и наточили...

– Мы ждем тебя, великий князь! – позвал Машук.
В комнате поднялись перед ним Кодан, Темрюк, Чечан, Шупаш, князь из селения Шисхарис Казаз, князя других селений.

Сел Рэдэд, пригласил сесть всех собравшихся:

– Ну как, понравился праздник?

– Я думаю, великий князь, это не просто красивый праздник, а большое и важное для всех нас событие, – ответил Темрюк.

– Конечно, для нас это событие большое и радостное, а вот Мстиславу оно, думаю, не только не понравится, но вызовет ярость и тревогу. Ведь чем дружнее мы становимся, тем труднее ему справиться с нами, и он, конечно, с удвоенной силой будет готовиться проучить, наказать нас. «Так вот откуда взялась тревога в моем сердце, – промелькнула мысль у Рэдэда, – этот Мстислав...»

– Еще бы! – воскликнул Темрюк, – наш праздник – кость в его волчьем горле.

– А волк – он и есть волк, разговаривать с ним по-человечески – только время попусту тратить, не так ли? – поглядывая на князей, Рэдэд ожидал ответа.

– Значит, отвечать ему надо тем же! – решительно сказал князь Казаз.

– Конечно, тут и говорить нечего! – поддержал Чечан.

– Как предводитель нашего войска скажу: мы сильнее русичей, потому что будем защищать родную землю, своих людей, а значит, правда на нашей стороне, – произнес Кодан.

– Может, кто-нибудь думает иначе? – опять спросил Рэдэд.

– Зачем такое спрашиваешь, думать иначе – все равно что бить себя по голове!

– Удар врага надо упреждать, а не ждать, пока на тебя обрушится.

– Только так!

– Спасибо вам. Только все мы должны знать: правда сама по себе не победит, ей надо помогать, ее надо отстоять, даже если это будет нам стоить крови. А чтобы меньше ее пролить, следует лучше готовить свое войско. Думаю, этим всем нам и надо заниматься каждый день, каждый час.

Когда братья остались вдвоем, Рэдэд, прохаживаясь по комнате, продолжал размышлять. Затем, остановившись у окна и глядя в ночную темноту, промолвил:

– Видится мне – страшной будет эта война.

– Войны не бывают радостными, – снисходительно заметил Шупаш.

– И кажется мне, раны ее будут заживать так долго, что достанется лиха не только нашим детям и внукам, но и правнукам.

– Ты же сам сказал: у нас нет другого пути. А раны... Пусть долго, но все-таки заживут. За внуками придут правнуки, а потом – праправнуки, и будет продолжаться жизнь.

– Я думаю, младший брат, что ты мудрый человек и смело смотришь вперед, но русичей во сто крат больше нас, всех вместе взятых адыгов. Разве есть смысл бросаться в бой одному против ста?

– Но ведь у нас нет другого пути, – еще раз повторил Шупаш.

VIII

Щор-дурачок любил забавляться раками – вылавливал их под водой в норах, выпускал на траву и наблюдал, как они, размахивая клешнями, дрались, а потом с обрывчика бросались в воду. Однажды он из норы выхватил ужа и так испугался, что тот снился ему по ночам. Щор вскакивал, кричал в страхе и после этого долго не мог уснуть. Он плохо стал есть, начал худеть, даже провалились глаза, а по ночам, когда вскакивал, они делались безумными.

Узнал об этом Натая и решил помочь Щору. Расспросил у его матери, как все происходит, и пришел вечером к тому часу, когда он после ужина укладывался в постель.

Натягивая на подбородок одеяло, Щор-дурачок со страхом смотрел на Натая:

– Ты будешь меня лечить? Это больно?

– Что за глупость! – дружески воскликнул Натая, присаживаясь к кровати. – Разве ты знаешь, почему я пришел к тебе и зачем?

– Нет, – удивленно ответил Щор.

– Мне сказали, будто тебя не только мальчишки, но и парни всего Мазиба боятся.

– Не только Мазиба, но и всей Касогии! – выглянув из-под одеяла, ответил Щор.

– Почему они тебя боятся?

– Как почему? – отодвинул он по грудь одеяло. – Потому что я храбрый, сильный и честный.

– Сильный и храбрый? А говорят, какого-то червяка испугался.

– Не червяка, а ядовитой змеи! – спрятался под одеяло Щор.

Натай весело рассмеялся:

– Никакая не змея, а червяк. Ты сам видел, как куры глотают таких червяков. Тебе он просто показался змеей. Такое иногда бывает. Ты, конечно, знаешь светящиеся гнилушки?

– Как не знать! Мы в темноте играем ими.

– Вот видишь, а мне однажды такая гнилушка показала волком и очень испугала.

– Уй, как здорово!

– Теперь слушай меня внимательно. Ты знаешь, кто живет на небе?

– Великие боги!

– Правильно. Они любят таких, как ты, добрых, честных, храбрых, и помогают им. У каждого человека есть свой ангел-хранитель. Когда тебе трудно, повернись лицом на юг, попроси его, и он обязательно поможет... Теперь закрой глаза, попроси у своего ангела помощи во всех твоих добрых делах. А ядохну добрым духом тебе в лицо, и ты хорошо будешь спать.

Вскоре по Мазибу птицей разнеслась весть: Натай вылечил от страшной болезни Щора-дурачка. Дахапсу это задело за живое:

– Ну что, дорогой муженек, у своей, как ты говоришь, родной жены хлеб отбиваешь безбожной болтовней?! Тураба называл шарлатаном, а сам кто? Я лечу людей травами, наши деды и прадеды так лечили, а ты болтовней дуришь голову бедным людям. Призовут тебя боги к ответу за твою греховность, непременно призовут.

Натай безропотно выслушал Дахапсу, с достоинством поднялся со стула:

– Да, я вылечил Щора святым словом.

– Каким? – усмехнулась Дахапса. – Может, ты и сам уже стал святым... Может, пойдешь лечить и Баржея? Он себе шею своротил, руку поднять не может. Гуат два раза приходил звать тебя к нему.

– К Баржею не пойду!

– Ага, боишься, что взрослого не обдуришь!

– Сколько Баржей бедному Кодану зла натворил! Пусть он хоть в три погибели согнется – лечить не пойду!

– Грех это, Натай, большой грех, – вдруг серьезной стала Дахапса. – Не сердись на меня, из ревности я накричала на тебя. Если и в самом деле будешь лечить страждущих, не смей делить их на хороших и плохих, это грешно. Для лекаря все люди одинаковые.

– Можно войти? – открыл дверь Гуат.

– Легок на помине, – улыбнулась ему Дахапса, – Натай уже все знает, веди его к больному.

Баржей, пепельно-бледный, с запавшими и от этого казавшимися громадными глазами, лежал на спине, как говорят, пластом. Увидев Натая, страдальчески поморщился: мол, как вы все мне опротивели.

– Он уже третьи сутки вот так лежит, даже пошевелиться не может – очень сильно болят шея, плечо и поясница, – объяснил Гуат.

Натай понимал, что дело тут серьезное, вполне можно и осрамиться, однако улыбнулся, и вдруг за спиной лежащего Баржея ему увиделась какая-то странная черная стенка. Вроде бы крепкая, но толкни ее – и она упадет. Присел Натай на краешек кровати – стенка пропала. Он увереннее улыбнулся:

– Что тут у нас произошло?

Баржей молча отвернулся.

– Ему трудно говорить – я расскажу, – подошел Гуат. – Три дня назад он наблюдал, как в соседнем дворе дрались два петуха. Сосед крикнул ему: посмотри, Баржей, кто скачет к тебе на рысях! Сам предводитель войска Кодан. Баржей оглянулся, и тут с ним случился удар. Упал он и вот теперь страдает. Ходит слух, Натай, что ты можешь лечить. Подними его на ноги. Мы одарим тебя, не покусимся.

– Ты споткнулся о камень, который сам себе бросил под ноги... Есть болезни, – обернулся Натай к Гуату, – которые ни за какое золото не вылечишь... Если хочешь одолеть свою болезнь, Баржей, повернись и смотри мне в глаза. Не хочешь? Тогда я пойду...

– Баржей! – вскрикнул Гуат. – Повернись, обязательно делай то, что велит Натай, иначе погибнешь. Повернись! – велел Гуат и подумал: «Да Натай ли это? Откуда у него взялось такое...»

Повернулся Баржей. Из его глаз катились крупные слезы.

Натай положил руку ему на лоб, потом погладил шею, плечо, ощущая, как они вздрагивают:

– Я одолею, согну в бараний рог твоего врага, шайтана, вместе с тобой мы его одолеем. Ты обязательно должен верить, что одолеем, а если не веришь, не надо зря время тратить, не надо грешить. Скажи, веришь или нет?

– Верю, – произнес Баржей.

– Мы с тобой одолеем шайтана, это его, проклятого Богом-Аллахом, работа... Теперь смотри мне в глаза и повторяй мои слова. – Он негромко начал произносить молитвы, которым научил его Ислам-Хаджи, и так волновался, что голос его дрожал.

Бледное лицо Баржея стало заметно наливаясь румянцем, его густой голос тоже взволнованно дрожал. Глаза еще не повеселели, но уже перестали выражать страдание.

– Если бы ты, Баржей, запомнил хотя бы одну молитву...

– Я запомнил две, – слабым, но уже более радостным голосом промолвил Баржей.

– Если ты и завтра запомнишь две другие молитвы, тебе нестрашен будет шайтан. Думаю, уже сегодня тише станет твоя боль, немножко поспишь. Завтра я опять приду. До трех раз надо. А там посмотрим. Главное – верить. Ты понял? Верить надо.

– Верю, верю, – заторопился Баржей.

И пошли по Мазибу разные разговоры о Натае. Баржей уже хорошо ел, спал, почти совсем перестали болеть спина и шея, однако за ворота еще не выходил, потому что судачили разное – кто-то верил в его выздоровление,

кто-то не верил, а иные просто посмеивались – знаем мы эти штучки.

Дахапса щипала кур и, увидев шагающего по улице Натая, развела в удивлении руками: «Да ты посмотри, что с ним делается! Он не ходит по земле, а ступает, будто вовсе не по земле, а над нею идет. И откуда у него взялась такая высокая папаха, да еще из дорогого меха! Кажется, выдра? Должно быть, кто-нибудь из богатых больных подарил. Интересно, как это все я просмотрела. Наверное, из ревности, из зависти, а ведь он какой-никакой, а муж тебе, дура набитой. Эх, если бы он и свою болячку вылечил!»

– В подарок тебе двух кур мать Щора принесла. Был и Баржей, какую-то глиняную плиточку велел тебе передать.

– Знаю. Мы виделись с ним.

– А что это за плиточка?

– На ней записаны мусульманские молитвы.

– Ты умеешь читать?! – взвилась Дахапса.

– Пока нет, но скоро научусь. – Не надо бы ей больше ничего говорить, но Натай не удержался, вынул из кармана самородок золота величиной с грецкий орех, протянул Дахапсе.

– Никак золото?! – всплеснула она руками. – Такой большой!

– Это мне дал Баржей. Можешь взять себе, – выпрямился Натай. – Я догадывался, что из положенного золота под стреху Кодана они что-то обязательно утаили. Намекнул Баржею на шайтана и его болезнь. «Будь оно проклято, заведи его!» – закричал он и отдал мне.

– Моя мать говорила: не спрашивай мужа, куда он идет, а когда вернется, спроси, что он принес. Ты умнеешь с каждым днем. Мы с тобой, Натай, обязательно станем богатыми!..

– Нет, – остановил ее Натай, – если я стану богатым, то буду купцом, а не муллой и потеряю духовную силу.

– Пожалуй, ты прав, мой рыжеглазенький мулла.

Вечером Натай пришел домой крайне расстроенным.

– Кто обидел тебя, мой миленький мулла? – пролепетала Дахапса.

– Говорить даже не хочется, глупость получилась. Адшес склонил меня на разговор об исламе, потом заговорил о Турабе. Я сказал, что Тураб просто шарлатан. Адшес ответил, что я мщу ему за то, что он увел у меня жену.

– Надо было, миленький, отлупить его хорошенько!

– Какой же я мулла, если не Божьим словом, а кулаком буду общаться с людьми. Я стерпел несправедливость, его обиду, ему самому потом стало стыдно.

– А если не стало? – не унималась Дахапса.

– Значит, на том свете быть ему в аду, в вечных муках.

– А ты опять оказался прав, мой миленький. Лучше стерпеть недолгую боль здешней обиды, чем потом терпеть вечные муки на том свете.

IX

Кодан обстоятельно рассказал Рэдэду о добрых делах Шисхарисской конной дружины, о том, как они дружно живут, обучают молодых воинов, потом с горечью сообщил о встрече с Натаем.

– Он уже не только открыто молится, совершает мусульманские намазы, но и призывает других, а Темрюк зовет в христианство, вот я и думаю, великий князь, не расползется ли наше воинство по разным духовным нормам?

Слышал Рэдэд уже не раз о христианских делах Темрюка и исламских Натая, да все некогда было заняться этим всерьез, теперь велел Агбану:

– Пусть придет ко мне Натай.

– Я вот о чем думаю, – покрутив тяжелой головой, как бы шевеля в ней мысли, заговорил Агбан, – ведь правда, что Натай вылечил Щора и Баржея, не травами лечил, не с помощью наших богов, как это делал Тураб, а, говорят, мусульманскими молитвами, они у него записаны на глиняной плитке. Или он уже научился читать, или эти молитвы действуют таинственно. Значит, не только наши боги, но и Аллах имеет большую силу. Что ты скажешь на это, великий князь?

– Думаю, Агбан, тебе лучше спросить об этом наших богов, а также Аллаха и Иисуса Христа.

– А как спросить, на каком языке, да и захотят ли они разговаривать со мною, у которого руки с мечом работают лучше, чем голова. Кто мне растолкует: кого мне принять в свою душу – Христа, Аллаха или остаться со своими, как теперь говорят, устаревшими богами?

– Я тоже над этим мозгую.

Вошел Натай.

– Вот у него и спросим. Садись, Натай. Всем надо поговорить с тобою, расспросить, посоветоваться. Для начала скажи нам, как ты лечишь людей, откуда к тебе явился Аллах?

Сложил Натай руки на груди, застенчиво улыбнулся:

– Не я лечу, а Аллах. Мы с больным только просим у Него помощи.

– А откуда ты знаешь эти молитвы, почему принял в свою душу Аллаха, отказался от наших богов?

– От Ислам-Хаджи узнал. Есть священная книга, Коран называется, в ней все и написано. Я не принял в свою душу Аллаха, вера святым духом снизошла на меня, и от наших богов не отказывался, они сами передали меня Аллаху. Почему? Это надо спросить у них. И друзей своих не я учу исламу, а сам Аллах. В Коране все, все сказано.

Рэдэд видел разные книги, когда был в Греции, видел и Коран у Ислам-Хаджи, и Библию у Думитрия, он смотрел на них, как на чудо, которое нужно и можно постичь, но жизнь его так складывалась, что ему только и осталось смотреть на них с неизбывною тоской.

– Я понял тебя, Натай, но давай мы с тобою так поразмышляем: ты исповедуешь ислам и зовешь нас идти за тобою, Темрюк – идти за ним, старики идут за своими богами, и что ж у нас получается? Мы весь народ, нашу страну перетянем каждый на свою сторону, а на нас напали хазары, теперь грозятся русичи, они же нас поодиночке перебьют. Как нам быть, духовный предводитель? Как мне быть, великому князю?

Встал Натай, сомкнул брови:

– Наши боги за многие века так и не смогли нас объединить в единую семью, не знаю, как у христиан, а что касается мусульман, то мы каждый день молимся за благополучие и мир на нашей земле, молимся за братскую любовь всех нас, всех мусульман. И если, великий князь,

придется, то мусульмане все до единого поднимутся за тебя, и не будет у тебя вернее воинов, чем они, чем их духовный предводитель Натай.

Хотелось великому князю Рэдэду обнять Натая, но он, взглянув на Кодана и Агбана, лишь крепко, по-мужски пожал его худощавую руку.

Х

Багровое солнце клонилось к закату, еще чуть-чуть – и оно коснется горизонта, а потом и вовсе уйдет в неведомый мир.

Натай лежал на циновке, разостланной на скрипучей деревянной кровати, и размышлял: «Погиб, ушел из жизни Тураб, в самый раз мне занять его место, но не многобожником... Великий князь мне не открылся, неизвестно, как он относится ко всему этому...»

Вспомнился разговор с Ислам-Хаджой.

– Думаю, ты должен стать духовным предводителем Касожского войска, – сказал он, – ты достоин этого.

– А если этого не пожелает великий князь?

– Ты своим желанием должен превозмочь нежелание князя.

– Но как?! Если бы я мог хотя бы что-нибудь предугадать, как Тураб...

– Это потом. Когда ты возвысишься, что бы ты ни сказал – все будет истиной. Даже если не попад. А сейчас знай: терпение и надежда должны править тобой.

– Я не умею красиво говорить...

– Ну и что же. Есть такая пословица: слово – серебро, а молчание – золото. Больше слушай и присматривайся. Даже глупого слушай внимательно, часто за глупостью скрывается мудрость. Не вздумай показывать, как ты умен, потому что тебя назовут хвастуном и не будут верить твоему слову. Ты – ничто без Аллаха. Твоя сила только в Его силе. Вот и молись, проси, советуйся.

Натай достал из сундука молитвенную плитку, поцеловал ее, опустил ее на колени лицом к югу, прочитал молитву, попросил у Аллаха, как учил его Ислам-Хаджи, благословения служить Ему на благо всем людям, всем воинам. И от себя попросил милости для Ислам-Хаджи:

«Он мудрее нас всех, мудрее Думитрия, внуши великому князю Рэдэду любовь к нему». А еще, совсем тайно, взволнованно дыша, попросил у Аллаха мужской силы: «Если ты считаешь нужным, о, Великий Аллах, ведь я не зря создан Тобою мужчиной... Я сам во всем виноват и с повинной головой прошу: если можно, окажи свою милость».

Натаю было лет шесть, когда он с мальчишками забрался на тутовник за сладкими ягодами. Захотелось ему забраться выше всех, чтобы видели, какой он смелый. Забрался на самую вершину, и вдруг ветка обломилась, и он полетел вниз, пахом зацепился за острый сук дерева, сильно поранился...

«Я сам виноват, о, Великий Аллах, а Ты, Всемогущий, Всещедрый, помилуй меня».

– Чего сидишь на полу, что с тобой? – испугалась вошедшая Дахапса.

– Да просто так...

– Просто так! – усмехнулась она. – Молился по-мусульмански?

– Перестань, не кощунствуй... Садись. Поговорим.

Они сели рядом:

– Ислам-Хаджи говорит, что из меня может получиться хороший мусульманин, даже проповедник.

– Что-что?

– Проповедник. Человек, который учит других мусульманской вере.

– Не знаю, Натай, не лезь в эту кутерьму, побьют еще, как Тураба.

– Он был обманщик, ты же сама знаешь – он выдумал себя посланцем богов, за что и поплатился.

Дахапса положила голову ему на плечо:

– Глупенький мой... Станешь проповедником – совсем от меня отдалиться, а без тебя я пропаду. Ты добрый, чистый, а иногда бываешь таким глупеньким, как дитя малое, потому мне и жалко отдавать тебя.

– Нет, нет, Дахапса, ты душою станешь мне еще ближе.

– Дай бог, чтоб так и было. Как говорят старики, служить Богу – значит служить людям. Вот и старайся для них, а не для себя, как делал Тураб. Не скупись людям говорить добрые слова, женщинам – что они красивые,

старикам – что они мудрые и добрые, детишек побалууй сладостями, погладь по головке, – тихонько засмеялась Дахапса.

– Что ты? – удивился Натай.

– Как там, кем ты будешь?

– Проповедником.

– Получилось, я тебе целую проповедь сказала.

– Так это же хорошо.

– И еще добавлю: надо тебе надежных людей подбирать. Мне кажется, следует начать с Машука, он неплохо относится к Ислам-Хаджи и уважаемый человек.

– Я тоже о нем думал.

– Вот и сходи. Сейчас же. Как говорит кузнец Емзеш, куй железо, пока оно горячо. А еще, как любит говорить твой Ислам-Хаджи, иди с Богом, с Аллахом.

Машук возился по хозяйству во дворе:

– Добро пожаловать, Натай, добро пожаловать. Ты знаешь, мой пес на одного тебя не лает, значит, ты и в самом деле добрый. Проходи, поужинаем. Думаю, не откажешься от доброго куска мяса.

– Не откажусь, если и второй дадут, – пошутил Натай.

За столом Машук поинтересовался:

– Наверное, тебя привело ко мне какое-то дело?

– Как тебе сказать... Давненько не виделись мы с тобой, давненько не сживали просто так. Вот и зашел.

– Просто так? – улыбнулся Машук. – Не мужское это дело – просто так.

– Правда твоя, – улыбнулся и Натай. – Тогда давай по-мужски, напрямик. Что ты думаешь об Ислам-Хаджи?

– Ты хочешь спросить не о купце, а об исламском проповеднике, а еще, может быть, и о Думитрии?

– Ты угадал.

– Они приезжают к нам купцами, а становятся проповедниками. Главный товар для них – души людей.

– Мы для них – товар? – обиделся Натай.

– В том смысле, что истинную цену для них, для их веры имеют души наши, вера наша. Я много раз встречался и с одним, и с другим. Оба не глупые, порядочные люди. Жалко бедного, несчастного Думитрия.

– Да, да, жалко... А что касается нашего Ислам-Хаджи, мне кажется, он со своею верою ближе к нам, чем Думитрий, – испытующе поглядел на Машука Натай.

– Мне тоже так кажется.

Как бы к прыжку изготовился Натай:

– А великому князю?

– Я понял тебя, мой друг. Буду рад, если станешь духовным предводителем моей дружины, а что касается великого князя – не хотел бы я быть на его месте. Нам с тобой, может быть, больше нравится мусульманская вера, Темрюку и его друзьям – христианская, что Думитрий проповедовал, большинство же наших добрых людей остаются верными богам своих предков. А великому князю надо дружить со всеми, да так, чтобы они не перессорились между собою и с ним. Так что он не только не обидится за наше с тобой мусульманство, а будет надеяться на нас и дружить с нами.

«О, Великий Аллах, до чего же мудра моя Дахапса, иди, говорит, прямо сейчас иди к Машуку».

– Я частенько стал думать об этом, присматриваться, прислушиваться к великому князю, – продолжал Машук. – На днях обязательно поговорю с ним обо всем и почти уверен, он согласится с нами.

– Да, да, он поймет нас, согласится, – горячо поддержал Натай Машука. – Недавно он советовался со мной, все расспрашивал.

– Ну вот, Натай, и посидели мы с тобой просто так, – весело рассмеялся Машук.

Смеялся и Натай. Давно у него не было так хорошо на душе.

На другой же день Натай стал, не таясь, встречаться с теми, кого видел в будущем добрыми мусульманами.

XI

Чего только за свои годы не пережил, не перенес Рэдэд – стычки с Нахлешем, Абечем, кровавые междоусобицы, неволя, набеги хазар. Все это научило его выдержке, твердости воли, умению ждать, терпеть, но долгое, слишком долгое ожидание столкновения, войны с русичами стали подтачивать его спокойствие. Случалось, просыпался среди ночи и долго не мог уснуть, а то и вовсе до самого утра размышления и сомнения, раздумья о предстоящем. Он старался не придавать этому серьезного значения, мол,

чепуха, днем могу отдохнуть. Однако заранее знал, что обманывал самого себя.

Со своей княжеской дружиной Рэдэд неторопливо, легкой рысью двигался вдоль Пшады, то приближаясь к ее берегам, то отдаляясь, то выезжая на поля и луга. Солнце еще хранило летнее тепло, облака в небе были легкими, на лугах стояли копны сена, на полях – стога соломы.

Прощально курлыча, пролетел косяк журавлей, с шумом пронеслась стая скворцов, горланили сойки, прячась в уже тронутых первой позолотой листьях кленов.

Не спеша по тропинкам всадники приехали к Пшадскому водопаду, гул которого слышали издалека. Рэдэд остановился у края обрыва, залюбовался буйством искрящейся на солнце воды, срывающейся с высоты и дробящейся на тучи брызг.

Рэдэд много раз бывал у водопада, еще подростком со сверстниками затевал здесь разные игры, но красоту его по-настоящему увидел только сегодня. Наверное, подумал он, не всем и не сразу раскрывает красота свои тайны. Для многих она выглядит буднично, так же, как красота зари, гор, фиалки или ландыша...

Поднялся Рэдэд на вершину утеса, глянул на шумящую внизу Пшаду, на дальнюю горную вершину, пытающуюся скрыться за кудрявым облаком, на солнце, спускающееся к своему вечернему пределу, и подумал: «Как вечны горы, небо, море, так вечна красота, как не может человек жить без неба и земли, так не может жить и без красоты. Много лекарств, которые лечат человека, но красота – единственное лекарство, способное лечить от всех недугов».

– Агбан, ты не замечал, что солнце перед самым заходом вдруг на какое-то время останавливается, будто его кто-то придерживает?

– Да-да, будто его кто-то остановил.

– А ты знаешь, почему такое бывает?

– Разное рассказывают.

– О нарте-шорнике и княжне Сатаней слышал? Нет? Тогда послушай. Я был еще малышом, когда о них мне рассказала мать, великая княгиня Рампэс. Совсем несмышленым, а запомнил... Юноша-нарт, увидев на княжне Сатаней шитое золотом, несказанно красивое платье, спросил: «Сколько тебе понадобилось времени, чтобы

сотворить такую красоту?» Она ответила: «Один день». Нарт не поверил. «Если ты сошьешь такое платье за день, я сделаю шитое серебром и золотом седло тоже за день». «Хорошо», – сказала княжна, и они начали работать. Нарт-шорник, большой мастер, без особого усилия сделал невиданно красивое седло. Солнце уже совсем низко склонилось, вот-вот краешком коснется предела, а платье еще не было готово. Княжна обратилась к Солнцу: «Посмотри на мою работу, если она покажется тебе достойной, задержись немного, чтобы я смогла завершить ее на радость тебе и людям». Засмотрелось, не могло оторваться от красоты Солнце и дождалось, пока княжна сделала последние стежки. Нарт сказал: «О тебе так много рассказывают, так хвалят твоё мастерство, что я решил тебя испытать. Не сердись на меня за это». Княжна ответила: «Тебе спасибо: чтобы не осрамиться перед таким красавцем, я сделала больше, чем могла. Красота родила красоту. На этом держится все доброе на нашей трудной земле».

Помолчал князь, глядя на солнце, на горы, на звонкую речку, и добавил про себя: «Если не красота, то кто же нас спасет и защитит? О, боги, если мы не устоим, русичи и сюда придут, растопчут нашу великую красоту, потому что она им чужая. Нет, нет, лучше умереть, чем все это видеть».

– Великий князь, к тебе гонец со срочным делом, – крикнул князю Агбан.

Рэдэд спустился с обрыва. К нему подъехал на взмыленном коне вестовой:

– Плохие вести, великий князь! Дружины Мстислава перешли границу и движутся по нашей земле!

Рэдэд поднял коня на дыбы, затем пустил в галоп. «Наконец грянуло то, что должно было грянуть: закончились наши споры, размышления, закончилось мое мучительное ожидание».

Рэдэд и его дружинники торопились, не жалея коней. Когда князь почувствовал, что его скакун утомился, идет на пределе, решил придержать его. Конь перешел на легкую рысь. Отдыхал в седле и князь.

Так уж устроен человек: ему очень много нужно для счастья, но приходит такой день, когда достаточно самой малости... Больная мать однажды сказала Рэдэду: «Как я

была бы счастлива, если бы удалось побывать на свадьбе Дзепша». И вот теперь – война! Что ждет впереди великого князя? Что видится ему и слышится, что останется после него людям, этим полям и лугам, Айнар и его мальчишкам? Нет-нет, он вовсе не думал о смерти, он думал о жизни...

Как-то подошел к нему Зафес, еще совсем ребенок и, прислонившись к уху, сказал: «Отец, когда я был маленьким, думал, что ты один знаешь все на свете, тебе одному подчиняется все, а теперь... – мальчишка оглянулся по сторонам, не подслушивает ли его кто-нибудь, и проговорил. – А теперь, отец, я понял: из того, что знаешь ты, кое-что известно и мне». Сказал, восторженно взвизгнул и умчался, только пятки засверкали.

Победил тогда на скачках Дзепш, и для него вся радость, все счастье сошлись в той победе, сошлись, чтобы тут же уйти, раствориться, слиться воедино с ветром, с туманом, бродившим в горах, с морем, конца которому не видно, да и есть ли этот конец, а если есть – зачем он?

Великая княгиня Айнар все больше становилась похожей на покойную Рампэс. Рэдэду иногда чудилось, что он и Айнар – одно целое. Если он уйдет, а она останется, значит, и он останется.

Ах, если бы удалось ему побывать на свадьбе князей Дзепша и Зафеса! Но зачем? А затем, что это и есть настоящее счастье, а остальное – словно придорожная трава... Война... «Э-э, что за мысли, великий князь! Подними-ка лучше на дыбы коня, пусти его в галоп, и пусть свистит ветер вечности в твоих ушах».

В великокняжеском дворе находились Кодан, Машук, Шупаш, Темрюк, Чечан и Татух с Пшимафом.

Все начали рассаживаться на скамейки, князю Агбан принес стул, однако Рэдэд не стал садиться, раздумчиво прохаживался вдоль скамеек, потом остановился около стариков:

– Я полагаю, это будет еще не виданная нами война. Что думают старейшины?

Старик Пшимаф хотел подняться перед великим князем, но Рэдэд остановил его.

– Такой войны еще не было, она продлится очень долго, достанется на долю внуков и правнуков наших.

Рэдэд пожал плечами:

– Послушай, почтенный Пшимаф, откуда ты знаешь, кто сказал тебе это?

– Не знаю, сам сказал.

– Почему?!

– С ним такое случается, – вмешался Татух. – И знаешь, великий князь, все сбывается, что он говорит.

– С богами, как Тураб, разговаривает? – удивляясь, тихо спросил Чечан.

– Нет! – взволнованно возразил Пшимаф. – Я не разговариваю с богами. Я сам по себе.

Тихо стало.

Большая птица прошумела над ними.

«Как говорил Думитрий? – вспомнил Рэдэд, – глас народа – глас Божий». – Подумалось так, и почему-то стало спокойно на душе, он уважительно улыбнулся Пшимафу, обращаясь ко всем, сказал:

– Конечно, это говорит мудрость стариков.

– Да-да, – согласно закивал головой в огромной шапке Татух, – это не он, не мы, а наша старость.

– А что скажет нам Кодан? Готово ли наше войско встретить врага?

– Посмотрите, сигнал! – воскликнул Шупаш.

Над ближней горой темными клубами поднимался дым. Все встали, устремив взгляды в сторону сигнала тревоги.

– Это ответ на твой вопрос, великий князь. Во всех селениях по этому сигналу воины седлают боевых коней, каждый предводитель дружины знает, что ему делать.

– Шупаш, – позвал Рэдэд, – распорядись, чтобы прислали ко мне Натая, или сам за ним сходи.

– Зачем он понадобился великому князю? – удивился Шупаш.

– Видишь ли, брат, самый лучший меч – просто палка, если он в руках у человека с холодным сердцем, с пустой душой. А война все ближе и ближе к нашему дому.

– Я понимаю, великий князь, только при чем тут несчастный Натай?

– Не такой уж он несчастный, как нам кажется. Тураб и вовсе калекой был, а ведь умел он, умел зажечь огонек

в душах людей. Христиане к Темрюку вон как тянутся, да и к Ислам-Хаджи кое-кто проявляет интерес. Так что сам поезжай за Натаем и подумай над моими словами.

Увидев в окно подъехавшего Шупаша, Натай вышел ему навстречу:

– Рад видеть тебя, Шупаш. Заходи, гостем будешь.

– Не до гостей мне сейчас, седлай коня и быстренько к великому князю.

– Что там стряслось, зачем я ему понадобился?

– Сам у него спросишь, собирайся быстрее, поехали!

Натай растерянно моргал глазами, глядя, как великий князь вышагивает по комнате от окна к двери и обратно. Наконец он остановился:

– Русичи идут на нас войной. Нам надо сейчас все свои силы собрать в один кулак. У Темрюка немало сторонников христианской веры...

Напрягся Натай, словно натянутая стрела: куда клонит великий князь?

– Он сам поведет своих людей, говорит, они скорее умрут за свою веру, за нашу землю, чем сдадутся врагу. Знаю, ты подружился с Ислам-Хаджой... – еще больше насторожился Натай, боясь, как бы не обрушил князь на него свой гнев. – У тебя тоже есть верные люди, с которыми молишься Аллаху. Хорошо, если бы и ты стал предводителем мусульман.

«О, Аллах!» – выдохнул Натай, распрямив плечи, в его глазах блеснул огонек:

– Ты знаешь, великий князь, я был в дружине Машука, готов и сейчас взять меч по твоему первому слову!

– Но прежде всего – духовный меч. Назначаю тебя предводителем верных тебе мусульман.

Вытянулся, стал выше ростом Натай:

– У меня много верных ребят, мы вместе намаз совершаем!

ХII

Утром из-за горы Пепау, как обычно, выглянуло солнце. Одним казалось оно угрожающим, другим – печальным,

а третьим – растерянным, словно не знающим, что ему делать – подниматься выше или вернуться назад, спрятаться от людей за горой.

Рэдэд, не стеснясь мальчиков, обнял Айнар, поцеловал в щеку, потом по-мужски обнял сыновей:

– На нашу землю напали враги. Вы, мужчины, оставайтесь дома, будьте защитниками вашей матери, отчего дома. Хотя вы не совсем еще взрослые, но мужество и честь измеряются не только возрастом.

Пришел попрощаться с Айнар и племянниками Шупаш.

Тронулась дружина из Мазиба. Подобно ручейкам, вливающимся в реку, по пути присоединялись к ней дружины Касогии, Хакучии, Зихии, Меотии.

От зари до зари шло безостановочно войско. Утомились воины, под звездным небом на разостланных бурках забылись в коротком сне, изнемогшие кони тоже отдыхали, похрустывая сочной травой, довольно всхрапывая.

Рэдэд думал, что тоже сладко уснет в своем походном шатре, но сон почему-то не шел, хотя казалось, не было повода для особого беспокойства: воины были настроены по-боевому. Как говорят мудрые люди, сердце видит дальше, чем разум, только сказать не может, оно лишь тревожит душу, не позволяет забыться. То сыновья ему являлись, то Айнар, и все почему-то выглядели грустными.

Вышел князь из шатра, Агбан тоже поднялся.

– Не ходи за мной, спи, я поброжу немного, по звездам соскучился, – усмехнулся своей шутке Рэдэд.

– Как я могу отпустить тебя одного?

– Так, как тебе приказано. Охранять – не значит мешать, отдыхай.

– Но могу ли я спать, когда...

– Поговори мне еще, вот велю воинам связать тебя, – пригрозил шутливо Рэдэд и удалился.

У куста слышался негромкий разговор. «Не одного меня, оказывается, донимают звезды», – подумал Рэдэд, осторожно приближаясь к кусту.

– Сколько же ты обивал пороги великого князя, выпрашивая, чтобы он тебя вместо Тураба назначил, власти тебе захотелось, – выговаривал кому-то Темрюк.

– А как же духовному предводителю без власти, – послышался в ответ голос Натая. – Напрашивался, чтобы избавить людей от болтовни горбуна, а в мусульманские предводители великий князь сам меня назначил. Тебя тоже он назначил.

– Не назначил, а попросил, – ответил Темрюк засмеявшись. – Тураб дурил людям голову – предсказывал разные глупости, за лекаря себя выдавал. Говорят, ты тоже лечишь, дуришь голову, как и Тураб?

– Я лечу людей только молитвами.

– Мусульманскими? А как это ты вдруг стал мусульманином? Я уверовал в Христа, когда был в неволе. Молился Ему, и Он помогал мне, душе моей помогал.

– Каждый по-своему приходит к вере. Не сам я – Аллах призвал, а помог мне Ислам-Хаджи. И не придирайся, Темрюк, это к добру не приведет.

Рэдэд, опасаясь, как бы они не поссорились, вмешался в разговор:

– Вы почему не спите, мои духовные предводители? Отдыхайте – завтра опять будет нелегкий переход.

– Да мы не ссоримся, просто рассуждаем.

– Я слышал немного ваш разговор. Это хорошо, что размышляете. Думаю, духовные предводители сейчас вышли на очень трудный перекресток своих дорог... В Греции за то, что мы поклоняемся нескольким богам, называют нас язычниками. Но это ведь вера наших дедов и прадедов. А теперь к нашим древним богам прибавились еще Христос и Аллах. У нас с вами, оказывается, много богов, но народ-то мы один, земля на всех нас, политая кровью и потом прародителей, одна! – неожиданно для себя повысил голос великий князь. – Вот об этом и размышляйте, проявляйте заботу, иначе в междоусобных распрях все мы погибнем, захлебнемся своей собственной кровью. Упаси нас от этого, Всевышний.

После ночевки войско построилось дружинами на поляне, чтобы двигаться дальше. Наблюдающий с дерева дозорный возвестил:

– Идут!

– Кодан! Вышли гонцов вперед, пусть узнают, что за войско!

Конечно же, русичи, кому еще быть. Неужели никак и ничем их не остановить, не повернуть назад? Как тяжело, невыносимо тяжело сознавать... Нет, это не трусость, не страх, это жизнь противится смерти. Сама, не спрашивая ни рядового воина, ни предводителя.

Поднялся на бугорок Рэдэд, начал пристально всматриваться вдаль. Ему казалось – не войско двигалось, а морской прибой набегают всеокрушающей волной, сливаясь у самого горизонта с небом. «Должно быть, так и будет: один адыг против ста русичей».

– Впереди Мстислав. А первые ряды всадников, кто они? – спросил у Кодана Рэдэд, хотя уже все понял. – Ну, чего ты молчишь? – и чуть слышно добавил. – Как говорил старец Пшимаф, эта война будет нескончаемо долгой...

А войско русичей придвигалось все ближе и ближе.

– Вы видите, – обратился князь к стоящим вблизи предводителям, – в первых рядах наши, их очень много. Что будем делать?

В ответ прошумел лишь набежавший ветер.

– Что же вы молчите?

– Биться с братьями по крови – грех, – сказал кто-то робко.

– Боги накажут нас нашей же кровью, великий князь.

– Тогда будем убегать от них, пусть разоряют наши дома, угоняют в рабство жен и детей? – Рэдэд поднял коня на дыбы, повернул в сторону Мазиба.

Загудело, зашумело войско, заржали, словно чуя беду, кони.

– Не позволим!

– Мы пришли защищать свой дом!

– Умрем, но не отступим!

Великий князь осадил коня. Его могучее тело вздрогнуло, будто удар грозы прошелся по нему... И благостный покой разлился в крови. Рэдэд поднял руку:

– Мы не станем драться, я вызову на поединок князя Мстислава, вдвоем решим наш спор.

Опять загудело войско, запротестовало, будто ураган пронесся над поляной, над воинами.

Высоко подняв меч, Рэдэд призвал их к спокойствию. Буря мгновенно улеглась. Спрыгнув с коня, великий князь Рэдэд снял с себя оружие и доспехи, положил на землю,

твердым шагом направился в сторону русичей. Поняв его намерение, Мстислав тоже оставил оружие и доспехи и пошел навстречу.

В голубой вышине ласково сияло солнце. Набегающий порывами ветер кудрявил верхушки деревьев, тронутых первой позолотой. Казалось, сама природа своей красотой противилась нависшей трагедии.

– Великий князь Мстислав, если сойдутся два наших войска, никаким дождем не понадобится поливать эту землю – она будет залита кровью твоих и моих воинов. Боги и люди никогда не простят нам этого. Так разрешим свой спор без оружия, нашим с тобой поединком. Если ты победишь – будешь владеть моими землей, домом, женой и детьми, а одолею я – ты мне отдашь все свое.

Измерив взглядом Рэдэда, Мстислав поднял голову к небу и, прошептав молитву, молвил:

– Быть по сему!

– Без оружия.

– Без оружия, – ответил Мстислав.

Оба войска придвинулись к середине поляны, замерли в ожидании.

Сошлись два могучих князя, схватились за руки. Мстислав кинулся на Рэдэда, но тот упредил его, и он едва удержался на ногах. Пригнув плечи, снова приготовился к броску. Любил и умел Мстислав бороться. В Тмутаракани, да и в других местах не было ему равных, потому, не раздумывая, и согласился на поединок. Но с первых попыток он понял: уложить противника на лопатки будет нелегко. Уже потом вспомнил Мстислав, что Рэдэд, будучи невольником в Греции, свободу себе добыл на аренах цирков в схватках с сильнейшими борцами...

И вот теперь они попеременно наступали друг на друга. Уже не раз, казалось, Мстислав был близок к победе, но в самый последний момент Рэдэд выскользнул из его рук. На этот раз, извернувшись, он ловким броском кинул Мстислава, громадой своего тела прижал к земле...

И задохнулся, захрипел Мстислав и понял – это конец... Собрав последние силы, он выхватил из-за голенища спрятанный нож.

И вдруг ослаб Рэдэд, уронил тяжелую голову...

– Ты не мужчина, – с трудом промолвил он, – ты подлый убийца...¹

– Я победил его! – поднявшись, вскинул руку Мстислав и заспешил к своим воинам. И был похож на бегство его спешный уход.

Бросился в круг Шупаш, упал на грудь Рэдэда, зарыдал в голос. Кодан поднял его:

– Успокойся, не надо показывать свою слабость.

Когда адыгские воины узнали о том, что произошло на поляне, было нелегко удержать их, чтобы не кинулись с мечами на русичей.

На скрещенных пиках унесли тело великого князя Рэдэда. Несли солнечным днем, туманным вечером, несли при зажженных факелах ночью. Была эта ночь печали и скорби, которая надолго спустилась на адыгскую землю.

Кодан сказал Темрюку:

– Старый Пшимаф, упомянув о долгой войне, наверное, имел в виду эту ночь, что спустилась на нашу несчастную землю.

Костас добавил:

– Хотя Рэдэд был язычником, я молюсь Господу об упокоении его души. Он совершил подвиг, своей смертью избавив от гибели многих-многих ни в чем не повинных людей.

¹ Об этой трагедии в «Повести временных лет» говорится: «В год 6530 (1022) пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. «Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не орудием будем биться, а борьбою». И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О, пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, посторою церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И, выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь святой Богородицы и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Над землей адыгов опустилась нескончаемо долгая ночь.

Предводители дружин и князя, храня память о великом князе Ридаде, исполнили его волю: отдали Мстиславу все княжеские земли с золотыми приисками, рудниками, где добывались медь, железо и серебро, отдали великую княгиню Айнар, двоих его сыновей. С ними уехали в Тмутаракань Шупаш и Агбан. Машук, Чечан и Кодан остались в Касоги. Айнар прожила в тоске на чужбине лишь несколько месяцев.

Зихский князь Зекош, Каит из Меотии и предводитель хакучинского войска Дамир стали служить Мстиславу – разводили чистопородных адыгских скакунов, готовили лихих воинов-черкесов для его войска, затаив в душе неприязнь к завоевателю, что потом, через многие века, отзовется войнами на Северном Кавказе. Но это через века, а тогда касоги исправно служили Мстиславу.

Темрюк теперь носил нательный крестик, а дома у него в святом углу висели иконы Иисуса Христа и Богородицы, привезенные из Греции. Многие адыги приняли христианскую веру и ходили по праздникам к Темрюку молиться.

Натаю по-прежнему хотелось стать духовным предводителем, но ведь войска уже не было, да и каким духовным – языческим, христианским или исламским? И он успокоился, как успокоилась и Дахапса, с которой он жил. Погасли, стали бесцветными когда-то яркие, искристые ее глаза.

Мстислав, храня верность обету, в 1022 году воздвиг в Тмутаракани церковь Пресвятой Богородицы. В этом храме крестили сыновей язычника Ридады, обратив в православную христианскую веру. В крещении Дзепш

стал Юрием, а Зафес – Романом. Роман же стал зятем Мстислава, женился на его дочери. Шли годы, и кровь Ридады растеклась по прославленным княжеским, боярским и дворянским родам России¹.

В княжеском войске Мстислава видное место занимала грозная, прекрасно обученная и вооруженная конница адыгов-черкесов. С нею в борьбе с братом Ярославом за отцовское наследство в 1023 году Мстислав совершил победоносный поход на Киев, закрепился на черниговской земле, а в 1024-м русско-черкесская конница возле Листвена разгромила войско Ярослава. В 1026-м Мстислав заключил мир с Ярославом. По этому договору ему отошли земли Днепровского левобережья, Чернигов стал его стольным градом, куда он переехал вместе со своей семьей и, конечно, с войском, с грозной черкесской конницей.

В 1035 году Мстислав умер, все его земли отошли к Ярославу. Что ждало детей и внуков Мстислава? По матери они – Рюриковичи – не имели права на княжеский титул, могли только занимать важные государственные посты...

Молчат летописи четырех столетий, ничего не говорят о потомках Ридады, будто они ушли в небытие, но вот Карамзин в своей знаменитой книге «История Государства Российского» пишет: «Три московских древнейших рода считали себя потомками князя Редеди. Это Добрынские, Белеутовы и Сорокоумовы-Глебовы. Их так и прозывали: «Род Редеди».

Оказывается, уже к шестнадцатому веку род Ридады разделился на несколько ветвей: Добрынские, Белеутовы, Сорокоумовы и Лопухины. Они владели обширными земельными угодьями в Волоколамском, Дмитровском, Звенигородском, Суздальском и Тверском уездах Московского княжества. Были богатыми и именитыми. А когда удельные княжества слились в единое государство – Россию, они стали занимать высокие государственные посты, были очень влиятельными людьми, приближенными царей.

Достоверно известно, что Андрей Одинец служил у Дмитрия Донского, а его сын Александр Белеут был при-

¹ Факты, использованные в «Послесловии», помимо упомянутых в нем, взяты из книги Б. Мальбахова и А. Эльмесома «Средневековая Кабарда» и статей «Род легендарного Редеди», «Первый российский генералиссимус» (М. Губжиков, М. Хафищ).

ближенным царя Василия Первого. Василий Образец стал воеводой, губернским предводителем, славился своим богатством.

Немаловажную роль сыграли потомки Ридады в восхождении на царский престол России Михаила Федоровича Романова, основоположника царской династии, правившей Россией на протяжении трех веков.

Шло время, множились, дробились семьи потомков Ридады, княжеской кровью и честью вживались они в русский народ, становясь его силой и сутью. Были среди них и высокопоставленные православные священники, в частности, известный патриарх Филарет, отец первого царя Михаила Романова.

Удивительна своей драматичностью судьба потомков Ридады Лопухиных.

В 1689 году дочь Федора Лопухина Евдокия стала женой Петра Первого – российской царицей. В 1698-м Петр разошелся с нею и отправил ее в монастырь.

При императрице Елизавете Лопухины были отдалены от царского двора, а вице-адмирал Степан Лопухин – бит розгами и сослан в Сибирь. Петр Третий некоторых Лопухиных приблизил ко двору. При Екатерине Второй Петр Лопухин получил место губернатора, пожалован был титулом князя, а Александр Первый назначил его министром юстиции, председателем Государственного Совета. Его сын Павел успешно воевал в Отечественную войну, дослужился до генерал-лейтенанта. Дочь Ивана Лопухина Варвара слыла первой красавицей Петербурга, в нее был влюблен Лермонтов, посвятил ей немало стихов, ставших классикой русской поэзии.

Когда сходятся воедино две силы, рождается могучая третья, как удар камня о камень высекает огонь. Таким удивительным огнем был потомок Ридады адмирал Федор Ушаков. (Любопытно, что первый линейный корабль Российского флота, построенный в конце XIX века, назвали «Редедя – князь касожский»). Родился он в 1745 году в семье небогатого дворянина села Бурнаково Романовского уезда Ярославской губернии. В шестнадцать лет поступил в морской кадетский корпус, а закончив его, через год стал капитаном, еще через год – мичманом, а еще через год – лейтенантом Российского Военно-Морского флота. Через

двадцать лет стал контр-адмиралом, еще через десять – адмиралом флота, но не годами и званиями определялась жизнь Федора Ушакова.

В 1780-м он удостоился великой царской милости и чести – его назначили командиром императорской яхты, но он вскоре отказался от придворной карьеры, предпочитая жизнь боевого офицера. В начале русско-турецкой войны (1788), командуя авангардом эскадры, у острова Фидониси нанес сокрушительное поражение превосходящим силам противника и был за это удостоен ордена Святого Владимира второй степени. С 1790 года, командуя Черноморским флотом, одержал блестящие победы над турецким флотом в Керченском сражении, у острова Тэндра и у мыса Калиакрия, используя созданную им маневренную тактику. За эти победы стал кавалером орденов Святого Георгия второй степени и Святого Александра Невского. Во время Средиземноморского похода 1798–1800 годов, при создании Греческой Республики Семи островов проявил себя талантливым флотоводцем, искусным политиком и дипломатом, показал образцы взаимодействия армии и флота при овладении Ионическими островами. Поздней осенью эскадра русских и турецких кораблей под командованием Ушакова овладела островом Цериги. За эту операцию он получил к ордену Александра Невского знак с алмазами и изумрудами. За взятие острова Занте был отмечен орденом Святого Иоанна Иерусалимского. В следующем году овладел крепостью на острове Корфу и был произведен в адмиралы флота Российского.

Походы, победы, награды, звания и слава не только в России, но и далеко за ее пределами.

Проходят годы, десятилетия, минует молодость, наступает зрелость, и вот созревший плод должен упасть на землю, войти в нее, чтобы... Вопросы, вопросы. Откуда ты взялся, кто ты? И не из простого любопытства, а чтобы лучше понять себя, увидеть завтрашнее, понять его и сказать свое слово тому, кто идет за тобою.

Петр Третий в угоду дворянству издал указ о предоставлении родовитым людям разных привилегий, а спустя двенадцать лет Павел Первый повелел архивным и другим

государственным учреждениям способствовать установлению родовитости и выдавать знатным соответствующие грамоты. Вот адмирал Ушаков и подал прошение на Высочайшее имя, в котором говорил, что он – прямой потомок князя Ридады, а поэтому просит удостоверить это государственной грамотой.

В. Овчинников в книге «Федор Федорович Ушаков» пишет, что в Высочайшем ответе адмиралу говорилось: «Великий князь Мстислав Владимирович князя Редедю убил, сынов Редединых крестил и во крещении дал первому имя Юрий, а другому – Роман, за Романа великий князь дал свою дочь. А у Романа сын Василий, Редедин внук. А у Василия сын Юрий... у Григория дети: Ушак да Лапоть, да Крапотка, да Илья, да Алексей, да Иван Большой, да Лев, да Иван меньшей...»

Этим ответом подтверждено, что адмирал Ушаков ведет свой род от великого князя Ридады.

Весной 1804 года адмирал Ушаков обратился к царю с челобитной о включении герба Ушаковых в Гербовую книгу родовитых фамилий России. В той челобитной, подписанной собственноручно адмиралом, говорилось: «Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение с доказательством в Герольдии принять и герб рода моего Ушаковых с изъяснением происхождения от Касожского князя Редеди внести в Гербовник...»

В 1807 году просьба адмирала Ушакова была удовлетворена, в Разрядной книге сделана запись о его происхождении от великого князя Ридады, а в Гербовнике помещен герб рода Ушаковых, о чем и была выдана адмиралу грамота с печатью.

И еще о потомках Ридады.

Век двадцатый.

Александр Лопухин возглавлял департамент полиции России. Он пытался противостоять надвигавшемуся урагану революции, но запутался в политических хитросплетениях и сам попал в тюрьму.

Дмитрий Лопухин – офицер Генерального штаба. Погиб в Первой мировой войне. Михаил Лопухин – монар-

хист, вместе с князьями Трубецкими пытался освободить Николая Второго.

И вот сегодня, в двухтысячные годы, я услышал, нет, не эхо, а живой голос многовековой давности. В телевизионной передаче из Москвы вдруг прозвучало: «Слово предоставляется княгине Наталье Владимировне Лопухиной». И она подтвердила: «Да, я из рода касожского князя Ридады».

И еще один потомок Ридады – Федор Федорович Кокоскин. Известный юрист, профессор, депутат Государственной Думы, разрабатывал закон о выборах в Учредительное собрание, один из лидеров партии кадетов после октября семнадцатого стал узником Петропавловской крепости, был убит матросами.

Все рассказанное – лишь краткие, почти пунктирные сведения истории, начавшей свой путь на поляне у Большой горы Пепау почти тысячу лет назад. Это одна могучая ветвь, пышно разросшаяся за столетия от Черного до Белого морей. И вот нагрянули татаро-монголы, век за веком все превращая в пепел, но пришло иное время, и из пепла начало восставать и восстало казавшееся мертвым...

В шестнадцатом веке пришли в Россию первые адыги. Вернее, не сами пришли, их позвала память веков, позвали пращурь.

В пятидесятых годах того же века князь жанеевцев Сибок с сыновьями Александром и Василием, крещенными в православие, были воеводами русской армии в Ливонской войне. В это же время уже налаживали деловые отношения с Россией адыгские князья Машук и Темрюк.

Темрюка Идарова называли рыцарем. Он решил восстановить былую славу адыгов-черкесов, а заодно и себя прославить. Роста он был огромного, силы почти сказочной, всегда спал под открытым небом на куске войлока, укрывшись буркой, а седло было ему подушкой, пищу потреблял самую простую. С врагами обращался по-рыцарски: не нападал неожиданно, презирал всякие хитрости, тем более коварство, каким бы лютым врагом ни был его противник. Признавал только честный, открытый бой. Воевал он на берегах Волги, Дона, против крымского хана. У него было четыре сына – Доманук, Мамстрюк, Булгай,

Солтан и три дочери – Алтынчач, Малхуруб, Гошевной. Алтынчач он выдал за астраханского царевича Бекбулата, Малхуруб – за сына хана Большой Ногайской орды – Тинехмета. Так Идаров породнился с Астраханским княжеством и Большой Ногайской ордой.

Вошло Астраханское княжество в состав России, и царь Иван Грозный подарил Бекбулату и Алтынчач прекрасные земли над Окою рекой. А в 1556 году отправил хлебосольное посольство к князю Тинехмету с дорогими подарками княгине Малхуруб Черкасской, которые спустя некоторое время переезжают жить в Москву, основывают княжескую династию Урусовых. Так Иван Грозный с помощью родственных уз создавал крепкое противостояние своим недругам. Завершил он его в 1561 году – после смерти первой жены Анастасии, женившись на младшей дочери Темрюка Идарова Гошевной. В Москву ее сопровождали полторы тысячи казачьих и адыгских всадников. Впереди этой невиданной процессии ехали воевода Бутурлин, послы Мякинин и Вокшенин. 21 августа 1561 года митрополит Макарий в соборноапостольском Успенском храме совершил таинство бракосочетания царя Ивана Грозного с княжной Гошевной.

Шли навстречу такому объединению и адыги. В 1558-м в Москву отправилось адыгское посольство во главе с сыновьями Темрюка Идарова – Булгаем и Солтаном. Они обратились к царю с челобитной защитити адыгов от иноземных насильников. Иван Грозный отнесся не только благосклонно к их просьбе, но и весьма заинтересованно, потому что на Кавказе – пределы России.

Солтан остался в Москве, принял православие и стал Михаилом Черкасским.

Вспыхнула война между Турцией и Россией. Войска турок и крымчаков двинулись на Астрахань. Турции нужны были низовья Волги и юго-восточные адыгские земли, чтобы противостоять России и Ирану. Русская армия отбила нападение турецко-крымских войск и, когда они начали отступать, конница под предводительством князя Темрюка Идарова настигла их и разбила наголову, захватив богатую добычу и много пленных.

Сын крымского хана Адиль-Гирей, пользуясь обстановкой, вторгся в земли западных адыгов. Темрюк бросился на помощь, но крымское войско по численности в несколько раз превосходило его отряд. Адыги потерпели поражение. Мамстрюк и Булгай попали в плен, сам Темрюк Идаров-Черкасский был тяжело ранен и в 1557 году умер.

Мамстрюк Темрюкович Идаров-Черкасский являлся старшим братом жены Ивана Грозного. Мамстрюк приехал в Москву впервые в 1565 году: «Того же месяца июня в 17 день приехал из Черкас, – отмечается в «Полном собрании русских летописей», – к Москве Мамстрюк – князь Темрюкович. И царь и великий князь велел ему за собой ехать в Александрову слободу. И челом ударил царю и великому князю Мамстрюк... от отца своего от Темрюка-князя, что Темрюку-князю пришли многие тесноты от черкас и непослушны во всем. И государь бы пожаловал, послал рать в Черкасы и от непослушных его велел обороняти».

Мамстрюк Темрюкович Идаров-Черкасский оставил неизгладимое впечатление в памяти русского народа. Его пребывание в России широко отражено в русском фольклоре в виде сказаний и многочисленных вариаций исторической песни о нем, что вдохновило Лермонтова на поэму «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

В песнях и сказаниях часто он называется любимым царским шурином. Как свидетельствуют документы, по душе пришелся царю брат его жены, поразивший его своими ростом, силой и удачью. «Ой, ты гой еси, черкасский князь, велик ростом уродился ты...» Эти слова из песни о Мамстрюке подтверждаются и в «Родословной адыгских князей», где говорится: «А Мамстрюк добр был собою гораздо, и боялись его в Кабарде». В исторической песне о «Мамстрюк-Кострюке» отражены вполне реальные события и имена: Иван IV, Темрюк, Мария, Мамстрюк и другие. Она была, как признаются многие фольклористы, одной из наиболее популярных исторических песен XVI века, известной огромным количеством записей. За сюжетом этой песни о Мамстрюке стоит эпизод, имевший место в дни его пребывания в Москве.

Мамстрюк Идаров в конце сентября 1565 года простился с сестрой – царицей Марией, с зятем-царем и выехал из столицы. Выполняя просьбу своего тестя Темрюка Идаровича, Иван Грозный отправил с Мамстрюком в Кабарду Матвея Ивановича Ржевского со стрельцами и казаками. А другой отряд стрельцов, возглавляемый воеводой Иваном Дашковым, отправился пешим путем, и, соединившись, они во главе с Мамстрюком войной вступили в Большую Кабарду во владение непокорных Темрюку Идарову феодалов Пшеапшоко Кайтукина, сторонников Крымского ханства.

В 1570 году Мамстрюк с младшим братом Булгайруком во время набега на черкесские земли крымского царевича Адъль-Гирея попал в плен. Несмотря на обострение отношений с Крымом, Иван Грозный делает все возможное, чтобы выволить братьев своей покойной жены. Вот что он пишет хану Давлет-Гирею: «Слух до нас дошел, что... сыну твоему Адъль-Гирею царевичу попали в руки Темрюковы княжие два сына Мамстрюк и Булгайрук. И ты б для любви Темрюковых княжих детей Мамстрюка и Булгайрука к нам отпустил с моим послом Афанасием Нагим, не постоял бы за них... отпустил бы их к нам, а у нас чего попросишь, и мы против не постоим».

Иван Грозный не оставляет и впредь попытку выволить из плена сыновей Темрюка Идарова-Черкасского. Царский посланник Шапкин, прибывший в Крым по поручению Ивана Грозного, передал подарки и «поклон государевый» Булгайруку, находившемуся в плену в Мангупе, а также посол встретился с Мамстрюком, который был в Бахчисарае. Мамстрюка держали в подземелье, закованным в цепи. Он очень обрадовался, что сможет освободиться из плена, раз русский царь помнит о нем. И все же Мамстрюк Идаров оказался на свободе, но как ему удалось вырваться из крымского плена, пока остается тайной. Может быть, его выручили родственники, возможно, он бежал, а может быть, Иван Грозный открыл дело по освобождению Темрюковых детей. Пока на это нет документов. Также неизвестно, что стало с младшим – Булгайруком.

В 1578 году Мамстрюк Идаров-Черкасский по призыву Ивана Грозного идет с военным отрядом к нему на службу. Он доказывает Москве и новому царю Федору Ивановичу свою преданность и просит помощи для обороны адыгских земель от турок и крымских татар. Активными проводниками российских интересов были князья Идаровичи – Черкасские и в первую очередь после смерти Темрюка – его сыновья Домануко и особенно Мамстрюк.

Авторитет Мамстрюка Идаровича Черкасского в официальной России высок. Его боялись враги, а друзья любили и гордились им.

В самом начале XVII века Мамстрюк вместе со старшим братом Домануком был приглашен в Казиевскую Кабарду якобы для урегулирования давних споров, взаимных недовольств и обид, существовавших между этими могущественными родами. Трудно себе представить, к чему бы привели их переговоры, какое невыполнимое заранее условие хозяева поставили бы перед гостями, которых, как свидетельствуют документы, держали «два дня скованных и на третий день убили». Мужественные братья не изменили принципу, завещанному их отцом, и предпочли смерть измене долгу. Дети Мамстрюка тоже пошли по стопам отца и деда – уехали на службу в Россию.

Михаил Темрюкович Черкасский. Как упоминалось, сын Темрюка Идарова Солтан приехал в Москву восемнадцатилетним юношей и очень понравился царю. Иван Грозный велел ему принять православие, приказал обучить грамоте и военным наукам.

При Иване Грозном в 70-х годах XVI века была впервые составлена история Руси, известная как Лицевой летописный свод. Среди многочисленных цветных миниатюр, иллюстрирующих важнейшие события и эпизоды русской истории, около двух десятков посвящено связям и сношениям России с Черкесией – западными адыгами и Кабардой. Одна из этих миниатюр посвящена Михаилу Темрюковичу Черкасскому: здесь сцены приезда, крещения и обучения грамоте Михаила-Солтана. Можно предположить, что он был первым адыгом, получившим высокое для того времени образование в России.

Все так и было. В отца могучий, сильный и смекалистый Михаил вступил в царское войско, быстро поднимался по военной лестнице. Уже в 1559 году, как писал знаменитый воевода – князь Дмитрий Вишневецкий, еще совсем молодой воевода Михаил Черкасский со своим войском разгромил сильную дружину конников, угрожающе двигавшуюся из южных пределов России. В 1563-м он штурмует, как считалось, неприступную крепость Полоцк, очень важную для России в стратегическом отношении. Не очень щедрый на похвалы Иван Грозный восхищен молодым воеводой, приближает его к себе, щедро одаривает, награждает, женит, делает родственником именитого боярина Захарьина-Юрьева. В тридцать лет Михаил Черкасский – российский боярин. Неутомимый и талантливый, он занимается переустройством российской армии, заботится об улучшении ее вооружения, о повышении подвижности. Он был владельцем громадных земельных угодий, одним из богатейших людей России. О. Л. Опрышко в книге «По тропам истории» пишет: «Сын Темрюка Идарова Михаил Черкасский стал первым человеком в государстве после самого царя. Сидел первый в Боярской Думе и, при перечислении думных списков, назывался всегда первым...»

Во время одного из нападений крымского хана на Москву русское войско под командой князя Михаила Черкасского не смогло противостоять татарам численностью в сто двадцать тысяч воинов. Хан Давлет-Гирей взял Москву, разграбил и сжег ее, многие москвичи были убиты, угнаны в рабство.

Царь Иван Грозный бежал в Ярославль.

Летом 1571 года боярина Михаила Черкасского доставили в Александровскую слободу и казнили.

Вот что пишет Н. М. Карамзин: «Шурин Иоанов, князь Михайло Темрюкович, суровый азиат, то знатный воевода, гнуснейший палач, осыпанный милостями и ругательствами, многократно обогащаемый и многократно лишаемый всего в забаву царю, должен был с полком опричников идти вслед за Давлет-Гиреем: он вступил и вдруг, сраженный опалюю, был посажен на кол...» Писатель К. Бадигин в романе «Корсары Ивана Грозного» свидетель-

ствует: «Царь устремился странными глазами на своего главнокомандующего. На губах появилась желтая пена, усы встопорщились, пальцы рук сводила судорога. Князь Михаил Черкасский попятился к дверям... Взять его! – Длинный царский палец указал на перепуганного князя. – На кол!.. – Царские телохранители со всех сторон бросились на главного воеводу. Почувствовав, что ему пришел конец, Михаил Темрюкович выхватил саблю и стал отбиваться...»

Быть может, так окончилась жизнь одного из самых преданных Ивану Грозному людей Михаила Темрюковича Черкасского...

Саид-Булат – внук Темрюка, сын его дочери Алтынчач. Судьба Саид-Булата схожа с трагической судьбой родного дяди Михаила Черкасского. Он был среди тех, кто сопровождал до Москвы тетю Гошанэ, когда ее отдали в жены Ивану Грозному. Зять Темрюка Бекбулат и внук Саид-Булат, сопровождая Гошевной, намеревались остаться при царском дворе и нести там службу.

Спустя некоторое время царь щедро одаривает шурина – назначает Бекбулата ханом находящегося под его вассальной зависимостью Касимовского ханства, расположенного на Оке. В те времена и в Москве, и в Казани немало было татарских князей, мечтавших о ханстве. После смерти отца Саид-Булат, получивший хорошее образование в Москве, становится наследником Касимовского княжества. Здесь умерла и здесь похоронена его мать – Алтынчач. Несмотря на то, что его тетя Гошевной умерла, Иван Грозный не изменил к молодому хану доброго отношения.

Саид-Булат мужественно и честно воевал на Ливонской войне, он приобретает известность не только в Москве, но и в других княжествах. Царь охотно и неоднократно посещает Касимовское ханство, доверяет Саид-Булату, находит здесь душевное отдохновение. Они вместе ездят на охоту, обсуждают государственные дела.

Царь оказывает столь высокое доверие и внимание Саид-Булату не только потому, что тот доводится ему родственником, он видит, что молодой хан безгранично верен ему, и имеет в отношении него тайные намерения.

С целью укрепления своей власти, создания единого централизованного государства, разгрома препятствующих этому князей и бояр Иван Грозный делит русское государство на две части. Одной он правит с помощью опричнины, а другой правят бояре по старым законам.

Опричнина сопровождалась грабежами, насилием, поборами, пожарами. Опричники добираются и до княжеств, оставшихся в руках бояр. Страну доводят до разорения и нищеты. Иван Грозный достигает своей главной цели, и хотя опричнина довела страну до крайней бедности, добивается почти полного уничтожения обветшалых феодальных законов, убирает с пути большинство противостоящих ему князей и бояр и укрепляет свою власть. Тем самым подготавливает почву для создания единого централизованного государства. Учитывая, что оставшиеся князья, бояре и священнослужители недовольны им, что народ вконец обнищал, участились случаи предательства и разбоя, Иван Грозный оставляет себе лишь часть опричников, а остальных распускает. Он решает чужими руками реализовать свои намерения, которые не удалось осуществить ранее. В 1574 году, как пишет К. Валишевский в книге «Иван Грозный», титул «великого князя всея Руси» Иван Грозный передал вызванному из Касимова Саид-Булату, обращает его в христианскую веру, женит на княжне Анастасии, дочери Мстиславского, нарекает его Симеоном, жалует ему одну из восьми царских корон, царский посох. Так Саид-Булат-Симеон, внук адыгского князя Темрюка Идаровича, становится «великим князем и государем всея Руси».

Иван Грозный на виду у всех начинает ездить с поклоном к «новому великому князю и государю Руси». По примеру бояр, являясь к Симеону, он садится поодаль от царского трона, где восседает его ставленник. Свои челобитные «к великому князю Руси Симеону Бекбулатовичу», как пишет К. Костомаров в книге «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», Иван IV начинает так: «Государю и великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси, Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом и Федорцом челом бьют...» Всем этим Иван Грозный хочет показать правителям тех народов, которые

подвластны ему, как высоко ценит их власть. Тем не менее он не полностью вверяет царство в руки Саид-Булата-Симеона, осуществляя лично руководство многими делами.

В период с 1574-го по 1576 год, пока правил Симеон-Саид-Булат, Иван Грозный руками своего ставленника отнимает много земель и имущества, находящихся во владении церковью, осуществляет дела, которые не осилили опричники, ставит бояр и духовенство в тяжелое положение, старается показать, что новый «великий князь и государь всея Руси» не менее твердо и жестоко расправляется с ними.

В самом начале второй половины 1576 года Иван Грозный вернул себе царский трон и тотчас возвращает церкви отобранные Симеоном земли и богатства. Тем самым завоевывает признание духовенства. А самого Симеон-Саид-Булата он отправляет на княжение в Тверь. По свидетельству тогдашних летописей, Симеон был мягким, необидчивым человеком, лишенным хитрости и корысти. До 1596 года он правил подданными своего княжества кротко, всячески защищая и охраняя их интересы и покой, не обременяя тяжелыми поборами.

После смерти Ивана Грозного и его бездетного сына – нового царя Федора Ивановича Борис Годунов захватывает царский престол, а Саид-Булата отправляет в деревню Кушалино, где по его приказу он был ослеплен.

Ставший царем Лжедмитрий I, боясь Симеона, отправляет его в монастырь, где тот получает новое имя – Стефан. После убийства Лжедмитрия царем становится боярин Василий Шуйский. Новый государь тоже опасается Саид-Булата-Симеона-Стефана и велит отправить слепого старца в далекий северный Соловецкий мужской монастырь.

Позже Саид-Булат присылает в Москву прошение, и в 1612 году Дмитрий Пожарский помогает ему поселиться близ столицы в Кирилло-Белозерском монастыре. Можно считать, что в облегчении его судьбы приняли участие родственники – Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович Черкасские.

Внук адыгского князя Темрюка, племянник русской царицы Марии Темрюковны Черкасской, касимовский хан, «великий князь всея Руси и царь» в 1574–1576 годах,

Симеон-Саид-Булат Бекбулатович скончался в 1616 году и похоронен в Симоновском мужском монастыре в Москве.

Василий Карданукович Черкасский – племянник жены Ивана Грозного Гошевной, командовал полками в последние годы царствования Ивана Грозного.

Следует заметить, что все Черкасские – судьбою что ли так предназначено – очень быстро возвышались, занимали важные государственные и военные посты России и по-разному покидали их.

Вот как сложилась судьба Василия Кардануковича. 1582 год – воевода Московского Большого полка. Несколько лет служил воеводой Главного полка на Оке, охранял границу, противостоял крымскому хану и ногайцам. Весной 1589-го – первый воевода полка в Кашире. В 1591-м крымский хан напал на Россию. Князь Василий, командуя передовым полком в Туле, успешно противостоял ему. Затем возвращается на Оку, где семь лет служит воеводой Большого полка.

В 1599 году князя Василия Кардануковича приглашают на обед в честь Густава, сына шведского короля. В 1601 году он – в составе делегации, встречавшейся с послом Дании. В 1602-м участвует во встрече Иоганна, сына датского короля. В 1604 году царь направляет его воеводой в Смоленск, где он пробыл до зимы 1605-го.

Во время правления Шуйского князь Василий Черкасский оказался не у дел, уехал в свое имение в Песочном Рязанского уезда, подаренное ему Борисом Годуновым якобы за то, что помог ему занять царский престол.

Нет сведений, где и что делал князь Василий Черкасский во время правления Бориса, его падения, но достоверно известно, что Лжедмитрий I в проекте своего Указа назвал его, очевидно, за какие-то заслуги членом Государственной Думы, боярином.

Борис Камболетович Черкасский на русской службе с 1577 года, а в 1582-м уже был воеводой Большого полка в Новгороде.

В 1591-м крымский хан Казы-Гирей напал на Россию стотысячным войском. Воевода Тульского Большого полка князь Борис Черкасский показал себя талантливым пол-

ководцем – разгромил значительно превосходящие войска хана, за что был удостоен титула боярина и снискал славу самого знаменитого и уважаемого русского воеводы.

Англичанин Флетчер в книге «О Российском Государстве» пишет: «Большим воеводой или генералом бывает теперь обыкновенно, в случае войны – один из следующих четырех: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Борис Камболетович Черкасский, князь Иван Михайлович Глинский и Трубецкой».

Борис Черкасский женился на дочери Никиты Романова, племяннице первой жены Ивана Грозного и сестре сына Никиты – Федора, который впоследствии стал патриархом России под именем Филарет. У Бориса и Марфы Черкасских было трое детей: Иван, Ирина и Ксения. Ирина стала женой Федора Ивановича Шереметева, а Ксения – Ивана Дмитриевича Колычева.

Борис Камболетович Черкасский обладал недюжинным государственным умом, пользовался огромным уважением, ему оказывали большие почести за ратные дела.

Несмотря на это, и новый царь Борис Годунов считал его своим врагом. Причиной тому – близость к Романовым, оспаривавшим у Годунова царский трон. Он жестоко расправился с ним. В 1569 году князя Бориса Камболетовича Черкасского арестовали, заковали в кандалы, приковали цепью в остроге якобы за намерение убить царя. Годунов и его приближенные не посмотрели на большие заслуги Черкасского перед Россией, на его княжеское происхождение и даже на преклонный возраст: заслуженного воеводу и боярина содержали в кандалах, прикованного цепью.

Впоследствии князь Борис с женой Марфой и дочерьми Ириной и Ксенией был сослан в Белозерье. С ними был пятилетний сын Федора Никитича Романова Михаил. Черкасские заменили малышу отца и мать, воспитывали будущего основателя династии российских царей вместе со своими дочерьми в добропорядочности и благолепии.

Князь Борис Камболетович Черкасский, которого можно и должно назвать по его делам и благородству души великим, умер в 1601 году.

Ивана Борисовича Черкасского, как и отца, лишили всего имущества, заковали в кандалы и сослали в Вятку, потом – в Нижний Новгород, а после смерти отца ему разрешили вернуться в Москву. Хотел Годунов, чтобы Иван Черкасский служил ему, но тот отказался и жил в Останкино, в возвращенном ему имении.

А в России наступила пора безвременья, ее одолела смута. Самозванец Гришка Отрепьев, назвавшийся царевичем Дмитрием, стал заискивать перед Иваном Черкасским, склоняя его на свою сторону. Иван, одержимый ненавистью к Годунову, обещает ему поддержку. Самозванец, заняв Москву, повелел перевезти из Белозерья останки Бориса Камболетовича Черкасского, с почетом захоронить в Новоспасском монастыре.

Иван Борисович Черкасский, хотя и обещал, но практически ничем не помогал Отрепьеву-Лжедмитрию и даже пожалел, что поддался своему чувству ненависти к Годунову. Горько и больно ему стало: пришельцы ведь топтали не только землю, но и честь, достоинство России, которой верно служили князья Черкасские, для которых она тоже стала великой родиной. И когда в России появился Лжедмитрий II, князь Иван Черкасский решительно выступил против него. Василий Шуйский, правивший в то время государством, назначил Ивана Борисовича Черкасского предводителем войска нового царства.

В 1613 году Земский собор избрал царем России сына патриарха Филарета Михаила Федоровича Романова, который в Белозерье воспитывался в семье Черкасских. С первого дня Иван Борисович становится верным молодому царю. Он занимает высокие посты в Стрелецком, Иноземном, Казенном Дворе, в Большой Казне, а после смерти отца царя Филарета князь Иван Борисович Черкасский – глава Российского правительства, во многом определяет политику России с иностранными государствами. Он удостоивался самых высоких наград и поощрений. В России того времени было четыре самых богатых человека, второй из них после Дмитрия Пожарского – Иван Черкасский.

Умер выдающийся государственный деятель России князь Иван Борисович Черкасский в 1642 году, похоронен в Новоспасском монастыре рядом со своим отцом.

Иван Борисович Черкасский был женат на адыгской княгине, но детей у них не было, и его несметные богатства поделили между собой Дмитрий и Яков Черкасские.

Дмитрий Каншао Мамстрюкович Черкасский был ближайшим родственником Михаила Темрюковича Черкасского, ставшего первым из адыгов боярином России, имя которого упоминается в письменных источниках времен царствования Бориса Годунова. Как и его предшественники, вначале он не знал, на чью сторону стать. Но позже свою ошибку Дмитрий Черкасский исправил и оружием доказал преданность России: и в борьбе с внешними врагами, и в противостоянии с Лжедмитрием II он воевал на стороне Дмитрия Пожарского. Возвратившись в Москву, как пишет В. Баншиевич в «Русском биографическом словаре», при въезде в Кремль через Спасские ворота Дмитрий Черкасский ехал рядом с Пожарским, справа от него. После освобождения Москвы войско Черкасского очистило от казаков, воевавших на стороне Лжедмитрия, Углич и другие города. Вместе с царским стольником Михаилом Бутурлиным Дмитрий Черкасский освободил Вязьму, Дорогобуж, крепость Белую и город Смоленск от польско-литовских завоевателей.

За преданную службу России Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому был пожалован особый золотой знак, а в 1619 году ему присвоили титул боярина. Он командовал полками в Казани и Сибири, охранял восточные земли России, затем был переведен предводителем войск, находившихся на юге страны. Его младший брат Гуж, в крещении Владимир, тоже служил русским воеводой. Сам Дмитрий Мамстрюкович Черкасский состоял в Боярской Думе 32 года. Умер в 1656 году.

Яков Куденетович Черкасский начал свою деятельность в довольно зрелом возрасте, но за сорок лет успел сделать столько, что этого, как говорят, хватило бы на пятерых.

Он был одним из самых богатых людей России XVII столетия, имел пятьдесят тысяч крепостных крестьян. Больше двадцати лет Яков Куденетович Черкасский заседал в Боярской Думе, занимал самые высокие посты государства, вплоть до главы правительства, в сущности был вторым лицом в России после царя.

Как уже говорилось, князья Черкасские обладали способностью возвышаться стремительно, иногда почти фантастически быстро.

В 1624 году он был обращен в православную веру, стал Яковом и тут же был назначен царским стольником, о чем иные дворяне всю жизнь мечтают, а всего лишь через два года, когда женился молодой царь Михаил Романов, в качестве доверенного жениха сидел за одним столом рядом с невестой, пока жених не придет. Таков был старинный обычай. И, конечно же, Яков Куденетович вызывал великую зависть у знатнейших сановников. Но это был еще не предел. Через три года, в 1632 году, умер бездетный Минин, его село Богородское отдают Якову Черкасскому, а еще через год – все дома покойного в Нижнем Новгороде.

Среди лиц, окружавших царя Алексея Михайловича, Яков Куденетович Черкасский был одним из самых выдающихся. При коронации Алексея Михайловича в 1654 году он был главным стольником. В книге «Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, всей Руси самодержцев» по этому случаю сообщается, что Яков Черкасский «...первым перед государем ходил и вино наряджал на государевом столе». В том же году ему пожалован боярский титул, он становится ближайшим сподвижником отца будущего императора Петра Первого и непримиримым врагом всемогущего царского воспитателя боярина Бориса Морозова, увидевшего в нем опасного для себя конкурента во влиянии на царя.

Затем новое возвышение, еще один взлет: вступивший на российский престол Алексей Михайлович приблизил к себе опять же Якова, но боярину Морозову не по душе пришлось отношение молодого царя к Якову; из-за его коварства князя Черкасского отсылают из Москвы вое-

водой на север, но... москвичи, не довольные самодурством и жестокостями боярина Морозова, взбунтовались. Спасая свою жизнь, он бежит из Москвы, а царь вызывает из ссылки князя Якова Куденетовича Черкасского и назначает главой правительства. Однако мерзостям боярина Морозова нет предела, он клеветает на Якова Куденетовича, выливает на него ушаты грязи. Не очень-то искусственный, в грязных и подлых играх, царь Алексей отлучает его от службы и всех государственных дел.

И опять же но...

По обращению гетмана Б. Хмельницкого и по решению Земского собора в 1653 году Украина воссоединяется с Россией и решает освободить украинские земли от польских и литовских захватчиков. Царь Алексей поручает это святое дело князю Якову Куденетовичу. Воевода Черкасский разбивает войско литовского князя Радзивилла, а потом и польского – Яна Казимира.

Яков Куденетович Черкасский заседал в Боярской Думе 21 год. Вклад его в укрепление и расширение русского государства и строительство вооруженных сил огромен.

Евдокия Прозоровская родила Якову двоих сыновей, Ивана и Михаила, и двух дочерей, Евдокию и Анну. Умирая, князь Яков Куденетович Черкасский наказал детям:

«Не забывайте и любите древнюю землю адыгов, вашу землю, и землю российскую, тоже вашу землю, единой любовью, как любили мы – ваш отец, дед, прадед...»

Умер князь Яков Куденетович Черкасский в 1666 году, похоронен в Новоспасском монастыре.

Григорий Сунчалеевич Черкасский. Кто-то из мудрецов сказал: «Говорят, хитросплетения жизни чаще всего бывают запутаны и непонятны, а смерть – проста и понятна, как обнаженный меч. Это неправда. Если в жизни бывает иногда хоть что-то понятным, то смерть темна и непроницаема, как сама могила. К тому же смерть часто бывает коварной».

В какой-то степени это относится и к князю Григорию Сунчалеевичу Черкасскому. Человеком он был, как говорят, везучим. Удачи его начались в ранней молодости. В 1645 году он стал царским стольником, потом боярином,

красавицу жену ему высватал сам всемогущий граф Федор Шереметев. Почти двадцать лет он был среди приближенных царя. В. Бенешевич пишет о Григории Черкасском: «Во время разных походов царя, поездках на богомолье, он ездил рындой с Государем, жил с ним в одной комнате; во время торжественных обедов у царя вина наряжал; среди стольников он показан во всех случаях на первом месте».

В 1660-м царь с великим доверием посылает князя Григория Сунчалеевича в Астрахань, а потом в Царицын, который воевода отстроил и обнес неприступными каменными стенами.

Григорию Сунчалеевичу Черкасскому была оказана великая честь участвовать в крестинах сына царя – Алексея, отца будущего императора России Петра Великого.

В 1672 году Григория Сунчалеевича Черкасского настигла внезапная смерть. Кто убил, за что, почему? Смерть его оказалась темной, непроницаемой, как черная могила.

Михаил Алегукович Черкасский возвысился тоже рано – стал воеводой Новгородского полка, боярином. Досужие языки говорили: «Да он воеводой и родился на белый свет».

Так ли, нет ли, но в войнах с Турцией и Крымом он показал себя искуснейшим полководцем.

Бантыш-Каменский в словаре «Достопамятные люди русской земли» пишет: «Князь Михаил Алегукович в 1679 году, предводительствуя многочисленным войском, удержал турок и татар от вторжения на Украину, нанес последним значительный урон под Киевом».

В тот год князь Михаил Алегукович Черкасский стал боярином.

В своей книге «Чтения и рассказы по истории России» С. М. Соловьев приводит список самых знатных, самых влиятельных князей того времени. Он называет 16 фамилий в порядке их значимости: «1. Черкасские, 2. Воротынские, 3. Трубецкие, 4. Голицыны, 5. Хованские, 6. Морозовы, 7. Шереметевы, 8. Одоевские, 9. Пронские, 10. Салтыковы, 11. Шеины, 12. Репнины, 13. Прозоровские, 14. Буйносовы, 15. Хилковы, 16. Урусовы».

Весной 1682 года восстали стрельцы, хотевшие посадить на царский престол угодную им Софью, старшую сестру Петра и Ивана. Будущему Петру Великому в то время было десять лет. Сторону братьев взял Михаил Алегукович Черкасский. Академик Н. Г. Устрялов писал: «Сильною опорой служил им доблестный боярин Михайло Алегукович Черкасский, неустрашимый в боях, уже убеленный сединою... Муж чести и правды, он жестко осуждал все действия любимцев Софьи».

Это князь Михаил Черкасский создал «потешные полки», сыгравшие важную роль в жизни юного Петра Алексеевича. Офицером Преображенского полка служил Андрей Черкасский, сын князя Михаила. Потом Андрей возглавлял посольство в Европу, где инкогнито, под именем Петра Михайловича, был царь Петр Первый.

Главной заботой Петра Первого было создание военно-морского флота и армии. Их первым генералиссимусом 14 декабря 1695 года стал Михаил Алегукович Черкасский. Об этом историческом факте А. Г. Брикнер в книге «Иллюстрированная история Петра Великого» пишет следующее: «Важным явился вопрос о Главном начальствовании. Нельзя было и думать поручать начальство «Консилию», как в 1695 году. Вопрос был решен 14 декабря этого же года. Петр Первый пригласил Гордона на совет, на котором присутствовали также Лефорт и некоторые лица... Сначала генералиссимусом был избран князь Черкасский, которого по его болезни впоследствии заменил боярин Шеин». В 1698 году Михаил Алегукович принимает активнейшее участие в расследовании дела стрелецкого бунта. На полотне художника Сурикова «Утро стрелецкой казни» на первом плане крупно, в боярской одежде, с длинной бородой – неистовый князь Михаил Алегукович Черкасский.

Петр Первый предпринимает форсированное строительство и укрепление флота, придает ему большое значение как важной части вооруженных сил на южном и западном направлениях. Михаил Алегукович Черкасский внес деньги на строительство двух боевых кораблей. Об одном из них, как написано в книге «Кабардино-русские

отношения», Петр Первый отзывался как «об одном из лучших».

Римский посланник Иоанн Корб в книге «Дневник поездки в Московское государство» отмечает: «Князь Михаил Алегукович Черкасский, достоуважаемый по своим летам и характеру, честностью непорочной жизни и своей почетной сединой заслужил всеобщую любовь. В бытность нашу в Москве царь Петр Первый, отправляясь в Азов, назначил князя Черкасского своим наместником...» Упомянул посланник также и Андрея Черкасского, царского стольника, к которому с большим уважением относился царь. К сожалению, Андрей умер молодым, не смог так полно раскрыться, как его многомудрый отец.

Возвратившись из Европы, Петр Первый, издал указ о запрещении ношения бороды, разрешив ее носить только троим: «Патриарху Руси, князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому и Стрешневу Тихону Никитовичу».

Умер Михаил Алегукович Черкасский в 1721 году. Его внуки тоже были уважаемыми и известными людьми в России. Александр Андреевич – генерал-поручик, кавалер ордена Александра Невского. Петр Андреевич – генерал-аншеф, губернатор Москвы. Улицы Москвы Большая и Малая Черкасская – памятник роду князей Черкасских, многовековой дружбе русского и адыгского народов.

Александр Андреевич Черкасский. По отцовской линии он – князь Черкасский, а по матери – из князей Куракиных, родственник известного канцлера России Алексея Черкасского. В 1708 году в чине полковника воевал против шведов, в 1730-м – советник императрицы Анны Иоанновны, в 1732-м – Смоленский губернатор, а в 1734-м за предательство приговорен к смертной казни...

Это было черное время России – бироновщина, время разграбления богатств страны, жестокого преследования недовольных, время слезки, доносов. Оклеветанного завистниками князя Александра Андреевича Черкасского, советника императрицы, человека честного и неподкупного, судят, приговаривают к смертной казни. Правда, императрица заменила смертную казнь на пожизненную ссылку в Сибирь, в Жигановское зимовье, лишив его всех званий, конфисковав имущество. В 1735 году он прибыл

на место ссылки. Все время заключения находился под стражей в отдаленном от селения доме, его постоянно сопровождали два вооруженных солдата. Под таким строгим присмотром Александр Андреевич Черкасский прожил более пяти лет. Однако в 1739 году клеветник Красно-Милашевич сам попался на очередной подлости, был приговорен к смерти и признался, что оговорил князя Александра Андреевича Черкасского.

В 1742 году, вероятно, как великомученику императрица присваивает князю Александру Андреевичу Черкасскому звание генерал-лейтенанта, награждает орденом Александра Невского, возвращает имение, где он и умирает в 1749 году.

Михаил Яковлевич Черкасский. Много важных, а то и просто удивительных дел свершили в России и для России князья Черкасские, на такие государственные высоты поднимались, выше которых уже и не бывает, – ведь было же, когда князь Михаил Алегукович во время поездки Петра Первого в Азов оставался в Государстве Российском наместником царя!

Но было в судьбе Черкасских и еще одно явление, о котором также осталась память в веках.

Донской казак Ермак Тимофеевич покорил Сибирь. Но что это такое – Сибирь? На самых быстрых перекладных скакунах можно скакать неделю, три, месяц – и не доскачешь до ее предела. А что такое мороз сорок, пятьдесят градусов? Как можно было объяснить южанам? Богата была европейская часть лесами, но как можно сравнить ее с бескрайней сибирской тайгой? А какой край мог сравниться с Сибирью по запасам золота, серебра, железа, других земных чудес? Никакой!

Ермак пришел в край невиданных чудес с мечом, а кто, как и когда придет в Сибирь с лопатой, пилой, кто вдохнет в ее ледяную стынь человеческое тепло? Нужны поколения и поколения отважных, дерзких первооткрывателей. Среди них были и князья Черкасские – Михаил Яковлевич с сыновьями Петром и Алексеем.

По отзывам современников, Петр Первый относился к князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому с большим уважением, доверял ему самые ответственные дела. О том

свидетельствует продолжавшаяся несколько лет служба его воеводой Новгорода, в то время стратегически важного пограничного города. Он внес значительный вклад в укрепление северо-западных границ России, за что был возведен царем в ранг боярина.

В 1697 году царь Петр Первый направляет в Тобольск князя Михаила Яковлевича Черкасского с сыном Петром – они должны наладить поставку царю железа, меди, селитры, золота, серебра, пушнины, корабельного леса и многих других ценных материалов для развивающейся России.

Через четыре года умер князь Петр, и заменить брата приехал двадцатидвухлетний князь Алексей.

Тридцать лет пробыли в Сибири Черкасские. В своем письме князьям Черкасским царь Петр Первый благодарит их «...за неусыпное исполнение государственных дел, приумножение денежных доходов и хлебных запасов, беспристрастное и бескорыстное управление, учреждение железных заводов для отливки пушек, мортир, гаубиц, за делание в Тобольске фузей, тесаков и других орудий, необходимых к обороне не только Сибирского, но Московского и прочих государств, подвластных великому государю, также за отыскание в Сибири селитры и за верность и усердие в службе в самом Тобольске...»

В 1710 году Черкасские уехали из Сибири, а в 1712-м великий подвижник князь Михаил Яковлевич Черкасский умер, оставив продолжателем своего дела сына Алексея.

Алексей Михайлович Черкасский. Мудрец сказал: человек, живя на земле, не по гладкой степи идет, а горною тропой – вверх-вниз, вверх-вниз, то под небеса взовет его, то бросит в пропасть...

Вернулся из Сибири князь Алексей Михайлович Черкасский и воистину поднялся к небесам. Он стал родственником самого царя Петра Первого, женившись на его сестре по матери Агриппине, но... умерли маленькими их трое детей, умерла и сама Агриппина. Несколько лет он вдовствовал, а потом женился на княжне Марье Трубецкой.

Вскоре его, показавшего себя прекрасным строителем в Сибири, назначили главой канцелярии строящегося

Санкт-Петербурга, и он с присущей всем Черкасским энергией принимается за работу. Он поистине вездесущ: занимается благоустройством молодой столицы, упрямо строит на болотах и тряских низинах Петропавловскую крепость, училище гардемарин, морские причалы, лесопильные и кирпичные заводы. На свои собственные деньги, по своему проекту князь Алексей Михайлович Черкасский строит один из крупнейших судостроительных заводов-верфей.

Царь Петр Первый уважал Алексея Михайловича Черкасского не только как талантливого организатора и строителя, но и как симпатичного ему человека, а потому, как пишет Павлов-Селевановский: «...иногда запросто заезжал к нему обедать».

Пришло время, и Сибирь снова потребовала к себе серьезного внимания царя. В 1719 году он назначает князя Алексея Михайловича Черкасского ее губернатором, который по примеру отца и старшего брата работает на благо России не покладая рук.

Зимой 1725 года умирает император Петр Первый. Князь Алексей Михайлович Черкасский возвращается в Петербург. Императрица Екатерина Первая назначает его своим советником.

Екатерину Первую вскоре сменяет Анна Иоанновна, при ней Алексей Черкасский становится членом Сената.

Осенью 1731 года в России создается Кабинет Министров из трех чиновников. Это Остерман, Головин и Алексей Черкасский. А с 10 сентября 1741 года князь Алексей Михайлович Черкасский – канцлер России, глава правительства.

Дочь Петра Великого – Елизавета поручает князю Алексею Михайловичу Черкасскому подготовить манифест о ее восшествии на престол России и тронную речь. При ней он по-прежнему занимает высокое положение при дворе, остается канцлером и ведает всеми вопросами внешней политики.

Он формировал внешнюю политику: под трактатом, заключенным с Пруссией, под соглашением между Россией и Англией о взаимной защите, под конвенцией, заключен-

ной между Данией и Россией, стоят подписи главы правительства России Алексея Михайловича Черкасского.

В «Русском биографическом словаре» отмечено, что «Алексей Михайлович Черкасский и в преклонном возрасте оставался правдивым и неподкупным, ставившим превыше всего интересы и выгоды России». Это свойство как одно из высших достоинств личности князя Алексея Михайловича Черкасского подчеркивали не только его друзья-англичане, но и его противники – французы. Несмотря на то, что тогдашний посол Франции в России Шетарди получил отставку из-за Черкасского, он наказывал своему заместителю «держаться Черкасского, который безукоризненно честный и разумный старый русский и при том пользующийся доверием Императрицы...»

В конце октября 1742 года в Москве на торжествах по случаю восшествия на престол Императрицы Елизаветы князь Алексей Михайлович Черкасский заболел и слег. На другой же день Императрица посетила канцлера в его доме. В начале ноября 1742 года князь Алексей Михайлович Черкасский, находясь на вершине славы и высочайших почестей, умер.

В течение многих лет Алексей Михайлович Черкасский – осторожный царедворец и осмотрительный политик, избегавший дворцовых интриг в то сложное время и умевший ладить со всеми группами и разными дворцовыми партиями, не примыкая ни к одной из них, находился на вершине российской власти. Он оставался на высоких должностях при Петре Первом, Екатерине Первой, Петре Втором, Анне Иоанновне, младенце Иване Шестом и его регентше Анне Леопольдовне, а также при Елизавете Петровне.

О несметном богатстве его ходили легенды. Он и в самом деле был несказанно богат. На его земле в сто тысяч десятин трудилось семьдесят тысяч крепостных. Десятилетиями их труд копил хозяину богатство. Его состояние в золотом исчислении того времени было действительно невиданным.

У Алексея Михайловича Черкасского была единственная наследница – дочь Варвара. Ее руки добивался зна-

менитый поэт Антиох Кантемир, но она вышла замуж за генерала Петра Шереметева. Все богатство Черкасских в основном ушло в Останкино на создание знаменитой усадьбы Шереметевых с парком, дворцом, оперным театром и другими постройками, отделанными талантливыми художниками и мастерами, хранящими дух того времени.

Останкино – это гордость России, памятник ее талантам и, конечно, талантам князей Черкасских, памятник родственным отношениям двух народов.

Пройдут годы, десятилетия, века... Потомки великих адыгских князей Ридады и Идара, отдавая талант, свои силы и честь, со временем станут опорой Государства Российского, неотъемлемой частью самой русской истории и растворятся в ней.

Адыгское соперничество и взаимное непонимание не однажды породят кровавые стычки, а жернова Русско-Кавказской войны перемелют тысячи и тысячи судеб адыгов, разбросают их по всему свету, откликаясь в сердцах горечью и страданиями. Сколько воды унесут к Черному морю говорливые горные реки, прежде чем адыгский народ обретет спокойствие и былую уверенность.

Наши мудрые мужи, одаренные государственным умом, будут еще много раз покидать родные земли, служа России верой и правдой, обогащая ее духовные силы, укрепляя ее мощь и славу. Однако те, кому они беззаветно служили, так и не дали своему народу осуществить заветную мечту – жить единой свободной семьей.

При мысли об этом всплывают в памяти слезы горести и печали, наполняя сердце то болью, то надеждой.

Глубокий след оставили несколько веков союза с Россией, которая вошла в нашу кровь и плоть; в ее людях – частица и нашей жизни с нашими болью и обидами. С тревожной думой о прочности и хрупкости связующих нас нитей завершаю я свое повествование.

Исхак Шумафович Машбаш

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в шестнадцати томах

Том III

Рэдэд

Исторический роман

Редакторы: **Л. Э. Гоголева, М. Р. Чамокова**
Компьютерная верстка **Т. А. Косяк**

ИБ № 00

Сдано в набор 00.00.2015. Подписано в печать 00.00.2015. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «PetersburgС». Печать офсетная. Усл. п. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Полиграф-Юг».
385000, РА, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Телефон для справок (88772) 52-23-92.